

Фонд им. Фридриха
Эберта в Российской
Федерации

Образовательно-
исследовательский
и издательский центр
«Вестник Евразии»

Камчатский
государственный
университет
им. Витуса Беринга

В ПОИСКАХ РОССИИ

Серия публикаций к дискуссии
об идентичности

Том 3

Восточная Россия — Дальний Восток

AUF DER SUCHE NACH RUSSLAND

Eine Reihe zur Identitätsdebatte

Band 3

Russlands Osten — Der Ferne Osten

Санкт-Петербург
2011

ББК 60.54
В 11

*Под общей редакцией Сергея Панарина,
Феликса Хетта, Светланы Михайловой, Райнхарда Крумма*

*Redaktion: Sergej Panarin,
Felix Hett, Svetlana Michailova, Reinhard Krumm*

В поисках России: Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 3. Восточная Россия — Дальний Восток / Сост., отв. ред. Сергей Панарин, ред. Светлана Михайлова. СПб.: Интерсоцис, 2011. 496 с.

ISBN 978-5-94348-063-8

Коллективная монография подготовлена по материалам Камчатских тренингов — серии образовательно-исследовательских мероприятий, проходивших с 1 по 9 сентября 2011 г. в г. Петропавловске-Камчатском.

Организаторы тренингов — Филиал зарегистрированного союза «Фонд им. Фридриха Эберга» (Германия) в РФ, Филиал Фонда Фридриха Науманна (Германия) в РФ, Автономная некоммерческая организация «Образовательно-исследовательский и издательский центр “Вестник Евразии”» (Москва) и Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга (Петропавловск-Камчатский).

Для широкого круга читателей: студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников.

Dieser Sammelband setzt sich aus Beiträgen zu den „Kamtschatka-Trainings“ zusammen, die eine Reihe von Forschungs- und Bildungsmaßnahmen darstellten und in Petropawlowsk-Kamtschatski von 1. bis 9. September 2010 stattfanden.

Die Organisatoren des Seminars waren Friedrich-Ebert-Stiftung in der Russischen Föderation, Friedrich-Naumann-Stiftung in der Russischen Föderation, die Auto-nome Non-Profit-Organisation „Bildungs-, Forschungs- und Publikationszentrum „Westnik Jewrasii““ (Moskau) und die Staatliche Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka (Petropawlowsk-Kamtschatski).

Die Texte orientieren sich an einen breiten Leserkreis von Studenten, Doktoranten, Hochschullehrer sowie Wissenschaftler.

В ПОИСКАХ РОССИИ

Серия публикаций к дискуссии об идентичности

Том 1

Северо-Запад России — Санкт-Петербург

Том 2

Юг России — Кавказ

Том 3

Восточная Россия — Дальний Восток

Том 4

Восточная Россия — Сибирь

Том 5

Центральная Россия — Москва

AUF DER SUCHE NACH RUSSLAND

Eine Reihe zur Identitätsdebatte

Band 1

Russlands Nordwesten — St. Petersburg

Band 2

Russlands Süden — Kaukasus

Band 3

Russlands Osten — Der Ferne Osten

Band 4

Russlands Osten — Sibirien

Band 5

Russlands Zentrum — Moskau

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА СЕРИИ. Несколько слов уважаемому читателю (<i>Райнхард Крумм</i>)	6
ПРЕДИСЛОВИЕ. Поиск идентичности на Камчатских тренингах (<i>Сергей Панарин</i>)	9
Часть I. ГОЛОСА ИЗ РЕГИОНА (Говорят дальневосточники)	
Экономическое пространство Тихоокеанской России: новые особенности (<i>Наталья Воробьева</i>)	20
Владивосток: маркеры идентификации (<i>Надежда Цой</i>)	32
Хабаровск: сказочный город у китайской стены (<i>Елена Ли</i>)	48
Хабаровск: молодёжные объединения и «взрослая» молодёжная политика (<i>Михаил Бляхер</i>)	61
Молодёжь Амурской области: конец или начало пути? (<i>Ирина Новикова</i>)	71
Портрет гражданского общества: амурский профиль (<i>Анастасия Карловская</i>)	83
Наша Камчатка (<i>Анастасия Ерохина, Татьяна Захарченко, Евгения Николок</i>)	95
Мой край родной – не край земли или Образы и реалии Камчатки (<i>Юлия Файзрахманова</i>)	107
Психологические особенности личности в экстремальных условиях (на примере Камчатского края) (<i>Светлана Кондрашенкова, Ольга Ширяева</i>)	120
Хроники уездного городка (<i>Алина Кириллова</i>)	133
Часть II. ГОЛОСА ИЗВНЕ (Говорят эксперты)	
Идентичность: провинциальное и региональное измерение (<i>Наталья Дидковская</i>)	143
Культура памяти и идентичность: наблюдения на тему исторических дебатов в Германии и России (<i>Ульрике Хун</i>)	156
Временщики или атланты державности? Образы, символы и мифы дальневосточной идентичности (<i>Надежда Липатова</i>)	168
Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности (<i>Сергей Панарин</i>)	206

INHALTSVERZEICHNIS

VOM HERAUSGEBER DER PUBLIKATIONSREIHE.

Dem geehrten Leser zum Geleit (*Dr. Reinhard Krumm*) 244

VORWORT. Identitätssuche in den Kamtschatka-Trainings

(*Sergej Panarin*). 247

TEIL I. STIMMEN AUS REGION (Beiträge der Fernöstler)

Wirtschaftsraum der Pazifik-Region Russlands: neue Besonderheiten

(*Natalja Worobjowa*) 259

Wladiwostok: Identitätsmarker (*Nadeshda Zoj*) 272

Chabarowsk: eine Märchenstadt an der chinesischen Grenze (*Elena Li*) 288

Chabarowsk: Jugendgruppierungen und „erwachsene“ Jugendpolitik

(*Michail Bljacher*) 302

Die Jugend des Gebiets Amur: Beginn oder Ende eines Weges?

(*Irina Nowikowa*) 313

Zivilgesellschaftliches Profil des Gebiets Amur (*Anastassija Karlowaskaja*) . . . 326

Unser Kamtschatka (*Anastassija Jerochina, Tatjana Sachartschenko,*

Jewgenija Nikoljuk) 338

Meine Heimat liegt nicht am Ende der Welt. Kamtschatka: Wahrnehmung

und Realität (*Julia Fajsrachmanowa*) 351

Psychologische Persönlichkeitsmerkmale in Extrembedingungen

(am Beispiel der Region Kamtschatka)

(*Swetlana Kondraschenkowa, Olga Schirjajewa*) 365

Chroniken einer Kleinstadt (*Alina Kirillowa*). 380

Teil II. STIMMEN VON AUSSEN (Beiträge der Experten)

Identität: Provinzielle und regionale Dimension (*Natalya Didkowskaya*) 390

Erinnerungskulturen und Identität – Beobachtungen zu Vergangenheitsdebatten

in Deutschland und Russland (*Ulrike Huhn*) 404

Profitgeier oder Atlanten der Staatlichkeit? Bilder, Symbole und Mythen

der fernöstlichen Identität (*Nadeshda Lipatowa*) 415

Anstelle eines Nachworts: Zwölf Thesen zu regionaler Identität

(*Sergej Panarin*) 455

*Райнхард Крумм*¹

ОТ РЕДАКТОРА СЕРИИ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ УВАЖАЕМОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Без малого 70 лет назад Германия разожгла войну против Советского Союза. С победой Сталина над Гитлером для Германии завершилась вторая мировая война. Вся страна была оккупирована. Было ли это военным поражением или историческим освобождением? Немецкий писатель и Нобелевский лауреат Генрих Бёлль писал по этому поводу: «После войны, то есть после 1945 года, я, вероятно, просто наивно доверился оккупационным властям. Не немцы освободили себя сами, не я освободил себя сам, а немцы были освобождены, возможно, даже против их воли».

Кто мы, откуда мы появились и куда мы стремимся? В зависимости от перемены политического направления иногда стираются фрагменты истории, и при этом также частично меняется идентичность. Двенадцать лет господства Третьего рейха были в Германии сначала

---

¹ Райнхард Крумм — д. ист. наук, руководитель Филиала Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва.

затемнены, воспринимались как срыв истории. А кто не знает знаменитых фотографий Владимира Ильича Ленина с революционных времен, на которых его товарищ, Троцкий, был позже просто закрасен?

Ничего необычного в этом нет, напротив, это очень понятно. Каждая страна ищет свою собственную идентичность, свою историю. А история должна быть, прежде всего, большой и величественной, успешной и поступательной. Неправильное выносится за скобки. Это мы знаем как раз из истории Германии. Начиная с печальных событий новейшего времени и до сих пор, мы отчаянно ищем непрерывность в нашей истории, хотя бы с основания Рейха в 1871. При этом мы очень стараемся объяснить себе период с 1933 до 1945.

Поиск идентичности — это не проблема учёных. Вопрос касается общества и государства. Прежде всего, молодёжь хочет в этом разобраться. Темы простираются от наций и их образования через формирование идентичности к осмыслению прошлого, также благодаря людям, жившим в ту эпоху, и их сообщениям.

«Общество конституирует самое себя вначале и прежде всего через свою историю и свое общественное сознание, при помощи которых общество снова и снова отчитывается перед собой о себе самом», — пишет берлинский политолог Эккехарт Криппендорф. Общество утрачивает свою ориентацию, свой внутренний компас, если оно забывает свою историю, ничего не хочет о ней больше знать, для того чтобы сбросить мнимый балласт.

«Если одно поколение или же целый народ начинают забывать сами себя, перестают осознавать свою историю, тогда утрачиваются собственные координаты, собственные корни уничтожаются. Об остальном забывается время», — утверждает классик устной истории Стадс Теркел. Другими словами: может ли быть отечество без истории?

Но какой историей мы себя кормим? Именно на этот вопрос мы попытались ответить в этом томе, отражающем российский и немецкий опыт. Мы задаём вопросы истории, и от этих вопросов зависят ответы. Хотим ли мы иметь героическую историю по образцу, где большие мужи занимаются политикой, или историю мучеников; хотим ли мы получить историю нации или историю общества?

История и идентичность необходимы, чтобы утвердить своё прошлое и принять будущее. Поскольку есть не только история, но и настоящее, было бы опасно, если бы она задавалась сверху и не все части

общества принимали бы её для себя. Это должно исходить из всех частей общества и государства. Я закончу словами из «Западно-восточного дивана»¹:

«Кто, осмыслив ход столетий,
Не построил жизнь толково,
Тот живи себе в потемках,
Прожил день — и жди другого».

История — это и бремя, и освобождение одновременно.

---

¹ *И.В. Гёте*. «Тот французит, тот британиит» // Западно-восточный диван. М.: Наука, 1988, С. 55.

*Сергей Панарин*¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ НА КАМЧАТСКИХ ТРЕНИНГАХ

В серии публикаций и дискуссий об идентичности «В поисках России» том «Восточная Россия — Дальний Восток» занимает особое место. Не столько из-за того, что изначально он вообще не планировался, сколько из-за происхождения и содержания тех материалов, из которых он вырос. Два предыдущих тома были составлены по материалам *конференций* — достаточно традиционных мероприятий, где главная роль отводится докладам по результатам исследовательской работы. Том, посвящённый Дальнему Востоку, сложился на иной основе — на материалах, полученных в ходе подготовки и проведения трёх *образовательных* мероприятий. Проходили они с 1 по 9 сентября 2010 года в г. Петропавловске-Камчатском, почему и были названы Камчатскими тренингами (далее Тренинги), и были организованы и проведены Авто-

---

¹ Сергей Панарин — директор Образовательно-исследовательского и издательского центра «Вестник Евразии», руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН, Москва.

номной некоммерческой организацией «Образовательно-исследовательский и издательский центр “Вестник Евразии”» (далее ОИИЦ) при деятельном содействии двух немецких фондов — имени Фридриха Эберта и имени Фридриха Науманна. В высшей степени благожелательным оказалось отношение к идее Тренингов руководства Камчатского государственного университета (далее КамГУ) им. Витуса Беринга. КамГУ обеспечил организационную поддержку, выделил помещения для занятий и проживания преподавателей, компьютеры и расходные материалы.

В Тренингах участвовали 25 человек, 19 — все восемь рабочих дней. Из 19 постоянных участников 16 были студентами, аспирантами, молодыми преподавателями вузов в возрасте от 19 до 29 лет, ещё один участник был научным сотрудником в академическом институте. Эти 17 участников прибыли на Тренинги из четырёх субъектов Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ (далее ДВФО), из городов Благовещенска (Амурская область), Петропавловска-Камчатского и Елизово (Камчатский край), Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска (Хабаровский край), Владивостока (Приморский край).

Тренинги включали Школу молодого автора (далее Школа или ШМА), 1–9 сентября; Дальневосточный молодёжный форум «Провинция как место самореализации» (Форум), 1–4 сентября; Дальневосточный молодёжный семинар по идентичности (Семинар), 6–9 сентября. ШМА проходила параллельно с Форумом и Семинаром. Программы мероприятий были согласованы с руководителями Московских отделений Фонда Науманна и Фонда Эберта Сашей Таммом и Райнхардом Круммом. Первый фонд предоставил финансовую поддержку Форуму, второй — Семинару, оба — Школе. Содержательно все три мероприятия были связаны друг с другом, как будет видно из их последующего краткого описания. Правда, прежде чем к нему переходить, надо, наверное, раскрыть ключевое понятие *региональная идентичность*. На самом деле это будет сделано в конце тома — после того, как читатель пройдёт вместе с участниками Тренингов девятидневный путь то открытых, то неявных, подспудных поисков такого содержания. Тогда ответы на вопрос, что есть «региональная идентичность», покажутся ему более убедительными. Сейчас же обозначим, что имеется в виду под регионом Дальний Восток.

Сначала — о самом пространстве. В выпущенном к 50-летию СССР многотомном издании в примечании к первой же странице вводного текста о Дальнем Востоке читаем¹:

«В 1963 г. в Дальневосточный экономический район была включена Якутская АССР. Так как по многим природным условиям и ресурсам и современным экономическим связям Якутия тяготеет к Восточной Сибири, в издании “Советский Союз” она описана в томе “Восточная Сибирь”».

Как видим, представление о Дальнем Востоке существует в России в двух вариантах. Согласно первому, давнему и привычному, его образуют Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская область, Хабаровский край, Еврейская автономная область, Амурская область, Приморский край и Сахалинская область. Второй вариант, хотя и имеет полувековую историю, утвердился лишь с образованием семи федеральных округов. От первого он отличается тем, что в состав Дальнего Востока включается практически удваивающая его территорию Республика Саха — Якутия. Экономические аргументы против этого приведены выше в цитате и до сих пор сохраняют силу. Важнее, однако, восприятие самих дальневосточников. За всё время Тренингов Якутия в представлениях их участников о дальневосточном пространстве всплыла лишь дважды: первый раз — как место высоких заработков, второй — при упоминании полюса холода. Такое её выпадение убедило в правильности решения везде, где речь не идёт о ДВФО, под Дальним Востоком понимать «старый» экономический район *без* Якутии. Что касается таким образом определённого пространства, то везде в книге мы называем его регионом, а входящие в него субъекты Федерации — субрегионами.

Школа

Цели и задачи. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ цель ШМА — передача знаний, необходимых для написания научного текста, отвечающего требованиям к нему, принятым в мировом научном сообществе. Обучение искусству академического письма не предусматривается государственными стандартами образования в России. Восполнению образовавшегося

---

¹ Советский Союз. Географическое описание. В 22-х томах. Дальний Восток / Отв. ред. А.В. Марголин. М.: Мысль, 1971. С. 9.

пробела и служит ШМА. В Петропавловске образовательная цель ШМА достигалась посредством решения её слушателями двух задач: ознакомления с требованиями к структуре научной статьи, к её научно-справочному аппарату, речевому оформлению и реферированию; закрепления полученного знания через коллективное выполнение в мини-группах заданий по работе с текстом¹. Камчатская ШМА преследовала и ещё одну образовательную цель — расширить представления её слушателей об идентичности. Достигалась она благодаря тому, что тексты заданий раскрывали те или иные грани идентичности. Также слушатели должны были представить в Школу свои эссе о городах, в которых живут, и эти тексты укладывались в проблематику Форума и Семинара.

ШМА всегда присуща воспитательная цель, и Школа в Петропавловске-Камчатском не была исключением. Форма научного текста обусловлена как словарным запасом автора, знанием им правил грамматики, его общей культурой, так и степенью его внутренней свободы. Ею в значительной мере определяются выбор лексических и синтаксических средств академического письма, его тональность и стилистика. Качество текста зависит и от жизненной позиции автора, его выбора между некритическим и критическим отношением к информации, между эскапизмом и активностью, независимостью и клиентелизмом, эгоизмом и альтруизмом, монологом и диалогом. В ШМА обязательно ставится цель способствовать раскрепощению сознания участников, обучая ремеслу, учить *искусству свободных отношений свободных людей*. Этой цели служат суггестивные и интерактивные методики и атмосфера, создаваемая в Школе, когда напряжённая работа сочетается с взрывающимися смехом игровыми паузами, состязательность — с сотрудничеством, сон приносится в жертву общению, а расставание вызывает слёзы...

При подготовке Камчатских тренингов накопленный ШМА опыт синтеза строгой пропедевтики и игрового моделирования, дидактики и практики, планирования и импровизации, эмпатического вживания в образ и аналитического отстранения от предмета решено было максимально использовать не только на «школьных» занятиях, но и во время Форума и Семинара. И как стало вскоре ясно, решение это было абсолютно правильным.

---

¹ Подробнее о методике ШМА см.: Дятлов В., Панарин С. Школа молодого автора в 2002 году // Вестник Евразии, 2003. № 1 (20). С. 93–96.

Форум

Цели и задачи. С 1990 по 2008 год население ДВФО сократилась с 8 млн 064 тыс. человек до 6 млн 460 тыс¹. Причины очевидны: с 1993 года смертность почти каждый год превышала рождаемость, и ни из одного округа не было такого большого отлива населения, как с Дальнего Востока. Причём по масштабам сокращения населения ясно, что миграция из округа куда более «повинна» в его депопуляции, чем отрицательный естественный прирост.

Среди мигрантов особое значение имеют молодые люди с высшим образованием: их отток лишает край важнейшего ресурса развития, а сами они зачастую оказываются в местах въезда менее востребованными, чем это могло бы быть при благоприятных обстоятельствах в местах выезда. Появление в городах Дальнего Востока устойчивых кластеров *креативной* молодёжи всё же возможно; но для этого необходимо формирование в молодёжной вузовской среде установок на локальную творческую активность и выработка у молодых идентичности, стимулирующей желание остаться на Дальнем Востоке. Цель Форума и была в том, чтобы дать толчок формированию у его участников выраженной региональной идентичности, установок на самореализацию в регионе. Для её достижения решались две задачи: выявлялись представления об условиях успешной самореализации в месте проживания; на основе этих представлений в игровой форме очерчивались направления креативной деятельности по месту жительства.

Программа: 1) экспресс-опрос «Что значит — быть креативным?»; 2) презентации заранее подготовленных «визитных карточек» — эссе о местах проживания участников; 3) экспресс-опрос «Образ столицы — одной фразой, образ провинции — одной фразой»; 4) мини-викторина «Что я знаю о Дальнем Востоке?»; 5) круглый стол «Столица и провинция или столицы в провинциях?»; 6) ролевая игра «Бизнес — власть — культура — наука в регионе»; 7) круглый стол «Где родился, там и сошёлся? За и против»; 8) мозговой штурм «Где, как и кем могут быть созданы условия для креативной самореализации на Дальнем Востоке?»

Результаты. Как считают слушатели, быть креативным — значит быть человеком инициативным, нестандартно мыслящим, независи-

---

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. М.: Росстат, 2009. С. 101.

мым и внутренне свободным. Эти качества ни у кого не вызвали возражений. Вместе с тем, по мнению одних участников Форума, креативность предполагает активную социальную позицию; по мнению других, креативный человек может быть индивидуалистом, не ориентированным на признание и не способным вписаться в социум.

Презентации городов продемонстрировали, что на момент открытия Форума у его участников восприятие места проживания как места творчества не сформировалось либо не стало актуальным. Господствовал подход, характерный для туристического проспекта, где акцент делается на «готовом» — красотах природы и культурном наследии. Исключение — презентация Владивостока: в ней был использован проблемный подход, без чего невозможно восприятие городского пространства как поля деятельности (см. далее статью Надежды Цой).

Экспресс-опрос «Образ столицы — одной фразой, образ провинции — одной фразой» и круглый стол «Столица и провинция или столицы в провинциях?» показали, что названные участниками отличительные признаки столицы и провинции распределяются по трём одинаковым группам: первая объединяет характеристики пространственные, вторая — функциональные, третья — качественные. Но есть и важное различие: при описании столицы преобладают качественные характеристики, при описании провинции — качественные и функциональные. При этом качественные характеристики столицы акцентируют деятельностный аспект жизни в ней, высокий темп и большой ресурсный потенциал самореализации, качественные характеристики жизни в провинции — экзистенциальный её аспект («тихий уголок», «размеренная жизнь»).

Задачей викторины «Что я знаю о Дальнем Востоке» было выяснить, знакомы ли участники Форума с символами разных частей ДВФО. По ответам обоснованными представляются два вывода. Во-первых, вывод о слабом знании жителей одних городов Дальнего Востока о других его городах. Во-вторых, среди всё-таки знакомых символов наряду с природно-географическими образами всплывали и те, что связаны с возможностью самореализации в различных сферах научно-образовательной и производственной деятельности и активного отдыха.

В ролевой игре «Бизнес — власть — культура — наука в регионе» участники Форума обнаружили довольно полное представление о конкретных проблем региона и с разной степенью успешности сформулировали пути решения этих проблем. Лучше это удалось выступавшим

от лица культуры и бизнеса. Продолжением ролевой игры стал круглый стол «Где родился, там и содился? За и против», проведённый в формате авторской программы телеведущего Владимира Соловьёва «К барьеру». Стороны, представившие доводы за самореализацию в провинции и против неё, и «эксперты» в своих комментариях показали более глубокое и тонкое, чем раньше, понимание связи между возможностями самореализации и качественными характеристиками типизированных мест проживания: провинции, провинциальной и «главной» столиц.

В ходе завершившегося Форум мозгового штурма участники предложили три проекта. Первый — проект создания Дальневосточного центра этнокультурного туризма. Он предполагает объединение усилий молодых этнологов края, организацию с их помощью Союза коренных малочисленных народов Дальнего Востока, специального сайта и программы этнокультурного туризма, получение поддержки от органов власти, местного малого и среднего бизнеса. Программа предусматривает предварительное ознакомление туристов с жизнью коренных народов, обеспечение выбранных центров проживания этих народов минимальной туристической инфраструктурой, заброску в них туристов и курсы народных промыслов по месту заброски. Второй проект тоже туристический, но с акцентом на экстремальный туризм. Его логистическим центром выбран Хабаровск — транспортный узел и средоточие субъектов с разрешительными полномочиями; вклад Комсомольска-на-Амуре может заключаться в льготах на аренду производимых в этом городе самолетов; Камчатка, Сахалин, Приморье станут местами прохождения маршрутов с экстремальной «нагрузкой». Исполнители — молодые поклонники активного отдыха; источники финансирования — грант Фонда содействия молодежному малому бизнесу, инвестиции из Китая, Кореи и Японии. Третий проект — молодежный научный журнал. Его цель — предоставление возможностей публикации тем, кто только входит в науку. Предусмотрен отбор статей на основе рецензирования, привлечение бизнеса через оказание рекламных услуг журналом и экспертных — его авторами, наличие электронной версии. Издаваться журнал будет в Хабаровске, его соучредителями станут молодые ученые из городов региона¹.

---

¹ Приятно отметить, что данный проект довольно быстро перешёл из стадии игры в стадию практической реализации: в конце 2010 года появился первый номер электронного «Студенческого научного журнала». С ним можно

Семинар

Цели и задачи. Самоидентификация человека может быть представлена как соотнесение им себя с несколькими совокупностями ценностей, образов, символов и норм. Эти совокупности могут в основном согласовываться друг с другом либо резко противоречить друг другу полностью или в деталях. Первую модель идентичности можно назвать *целостной*, вторую — *шизоидной*. Порождения второй модели — политический нигилизм, эскапизм и ксенофобия. У молодежи проблемы, рождаемые шизоидной идентичностью, усугубляются возрастной и/или локальной ограниченностью кругозора, неразвитостью критического мышления. Шизоидная модель может быть сломлена методами обучающего участия, помогающими молодым людям активно подключаться к формулированию нового знания, глубоко его интериоризировать и так выходить за привычные горизонты мировидения, критически оценивать разделявшиеся ими стереотипные представления. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ и ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ цели Семинара и заключались в том, чтобы суггестивными интерактивными практиками передачи и закрепления знания способствовать развитию / укреплению целостной идентичности у его участников.

Даже при самом беглом взгляде на ДВФО очевидны резкие различия между его северной и южной частями по климату, транспортной доступности и населённости. Как следствие, возникают сомнения в наличии идентичности, общей для «северян» и «южан», и даже такой, которая объединяла бы всех «северян». То, что уже 20 лет Дальний Восток лидирует в России по миграционному оттоку, также указывает на слабость локальной самоидентификации. Резонно предположить, что люди с легкостью ею жертвуют в поисках лучших условий жизни, готовы удовлетвориться идентичностью общероссийской. Но и с той, похоже, не всё благополучно¹. Отсюда — ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ задачи Семинара

ознакомиться по адресу: <http://undergraduate-journal.org/1-1/>. Последнее посещение 07.02.2011.

¹ Свежее тому свидетельство — заключительное выступление Дмитрия Медведева на Госсовете в Уфе 11 февраля 2011 года. Там прямо ставится цель «создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну» (<http://special.kremlin.ru/transcripts/10312>). Вывод очевиден: пока ещё такая нация не сформировалась.

ра: 1) установить наличие / отсутствие региональной идентичности; 2) выявить её компоненты; 3) определить факторы, способствующие / препятствующие её формированию; 4) выяснить, есть ли на Дальнем Востоке свои особенности у российской идентичности и, если да, то какие.

Программа: 1) экспресс-опрос «Что такое идентичность?»; 2) лекция Райнхарда Крумма «Современная немецкая идентичность»; 3) экспресс-опрос «Образ России одной фразой, образ Дальнего Востока одной фразой»; 4) лекция Ульрике Хун «Дискурс памяти в Германии и России»; 5) дискуссия «Какая история укрепляет идентичность?»; 6) круглый стол «Россия и Дальний Восток: образы, мифы и реалии идентичности»; 7) ролевая игра «Создатель — распространитель — потребитель мифоидеологием идентичности»; 8) Мозговой штурм «Региональная идентичность за пределами региона: ресурс или ограничитель?» Особенностью Семинара было присутствие на нём носителей немецкой идентичности, что дало российским участникам возможность сравнения собственной идентичности с их представлениями об идентичности немцев.

Результаты. Подробно они изложены в статье Надежды Липатовой, здесь я остановлюсь только на том, что в любом случае требует упоминания в сводном обзоре Тренингов.

Первый экспресс-опрос зафиксировал довольно полное представление о феномене идентичности. Были подчеркнуты такие его аспекты, как временной и мифологический, самоопределение и определение через Другого. В ходе дискуссии российским участникам было предложено, разбившись на три группы, сформулировать событийный ряд, в котором отражался бы исторический аспект российской идентичности. Сделанные группами презентации чётко продемонстрировали: в историческом абрисе национальной идентичности фигурируют революции и войны, трудовая сторона народной жизни и истории почти отсутствуют. Были упомянуты только освоение космоса и сооружение Транссиба и БАМа. Видимо, в восприятии строительства этих железных дорог как событий, важных для всей России, отражается региональная идентичность. Очевидно также, что в представлениях молодежи о национально значимых событиях всё ещё доминирует идеологическое наследие большевизма, раз первостепенное внимание уделяется социальным потрясениям, а не созидательной деятельности и частной жизни.

Взаимосвязанными оказались экспресс-опрос «Образ России одной фразой, образ Дальнего Востока одной фразой» и круглый стол «Дальний Восток: образы, мифы и реалии идентичности». Представленные в ходе их образы России группируются в такие блоки: 1) внутренняя противоречивость и непредсказуемость, 2) державность, 3) лиричность, 4) пространство. Что до структуры региональной идентичности, то в целом можно говорить о доминировании в ней представлений, передающих природные характеристики региона, а отчасти и отражающих мифологизированные представления о Дальнем Востоке, формирующиеся за его пределами.

В ролевой игре «Создатель — распространитель — потребитель мифоиделогем идентичности» были сначала выявлены наиболее распространённые мифоидеологемы; все они оказались связаны с представлениями о внешних угрозах Дальнему Востоку и России — угрозах безопасности военной, экономической, экологической и культурной. Затем были составлены социальные характеристики создателя, потребителя и распространителя соответствующей информации, выделены их цели, проблемы с которыми они сталкиваются, и пути решения этих проблем. Вся эта процедура позволила критически оценить популярные мифы идентичности.

В заключение Семинара был проведен мозговой штурм «Региональная идентичность за пределами региона: ресурс или ограничитель?». Стало ясно, что участники представляют себе варианты использования региональной идентичности за пределами ДВФО в широком диапазоне: от полного её сокрытия до намеренной акцентуации. Те, кто настаивал на подчеркивании региональной идентичности, в немалой степени руководствовались не до конца ещё осознанными мифологизированными представлениями об её составляющих (о чём говорят высказывания типа «Мы — самые красивые», «Люди на Дальнем Востоке — самые толерантные») и оценкой этих мнимостей как эффективного ресурса за пределами региона.

* * *

Надеюсь, что краткое описание Камчатских тренингов подвело читателя к пониманию их специфики. А именно: все участники были одновременно и фокус-группой, поставляющей источниковый материал для исследовательского анализа, и субъектами такого анализа; выдава-

ли «на-гора» информацию, служившую пищей для размышлений, — и тут же с большей или меньшей степенью рефлексии подвергали её экспертной оценке. Насколько верны выводы, полученные посредством столь нетрадиционного «синтетического» метода работы, судить читателю; но я убеждён в высокой его эвристичности. Ибо то, что «заводит», ставит в ярко воображаемые и остро переживаемые мыслительные ситуации, открывает прежде не замечавшуюся грань, что доставляет интеллектуальное наслаждение, не может не быть эвристичным.

Несколько слов о структуре книги. В первой её части собраны наиболее интересные «визитные карточки», доработанные авторами после Тренингов. К ним добавлены статьи тех, кто подавал заявки на Тренинги, но по разным причинам не смог в них участвовать, и соавторов из КамГУ — С. Кондрашенковой и О. Ширяевой. Одни тексты первой части ближе к эссе, другие — ничем не отличаются от научных статей, но все они что-то сообщают вдумчивому читателю о дальневосточной идентичности. Во вторую часть включены текст доклада Ульрике Хун и три статьи, написанные ведущими Форума и Семинара. В большей или меньшей степени они опираются на материалы Тренингов и тексты первой части.

Часть I
ГОЛОСА ИЗ РЕГИОНА
(говорят дальневосточники)

*Наталья Воробьева*¹

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ:
НОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Самый восточный российский регион, Дальний Восток, традиционно позиционируется как часть Европы в Азии. Однако разворачиванию этого положения при использовании его в экономическом анализе мешают сложившиеся шаблоны восприятия региона. Они могут быть сведены к триаде «территория — население — ресурс». С одной стороны, данные характеристики действительно формируют экономическое пространство региона и отражают фактическое положение дел. С другой, триада и соответствующие ей показатели в научном отношении уже малопродуктивны, поскольку выделение их — только первый шаг в анализе особенностей региона.

---

¹ Наталья Воробьева — аспирант, преподаватель кафедры экономики и финансов стран АТР, Восточный институт, Дальневосточный государственный университет, Владивосток.

В данной статье мы постараемся показать, в чём заключаются одновременно и неизбежность, и недостаточная аналитическая продуктивность использования образующих триаду характеристик; предпринимем и попытку развить их до уровня понятийного инструментария, позволяющего выделить новые особенности экономического пространства региона и на этой базе — воспринимать и называть по-новому регион, прогнозировать возможные сдвиги в идентичности его жителей.

Территория — население — сырьё

Соотношение территории и населения. Дальневосточный федеральный округ (ДФФО) Восток — самый отдалённый от центра и самый обширный регион Российской Федерации. Площадь его — 6,2 млн км² или 36,4% территории страны. Однако при этом он является самым малонаселённым из всех федеральных округов. На начало 2009 года на его территории проживали 6 млн. 486 тыс. человек — 4,5% населения России. Об уровне освоённости территории можно судить по плотности населения: в среднем по округу на 1 км² она составляла на 2009 год 1,05 человек¹. При этом наблюдается сокращение трудового потенциала округа, так как ухудшение экономических условий жизнедеятельности вызывает большую убыль населения за счёт миграции и превышения смертности над рождаемостью. С 2000 по 2009 год численность населения в округе снизилась на 5%, а за период 1990–2009 годов на 19,8 %: с 8,1 до 6,4 млн человек². Таких потерь не знает ни один другой округ.

Природные ресурсы. ДВФО наделён ими щедро, особенно цветными и драгоценными металлами. Здесь сосредоточено 92% общероссийских запасов олова, 81% — алмазов, 40% — золота, 23% — вольфрама и 11% угля. Богат регион и углеводородным сырьём — нефтью и газом на сахалинских шельфах. Благоприятны условия для развития черной металлургии: значительные запасы железной руды имеются

---

¹ См.: Дальний Восток России: положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО / Под ред. В.Ф. Шаповалова / Приморскстат. Владивосток, 2009. С.9–12; Российский статистический ежегодник 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 92–95.

² Российский статистический ежегодник 2008... С. 120–124.

в Якутии, Амурской области и Еврейской автономной области. Отдельного упоминания заслуживают возобновляемые природные богатства — морские биологические ресурсы и лес. На Дальний Восток приходится 60% российского улова рыбы. На дальневосточном побережье расположено около 300 морских портов, имеющих локальное значение, что позволяет развивать морское судоходство и рыбный промысел. Их доля составляет третью часть в общем грузообороте российских портов¹.

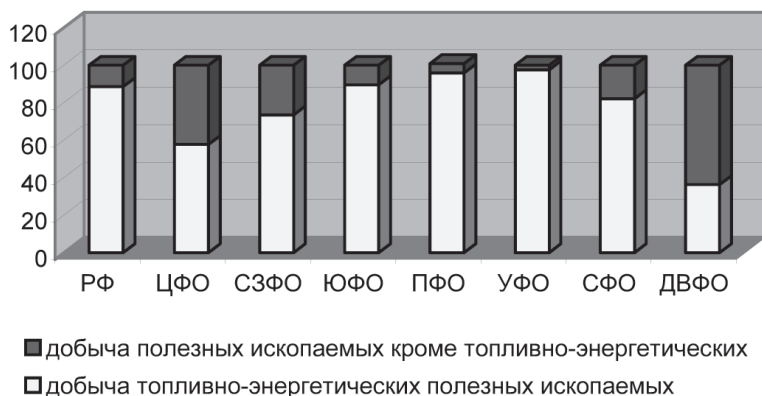

Рис. 1. Структура объёма отгруженных товаров собственного производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по округам РФ, 2009 год (%)²

При сравнении структуры отгруженных товаров собственного производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» по федеральным округам (рис. 1), легко заметить характерную особенность Дальневосточного федерального округа — самый большой (63,7%) удельный вес добычи полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических. В среднем по России данный показатель значительно меньше — 11,5%.

¹ Дальний Восток России: положение Приморского края... С. 15–18.

² Составлено по: Российский статистический ежегодник 2008... С. 110–112; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 90–93.

В России природные ресурсы, их добыча и экспорт традиционно считаются источником конкурентных преимуществ региона. Однако это не так или не совсем так, и в любом случае этот привычный источник фактически не даёт *реальных* преимуществ.

Во-первых, утверждение о возможности долгосрочного развития региона на базе ресурсных преимуществ в научном отношении представляется спорным. Развитие — это изменения, не навязанные извне, а возникшие изнутри. Как отмечает М. Спеклер, ещё Й. Шумпетер подчёркивал в «Теории экономического развития»: «если окажется, что феномен, который мы называем экономическим развитием, на практике просто основывается на факте, что изменились условия и экономика постоянно адаптирует себя под них, то тогда мы должны сказать, что здесь нет никакого экономического развития»¹. Иными словами, обеспеченность природными ресурсами и внешний спрос на них следует оценивать как преимущественно экзогенную характеристику экономики региона. Соответственно увеличение в регионе добычи и экспорта природных ресурсов за счёт той их части, которая в настоящий момент относится к неразведанным и не участвующим в хозяйственном обороте ресурсам, не будет иметь прямого отношения к его экономическому развитию.

Во-вторых, Дальний Восток России по обеспеченности разведанными ресурсами, особенно в части, касающейся минерально-сырьевой базы, не является уникальным, заметно превосходящим соседние регионы других стран. Это обстоятельство уже зафиксировано в научной литературе. Например, академик П.А. Минакир отмечает в своих трудах, что, «когда сравниваешь Дальний Восток, Забайкалье, даже Восточную Сибирь с Северо-Восточной Азией, а именно Китаем, двумя Кореями, Монголией, то оказывается, что такой минеральной кладовой региона является не российский Дальний Восток, а Китай, в значительной степени Северо-Восточный Китай»². Вообще в мире всего десять стран, каждая из которых добывает свыше 30 минералов, и США, Ки-

---

¹ *Spechler M.* Perspectives in Economic Thought. New York: McGraw-Hill, Inc., 1990. P.194. См.: *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. М.: Директ-Медиа, 2007. С. 35–37.

² *Минакир П.А.* Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года // Регион: экономика и социология, 2002. № 3. С. 34–40.

тай и Россия по данному показателю концентрации добываемых минералов занимают соответственно места с первого по третье. На их долю в общей сложности приходится около 41% всей мировой добычи минерального сырья¹.

На наш взгляд, дальнейший анализ позволяет выделить новые конкурентные преимущества экономического пространства Дальнего Востока: территориальную близость региона к Китаю и смену вектора его интегрирования в экономическое пространство.

Территориальная близость к Китаю: плюсы и минусы

Ещё десятилетие назад утверждение, что близость КНР — это источник конкурентных преимуществ для российского региона, не имело под собой аргументированной основы. Однако к 2010 году ситуация изменилась. Благодаря непрерывному экономическому росту, доля Китая в мировой и региональной экономике и торговле существенно увеличилась и продолжает увеличиваться. Так, во втором квартале 2009 года ВВП КНР поднялся на 8%, тогда как в России упал на 10%². Присутствие Китая на мировых рынках сырья и технологий сделалось значимым опять-таки в самые последние годы, когда в условиях глобального кризиса он стал увеличивать свою долю на этих рынках посредством активизации инвестиционной политики. Поэтому потенциал ряда взаимовыгодных эффектов географического соседства и сформировался только сейчас.

Особенностью государств большой территории является локальная ориентация их крупных региональных сегментов на отношения с приграничными государствами. Приграничные регионы России тоже испытывают влияние соседних государств. Так, её Юг связан со странами Ближнего Востока и Центральной Азии, регионы Центра — с расположенными к западу от них бывшими союзными республиками и странами Западной Европы; Северо-Запад имеет тесные взаимоотно-

---

¹ О проблемах минерально-сырьевого комплекса страны // Промышленные ведомости, 2008. № 7. Доступно на: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml>. Последнее посещение 10.11.2010.

² Обзор мировой экономики — январь 2010 года // Мировая экономика. Доступно на: <http://www.ereport.ru/reviews/rev201001.htm>. Последнее посещение 20.11.2010.

шения со скандинавскими странами. Своё место в системе трансграничных межрегиональных отношений занимает и Дальний Восток: через тесные связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона он реализует «евроазиатскую миссию России»¹.

Территориальная близость к Китаю останется лишь потенциальным преимуществом, если не будет выработана новая, тихоокеанская и приграничная, политика России. Суть её — в *экономическом приближении* России к российско-китайской границе. Российским регионам, и в первую очередь регионам Дальнего Востока, необходимо не упустить открывающиеся возможности торгово-инвестиционного сотрудничества с китайской стороной. Кое-что уже сделано и делается. Свидетельством активизации двусторонних связей является расширение трансграничного межрегионального сотрудничества. В 2009 году была подписана «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)»². В её рамках предполагается совместная разработка месторождений широкого спектра полезных ископаемых на российской территории и вывоз их в Китай, где планируется развитие обрабатывающей промышленности.

В разработке месторождений предусмотрено участие китайских рабочих, что, в свою очередь, может, на фоне сокращения численности российского населения на Дальнем Востоке, привести к значительным неблагоприятным перекосам в структуре населения России, усиливает необходимость целевой миграционной политики. Иначе говоря, уже сейчас ясно, что следствием нынешней территориальной и возможной будущей экономической близости двух стран может быть не только положительный, но и отрицательный эффект. Это так называемый «эффект обратной волны», когда экономический рост региона одной страны оказывает неблагоприятное воздействие на развитие соседнего региона другой страны. Сработает он или нет по отношению к Дальнему Востоку России — зависит от того, как особенности российского

---

¹ Подробнее о ней см.: *Дарькин С.М.* Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность. М.: Дело, 2007. С. 45–49.

² Её текст доступен на: <http://www.lawinrussia.ru/kabinet-yurista/zakoni-i-normativnie-akti/2010-07-18/programma-sotrudnichestva-mezhdu-regionami-dalnego-vostoka-i-vostochnoy-sibiri-rf-i-severo-vostoka-knr-2009-2018-godi.html>.

региона будут соотноситься с особенностями той части АТР, а именно, Северо-Восточной Азии (СВА), в состав которой он входит.

Первая особенность — экономическая вариативность¹. Она проявляется в значительном разбросе уровней развития стран СВА и, шире, АТР. Но выгоды, которые в идеале несёт интеграция сближающимся странам, возможны лишь при условии, что эти страны сбалансированы по размеру рынка и уровню развития технологии. То же условие должно соблюдаться и при развитии приграничного сотрудничества. Исторически наиболее успешные примеры интеграции свидетельствуют, что она достигалась во многом благодаря такой сбалансированности. Экономический подъем Китая усиливает разрывы между российской и китайской частями СВА и тем самым повышает вероятность «эффекта обратной волны», который в данном случае можно более точно определить как эффект «дискриминационно-интеграционный». Снизить его вероятность можно, если действовать по принципу: «в начале инновации, потом интеграция»², то есть модернизация российской экономики и интеграционные процессы должны быть сопряжены.

Вторая особенность — социально-культурная гетерогенность. Северо-Восточная Азия — это разнообразие культур, национальностей, языков, сложных исторических судеб. У гетерогенности есть свои специфические издержки, прежде всего — издержки взаимной адаптации, и в условиях расширения региональных экономических связей они могут расти. Всё больше людей могут быть всё менее удовлетворены политикой своих стран и региональных властей в таких вопросах, как внешняя торговля, иностранные инвестиции, межстрановая производственная кооперация и трансграничная миграция.

Третья особенность — предрасположенность Дальнего Востока к «голландской болезни»³. Аналитически и эмпирически доказанное на многих примерах отставание стран с богатыми природными ресурсами и сырьевой структурой экспорта ставит вопрос — не является такое

---

¹ Эта особенность может быть определена и как асимметричность. См.: Кузнецова Н.В., Фокин Н.И. Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Взгляд из России и США. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2006. С. 206.

² Там же.

³ Там же.

отставание также проявлением «эффекта обратной волны»? В какой степени следует ориентироваться на интеграционный вектор, если он через структуру экспорта вызовет снижение темпов экономического развития? Ответ на эти вопросы можно сформулировать пока в предельно общем виде: не только у каждой страны, но и у каждого региона отдельно взятой страны есть свои специфические препятствия на пути интеграции. А значит — и своя модель, своя маршрутная карта интеграционных процессов.

Дезинтегрированность по отношению к экономике России

Это вторая, сравнительно недавно утвердившаяся, особенность экономического пространства Дальнего Востока, во многом определяющая ситуацию в нём.

Слабости структуры регионального продукта. Основу экономики ДВФО составляет промышленное производство, формирующее половину ВРП — валового регионального продукта. Промышленность округа представлена практически всеми отраслями. Наиболее развиты — *цветная металлургия* (основную часть продукции производят предприятия Якутии), *электроэнергетика* (62% приходится на Приморский и Хабаровский края), *пищевая промышленность*, включая *рыбную отрасль* (Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Сахалинская область). Вклад округа в общероссийское производство *сельхозпродукции* незначителен — менее 4%¹.

К сожалению, в виде экономической деятельности «Рыболовство, рыбоводство» наблюдаются выраженные негативные тенденции. Дальний Восток даёт более 60% среднегодового российского улова рыбы, рыбная отрасль имеет для него куда более важное значение, чем для других российских регионов, раз в структуре региональной валовой добавленной стоимости на долю этого вида деятельности приходится 3,6%, тогда как в среднем по России — 0,3%. Тем не менее отрасль прочно входит в подгруппу отстающих. Она отстаёт и по среднегодовой численности занятых (менее 2% от общего количества занятых) и по инвестициям в основной капитал, и по износу основных фондов (56,1%), и по их вводу в действие (0,1%)². В данной ситуации крайне

---

¹ См.: Дальний Восток России: положение Приморского края... С. 20–21.

² Там же.

необходима продуманная региональная политика в отношении рыболовства, так как наличная ресурсная база позволяет в дальнейшем развивать этот вид деятельности, производя продукцию и на внутреннее потребление, и на экспорт.

В структуре промышленного производства в основном преобладают добывающие отрасли, обрабатывающая промышленность недостаточно развита практически во всех субъектах Дальневосточного федерального округа. Данные статистики свидетельствуют о том, что объёмы обрабатывающих производств региона остаются самыми низкими в России в абсолютном выражении, а добыча полезных ископаемых превышает объёмы переработки более чем в два раза¹.

Огромные масштабы и разнообразие территории Российской Федерации представляют особую проблему для экономического развития страны. В 1990-х годах внутри неё где-то впервые столь отчётливо проявились, где-то резко обострились значительные региональные различия по темпам экономического роста и по доходам. Эти различия отражают крайне неравномерное территориальное распределение сравнительных преимуществ и ресурсных богатств, а отчасти являются следствием просчётов советского территориального планирования. Если говорить конкретно о ситуации на Дальнем Востоке, то для него, а также для Забайкалья при огромной территории характерна низкая плотность экономической деятельности. Это одна из его основных проблем.

Доказательства дезинтеграции. Как мы видели, Дальний Восток — это чуть ли не 40 % территории РФ. К сожалению, основные экономические центры этого огромного региона находятся в тяжёлом состоянии. Сами расстояния работают против него как части единого российского экономического пространства. Почти 5 тыс. км составляет радиус поставок, идущих в Восточную Сибирь и из Восточной Сибири, 6,5 тыс. км — идущих в Западную Сибирь и из неё, более 7 тыс. км — до Урала и почти 10 тыс. — до экономических центров снабжения и реализации продукции европейской части страны. Даже внутри Дальнего Востока огромные расстояния по меридиану: радиусы реализации превышают 3 тыс. км. В таких условиях надеяться на тесные связи с нацио-

---

¹ См.: Дальний Восток России: положение Приморского края... С. 20–21.

нальным рынком довольно трудно¹, и действительно, налицо экономическая оторванность региона от центра страны по многим показателям. Уровень его интегрированности в экономическое пространство России за последние два десятилетия резко упал. Об этом в первую очередь свидетельствует главный показатель интеграции — цены на одни и те же товары и ресурсы: их выравнивания не происходит.

Но есть и другие индикаторы дезинтеграции. На сегодняшний день только 5% ВРП поставляется на внутренний рынок России (для сравнения: в 1989 году — 80%)². И не только колоссальные транспортные расходы выводят Дальний Восток из механизма внутрirosсийских рыночных отношений, отрицательно влияют на стоимость производства продукции на Дальнем Востоке. В том же направлении действуют тарифы на электрическую и тепловую энергию: они на 40% выше, чем в среднем по стране, а темпы их роста на Дальнем Востоке в два раза выше, чем в западных регионах России³.

Неудивительно, что стоимость жизни на Дальнем Востоке гораздо выше, чем в других российских регионах. Например, в январе 2009 года стоимость минимального набора продуктов питания была здесь на 22% больше, чем в среднем по России. Доля населения с доходами, уровень которых ниже уровня прожиточного минимума, составляет в регионе 21,2 % (в среднем по России — 17,6 %) ⁴.

Иностранные инвестиции и внешняя торговля. Их влияние на экономику Дальнего Востока более заметно, чем на экономику России в целом. Регион сохраняет положение крупнейшего потребителя иностранных инвестиций — 12,2 % от всех иностранных инвестиций в России. В 1990–2000-х годах это в основном были инвестиции в шельфовые месторождения острова Сахалин, сейчас это ещё и восточносибирские месторождения природного газа и нефти, освоение которых невозможно без развития транспортно-логистической системы Дальнего Востока. Основной массив внешнеторговых операций на Востоке России традиционно приходится на КНР, Республику Корея, Японию

---

¹ Минакир П.А. Стратегия регионального развития... С. 38–40.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 92–94.

³ Там же.

⁴ Дальний Восток России: положение Приморского края... С. 82–84.

и США. Суммарный же объём привлекаемых иностранных инвестиций в регионах Дальнего Востока в период 2000–2009 годов увеличился в 13 раз — с 0,6 млрд долл. до 8 млрд. долл., говорится в материалах к первому совещанию Совета по привлечению иностранных инвестиций, которое в ноябре 2010 года провел полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Виктор Ишаев¹.

Наиболее привлекательными отраслями, помимо топливной (76%), является горнодобывающая промышленность с объемом иностранных инвестиций 1,5 млрд. долл., или 18% от всего объема инвестиций, и лесная промышленность, которая занимает 2,5%².

По данным полпредства, главным получателем иностранного капитала среди регионов округа является Сахалинская область. В 2009 году на её долю пришлось 69% всех привлечённых в регион иностранных инвестиций — 5,9 млрд долл. При этом более 90% их направлялись только в одну отрасль, нефтегазовую. Среди остальных субъектов Дальневосточного федерального округа выделяются Республика Саха (Якутия) — 13,3% от всего объема привлеченных иностранных инвестиций — и Чукотский автономный округ — 11,1%. Куда скромнее эти показатели у Хабаровского края и Амурской области: 3 и 2,5% соответственно. Ведущими же инвесторами последнего десятилетия выступают Нидерланды (49,2% от накопленных в крае за 2002–2009 годы зарубежных инвестиций), Япония (12,1%), Великобритания (8,8%), Индия (3,7%), оффшорные зоны — Багамские острова (6%) и Кипр (3,2%)³.

Заметим попутно, что в общем объёме российской внешней торговли доля Японии находится в настоящее время на уровне 3%, а доля России в суммарном товарообороте Японии и того меньше — не превышает 0,5–0,7%, что ни в коей мере не соответствует потенциальным возможностям сторон⁴.

---

¹ Сахалин и Якутия являются лидерами по привлечению иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. См.: // <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/main.asp?id=189808>. Последнее посещение 20.11.2010.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Бабусенко С.Г.* Москва между востоком и западом // Дипкурьер НГ, 2001, 21 июня. Доступно на: <http://world.ng.ru/archive/razdel/dipcorpus/>. Последнее посещение 12.11.2010.

Сейчас Дальний Восток России делает ставку на ряд крупных инвестиционных проектов, которые могут обеспечить на долгие годы развитие экономики региона.

Российский Дальний Восток или Тихоокеанская Россия?

В заголовок статьи не случайно вынесено название региона «Тихоокеанская Россия», а не «Дальний Восток». Конечно, оно для нас, дальневосточников, непривычно; но оно более точно отражает современные реалии, во многом определяемые нынешним направлением «дрейфа» региона в окружающем его экономическом пространстве. Если смотреть под этим углом зрения, то видно, что Дальний Восток России все больше превращается именно в *Тихоокеанскую* Россию, то есть в регион, который всё в большей степени завязывается не на российский рынок, а на рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Из необходимости установления оптимальных пределов такого превращения и должна исходить новая тихоокеанская политика, которая, на наш взгляд, должна одновременно проводиться и как новая дальневосточная политика.

Быть может, стоит задуматься о новом приоритетном национальном проекте «Тихоокеанская Россия»? Во всяком случае, пришло время для поиска ответа на вопрос, какое будущее ожидает регион? Не будет ли это оно *будущим с доминантой внешнеэкономической трансграничной интеграции*, с включенностью в Азиатско-Тихоокеанские экономические связи? Но если так, как оно отразится на социальной трансформации региона, на идентичности его жителей?

На сегодняшний день российское правительство активно направляет усилия на наращивание участия России в уникальном интеграционном механизме АТР — в форуме «**Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество**» (АТЭС). Проект АТЭС-2012 — проведение в 2012 году форума во Владивостоке и российское председательство на нём — открывает реальные возможности для развития Дальнего Востока. Вместе с тем движение в направлении превращения российского Дальнего Востока в Тихоокеанскую Россию вызывает немало вопросов. Из необходимости установления оптимальных пределов такого превращения должны исходить и стратегия безопасности, и новая региональная политика и новый, посвященный развитию нашего региона, национальный проект.

Надежда Цой¹

ВЛАДИВОСТОК: МАРКЕРЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Это город морской, этот город стоит у воды,
Город — крепость России на Дальнем Востоке.
Этот город — надежда Великой страны,
И нам выпало жить в этом городе — Владивостоке.
Не даёт этот город покоя врагам и друзьям,
Каждый выгоду ищет свою в этом городе славном,
И, бывало, случалось хозяйствовать в нём дуракам,
Самодурам, бандитам и прочим зарвавшимся главам.
И всё-таки город у моря стоит,
И всё-таки город живёт всем на зависть,
И огни портовых кранов, и реклама ресторанов,
И дожди... дарят городу свой колорит.
Этот город портовый — морские ворота страны.
В этом городе солнце в России встаёт самым первым.
В этом городе ветра почти не бывает зимы
И, хоть это и странно, бывает, отсутствует лето.
Это город разбитых дорог и заоблачных цен.
В этом городе власть и народ существуют отдельно.
В этом городе нашенском, дальнем немало проблем,
И в нём рубятся скверы в угоду вопросам земельным.
В этом городе небо ласкает морская волна.
В этом городе дуют ветра неумённые, злые.
Этот город, бывает, скрывает туман-пелена,
И красотами делятся с городом сопки седые.
Это город машин праворульных и старых фортов.
В этом городе-крепости люди живут, как умеют.
В нём немало проектов канатных дорог и мостов,
И хоть часто нам лгут, люди всё же душой не черствеют.

А.А. Туралин. Город Владивосток²

Владивосток — город и порт на Дальнем Востоке России, 150-летний град с уникальным прошлым, неоднозначным настоящим и не-

---

¹ Надежда Цой — сотрудник Центра по профилактике наркомании и деструктивных воздействий Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

² Доступно на: <http://aturalin.nm.ru>. 15.01.2009. Последнее посещение: 09.10.2010.

предсказуемым будущим. У него есть как почитатели, так и те, кому он пришелся не по нраву и кому *приходится* любить его, о чём им назойливо напоминает баннер «Я люблю этот город!». В восприятии каждого жителя или гостя Владивосток — это конкретные места, события, особый дух и, конечно, образы, в которых места, события и дух получают концентрированное выражение. Из каких же образов складывается картина Владивостока? Какое впечатление производит жизнь, протекающая в этом городе? И самое главное, по каким признакам человек идентифицирует себя или кого-либо как жителя Владивостока? Цель данной статьи и заключается в выявлении и характеристике значимых маркеров идентичности жителей Владивостока.

Концепция

Идентичность, которая нас интересует, обоснованно может быть определена как региональная, если при её описании мы ограничиваемся пространством города / Приморского края, либо как субрегиональная, если мы, как минимум, не будем забывать о том, что Владивосток и Приморье входят в состав региона Дальний Восток. Однако с концептуальной точки зрения это различие не имеет принципиального значения, поэтому в дальнейшем мы будем употреблять только одно понятие — «региональная идентичность».

Хотя концепция региональной идентичности имеет междисциплинарное содержание, использует методы таких наук, как экономика, социология, социальная география, социальная психология, генетически она в первую очередь связана с теорией социальной идентичности. Её основатели Л. Шнейдер и Дж. Тёрнер видели в социальной идентичности определённый уровень самокатегоризации человека. Представители интеракционистской школы (Дж. Мид, И. Гофман) и школы социальных представлений (С. Московичи, М. Завалони) рассматривали социальную идентичность как один из уровней Я-концепции¹. Регио-

---

¹ Изложено по: *Межевич М.Н.* Основные направления региональной политики Российской Федерации. Ч. 2. Механизмы региональной политики. Региональная идентичность: теоретическое содержание и методология изучения. Учебное пособие. Доступно на: <http://dvo.sut.ru/libr/history/i299mez2/2.htm> Последнее посещение: 10.10. 2010. См. также: <http://iskhakov.narod.ru/tedter.html>.

нальный аспект проблемы их не интересовал, однако возможность сопоставления указанных выше положений с уровнем региона вполне допустима. Подход географов к изучению идентичности предполагает акцент на изучение особенностей географической среды территорий / регионов в качестве факторов и индикаторов пространственной дифференциации культур¹. Если интегрировать географический подход в теорию социальной идентичности, то тогда региональную идентичность можно определить как форму самопрезентации, с помощью которой человек или общность локализуют себя в пространстве и оценивают своё «место», положение в нём, соотнося его с внешним миром.

При исследовании особенностей познания человеком своего, определённым образом локализуемого окружения, обязательно надо обращать внимание на субъективное представление о пространственной организации внешнего мира — на так называемую когнитивную карту². В современном понимании когнитивная карта означает репрезентацию места — продукт некоторого познавательного процесса, в ходе которого субъект активно взаимодействует со средой. Согласно теории когнитивного восприятия среды, есть особое средовое познание; оно охватывает знания, образы, впечатления и верования, которые возникают у отдельного человека или группы людей по поводу различных аспектов реального и воображаемого физического, социального, культурного, экономического и политического окружения. Более того, термин «средовое познание» относится не только к формированию в сознании образов элементов, но и к отражению сознанием событий, динамических, функциональных и циклических явлений (климат, работа транспорта и т.п.), к значениям, приписываемых человеком внешним

---

¹ См., например: *Замятина Н.Ю.* Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы // Третьи сократические чтения по географии (Старая Русса, 2–5 мая 2002 г.). Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов. Сб. статей / Под ред. В.А. Шупера. М.: Спутник +, 2002. С. 242–259; *Замятин Д.* Геокультура: образ и его интерпретации // Вестник Евразии, 2002, № 2. С. 5–33.

² Понятие введено Эдвардом Толменом. См., например: *Tolman, E. C.* Cognitive maps in rats and men // *The Psychological Review*, 1948, Vol. 55, No. 4. P. 189–207. Available at: http://road.uww.edu/road/eamond/351-Cognitive_Psychology/Reading/Toleman-Cognitive%20maps%20in%20rats%20and%20men.pdf. Последнее посещение: 06.11. 2010.

объектам, к коллективной символизации по поводу различных мест и т.д.¹

В качестве индикатора региональной идентичности нами был выбран концепт «Образ города», органичный теории когнитивного восприятия городской среды.

Метод и источники

В сентябре–октябре 2010 года нами был проведён опрос жителей нескольких населённых пунктов Приморья. При этом применялся метод фиксации словесных ассоциаций, возникающих при упоминании города, в нашем случае — Владивостока. Опросом были охвачены 47 студентов Владивостока, по 20 школьников в городах Дальнереченске и Арсеньеве и ещё 20 — в посёлке городского типа Славянка. Респонденты должны были в свободной форме описать сложившийся у них образ Владивостока. Те из полученных в описаниях определений и сущностных характеристик, которые в ответах разных респондентов совпали полностью либо частично, были сгруппированы в более крупные категории. Их мы и полагаем маркерами идентификации.

Однако в качестве первого информационного ресурса для выделения маркеров были использованы социальные сети трёх участниц Камчатских тренингов: Елены Ли, Марии Теплоуховой и автора. На практике это означало, что с помощью службы коротких сообщений (в просторечии — всем известных «эсэмэсок») с той же целью и по той же методике были опрошены наши друзья, знакомые и родственники. По меньшей мере часть из них аналогичным образом получили информацию о словесных ассоциациях, вызываемых словом «Владивосток», от своих знакомых, друзей и родственников

Также нами проанализированы материалы с форума <http://www.vlad-forum.net>: «Владивосток — это...», «Чем известен Владивосток», «Какой город лучше: Владивосток или Хабаровск?» и материалы исследования консалтингового агентства IMCommunications «Наш город». Последнее состоялось в июле–августе 2010 года и включало

---

¹ См.: Moore, G.T. and Golledge, G. (eds.). Environmental Knowing: Theories, Researches, and Methods. Stroudsburg (Penn.): Dowden, Hutchinson, & Ross, Inc., 1976; Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии / Серия «Мастера психологии». СПб.: Питер, 2001. С. 36.

в себя опросы топ-менеджеров и владельцев бизнеса на темы «Образ города» и «Владивосток — Европа или Азия?»¹. Первым опросом было охвачено 100 человек в возрасте 18 лет и старше, во время второго были взяты телефонные интервью у 500 жителей Владивостока той же возрастной категории.

Таким образом, в качестве источников информации выступали: 1) три социальные сети, 2) студенты из Владивостока, 3) школьники не из Владивостока, 4) посетители указанного выше форума, 5) представители среднего класса.

Результаты

В результате категоризации данных по общим и/или сходным признакам были выявлены следующие маркеры самоидентификации жителя Владивостока через образы города.

1. Владивосток — неформальная столица Дальнего Востока.
2. Владивосток — столица Приморского края.
3. Владивосток — территория временщиков.
4. Владивосток — край России.
5. Владивосток — город Воды.
6. Владивосток — город японских машин.

Коротко рассмотрим их в той последовательности, в какой они названы.

Владивосток — неформальная столица Дальнего Востока. Несмотря на то, что крупнейшим городом и административным центром Дальнего Востока («седьмой столицей России») официально считается Хабаровск, город-порт Владивосток многими признаётся неформальной столицей Дальнего Востока. В особенности это стало заметно в последнее время в связи с запланированным проведением в нём в 2012 году саммита АТЭС, а также с намечающимся образованием к 2025–2030 годам единого мегаполиса «Большой Владивосток» на базе Владивостока и его города-спутника г. Артёма. Конкуренция двух крупных соседних центров по линии «Хабаровск — Владивосток», с одной стороны, укрепляет субрегиональное самосознание, с другой,

---

¹ Проект «Наш город». Консалтинговое агентство IMCommunications. Г. Владивосток. 2010 г. Доступно на: <http://www.imc.vl.ru>, <http://www.zrpress.ru/web/2010/60/10>. Последнее посещение: 10.10.2010.

Фото к маркеру 1. Неформальная столица ДВ
(строительство моста на мыс Чуркин. Авт. Виктор Легай)

чревато внутрорегиональным конфликтом (или, по-другому, — конфликтом между двумя субрегионами одного большого региона).

Признаки, составившие данный маркер самоидентификации, таковы.

Социальные связи: *маневренный; подвижный; «сильные» люди; агрессивность; динамичное развитие; конкуренция с Хабаровском.*

Студенты: *быстрота и мощь; жестокий; суета даже в ночное время.*

Школьники: *скрытый; тяжёлый; опасный; спешка; равнодушие; оживлённый; шумный; не сидишь на месте.*

Форум: *Владивосток — портовый; море; нет мошки и комаров; образец максимально нереализованного потенциала; сопки; ветер; Хабаровск с его размеренной жизнью напоминает Уссурийск — провинциальный, тихий город, который чище, ухоженнее, равнинный; Ишаев — хозяин, Дарькин — временщик¹; Хабаровск — для жизни, Владивосток — для экстрима.*

---

¹ Сообщение размещено 28.11.2004 на форуме <http://www.vlad-forum.net>. Последнее посещение 09.11.2010. В.И. Ишаев — губернатор Хабаровского края в 1991–2009 годах, С.М. Дарькин — действующий губернатор Приморского края с 2001 года.

В ходе исследования IMCommunications респонденты называли людей, полезных, по их мнению, для города. В ответах фигурировали врачи, деятели культуры и науки, исторические фигуры, но лидировали политики. Почти четверть опрошенных представителей «среднего класса» (22%) назвали самым полезным бывшего мэра Виктора Черепкова, действующий губернатор края Сергей Дарькин был признан вторым по «полезности» (14%).

Владивосток — столица Приморского края. Таковой Владивосток с одной стороны является, поскольку реально выполняет функции центра и в этом своём качестве воспринимается федеральной властью именно как центр Приморья. С другой стороны, формально он всё-таки не столица, так как законопроект, дающий все правовые основания для такого статуса, в 2005 году был отклонён губернатором Дарькиным. Это парадоксальное положение сохраняется до сих пор. В Уставе края Владивосток именуется *«исторически сложившимся административным центром»*¹ (курсив наш. — Н.Ц.).

Вот признаки, включённые в данный маркер самоидентификации.

Социальные связи: *деловой; стремление переселиться из провинции — наиболее активные и успешные сельские жители мигрируют во Владивосток со всего Приморского края; тир во время чумы — ужасающее положение сельских районов vs. показатели Владивостока, «портящие» статистику; хищническое разграбление ресурсов (паразитарная манера).*

Студенты и школьники: *Пасифик меридиан; развлечения; всё дорого — безумные цены; много магазинов; полон разнообразия; never sleeps.*

Форум: *центр коммерции; высокий уровень бизнес-активности; АТЭС 2012; люди самостоятельные; яркие и интересные личности.*

По ходу опроса «Образ города» выявлялись представления горожан об идеальном образе города в будущем; под ним понимались: 1) набор «ролей» города, 2) влияние этих ролей друг на друга, 3) система ключевых отраслей экономики. Список же «ролей» составил из возможных моделей развития города. Выявились две характеристики,

---

¹ Устав Приморского края. Официальный сайт администрации Приморского края. Доступно на: <http://www.primorsky.ru/primorye/statute/>. Последнее посещение: 10.10.2010.

Фото к маркеру 2. Столица Приморского края.
(Семёновская площадь. Авт. Надежда Цой)

которыми фиксируется пусть не ярко выраженное, но всё же превалирующее мнение о Владивостоке в настоящем: 1) это город-порт и 2) это центр деловой активности. Доминирующей же роли в образе будущего Владивостока нет: по мнению «среднего класса» город будет достаточно гармонично «играть» все «роли». Точнее, как военный центр он останется на том же уровне, что и сейчас, зато как туристическая столица региона, свободная экономическая зона, культурная столица и центр международного сотрудничества он в ближайшие пять лет будет развиваться стремительными темпами и немного «подтянется» по остальным «ролям» — города-порта, центра деловой активности, политической столицы и наукограда. В то же время больше половины опрошенных (54%) считают, что в ближайшем будущем наиболее активно станет развиваться рыбная отрасль региональной экономики.

Владивосток — территория временищиков. Освоение Россией Сибири и Дальнего Востока носило преимущественно колониальный

Фото к маркеру 3. Территория временщиков
(ул. Семёновская. Авт. Надежды Цой)

характер, восточные земли не воспринимались большинством поселенцев как их дом в настоящем или будущем. Многие приходили не столько для того, чтобы освоить край, укорениться в нём, сколько за добычей, с которой предполагали вернуться домой, — за соболиными шкурками, золотым песком, красной рыбой в XVII–XIX веках, за большими командировочными, подъёмными, зарплатами с северным или восточным коэффициентом — в веке XX. Они могли жить во Владивостоке, Якутске или Южно-Сахалинске десятилетиями, даже поколениями, но по внутренней мотивации своего пребывания в этих местах, по отношению к ним как к местам временным, беззастенчиво эксплуатируемым, оставались пришельцами, захватчиками, колонизаторами¹.

¹ Золотухин И.Н. Процесс российской региональной самоидентификации и проблема региональной идентификации российского Дальнего Востока в рамках участия России в азиатско-тихоокеанической экономической интеграции // Ойкумена. Регионоведческие исследования: научно-теоретический альманах. Вып. 1. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 90–99.

Последствия такого отношения видны во Владивостоке, что называется, невооружённым глазом. В настоящее время из-за нерационального использования природных ресурсов, отсутствия очистных сооружений, системы использования, обезвреживания, хранения и захоронения бытовых и промышленных отходов город нередко производит на его жителей и гостей впечатление какой-то окраинной свалки. Обязанность очищать его от продуктов жизнедеятельности и потребления возложена сейчас на управляющие компании, однако проблема качественного и своевременного оказания соответствующих услуг ими так и не решена.

Приведём признаки, включённые в данный маркер самоидентификации.

Социальные связи: *грязный; «бешеная» свалка; недоделанность; облезлые фасады; коррумпированные чиновники; непостоянство.*

Студенты и школьники: *криминальный; коррупция; Горностай¹; город-обман; двуличный.*

Форум: *регулярные проблемы с водой и светом в отдельных районах; помойка; беспредел; грязный красавец.*

Владивосток — край России. В связи с повышением транспортных тарифов и из-за хронической «инфраструктурной недостаточности» некоторые территории Дальнего Востока оказываются изолированными от других частей страны. Владивосток от Москвы отделяют девять часов полета, семь часовых поясов, поэтому ощущение «крайности» города и региона, их оторванности и изоляции от столицы, европейской части страны и, одновременно, их близости к азиатским странам разделяется практически всеми жителями города. Но именно в контактах с выходцами из этих стран, представляющими иные культуры, обладатель региональной российской идентичности с особой остротой чувствует её наличие в своей ментальности. Именно в ходе

---

¹ Исходно Горностай — это бухта в пригороде Владивостока. Названа именем канонерской лодки «Горностай», входившей в состав Сибирской флотилии и участвовавшей в гидрографических работах в Японском море в 1870-е годы. Но для горожан, да и приезжих это не столько бухта, сколько расположенная рядом огромная свалка — источник невыносимого запаха и едкого дыма от сжигаемых там на протяжении более 40 лет гор мусора. В рамках подготовки к саммиту АТЭС 2012 года мусор планируют рекультивировать.

всё более интенсивных контактов с «чужаками» — соседями по территории проживания эта региональная идентичность обретает особую ценность как средство отыскания союзников, «своих». Именно здесь она напоминает о себе особенно часто и настойчиво — в отличие от ситуации проживания в знакомой с детства культурно монолитной среде, где региональная идентичность может не подвергаться испытаниям долгие годы и потому как бы дремать, рождать иллюзию собственного исчезновения.

Этот маркер самоидентификации складывается из следующих признаков.

Социальные связи: близость и отрицание Азии; толерантность; уникальное восприятие времени; «дальневосточное братство»; территориальная отдаленность от столицы (оторванность, изоляция).

Студенты, школьники, форум: знаковый; форт; город с европейским лицом для соседей; китайцы, узбеки и таджики, которые строят и убирают; пряный, острый, особенно после дождя или в туман; что-то восточное; АТР специфика; город быстрых решений, где люди быстро думают и быстро говорят.

В ходе опроса «Владивосток — Европа или Азия?» почти 2/5 респондентов (38%) отметили, что у Владивостока нет выраженных признаков, позволяющих признать его европейским городом. Только четверть опрошенных видят в нём европейскую архитектуру, только пятая часть — европейскую культуру и менталитет, и лишь 17% не считают главными внешними признаками Владивостока черты азиатского города. Городом в целом европейским его определили значительно больше опрошенных — 41,2%, но это всё равно означает, что в представлениях горожан доминирует отождествление его с Азией. И действительно, больше половины полагают, что сегодняшний Владивосток — город, скорее азиатский, нежели европейский. При этом большинство (57,7%) думают, что «азиатское лицо» ему придаёт наплыв мигрантов из соседних стран Азии, на втором месте по частоте упоминаний (48,9%) среди «азиатских признаков» города — его географическое положение, а более трети опрошенных посчитали, что азиатским город делает обилие ресторанов японской и китайской кухни.

Опрос также зафиксировал, что подавляющее большинство жителей (88%) ощущает приток мигрантов во Владивосток, не замечает же его лишь каждый десятый. Несколько больше половины замечающих

Фото к маркеру 4. Край России (Авт. Надежда Цой)

уверены, что это влияет на их безопасность. Иными словами, каждый второй не чувствует себя в безопасности в городе, куда прибывает поток мигрантов. Далее, каждый третий уверен, что все мигранты, независимо от национальности, не оказывают сколько-нибудь положительного влияния на город, каждый четвертый — что ни одна из «пришлых» национальностей отрицательно на город не влияет и каждый пятый — что мигранты из КНР влияют положительно. Среди респондентов последней категории каждый четвертый видит плюсы китайской миграции в дешёвых товарах, около 15% — в наличии дешёвой рабочей силы, а 10,5% — в том, что мигранты из КНР работают на благо Владивостока. Почти 17% уверены, что на город положительно влияют узбеки, и, по мнению большинства так думающих (90,4%), позитив от пребыва-

ния узбеков заключается в благоустройстве города («убирают мусор», «работают на улицах»). В то же время 19% акцентировали внимание на негативе, причем 21,1% из них подчеркнули, что мигранты-узбеки создают в городе криминогенную обстановку, и 23,2% — что узбеки занимают свободные рабочие места, которые могли бы занять русские. Что касается таджиков, то их присутствие оценили отрицательно 14,1% респондентов, при этом 21% из них главную проблему увидели в росте преступности в целом, а 13,3% — в завозе в город наркотиков мигрантами этой национальности. Наконец, при оценке миграции без разделения её субъектов по национальному признаку получается такая картина восприятия этого явления жителями Владивостока. К отрицательным его последствиям население относит ухудшение криминогенной обстановки (24,5%), занятие иммигрантами рабочих места (14,5%), их численность («слишком много» — 8,1%), антисанитарию и болезни (5,3%), их якобы общие неприятные качества («наглые», «хитрые», «некультурные», «нечестные», «хотят захватить Владивосток» и др. — менее 1,3% на каждый такой отзыв). Примечательно, однако, что персонально на жизнь большинства мигранты никак не повлияли (это признали 72,4% опрошенных). Лишь 18,8% ощущали, что их жизнь меняется в худшую сторону из-за притока «чужаков»; в то же время 8,8% думали, что по той же самой причине их жизнь, наоборот, изменилась к лучшему.

Владивосток — город Воды. Вода имеет ключевое значение в создании и поддержании жизни, формировании климата и погоды. Своим ярко выраженным муссонным климатом Владивосток обязан воде — морю. Жизнь горожан так или иначе связана с морем, поскольку оно для них — источник заработка, пищи, транспортная среда, место для отдыха и т.д.

Признаки, вошедшие в данный маркер самоидентификации, выглядят так.

Социальные связи: *романтичность; мобильность; коммуникабельность; расточительность.*

Школьники, студенты, форум: *дождь, туман, сырость; добродушие, открытость людей; город несбывшихся надежд; море.*

Владивосток — город японских машин. Торговля поддержанными японскими автомобилями играет важную роль в региональной экономике, поскольку создает рабочие места не только для продавцов, но

Фото к маркеру 5. Город Воды (Авт. Андрей Дорохов.
Доступно на: <http://adork.livejournal.com/tag/Владивосток>)

и для автослесарей, оформляющих таможенные бумаги клерков, для железнодорожного и паромного персонала и пр.

По данным ГИБДД УВД по Приморскому краю, в 2000 году в Приморском крае было зарегистрировано 63 682 единицы автотранспорта, а в 2008 году — 167 518 единиц, из них 156 549 машин, или 93,5%, были иностранного, почти исключительно японского производства¹. С 12 января 2009 года вступило в действие Постановление Правительства РФ о новых, повышенных ставках таможенных пошлин на по-

---

¹ Данные получены по запросу от Юридического института Дальневосточного государственного университета в ГИБДД УВД по Приморскому краю.

Фото к маркеру 6. Город японских машин
(пробка по ул. Светланской. Авт. Виктор Легай)

держанные автомобили иностранного производства. Поднятие ставок оправдывалось ссылками на необходимость поддержки отечественных автопроизводителей, повышения доступности отечественных автомашин для россиян и т.д. Как следствие, с начала 2009 года количество оформляемых во Владивостоке иномарок упало в 18 раз. Однако в январе–мае 2010 года через пункты пропуска региона, по данным Дальневосточного таможенного управления, было ввезено примерно в полтора раза больше автомобилей, чем за аналогичный период 2009. «Оживление» местного рынка объясняется с одной стороны, постепенным выходом из кризиса, с другой — опасениями, возникшими в связи с введением техрегламента безопасности колесных транспортных средств, вступившим в силу в сентябре 2010 года: в нём содержится запрет на ввоз автомобилей без 17-значного VIN-кода, которого у японских машин нет¹. Это и подогрело спрос: многие постарались приобрести праворульную машину «посвежее» до сентября.

---

¹ Авченко В. «Японки» краше и милее. И дешевле... // Новая газета во Владивостоке, 2010, 23 июня. № 66. Доступно на: <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/066/21.html>. Последнее посещение: 09.10.2010.

Признаки данного маркера самоидентификации следующие.

Социальные связи: *постоянный поток машин; извилистые узкие улицы; антикультура вождения; город проклятых пешеходов.*

Школьники, студенты, форум: *пробки; смешной автопром; плохие дороги, ямы, выбоины; машина не роскошь, а средство передвижения.*

* * *

Мы выделили шесть маркеров самоидентификации жителя Владивостока. Напомним их: 1) неформальная столица Дальнего Востока, 2) столица Приморского края, 3) территория временщиков, 4) край России, 5) город Воды, 6) город японских машин. Мы не считаем их исчерпывающими. Однако полагаем, что они образуют ядро таких региональных образов-признаков, посредством которых жители Владивостока, а отчасти и всего Приморского края, отличают себя от жителей других регионов (и в известной мере выделяются этими последними) и в то же время определяют себя и осознают себя частью некоего единого целого.

*Елена Ли*¹

ХАБАРОВСК: СКАЗОЧНЫЙ ГОРОД У КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

Хабаровск — какой он? Несмотря на то, что я прошу студентов рассказывать об их родных городах, посёлках, сёлах, о своём городе я задумалась впервые. И поняла, как сложно говорить о том, что не отражает статистика и с чем хабаровчане сталкиваются каждый день. Целью данной работы и является описание *живого* города — но в связи с его историей.

Почему Хабаровск не Невельск?

Я бы назвала свой любимый город иначе, не Хабаровском, а Невельском — в честь удивительного романтика, смелого учёного и отважного мореплавателя Г.И. Невельского! Жаль, что эта честь досталась другому дальневосточному городу, расположенному на юге острова Сахалин, а не городу на Амуре. Ведь обследование русла Аму-

---

¹ Елена Ли — научный сотрудник Института экономических исследований Дальневосточного отделения российской академии наук.

ра, проведённое Невельским и блестяще отражённое в романах Николая Задорнова¹, послужило толчком для освоения и развития Дальнего Востока. Именно Невельской заразил Н.Н. Муравьёва (позднее Муравьёва-Амурского) своей убеждённостию в наличии у России стратегических интересов на Дальнем Востоке, и в статусе генерал-губернатора тот стал разумным политиком и управленцем. Сахалинский Невельск, пропахший морем, мне тоже нравится; но он другой, не такой блестящий, яркий и динамичный, как Хабаровск, который на фоне других дальневосточных городов выглядит самым современным и красивым. Таким же «ярким пятном» в истории российской географии предстаёт Невельской — человек, доказавший неподвластность дальневосточных земель Китаю, судоходность Амура, наличие пролива между Сахалином и материком (до него Сахалин считался полуостровом), а также указавший место для основания военного поста, названного Хабаровкой и позднее переросшего в небольшое поселение, а затем и в город — в Хабаровск. Странно, что этому человеку практически не нашлось места ни в прошлом города, ни в его настоящем. До сих пор в Хабаровске нет ни одного памятника в его честь. Есть только улица Невельская, расположенная на отшибе, в районе спиртзавода, известная лишь её жителям да таксистам. Отсутствует его имя и на сувенирах, произведённых в соседнем царстве-государстве КНР, где историю Хабаровска знают примерно так же как у нас, то есть плохо...

Вернёмся к этой истории. Пост, основанный в 1858 году, был назван в честь Ерофея Павловича Хабарова, основателя первых русских поселений на Амуре. Известно об этом человеке мало. Изображений его не сохранилось, монумент Хабарову, стоящий на привокзальной площади, передаёт лишь некий собирательный образ первопроходцев. С детства мы, хабаровчане, задавали вопрос, в какой руке он держит шапку. На самом деле она на голове, но ответа почти никто не знал, так как сами на поезде ездили редко, да и провожать было особенно некого. Позднее узнала, что Хабаров не просто легендарный землепроходец, но и человек, «прославившийся» вероломством, грабежами и насилием

---

¹ См.: *Задорнов Н.* Далёкий край. М.: АСТ, 2009. — 320 с.; *он же.* Амур-батьюшка. М.: Терра, 2007. — 608 с.; *он же.* Капитан Невельской. М.: Вече, 2007. Кн. 1. — 464 с. Кн. 2. — 368 с.

как над «инородцами», так и над казаками, которыми он командовал¹. Статус города и более звучное имя — Хабаровск датируются 18 мая 1880 года. Таким образом, в 2010 году городу Хабаровску исполнилось 130 лет, а если считать от момента образования поста Хабаровки, то 152 года. На 1 января 2009 года численность населения Хабаровска составляла 578,6 тыс. человек².

Деревянный Хабаровск в прошлом и в настоящем

В первые годы пост выглядел примерно так, как это изображено в книге Н.Н. Задорнова «Амур-Батюшка»: редкие деревянные дома, расположенные вдоль Амура (рис. 1).

Город Хабаровск и сейчас местами представляет похожую картину, поскольку некоторые его районы, в том числе не только удалённые от центра, имеют преимущественно деревянную застройку. С одним отличием: нередко дома в них рассчитаны не на одного хозяина, а на 6–8 семей (так называемые бараки). В народе их ещё именуют «клоповниками» из-за большого количества прописанных в них жильцов. А на официальном сайте администрации города их определили как «деревянные развалюхи»³, которым не место в центре города. Они не представляют культурной ценности, тем не менее в случае острой необходимости их бережно «латают», чтобы отложить на время проблему обеспечения жильём немалого числа семей. По данным за 2003 год, таких нуждающихся на учёте состояло 32,3 тыс. человек⁴: это 5,5 % населения города. В местной прессе сообщалось, что региональная и муниципальная власть рассматривают возможность избавления от ветхого жилого фонда и переселения его обитателей в новые благоустроенные дома. Эта новость быстро распространилась по городу, и жители стали срочно прописываться в бараках, увеличивая таким образом количест-

---

¹ См., например: *Панкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С.14–16.

² См.: http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/General_ru/7064C11E9A80F82BCA256524001A4FBB?OpenDocument (сервер Хабаровского края).

³ См.: http://www.khabarovskadm.ru/digital_khv/news/press/index.php?ELEMENT_ID=3473. Последнее посещение 07.11.2010.

⁴ См.: http://www.nk-alliance.ru/page.phtml/rus/pressa?pub_id=80&page=4 (сайт компании НК Альянс).

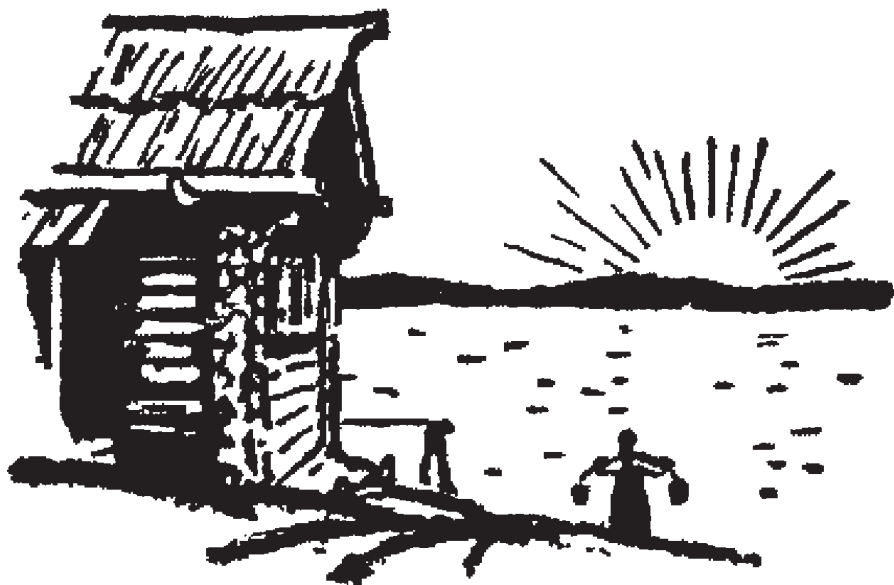

Рис. 1. Вид на Амур в первые годы существования Хабаровки

во потенциальных получателей блага и осложняя реализацию намеченного плана. Для ускорения решения квартирного вопроса бараки периодически поджигаются жильцами — но их по решению городской администрации отстраивают заново. Различие между старыми, сгоревшими, и вновь отстроенными домами заключается только в цвете фасадов: были черными, стали белыми. «Комфортность» же их остается без изменений — преимущественно печное отопление и «удобства» на улице.

Строительство бараков приходится на 30–50-е годы XX столетия. От преподавателя по истории В.Г. Попова я слышала, что в них долгое время размещались заключённые. В частности, в том районе, где я прожила десять лет, ранее были бараки для женщин. Однако мои соседи таких фактов не упоминали, хотя в советский период многое обсуждали коллективно за большим деревянным столом, где мужчины играли в домино или шахматы, а женщины лугали семечки. В 1970–1980-е годы в бараках жили рабочие заводов; многие из них полагали за счастье выбраться из полусельского частного дома в полугородскую квартиру.

В настоящее время жители города стараются избегать места расположения бараков из-за высокой концентрации в них социально неблагополучного контингента. Во многом она обусловлена снижением уровня жизни и резким повышением стоимости жилья; это и привело к тому, что часть горожан переместилась из благоустроенного жилого фонда в неблагоустроенный. Длительная ориентация строительных компаний, в том числе государственных, на возведение элитного жилья, а не социального, обернулась дисбалансом между спросом и предложением на первичном рынке жилья. В бараки из муниципального фонда выселялись злостные должники; но там же остались бывшие работники крупных производств, ветераны войны, работники социальных служб и т.д., которых подобное соседство не устраивает. Впрочем, озабоченность городских властей «барачным вопросом» вызвана не столько социальной напряженностью, возникающей в них и вокруг них, сколько неприглядностью этих сооружений. Тем более, что расположены они нередко в центре города и вдоль главных транспортных магистралей, так что систематически приходится закрывать их рекламными щитами к приезду важных гостей. При этом перед городскими властями, вероятно, открывается возможность не только замаскировать «развалюхи», но и получить прибыль от рекламодателей, что несколько снижает актуальность решения «барачного вопроса». Также появилась другая тенденция — облицовка старых деревянных домов современными материалами. Из-за таких украшательств один из жителей Хабаровска, участвовавший в проводившемся в 2009 году Институтом экономических исследований опросе по проблемам миграции, отметил, что наш город — это «Потёмкинская деревня», где кажущееся важнее реального.

В 2005 году в Москве один участник конференции молодых ученых спросил меня, правда ли, что по центральным улицам Хабаровска ходят медведи и тигры. Поводом для вопроса стал сюжет в новостях; в нём сообщалось, что в один из таёжных посёлков Хабаровского края забрёл голодный тигр. Молодой человек не заметил разницы между городом и посёлком: в его представлении все удалённые от Москвы населённые пункты выглядят одинаково: много снега, покосившиеся изгороди и размытые дороги, одним словом, «большие деревни». Но Хабаровск, несмотря на его высокую контрастность и запущенность отдельных районов, назвать такой деревней никак нельзя. Мало того,

что в нём проживает почти 600 тыс. человек — он, хотя и неравномерно, но развивается. Это подтверждают мои студенты, слушатели курса «Территориальная организация населения», который я читаю в престижном в городе вузе — в Хабаровской государственной академии экономики и права. Группа состоит из 17 девушек и 7 юношей. Специальность у них серьёзная — «Государственное и муниципальное управление», но они ещё только на втором курсе, и мир в их понимании предстаёт пока наполовину сказочным. Вместе с тем большинство из них — 20 человек — приезжие из малых и удалённых населённых пунктов, где более половины жителей составляют безработные, цены на фрукты, овощи и одежду в два-три раза выше, чем в Хабаровске, а средние зарплаты, напротив, в два-три раза ниже. Их родители работают, чтобы они получили образование и никогда не возвращались обратно. Для них Хабаровск — это «большая земля» или трамплин к ней.

Сказочный город — красивая жизнь

Студентам предлагалось нарисовать город Хабаровск, себя в Хабаровске, власть в Хабаровске, а также указать цвет города, три любые его характеристики, важнейшие проблемы и своё отношение в целом к городу. Заранее оговаривалась необходимость приводить первые ассоциации, которые приходили в голову. Все ответы студентов были анонимными. После проведения опроса работы обсуждались в группе с целью выявления степени однородности суждений и реакций на ключевые вопросы.

Что получилось? В образах, предложенных студентами, Хабаровск выглядит почти нереальным — чистым, зелёным, красивым и динамично развивающимся. Они преимущественно рисуют центральную часть города, наиболее благоустроенную и современную. Их внимание привлекают набережная Амура, пруды, церкви, фонтаны, центральная площадь (площадь Ленина), вокзал, спортивный комплекс «Платинум Арена» и другие красивые здания. Оно и понятно: центр города служит сейчас основным местом отдыха, так как в нём, кроме многочисленных административных учреждений, крупных торговых комплексов, учебных заведений, сосредоточены кафе, рестораны, бары, ночные клубы, книжные магазины и детские парки.

Изображённые на рис. 2 холмы — это так называемые красные линии, то есть центральные улицы: (слева направо) Серышева, Муравь-

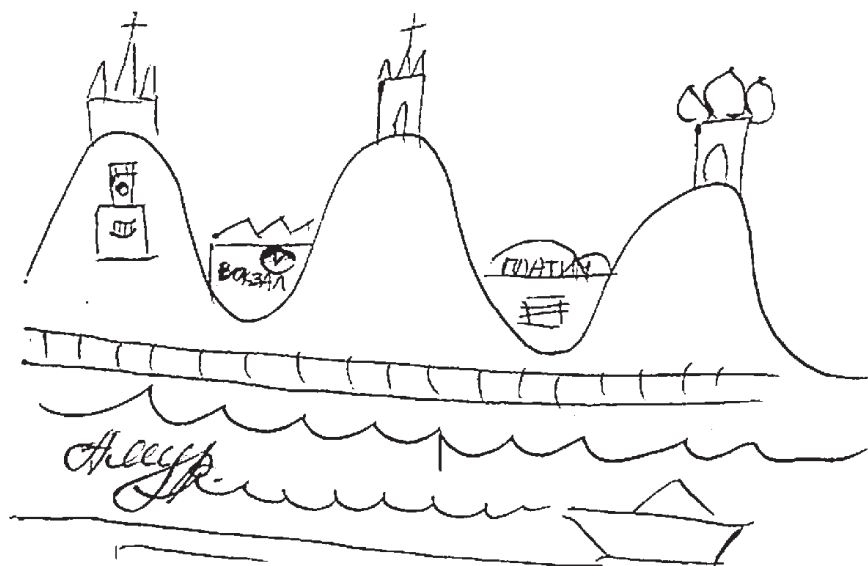

Рис. 2. Современный центр Хабаровска

ева-Амурского (ранее Карла-Маркса) и Ленина. В 1858 году во впадинах между холмами протекали две речушки, которые давно осушили из-за неприятного запаха, распространявшегося по всему городу. А холмы остались, представляя особую трудность для автомобилистов в периоды снегопадов и обледенения. Несмотря на пробки и высокую загазованность, молодые и состоятельные люди мечтают жить именно в центре. Их не останавливает почти двукратная разница в стоимости жилья: если в центре 1 м² в доме новой планировки стоит 69 тыс. рублей, то на окраинах — 39,5 тыс.¹ Наличие красивых мест отдыха для них пока более важный фактор, чем цена и экология.

По мнению ребят, власть является синонимом «красивой жизни». Наверное, поэтому они выбрали свою специальность «государственное и муниципальное управление», мечтая когда-нибудь стать частью это-

¹ Хрущевское наследие снова в цене //Тихоокеанская звезда от 26 марта 2010 г. Доступно на: http://www.gtoz.ru/page.php?page=43307&date_id_num=2010-03-31&year=2010&month=03&day_id=26. Последнее посещение 06.11.2010.

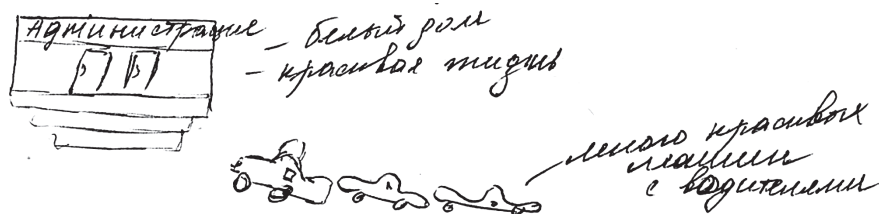

Рис. 3. Администрация или красивая жизнь

го благополучного мира. Ребята заметили, что представители власти в Хабаровске — это недосягаемые люди. Они предпочитают ездить на очень дорогих машинах таких марок, как «Мерседес» или «Лексус». Их возят водители, боятся предприниматели, задаривают подарками иностранные гости. По мнению студентов, чиновники берут взятки, много обещают и ничего не делают, ведут «красивую жизнь».

Храмы, веселье и пустота

Интересно, что церкви и фонтаны оказались самыми распространёнными образами Хабаровска. Фонтаны запечатлели 16 человек из 24, церкви нарисовали 11 человек. Фонтаны сосредоточены в центре города, благодаря чему становятся экскурсионными объектами. Церкви разбросаны по всему городу. Фонтанов в 1858 году не было, и это никого не волновало, а вот церковь стали строить сразу, так как первопоселенцы не мыслили жизни без божьего благословения. Затем церкви стали появляться во всех районах города. В советский период уцелела только одна церковь, расположенная недалеко от института физкультуры и гостиницы «Интурист». Она была переоборудована под планетарий и лишь в 1990-е годы возвратила свой духовный статус. Остальные церкви, возникшие в царский период, были разрушены. Позднее были построены две церкви, ставшие опорой для верующих в советской стране. Четыре новые церкви появились в Хабаровске в 1990–2000-е годы; их открытие приурочивалось к крупным юбилейным датам в истории края и города. Говорить в данном случае о влиянии политической борьбы не приходится, так как во время строительства церквей, как, впрочем, и других объектов социально-культурной инфраструктуры, региональная власть, целенаправленно ориентированная на планомерное обустройство города, не менялась. Средства,

потраченные на строительство церквей, на современном этапе, как и на начальном периоде формирования города, были частными. Однако, если ранее их выделяли на добровольной основе, то сейчас они собирались под лозунгом «социальной ответственности бизнеса». Причём, чем больше деятельность предприятия или компании зависела от отношения региональных и местных властей, тем больше оказывалась его/её социальная ответственность. Видимо, термин «ответственность» подразумевает обязательность исполнения и применение косвенных механизмов воздействия к уклоняющимся. Санкции такого рода могут различаться по характеру. В одних случаях они выражаются в исключении «проштрафившихся» из списков потенциальных победителей тендеров, конкурсов, получателей кредитов, квот, разрешений и т.д. В других, напротив, во включении в список объектов, подвергающихся тщательному контролю со стороны разветвлённой системы государственных служб, прямо или косвенно взаимодействующих с предприятиями. Так появились не только новые церкви, но и культурно-спортивные учреждения, дороги и другие объекты инфраструктуры.

Когда были построены новые красивые церкви, выяснилось, что связь с обществом культового места, храма, изменилась. Он всё больше становится обычным объектом культуры, выполняет эстетические функции. Число посещающих церкви растёт, однако в большинстве случаев сами посещения — лишь формальность, дань новой традиции. Говоря о храмах, ребята отмечают только внешний вид. Они любят рядом гулять, веселиться, фотографироваться и даже пить пиво, благо в этих местах есть скамеечки для отдыха.

Одна студентка изобразила город Хабаровск в виде храма, охарактеризовав его как крупный религиозный центр (рис. 4). При этом она также подметила пустоту, которую испытывают современные молодые люди. Эта пустота не компенсируется увеселением в клубах и не заполняется духовными ценностями. Отматывая свои ощущения на 10–15 лет назад, могу сказать, что, когда я была студенткой, наличие пустоты студенты, наверное, не отметили бы. На душе было много переживаний, характерных для 1990-х годов, были надежды и страхи — что-то обязательно было. Быть может, ощущение пустоты свойственно более зрелым душам; быть может, мои студенты, родившиеся в начале 1990-х, выросли быстрее, чем мои сверстники, заставшие СССР, школьную форму, пионерские звёздочки и комсомольские дружины. Для этих ре-

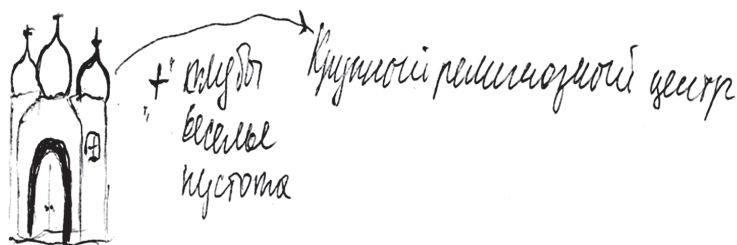

Рис. 4. Церкви, веселье и пустота

бят фраза «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить» звучит, мягко говоря, забавно; для нас она была почти реальностью. Говорит ли это о необходимости идеологического или духовно-нравственного воспитания? Не знаю. Опасаюсь перегибов, которых в российской истории было много.

Хабаровск: Россия или Китай?

Исторически дальневосточные земли были многонациональными. В окрестностях военного поста Хабаровки можно было встретить много «инородцев», преимущественно гольдов (нанайцев). Позднее их численность сократилась вследствие миграции вверх по течению Амура. Сейчас их в городе практически нет, остались единицы.

С конца XIX века на русские земли стали прибывать в большом количестве корейцы и китайцы. По темпам прироста они опережали крестьян и казаков, переселявшихся на Дальний Восток из западных районов Российской империи¹. Накануне первой мировой войны в крае, да и России в целом распространились антикитайские настроения, велись оживлённые дебаты о «жёлтой опасности»². После Гражданской войны численность китайцев резко сократилась, а большинство мест-

¹ См. в этой связи: *Граве В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве. С. Петербург. Типография В.Ф. Киршбаума. Д. М-ва Финансов, на Дворц. площ. 1912.

² См.: *Дятлов В.* Миграция китайцев и дискуссия о «жёлтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*, 2000. № 1 (8). С. 63–89.

ных корейцев в конце 1930-х годов были принудительно выселены в Среднюю Азию. Вместе с тем в советский период национальный состав города и Дальнего Востока в целом существенно обогатился за счет добровольной трудовой миграции из различных уголков союзных республик. Конфликты на национальной почве встречались, хотя обычно замалчивались.

Что касается отношения к Китаю и китайцам, то после событий на о. Даманском¹, где в ходе советско-китайского столкновения в марте 1969 года погибли 58 и были ранены 94 советских солдата и офицера², оно не могло не стать напряжённым (если не враждебным). В 1990-е годы острота вопроса снизилась, но вновь усилилась после демаркации российско-китайской границы в 2005 году и в особенности после подписания в 2008 году межправительственного соглашения о передаче в пользу Китая 2/3 территории Большого Уссурийского и Тарабарова островов на Амуре, находящихся в непосредственной близости от Хабаровска. Это соглашение вызвало негативный отклик у всех дальневосточников, даже у лояльно настроенных к Китаю. Дополнительным источником неприязни к Китаю, а косвенно и к китайцам стала подписанная в 2009 году межгосударственная Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики, рассчитанная на 2009–2018 годы. Ибо она фактически способствует концентрации объектов переработки российского сырья и экономического эффекта от сотрудничества на китайской территории, тогда как Дальнему Востоку и Восточной Сибири отводится роль поставщиков природных ресурсов.

Студенты не понимают политику российских властей в отношении развития Дальнего Востока, негативно относятся к фактам нарастания экономического давления со стороны «азиатских тигров». Ребята отмечают засилье китайских товаров и продуктов на прилавках город-

---

¹ Даманский — русское название острова, китайское — *Чженьбао*, что в переводе означает «драгоценный» (Евдокимов П. Остров инженера Ламанского // Спецназ России, 2004. № 3. Доступно на <http://www.specnaz.ru/istoriya/415>. Последнее посещение 10.11.2010). Возможно, получил такое название из-за своей формы, напоминающей китайскую монету.

² См.: Конфликт на острове Даманском. Доступно на: <http://hronos.km.ru/sobyty/1900sob/1969damanski.html>. Последнее посещение 10.11.2010.

ских магазинов, преобладание корейских «бэушных» (бывших в употреблении, подержанных) автобусов, азиатской техники. По их мнению, это не позволяет развиваться отечественным производителям. Аргументы экономического свойства о высокой стоимости доставки и ремонта автобусов, произведённых, например, в Нижегородской области, не воспринимаются, так как за экономической экспансией Китая видят политический контекст — установку на медленную и постепенную колонизацию Дальнего Востока. Соответственно они опасаются перехода в будущем российских земель к Китаю — отчасти в результате прямого военного захвата (рис. 5а), отчасти — вследствие дальнейших территориальных уступок (рис. 5б) и «плавного» оседания китайцев на российском берегу Амура. И в первую очередь они ожидают такой судьбы для Хабаровска, тем более, что на китайских картах он имеет китайское название.

Такая позиция не является доминирующей и пока остаётся по преимуществу скрытой. Однако число её открытых и активных сторонников легко может возрасти при появлении нового информационного повода. Тогда остающееся на сегодняшний день в Хабаровске и крае население продолжит «голосование ногами» — миграцию в более спокойные в политическом аспекте западные регионы страны.

Я заканчиваю свой рассказ о Хабаровске — городе, о котором можно ещё много рассказать, припомнив такие ярлыки как «сонный

Рис. 5а. Хабаровск захватывают китайские войска

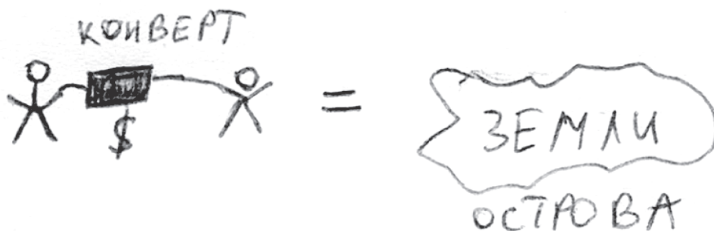

Рис. 5б. Россия продает земли Китаю

городок», «болото с комарами», «город без воды и дорог» и т.д. Каждый из них требует отдельного разговора, но даже простое их упоминание подтверждает: Хабаровск — город контрастов. В нём сохранились старые деревянные архитектурные объекты, лишённые красоты, убогие и во многом неблагополучные, но все-таки удержавшие в себе какие-то советские отголоски теплых соседских отношений, когда люди знают жильцов не только своего дома, но и всей улицы. В то же время в сравнении с остальными дальневосточными городами Хабаровск напоминает сказочный теремок с фонтанами и золотыми куполами православных храмов, где есть «красивая жизнь» и перспектива обрести к ней доступ. Это город, где в каждой столовой меню состоит из русских, корейских и китайских блюд и где пока национальная нетерпимость носит в основном обезличенную форму — не касается напрямую людей, а направлена скорее на «заграницу», откуда те приехали.

Ребята говорят, что Хабаровск «живой», яркий, красивый и шумный. А для меня он — тихий, спокойный и родной. Это город, который случайно стал Хабаровском и не стал Невельском. И если бы я умела рисовать, то представила бы его так, как это сделала моя студентка (рис. 6)...

Рис. 6. Мой Хабаровск

*Михаил Бляхер*¹

ХАБАРОВСК: МОЛОДЁЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И «ВЗРОСЛАЯ» МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА

Когда речь заходит о молодёжи, как особой социально-демографической группе, с завидной регулярностью всплывает тезис о кризисе её ценностей или отсутствии таковых². Действительно, даже на эмпирическом уровне распад ценностной системы у молодых современников фиксируется достаточно часто³. В этом контексте, казалось бы, вполне уместным описать ситуацию в терминах дюркгеймовской аномии⁴. Однако такая позиция предполагает абсолютизацию одного взгляда: взгляда «взрослого» исследователя, вольно или невольно рас-

---

¹ Михаил Бляхер — студент юридического факультета Тихоокеанского государственного университета (специальность «социальная работа»), Хабаровск.

² См., например: *Косарецкая С. В., Снягина Н. Ю.* О неформальных объединениях молодежи. М.: Владос, 2004. С.161.

³ См., например: *Калмыков А., Антонов М.* Культурно-поведенческие стили молодежи: Социологический анализ, проведенный в г. Владивостоке // Россия и АТР = Russia a. Pacific, Владивосток, 2004. № 1. С. 111–118.

⁴ См.: *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с франц., с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994.

пространяющего на молодёжь ценностные рамки иного (своего) поколения, иной (той, к которой он принадлежит) социально-демографической общности. По нашему мнению, это, в свою очередь, объясняется, абсолютизацией существующих установлений (институтов) и связанной с ними ценностной шкалы. Забывают о том, что молодёжь не только усваивает определённые институциональные размерности, когда входит в существующий «взрослый» мир, но и трансформирует его. Соответственно, то обстоятельство, что исследователь не обнаруживает у молодых респондентов искомым — ему знакомых и им разделяемых — ценностей, отнюдь не означает, что у молодёжи нет *иных* ценностей, *иных*, вполне устойчивых, форм социального взаимодействия. Эти ценности и формы социальной организации молодёжной среды, которые в силу специфики существующего инструментария загнаны в сферу «непоименованного»¹, мы и попытаемся сделать предметом анализа.

Предмет и метод

Для начала попытаемся определить, что такое «молодёжь». В социологическом смысле — это социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей её социального положения, места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей. В нашей работе мы решили ограничить возрастные рамки промежутком 18–29 лет. Он выбран не случайно. Мы считаем, что именно в этот период молодёжь наиболее изменчива. В этом возрасте молодые люди стремятся доказать себе и окружающим свою независимость, значимость и индивидуальность, получают образование, осваивают профессии, заводят семьи². В то же время важно не забывать, что при любых возрастных границах, избираемых для того, чтобы отделить молодёжь от остального населения, она всегда будет общностью многосоставной и сложной³:

---

¹ Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005. С. 316.

² Подробнее см.: Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учебное пособие. СПб.: Летний сад, 2000. С. 416.

³ Цымлов В. Год потерянного поколения. Доступно на: http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2009/02/07/god_po-teryannogo_pokoleniya/. Последнее посещение 16.11.2010.

«Понятие “молодёжь” — относительно общая характеристика людей одного возраста. На самом же деле молодёжная среда разнообразна. В ней порой неестественным образом сочетаются различные слои, группы, сегменты — элитные, высокоинтеллектуальные, культурные и маргинальные, малообразованные и полностью безграмотные; общественно активные и пассивные, агрессивно настроенные, экстремистские и прогосударственные; богатые, обеспеченные и бедные, нищие, находящиеся на грани выживания; законопослушные и преступные с девиантным поведением; работающие, трудолюбивые и безработные, беспризорные; семейные, влюблённые и т. п.

Сегодня по разным оценкам в России проживают более чем 30 млн человек в возрасте 16–27 лет, что составляет свыше 21% от общей численности населения страны. В ходе рыночных преобразований, сопровождающихся внедрением западных либеральных ценностей, в молодёжной среде происходят существенные изменения противоречивого характера — как позитивные, так и негативные».

Также немаловажным будет отметить, что при выяснении восприятия современной молодёжи посредством социологических опросов она предстает отнюдь не в лучшем свете. Вот данные ВЦИОМ. На вопрос «Молодёжь — какая она?» получены ответы: агрессивная (выбрали эту опцию 50%), циничная (40%), образованная (30%), трудолюбивая (8%), искренняя (3%)¹. Как мы видим, в глазах современного «взрослого» общества, как и самого молодого поколения, молодёжь — по преимуществу нечто озлобленное и циничное, однозначно подлежащее перевоспитанию. Так ли это? Сложно утверждать наверняка, ведь с одной стороны данная точка зрения не могла появиться из ничего, а с другой, вряд ли можно себе представить, что какое-то поколение всецело или в подавляющем большинстве выглядит столь непрезентабельно.

Если для большей части социологических описаний молодёжи в основу кладётся институциональный анализ, то в нашем случае, чтобы проникнуть за «ширму» составленную из легальных институтов, необходим иной подход, идущий от неоинституционализма Д. Норта². Институт в рамках данного подхода представляет собой «правила

---

¹ Материалы обследования см. на: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=154&q_id=12885&date=04.02.2007. Последнее посещение 05.07.2010.

² См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

игры», детерминирующие социальную активность акторов. Легальные и устойчивые формы (ценности) составляют лишь одну из частей этих правил. Не менее значимыми оказываются неформальные установки, принятые в данной среде, даже если они не имеют официально признанных форм презентации.

Анализ всей российской молодёжи выходит за рамки наших возможностей, поскольку требует принципиально большего массива данных, нежели тот, каким мы располагаем. Мы ограничили нашу задачу молодёжью одного российского города — Хабаровска.

Хабаровск: молодёжная политика в «седьмой столице»

Хабаровск — центр Хабаровского края и столица Дальневосточного федерального округа. Статус «седьмой столицы» и многолетние усилия властей навели лоск на центральную, выставочную часть города. Этот — лакированный — образ Хабаровска и транслируется властями, как образец «европейского города на востоке России»¹. Но стоит отъехать на пару километров от «парадных» зданий и центральных улиц, как облик города разительно меняется. Сквозь глянец проступает российская провинция со всеми её проблемами и бедами.

Что-то похожее происходит и с молодёжью города на Амуре. Если посмотреть строки официальной статистики, то страшно хочется приобщиться к этой, без сомнения, обласканной вниманием властей группе. Молодёжь составляет более 27% населения города. Её поддержкой занимаются комитет по молодёжной политике правительства Хабаровского края и городской отдел по работе с молодёжью. Ежегодно принимаются постановления о необходимости «улучшить и расширить». Действительно, улучшают и расширяют. Так, за последние годы введено в строй восемь спортивных объектов (стадионов, бассейнов), ориентированных на развитие физической культуры молодёжи. Правда, по совершенно непонятной причине цены на посещение этих чудесных заведений увеличились настолько, что средний представитель молодёжи предпочитает от услуг таких «центров здоровья» отказаться. В свете программ по поддержке молодой семьи построено три многоквартирных дома. Проводятся конкурсы молодых ученых и предпринимателей, фестивали молодых та-

---

¹ *Доронина Н.* Хабаровск вновь признан самым благоустроенным городом России // Российская газета, 2009, 5 сентября.

лантов «Студенческая весна», профессиональные конкурсы среди учащихся ПТУ и техникумов. Каждое лето сотни школьников и студентов отдыхают в комфортабельных — на самом деле комфортабельных — лагерях и зонах отдыха. Количество молодёжных организаций, призванных обеспечивать полноценное (патриотическое, физическое, творческое, нравственное и всякое другое) развитие молодых людей¹, скоро, надо полагать, приблизится к числу этих самых молодых людей. Правда, более или менее значимой из них является, пожалуй, только «Молодая гвардия» — молодёжное крыло «Единой России». Но и её массовой не назовёшь — если судить о численности по количеству постоянных членов, а не по числу участников массовых акций, в приказном порядке снимаемых ради такого дела с занятий. Можно выделить и Молодёжную палату при Законодательной думе Хабаровского края; она представляет собой совещательный орган, полностью состоящий из молодых людей до 30 лет (сейчас самому старшему её участнику — 27 лет), непосредственно контактирующий с законодательной властью края. Кажется, молодёжи города можно только позавидовать. Но это, скорее, кажется...

Хабаровск: реальная молодёжная жизнь

Достаточно интенсивная и разнообразная, она течёт, минуя все эти замечательные начинания. В 2009 году мы провели опрос среди молодых людей города (n = 450, генеральная совокупность — молодёжь города Хабаровска от 16 до 25 лет, тип выборки — квотно-территориальная). Результаты его были достаточно неожиданными. Более 70% (71,3) респондентов вообще не состоят в каких-либо официальных молодёжных организациях. О том, что эти организации существуют в крае, включая всероссийские «Молодую гвардию», «НАШИХ» и т.д., слышали 56% опрошенных. Назвать их лидеров смогли только 4,6% респондентов. Активными участниками городских и краевых мероприятий (конкурсы, фестивали, семинары) назвали себя только 20% молодых людей. Было высказано крайне негативное отношение к массовым акциям. Для 37% респондентов это «обязаловка», ещё 32% отметили, что «участвуют потому, что могут быть неприятности».

---

¹ По данным краевого Комитета по молодежной политике, любезно сообщённым автору, всего их насчитывается 1186 (на 2007 год)

Чем же живут молодые люди города, уклоняющиеся от официальной общественной жизни или участвующие в ней исключительно «по приказу»? Молодёжная среда Хабаровска — это сетевая (не иерархическая структура), в которой явно выделяются ядро и периферия. Ядро образуют молодёжные группы, объединяемые тем или иным увлечением или формой деятельности. Если в 1990-е годы, по воспоминаниям старших, немалая часть молодых людей входила в криминальные или полукриминальные объединения (*спортсмены, киокушины*¹), то сегодня вместо них мы видим более или менее локальные группы уличных хулиганов (*гонники*²), воспроизводящие с минимальной успешностью опыт «старших товарищей». Достаточно слабо в молодежной культуре Хабаровска представлены и такие «традиционные» молодёжные объединения, как *эмо*³, *панки*⁴, *скинхеды*⁵.

Гораздо более многочисленными и влиятельными в городе являются другие ядра. В «нулевые» годы одной из самых влиятельных в городе молодёжных групп становятся *ролевики*. Если первоначально это были поклонники творчества Толкиена, то после 2005 года, когда объединение раскололось на несколько групп, тон стали задавать сторонники ролевых игр, инсценирующих вымышленные сюжеты, а также игр на материале отечественной истории. При том, что сегодня объединение ролевиков переживает кризис смены поколений (лидеры движения конца 1990 – начала 2000-х по большей части уехали в другие города), эта молодёжная группа остаётся структурированной: её «держат» три городских клуба, в которых, по утверждению участников движения, состоят до 1500 человек. Каждая группа («племя», «род») имеет в городе место локализации, где проводились / проводятся встречи

---

¹ Криминальные сообщества, образовавшиеся в начале 1990-х, в основном были сформированы из молодых людей, занимавшихся тем или иным видом спорта.

² Молодые уличные хулиганы, сбивающиеся в своеобразные банды и терроризирующие население, были широко распространены на Дальнем Востоке в 2000–2005 годах.

³ Молодёжная группа, для которой характерен свой, вызывающе яркий, стиль одежды и чрезмерно эмоциональное поведение.

⁴ Молодёжная группа, традиционно противопоставляющая себя обществу, политике.

⁵ Националистическое молодёжное сообщество.

и инсценировки. Как правило, это парковые зоны города: парк у Музыкального театра, городские пруды, парк «Динамо», набережная. Достаточно большое число молодых людей составляет периферию объединения, эпизодически посещая встречи ролевиков. Примерно таким же образом организована группа *любителей аниме*. Здесь лидерами становятся молодые люди, регулярно посещающие Японию и потому «ближе» стоящие к «подлинной культуре аниме», обладающие возможностью достать не только новый фильм или атрибут, но и узнать что, где и когда выходит, а также участвующие в организации мероприятий аниме-тусовки.

На рубеже XX–XXI веков одним из наиболее многочисленных было объединение *любителей рок-культуры*. В городе работало три рок-кафе. Сегодня им выжить непросто, некоторые из них временно вынуждены были закрыться. Однако в ночные клубы и даже в некоторые учебные заведения на проводимые там музыкальные мероприятия довольно часто приглашают рок-исполнителей. В рамках этого же объединения проводился ежегодный рок-фестиваль, собиравший, по утверждению организатора Юрия Вязанкина, до 15 тысяч участников и зрителей. В настоящее время рок-объединение тоже переживает не самые лучшие времена, хотя новые рок-группы продолжают появляться.

Ещё более трудно поддаются учёту группы *квакеров*, *воверов*¹ и им подобных любителей соответствующих сетевых компьютерных игр. Тем не менее, распространённость этого явления, по наблюдению автора, значительная. В городе проводятся индивидуальные и командные соревнования, встречи в off-line (в реальном мире). Необходимо также подчеркнуть важность наличия групп *блоггеров* и *кибер-панков*²: как правило, именно представители этих групп хорошо знакомы и с новыми информационными технологиями, и с политическими событиями в России и мире.

---

¹ Условное название молодых людей, объединённых увлечением компьютерными играми, название — немного видоизменённое название игры.

² Блоггеры и киберпанки — достаточно аморфные группы, основной характеристикой которых, является широкая включённость в виртуальный мир Интернет. Блоггеры предпочитают вести свои блоги в системах livejournal и других, а киберпанки обживают различные форумы, чаты и другие места, где можно осуществить коммуникацию при помощи Интернета.

Где выход?

Таким образом, в городе, с одной стороны, есть структурированные и организованные официальные молодёжные группы, теоретически способные облегчить молодому человеку восходящую социальную мобильность, но не пользующиеся популярностью в молодёжной среде. С другой стороны, есть гораздо более «рыхлые» молодёжные сети, существующие помимо официальных структур и выступающие скорее в качестве «институтов ухода» от официоза. Причина такого разделения, на наш взгляд, проста. Молодёжная политика планируется и реализуется сегодня в основном людьми старших возрастов. Так, средний возраст работников комитета по молодёжной политике приближается к 40 годам. В рамках официальных структур формируется совершенно мифическое представление о том, какая в Хабаровске молодёжь и что ей нужно. Многочисленные «исследования молодёжи», проводимые в крае, в том числе и при участии автора этих строк, формулируют вопросы на «взрослом» языке — и получают совершенно неадекватные «ответы»¹, более говорящие о спрашивающих, чем об отвечающих. Но именно по этим «ответам» пишутся молодёжные программы и проекты.

В то же время молодёжные сети в городе испытывают не меньше проблем. Да, в них включена значительная часть молодых людей. Но отсутствие какого-либо официального статуса и собственного места, невозможность сети превратиться в канал социальной мобильности ведут к негативным результатам. Наиболее яркие лидеры инвестируют свой авторитет в иные, не молодёжные сферы: становятся руководителями СМИ, государственными служащими, преподавателями вузов. Движения остаются без лидеров. Смена поколений протекает крайне болезненно, а любой конфликт внутри движения чреват его распадом.

Наверное, лучшим решением было бы совмещение молодёжных сетей города и молодёжной политики, субъекты которой в этом случае увидели бы, неожиданно для себя, не мифическую (неважно, «плохую» или «хорошую»), а реальную молодёжь. Тогда молодым людям «седьмой столицы» действительно можно было бы позавидовать.

---

¹ См., например: Молодежный потенциал региона: опыт социологического анализа. Дальневосточная академия государственной службы / Авт. колл. Байков Н. М., Березуцкий Ю. В., Буката Е. В., Каширина Л. В., Шиян В. Н. / Под ред. Н.М. Байкова. Хабаровск: ДВАГС, 2001. С. 335.

Трудно спрогнозировать, какой фактор может оказать решающее воздействие на молодёжь. Как бы ни было тяжело это признавать, по большей части Комитету по молодежной политике края остаётся работать, что называется, с тем, что есть. То есть не участвовать в формировании молодёжного мировоззрения, а пытаться скорректировать или перенаправить мировоззрение, уже в той или иной степени сформировавшееся.

Мы не зря так подробно останавливались на неформальных объединениях, именно через них мы предлагаем воздействовать на молодых людей Хабаровска.

Попытаемся объяснить нашу идею на примере объединения ролевиков. Ролевики появились ещё в СССР, в 1980-е годы, на базе Клубов любителей фантастики. К ним также относятся *реконструкторы* и *толкиенисты*. При всей кажущейся оторванности от реальности члены этого объединения, как правило, имеют достаточно глубокие знания по истории России и высокий патриотический дух. Тут сразу возникает вопрос: «А почему же они никак не пытаются реализовать свой патриотизм, помочь своей стране?». Мы предполагаем, что причина — в недоверии молодёжи к власти. Молодые люди боятся, что при её вмешательстве все их усилия заранее будут обречены на провал, а значит не стоит и прилагать усилий. Некоторые, впрочем, что-то пытаются сделать, используя формальную либо реальную принадлежность к какой-либо партии; но проблема в том, что они сами не особенно верят в то, что способны чего-то добиться, и быстро теряют первоначальный энтузиазм. Причины возникновения подобных ситуаций очевидны. Государственная политика ориентирована на ту молодёжь, которая возникает в «исследованиях» людей, крайне далеких от неё. На их основе (а часто просто на основе собственных представлений бюрократии) выстраивается система показателей, на которые ориентируется чиновник от молодёжной политики, по которым он отчитывается. К сожалению, к реальной молодёжи, её жизни и интересам эти показатели имеют косвенное отношение. Живая молодёжь из плоти и крови, не прошедшая систему специальной дрессировки, не просто безразлична чиновнику, она ему мешает. И он соответствующим образом (вполне адекватно, со своей точки зрения) на неё реагирует или не реагирует. То есть либо мы имеем дело с мощной системой подавления молодёжных инициатив, либо с их полным игнорированием.

Но уже в самом наличии чиновников от молодёжной политики заключена возможность «союза» формальной и неформальной молодёжных сфер. Ведь лидеры неформальных движений остро нуждаются в статусе и в хоть каком-то финансировании. На наш взгляд, надо просто изменить систему показателей, за которые отчитывается чиновник, включить в них живую молодёжь, описанную на адекватном языке.

Мы утверждаем, что при проведении такого рода несложных и не очень затратных для бюджета края мероприятий в течение ближайших пяти лет можно достигнуть активного взаимодействия с более чем 60% молодёжи города. Оно позволит государству по-настоящему увидеть молодёжь. Это, в свою очередь, приведет нас не только к доверительным отношениям «молодёжь — государство», но и к более продуктивной работе во всех сферах жизни регионального сообщества. Ведь нынешняя молодёжь — это те, кому в будущем предстоит вершить судьбы нашего края. И если мы сейчас не установим доверительные межпоколенные отношения, то в будущем нас ждут горькие плоды подобной непредусмотрительности. Остаётся лишь надеяться, что государство прислушается к мнению молодых людей и сделает первые шаги по пути к настоящей, продуктивной работе с молодёжью.

*Ирина Новикова*¹

МОЛОДЁЖЬ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО ПУТИ?

Молодёжь — наиболее активная часть населения, обладает значительным трудовым и репродуктивным потенциалом. На молодые годы приходится время становления личности, выбора человеком жизненного пути. Справедливо утверждение, что представление о молодёжи как о социальной группе, принадлежащей будущему, есть не что иное, как «обыденная интерпретация» сложного социального феномена². Но равным образом справедливо и другое: исторический опыт многих стран доказывает, что молодёжь действительно может образовывать социальную опору нововведений, ударную силу в деле построения нового общества. Территория с высокой долей в структуре её населения молодых людей в трудоспособном возрасте имеет, как минимум, лучшие пер-

---

¹ Ирина Новикова — доцент кафедры экономической теории и государственного управления Амурского государственного университета, г. Благовещенск.

² *Омельченко Е.* Молодёжь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. С. 12.

спективы развития, чем территория, в населении которой удельный вес молодых невелик. В современной России одновременно с острым демографическим кризисом четко обозначился «западный дрейф» — тенденция к концентрации населения в европейской части страны, главным образом в Центральном федеральном округе. Хотя она и ослабела в последнее время¹, одной из наиболее острых проблем Сибири и Дальнего Востока остаётся увеличение численности молодых людей за счет роста рождаемости и сокращения миграционного оттока. Это относится и к Амурской области.

Фортпост страны и Дальнего Востока

Амурская область находится на юго-востоке Российской Федерации, на юге граничит с Китайской Народной Республикой, на севере — с Республикой Саха (Якутия), на западе — с Забайкальским краем, на востоке — с Хабаровским краем и Еврейской автономной областью. Территория Амурской области — 361,9 тыс. км², это около 12 % площади всего российского Дальнего Востока. Но плотность заселения низкая — при общей численности жителей на 1 января 2009 года в 864,5 тыс. человек на 1 км² приходилось лишь 2,4 человека. На ту же дату в области насчитывалось всего 9 городов, 20 посёлков городского типа и 602 сельских населенных пункта².

Исторически область — фортпост страны и региона на Верхнем и Среднем Амуре. Её экономика на всех этапах хозяйственного освоения Приамурья строилась с учётом геополитических интересов государства, необходимости укрепления Дальнего Востока как опорного края державы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Преобладающими в структуре хозяйства являются топливно-энергетический, аграрный, транспортный комплексы и сырьевые отрасли, прежде всего золотодобывающая и лесозаготовительная. По минеральному сырью экономический потенциал области оценивается в 400 млрд долларов США. По прогнозным ресурсам россыпного золота область занимает первое мес-

---

¹ Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневыский. М.: Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2009. С. 242–243.

² Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2009: Стат. сб. / Росстат. С. 605.

то на Дальнем Востоке и в России и третье в мире (после Аляски и Калифорнии). Обнаружено свыше 3 тыс. проявлений россыпного золота, в разработке ежегодно находится порядка 200–250 россыпей¹.

В Амурской области сосредоточено 80% гидроресурсов Дальнего Востока. Рек длиной более 10 км в ней свыше 29 тыс. Главная река, Амур, занимает девятое место в иерархии великих рек планеты: около 3 тыс. км. Другая крупная река — Зея; по протяженности она вторая в Дальневосточном регионе, взятом в его традиционном составе (то есть без Якутии)². На просторах области сосредоточено 40% сельхозугодий и 50% всех посевных площадей Дальнего Востока. Основная отрасль сельского хозяйства — растениеводство: выращиваются зерновые, технические и овощные культуры. В агропромышленном комплексе занято почти 30% работников сферы материального производства. Они дают свыше трети валового продукта области, более половины зерна, производимого во всём Дальневосточном федеральном округе (далее ДВФО), около 70% сои (60% в целом по стране), более четверти картофеля, треть мяса и молока³.

Богатый природно-ресурсный потенциал области предполагает широкие возможности роста, однако экономическая ситуация в области данному предположению не отвечает, что негативно отражается на трудовых ресурсах, особенно на их молодёжной части.

Регион молодых?

Амурская область довольно долго считалась регионом молодых. На её территории располагалась стройка века БАМ, на которую со всего Советского Союза съезжались молодые работники. Строительство гидроэлектростанций, космодрома Восточный, освоение новых сельскохозяйственных угодий — все это стимулировало приток в область молодёжи. Однако в постсоветские годы положение кардинально изменилось. Численность молодёжи в 1990-е годы заметно сократилась в результате значительного миграционного оттока за пределы области⁴. С 1992 по

---

¹ Амурская область. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2004. С. 27.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

⁴ Молодёжь Амурской области: Пресс-выпуск Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Амурской области от

2009 год абсолютная численность постоянного населения в возрасте 15–29 лет сократилась с 236,8 тыс. человек (22,6% от общей численности постоянного населения) до 225,3 тыс. человек, хотя доля его возросла (26,1 %). Снижение происходило в основном за счёт возрастной группы 15–19 лет, то есть лиц, вступающих в трудоспособный возраст. Так, если в 2008 году их было 82,5 тыс. человек, то в 2009 — 62,1 тыс. Далее, в 2006 году численность лиц, вступивших в молодёжный возраст (16–29 лет), впервые сравнялась с численностью вышедших из него. В сочетании со смертностью и миграционной убылью это следствие спада рождаемости в 1990-е годы привело к сокращению численности лиц молодёжного возраста. А начиная с 2007 года, численность лиц, выходящих из молодёжного возраста, стала превышать численность входящих в него¹. Параллельно растёт удельный вес молодёжи в общей миграционной убыли: в 2009 году он составил уже 46,0% от общей величины оттока (в 2008 — 36,5%)².

Результаты социологического опроса выпускников вузов ДВФО³ показали, что большая часть опрошенных студентов, проходящих обучение в Амурской области, не планирует здесь оставаться (рис. 1).

Основным сдерживающим фактором оттока молодёжи после окончания учебного заведения является наличие высокооплачиваемой работы (рис. 2), а главные причины, по которым студенческая молодёжь планирует покинуть область, — это тоже возможность трудоустройства,

---

23.09.2009. Доступно на: www.amurstat.gks.ru. Последнее посещение 08.11.2010 года.

¹ Демографический ежегодник Амурской области: Стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2010. С. 90.

² Численность и миграция населения Амурской области за 2009 год: Бюллетень / Амурстат. Благовещенск, 2010. С. 48, 56.

³ Исследование 2005 года «Студенчество Дальнего Востока: проблемы и перспективы профессионального становления» (n= 1940). Генеральную совокупность составили студенты старших курсов, обучающиеся в вузах ДВФО. Тип выборочной совокупности — многоступенчатый, квотный, случайный на этапе отбора респондентов. Научный руководитель — д. соц. н., проф. Н.М. Байков, Дальневосточная академия государственной службы. Результаты исследования приведены в работе: *Байков Н.М., Березутский Ю.В.* Дальневосточная молодежь как субъект миграционных настроений // *Власть и управление на Востоке России*, 2008. № 4 (45). С. 107–114.

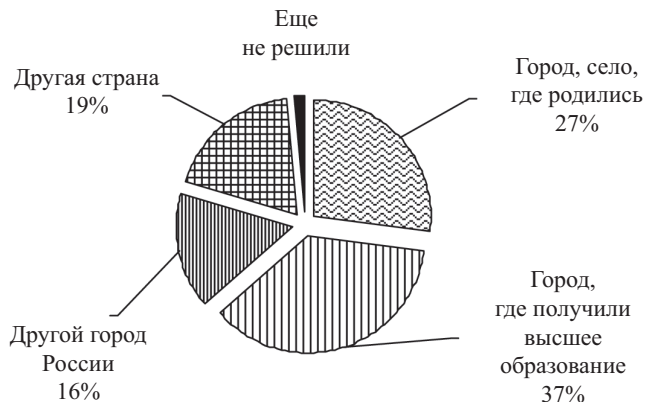

Рис. 1. Распределение ответов по планируемому месту проживания после окончания вуза (в процентах от числа опрошенных)

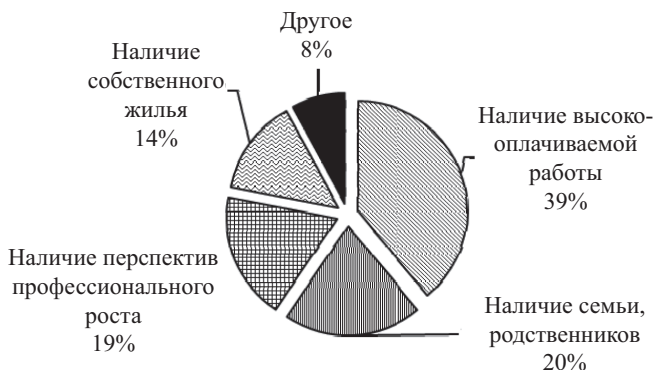

Рис. 2. Распределение ответов по факторам закрепления в местах проживания (в процентах от числа опрошенных)

приносящего высокие заработки (рис. 3). В этой связи заметим, что в 2008 году среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составила в области 16 665,0 руб., в Приморском крае — 16 805,1 руб., в Хабаровском — 18 984,5 руб., Камчатском — 27 254,2 руб., а в ДВФО в целом — 20 778,3 руб.¹ Как следствие, по величине среднедушевых

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. / Росстат. М.: 2009. С. 170–171.

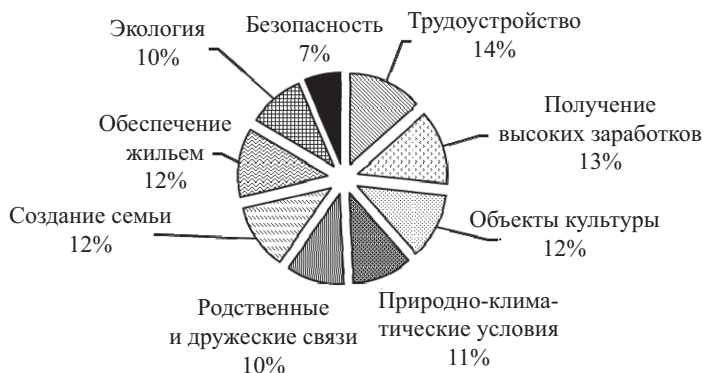

Рис. 3. Распределение ответов по факторам выезда
(в процентах от числа опрошенных, планирующих уехать)

доходов населения — 11 936 руб. в месяц — Амурская область занимала тогда же предпоследнее место в регионе, опережая только Еврейскую автономную область, а в РФ в целом — 40-е. В следующем году радикальных изменений не произошло: так, среднемесячная зарплата в Амурской области в 2009 году по-прежнему отставала от средней по округу более чем на 4 тыс. руб. (19 019,0 и 23 307,5 руб. соответственно)¹.

На результаты опроса повлияла и ситуация на рынке труда молодёжи. В 2009 году в экономике Амурской области было занято 41,2 тыс. человек в возрасте моложе 25 лет и 46,4 тыс. лиц в возрасте 25–29 лет. Это чуть более 1/5 (20,8%) от общего числа занятых. При этом по сравнению с 2000 годом численность занятых в возрасте до 20 лет упала в 5 раз, а их удельный вес в общей численности занятого населения сократился в 2,3 раза. За тот же период численность занятых в возрасте 20–24 лет уменьшилась на 2,1 тыс. человек, или на 5,0%, а доля во всём занятом населении — на 0,6 процентного пункта². Уровень безработицы среди молодёжи в целом был в 3,9 раза выше, чем в возрастной группе 30–49 лет³. По данным обследования по проблемам занятости,

¹ Труд и занятость в Амурской области в 2009 году: Сб. / Амурстат. Благовещенск. 2010. С. 61–62.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 99.

проведённого Федеральной службой государственной статистики по Амурской области, в 2009 году 1,2 тыс. молодых людей в возрасте 15–19 лет, 15,0 тыс. в возрасте 20–24 года и 5,6 тыс. в возрасте 25–29 лет активно искали работу и в соответствии со стандартами МОТ классифицировались как безработные¹. Уровень безработицы, подсчитанный как отношение численности безработных к численности экономически активного населения, составил 13,2% в среднем по возрастной группе 15–24 года, и 10,5% — по возрастной группе 25–29 лет. В общей численности безработных на лиц в возрасте 15–24 года приходилось 40,6%, в возрасте 25–29 лет — 14,0%. И, хотя при ретроспективной оценке ситуации с молодёжной безработицей можно говорить о положительных сдвигах в этой области (так, с 2000 по 2009 год её уровень снизился почти в 2 раза, с 22,4% до 10,9%), это снижение сопровождалось падением уровня занятости молодёжи: в возрасте 15–19 лет — с 2,8% в 2000 году до 1,4% в 2009, в возрасте 20–24 лет — с 10,2 до 9,8%².

Оценивая все эти цифры, следует иметь в виду, что снижение уровня молодёжной безработицы свидетельствует не столько о высокой доле молодых, ищущих работу, сколько об относительно низкой доле в её составе занятых. Дело в том, что значительная часть молодёжи в возрасте 15–24 лет обучается в учебных заведениях и классифицируется как экономически неактивное население. Это означает, что их не учитывают в составе занятых, следовательно, уровень молодёжной безработицы завышается. Налицо проблема учёта, и она только обостряется по мере того, как растёт численность учащейся молодёжи. По сравнению с 2000 годом число молодых людей, обучающихся по дневной форме, увеличилось к 2009 году в 1,3 раза в возрастной группе 20–29 года и сократилось в 1,2 раза — в группе моложе 20 лет. В 2009 году в Амурской области около 94% молодых людей в возрасте 15–19 лет обучались в дневных учебных заведениях и классифицировались как экономически неактивное население, работали же только 3,3% молодых людей данного возраста. Среди молодёжи в возрасте 20–24 года удельный вес занятых был значительно выше, обучающихся — ниже: соответственно 49 и около 38%. Наконец, в возрастной группе 25–29 лет доля обучающихся была незначительной — 4,5%, а доля занятых, напротив, очень

---

¹ Труд и занятость в Амурской области в 2009 году... С. 99.

² Там же. С. 29.

значительной — 70,5%, и объясняется это тем, что в основной своей массе молодые люди заканчивают обучение к 23–25 годам¹.

Переход молодёжи в категорию экономически неактивного населения, занятого учёбой, объясняется повышением престижа высшего профессионального образования в стране, а для юношей существенную роль в выборе обучения в вузах играет возможность избежать таким образом призыва в армию. С 2000 по 2009 годы число высших учебных заведений в области увеличилось с четырёх до шести². Правда, прием в них на дневные отделения сократился в 1,5 раза, а по сравнению с 2008 годом — даже почти в два раза (в 2009 году на эти отделения было принято всего лишь 2,9 тыс. студентов³). Но объясняется эта разница резким сокращением численности выпускников 11-х классов — с 7,6 тыс. человек в 2008 году до 4,5 тыс. в 2009⁴, а вовсе не внезапным падением интереса к высшему образованию. Стремление поступить в вуз по-прежнему сильно представлено в поведенческих мотивациях молодых, о чём говорит и такой показатель: в 2009 году стали студентами 37,2% молодых людей, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании. Как следствие, возросло число студентов очной формы обучения на 10 000 человек трудоспособного возраста: с 188,7 до 202,4, или на 36%⁵. В то же время отмечалось сокращение приёма в средние специальные учебные заведения. Во многом это было обусловлено объективным фактором — уменьшением общей численности выпускников школ, получивших аттестат об основном общем образовании, с 14,6 тыс. человек в 2000 году до 9,2 тыс. человек в 2009 году⁶; но свою роль сыграла и относительное падение престижности обучения в таких заведениях сравнительно с учёбой в вузах. Наконец, особо следует сказать о ситуации с начальным профессиональным образованием. Если заметное снижение приёма в высшие и средние специальные учебные заведения фиксируется с 2006 года

---

¹ Образование в Амурской области: Сб. / Амурстат. Благовещенск, 2010. С. 15.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 79.

и в немалой степени вызвано чисто демографическими причинами, то приём в учебные заведения начального профессионального образования начал снижаться уже с конца 1980-х годов вследствие падения привлекательности для молодёжи рабочих профессий. В 1990 году в профессиональные училища было принято 8,7 тыс. человек, в 1995 году — 8,1 тыс., в 2000 году — 7,7 тыс., в 2009 — 5,0 тыс. человек¹. Соответственно менялся и объём выпуска. Так, в 1995 году в расчёте на 10 000 человек занятого населения профучилищами было подготовлено 159 квалифицированных рабочих, а в 2009 году — 99,2². И это при том, что потребность экономики области в квалифицированных рабочих кадрах остаётся высокой и в ближайшие годы будет только расти.

В 2009 году из общей численности занятой молодёжи в возрасте 15–29 лет около 28% работали в оптовой и розничной торговле (при доле всех занятых в этой отрасли в общей занятости в 23%), свыше 25% (16,2 %) — на транспорте и связи, 4,7% (13,5 %) — в сельском хозяйстве. Помимо непрестижной и низкодоходной занятости в аграрном секторе, представительство молодых существенно ниже и в тех видах экономической деятельности, что обеспечивают вознаграждающую занятость либо, как минимум, относительно «приличный» социальный статус: в финансовой отрасли, в сфере операций с недвижимостью, в здравоохранении, строительстве, предоставлении коммунальных, социальных и персональных услуг³.

Обобщённое представление о роли и месте молодёжи Амурской области в демографических и экономических процессах дают следующие показатели. В 2009 году прирост рождаемости лишь на 1/5 обеспечивался молодёжью, несмотря на то, что её удельный вес в численности женщин детородного возраста составлял 45%⁴. Общий уровень занятости молодёжи за девять лет снизился незначительно (с 42,6 до 39,9%), но при этом изменился возрастной состав занятой молодёжи: как было показано, весьма ощутимо уменьшилась численность работающих в возрасте моложе 25 лет.

---

¹ Образование в Амурской области... С. 110.

² Там же. С. 111.

³ Труд и занятость в Амурской области... С. 34.

⁴ Демографический ежегодник Амурской области... С. 84.

Есть ли будущее?

По прогнозу Росстата (средний вариант)¹, численность молодежи в Амурской области будет сокращаться и далее. Её удельный вес в общей численности населения снизится с 24,9% в 2009 году до 19,5% в 2016 году. При этом наиболее заметно будет сокращаться численность молодежи в возрасте 20–24 лет, то есть наиболее перспективный её сегмент, который впервые выходит на рынок труда после окончания высших учебных заведений, создаёт семьи. К 2016 году численность молодежи этой возрастной категории снизится до 51,3 тыс. человек, или на 38,2% относительно 2009 года. А численность лиц в возрасте 16–19 лет уменьшится к 2016 году на 38,1 %.

Сокращение численности молодежи будет продолжаться до 2023 года и повлечёт за собой негативные экономические, демографические и социальные последствия. Прежде всего, оно скажется на количественных и качественных характеристиках экономически активного населения, ограничит возможности подготовки кадров для экономики области, усилит нехватку квалифицированной рабочей силы. Резкое сокращение численности молодежи в ближайшие годы существенно сузит естественную основу для роста рождаемости населения области.

Сокращение может быть скомпенсировано, хотя бы отчасти, за счет увеличения интенсивности деторождений. Но для этого потребуются специальные меры властей как федерального, так и регионального уровня, направленные на повышение рождаемости, на предоставление целевой помощи молодым семьям. Необходима и корректировка региональной молодежной политики. Основное место в ней должно принадлежать содействию эффективной занятости молодежи, обеспечению её жильем.

В настоящее время на территории области созданы специализированные организации, ответственные за проведение в ней молодежной политики, принята Концепция государственной молодежной политики Амурской области². Она предусматривает: 1) создание условий для профессиональной востребованности и занятости молодых кадров, разви-

---

¹ Молодежь Амурской области...

² Концепция государственной молодежной политики Амурской области. Утверждена распоряжением губернатора Амурской области от 18 июля 2008 г. № 332-р.

тие инновационного потенциала и деловой активности молодёжи; 2) информационно-правовую поддержку молодёжи; 3) формирование условий для гражданского, патриотического и духовно-нравственного воспитания молодёжи; 4) пропаганду здорового образа жизни; 5) профилактику асоциальных явлений в молодёжной среде; 6) поддержку молодёжных и студенческих инициатив; 7) создание молодёжного регионального кадрового резерва; 8) развитие системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров по работе с молодёжью; 9) интеграцию молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества; 10) укрепление института молодой семьи.

Для успешной реализации молодёжной политики на территории административного центра области города Благовещенска было принято Постановление мэра от 12 января 2005 года № 33 «Об утверждении концепции “Молодёжная политика города Благовещенска на 2005–2010 годы”». Следует заметить, что Благовещенск — не только административный, но и культурный, экономический, образовательный центр Амурской области. Здесь сосредоточены большинство начальных, средних и высших учебных заведений, аккумулирующих молодёжь всей области в ходе получения ею образования. На территории города расположены наиболее привлекательные для молодёжи с точки зрения трудоустройства предприятия торговли, банки и страховые учреждения. Наличие крупных культурных центров и мест массового отдыха повышает престиж города по сравнению с другими населёнными пунктами области, особенно в глазах молодых людей. Поэтому мероприятия, осуществляемые в рамках городской концепции молодёжной политики, влияют на положение молодёжи всей области.

Предполагается, что в процессе реализации этой концепции будет осуществляться развитие творческого, интеллектуального, трудового, лидерского потенциала молодёжи в интересах города. В концепции определены следующие основные направления работы: 1) информационное обеспечение; 2) содействие молодым при их вступлении в трудовую жизнь — в трудоустройстве, получении профессии и профессиональном росте; 3) воспитание гражданственности и патриотизма, формирование национального самосознания; 4) поддержка художественного творчества, талантливой и одарённой молодёжи, организация досуга; 5) пропаганда здорового образа жизни; 6) организация социаль-

ных служб, помогающих молодым получить работу по месту жительства; 7) международное молодёжное сотрудничество.

Главным проводником данной концепции в жизнь выступает Отдел по работе с молодёжью. Свою деятельность он осуществляет, во-первых, через проведение собственных мероприятий для молодёжи города, во-вторых, с помощью Городского молодёжного центра «Выбор», в-третьих, через развитие волонтерского и лидерского движения в самой молодёжной среде. В последнем случае имеется в виду функционирование таких организаций, как Амурская региональная общественная молодежная организация «ДОМ» (АРОМО «ДОМ»); Молодёжное общественное движение «Добровольчество Амура»; Благовещенская городская молодёжная общественная организация «Т.Е.М.А» (БГМОО «Т.Е.М.А»); «САМИ» (Самостоятельные. Активные. Молодые. Инициативные); Городской молодёжный общественный Совет; Городской «Факультет Лидерства и Инициатив»; штаб Благовещенского трудового студенческого отряда (БТСО).

Представляется, что пока всем этим организациям не удаётся переломить сложившую негативную ситуацию. Значит, необходимо внести серьёзные коррективы и в концептуальное содержание, и в институциональное сопровождение молодёжной политики. Если этого не произойдёт, если органы власти не вмешаются вовремя и, главное, с толком в процессы, под воздействием которых молодёжь Приамурья всё меньше и меньше связывает свою судьбу с будущим области, это в перспективе может обернуться потерей региона для страны.

Анастасия Карловская¹

ПОРТРЕТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: АМУРСКИЙ ПРОФИЛЬ

В статье под гражданским обществом понимается публичное пространство за пределами семьи, государства и рынка, где люди объединяются для продвижения общих интересов². Тема гражданского общества сегодня поднимается всё чаще. Это неудивительно: в процессе демократического строительства именно гражданский сектор обеспечивает устойчивое развитие общества и государства. Наличие гражданского общества способствует снижению уровня социальной напряжённости, его институты позволяют населению самостоятельно решать многие проблемы, системы общественного контроля способствуют по-

---

¹ Анастасия Карловская — аспирант кафедры экономической теории и государственного управления Амурского государственного университета, г. Благовещенск.

² Определение Всемирного альянса за гражданское участие CIVICUS. См.: Fioramonti, Lorenzo and Finn, Heinrich V. How Civil Society Influences Policy: A Comparative Analysis of the CIVICUS Civil Society Index in Post-Communist Europe / CIVICUS/ODI Research Report. April 2007. P. 8. Available at: <http://www.civicus.org/new/media/CIVICUS.ODI.Fioramonti.Heinrich.pdf>. Last visited on 21 November, 2010.

вышению эффективности государственного аппарата. Трудно переоценить его роль и в сохранении единого конфессионального и культурного пространства страны.

Для Дальнего Востока задача построения гражданского общества особенно значима. Требуемое здесь значительных затрат развитие экономических объектов «оттягивает» бюджетные средства и внимание государства от социальных проблем. В этих условиях руководству регионов Дальневосточного федерального округа в прямом смысле слова *выгодно* обращаться к общественности, развивать социальное партнерство. Кроме того, учитывая характерную для участников добровольческих организаций функцию роста человеческого капитала и возможность самореализации молодежи посредством её включения в общественную деятельность, развитие институтов гражданского общества может способствовать решению одной из самых острых проблем Дальнего Востока — миграционной убыли населения.

Гражданское общество — категория универсальная. Вместе с тем, если словосочетание «российское гражданское общество» особых вопросов не вызывает, труднее понять, что подразумевается под *амурским* гражданским обществом. Между тем региональная идентичность имеет место быть, проявляясь, на наш взгляд, прежде всего в организационном и институциональном аспектах. Попробуем охарактеризовать гражданское общество Амурской области с этих двух сторон, положив в основу характеристики данные, полученные в ходе опроса в феврале-марте 2010 года руководителей 65 амурских НКО экспертной группой (членом которой является автор) Общественной палаты Амурской области¹. Вся приводимая далее по тексту статистика, равно как и количественные оценки, получены в ходе этого обследования.

Организационный аспект

В данном случае речь идет главным образом о так называемых организациях гражданского общества — негосударственных (немуниципальных) некоммерческих организациях (НКО).

---

¹ По результатам опроса подготовлен Доклад Общественной палаты Амурской области «О состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Амурской области в 2009 году», размещённый по адресу: http://www.opamur.ru/deyatel_doc.php.

Их характеризуют следующие признаки, выделенные Л. Саламоном и Г. Анхайером¹.

1. Наличие организационной структуры. При этом неформальные и временные организации не включаются в структуру некоммерческого сектора.

2. Независимость от государства. Такие организации не являются ни частью государственного аппарата, ни объектом прямого контроля со стороны государства. Однако это не означает, что они не могут получать государственную поддержку.

3. Доход, получаемый НКО, не распределяется между учредителями и руководителями, а идет на цели развития организации.

4. Самоуправление.

5. Добровольность: в работе значительное место занимают пожертвования на деятельность организации или использование труда волонтеров. Однако наёмный труд также может быть использован.

К числу организаций гражданского общества относятся различные общественные организации, движения, союзы, партнёрства, объединяющие людей по профессиональным, демографическим и иным признакам.

Появление общественных формирований на Амуре неразрывно связано с историей развития региона и в частности его центра — города Благовещенска. Самой первой общественной организацией явилось «Амурское управление Красного креста», созданное в 1870 году — уже через 14 лет после основания Благовещенска². После Октябрьской революции число таких организаций значительно сократилось, многие их функции перешли в ведение государственных органов.

С 90-х гг. прошлого столетия, в новых социально-экономических и общественно-политических условиях число общественных объеди-

---

¹ См.: *Salamon L., Anheier H.*, (eds.). *Defining the Nonprofit Sector: A Cross-National Analysis*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1996. P. 33–34.

² О ней см.: *Безбородова С.В.* Роль благотворительности в освоении и развитии Амурской области в конце XIX — начале XX в. // Социальная работа и сестринское дело в системе здравоохранения и социальной защиты населения: проблемы профессиональной деятельности и перспективы подготовки кадров: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 22–23 апреля 2008 г. Доступно на: <http://do.teleclinica.ru/184378/>. Последнее посещение 21.11.2010.

нений стало расти. На сегодняшний день в Амурской области насчитывается более 700 организаций, попадающих под указанные выше критерии. При этом динамика их численности за последние пять лет не обнаруживает сильных колебаний, а наибольший удельный вес среди них занимают спортивные (21%) и профессиональные (15%) объединения, а также ставящие своей целью развитие образования и культуры, нравственное воспитание. По территории области НКО распределяются неравномерно: две трети из них зарегистрировано в Благовещенске, еще почти 17% — в других городах области, тогда как в сельских районах — 15%. Это показывает слабое взаимодействие органов местного самоуправления районов и негородских поселений области с гражданским обществом. В некоторых районах его вообще нет. Для сельских поселений характерны объединения традиционного типа: советы ветеранов, женсоветы, общества инвалидов.

Целевыми группами амурских организаций гражданского общества в первую очередь являются молодёжь, инвалиды и их социальное окружение, люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. Организации в большинстве своём малочисленны, сотрудники, работающие как на постоянной, так и на временной основе, исчисляются единицами. Более двух третей опрошенных руководителей имеют высшее образование, а у 7% из них есть степень кандидата или доктора наук, что свидетельствует о высоком интеллектуальном потенциале руководителей амурских НКО. В то же время только четверть организаций гражданского общества располагает базовыми материально-техническими средствами (компьютерами, оргтехникой). Нехватка финансовых средств — главная проблема, сдерживающая работу организаций. Среди других проблем: отсутствие поддержки со стороны государства, низкий спрос на услуги НКО, несовершенство законодательной базы, отсутствие помещения. Развитие гражданского сектора сдерживается и медленным обновлением кадров: почти 40% руководителей НКО — люди старших возрастов, только 12% из них — моложе 35 лет.

Амурская область граничит с Китаем. Это накладывает существенный отпечаток на все сферы развития региона, на менталитет населения. Для жителей Благовещенска характерно толерантное отношение к иностранцам: жить рядом с «людьми другой национальности» не готовы всего 7,2% горожан; рядом с иммигрантами и иностранными ра-

бочими — 4,7%, с «людьми, разговаривающими на иностранном языке» — 1,6%.¹

Между тем взаимодействие амурских общественников с китайскими коллегами не отвечает имеющемуся потенциалу. На сегодняшний день в регионе реализуется лишь несколько проектов, в которых участвуют обе стороны. К примеру, постепенно набирает обороты российско-китайская связь молодежных организаций, и здесь в большей степени используется опыт, накопленный учебными заведениями. Спортивные общественные объединения ежегодно проводят соревнования с участием спортсменов из КНР. Большое развитие получил проект «Историческая память», в котором амурские НКО сотрудничают с китайской стороной по увековечиванию памяти советских солдат, погибших в войне с Японией 1945 года. Однако это взаимодействие носит разовый, проектный характер. При этом ни одна из опрошенных НКО не указала китайскую организацию среди своих партнёров. Стоит отметить, что народная дипломатия развивается, в том числе посредством обмена делегациями, при котором активисты имеют возможность познакомиться друг с другом. Но их организатором чаще всего выступают органы власти. Горизонтальная же связь «НКО — НКО» практически отсутствует. В целом та специфика приграничной территории, которая характерна для большинства сфер Приамурья, пока не находит своего полного отражения в гражданском секторе.

Одна из причин снижения организационной эффективности НКО, на наш взгляд, заключается в том, что в начале 2000-х годов законодательная база в России менялась в сторону свёртывания зарубежных грантов. Для амурских организаций, как и для многих дальневосточных, иностранные средства были зачастую главным или даже единственным источником существования, альтернативы им в регионе на сегодняшний день нет. В 2006 году распоряжением Президента России были учреждены федеральные гранты, но они оказались недоступными для небольших провинциальных организаций. Без финансирования значительное число объединений оказалось на грани ликвидации. Прав-

---

¹ По данным опроса Центра изучения общественного мнения «Мониторинг», 2010 / Информационное агентство «Амур.инфо». Доступны на: <http://www.amur.info/news/2010/11/24/28.html>.

да, в двух городах области действует система муниципальных грантов. Однако размер выделяемых средств не обеспечивает реализацию масштабных проектов, и средства эти служат поддержкой лишь для тех НКО, которые располагают иными источниками финансирования. Как следствие, частые оценки руководителями НКО сегодняшнего состояния некоммерческого сектора в их населённых пунктах — это «выживание» и «голый энтузиазм». Так считает каждый четвёртый руководитель.

Важно отметить, что сама по себе численность зарегистрированных организаций далеко не всегда служит надёжным показателем при анализе состояния гражданского общества. Дело в том, что из-за несовершенства отечественного законодательства и правоприменительной практики трудно отделить организации зарегистрированные, но фактически не действующие, от организаций, по-настоящему действующих: те и другие равно попадают в перспективу анализа. А «спящих» НКО, к сожалению, в Приамурье большинство: по разным оценкам, лишь от 15 до 30% амурских организаций гражданского общества осуществляют реальную деятельность. Кроме того, встречаются факты злоупотребления статусом НКО, когда под них маскируются коммерческие структуры, чтобы получить налоговые и иные льготы. Всё это порождает существенные проблемы для налоговых и иных контролирующих органов, а попутно и для исследователей гражданского общества. Но здесь мы уже подходим к вопросу об институциональной среде, в которой функционируют акторы гражданского общества, о механизмах их взаимодействия с органами управления.

Институциональный аспект

Необходимости привлечения организаций гражданского общества к реализации государственной политики в России специально уделено внимание в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2009 и 2010 годов¹:

«Органы власти смогут оказывать таким некоммерческим организациям финансовую, информационную и консультационную помощь... Предоставлять им, что не менее важно, налоговые льготы, размещать у них государствен-

---

¹ Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации, 2009. Доступно на: www.kremlin.ru.

ные и муниципальные заказы. Будут вправе передавать таким некоммерческим организациям имущество для использования в их деятельности».

Почти 90% охваченных нашим опросом организаций в той или иной мере взаимодействуют с органами государственной власти и местного самоуправления, при этом 40% их руководителей указали, что не удовлетворены результатами взаимодействия. Среди видов поддержки, которую некоммерческие организации хотели бы получать от органов государственной власти и местного самоуправления, чаще всего упоминались предоставление финансовых средств, в том числе грантов на реализацию социально значимых программ, и помещений на безвозмездной основе, а также оказание информационной поддержки. Основными же сферами возможного взаимодействия организаций гражданского общества с органами государственной власти и местного самоуправления, по мнению опрошенных представителей НКО, являются: молодёжная политика (отметили 10% от общего числа респондентов), социальная защита населения (9,5%), охрана здоровья, формирование здорового образа жизни (9%), развитие физической культуры и спорта (8,8%), защита прав граждан (8%).

Деятельность организованных групп населения и их взаимоотношения с социальным окружением регулируются главным образом на федеральном правовом уровне. Однако вследствие неполноты нормативной правовой базы на федеральном уровне возникает необходимость в регулировании вопросов развития гражданского общества на уровне регионов. Тем не менее, и областная законодательная база недостаточна. Так считают более 90% представителей участвовавших в опросе организаций; о том же свидетельствует анализ региональных законов, регулирующих данную сферу правоотношений.

В области принят ряд долгосрочных целевых программ и областных законов, направленных на становление и развитие различных форм гражданского общества посредством проведения программных мероприятий и поддержки проектов НКО. Но из-за дефицита бюджета финансирование большинства программ осуществляется не в полном объёме или вообще приостановлено. Практически отсутствует стимулирование коммерческих предприятий, организаций, частных лиц с тем, чтобы те направляли средства на реализацию социальных проектов общественных объединений.

В целом правовую базу регулирования деятельности институтов гражданского общества в регионе следует, на наш взгляд, признать фрагментарной. Зачастую определяют, какие организации имеют приоритетное значение, руководители области, городов и сельских поселений. Это делает тенденции развития гражданского общества крайне нестабильными, поскольку появляется опасность, что масштабы привлечения общественности к экономической и общественно-политической жизни будут зависеть от политического курса, выбранного тем или иным руководителем, могут существенно сократиться после его смены и т.п. Существующая финансовая и организационная зависимость НКО от органов власти отражает определённое противоречие между природой гражданского общества и его реальным воплощением. Теоретически институты гражданского общества независимы, а иногда и противопоставлены государству, снизу иницируют социальные изменения. Для Амурской области характерно движение сверху: органы власти сами выступают «заказчиком» новых социальных практик, напрямую могут влиять на состояние некоммерческого сектора. Все это не позволяет НКО стать значимыми игроками на поле региональной политики.

Формальными механизмами участия общественности в публично-властном процессе являются право на обращение и на включение её представителей, в том числе от лица гражданских организаций, в состав создаваемых органами власти советов, комиссий, рабочих групп. О возможности привлечения гражданских организаций к работе упоминается в регламенте Законодательного собрания области. Положения и регламенты органов исполнительной власти также содержат нормы общего характера о включении представителей различных организаций в составы совместных консультативных подразделений.

По информации, предоставленной органами государственной власти, в Амурской области работает 31 совет при 17 государственных структурах, 18 из них создано при исполнительных органах государственной власти области¹. В деятельности советов принимает участие

---

¹ Данные сплошного письменного опроса органов государственной власти Амурской области. Использованы в Докладе Общественной палаты Амурской области «О состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Амурской области в 2009 году», размещённом по адресу://www.opamur.ru/deyatel_doc.php.

более ста представителей общественности. В то же время более половины опрошенных представителей НКО считает: в деятельности общественно-консультативных советов участвуют «карманные» НКО либо НКО, отобранные по неясному принципу.

Неудивительно, что выводы федеральных экспертов оказываются неутешительными: в 2006 году Амурская область была отнесена к зоне «догоняющего развития» гражданского общества, где рост числа некоммерческих организаций существенно отстаёт от среднего по России¹. В следующем году в области на 100 жителей было зарегистрировано меньше трёх некоммерческих организаций, это один из самых низких показателей по стране². В 2008 году Приамурье опять фигурировало в числе субъектов с неблагоприятными предпосылками развития гражданского общества³, а также было причислено к регионам, в которых общественная активность ниже среднего⁴.

Однако не всё в профиле амурского гражданского общества свидетельствует о низком уровне его развития. Территориальная удалённость от центральной части России, а также большие расстояния между населёнными пунктами сформировали среди жителей Амурской области высокий уровень социальной ответственности. Специфика гражданской активности неорганизованной общественности выражается главным образом в мотивах объединения людей. Такими мотивами выступают чаще всего местные и дальневосточные факторы. К числу последних, к примеру, относится реакция автомобилистов на повышение ввозных пошлин на иномарки. Местным фактором стала ситуация с обманутыми дольщиками: активность граждан привела к принятию

---

¹ Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О развитии гражданского общества в Российской Федерации» за 2006 год. С. 9. Доступно на: <http://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf>.

² Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О развитии гражданского общества в Российской Федерации» за 2007 год. С. 12. Доступно на: <http://www.oprf.ru/files/final.pdf>.

³ Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / Отв. ред. Е.С. Петренко М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 105.

⁴ Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О развитии гражданского общества в Российской Федерации» за 2008 год. С. 13. Доступно на: <http://www.oprf.ru/files/Dk-OPRF-2008.pdf>.

специального областного закона, а впоследствии — и поправок к нему. Общероссийские акции при этом пока не находят большой поддержки амурчан.

Немаловажным является и то, что Амурская область — первый регион на Дальнем Востоке, в котором создана Общественная палата, опирающаяся преимущественно на опыт общественных организаций¹. В 2009 году членами Палаты подготовлены рекомендации по 31 вопросу, касающемуся социально-экономического развития Приамурья, в том числе предложения Правительству области, Законодательному собранию области, федеральным органам власти и их территориальным управлениям, Общественной палате Российской Федерации, органам местного самоуправления, общественным объединениям, иным организациям².

Разумеется, встает вопрос об исполнении этих рекомендаций. По итогам 2009 года не все руководители государственных и муниципальных органов власти использовали предложения Палаты в своей работе. В 2010 году её вклад стал более реальным. Благодаря её усилиям, внесены изменения в сам закон об Общественной палате, значительно расширяющие масштабы поддержки этой структуры со стороны органов власти. По обращениям Палаты принят ряд важных управленческих решений: например, о снижении тарифов на электроэнергию в одном из муниципальных образований области, о создании в регионе территорий традиционного природопользования.

Не менее важно, как оценивают эффективность нового института целевые группы, прежде всего общественные объединения и население. Ведь именно их интересы и призвана представлять Общественная палата. По итогам опроса НКО, две трети респондентов считают деятельность Общественной палаты нужной Амурской области. Что касается населения, то одним из показателей принятия гражданами этого института служат обращения граждан и организаций. Анализируя их структуру, можно сделать вывод, что население воспринимает Обще-

---

¹ В октябре 2010 года Общественная палата была создана в Камчатском крае. Таким образом, к началу 2011 года в Дальневосточном федеральном округе функционировали две региональные Общественные палаты.

² Отчет о деятельности Общественной палаты Амурской области в 2009 году. Доступно на: http://www.opamur.ru/deyatel_doc3.php.

ственную палату прежде всего как институт защиты личных и коллективных прав, как способ воздействия на органы власти, в том числе с целью совершенствования законодательной базы. В то же время незначительна доля предложений, направленных на развитие гражданского общества, на повышение роли общественных организаций, а также число конкретных социальных проектов, осуществлению которых Общественная палата могла бы содействовать.

В целом Общественная палата является на сегодняшний день главным институтом прямого взаимодействия власти, бизнеса и общества. Пока её возможности не используются ни одним из секторов в полной мере, но задел уже создан.

* * *

Региональный облик гражданского общества зависит от многих факторов: от уровня экономического развития территории, её социально-демографической структуры, политико-правовой культуры населения и др. Под влиянием этих факторов и конкретных социальных практик и складывается портрет гражданского общества. Его обоснованно можно считать одним из проявлений региональной идентичности. И сама степень развития гражданского общества производна не только от общенациональных тенденций и эволюционных предпосылок, но и от управленческих технологий, применяемых на конкретной территории.

Как представляется, современное состояние гражданского общества в Амурской области описывается следующим образом.

1. Несмотря на наличие большого количества общественных организаций социальной направленности и на активную деятельность членов профильных комиссий Общественной палаты Амурской области, органы государственной власти и местного самоуправления привлекают данные структуры к принимаемым решениям в недостаточной степени.

2. Географическое положение Амурской области на границе с Китаем предполагает наличие особой, трансграничной, идентичности. Она действительно формируется, о чём свидетельствует такой её неотъемлемый признак, как толерантность жителей области к представителям другой расы. Но уникальное приграничное положение не получает никакого отражения в международном сотрудничестве общественных институтов — его практически нет.

3. Территориальная удалённость от центральной части России, а также большие расстояния между населёнными пунктами сформировали среди населения Амурской области высокий уровень ответственности за собственную жизнь. Население слабо реагирует на общероссийские акции, дальневосточные факторы его активности играют большую роль, чем общенациональные, и это должны учитывать любые институты гражданского общества, действующие в области.

4. Теоретически имеющиеся в области организации гражданского общества независимы от власти, практически сохраняется не только зависимость, но и клиентский подход — ожидание поддержки сверху. В результате движущей силой развития гражданского общества пока, как ни странно это звучит, остаются органы власти, и в этом заключается едва ли не главная характеристика гражданского сектора в регионе.

5. Вместе с тем к началу второго десятилетия XXI века в Амурской области, благодаря тесному взаимодействию гражданского общества, органов государственной власти и местного самоуправления, сформированы такие важные институты, как Общественная палата Амурской области, Молодежный парламент Амурской области, Общественная наблюдательная комиссия по контролю за правами человека в местах принудительного содержания, учреждены институты Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребёнка. Появляются и развиваются новые социально ориентированные общественные и некоммерческие организации, особенно в районных и поселенческих муниципалитетах, совершенствуется региональная законодательная база.

Если же говорить о перспективах гражданского общества в Амурской области, то они, по нашему мнению, определяются с двух сторон. С одной стороны, это желание органов управления, их заинтересованность, с другой — развитие самого некоммерческого сектора, повышение квалификации сотрудников НКО. Само гражданское общество должно стать надёжным деловым партнером государства — строго следовать законодательным нормам, строить отношения с властью не только на осознании прав, но и на установлении обязанностей.

*Анастасия Ерохина¹, Татьяна Захарченко²,
Евгения Николюк³*

НАША КАМЧАТКА

Голубые вулканы, лесные просторы,
Бездонное небо, далёкие звёзды.
Одна ты, Камчатка раскинула горы,
Как стражей огромных, хранителей грозных.
Волшебные травы, цветы и деревья,
За бухтой раздол океана бескрайний.
Три брата⁴, как стражники древней легенды,
В край прелести, чуда явились из тайны.
Снежные сопки, источники, реки,
Добрый, радушный, сердечный народ
В сердце моём остаются навеки,
Оно на Камчатку всегда приведёт.

Анастасия Козина⁵

Россия поражает путешественника не только своими просторами, но и их многообразием. У каждого региона, входящего в её состав, есть свои неповторимые черты. Не является исключением и Камчатка —

---

¹ Настя Ерохина — студентка филологического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.

² Таня Захарченко — студентка психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, г. Вилючинск.

³ Женя Николюк — студентка психолого-педагогического факультета Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, г. Петропавловск-Камчатский.

⁴ Три брата — три скалы у входа в Авчинскую бухту.

⁵ Настя Козина — студентка медицинского колледжа, г. Петропавловск-Камчатский.

земля, на которой мы живём. С нашей точки зрения, это уникальный край. Уникальность его определяется тем сочетанием природы и культуры, которое можно здесь наблюдать. Это сочетание удивительное, неповторимое, но и уязвимое. Уязвимое в целом и в каждой из составляющих его частей.

Богатство камчатской природы

Разнообразием животного и растительного миров, своими горячими источниками и «каменными факелами» вулканами Камчатка славится на весь мир. Её называют по-разному, но всегда поэтически: «страна вулканов», «страна льда и огня»... Каждый, кто слышал об уникальных природных особенностях Камчатской земли, хочет побывать здесь, а побывав, мечтает вернуться.

К экзотическим объектам и особенностям Камчатки относятся в первую очередь такие явления природы, как горные хребты с обилием потухших или действующих вулканов, множество горячих и холодных минеральных источников, гейзеры, фумаролы¹ (илл. 1), расположенные, как правило, в живописных долинах, окружённых горами с вздымающимися к небу покрытыми вечными снегами вершинами (илл. 2) и с поросшими буйной зеленью склонами. Камчатка необычайно богата водными ресурсами: здесь насчитывается до 14 тыс. рек и ручьев, около 100 тыс. больших и малых озер, 414 ледников общей площадью 871,1 км². На территории полуострова — 29 действующих и около 150 потухших вулканов, 274 минеральных источника, 160 из которых горячие. Здесь обитают 37 видов диких животных, в прибрежных водах Берингова моря водится знаменитый камчатский краб, в реки полуострова заходят на нерест все виды тихоокеанского лосося: сёмга, кета, чавыча, горбуша, кижуч, нерка².

---

¹ Фумаролы (итал. *fumo* — дым) — выходы горячего вулканического газа и пара в виде струй или спокойно парящих масс из трещин или каналов на поверхности вулкана или из неостывших лавовых и пирокластических потоков и покровов. См.: Геологический словарь / Под ред. К. Н. Паффенгольца и др. Т. 2. М.: Недра, 1978. Доступно на: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geolog/5372/. Последнее посещение 09.10.2010.

² См. материалы экологических сайтов, например: <http://www.ecosystema.ru/07referats/kam/>. Последнее посещение 09.10.2010.

Илл. 1. Фумарола в Малой долине гейзеров, вблизи Мутновской геотермальной станции (фото Н. Липатовой)

На территории полуострова расположены 169 уникальных природных объектов, пять природных парков, 27% от общей площади Камчатки отнесено к категории охраняемых территорий. Пять таких территорий — Кроноцкий заповедник, Южно-Камчатский государственный федеральный заказник и областные природные парки «Налычево», «Южно-Камчатский» и «Быстринский» — решением 20-й ежегодной сессии Комитета ЮНЕСКО от 25 декабря 1996 года включены в список Всемирного культурного и природного наследия, где они объединены под общим названием «Вулканы Камчатки»¹. Таким образом, достоинства камчатской природы ценят не только её жители, но и во всем мире.

---

¹ См.: <http://whc.unesco.org/en/list/765>. Last visited on 09.12.2010.

Илл. 2. Вулкан Корякский. Высота 3456 м. 5 сентября 2007 года.
7 часов утра (фото И. Артёмовой)

Экологические проблемы Камчатки

Экология... С греческого это слово переводится как «знание о доме», и в современном мире оно — не пустой звук. С развитием атомной энергетики, химической промышленности, потреблением огромного количества природных ресурсов возрастает значение науки экологии, объясняющей, как влияет человек на окружающую среду и как природа «отвечает» на вмешательство человека в её мир. Человек не может лишь брать из природного «дома» всё необходимое для своего существования, он должен научиться разумно и правильно пользоваться дарами природы — так, чтобы не наносить ей ущерба или свести ущерб к минимуму. Между тем, из-за нерационального использования природных ресурсов и в связи с ускоренным развитием научных технологий вопрос защиты окружающей среды не ослабевает, а обостряется. Первейшей задачей человечества становится задача предотвращения экологической катастрофы планеты Земля.

Экологические проблемы коснулись и нашей малой родины Камчатки. В бассейне реки Камчатки, в долине реки Авача тоже формируются или уже сформировались очаги острой экологической ситуации. Их появление — следствие вырубki леса, разрушения лесных биоценозов, загрязнения вод и почв. Также существуют проблемы браконьерского вылова лососевых рыб и отстрела копытных животных, научного обеспечения рационального природопользования, экологической грамотности населения и руководства. Но главной причиной, главным источником экологических проблем на Камчатке являются предприятия судоремонтной и рыбоперерабатывающей промышленности, портовые хозяйства, суда и автотранспорт¹. К сожалению, только меньшую часть территории Камчатки можно обоснованно отнести к заповедным, нетронутым человеком местам. А как же другая, большая? Ведь она также могла бы остаться нетронутой в своей уникальности. Увы, под воздействием антропогенных факторов произошли существенные изменения, которые нанесли непоправимый вред природе Камчатки... Можно ли вернуть природе естественный баланс?

Вроде бы все сегодня признают необходимость сохранения удивительной природы полуострова. Но как это сделать?

Прежде всего, необходимо продумать целый комплекс природоохранных мероприятий. Важно, чтобы не только в научных кругах понимали и пытались решить экологические проблемы Камчатки, но и всё её население ценило достояние края, в котором мы живем. И как бы просто и банально это не звучало, всякое большое дело начинается с малого; каждый человек, задумавшись о своём поведении в «доме», постарался бы соблюдать правила общения с природой. Важно воспитать в человеке правильное отношение к окружающей среде, привить правила рационального природопользования. Но этим нельзя ограничиться. Проблемы Камчатки, будь они экологические или экономические, социальные или культурные, тесно переплетены и связаны между собой. Поэтому так важны: 1) подъём уровня жизни населения; 2) выведение региональной экономики из кризиса; 3) воссоздание традиционного образа ведения хозяйства народов Севера и повышение уровня

---

¹ См.: Эколога-экономические проблемы рационального природопользования Камчатки. Сб. статей / Отв. ред. А. С. Латкин. Петропавловск-Камчатский, 2001.

культуры всего населения; 4) активное внедрение экологически чистых наукоёмких технологий; 5) своевременное строительство и грамотная эксплуатация совершенных очистных сооружений, 6) введение в школьные программы предметов, посвящённых сохранению биоразнообразия природных ресурсов края. И, конечно, должна стать более эффективной, осязаемой работа природоохранных организаций Камчатского края. Таких, как Камчатский областной совет Всероссийского общества охраны природы, Общественный Фонд защиты Камчатки, Общественный Фонд защиты дикой природы Камчатки, СОТКА — Служба озеленения территории Камчатки, «Родник» и других, пытающихся хотя бы частично решить экологические проблемы Камчатки¹. Более основательно и широко должны они заниматься экологическим воспитанием, просвещением и образованием, информированием населения, осуществлять конкретные меры по соблюдению природоохранного законодательства, организовывать и проводить общественные экспертизы, заботиться не только о защите дикой природы Камчатки, но и о создании и благоустройстве зелёных зон городов и поселков на территории края.

Культура Камчатского края: общая характеристика

Несмотря на суровый климат, слабую заселённость и отдалённость от центра России, Камчатская земля — край с богатым и разнообразным культурным наследием.

К концу 1960-х годов, то есть полвека назад, насчитывалось уже около 250 известных определений культуры². Это неслучайно: понятие «культура» носит междисциплинарный характер, не имеет точного, однозначного определения и вряд ли может когда-нибудь его получить. Культурологи, антропологи, социологи, изучающие феномены культуры, дают данному понятию разную семантическую трактовку. Однако все они исходят из того основополагающего факта, что культура неразрывно связана с жизнедеятельностью человека, явлена в совокупности производственных, общественных и духовных достижений людей, представлена в виде архитектурных сооружений, памятников, литера-

---

¹ Природоохранные организации Камчатской области. Доступно на: www.pacific.ru/np/programma/ootr/ngo.htm. Последнее посещение 09.12.2010.

² *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1986. С. 7.

турных, художественных и музыкальных произведений, этических норм, законов и традиций. Возникновение любого культурного явления — результат потребности человека создавать, творить. Пространство культуры — это искусственно созданная человеком среда. В то же время действенный фактор, способствующий появлению культурных отличий, — это окружающая человека-творца природная среда, по своему уникальная в каждом уголке нашей планеты.

Уникальность свойственна и земле Камчатки. Её визитной карточкой следует, видимо, считать сочетание двух особенностей: полуостров входит в пределы Тихоокеанского огненного кольца и в ареал распространения аборигенных палеоазиатских языков и культур, представленных ительменами, коряками, эвенками и чукчами. У каждого из этих народов — свои культурно-исторические традиции, в большей или меньшей степени сохраняющиеся и в наше время. Помимо народов Севера, создают культурный пласт нашего края другие народы, поселившиеся на территории Камчатского края в XVIII–XX веках. Это русские, украинцы, белорусы, выходцы с Кавказа и Средней Азии. С одной стороны, они привносят свои традиции в культуру Камчатского края, с другой, частью их собственной культурной жизни становятся заимствования из культуры соседей по проживанию, в том числе коренных народов, являющихся носителями множества культурных традиций. Складывались эти традиции вокруг основных видов деятельности, обеспечивавших само существование аборигенного населения, — рыболовства и оленеводства; в их число входят такие промыслы, как изготовление ездовых и грузовых нарт из древесины березы и кожаных ремней, национальной одежды, которая шьётся преимущественно из оленьих шкур, и изделий из кости. А также обряды и праздники с сопутствующими им песнями и танцами, например, древний обрядовый праздник первой рыбы «Тунайча», приуроченный к началу массового хода в реки Камчатки рыбы лососевых пород, или праздник «Возвращение солнца», который коряки отмечали в конце декабря, после зимнего солнцестояния, когда продолжительность светового дня начинала увеличиваться¹.

---

¹ История и культура коряков / Н. В. Кочешков, В.А.Тураев, В.В. Подмаскин и др.; под общ. ред. А.И. Крушанова / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. СПб.: Наука, 1993. С. 123–127.

Культуру Камчатки обогащают созданные на её территории заповедники, к которым в первую очередь относятся Налычевский природный парк¹ и Кроноцкий заповедник², и, разумеется, музеи, театры и памятники архитектуры, образующие культурно-историческое наследие края. Это Камчатский краевой театр драмы и комедии, Кукольный театр, Камчатская краевая филармония, Художественный и Краеведческий музеи, Быстринский этнографический музей, Музей природы Кроноцкого заповедника. Благодаря их деятельности местные жители и туристы имеют возможность наблюдать продукты материальной культуры коренных народов Камчатки, погрузиться в природу и историю края, приобщиться к его обычаям и традициям.

Камчатка: традиционная культура коренных народов Севера

Как уже отмечалось, население Камчатского края достаточно разнообразно по своему этническому составу. По переписи 2002 года³ на территории тогда ещё не объединённых Камчатской области и Корякского автономного округа проживало 384 тыс. человек, из них свыше 23 тыс. или 6% относились к коренным малочисленным народам Севера.

---

¹ Налычевский природный парк в 1996 году внесен в список всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО в номинации «Вулканы Камчатки». Расположен в 60 км от Петропавловска-Камчатского. На его территории находятся Налычевские горячие источники, относящиеся к очень редкому типу — «углекислые, мышьяковистые, борные, обогащённые рядом микрокомпонентов». См. *Илюшкина Л.М., Завадская А.В.* Памятники природы Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2008. С. 53.

² Кроноцкий заповедник существует с 1967 года, занимает более 1 млн га, удален от крупных населенных пунктов и включает в себя уникальные объекты Камчатской природы: Долину гейзеров, кальдеру Узона, Кроноцкое озеро, 9 действующих вулканов, рошу пихты грациозной. См.: География Камчатской области. Учеб. пособие для учащ., студ., уч. географии / Под ред. проф. В.И. Волкова. Петропавловск-Камчатский: Дальневосточное книжное изд-во, Камчатское отделение, 1994. С. 126.

³ Здесь и далее все цифры, показывающие численность народов Севера, приводятся / подсчитаны по: Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 1). С. 117–119.

Однако коренными жителями собственно Камчатского полуострова являются только ительмены (3 447 человек в 2002 году) и коряки (14 038). Остальные северные народы, давно проживающие на полуострове, — эвены (2 530 человек) и чукчи (2 899 человек), а также алеуты (452), по инициативе Российско-Американской компании обосновавшиеся на ранее необитаемых Командорских островах и островах Прибылова, являются всё-таки пришлым населением, переселившимся сюда в XVIII–XIX веках¹.

Некогда сравнительно многочисленных ительменов в 2002 году в крае насчитывалось, как видим, немного; язык их перестал активно использоваться и практически стал мёртвым языком. Имеется целый ряд причин такого положения: физическое истребление в ходе межродовых столкновений и войн с русскими, эпидемии оспы, заносившиеся пришлым населением, алкоголь, ассимиляция с русскими. Будучи осёдлым народом, ительмены жили по берегам рек в центральной и южной частях полуострова; их основным занятием было рыболовство, вспомогательными — охота и собирательство².

Значительно превышающих ительменов по численности коряков можно разделить на две группы: на кочевых чавученов (самоназвание *чав'чу* — «оленовод») и оседлых нымыланов (*нымыльо* — «жители», «поселяне»). Чавучены традиционно занимались оленеводством и охотой на пушного зверя, в хозяйстве нымыланов сочетались морской зверобойный промысел, рыболовство, сухопутная охота и собирательство. Коряки тоже сильно обрусели, однако корякский язык остаётся живым, употребляется в быту³.

Ительмены и коряки, а также чукчи относятся к одной группе народностей — палеоазиатской, и хотя каждый из этих народов, бесспорно, имеет свои культурные особенности, они обладают и некоторыми общими чертами. Так, мир в их представлениях делится на верхний, средний и нижний миры, которые, в свою очередь, подразделяются. У человека две души — одну символизирует дыхание, пульс, и после смерти она переселяется в верхний мир, где живут «облачные люди»,

---

¹ См.: Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 81, 164–165, 207, 408, 419.

² Там же. С. 165–166.

³ Там же. С. 206–208.

называющие людей на земле «нижними жителями», а вторая (тьнь) отправляется в нижний мир. В мировоззрении народов Камчатки ясно выступает мысль о непрерывности жизни, о том, что живое не может исчезнуть окончательно: человек через некоторое время после смерти обязательно возвратится в образ своего потомка (отсюда существование особых ритуалов наречения ребёнка). В состав пантеона коренных жителей Камчатки входят верховное небесное существо, различные виды духов и культурный герой, одновременно являющийся трикстером (Ворон). Согласно сведениям Е.М. Мелетинского, верховное небесное существо, ассоциируемое с верхом, а отчасти и с громом и солнцем, имеет несколько определений («некто наверху», «верхнее существо», «надзиратель», «наблюдатель») и функций: моделирует космос, космический порядок и одновременно противопоставляет внешний мир человеку. Небесный хозяин способствует круговороту душ людей, поскольку посылает души умерших родственников в чрево матери, а также размножению оленей. Духи имеют вид животных или людей с острыми головами (иногда многоголовых), одноглазых, с длинными зубами и ногтями. Живут они под землёй или в пустынных местах на западе, их жизнь под землёй представляется жизнью «наоборот»: когда на земле светло, у них темно. Духи проникают в очаг с левой стороны через дымовое отверстие, вызывают болезни стрелами, кусают, похищают души людей. Камчатка — центр распространения сказок, преданий, космогонических мифов о вороне Кутхе (у ительменов) или Куйкыняку (у коряков), который является одновременно и творцом мира (демиургом), прародителем человечества, и персонажем произведений устного творчества, где его образ снижается, высмеивается, приобретает черты трикстера. Ворон, в отличие от других фигур палеоазиатского пантеона, специфически связан с мифическим временем — у коряков и ительменов оно прямо определяется как время, когда жили Ворон и его семья¹.

Очень важной частью традиционной культуры ительменов и коряков является шаманизм — представление о возможности связи, осознанного и целенаправленного взаимодействия человека с потусторонним миром, духами. Человек, осуществляющий эту связь, называется шама-

---

¹ Мелетинский Е.М. Палеоазиатских народов мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 274–276, 278.

ном и играет роль медиатора между двумя мирами. Решение о том, какой человек будет шаманом, принимают духи; никто не желает стать им по собственной воле, ведь положение шамана очень сложное, что объясняется его неустойчивым, переходным состоянием меж двух миров. Шаманское одеяние тесно связано с религиозным мировоззрением. Ритуальная одежда не подготавливалась сразу, «полным комплектом», а приобреталась с течением времени. Как и у чукчей, шаманизм народов Камчатки характеризовался уподоблением мужчин женщинам (иногда наоборот). Степень уподобления была разной, от перемены прически или частей одежды до осознания себя женщиной — вплоть до выхода замуж¹.

У коренных народностей Камчатки существовали и праздники. Самые известные из них — это воспроизводящий элементы мифов о сотворении мира и ритуалы, связанные с благодарением природы, обрядовый календарный праздник *Алхалалалай* у ительменов, знаменующий собой завершение хозяйственного цикла, и охотничий праздник нерпы *Хололо* у коряков. Оба отмечаются и по сей день, но потеряли значение ритуала.

Илл. 3. Участники VIII Краевого фестиваля творчества народов и этнических групп Камчатки (фото А. Ерохиной)

---

¹ Подробнее см.: Арктика — мой дом. Народы Севера Земли. Культура народов Севера / Отв. ред. В. Д. Голубчикова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Северные просторы, 2001. См. также очерк В. Г. Богораза «На реке Россомашей» в кн. *Тан (В.Г. Богораз). Восемь племён. Чукотские рассказы*. М.: ГИХЛ, 1962. С. 331–401.

Традиционная культура ительменов и коряков и других коренных малочисленных народов Севера, живущих на Камчатке, уникальна. Нельзя допустить, чтобы она исчезла, растворилась в современном мире. Сегодня делаются некоторые шаги для её сохранения: издаются законы, поддерживающие коренное население¹, их традиции и языки изучаются, на местном телевидении ведутся программы на корякском языке, раз в два года в Петропавловске-Камчатском проводится фестиваль народов Камчатки, на котором выступают фольклорные коллективы (илл. 3), известные не только на полуострове, но и далеко за его пределами.

---

¹ Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 года и Федеральный Закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 года.

*Юлия Файзрахманова*¹

МОЙ КРАЙ РОДНОЙ — НЕ КРАЙ ЗЕМЛИ, ИЛИ ОБРАЗЫ И РЕАЛИИ КАМЧАТКИ

И здесь, где гаснут гребни волн косые,
Где самый первый высится маяк,
Отсюда начинается Россия,
Двенадцать тысяч верст за ним тая²

В.Г. Воробьёв

Россия начинается с Камчатки — ведь именно с Камчатки она начинает свой день! Между тем в массовых представлениях россиян, по-

---

¹ Юлия Файзрахманова — студентка факультета иностранных языков Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

² Из стихотворения В.Г. Воробьёва «Отсюда начинается Россия» (Цит. по: *Гропянова А.Г., Гропянов Е.В.* Литература родного края: Хрестоматия для 5–9 кл. школ Камчатской области, Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 1999. С. 214). Воробьёв родился в 1937 году, работал журналистом в газете «Камчатская правда», в начале 1970-х годов был редактором газеты «Камчатский комсомолец». Автор книжки стихов «Отсюда начинается Россия», повести о рыбаках «Три брата».

давяющее большинство которых, как известно, живёт к западу от Урала, Камчаткой Россия не начинается, а заканчивается. Наверное, так сложилось потому, что Московское царство расширялось в основном с запада на восток и для землепроходцев, двигавшихся «встречь солнцу», Камчатка в этом движении оказалась и вправду последней, крайней землёй. Вдобавок, в советское время Камчатка была закрыта для свободного посещения её как советскими, так и иностранными гражданами. Кроме того, многие интересные сведения о Камчатке были закрыты для публикации в открытой печати. Может быть, и поэтому тоже утвердилось мнение, что Камчатка — не начало России, а её окраина, «забытая Богом страна»...

Камчатка как край России

«На Камчатке» — так говорили ещё гимназисты и говорят нынешние ученики в самой огромной страны в мире в том случае, если они сидели / сидят за последними партами в классе. Эта метафора свидетельствует: для нас русских, полуостров, напоминающий сушёную рыбу (чем хуже итальянского «сапожка?»), был и остаётся окраиной мира. А окраина, край ассоциируются с чем-то бесконечно далёким и, скорее всего, диким. Вот типичный перечень вопросов, которые задают приехавшему на материк камчадалу¹: *А вы, наверное, на собачьих упряжках ездите по городу? У вас наверно медведи по городу ходят? Где находится Камчатка? А Камчатка — это Россия? А недавно я была неприятно поражена словами ди-джея радиостанции «Европа плюс»: «От Москвы до Владивостока слушаем Европу плюс». Если уж и говорить о самом восточном городе России, так это Петропавловск-Камчатский. Иначе выходит так, что Россия заканчивается Владивостоком и Приморским краем, и Петропавловск с Камчаткой — действительно как бы и не Россия вовсе, а что-то вроде рыбной «колонии», мистического полуострова, ненужного аппендикса, который лучше отрезать.*

Мы-то, камчадалы, осознаём себя частью России, но одновременно остро чувствуем, что живем на самой её окраине. Единственный путь сообщения с «большой землей» — это воздушные линии, но все

---

¹ Слово «камчадал» происходит от *камчало*, что означает житель Камчатки; так коряки называли своих соседей, коренных жителей полуострова ительменов; сейчас в разговорной речи оно всё чаще применяется ко всем жителям Камчатки.

ли могут купить билет до Москвы за 40 тыс. рублей летом? Невольно создается ощущение оторванности от страны, отрезанности от цивилизации...

Географическое расположение, суровые климатические условия и все те проблемы, которые они порождают, не являются основным и единственным фактором в определении Камчатки как «края земли». Под «краем земли» здесь мы не только будем понимать географическое положение, но и будем использовать эти слова как синоним «заброшенности», причина которой кроется и в нас самих. Мы сами мало знаем о том крае, где живём! История, культура и быт коренных жителей, растительный и животный мир Камчатки — это и многое другое, непосредственно относящееся к месту проживания, мало освещается или совсем не освещается в школьной программе. Задайте элементарный вопрос жителям Петропавловска-Камчатского, на который, казалось бы, они должны ответить, не задумываясь: «В каком году был основан Петропавловск-Камчатский?» Мало кто даст вам правильный ответ. А ведь даже такой простой вопрос выводит на нашу, местную, историю. Чтобы бороться с этим видом «заброшенности» — историческим беспамятством — и победить его, необходимо включать историю, культуру и географию Камчатки в список школьных предметов, проводить викторины, семинары, конкурсы на знание родного края с участием видных учёных Камчатки. Например, если бы был создан специализированный образовательный центр, — назовем его «Люди и Камчатка» — он мог бы готовить и реализовывать программы для поднятия престижа региона; организовывать вечера, посвящённые различным проблемам Камчатки, где могли бы собираться школьники, студенты и все неравнодушные.

Вспомним, что завещал Г.Ф.Миллер в своём предисловии к знаменитой книге С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»¹:

«О том ни мало сомневаться не должно, что определённым к правлению государственных дел особам весьма нужно иметь точную ведомость о землях, им в ведомство порученных».

А тут ни простые граждане, ни «определённые к правлению особы» не имеют подчас этой самой «точной ведомости» о земле, на кото-

---

¹ Миллер Г.Ф. Предисловие // С.П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Репринт. воспроизвед. изд. 1755 г. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. Т. 2. С. 3.

рой живут и которой управляют. Поневоле создаётся впечатление, что многие, живущие на Камчатке, довольствуются единственным представлением о ней, которое я привела выше: край земли, забытая Богом страна.

Камчатка как литературный образ у франкоязычных писателей

До сравнительно недавнего времени свидетельства иностранцев, лично посетивших Камчатку, были единичными. Внешний мир, если и знал о ней, то почти исключительно из изданных в России / СССР книг, переведённых на другие языки, и из устных рассказов русских / советских людей, побывавших за границей. Иначе говоря, Камчатку представляли со слов русских, и вряд ли представления были массовыми — скорее наоборот, ими проникались лишь образованные люди, интересовавшиеся Россией. Поэтому, чтобы выяснить, каким были эти представления до «открытия» Камчатки для туристов, я обратилась к литературным источникам. При этом я сосредоточилась на франкоязычной литературе. Ведь в XVIII – начале XX века Франция была страной, в которую русские ездили чаще, чем в какую-либо другую. И русскую культуру узнали там раньше и лучше, чем где-либо ещё.

Все упоминания о Камчатке в произведениях французских писателей, поэтов, публицистов сводятся к тому, что представляют её холодным и пустынным краем; более того, слово *Камчатка* используется как понятие или образ для передачи заброшенности, отдалённости.

Первый пример — из написанного в самом начале XIX века текста Жозефа Кенеля¹, где один из персонажей, негодуя, восклицает²:

«Ma foi, la poésie
Est un talent qu'ici personne n'apprécie.
Je suis si dégoûté de tout le Canada
Que j'irais pour un rien rimer au Kamtchatka».

---

¹ Жозеф Кенель (15.11.1746–03.07.1809) — франко-канадский поэт и драматург. Автор либретто первой канадской оперы «Люка и Сесиль» (Lucas et Cécile).

² *Quesnel J. L'Anglomanie ou le Dîner à l'anglaise, 1802–1803, scene 6 // La Bibliothèque électronique du Québec. Collection littérature québécoise. Vol. 101: version 1.1. P. 24. Available at: <http://beq.ebooksgratuits.com/pdf/index.htm>. Last visited on 11 August, 2010.*

«Признаться, поэзия —
Талант, который здесь никто не ценит.
Мне так опротивела вся эта Канада,
Что я готов за просто так рифмовать и на Камчатке»¹.

А вот как Анри Мюрже² характеризует мансарду, в которой живёт его главный герой Родольф; слово Камчатка он пишет со строчной буквы, тем самым подчёркивая его нарицательное значение — место холода³:

«Sa chambre...était une délicieuse habitation pendant l'été; mais d'octobre à avril c'était un petit kamchatka»

«Его комната, восхитительная летом, с октября по апрель была маленькой Камчаткой».

Оноре де Бальзак, описывая Париж и парижанок, оставляет слову заглавную букву, но тоже использует его в нарицательном смысле — как образ места окраинного и запущенного⁴:

«Jamais vous ne rencontrerez cette jolie variété de femme... dans les Kamchatka des rues boueuses, petites ou commerciales».

«Эту очаровательную разновидность женщин вы никогда не встретите... на Камчатках — на улочках грязных, маленьких, торговых».

---

¹ Здесь и далее все переводы с французского, сделанные мною, проверены и отредактированы проф. РГГУ Г.Г. Косачем, которому я выражаю свою глубокую признательность.

² Анри Мюрже (24 или 27.03.1822–28.01.1861) — французский писатель, романист и поэт. Больше всего известен как автор книги «Сцены из жизни богемы».

³ *Murger H. Scènes de la vie de bohème // The Project Gutenberg EBook of Scènes de la vie de bohème. May 28, 2006. Available at: <http://www.gutenberg.org/ebooks//18446>. Last visited on 14 November, 2011.*

⁴ *Balzac H. Autre étude de femme // La Comédie humaine — Etudes de moers. Premier livre, Scènes de la vie privée. Tome II, Deuxieme volume de l'édition Furne 1842. C. 28. Available at: <http://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php>. Release date: 28.09.2008. Last visited on 13 November, 2011.*

А вот какую, отчётливо уничижительную, коннотацию слово *Камчатка* приобретает в устах героя Леона Доде¹:

«Les Kamtchatka était le surnom que Paul avait infligé à ces outranciers de la mode... habitants de régions brumeuses, stériles... Le mot désespérait ses victimes»².

«Камчатка — таким прозвищем наделял Поль доводящих моду до абсурда обитателей краев туманных и бесплодных... И словцо это приводило его жертв в отчаяние».

В 1969 году во Франции вышли сразу два романа с упоминаниями Камчатки. Одни из них — роман Жоржа Перека³ «Исчезновение», написанный без единой буквы *e*. В нём слово *Камчатка* используется дважды. Первый раз, когда главный герой Антон Вуаль посещает зоопарк⁴:

«Il VIT ALORS, non loin d'un bassin qui simulait, non sans un goût parfait, un mini-Kamtchatka, bassin où s'amusaient un tas d'animaux marins: pingouins, cormorans, manchots, albatross, rorquals, cachalots, marsouins, dauphins, dugongs, narvals, lamantins...».

«Затем, неподалеку, он увидел совершенный по вкусу бассейн; в нём был воссоздан кусочек Камчатки, резвились самые разные морские животные: пингвины двух видов, бакланы, альбатросы, киты-полосатики, кашалоты, морские свиньи, дельфины, дюгоны, нарвалы, ламантины».

Второй раз — когда автор в нескольких строках описывает путь героев «Моби Дика»⁵:

«ILS SONT PARTIS TROIS ANS, ils ont couru trois ans, bravant tourbillons, ouragans ou typhoons, du Labrador aux Fidji, du cap Horn à l'Alaska, d'Hawaï au Kamchatka».

---

¹ Леон Доде (16.11.1867–01.07.1942) — французский журналист, писатель, монархист, сын Альфонса Доде.

² *Daudet L.* Les Kamtchatka, Moers contemporaines, 1895. С. 28. Available at: <http://www.archive.org/details/leskamchatkamo00daudgoo>. Last visited on 11 November, 2011.

³ Жорж Перек (07.03.1936–03.03.1982) — французский писатель и кинорежиссёр.

⁴ *Perec G.* La disparation. Paris: Denoël, 1969. С. 60.

⁵ *Ibid.* С. 85.

«Три года, как они вышли в море, три года, как, не боясь вихрей, ураганов и тайфунов, держали курс от Лабрадора на Фиджи, от мыса Горн на Аляску, от Гавайских островов на Камчатку».

В первом случае слово, если и сохраняет образное значение, уводящее от реальности (пингвины, дюгоны и ламантины у берегов Камчатки не водятся), то скорее с положительным, чем с отрицательным оттенком: это образ избытка морских обитателей. Во втором — оно вообще лишено образности, употреблено просто как географический термин.

Напротив, в опубликованном в один год с «Исчезновением» романе «Ночной дозор» Патрик Модиано¹, описывая галлюцинации своего героя, не просто возвращает слову образность, а полностью отрывает свою Камчатку от Камчатки подлинной, фактически отождествляя её с Колымским краем, где находится полюс холода²:

«Et puis je me retrouvais... dans une region de Sibérie qui se nomme le Kamchatka. Aucune végétation n'y pousse. Un climat froid et sec. On ne peut pas vivre sous de telles latitudes et les biologistes ont observe que le corps humain s'y désintègre en mille éclats de rire, aigus, tranchants comme des tessons de bouteille. Voici pourquoi: au milieu de cette désolation polaire vous vous sentez libéré des derniers liens qui vous retenaient encore au monde. Il ne vous reste plus qu'à mourir. De rire».

«А потом я очутился... в той части Сибири, что зовётся Камчаткой. Здесь нет никакой растительности, климат — холодный и сухой. В этих широтах не выжить; биологи наблюдали, как человеческое тело разрывается здесь, будто тысячными взрывами смеха — острыми и режущими, как бутылочные осколки. Вот почему посреди этой полярной пустыни вы чувствуете себя освобождённым от последних связей, ещё удерживающих вас в этом мире. И вам ничего больше не остается, как умереть. От смеха».

Казалось бы, на этом можно и закончить, сделав вывод: для француза или франко-канадца Камчатка = *la nulle part*, но...

---

¹ Патрик Модиано (30.07.1945) — современный французский писатель и сценарист.

² Цит. по: André Durand présente “La ronde de nuit” (1969). Romane de Patrick Modiano: résumé. P. 6. Available at: <http://www.comptoir litteraire.com>. Last visited on 23 September, 2010.

В современном мире информационных технологий, если у человека есть возможность доступа в Интернет, он практически проваливается в «бездну информации», и вопрос, можно ли узнать о Камчатке *реальной*, не образной, сам собой снимается. Введя в поисковике Google слово *Камчатка*, вы действительно найдёте интересные сведения о ней, а также много рекламы и рекламных слоганов вроде «Посетите этот прекрасный край вулканов!» или «Спешите на свидание с Камчаткой!».

Камчатка как заповедник для туристов

Камчатский полуостров — одна из наиболее ярких рекреационных территорий нашей страны. Здесь можно увидеть величественные белоснежные вулканы, как действующие, так и потухшие, горячие и холодные минеральные и столовые воды. В большом разнообразии представлены горячие и минеральные источники. Долина Гейзеров, совсем недавно пострадавшая от оползня, когда за её судьбой следила вся страна, стала, как утверждают специалисты¹, ещё интереснее для посетителей. На Камчатке можно сплавляться по горным рекам на надувных плотках, путешествовать на лошадях, на собачьих упряжках и мотонартах, заниматься спортивным рыболовством. Можно спуститься с гор на лыжах, испытав захватывающие дух ощущения, сменяющиеся с быстротой кинокадров. Немало туристических объектов и в самом краевом центре Петропавловске-Камчатском: памятники культуры и истории, областной краеведческий музей, научный музей Института вулканологии, этнокультурные центры коренных народов Камчатки. В городе есть лыжная база «Лесная» и две горнолыжные базы: «Красная Сопка» (с тремя трассами) и «Эдельвейс» (с одной). Все это представляет неизменный интерес для туристов, способно удовлетворить самое изысканное любопытство даже очень избалованного путешественника. В подтверждение можно привести слова Евгения Валентиновича Касперского², взятые из его интервью с камчатским журналистом³.

---

¹ См., например: <http://www.kamkrai.com/index.php?newsid=2904>.

² Евгений Валентинович Касперский (4.10.1965, Новороссийск) — российский программист, специалист по антивирусной защите, один из основателей, ведущий разработчик и крупнейший акционер ЗАО «Лаборатория Касперского». Лауреат Государственной премии в области науки и технологий за 2008 год.

³ См.: Аргументы и факты. Камчатка, 2010, № 33 (1554).

Ж: Вы путешествуете по многим странам. Но в последнее время предпочитаете Камчатку. Неужели наша природа может чем-то удивить на фоне мировых достопримечательностей?

К: Камчатка — уникальное место. Здесь множество удивительных природных явлений сконцентрировано на относительно небольшой территории, в пределах вертолетной доступности. Подобного я нигде в мире не видел. На Камчатке потрясающий видеоряд. Позавчера, например, мы были на Мутновке. Стояла отличная погода, мы потягивали виски, смотрели вокруг и молчали... Я очень люблю подобные моменты».

По данным агентства по туризму правительства Камчатского края, ежегодно регион посещают 7–8 тыс. иностранных туристов. Более половины из них — граждане США и Японии. Ещё 40% въездного турпотока составляют европейцы и граждане Республики Корея. Число же российских туристов (не считая камчатских жителей) — порядка 4 тыс. человек в год. В основном они прибывают из Москвы, Санкт-Петербурга, городов Сибири, Урала и Приморья. Для отечественных туристов основное препятствие для отдыха на Камчатке заключается в высокой стоимости авиаперевозок: на неё приходится до 70% стоимости турпакета на Камчатку. В этой связи опять можно привести слова Касперского¹:

Ж: В какую сумму обошёлся вам отдых на Камчатке?

К: Точно не помню. Но могу сказать, что это очень дорогое удовольствие. На деньги, которые мы здесь тратим за две-три недели, можно жить в Турции в пятизвёздочном отеле три-четыре месяца...

Я, кстати, никак не могу понять, почему авиабилет до Петропавловска стоит значительно дороже, чем до Нью-Йорка...»

Вывод: Камчатка, представляющая с её уникальной природой, дикой, нетронутой, настоящий природный музей под открытым небом, сегодня привлекает в основном иностранцев, которые насытились древностями Европы и жаркими пляжами. В то время как большинство россиян предпочитают отдых в Турции и Китае.

Кстати, именно встречи с приезжающими на Камчатку иностранными туристами и их восхищение ею побудили меня, камчадалку, хоть

---

¹ См.: Аргументы и факты. Камчатка, 2010, № 33 (1554).

на немного раскрыть глаза на то, где я живу, поэтому не могу удержаться и не привести некоторые из их отзывов.

В августе 2009 года мне посчастливилось провести несколько незабываемых дней с французской парой; это были Мишель Бордые и Дельфин Сисе. Привожу их отзыв:

Le Kamchatka nous en a imposé. La nature sauvage, ça nous a manqué en France. Камчатка произвела огромное впечатление. Дикая природа — это то, что не хватает нам во Франции.

Летом 2010 года Камчатку во второй раз посетил Патрис Баля из Бреста (Франция). Вот что говорит он: *J'aime le Kamchatka, les volcans. Ici on peut voir les jeux de la nature!!! Vivement le Kamchatka! Мне нравятся Камчатка, вулканы. Здесь можно увидеть чудеса природы!!! Скорее на Камчатку!*

Лео (Швейцария), июль 2010: *Kamchatka is a wonderful place. The volcanoes...it's amazing, you see what nature can produce. Камчатка — чудесное место. Вулканы... это удивительно, видишь, на что способна природа.*

Кейси Хандмер (Австралия), август 2010: *I like volcanoes. So Kamchatka is an obvious place to come. Мне нравятся вулканы, поэтому Камчатка — то самое место, куда стоит приехать.*

Микали Ефремов (Финляндия), апрель 2010: *I am lucky traveling in this lovely region. Мне повезло — путешествоую по такому прекрасному краю.*

От образа к сервису: туристические горизонты Камчатки

Я попыталась провести собственное маленькое исследование, взяв за источник данных сайты [couchsurfing.com](http://www.couchsurfing.com)¹ и [hospitalityclub](http://hospitalityclub.com).

---

¹ <http://www.couchsurfing.com> — одна из крупнейших гостевых сетей. Существует в виде он-лайн сервиса. По состоянию на июль 2010 объединяла более 2 млн человек в 238 странах. Члены сети бесплатно предоставляют друг другу помощь и ночлег во время путешествий и организуют совместные путешествия. (Иногда, по взаимной договорённости, гости платят за телефон или еду.) Миссией каучсёрфинга является «создание вдохновляющего опыта». Идея состоит в том, чтобы активизировать межкультурный обмен и общение людей в дружеской неформальной обстановке. Это даёт возможность реализовать естественное желание узнавать что-то новое, обмениваться опытом в различных сферах жизни. В том числе, благодаря такому общению люди разных

org¹, и выяснить, насколько Камчатка как территория туризма известна за пределами России. На двух сайтах с просьбой помочь с поиском жилья или показать Петропавловск-Камчатский ко мне обратились за год семь человек, ещё примерно 15 сообщили, что собираются посетить Камчатку в ближайшем будущем.

На какие услуги и на какую туристическую инфраструктуру могут рассчитывать эти люди? В настоящее время камчатский рынок туристических услуг делает ставку на экстрим и экзотику. И это не случайно. В крае насчитывается около сотни туроператорских и турагентских фирм, что, пожалуй, многовато при небольшом потоке туристов, тогда как общее количество гостиниц — всего 25, из них в черте Петропавловска-Камчатского находятся семь, с общим номерным фондом в 291 номер, способным одновременно вмещать лишь 447 человек².

Очевидно, что при оценке возможностей использования и развития туристических ресурсов камчатского края следует учитывать следующие соображения³.

1. Камчатка не может быть местом *массового* туризма из-за удалённости региона, дороговизны поездки, отсутствия приемлемой инфраструктуры, относительной нестабильности, прежде всего экономической, в стране в целом.

2. Рекреационные ресурсы края не могут конкурировать со многими признанными регионами мира и даже России по климатическим условиям (количеству теплых и солнечных дней, возможности купания в море) и по качеству гостиничного обслуживания

культур и национальностей получают возможность взглянуть на многие международные проблемы с разных сторон, научиться толерантности.

¹ <http://www.hospitalityclub.org> — также одна из крупных онлайн-сетей. Создана в июле 2000 года, в настоящее время объединяет более 320 тыс. членов из более чем 200 стран. Главная цель сообщества — построить мир без предрассудков и расизма, развивать толерантность и взаимопонимание, знакомя и объединяя людей разных национальностей и культур — путешественников и аборигенов, гостей и хозяев. Проект поддерживается группой добровольцев.

² Данные приведены по: <http://kamtravel.abdesign.ru/hotels/>. Последнее посещение 14.11.2010.

³ Ресурсный потенциал Камчатки / Ред. Е.В. Гропянов, Р.А. Пирагис. Петропавловск-Камчатский: Камчаткнига, 1994. С. 195.

3. Специфичность ресурсов края предопределяет и специфического потребителя.

В числе первоочередных проектов, которые собираются реализовать в сфере туризма власти Камчатского края, — обустройство рекреационной зоны Малкинского месторождения термальных вод, реконструкция детского оздоровительного лагеря «Алые Паруса», строительство бальнеологического лечебно-курортного комплекса компании «Парамушир-Град», горнолыжного комплекса в Паратунской санаторно-курортной зоне, в поселке Термальный, аквапарк на базе Паратунского геотермального месторождения, создание туристско-этнографического центра «Камчатские скрижали» в краевом центре.

Камчатка — это регион, имеющий все шансы для создания на его территории особой рекреационной зоны. Однако вопрос этот не очень простой. По словам начальника агентства по туризму правительства Камчатского края Тамары Тутушкиной¹, администрация активно занимается этой темой: подготовлен обстоятельный каталог рекреационных возможностей, составлен перечень имеющихся туристических продуктов, совместно с муниципальными образованиями края оформлены паспорта территорий и сформулированы проблемы, которые необходимо решить, чтобы развивать туризм. Дальше за дело должен взяться специализированный институт, который мог бы подготовить проектную документацию, оформить заявку на участие в конкурсе на создание зоны и т.д. Для этого нужны деньги, но в бюджете края они пока не предусмотрены.

А вот город свою программу развития туризма уже проработал с помощью профессиональных московских консультантов и принял к действию. Привожу в этой связи слова первого заместителя главы Петропавловск-Камчатского городского округа Николай Пегина²:

Туризм — это серьезная экономическая составляющая, и сама идея создания стратегии развития туристической отрасли в Петропавловске-Камчатском всколыхнет и заставит развиваться туристическую составляющую эконо-

---

¹ Общество, туризм, сервис: опыт, проблемы и перспективы развития на территории Камчатского края: Материалы международной научно-практической конференции 18–19 апреля 2007 г. / Под ред. В.Г.Краюшкина. Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2007. С. 11.

² Там же. С. 22.

мики не только города, но и региона в целом. До недавнего времени развитие туризма являлось монополией региональных властей. Это объяснялось тем, что Петропавловск туристы использовали скорее как перевалочную базу на пути к вулканам и медведям. Мы решили эту несправедливость исправить. Наш город уникален. И пребывание в нем гостей не должно ограничиваться несколькими часами. Город мог бы получать значительные доходы от туристского потока».

* * *

Развитие туризма поможет бороться с «заброшенностью» региона. На «заброшенность» его сильнее всего влияют два фактора: удалённость от центра и гнёт стереотипных представлений о Камчатке. Всё-таки до сих пор мало кто ясно представляет, что это за чудесный край, предпочитая видеть в ней просто *край* — край России или земли. Мы не можем сократить расстояние от Москвы до Камчатки с 11 тыс. км до 300–500; но изменить представления — в наших силах. Прикладывая совместные усилия, мы сможем «приблизить» Камчатку и к россиянам, и ко всему миру. И тогда Камчатка реальная и прекрасная вытеснит насыщенный отрицательными коннотациями образ *камчатки* как чего-то предельного, «туманного и бесплодного» — образ задней парты, образ *nulle part*.

Светлана Кондрашенкова, Ольга Ширяева¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КАМЧАТСКОГО КРАЯ)

Согласно существующим научным подходам, экстремальными считаются условия жизнедеятельности, депривирующие / способные депривировать потребности личности, включая её потребность в безопасности. Совокупность таких условий образует экстремальную среду жизнедеятельности. Важно подчеркнуть два момента. Во-первых, личность может либо воспринимать, либо не воспринимать экстремальную среду как угрожающую — несущую угрозу реализации значимых потребностей. Во-вторых, в том случае, когда человек не воспринимает среду как депривирующую его значимые потребности, по объективным параметрам среда эта всё равно может быть экстремальной — предъявлять повышенные требования к личности, нести угрозу здоровью

---

¹ Светлана Кондрашенкова, Ольга Ширяева — доценты кафедры теоретической и прикладной психологии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский.

и жизни человека. Соответственно принято различать субъективную и объективную экстремальность¹. Далее, экстремальная среда может рассматриваться как «арена» для одного события², для серии событий³ и для жизнедеятельности в целом⁴. Наконец, в зависимости от насыщенности среды факторами экстремальности, её субъективной оценки личностью, а также от пространственно-временных характеристик принято говорить о *ситуативной экстремальности* (чрезвычайные, кри-

---

¹ См.: *Гави Х.* Адаптация к стрессовым жизненным событиям и преодоление трудностей детьми и подростками с разным уровнем интеллектуального развития и когнитивной гибкости. Дис. ... канд. пед. наук. М., 2004; *Ишимухаметов Р. Р.* Депривация потребности в самореализации как фактор миграционной готовности личности. Дис. ... канд. психол. наук. Чита, 2004; *Фатхи О. Г.* Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях. Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2003. Доступны на: <http://diss.rsl.ru>.

² См.: *Канеп В. В., Слуцкер Д. С., Шафран Л. М.* Адаптация человека в экстремальных условиях среды. Рига: Звайгзне, 1980; *Кулик А.А.* Картина мира лиц, переживших землетрясение. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / КамГУ им. Витуса Беринга. Хабаровск, 2008; *Моляко В. А.* Особенности проявления паники в условиях экологического бедствия // Психологический журнал, 1992. Т. 13, № 2. С. 66–73; *Мухин А. П.* Мораль в условиях ЧС и катастроф: теоретический и эмпирический уровни анализа проблем. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. СПб., 1997.

³ См.: *Васильева О. С., Правдина Л.Р.* Конструктивное проживание экстремальной ситуации как фактор развития личности // Прикладная психология, 2002. № 3. С. 38–53; *Дикая Л. Г.* Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности. Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002; *Шапкин С. А., Дикая Л.Г.* Деятельность в особых условиях // Психологический журнал, 1996. Т. 1, № 17. С. 19–24; *Погорелова Е. И.* Тревога как фактор развития личности на примере преодоления экстремальных ситуаций. Дис. ... канд. психол. наук. Таганрог, 2002.

⁴ См.: *Волович В. Г.* Человек в экстремальных условиях природной среды. М.: Мысль, 1980; *Медведев В. И.* Психологические реакции человека в экстремальных условиях // Экологическая физиология человека. Адаптация человека к экстремальным условиям среды / Ред. О. Газенко. М.: Наука, 1979. С. 625–672; *Сочивко Д. В.* Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003; Развитие личности в экстремальных условиях. Кол. монография / Е. Б. Весна, А. А. Алискеров, Е. В. Прозорова и др. Петропавловск-Камч.: Изд-во КГПУ, 2004.

зисные, травматические ситуации), *экстремальности профессиональной деятельности и экстремальности жизнедеятельности*¹.

В качестве потенциальных объективных признаков экстремальности природно-климатической среды Камчатского края, несущих угрозу реализации значимых потребностей личности, можно выделить следующие: природно-климатические (параметры температуры, ветра, влажности, количество солнечных дней в году, изменения атмосферного давления и т.д.); геофизические (вулканическая активность, сейсмическая активность, геомагнитные возмущения); социально-экономические и социально-культурные характеристики, обусловленные климатом (удорожание жизни, ограниченность рекреационных поездок, культурного отдыха)². Кроме того, под влиянием природной среды, но также в силу особенностей расположения и истории освоения, пространство полуострова как бы концентрирует в себе виды деятельности, которые могут быть обоснованно определены как постоянно или ситуационно экстремальные. В целом Камчатка представляет собой благодатное поле для выявления и описания психологических особенностей личности по любому из перечисленных выше параметров экстремальности. Можно даже утверждать, что её «двойная» экстремальность является неотъемлемой чертой жизни

---

¹ См.: Агажданиян Н. А., Саламатина Л. В., Леханова Е. Н. Уровень здоровья и адаптации у населения крайнего Севера. М.: Вертикаль, 2002; Михайленко Е. В. Личностные ресурсы как фактор адаптации – реадaptации моряков рыбопромыслового флота к изменённым условиям жизнедеятельности. Дис. ... канд. психол. наук. Петропавловск-Камч., 2007; Шаркун В. В. Камчатка. Климат. Человек. Петропавловск-Камч.: Изд-во КамГУ им. Витуса Беринга, 2007; Семенова И. С. Влияние суровых и экстремальных климатических условий на расселение населения в Северном и Восточном районах России. Дис. ... канд. геогр. Наук. СПб., 2003. Доступны на: <http://diss.rsl.ru>; Черныш И. В. Гендерные особенности адаптации к экстремальным условиям деятельности сотрудников пограничной службы ФСБ РФ. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук. Ростов-н/Д., 2006.

² См.: Таблица классификации зональных факторов природной дискомфортности / Рук. А. Н. Кренке, А. Н. Золотокрылина / Институт географии РАН и ВНКЦ «Север» // Арктика сегодня: информационно-аналитический портал. Доступно на: <http://www.arctictoday.ru>. Последнее посещение: 28.11.2010; Петропавловск-Камчатский: Историко-географический атлас. Петропавловск-Камч.: Камчаткнига, 1994.

на полуострове и потому не может не сказываться тем или иным образом на идентичности его жителей.

В нашей статье рассматриваются психологические особенности личности, находящейся под постоянным воздействием экстремальной природно-климатической среды, и личности, вовлечённой в экстремальные виды деятельности. Анализ осуществлён по итогам систематизации результатов эмпирических исследований взаимодействия в системе «субъект – экстремальная среда», проведённых в 2003–2008 годах на территории Камчатского края аспирантами Лаборатории психологических исследований проблем развития личности научно-исследовательского института региональных гуманитарных проблем (НИИ РГП) Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, а также студентами, обучающимися на психолого-педагогическом факультете того же университета под руководством сотрудников кафедр теоретической и прикладной психологии,.

Воздействие экстремальной среды

Рассмотрим сначала *особенности психологического благополучия личности в экстремальных природно-климатических условиях*. Эмпирическую базу исследования составили учащиеся юношеского возраста (16–17 лет), проживающие в городах со значительно различающимися по характеру и степени экстремальности природно-климатическими условиями — в Петропавловске-Камчатском и в Омске. Величина выборки — 440 человек.

Установлено¹, что экстремальные природно-климатические условия способствуют активизации смысложизненных ориентаций личности. Внешние условия ставят перед личностью задачи повышенной сложности, решение которых возможно только при восприятии своей жизни как интересного, насыщенного процесса, при наличии целей, ко-

---

¹ Здесь и далее по: *Весна Е.Б., Ширяева О.С.* Психологическое благополучие личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова / Серия Гуманитарные науки, 2009. № 2. С. 31–34; *Ширяева О.С.* Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / КамГУ им. Витуса Беринга. Хабаровск, 2008.

торые придают жизни осмысленность, представлений о себе как о сильной личности и убеждённости в возможности контролировать свою жизнь в целом, происходящие события в частности. Вместе с тем для респондентов, проживающих в экстремальных природно-климатических условиях, характерен более низкий уровень самооценки, отношения к себе, принятия себя. Кроме того, у них отмечается противоречивое сочетание преобладающего эмоционального комфорта и низкой депрессивности с повышенной тревожностью.

Наши наблюдения согласуются с исследованиями¹, свидетельствующими о том, что для личности, пребывающей в экстремальных условиях жизнедеятельности, депрессивные проявления нехарактерны. Сочетание же позитивного настроения и тревожности способствует адекватной оценке ситуации угрозы и опасности, а, значит, и успешной адаптации.

В результате исследования определены содержательные особенности психологического благополучия личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности. В *аффективном* компоненте *психологического благополучия* — это преобладание позитивных эмоций и наличие повышенной тревожности во всех сферах жизнедеятельности; в *мировоззренческом* — высокая осмысленность жизни, осознание целей и убеждений, придающих жизни смысл; в *метапотребностном* — удовлетворённость самореализацией, ощущение личностного роста, внутренняя поддержка своих ценностей и убеждений, рефлексия своих чувств и желаний и вместе с тем меньшая творческая направленность, то есть нежелание преобразовывать окружающий мир; в *интратрефлексивном* — восприятие себя сильной личностью, высокие показатели спонтанности, самоуважения, внутреннего контроля, низкие показатели самооценки, отношения к себе, принятия себя, а также меньшая ориентированность при самооценивании на внешние оценки; наконец, в *интеррефлексивном* компоненте — ощущение контроля над своей собственной жизнью, более низкая потребность в познании окружающего мира, менее позитивно направленное отношение к другим и ожидаемое от других.

---

¹ См.: Погорелова Е. И. Указ. соч.; Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989; Дедов Н. П. Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. Доступно на: <http://diss.rsl.ru>.

На основании данного исследования нами сделан вывод о том, что в экстремальных условиях жизнедеятельности личность может использовать две модели психологического благополучия: *асимметричную* и *симметричную*. Последняя используется тогда, когда объективно экстремальные условия жизнедеятельности для личности таковыми не являются, то есть на субъективном уровне среда не воспринимается как депривирующая / способная депривировать потребности личности. В этом случае способы взаимодействия человека со средой в основном идентичны способам, применяемым им в объективно менее экстремальных условиях жизнедеятельности, в которых личность для своего развития обращается как к внутренним, так и к внешним ресурсам. Если же объективная и субъективная оценка экстремальности среды совпадают, используется асимметричная модель психологического благополучия. Она заключается в субъективном обесценивании роли среды для развития личности, в преимущественной ориентации на внутренние ресурсы, компенсирующей недостаток внешних ресурсов для удовлетворения потребностей личности. Следует, однако, иметь в виду, что эффективность асимметричной модели психологического благополучия зависит от наличия у личности необходимых внутренних ресурсов для достижения гармоничных отношений со средой.

Не менее важно было установить *особенности копинг-стратегий личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности*. Под копинг-стратегиями понимаются адаптационные механизмы, обеспечивающие продуктивное взаимодействие личности и среды и в конечном счете её самосовершенствование и самореализацию в социуме¹. Эмпирическую базу исследования копинг-стратегий также составили респонденты, проживающие в городах с разными природно-климатическими условиями — в Петропавловске-Камчатском и Волгограде, выборка — 880 человек.

Основные выводы, полученные в ходе этого исследования, таковы². Личность, формирующаяся в регионе с ярко выраженной экстре-

---

¹ Подробнее см.: *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

² Изложено по: *Камынина И. В.* Копинг-стратегии личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / КамГУ им. Витуса Беринга. Хабаровск, 2008.

мальностью природных условий, при появлении новых, специфичных для данного возрастного этапа, проблем не отказывается от приобретенных ранее копинг-стратегий, а лишь расширяет и совершенствует репертуар механизмов *совладающего* поведения. В то время как для региона с относительно более благоприятными природными условиями при переходе от детства к взрослости характерна трансформация всей системы копинг-стратегий личности: отказ от стратегий, сформировавшихся ранее и формирование новых, релевантных задач нового этапа развития личности. Как следствие, личность в экстремальных природно-климатических условиях имеет более богатый репертуар копинг-стратегий, позволяющий и более гибко адаптироваться к трудным жизненным ситуациям. К тому же для личности в экстремальных условиях характерна более высокая самооценка, что позволяет ей воспринимать свою некомпетентность в трудных жизненных ситуациях конструктивно — как импульс к саморазвитию.

Также было установлено, что у личности, находящейся в экстремальных природно-климатических условиях, актуализируется потребность в восстановлении и привлечении дополнительных ресурсов. В качестве одной из форм психологической реабилитации нередко выступает особый вид социальной поддержки, когда человек восполняет, усиливает и расширяет свои внутренние ресурсы за счет рефлексивного обращения к Другому как к источнику новых смыслов, помогающих ему совладать с трудностями. Социальная поддержка в экстремальных условиях оказывается не столько инструментальной, сколько смысловой, ибо больше способствует усилению внутренних ресурсов личности, чем решению её проблем окружающими. В этом контексте повышается ценность таких качеств, как эмпатия, отзывчивость, открытость, позволяющих эффективно использовать для реализации копинг-стратегии личности возможности её взаимодействия с другими людьми. В целом же личность, находящаяся в экстремальных природно-климатических условиях, в большей степени ориентирована на разные виды межличностного взаимодействия, поскольку сформированные коммуникативные умения повышают личностный потенциал, а вместе с ним — и устойчивость к стрессам.

Целью дальнейших эмпирических исследований, проведённых в Петропавловске-Камчатском и других поселениях Камчатского края и охвативших в общей сложности 379 человек, было выявление *особенностей ценностной и мотивационно-потребностной сфер у детей*

и молодежи, проживающих в экстремальных природно-климатических условиях.

Одно из этих исследований было акцентировано на эмоциональной сфере дошкольников, чьи родители опасаются (ожидают) экстремальной ситуации. Было обнаружено, что такие дети характеризуются высоким уровнем тревожности, сильными переживаниями по поводу возможного землетрясения, выраженным страхом землетрясения, большим количеством страхов в целом. Для младших школьников с высоким уровнем тревожности, проживающих в районе с высоким сейсмическим риском и риском цунами (с. Никольское, Командорские о-ва), характерно разнообразие страхов. В том числе у них более выражен страх стихийных бедствий, они чаще упоминают о том, что их родители негативно оценивают условия проживания, больше беспокоятся об угрозе землетрясения и цунами.

Результаты исследования *мотивационно-потребностной* сферы подростков, проживающих на территории Камчатского края, показали, что для них, по сравнению с подростками, проживающими в более мягких природно-климатических условиях, характерен более низкий уровень мотивации достижения. Можно предположить, что это связано с меньшим разнообразием жизненных перспектив в экстремальных условиях проживания.

Исследование структуры *ценностных ориентаций* камчатской молодежи в возрасте 18–25 лет показало, что для её представителей значимыми являются ценности «креативность» и «активные социальные контакты», сфера обучения / образования и сфера увлечений, ценности стимуляции (разнообразия впечатлений) и гедонизма. Также для них высока значимость жизнерадостности, независимости, образованности, смелости в отстаивании своего мнения. В целом всё перечисленное соответствует активной жизненной позиции, творческой направленности личности. Следует также отметить акцентирование ценностей власти и безопасности, что, скорее всего, проистекает из стремления к установлению контроля над непредсказуемостью экстремальной среды. Было также обнаружено, что молодежь, проживающая на Камчатке и оценивающая условия проживания как субъективно экстремальные, испытывает неудовлетворенность потребности в безопасности. В свою очередь, респондентов того же возраста, воспринимающих условия проживания в Камчатском крае как неэкстремальные, отличают уста-

новка на самореализацию, высокий уровень рефлексии, развитые познавательные потребности, творческая направленность.

Воздействие экстремальной деятельности

Условия, предполагающие достаточно длительное воздействие объективных или субъективных экстремальных факторов (среда как «арена» для серии событий), можно условно разделить на два класса. К первому, достаточно хорошо изученному в рамках психологии труда, инженерной психологии и эргономики, относятся экстремальные условия профессиональной деятельности. Второй класс на настоящее время исследован поверхностно. Это так называемая добровольная экстремальность — пребывание в экстремальных условиях вследствие свободного выбора. Сюда в первую очередь надо отнести экстремальные виды спорта, включая туризм. Деятельность, которой занимаются увлекающиеся ими люди, противоречит потребности в безопасности. Значит, у таких людей существует другая, более важная потребность, они не могут удовлетворить её в обычной повседневной жизни и удовлетворяют, занимаясь экстремальным спортом.

Значительная часть населения Камчатского края вовлечена в профессиональную деятельность со сложными условиями труда. В итоге проживание в экстремальных природно-климатических условиях усугубляется экстремальными условиями профессиональной деятельности. В то же время Камчатский край в силу своих географических и природно-климатических условий предоставляет широкие возможности для любителей экстремальных видов спорта. Исследование их личностных особенностей — одно из приоритетных направлений в рамках региональной проблематики. Его результаты помогут составить представление о личностных ресурсах, не только способствующих эффективной адаптации к экстремальной среде, но и обеспечивающих принятие экстремальности, причём не в качестве угрозы, а в качестве «вызова», что соответствует конструктивной реакции на экстремальные условия.

Лабораторией психологических исследований проблем развития личности НИИ РГП КамГУ были изучены личностные особенности людей, вовлечённых во взаимодействие с экстремальной средой как по линии их профессиональной деятельности, так и добровольно, в процессе удовлетворения их хобби — потребности в «экстриме» Далее приводятся обобщённые данные соответствующих исследований.

Личностные особенности моряков рыбопромыслового флота (по итогам трех эмпирических исследований, 180 человек). Представители данной группы характеризуются развитыми волевыми качествами. Им в меньшей степени свойственны страхи, в том числе страх смерти, страх будущего; у них выше нервно-психическая устойчивость и меньше риск дезадаптации в стрессе, выше готовность к риску, ниже тревожность — как ситуативная, так и личностная.

Личностные особенности работников МЧС (по итогам двух эмпирических исследований, 130 человек). Им свойственен высокий уровень мотивации достижения успеха, низкий уровень мотивации избегания неудач и психологических защит, выраженная альтруистическая направленность (желание помочь, принести пользу обществу, не преследуя при этом личных целей); они в меньшей степени заинтересованы в личной выгоде, больше ориентированы на помощь другим людям. Отличают их и эмоциональная вовлечённость в процесс профессиональной деятельности, высокая ориентация на её результат, высокий уровень спонтанности и самоуважения, принятия агрессии и принятия других; при этом они в большей степени ориентированы на интересы и мнения других людей, чем на свои.

Личностные особенности лётчиков-истребителей (по итогам двух эмпирических исследований, 106 человек). Лётчики характеризуются низкой ситуативной и личностной тревожностью, позитивным отношением к себе, высокой склонностью к риску, высоким уровнем осмысленности жизни.

Личностные особенности сотрудников исполнительной власти: работников МВД, исправительных учреждений и др. (по итогам двух эмпирических исследований, 245 человек). У сотрудников МВД в целом наблюдается очень высокий уровень психологических защит, что, по-видимому, объясняется тем, что их деятельность, с одной стороны, жёстко регламентирована, с другой, вызывает устойчивое нервно-психическое напряжение из-за того, что в той или иной степени сопряжена с угрозой для собственной жизни и жизни товарищей. А у сотрудников МВД, участвовавших в боевых действиях, фиксируется высокий уровень невротичности, спонтанной агрессивности, раздражительности, неуравновешенности, неуверенности в себе, недоверчивости, ситуативной тревожности и склонности к алкоголизации. У судебных исполнителей тоже выявлен значительный уровень агрес-

сивности и враждебности, ситуативной и личностной тревожности, наряду с готовностью к риску, низким уровнем мотивации достижения успеха и избегания неудач. Сотрудникам исправительных учреждений, имеющим непосредственный контакт с осуждёнными, свойственно использование более адаптивных копинг-стратегий; сам контакт с осуждёнными не воспринимается ими как субъективно экстремальное условие их деятельности.

Личностные особенности туристов, попадавших в экстремальные ситуации (общий объём выборки — 60 человек). В этом исследовании принимали участие туристы, попадавшие в экстремальные ситуации и природного, и социально-психологического происхождения. К первым относятся неблагоприятные метеорологические условия, водные преграды, сложные формы горного рельефа, встречи с дикими животными; ко вторым — эмоциональные реакции членов туристической группы, проблемы морально-волевой подготовки. Было обнаружено, что туристам, попадавшим в экстремальные ситуации, свойственны, независимо от типа этих ситуаций по происхождению, более высокая нервно-психическая устойчивость и преимущественно дружелюбное взаимодействие с окружающими, что свидетельствует об их направленности на сотрудничество и кооперацию. У них также преобладают гибкие и компромиссные решения проблем в экстремальных и конфликтных ситуациях, стремление быть в согласии с мнением окружающих; центральным мотивом и критерием для них являются интересы другого человека или группы. Они инициативны в достижении целей группы, общительны, проявляют теплоту и дружелюбие в отношениях.

Особенности ценностно-смысловой сферы людей, занимающихся экстремальными видами спорта (по итогам трех эмпирических исследований, 290 человек). Этих людей отличает более высокая осмысленность жизни, высокая толерантность к неопределённости, восприятие жизни как эмоционально насыщенного процесса. Они высоко оценивают результативность своей жизни, имеют цели в жизни, убеждены в том, что сами её определяют. Им присущи способность к совладанию со стрессами (жизнестойкость), принятие риска и более высокая склонность к нему, получение удовольствия от собственной деятельности, стремление к самостоятельности. Для них статистически более значимыми являются такие ценности, как «самостоятельность», «стимуляция», «гедонизм»; это позволяет предположить, что

основной мотивацией их увлечения экстремальными видами спорта является получение чувственного удовольствия, удовлетворения и наслаждения жизнью. Значимо менее привлекательны для них такие ценности, как «конформность», «традиции» и «безопасность». В сочетании с высокой ценностью самостоятельности это свидетельствует о непринятии «экстремалами» норм и идеалов общества (или, как минимум, о нежелании следовать принятым в обществе стереотипам и традициям), равно как и о стремлении искать собственные пути достижения целей.

Спортсмены-альпинисты характеризуются выраженной экстраверсией, экспрессивностью, стремлением к установлению теплых межличностных отношений. Реализацию в спорте они рассматривают как самосовершенствование, раскрытие себя, выработку новых психологических качеств, помогающих как в достижении поставленных целей, так и в повседневной жизни. Среди качеств, приобретенных в процессе занятия альпинизмом, они отмечают общечеловеческие ценности, выражающие свободу, ответственность и право выбора.

Были также выявлены особенности восприятия / оценки повседневной жизни, профессиональной деятельности и риска людьми, занимающимися экстремальным спортом. И обыденную жизнь, и работу, которой в ней приходится заниматься, они оценивают как неудовлетворительную, скучную, однообразную, неустойчивую, хаотичную и некомфортную. Напротив, риск для них — явление однозначно позитивное и в то же время вполне обычное, понятное и комфортное. Главный смысл занятий экстремальным спортом — получение удовольствия, удовлетворение потребности в новых, необычных ощущениях, в возможности обрести то, что придаст жизни осмысленность. (В отличие от любителей экстремального спорта, люди, им не занимающиеся, в первую очередь при его оценке обращают внимание на риск получить травму, испытать сильную боль; тогда как жизнь без экстремального спорта — это для них нормальная, интересная, яркая жизнь, наполненная глубокими переживаниями). Обобщая, можно сказать, что «экстремалы», с одной стороны, характеризуются высоким уровнем развития личностных ресурсов, способствующих совладанию с рисками и угрозами жизни, с другой, склонны оценивать повседневную жизнь как неинтересную, лишенную богатства впечатлений и столь ими ценимого «вызова».

* * *

В заключение нашего обзора эмпирических психологических исследований взаимодействия в системе «субъект — экстремальная среда» необходимо отметить следующее.

Исследования подтверждают теоретическое предположение о том, что экстремальная среда может влиять на личность как деструктивно (повышением тревожности, количества страхов и психологических защит, уровня невротичности и др.), так и конструктивно (повышением нервно-психической устойчивости, уровня развития волевых качеств, уровня самоконтроля и т. д.).

Одним из важнейших факторов, определяющих характер конструктивной / деструктивной реакции личности на воздействие экстремальных условий, является оценка этих условий как экстремальных или как неэкстремальных. Данные региональных исследований убедительно показывают, что восприятие условий как экстремальных резко снижает адаптивный потенциал личности, способствуя нарастанию тревоги, увеличению количества страхов, сужению перспектив будущего. Напротив, оценка объективно экстремальных условий как субъективно неэкстремальных способствует более эффективной адаптации. При этом независимо от того, имеем ли мы дело с экстремальной природно-климатической средой, экстремальной средой профессиональной деятельности или с их одновременным воздействием на личность, выделяется комплекс личностных ресурсов, способствующих повышению адаптивного потенциала. Это: 1) творческая направленность личности, активная жизненная позиция, широкий кругозор, стремление к самореализации, эмоциональная вовлечённость в деятельность; 2) стремление к взаимопомощи, направленность на сотрудничество и кооперацию, ориентация на помощь другим со снижением акцентирования собственных интересов; 3) высокая нервно-психическая устойчивость, самоконтроль, самостоятельность, принятие риска, убеждение в способности контролировать обстоятельства своей жизни; 4) высокая осмысленность жизни, оценка её как эмоционально насыщенной, стремление к разнообразию впечатлений.

*Алина Кириллова*¹

ХРОНИКИ УЕЗДНОГО ГОРОДКА

РОДИНА — как много значит это слово для каждого из нас! Это — отчий дом, милый сердцу уголок нашей огромной страны. У каждого человека — своя малая родина, то место, где он родился, вырос, где живет его семья. И, кажется, нет на земле лучше, краше и родней уголка, чем этот. Для меня малой родиной является тихий, уютный, зелёный городок — мой Елизово. Я всегда хотела познакомить людей с моим родным городом.

Елизово входит в состав Камчатского края. Площадь края — 464,3 тыс. км², население по оценке на 1 января 2009 года — 343,5 тыс. человек, плотность его — 0,7 человек на 1 км². На Камчатке всего три города: Петропавловск-Камчатский, Елизово и Вилючинск с населением соответственно 194,1 тыс., 39,3 тыс. и 25,2 тыс. человек². Таким

---

¹ Алина Кириллова — аспирантка кафедры всеобщей и отечественной истории Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, г. Елизово.

² Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 584.

образом, Елизово — второй по величине город Камчатского края; но по своим размерам он входит в разряд городов с населением менее 50 тыс. человек, то есть малых. В Российской империи такие города часто были административными центрами уездов.

За свою историю населённый пункт, считающийся сейчас городом Елизово, трижды менял название и, как минимум, столько же раз — свой официальный статус. Этими переменами и будет размечен мой рассказ о родном городе.

Старый Острог

Постоянное поселение на месте нынешнего Елизово более или менее достоверно существует с 1840-х годов, то есть более 160 лет, однако город выглядит «новоделом». К сожалению, старинные деревянные постройки XIX – начала XX веков не сохранились, и причиной тому была достаточно бурная история города.

Первоначально там, где сейчас стоит Елизово, располагался острожек (небольшое укрепление) камчатских аборигенов ительменов. В 1712 году, во время похода казаков на р. Авачу он был разрушен. Вот что писал С.П. Крашенинников об этом событии¹:

«Был поход из Нижнего Камчатского острога на Авачю-реку, где убили Данило Анцыферова с товарищи, а было во оном походе служивых 120, да камчадалов 150 человек под командою служивого Никиты Дурыгина, которые, пришед в острожек авачинских иноземцов, стояли под ним недели с две... а взять не могли. Напоследок его огнем сожгли, и бывших в нем иноземцов, которые во время пожара из острожку выходили, побивали, оставя малых людей, которые до пожару своей волею из острожку к ним приходили и ясак платить обещались...»

За местом, где находилось уничтоженное казаками укрепление, закрепилось название Старый Острог. Не позднее 1809 года в урочище Старый Острог появилось однодворное поселение типа сибирской заимки². В начале 1820-х годов происходило сильное извержение Авачин-

---

¹ Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 744.

² Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки // Министерство просвещения РСФСР. Учёные записки Хабаровского гос. пед. ин-та, т. XIV. Южно-Сахалинск, 1968 С. 42–44.

ского вулкана, расположенного близ Старого Острога, и в качестве очевидцев этого события упоминаются местные старожилы; значит, в то время заимка или выросшее из неё поселение по-прежнему существовало. По данным на 1838 год, в Старом Остроге было семь плательщиков налога. Все его жители относились к приходу Петропавловского собора, назывались староострожскими и числились петропавловскими мещанами¹. А в начале 50-х годов XIX века в Старом Остроге был уже не один десяток жителей, занимавшихся в основном рыбной ловлей и охотой. Знаменитый исследователь нашего края Карл Дитмар в своём отчете о пребывании на Камчатке в 1851–1855 годах дал подробное описание этого поселения²:

«...Рыбная ловля здесь весьма обильна, близлежащие охотничьи участки изобилуют дичью. Четыре дома, составляющие поселение, занимало почти исключительно семейство Машигина... В домах, хорошо содержимых, бросаются в глаза порядок и чистота... Старый Острог во всех отношениях отличается благоустройством. Дома поселения с их большими огородами производят впечатление зажиточности. Хорошие впечатления производят и жители (30 мужчин и 21 женщина), которым принадлежит 44 коровы рогатого скота и 6 лошадей».

Старый Острог представлял тогда маленькое аккуратное поселение, вытянувшееся вдоль реки Авачи. Небольшие домики были разбросаны без всякого плана, так что улиц фактически не было. В домах вместо стекол были натянуты медвежьи кишки, но в домиках зажиточных семей в окна были вставлены рамы со стеклами.

Завойко

В 1897 году поселение Старый Острог было переименовано в Завойко в честь легендарного губернатора Камчатки В.С. Завойко, руководившего обороной Петропавловска во время нападения на него в 1854 году англо-французской эскадры. Известный географ Владимир Леонтьевич Комаров побывал здесь в начале XX века и следующим об-

---

¹ *Браславец К.М.* Диалектологический очерк Камчатки... С. 42–44.

² *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Ч. 1. М., 1901. С.115, 121, 388.

разом охарактеризовал село Завойко (он называет его посёлком) и его окрестности¹:

«В этой местности старатели пытались найти золото. И в окрестностях посёлка были выбиты шурфы... В отдалении, на возвышенности, располагалась часовня... Располагался Завойко неподалёку от красивейших вулканов — Коряжской и Авачинской сопки... Растительность... здесь та же, что и на Паратунке, и более континентальный климат местности сказывается главным образом на присутствии черёмухи и настоящей рябины по скатам речных берегов».

В 1917–1922 годах шла ожесточённая борьба за установление и упрочение советской власти на Камчатке. 27 февраля 1918 года на территории всей области Петропавловский Совет был признан органом высшей власти. Но Завойко эти перемены серьёзно не коснулись. Здесь проживали семьи зажиточных крестьян, сколотивших крепкие хозяйства: Машихины, Бибиковы, Сахаровы. Они занимались рыбной ловлей, пушным промыслом, имели солидный доход, жили состоятельно. Были в селе и купцы, представлявшие торговую фирму Чурикова. Поэтому большинство жителей Завойко не признавали и не принимали советскую власть; хотя здесь и появился сельский совет, но никакой власти он не имел. Летом 1918 года к власти при поддержке японских войск пришли белые, но после долгой и упорной партизанской войны в январе 1920 года на территории всей Камчатской области советская власть была восстановлена. Однако борьба продолжилась. 28 октября 1921 года в Авачинской бухте высадился прибывший на японских судах карательный отряд есаула Бочкарёва. Силы оказались неравны, Петропавловск снова был захвачен белогвардейцами, большевики и созданные ими отряды милиции ушли на партизанские базы.

Партизанским отрядом, боровшимся с белогвардейцами в районе Завойко, командовал присланный РКП(б) в 1921 году на Камчатку Георгий Матвеевич Елизов. Его отряд контролировал села Завойко, Авачу, Николаевку, Паратунку; однако жители этих населённых пунктов скорее были склонны оказать поддержку войскам есаула Бочкарёва. 22 июля 1922 года белые напали на Паратунку, где стоял партизанский отряд

---

¹ *Комаров В.Л.* Завойко // В.Л. Комаров. Избранные сочинения. Т. 6. Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. М., 1950. С. 78–86.

красного командира. Завязался бой, в результате которого войска Бочкарёва отступили, но Елизов был тяжело ранен и скончался. Похоронили его на месте гибели, в Паратунке. В 1924 году в Завойко проходил I волостной съезд Советов, на котором делегаты приняли резолюцию о переименовании села Завойко в село Елизово в честь героя – участника становления советской власти на Камчатке, и в марте 1924 года решением Президиума ВЦИК РСФСР село Завойко было переименовано в Елизово¹.

Елизово: от села к городу

С окончательным восстановлением на Камчатке в апреле 1923 года советской власти в селе начались значительные перемены. В 1923–1924 годах на полуострове была проведена перепись оставшегося населения. Приведу дословно некоторые её результаты, касающиеся Елизово, взятые мною с посвящённого ей стенда в Елизовском государственном музее политической географии (был открыт 20 февраля 1982 года):

«Елизово по переписи 1924 г. насчитывало 6 дворов, 46 хозяйств. Население обоего пола 210 человек, из них мужчин 116. Русских проживало 25 и камчадалов 185 человек. Лошадей — 45, коров — 109, собак — 251. Ружей нарезных — 45, дробовых — 41. Капканов — 255, сетей — 59, неводов — 14. Батов² — 42, телег — 5, саней — 25, нарт — 68. Посеяно картофеля (в пудах) — 177. Снято: картофеля — 1201; репы — 11; капусты — 6; прочих овощей — 10. Стоимость всего урожая 3084 рубля».

Активный приток населения в Елизово, как и на Камчатку в целом, начался в 30-е годы XX века. В 1930 году в Елизово был организован колхоз «Красный Октябрь», в нём в этом же году появился первый трак-

---

¹ *Пирагис А.П.* Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2000. С.106

² *Баты* — лодки-долблѐнки из ствола тополя, издавна изготавливавшиеся аборигенным населением Камчатки. Подробнее о них см.: *Семѐнов В.А.* Огонь, вода, баты и... рыбий жир. Об изготовлении плавсредств аборигенами полуострова // Этнография Камчатки. Ноябрь 2006. Доступно на: http://www.kamchatsky-krai.ru/library/public/vsam_baty.htm. Последнее посещение 14.11.2010 года.

тор. В сентябре 1931 года была создана артель «Путь Ильича». Зарождение же рыбной промышленности началось раньше, в 1920-е годы. Вдоль реки Авачи, кишевшей рыбой, обосновалось много мелких рыболовецких хозяйств. По данным переписи 1926–1927 годов¹, рыбаки имели 180 ловушек и 171 сетку, годовой улов составлял в Елизово порядка 20 ц. Постепенно добыча рыбы росла.

Сталинские репрессии коснулись и Камчатки. Печально известен «Объект номер пять», на месте которого сегодня находится жилой микрорайон «Пятая стройка». То был концентрационный лагерь для репрессированных со всей Камчатки, в число его заключённых попали и 36 жителей Елизово. Из них 18 человек было расстреляно, имена 16 до сих пор не установлены². Узники «Объекта номер пять» работали на строительстве радиостанции и ретрансляторов, ими была построена трёхкилометровая узкоколейка для подвоза строительного материала. Многие документы об «Объекте номер пять» до сих пор засекречены.

Наступил 1941 год. На территории Камчатского края боевые действия не велись, но с первых месяцев войны жители Камчатки, где бы они ни работали, стремились помогать фронту, делая все, чтобы приблизить победу, а воины, призванные с Камчатки, сражались на фронтах. В память о героях, отдавших свои жизни за Родину, в центре города на площади Ленина установлен обелиск павшим в годы Великой Отечественной войны. Ежегодно, в День Победы 9 мая жители Елизово, представители администрации, учащиеся школ и других учебных заведений возлагают к этому обелиску цветы и венки. Также ежегодно в день начала войны 22 июня проводится факельное шествие; оно начинается около автостанции и заканчивается у обелиска павшим.

После войны Елизово развивается как центр сельского хозяйства и рыбной промышленности. В соответствии с решением исполкома Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся № 760 от 11 ноября 1949 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от

---

¹ Данные переписи по Елизово имеются в Елизовском государственном музее политической географии.

² Стенд «Памяти жертв политических репрессий» // Фонд Елизовского государственного музея политической географии.

17 ноября того же года был образован Елизовский сельский район Камчатской области Хабаровского края¹. Елизово остаётся его центром и в настоящее время. Замечу попутно, что Елизовский район расположен в одном из красивейших мест Камчатки. На его территории находятся Кроноцкий биосферный заповедник с Долиной гейзеров, роща пихты грациозной, горячие источники. Опоясывают район высокие горные хребты; высота действующих вулканов (Авачинской и Корякской сопки) составляет соответственно 2741 и 3456 м. Площадь Елизовского района — 42,1 тыс. км², население на 2009 год — 64 242 человека².

К моменту образования района на его территории имелось семь колхозов: «Путь Ильича», «Красный Октябрь», «Красная Звезда», «Передовик», имени Ленина, имени XVI партсъезда, имени Второй пятилетки и совхоз «Начикинский». В этих хозяйствах было в общей сложности 17 автомашин и 51 трактор, посевная площадь составляла 30 га, в стаде крупного рогатого скота насчитывалось 1708 голов³. Было также два рыбных комбината — Петропавловский и Жупановский — и две промышленные артели. К 1960 году все рыбокомбинаты, мелкие рыбацкие артели и бригады были объединены в один крупный рыболовецкий колхоз имени Ленина, переданный затем в подчинение областному центру.

Этот центр, Петропавловск–Камчатский, находится всего в 20 км от Елизово, однако сообщение между ними долгое время было затруднительным из-за климата и сложного рельефа местности. Зимой добирались до Петропавловска на собачьих упряжках, в остальное время года — на телегах, запряжённых лошадьми. Суровая, снежная камчатская зима надолго могла изолировать поселения друг от друга: дороги переметало, и долго приходилось петлять между сопками. В 1960-е годы между Петропавловском и Елизово было, наконец, налажено посто-

---

¹ Стенд «Из истории г. Елизово» // Фонд Елизовского государственного музея политической географии.

² Данные приведены по: www.elizovomr.ru; http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Елизовский_район?wasRedirected=true. Последнее посещение 22.11.2010.

³ Данные взяты из ведомостей, листков бригадиров и нормировщиков, писарей колхозов, сохранившихся с тех времён и переданных в Елизовский музей политической географии.

янное сообщение: дорогу подсыпали, затем покрыли асфальтом. Но и сейчас во время сильных снегопадов её переметает.

Вообще пути сообщения — главная головная боль для жителей Камчатки, а значит, и жителей Елизово. С материковой частью России наш полуостров связан лишь воздушным сообщением; морское судоходство играет относительно небольшую роль в сравнении с авиатранспортом. Именно Елизово довелось стать главным авиационным узлом полуострова: здесь расположен аэропорт, принимающий и отправляющий самолёты российских и международных авиалиний. Первый авиационный отряд на Камчатке был создан в 1934 году, а первая авиалиния, связавшая Елизово с Большерецком и другими частями полуострова, открыта в 1937 году¹. Сейчас в аэропорту города Елизово можно увидеть самолёты таких российских авиакомпаний, как «Аэрофлот», «Трансаэро», «Владивостокавиа». В 1995 году был открыт международный сектор, в котором принимают транзитных иностранных пассажиров и туристов, прилетающих на Камчатку полюбоваться красотами этого уникального края.

В начале 1950-х годов центр села образовывали всего четыре улицы: Рябикова, Колхозная (в настоящее время улица Ленина), Набережная и Завойко, а его жилой фонд складывался исключительно из землянок и маленьких одноэтажных деревянных домов. Когда в феврале 1949 года открылась больница на 25 коек, весь персонал которой состоял из доктора и фельдшера, она тоже располагалась в деревянном домике на берегу реки Авачи. Но с 1951 года началось сооружение первых каменных домов. Были построены здание школы-десятилетки, Дом культуры, два жилых дома по улице Виталия Кручины. К середине 50-х Елизово располагал собственным Домом культуры, почтой и телеграфом, школой-десятилеткой, телефонной сетью, насчитывавшей 75 абонентов, радиоузлом, двумя столовыми и четырьмя пекарнями, электростанцией и восемью магазинами. Были открыты пошивочная мастерская и парикмахерская с двумя мастерами, в селе также работал часовой мастер. Ещё в 1938 году в Елизово по решению Наркомпроса была открыта библиотека. В её фонде было 3277 книг, обслуживала она перво-

---

¹ Фонд музея Федерального Государственного унитарного Петропавловск-Камчатского авиапредприятия. Воспоминания Банакановой П.М. // Материалы этнографической экспедиции в с. Анавгай 13–21 марта 2005 г.

начально всего 250 читателей. Сейчас её услугами пользуется около 20 тыс. человек¹.

Село постепенно разрасталось, строились новые дома и объекты социальной инфраструктуры (кинотеатры, школы, детские сады), создавались новые организации. В частности, в связи с ускорившимся освоением природных богатств Камчатки в 1958 году в Елизово появилась первая геологическая партия. Население увеличивалось за счет естественного прироста и притока из других районов СССР. Близ села располагалось несколько войсковых частей. В конечном счёте, Елизово переросло свой сельский статус, и решением Исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся от 11 декабря 1964 года было отнесено к категории рабочих поселков с сохранением прежнего наименования². А 21 февраля 1975 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Елизово Елизовского района Камчатской области был преобразован в город областного подчинения³.

* * *

В настоящее время, помимо вышеупомянутых Елизовского государственного музея политической географии и обелиска павшим в годы войны, а также традиционного практически для любого российского города памятника В.И. Ленину, в Елизово есть музей Кроноцкого биосферного заповедника, два памятника Елизову (около автостанции, рядом с кинотеатром «Гейзер», установленный через 53 года после его гибели, 4 ноября 1977 года, и у здания администрации района) и три мемориальные доски. Одна доска повешена на стене дома № 28 по ул. Ленина и посвящена Герою Советского Союза Г.С. Кузнецову, другая, в память о депутате Елизовской районной думы В.В. Просекове, внёшем большой вклад в развитие района, — на доме № 12-б по ул. В. Кручины, а третья — на доме № 9 по ул. Рябикова, где жил Евгений Морозов, погибший в Чечне при выполнении боевого задания.

---

¹ Стенд «Из истории г. Елизово» // Фонд Елизовского государственного музея политической географии; Стенд «Из истории библиотечного дела в Елизовском районе» в Елизовской районной библиотеке № 1.

² Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1964. № 52. С. 828.

³ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1975. № 9. С. 120.

В завершение этого краткого описания состояния исторической памяти Елизово добавлю, что с 1983 года присваивается звание «Почетный гражданин Елизово», и удостоились его 16 человек.

Таков город Елизово — один из множества так называемых уездных городков, разбросанных по всей России, на первый взгляд обычный и ничем не примечательный. Но для его обитателей Елизово — средоточие жизни, а не просто точка на карте. И мне, как уроженке этого города, было приятно рассказать о нём, его истории, его памятниках и памяти.

Часть II
ГОЛОСА ИЗВНЕ
(говорят эксперты)

*Наталья Дидковская*¹

**ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ
И РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Российская провинция — носитель специфических социальных, ментальных, духовных, аксиологических характеристик, объект междисциплинарных исследований, изучения в аспектах геополитическом, экономическом, социокультурном и др. Неудивительно поэтому, что за свою достаточно недолгую, но насыщенную и «пристрастную» историю осмысления и сам феномен российской провинции, и его дериваты были помещены в поле терминологических определений, *контекстуально* рядоположенных, однако *концептуально* противоречивых. Например, и в научном, и в публицистическом дискурсе термины «провинциальный», «региональный», «локальный», «периферийный» могут употребляться — и часто употребляются — как корреляты; но этим различия в их содержании только подчёркиваются. (Тем более принципи-

---

¹ Наталья Дидковская — доцент кафедры культурологии и журналистики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, Ярославль, постоянный преподаватель Школы молодого автора.

альными становятся эти различия при использовании в качестве инструмента описания, характеристики и диагностики локуса «провинция» категории «хронотоп», поскольку ею интерпретируется не реальная бытийная наполненность понятий «место» и «время», а их метафизическая сущность.) Тем не менее, при всей смысловой многомерности понятия «провинция», ему свойственна и терминологическая определённость, и наиболее отчётливо она проявляется при соотношении этого понятия с концептуально полярным понятием «регион».

I

Среди многообразия определений и концепций провинции, разработанных в русле философии, социологии, истории, теории культуры, отметим прежде всего те, которые, будучи во многом комплементарными, акцентируют гетерогенность и неоднозначность понятия. Так, два его значения, пространственное и социальное, выявляет и комментирует социолог В.Б. Звоновский¹. В первом значении провинция есть некоторое пространство, несамостоятельная часть какого-нибудь локуса, стержнем которого выступает центр (столица). Во втором значении провинция — это определенный набор институтов, образующих социальную систему пространства. Специфика провинции, в том числе культурная, как раз и определяется этими институтами: в провинции они присутствуют обязательно, а в столице или метрополии — не всегда и в любом случае не образуют там систему.

Создатель концепции «центр — периферия» Джон Фридман отмечал, что «провинция» не является однородным полем, подразделяется на провинцию внутреннюю или ближнюю, тесно связанную с центром или ядром и непосредственно от него получающую импульсы к развитию, и провинцию внешнюю, дальнюю, на которое ядро практически не оказывает мобилизующего влияния². А американский

---

¹ *Звоновский В.Б.* Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // *Общественные науки и современность*, 2003. № 1. С. 79.

² Изложено по: Центр — периферия: ось конфликта или стержень сотрудничества // *Российская провинция*, 1993, № 2. С. 43–44; *Общественная география современного мира*. § 4. Как взаимодействуют различные типы экономических районов? См.: <http://cor.edu.27.ru/dlstore/00000c51-1000-4ddd-517d-3600483aebf5/07-3-4.htm>. Последнее посещение 01.02.2011.

историк и социолог, один из основателей «миросистемного» подхода к экономической истории Иммануил Валлерстайн ввёл понятие «полупериферия», в его толковании означающее промежуточное звено между центром и периферией. Полупериферия сочетает в себе функции центра и периферии: эксплуатируется ядром и эксплуатирует периферию. В то же время она является своего рода стабилизирующим элементом¹.

По мнению В.В. Дементьевой, исходящей из того, что по отношению к оппозиции «центр — периферия» географическое пространство организовано иерархически, «телесная» (ландшафтная) граница провинции может охватывать всю Россию, за исключением Москвы и Петербурга². М.С. Каган диалектику «столичное — провинциальное» объясняет как частное проявление общих свойств саморазвивающихся систем; он считает, что здесь мы имеем дело с подсистемами единого и целостного образования — жизни страны, государства, национальной культуры³. А.В. Дахин же формулирует методологический тезис, согласно которому диада «столичная культура — провинциальная культура» есть проекция центральной и периферийной оболочек всякого культурного комплекса — отношений «эйдетического» и «предметно-символического», «сакрального» и «профанического»⁴:

---

¹ См.: Валлерстайн И. Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа // И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М.: Университетская книга, 2001. С. 8–27. Доступно на: http://vdostatok.ru/news/analiz_mirovykh_sistem_i_situacija_v_sovremennom_mire_i_vallerstaj_nkniga/2010-06-14-793. Последнее посещение 01.02.2011. См. также критику подхода Валлерстайна в работе: Завалько Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода // *Общественные науки и современность*, 1998. № 2. С. 140–151.

² Дементьева В.В. Провинциальная культура и ее институциональное выражение в Бурятии. Дис. на соиск. канд. культурологии. Улан-Удэ, 2003. С. 19.

³ Каган М.С. Москва — Петербург — провинция: «двустоличность» России — её историческая судьба и уникальный шанс // *Российская провинция*, 1993. № 1. С. 16.

⁴ Дахин А.В. Архетипические корни провинциальной культуры // *Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7/VII 1994 г., Самара)*. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 9.

«Столичную культуру мы полагаем понимать как исторически позднюю ипостась “сакрального центра” (т.е. сферы высших мировоззренческих ценностей) социокультурного комплекса. Провинциальную культуру, соответственно, допустимо рассматривать как позднюю историческую ипостась “профанической периферии” того же социокультурного комплекса. Пространством развертывания архетипической диады может быть всё, начиная с одежды (ритуальная, праздничная, будничная) и кончая поселением или регионом».

Культурологическому рассмотрению феномена провинциальной культуры посвящены, кроме уже упоминавшихся, исследования В.Ю. Афиани, Е.Я. Бурлиной, Н.И. Ворониной, Е.А. Ермолина, Т.С. Злотниковой, Н.М. Инюшкина, Е.А. Сайко, И.В. Чванова¹ и др. В качестве особых они выделяют следующие черты провинции: общность национального самосознания её жителей; культурно-цивилизационную и духовно-нравственную целостность; традиционность и социально-политическую стабильность; устойчивость жизненных приоритетов; глубокое («одухотворённое») внутреннее содержание. Также среди особенностей провинциальной культуры обозначаются: «природность», подразумеваемая как гармонизация отношений человека с природой, приближенность культурных процессов к человеку; территориальная общность населения и развитие местного самосознания, раскрываемые как на уровне местной идеологии, так и на уровне массовой психологии в виде мифологем, традиций, святынь, легенд, преда-

---

¹ См., например: *Афиани В.Ю.* Провинция: пространство и культурное взаимодействие // *Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни.* Пенза, 1996. Кн.1. С. 25–37; *Бурлина Е.Я.* Мифы провинциальной культуры // *Российская провинция,* 1994. № 1 С. 48–51; *Воронина Н.И.* Провинциальная культура как исследовательская проблема // *Регионоведение,* 1993. № 2. С. 88–95; *Ермолин Е. А.* Ярославский стиль. М.; Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007; *Злотникова Т.С.* География души и география пространства. Чеховская «провинция» в мировой культуре // *Регионоведение,* 1994. № 1. С. 111–119; *она же.* «Золотой век» русской провинции (XVIII в.) // *Волга,* 1995. № 5/6. С. 4–14; *Инюшкин Н.М.* Культурное пространство провинции // *Регионоведение,* 2003. № 3. С. 316–323; *он же.* Провинциальная культура: специфика и проблемы востребования // *Российская провинция XVIII–XX вв. Материалы Всерос. конф.* Пенза, 1996. Кн. 1. С. 82–91; *Чванов И.В.* Провинциализм или провинциальность как два проявления российской ментальности // *Регионоведение,* 1995. №3. С. 174–180.

ний, героев, свойственных только данной территории; специфические ценностные ориентации населения; особый бытовой уклад; «непроницаемость» и неповторяемость, из-за которых понять сущностное ядро провинциальной культуры во всей его полноте могут лишь люди, выросшие и воспитанные в этой среде.

II

Провинциальная культура предстаёт перед нами как единство двух противоположностей. С одной стороны, в ней укоренены «материковые» культурные породы цивилизации, она та область, в которую традиционно вытеснялись и, затаившись, продолжали свою ценностно-ориентационную работу и универсальные мировоззренческие, и частные технические, эстетические и другие элементы культурных комплексов предшествующих эпох. И в этом смысле провинция была и остаётся «резервуаром сопротивления унификации», «ресурсом нашего общего завтра», «плодоносящим источником русской культуры». С другой стороны, провинциальное сознание всегда характеризовалось наличием *провинциализма*, в основе которого лежит само- или иное ограничение масштабов творческой деятельности. Неспособность и нежелание творить, дерзая, неуверенность в том, что созданное общезначимо, невозможность превратить его в общезначимое — всё это и рождает в сознании провинциализм, доходящий до маргинальности.

Иллюстрацией к вышесказанному могут служить результаты блиц-опросов участников Камчатских тренингов. Видимо, стоит напомнить, что проходили они с 1 по 9 сентября 2010 года в Петропавловске-Камчатском, включали три мероприятия — Школу молодого автора, Дальневосточный молодёжный форум «Провинция как место самореализации» и Семинар по идентичности. Участвовали в этих мероприятиях студенты, аспиранты и молодые преподаватели дальневосточных вузов, и во время проведения Форума им было предложено в течение двух минут зафиксировать пришедший первым в голову образ столицы и провинции (табл. 1). Правда, иллюстрацией эти результаты могут быть только до некоторой степени, поскольку содержат достаточно специфический пласт информации, образуемый в основном поверхностными клише и стереотипами представлений. Тем не менее, при внимательном рассмотрении в них довольно чётко проступают некоторые из упомянутых выше особенностей провинции и провинциальной культуры.

Таблица 1

**Образные характеристики столицы и провинции
(по результатам блиц опроса участников Камчатских тренингов)**

Столица	Провинция
Центр	Периферия
Мегаполис	Компактность
Масштаб	Маленькие расстояния в городах (но не между городами)
Достоинство страны / лицо страны	Отдалённость
Парадный вход в страну	Высокие каблуки
Энергия	Имитация бурной деятельности
	Казаться, а не быть
Активный образ жизни	Размеренный образ жизни
Средоточие власти и бизнеса	Бесконтрольность власти
Скопление ресурсов, возможности	Предсказуемость
Возможность выбирать новое	
Культурный экстракт	
Наличие развлечений	Отсутствие развлечений
	Не на что потратить деньги
Хорошие дороги	Плохие дороги
Метро	Неразвитость инфраструктуры
Милиционер просит показать регистрацию	Добрые люди
	Пьяные люди
	Не ценится время других
	Бездомные животные
Шум	

В сознании участников Форума образы столицы и провинции существуют исключительно в виде бинарной оппозиции, что предсказуемо и оправданно. Система противопоставлений затрагивает практически все сферы жизнедеятельности: экономическую, административную, идеологическую, культурную; она проявляет тотальный напряжённый разрыв между центром и окраиной.

Однако, если отрешиться от привычной интерпретации биполярной модели и рассмотреть логику восприятия столичного и провинциального локуса по отдельности, мы получим любопытную картину. Перечень социокультурных примет столицы логичен и внутренне непротиворечив. Характеристики же провинции зачастую носят взаи-

моисключающий характер. Провинция, как она воспринимается провинциалами, адекватно может быть представлена только посредством антонимичных конструкций. «Компактность», «маленькие расстояния в городах», но «не между городами»; «имитация бурной деятельности», подразумевающая пусть показную, фальшивую, но всё-таки активность, и «размеренный образ жизни»; «плохие дороги» — и, как своеобразная компенсация, одновременно опять-таки свидетельствующая о комплексе культурной отсталости, — «высокие каблуки». Как образно выразился один из преподавателей Камчатских тренингов, сам живущий в провинции, «чем дороги хуже, тем каблуки выше».

Очевидно, что «ближний мир» провинциал воспринимает субъективно, диалектично, порой иронично, и в любом случае хотя бы отчасти преодолевая клише «коллективного сознания». Тогда как «столичный миф» воспринимается отстраненно, схематично и, по большому счету, безразлично.

«Провинциальный мир» и «столичный миф» — так рифмует сознание провинциала дихотомию его идентичности.

III

В отличие от провинциального, специфика регионального базируется на целом комплексе самодостаточных, то есть безотносительных к центру, условий: географических, природных, исторических, социальных, общекультурных и т.д.

Содержательные поиски понятия «регион» активизировались в последней четверти XX века в связи с процессами регионализации, развернувшимися как на глобальном, так и на национальном, в том числе российском, уровне. Понятие «регион» стало операциональным для географии, экономики, политологии, социологии, культурологии и других гуманитарных наук. Обобщение имеющихся подходов к его определению позволяет выделить следующее.

1. Предварительным условием всякой культуры является момент, когда «душа человека обнаруживает душу в ландшафте» (О. Шпенглер). Это относится и к культуре региональной. Регион всегда имеет определённую взаимосвязь с конкретной территорией (ландшафтом, «месторазвитием»). Не случайно в речи закрепились характеристики регионального типа по географическим названиям: «помор», «сибиряк», «волжанин», «кавказец».

2. Вместе с тем, гуманитарное знание преодолевает матрицы жесткого членения регионов. Исследователи отмечают размытость, диффузность, прозрачность их границ, открытость для взаимопроникновения и диалога культур¹.

3. Справедливо утверждение об исторической «незаданности» количества регионов и о возможной изменчивости мирового историко-культурного процесса². При этом мы можем наблюдать как процессы слияния культурных регионов, так и их дробления. Интеграция не исключает дифференциацию.

4. Как уже отмечалось, регион по сравнению с провинцией самодостаточен. Но в настоящее время, в условиях сложных геополитических процессов, свидетелями которых мы являемся, было бы неверно настаивать на исключительной самодостаточности регионов. Безусловно, элемент этого существует, что проявляется в жизнеспособности регионов, их устойчивости и длительном существовании. Но всё-таки современной позицией является осознание того, что любой историко-культурный регион — часть более крупного образования, а также мирового сообщества.

5. Можно говорить о нескольких качественных этапах (вариантах состояния региона): гео-биологическое равновесие, когда человек не выделился из животного мира либо просто не успел «поприсутствовать» и проявить себя; гео-био-социокультурное единство, когда человек выделяется из биосферы и формирует самостоятельную подсистему региона (устанавливается относительное равновесие между природой и человеком); социокультурное (или антропосферное) единство, когда социокультурная подсистема не только сформировалась, но и приобрела решающее, доминирующее значение (технологические

---

¹ См., например: Региональные культурные ландшафты: история и современность. Материалы всероссийской научной конференции / Под ред. Н.П. Дворцовой. Тюмень: Издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 2004. 288 с.; Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии: научный сборник (сборник научных трудов. Часть 1) / Науч. ред. Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. 152 с.

² См., например: Современные трансформации российской культуры / Отв. Ред. И.В. Кондаков / Науч. совет РАН «История мировой культуры». Москва: Наука, 2005. 751 с.

возможности сделали действия человека природосоразмерными)¹. Предложенные варианты качественного состояния региона различаются по степени оформленности социокультурной составляющей. С ростом технологического могущества происходит нарастание неравновесности системы, вероятность её качественной перестройки в будущем.

Выбор операционального понятия «регион» и его интерпретация диктуются, как правило, спецификой научной дисциплины, в рамках которой осуществляется то или иное исследование, и целями конкретного изыскания. Вот, например, какое содержание вкладывает в понятие «регион» культуролог М.Г. Казакова²:

«...Пространственно-временной комплекс с особой неповторимой конфигурацией черт, необходимой для воспроизводства, самоопределения и осуществления человеческой деятельности индивидуумов определённого регионального типа, сформировавшегося как результат природно-ландшафтного приспособления, этнически-национальных и социокультурных процессов, протекающих на конкретной территории».

Имея в виду различный уровень социально-экономического и социокультурного развития российских регионов, можно говорить о наличии «регионов-периферий» (в современном политико-экономическом лексиконе это «дотационные регионы») и «регионов-центров» (крупные промышленные узлы, регионы-«доноры»). Яркий исторический пример региона-центра — это Урал. Анализируя генезис его региональной культуры, Казакова пишет³:

«На протяжении XVIII–XIX веков Урал, став территориально провинцией Российского государства, не был таковым в экономическом и социокультурном смысле, поскольку он сформировался как индустриальное ядро в аграрной России. Его население, так или иначе связанное с высокотехнологичным производством, отличалось высоким уровнем грамотности (показатели гра-

---

¹ *Кривич Н.А.* Художественная культура Приморского края в древности и средневековье: проблемы формирования, динамики, типологии. Автореф. канд. культурологии. СПб., 2001. С. 12.

² *Казакова М.Г.* «Региональная» и «провинциальная» культуры: о существенных характеристиках // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства, 2007. № 3. С. 112.

³ Там же. С. 113.

мотных среди различных категорий населения доходили до 60 %, что значительно превышало среднероссийские показатели); здесь была создана разветвлённая сеть горнозаводских и монастырских школ. В отличие от «срубной» России здесь никогда не прекращалось каменное строительство. Жизнь в усадьбах заводчиков выстраивалась по столичному образцу, в них существовали многотомные библиотеки (в том числе знаменитая Демидовская библиотека). Городские модницы внимательно следили за столичной и даже парижской модой».

Мы определяем региональную культуру как продукт специфического социокультурного процесса на определённой территории. Это системное, полисферное, многоуровневое образование, генетически тесно связанное с так называемой «материнской» / национальной культурой, несущее в себе как общие черты и закономерности развития последней, так и собственные уникальные особенности. Основная функция региональной культуры заключается в *воспроизводстве* культурной жизни региона, в обеспечение непрерывности регионального культурного процесса.

Не каждая культура того или иного региона преобразуется в региональную культуру. Для этого необходимо, чтобы был значительным вклад региона в общенациональную культуру и чтобы репродуцировался определённый региональный тип личности. Принадлежность к подобным региональным типам приводит к переносу на индивида ряда типовых черт, устойчиво закрепившихся в общественном сознании. Так, считается, что «поморы» — суровы и неразговорчивы; «сибиряки» — уравновешены и упорны; жители Кавказа — темпераментны. Немало тому примеров можно отыскать в типажах русской литературы.

IV

Как региональная культура соотносится с культурой провинции и культурой столицы? С одной стороны, она вне-столична, значит, должна быть признана провинциальной. С другой, столичные культуры Москвы и Петербурга несомненно являются составляющими культур Центрального и Северо-Западного регионов страны; и напротив, будучи провинциальной по отношению к московской или петербургской, культура, скажем, Екатеринбурга и Челябинска выступает культурой «столичной» по отношению к малым городам Среднего и Южного

Урала. Другими словами, проблема региональной культуры России определённой своей частью преломляется в проблему внутреннего развития и взаимодействия «провинциальной» и «столичной» культур. Соответственно современное содержание термина «региональная культура» подразумевает взаимопревращение культур провинции и столицы.

Разница сущностных характеристик провинциальной и региональной культур выявляется в функциях, которые они реализуют. В.В. Балаханский выделяет четыре функции провинциальной культуры. Это функция носительницы народных традиций, функция сохранения преемственности национальных черт характера, функция гаранта политической стабильности общества и функция «упрочения» положения национального языка¹. Функции региональной культуры определены И.Я. Мурзиной. Это, во-первых, функция человекотворческая — создание определённого типа личности. Во-вторых, функция регулятивная — поддержание общественных отношений в соответствии с принятыми законами и с устоявшимися местными нормами. В-третьих, аксиологическая — формирование системы ценностей с опорой на традиции как местных жителей, так и «пришлых людей». В-четвёртых, символическая — наполнение пространства жизни значимыми символами. Наконец, пятая и последняя функция — коммуникативная².

Сходство перечисленных функций провинциальной и региональной культур очевидно и объяснимо. Но оно не должно заслонять различия. Определяющая функция региональной культуры — человекотворческая, и в ходе её реализации создается отнюдь не провинциальный тип личности. Конечно, бытование провинциальной культуры также невозможно без её носителя — обитателя провинции. Провинциалу свойственны тяга к миру уединённости, любовь к размеренной жизни в потоке неспешно текущего времени, переживание пространства, говоря

---

¹ Балаханский В.В. Провинциальная культура и объяснение событий Российской истории // Российская провинция XVIII — XX веков: реалии культурной жизни. III всерос. науч. конф. (Пенза, 25–29 июня 1995): материалы / Союз краеведов России, Департамент культуры Пензен. обл. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 232–236.

² Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. С. 47–52.

словами Ю.М. Лотмана, как «своего» — домашнего, лично знакомого и привычного. «Обыденное» у провинциала менее стандартизировано и механистично, чем у столичного жителя. Вместе с тем творчество создателя провинциальной культуры нередко анонимно или имеет коллективное авторство, а яркие харизматические личности, которых рождает провинция, если и становятся национальным достоянием, то преимущественно через приобщение к столичной культуре, аккумулярующей в себе все лучшие достижения российских территорий. В любом случае построение личной творческой стратегии в локусе провинциальной культуры всегда проблемно.

В отличие от «провинциала», региональный тип личности несёт в себе все те же черты самодостаточности и независимости, что позволяет ему разговаривать «на равных» со столичным жителем. В его самоназвании «сибиряк», «уралец», «помор» и т.д. нет уничижительности, присущей характеристике «провинциал», наоборот, в нём кроются заявка на важность и значимость региональной идентичности и регионального самосознания, гордость, иногда даже вызов. Приведём в этой связи любопытное наблюдение А.М. Горького¹:

«Платон Каратаев и Калиныч, несомненно, русские мужики, но это мужики центральной московской Руси и такие типы «смирных» людей — очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири...»

Кроме того, региональная культура несёт в себе функцию не только сохранения народных традиций (в этом она совпадает с культурой провинциальной), но и формирования новаторских тенденций в рамках национальной культуры. Достаточно вспомнить роль Урала в зарождении технической интеллигенции и индустриальной культуры России, которую он вряд ли мог бы сыграть, если бы в этом регионе не была наработана «высокая уральская традиция, когда начальник завода или горного округа — или даже сам горный генерал — не просто администратор, а ещё и учёный»².

---

¹ Цит. по: *Лазарев А. И.* Региональные аспекты изучения фольклора и литературы // Региональные аспекты изучения литературы и фольклора на материале Урала. Межвуз. сб. Челябинск, Уфа: Изд-во БГУ, 1984. С. 6.

² *Иванов А.* Хребет России. СПб: Азбука-классика, 2010. С. 199.

V

Специфика «регионального» базируется на целом комплексе самодостаточных, безотносительных к центру условий: природно-ландшафтных, экономических, социально-политических, общекультурных. Здесь время и место «осуществления культуры» имеет конкретное историческое, природно-биологическое и геополитическое наполнение, причём протекание времени и определённость места синхронны и преемственны «целому» — столице, стране. Своеобразие же «провинциального», всегда определяемого по отношению к центру, состоит в наличии *хронотопа*, придающего уникальность системе жизнеустройства, «бытию культуры» и культуротворческому процессу.

*Ульрике Хун*¹

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: НАБЛЮДЕНИЯ НА ТЕМУ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ²

В современной Германии критическое осмысление Второй мировой войны и периода национал-социализма имеет исключительное значение. Общество внимательно следит за результатами исследований об ответственности исторических личностей и/или государственных учреждений за преступления национал-социализма. Одним из примеров может служить активное общественное обсуждение недавней публикации, подтвердившей участие МИД Германии в Холокосте — массовом убийстве евреев Европы³. Множество мемориалов и па-

---

¹ Ульрике Хун — научный сотрудник кафедры восточноевропейской истории Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин.

² Дополненная и исправленная версия доклада, прочитанного автором 7 сентября 2010 года в Камчатском государственном университете имени Витуса Беринга на Семинаре по идентичности.

³ См.: *Friedmann, Jan; Wiegrefe, Klaus* (2010): Angriff auf die „Mumien“. [Über den Bericht der Historikerkommission zur Beteiligung des Auswärtigen Amtes

мятников напоминает о преступниках и жертвах национал-социализма, в первую очередь о Холокосте, этом величайшем преступлении гитлеровского режима¹. Сегодня поддерживать память о национал-социализме, анализировать причины его возникновения и давать ответ на вопрос об ответственности — задача как частных и общественных инициатив и организаций, так и государственных учреждений. В то же время в научной и научно-популярной литературе исследуется и сам общественный интерес к исторической тематике, и формы хранения памяти, а также ведутся дискуссии о педагогике исторической памяти².

Для этого есть много причин. В первую очередь, это связано с тем, что осмысление национал-социалистического прошлого — стержень современной германской идентичности. Даже люди, мигрировавшие в Германию или рождённые в ней, но имеющие иностранное происхождение, волей-неволей сталкиваются с этой эпохой немецкой истории, не могут не осознать её значение для самоопределения Германии. Это вызвано, во-первых, тем, что и оба немецких государства, и объединённая Германия прошли долгий путь, прежде чем признали ответственность за преступления гитлеровского режима. Продолжающийся с 1945 года процесс осмысления истории уже сам по себе стал элементом германского самосознания. Во-вторых, этот процесс стал более интенсивным после объединения Европы, во многом в связи с открытием границ и «расширением» Центральной Европы на восток после переломного 1989 года. Взаимодействие с новыми соседями, появившимся из-за

---

am Holocaust]. In: Spiegel, Jg. 43, S. 36 — 38 (Фридманн, Ян; Вигрефе, Клаус. Нападки на «мумии». (Об отчете Комиссии историков об участии Министерства иностранных дел в Холокосте) // Шпигель, 2010. № 43. С. 36–38.).

¹ См.: *Endlich, Stefanie u. a.* (Hg.) (2002): *Gedenkstätten für die Opfer des Nationalsozialismus. Eine Dokumentation.* [Bonn]: Bundeszentrale für Politische Bildung. (Мемориальные комплексы памяти жертв национал-социализма. Собрание документов. Под ред. Штефани Эндлих и др. / Федеральный центр политического образования. Бонн, 2002.)

² Один из многочисленных примеров: *Fischer, Torben u. a.* (Hg.) (2007): *Lexikon der “Vergangenheitsbewältigung” in Deutschland. Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945.* Bielefeld: Transcript. (Справочник по «преодолению прошлого» в Германии. История дебатов и дискурса национал-социализма после 1945 года. Под ред. Торбена Фишера и др. Билефельд, 2007.)

«железного занавеса» в Восточной и Центральной Европе, внезапно показало, что сложившиеся в Западной Европе представления об основных событиях XX века — Второй мировой войне и Холокосте — вдруг столкнулись с иным опытом диктатуры, насилия и террора — с опытом сталинизма¹. Опыт советского господства в сталинскую и последующие эпохи новые страны — члены Европейского союза уверенно вынесли на международное обсуждение, и жители «старой» Европы, для которых «Освенцим» сделался символом преступлений Холокоста, должны были теперь выучить новое понятие «Ялта» — место, где Сталин и западные союзники в феврале 1945 года договорились о советской зоне влияния в послевоенной Европе. А «ГУЛаг» стал ещё одним новым символом, охватывающим опыт депортации тысяч жителей прибалтийских государств и западных частей Украины и Белоруссии после 1939–1940 годов и бросившим вызов господствовавшей в Западной Европе культуре памяти о национал-социализме. В результате этого расширения исторической памяти снова начались дебаты о том, не являются ли жертвами и граждане Германии, изгнанные из родных городов по условиям Ялтинского соглашения и после изменения государственных границ в 1945 году. Дискуссии о том, какие группы жертв и в какой форме заслуживают признания, имели и имеют для европейских стран и чисто политические последствия; так, этот вопрос в последние годы обременяет польско-германские отношения. Ввиду разнообразия проблем, обсуждающихся на национальном и международном уровне, возникла необходимость в научном осмыслении процесса памяти и культуры памяти в Европе. В России — стране, занимающей большую часть территории бывшего Советского Союза, эти дебаты по разным причинам проходят иначе, чем в Европе.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы после краткого введения в терминологический аппарат осмысления прошлого в Германии

---

¹ См.: Troebst, Stefan (2005): Jalta versus Stalingrad, GULag versus Holocaust. Konfligierende Erinnerungskulturen im größeren Europa. In: Berliner Journal für Soziologie, Jg. 15, N. 3. S. 381–400. (Troebst, Штефан. Ялта versus Сталинград, ГУЛаг versus Холокост. Конфликтующие культуры памяти в «Большой Европе» // Берлинский социологический журнал, 2005. Т. 15, № 3. С. 381–400.) Доступно на: <http://www.springerlink.com/content/992581x5327r4132/fulltext.pdf>. Последнее посещение 24.01.2011.

проследить в основных чертах этот исторический процесс в обоих германских государствах после 1945 года и в объединенной Германии. В заключение будет представлено несколько тезисов о том, как проходит осмысление сложной истории в России, и поскольку автор — немка, это неизбежно будет сделано с использованием специфической немецкой перспективы.

Термины, дебаты, подходы

Что означает понятие «культура памяти»? В немецкой исторической науке соответствующий термин *Erinnerungskultur* получил распространение только в 1990-е годы. Он исходит из далеко не нового представления о том, что любые воспоминания о прошлом всегда конструируются с учетом настоящего и будущего и порой играют важную роль в процессе формирования групповой, общественной и национальной идентичности. В случае целенаправленного (обычно государственного) воздействия на коллективный образ истории из политических соображений мы говорим об «исторической политике»¹. Она особенно заметна во время политических преобразований: так, во многих городах ГДР устранили характерные памятники коммунистическим участникам сопротивления национал-социализму и соответствующие названия улиц.

«Труднее всего предсказать прошлое», — гласит ироническая поговорка, метко описывающая подобные изменения видения истории государством. Интересно, что в современной России, несмотря на гигантские политические преобразования, большинство старых памятников и названий улиц остались нетронутыми, а новое правительство не отрекается от исторической политики Советского Союза, правда, иначе расставляя акценты. Однако как раз в условиях диктатуры и авторитарных режимов действует дополнительный фактор, часто противоречащий официальным представлениям об истории: индивидуальная,

---

¹ См.: *Вельцер, Харальд*. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. Доступно на: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>. Последнее посещение 24.01.2011. См. также: Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сб. статей / Под ред. И.В. Нарского. Челябинск: Каменный пояс, 2004.

семейная или церковная (как, например, в Польской Народной Республике до 1989 года) культура памяти.

В современной Германии в центре внимания доминирующей культуры памяти находятся жертвы национал-социализма, прежде всего Холокоста. Меньше внимания уделяется преступлениям коммунистического режима в ГДР: с одной стороны, из-за того, что коммунистическое государство составляло только часть современной Германии, с другой — по той причине, что, хотя ГДР не была правовым государством, её правительство не совершало массовых преступлений и геноцида. На этом примере хорошо прослеживается другой феномен: соперничество между различными формами и содержаниями коллективной памяти. Оно наблюдается и в рамках одного общества, и между разными государствами — как показывают споры между Германией и Польшей или Польшей и Россией об интерпретации истории.

Однако в странах Европейского союза постепенно зарождается что-то вроде общей, международной культуры памяти, нацеленной на сближение различных взглядов на прошлое. И этот феномен также свидетельствует о политической необходимости: длительный процесс европейского примирения и объединения не может не сопровождаться формированием общеевропейской идентичности.

Осмысление преступлений национал-социализма в германских государствах после 1945 года и формирование современной культуры памяти

Отправной точкой осмысления преступлений национал-социализма стало уголовное преследование, начатое союзниками по антигитлеровской коалиции на Нюрнбергских процессах. Только первый Нюрнбергский процесс против главных военных преступников, открывшийся в ноябре 1945 года, проводился перед общим международным военным трибуналом четырех государств — членов антигитлеровской коалиции. В результате этого процесса, продолжавшегося почти год, в октябре 1946 года 12 из 24 основных обвиняемых были приговорены к смертной казни, ещё семеро — к продолжительному тюремному заключению. Непреодолимые разногласия между членами коалиции привели не только к расхождению в выборе дальнейших путей развития трех западных зон и советской зоны оккупации Германии (СЗО), но и к тому,

что при уголовном преследовании и оценке национал-социализма территории руководствовались разными целями и следовали разным стандартам.

В советской зоне оккупации и позже в ГДР существовали так называемые «спецлагеря» для лиц, интернированных советской военной администрацией в Германии (СВАГ). Вначале они находились в ведомстве НКВД, поэтому в них не соблюдались нормы правового государства. До 1948 года заключённые этих лагерей не освобождались. И если вначале людей арестовывали за предполагаемую или реальную деятельность в национал-социалистических органах, то с течением времени выросло число интернированных, которые, не будучи нацистами, были арестованы из-за того, что находились в оппозиции к новому социалистическому порядку. Спустя несколько месяцев после основания ГДР, в октябре 1949 года, спецлагеря были переданы в ведомство нового правительства, которое начало проводить показательные процессы заключённых. Эти процессы, по месту проведения названные «вальдхаймскими», во всех отношениях нарушали основополагающие правовые нормы, так как рассмотрение и заслушивание отдельных дел зачастую занимало всего несколько минут. Большинство обвиняемых было приговорено к тюремному заключению сроком от 15 до 25 лет, было вынесено также несколько смертных приговоров. «Вальдхаймские процессы» должны были продемонстрировать последовательную и жёсткую позицию руководства ГДР по отношению к функционерам «Третьего Рейха», но в то же время подвести черту под расследованием национал-социалистических преступлений. В дальнейшем центральным элементом государственной идеологии ГДР стала доктрина антифашизма. Она давала гражданам молодого государства привлекательную возможность оценивать фашизм как следствие капитализма и империализма, которые в ГДР были преодолены благодаря новой экономической системе. Таким образом легко было вытеснить вопросы о собственном участии и собственной ответственности за преступную политику национал-социалистического режима, и граждане ГДР, провозглашенной «антифашистским государством», смогли перейти на сторону «победителей». Именно эта доктрина на протяжении десятилетий придавала власти легитимность даже в среде критически настроенной интеллигенции, защищавшей ГДР как «лучшее немецкое государство». Эта специфическая лояль-

ность отчасти объясняет внутреннюю стабильность ГДР вплоть до 1989 года, сильно контрастирующую с соседней Польшей¹.

В западных оккупационных зонах проходили уголовные процессы функционеров третьего рейха, принимавших участие в преступлениях национал-социализма. Однако, после основания ФРГ (также как и ГДР, в 1949 году) западные союзники не настаивали на том, чтобы назначенные меры наказания были действительно приведены в исполнение. Вместо этого они соглашались с досрочным освобождением приговорённых военных преступников, поскольку под знаком начинающейся холодной войны более важным стало вступление молодого государства в НАТО. Некоторым из бывших военных преступников удалось при этом достаточно быстро заново интегрироваться в общество, иногда даже вернуться в политику.

Прошло почти десять лет, прежде чем в 1958 году уже независимым судом самой ФРГ был возбуждён первый уголовный процесс против участников массовых расстрелов евреев на оккупированных советских территориях. Тогда в ходе так называемого Ульмского процесса против членов оперативной группы были осуждены десять мужчин, принимавших непосредственное участие в массовых расстрелах евреев в оккупированном СССР.

В опубликованном в 1959 году романе «Жестяной барабан» Гюнтер Грасс, впоследствии удостоенный Нобелевской премии по литературе, бил тревогу по поводу забвения и вытеснения прошлого в условиях западногерманского «экономического чуда». Несколько лет спустя большую известность получили дебаты об отмене срока давности для преступлений национал-социализма. Так была подготовлена почва для проведения в 1960–1970-х годах судебных процессов надзирателей концентрационных лагерей Освенцим и Майданек. Кульминацией признания немецкой вины стал визит Федерального канцлера социал-демократа Вилли Брандта в Варшаву в декабре 1970 года. Во время официальной церемонии Брандт, в годы национал-социализма участвовавший в антифашистском сопротивлении, а позже находившийся в эмиграции, не-

---

¹ См.: *Флакке, Моника; Шмигельт, Ульрике*. Германская Демократическая республика. Из мрака к звездам: государство в духе антифашизма // *Неприкосновенный запас*, 2005. № 2–3. Доступно на: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fla7.html>. Последнее посещение 23.01.2011.

ожиданно встал на колени перед мемориалом восстанию в варшавском гетто. Это символическое действие вызвало острые споры в немецком обществе. Лишь через много лет, благодаря усилиям в первую очередь небольших общественных движений, в Федеративной Республике утвердилось сознание, что политика «Третьего Рейха» была в корне преступной и что массовое уничтожение европейских евреев, организованное государством с промышленной эффективностью, должно рассматриваться как беспрецедентное преступление против человечности и как «цивилизационный надлом»¹.

Эти дебаты продолжались и после 1990 года, уже в объединённой Германии: так, выставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта 1941–1944 годов», с 1995 по 2004 год прошедшая во многих городах Германии, на основании многочисленных документальных снимков продемонстрировала широкой общественности, что вермахт, репутация которого до этого считалась «незапятнанной», участвовал в массовом уничтожении мирного населения Восточной Европы. Она повлекла за собой жаркие дискуссии и даже протестные демонстрации, которые были вызваны и тем фактом, что организаторы использовали фотографии, подтверждающие якобы фашистские преступления, а на самом деле показывающие трупы людей, убитых НКВД незадолго до вступления вермахта. В этой дискуссии снова был поднят вопрос о том, как «преступления другой стороны» соотносятся с «собственными преступлениями»². Прозвучал и вопрос о том, как оценивать страдания немецкого гражданского населения, изгнанного из родных мест — с территорий, отошедших к России, Польше и Чехословакии.

Явным знаком того, что германское государство и вместе с ним подавляющее большинство его граждан признают историческую вину за преступления Холокоста, стал «Мемориал памяти убитых евреев Ев-

---

¹ Кёниг, Хельмут. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. Доступно на: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html>. Последнее посещение 24.01.2011.

² Ветте, Вольфрам. Гитлеровский вермахт. Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. Доступно на: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ve30.html>. Последнее посещение 24.01.2011.

ропы», открытый в мае 2005 года в непосредственной близости от Бранденбургских ворот и здания бундестага¹.

Существование такой разнообразной сети мемориалов, мемориальных досок и образовательных учреждений, напоминающих о преступлениях национал-социализма, иногда вызывает (само)иронические комментарии о немцах как о «мировых чемпионах по преодолению прошлого», а также заставляет задуматься о «принуждении к осмыслению прошлого»². В действительности же и этот длительный процесс осмысления сложной истории сегодня, как это ни парадоксально, является элементом позитивной идентификации с Германией, и немецкая идентичность сегодня складывается под влиянием не только таких факторов, как успешный процесс общественной трансформации, сильные демократические структуры и экономическая мощь.

Российская культура памяти: наблюдения и мысли по поводу

О чем и о ком помнить? За семь десятилетий пребывания у власти руководство Коммунистической партии Советского Союза совершило целый ряд преступлений: государственный террор против предполагаемых или действительных противников режима, захват других стран, депортация национальных меньшинств и преследование политических диссидентов. Но когда наступил переломный момент в политике? В 1953 году после смерти Сталина? В 1956 году после выступления Хрущева на XX съезде КПСС и массового освобождения заключенных ГУЛАГа? В 1991 году по-

---

¹ См.: *Welzer, Harald* (2005): Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte als Arena der Politik. In: Osteuropa, Jg. 55, N. 4–6, S. 9–19 (*Вельцер, Харальд*). Настоящее прошлого. История как арена политики // Восточная Европа, 2005. Т. 55, № 4–6. С. 9–19), а также: *Assmann, Aleida* (2006): Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik. München: C. H. Beck (*Ассманн, Алейда*). Длинная тень прошлого. Культура памяти и историческая политика. Мюнхен, 2006.)

² См.: *Hammerstein, Katrin u.a.* (Hg.) (2009): Aufarbeitung der Diktatur — Diktat der Aufarbeitung. Normierungsprozesse beim Umgang mit diktatorischer Vergangenheit. Göttingen: Wallstein (Диктатура и их преодоление в XX и XXI веках). Геттинген, 2009.)

сле распада СССР? Осмысление преступлений, совершённых в Советском Союзе, осложняется тем фактом, что здесь не было так называемого «времени ноль», после которого началась бы новая эпоха.

Великая Отечественная война и сталинизм: переплетение дискурса преступников и жертв. Сталинизм и немецкое нападение на Советский Союз приходится на одно и то же время. Вторжению немецких войск предшествовали пакт Молотова-Риббентропа о разделении Польши и покорение прибалтийских государств Советским Союзом в 1940 году. В результате войны к Советскому Союзу отошло около трети территории польского государства, границы которого в качестве компенсации были сдвинуты на запад. В ходе присоединения «добытых» польских территорий и стран Прибалтики часть населения этих регионов была депортирована в Советский Союз, часть была убита. На территории Советского Союза разные этнические группы под предлогом недостаточной лояльности были депортированы; советские граждане, возвращавшиеся из плена или из лагерей принудительных работ, обвинялись в предательстве и подвергались арестам и дискриминации.

Тем не менее из-за катастрофических последствий германского нападения для жителей оккупированных советских территорий в стране, оказавшейся в роли жертвы, преступления собственного правительства отошли на задний план. Сегодня в памяти о Второй мировой войне в России преобладают победные и героические мотивы. Собственное участие в преступлениях освещается в недостаточной степени.

Фрагментированные воспоминания: сталинизм без преступников. Память об эпохе сталинизма почти всегда ограничивается памятью о жертвах. Тема преступников практически не звучит, так как проще отождествлять себя с жертвами, чем задаваться критическими вопросами о происхождении и становлении палачей. До сих пор не существует законов, которые бы определяли государственный террор как преступление, и соответственно, не было процессов против сотрудников НКВД и КГБ¹.

---

¹ *Рогинский Арсений*: Чем Сталин жив // *Континент*, 2008. № 138. Доступно на: <http://magazines.russ.ru/continent/2008/138/ro12.html>. Последнее посещение 24.01.2011. См. также выступление А. Рогинского в декабре 2008 года в Москве на конференции, посвящённой эпохе сталинизма, доступное на: <http://www.polit.ru/institutes/2008/12/11/memory.html>. Последнее посещение 24.01.2011.

Процесс осмысления прошлого после 1953 и 1991 годов. Процесс осмысления истории в СССР и России состоял из нескольких этапов, причем на каждом из этих этапов в фокусе обсуждения находились различные аспекты опыта террора. На этом основано ощущение, распространённое в обществе в рамках современной российской культуры памяти, что всё уже сказано, всё известно. Однако дебаты, которые велись после 1953 и после 1985 или 1991 годов, не привели к всеобщему осуждению преступлений против человечности в Советском Союзе. Современная ситуация характеризуется тем, что, с одной стороны, после 1953 года проведены серьёзные и качественные исследования на тему преступлений сталинизма и неправомερных действий Советского Союза, но в то же время беспрепятственно могут высказываться иные, самые разные точки зрения.

Хранители памяти: государство и общество. Важные импульсы к хранению памяти об эпохе сталинизма и к критическому осмыслению этой эпохи и преступлений против человечности исходят от общественных движений. Российское государство в недостаточной мере выступает или вообще не выступает в качестве субъекта культуры памяти. До сих пор нет центрального государственного музея ГУЛАГа: соответствующие учреждения финансируются региональной администрацией или поддерживаются общественными инициативами. Государственная политика, напротив, в последнее время все чаще выражает позицию, способствующую реабилитации преступников, осложняящую критическое осмысление прошлого.

* * *

Может ли осмысление преступлений, совершённых в прошлом, стать точкой отсчета для формирования позитивной идентичности отдельных лиц, групп и обществ? Для Германии — и на этой предпосылке основан германский исторический дискурс — однозначный ответ гласит: да! Задача педагогической работы, прежде всего в многочисленных мемориальных комплексах, — ориентировать людей на универсальную систему ценностей, то есть на демократические базовые ценности и права человека. А для этого надо решительно отмежеваться от преступников национал-социализма. Как следствие, приходится отказаться от идеала непрерывной позитивной национальной идентичности (в смысле привычной «памяти о героях»). Но если верно то, что «без

прошлого нет будущего», возникает вопрос, как соответствующий процесс мог бы выглядеть в России. Насколько здесь возможно и востребовано критическое осмысление прошлого, в ходе которого анализ сталинских преступлений может породить идентичность народа, не страдающего комплексом неполноценности, но готового к диалогу?

*Надежда Липатова*¹

**ВРЕМЕНЩИКИ ИЛИ АТЛАНТЫ
ДЕРЖАВНОСТИ? ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ
И МИФЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Наравне с Москвой, Санкт-Петербургом и Сибирью Дальний Восток в целом, Камчатка в частности, пожалуй, наиболее известные, с детства знакомые географические наименования для любого жителя России. Камчатка — это и последняя парта, и место, где царит полночь, когда в столице страны день, и знаменитая питерская котельная, где работал легендарный рок-музыкант Виктор Цой. Дальний Восток — это там, где «тучи ходят хмуры» и где «у высоких берегов Амура часовые родины стоят»². Дальний Восток и его города — Владивосток, Благо-

---

¹ Надежда Липатова — доцент кафедры истории отечества Ульяновского государственного университета, постоянный преподаватель Школы молодого автора, г. Ульяновск.

² Строки из песни «Три танкиста» (муз. братьев Покрасс, слова Б. Ласкина) из кинофильма «Трактористы» (1939). Была чрезвычайно популярна в 1940–1950-е гг.

вешенск, Хабаровск, Магадан, Находка — вызывают отклик в душе. Что-то сродни романтически возвышенному, даже пиитическому ощущению, которое не затмевает то обстоятельство, что это край ссыльных, беглых и каторжан, и потому, если кто-то уехал туда добровольно, то, как в песне Владимира Высоцкого: «Снимите шляпу... уехал сам, не по этапу»¹. А есть ещё поезд «Москва – Владивосток», есть мечта многих жителей европейской части России — пусть скорее банальная и стереотипная, чем заветная: вот бы раз в жизни проехать на нём всю Россию!

Это всё о Дальнем Востоке, но — не из уст его жителей, а со слов тех, кто его коснулся краешком души или судьбы либо просто с интересом изучал в школе географию и историю. А как представляют свой край сами жители Дальнего Востока, дальневосточники? И есть ли они вообще? Оправдано ли это собирательное название, появившееся не просто вслед за административным делением или официально принятым районированием либо по признаку «приписки» к флоту и военному округу, а как название, действительно *значимое* для жителей Приморья, Сахалина, Камчатки, Амурской области, Хабаровского края и т.д.?

Данная статья не претендует на то, чтобы дать ответ на этот вопрос. Цель моя, как автора, была куда скромнее: попытаться, проанализировав существующие стереотипы, высказывания, суждения о дальневосточной идентичности, выявить какие-то маркеры, которые объединяли бы людей, живущих на Дальнем Востоке. Даже больше (или меньше): на этот текст прежде всего следует смотреть не как на обобщение или новое прочтение, а как на источник. Хотя бы потому, что значительную его часть образуют минимально обработанные куски из текстов (результатов экспресс-опросов, суждений, высказанных на деловых играх и круглых столах, во время мозговых штурмов и в дискуссиях после прослушанных докладов и презентаций), авторами которых были участники проходившего в Петропавловске-Камчатском Семинара по идентичности — студенты, аспиранты и молодые преподаватели из вузов Петропавловска, Владивостока, Хабаровска, Благовещенска и Комсомольска-на-Амуре. В них — даже в таких, как шуточное неказистое четверостишие, цитируемое ниже, просматривается гор-

---

¹ *Высоцкий В.* Мой друг уехал в Магадан // В. Высоцкий. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Время, 2009. С. 105.

дость за свой край, за непохожесть его жителей на других, за то, что есть только здесь и нигде больше на земле:

Медведи ходят в обнимку
С леди на каблуках.
Снег заметает глубинку
Только у нас.

Помимо материалов Семинара, при написании текста использовались обсуждения в трёх ориентирующихся на всех дальневосточников интернет-группах социальной сети vkontakte.ru¹: 1) «Для тех, кто уехал с Дальнего Востока. Зачем, почему? Будете возвращаться?»; 2) «Дальний Восток THE BEST» (с типично подростковым лозунгом «Вместе мы — СИЛА!!!»); 3) «Клуб настоящих и бывших Дальневосточников». А также обсуждения в группах с более узкой аудиторией: «Дальневосточные Москвичи!», «Дальневосточники в Нижнем», «Приморцы в Тюмени», «Хабаровчане в Питере!!!!» и т.д.². В подходе к жизни члены этих групп демонстрируют сочетание романтичности и прагматичности, что хорошо видно, например, в таком отзыве о Камчатке (здесь и далее авторская орфография сохранена): *«Люблю её природу, но понимаю, что жить здесь просто невозможно!!! если ты не миллионер и не вулканолог и не фотограф-геолог!!!!»*³ На этих интернет-площадках часто проводятся опросы и голосования, дискуссии по заявленной тематике групп. Что вместе с высказываемыми участниками дискуссий суждениями превращает данный ресурс в прекрасный источник; по нему, помимо прочего, можно проследить расхожие мифы, двойственность и неустойчивость той общности, которая провозглашается. Примечательно также, что в пространстве этой социальной сети идентификация дальневосточника в большинстве случаев происходит методом от противного: определение себя идёт через определение Другого.

Для верификации материалов Семинара по идентичности использовались официальные статистические данные и прогнозы развития го-

---

¹ См., например: http://vkontakte.ru/topic-21664170_23546783, vkontakte.ru/club11367699 и club1475363. Последнее посещение 20.01.2011.

² См., например: <http://vkontakte.ru/club2675505> и club1137061. Последнее посещение 20.01.2011.

³ См.: <http://vkontakte.ru/club30501>. Последнее посещение 20.01.2011.

родов Дальнего Востока, в частности, «Амурский статистический ежегодник» за 2010 год¹ и представленные на официальных сайтах городских администраций паспорта Владивостока (2007–2008), Петропавловска-Камчатского (2010), Комсомольска-на-Амуре (2009), Хабаровска (2009). Отдельно стоит отметить очень подробный документ по Комсомольску-на-Амуре²; в нём можно найти самые разные сведения: об обеспеченности школьников города компьютерами, обследование местного предпринимательства (с взаимными оценками бизнеса и администрации), опросы о мотивации населения, о его отношении к городу и т. д. Доклад по результатам исследования «Молодежь новой России: ценностные приоритеты», проведенного в 2007 году Институтом социологии РАН в рамках проекта «Российская идентичность в социологическом измерении», в особенности разделы, посвящённые особенностям самоидентификации россиян и образом России в историческом сознании молодежи и старшего поколения³, также способствовал проверке материалов Семинара.

Внутренняя логика текста строится вокруг простых вопросов, напрямую не заданных, но подразумеваемых, цель которых — поиск идентичности: «Что?», «Кто?», «Где?», «Каким образом?» С их помощью я рассчитывала понять следующее.

Во-первых, каковы представления об идентичности участников Семинара и интернет-обсуждений. Все они — жители Дальнего Востока, следовательно, транслируют представления общества, в котором живут. Особенно интересен сам их подход к феномену идентичности. Не кроется ли ключ к разгадке «тайны дальневосточности», к пониманию особого позиционирования себя как дальневосточника как раз в трактовке понятия «идентичность»?

Во-вторых, в чём заключается «уникальность дальневосточника». При введении в поисковик «yandex.ru» слов «дальневосточный» и «уникальный» система в качестве результата поиска выводит более миллиона страниц. Причём уникальность распространяется как на природу,

---

¹ Амурский статистический ежегодник 2010: Стат. сб. / Амурстат, 2010. Доступно на: <http://amurstat.gks.ru>.

² Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. Хабаровск, 2010.

³ См.: www.isras.ru/analytical_report_Ident_3.html.

так и на человека, проживающего среди этой природы. Оспаривать уникальность дальневосточной природы бессмысленно, а вот анализ критериев, на которых держится представление об уникальности «дальневосточника», возможно, позволит определить основы этой уникальности, выявить взаимосвязь уникальности его и Дальнего Востока.

В-третьих, чем Дальний Восток является не в географическом или политическом, а в образном представлении его жителей, каковы его мифы и реалии, как образы России, Дальнего Востока и отдельных его городов соотносятся между собой. Это соотнесение позволяет разделить дальневосточную идентичность на составляющие: национальные / страновые, региональные и субрегиональные / локальные, то есть краевые / областные и городские.

Грани идентичности

Напомню: материалы, использованные в данном тексте, — это в основном оценки, суждения, мнения, метафоры, собранные во время работы Семинара по идентичности. Они, во-первых, содержат игровой элемент, во-вторых, характеризуются спонтанностью и условностью, принципом «здесь и сейчас». Следовательно, и терминология, применяемая в данном тексте, подчас отличается от научной. Прежде всего, это касается понятия «идентичность». Всё, что говорилось на его счёт, говорилось участниками Семинара, а те руководствовались не строгими определениями, а собственными ощущениями, представлениями, эмоциями. Для успеха Семинара надо было создать общее поле обсуждения, выявив сначала его опорные точки. Для этого, в свою очередь, использовалась техника экспресс-опроса, позволявшая зафиксировать, с последующим обсуждением результатов, самые устойчивые ассоциации, лёгшие в основу определений идентичности (табл. 1), сформулированных участниками Семинара в течение двух-трёх минут. Диапазон этих определений достаточно широк: от взвешенных, близких к научным суждений до высказываний, похожих на только что начатый карандашный эскиз, на котором, однако, уже просматриваются черты именно этого человека. Группировка, представленная в комментарии к табл. 1, делалась для того, чтобы более отчётливо выявить их смысл.

Как же участники понимают идентичность? Хорошо прослеживается лидерство представлений о некоем *тождестве* (пп. 8–11) и о са-

Таблица 1

Ответы на вопрос «Что такое идентичность?»

<i>А-О</i>	<i>П-Я</i>
<p><i>1. Видение себя здесь и сейчас</i></p> <p><i>2. Вхождение в состав определённой группы, осознание себя частью целого</i></p> <p><i>3. Глубоко укоренившийся самообман</i></p> <p><i>4. История предков, помноженная на время</i></p> <p><i>5. Когда в другой точке мира встречаешь человека из своего региона и сразу его узнаёшь</i></p> <p><i>6. Набор отличительных черт, стереотипов</i></p> <p><i>7. Образ себя и своей страны или народа, формирующийся во взаимодействии с другими странами или народами</i></p> <p><i>8. Осознание себя частью целого</i></p> <p><i>9. Отождествление себя в какой-либо период времени</i></p> <p><i>10. Отождествление себя с кем-либо, чем-либо, осознание себя членом этой группы</i></p> <p><i>11. Отождествление себя с чем-либо — с идеалами, мировоззрением</i></p>	<p><i>12. Равенство самому себе</i></p> <p><i>13. Самоопределение, способность причислить себя к какой-либо общности, принятие её ценностей и идей</i></p> <p><i>14. Самоопределение народа / нации или человека в нем / в ней</i></p> <p><i>15. Самоопределение, способность причислить себя к какой-либо общности</i></p> <p><i>16. Свойство человека</i></p> <p><i>17. Свойство человека причислять себя к определенной группе; похоже на изучение иностранных языков (в отличие от родного)</i></p> <p><i>18. Соотносимость, идея тождества с кем-либо, чем-либо</i></p> <p><i>19. Способность увидеть в толпе таких же, как ты, людей</i></p>

моопределении (пп. 12–15); на их долю пришлось 42% всех определений (8 из 19). Самые жаркие обсуждения касались именно этих двух групп. Участники отмечали дифференциацию отождествления и самоопределения: «*это два взаимодополняющих процесса эволюции человеческого сознания*», вместе выполняющие функцию помощи человеку в поиске им своего места под солнцем. Самоопределение имеет более личностное измерение, так как «*предполагает внутреннюю работу,*

затрату индивидуальных личностных ресурсов», в то время как отождествление — «это только лишь ощущение принадлежности к какой-либо группе, объекту, месту». Отождествление происходит, как правило, с реальными группами, самоопределение же может относиться и к какой-то идее, виртуальному сообществу, не требует, в отличие от более социального по своей сущности отождествления, материальной привязки к месту и людям, не задаёт каких-либо общепринятых норм и правил.

Следующая группа определений (пп. 5, 7, 17) очень близка первой, однако отличается от неё тем, что ими акцентируются, во-первых, способ выявления *идентичности через другого*, во-вторых, *эмоциональная сторона идентичности*. Приведём в этой связи определение, данное идентичности Н.А. Косолаповым (курсив в нём везде мой. — Н. Л.)¹:

«...Остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к “своему” миру; самоотождествление с определенной социокультурной средой, её нормами и ценностями; *весьма высокая потребность в одобрении своих действий*... со стороны такой среды и её авторитетов...»

Пп. 1, 4, 9 указывают на *временную составляющую идентичности*, на возможность её изменения на протяжении жизни человека, позволяющую объяснить некоторые видимые противоречия идентичности. Например, противоречие между высоким накалом патриотических настроений, отмеченной социологами у населения Дальнего Востока в середине 1990-х², и весьма терпимым отношением того же населения к трудовым мигрантам, в частности китайским, — в середине следующего десятилетия³. Стоит отметить и временную характери-

---

¹ Косолапов Н.А. Идентичность // Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003. С. 102.

² Давыдова Н.М. Региональная специфика сознания россиян // Ответственные науки и современность, 1997. № 4. С. 12–24.

³ Емченко Д.Г. Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона // Вестник Челябинского университета, 2009. № 11 (149). Философия. Социология. Культурология. Вып. 11. С. 47–50. Автор видит в терпимости качество, присущее особому типу маргинального (в положительном смысле) трансграничного человека.

стику, связанную с часовыми поясами, которая для Дальнего Востока является одним из маркеров его особенности и может выражаться в романтической трактовке¹:

Мы здесь встречаем рассветы
Раньше на восемь часов.

Или, в более суровом рэповском варианте в исполнении Crazy H²:

Вся страна просыпается, когда мы пьём шампанское ночью.
Разница во времени задает нам темп гончей.
Когда у нас день, мы пашем безбожно,
Для того чтобы содержать тех, кто спит ночью.

Остаются два определения: «глубоко укоренившийся самообман» (п. 3) и «набор отличительных черт или стереотипов» (п. 6). Не образуя выраженную, убедительную группу, эти определения всё-таки близки друг другу в том смысле, что содержат негативную коннотацию, более заметную в первом из них, менее — во втором, и как таковые, оба побуждают обратить внимание на вопрос о степени мифологизации пространства Дальнего Востока.

В поисках дальневосточника и его уникальности

Накануне всероссийской переписи населения России 2010 года в Интернете стартовала акция «Перепись 2010: национальность — дальневосточник»³. Она призывала дальневосточников, «проживающих по всей территории России и чувствующих свою связь с Дальним Востоком (в т.ч. включая Восточную Сибирь), интересующихся культурой, историей, развитием этого региона, считающих перспективным разви-

---

¹ *Высоцкий В.С.* Долго же шёл ты, в конверте листок. Доступно на <http://vysotskiy.lit-info.ru/vysotskiy/stihi/05.htm>. Последнее посещение 25.12.2010.

² *Crazy H.* Дальний Восток — я твой. Доступно на: http://mp3.music.lib.ru/mp3/d/dw_rep/dw_rep-crazy_h_-_dalxnij_wostok_ja_tvoj-2.mp3. Последнее посещение 10.01.2011.

³ <http://www.clubdv.ru/cdv-news/1-news-cdv/104-natsionalnost-dalnevostochnik.html>. Последнее посещение 20.01.2011.

тие России в восточном направлении», в опросном листе переписи 2010 писать в графе национальность «дальневосточник» (рис.1).

Рис. 1. Баннер акции «Перепись 2010: национальность — дальневосточник». (Источник: <http://www.clubdv.ru/>)

Интернет-голосование на сайте проекта дало следующие результаты (табл. 2)¹:

Таблица 2

Распределение ответов на предложение выбрать национальность «дальневосточник» (n = 85)

Ответ	%
Поставлю, так как считаю себя дальневосточником	65.9
Нет, у меня другая национальность	16.5
Нет, это национализм местного разлива	11.8
Да, поставлю — интересный флэшмоб	3.5
А мне всё равно	2.4

Источник: <http://www.clubdv.ru/component/poll/16-dv-nacionalnost.html>.

¹ Голосование проводилось и на других интернет-площадках, в частности на проекте «Полушарие», но там проголосовали только 30 человек и лишь пятеро из них назвали себя дальневосточниками. См.: <http://polusharie.com/index.php?topic=123573.0>. Последнее посещение 21.01.2011.

Осознание некоторой исключительности проявляется в наименованиях и комментариях таких интернет-сообществ, как «Клуб настоящих и бывших ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ» и «Дальний Восток — это звучит гордо!». Дальневосточные блоггеры констатируют, что «дальневосточники — это золотой фонд планеты», призывают их «узнавать новое о своей земле, друг о друге и гордиться своим званием Дальневосточников с большой буквы Д!»¹

Этот край не для робких,
И суров он, и труден.
Но какие здесь сопки!
И какие здесь люди!²

До 1980 года на Дальнем Востоке оседал лишь каждый седьмой из тех, кого волею судьбы сюда заносило. Тем не менее за годы советской власти население региона увеличилось почти в четыре раза (только с 1960 по 1980 годы его рост составил 64%), а уровень жизни был здесь заметно выше, чем в европейской России³. Уже в советское время сложился и распространился сугубо положительный образ дальневосточника: он виделся «мужественным, решительным, рискованным, сильным духовно и физически человеком, которому все эти черты передали предки, преодолевавшие такие тяготы и лишения в борьбе с природой и азиатами...»⁴. После распада СССР этот образ, довольно сильно изменившись в деталях, не утратил своего позитивного ядра. В нём даже усилилась функциональная составляющая, напоминающая теперь представление о миссии, о чём свидетельствует следующая оценка, данная дальневосточникам правительственным официозом⁵:

---

¹ Доступно на: <http://vkontakte.ru/club21664170>. Последнее посещение 20.01.2011.

² См.: <http://vkontakte.ru/club519012>. Последнее посещение 20.01.2011.

³ Журман О. Обратный ход: дальневосточники уезжают на запад. Доступно на: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1331. Последнее посещение 19.01.2011.

⁴ Мельников Д. А не отдать ли нам Дальний Восток? // Интернет-газета «Столетие» 24.05.2010. Доступно на: www.stoletie.ru/politika/a_ne_otdat_li_nam_dalnij_vostok_2010-05-24.htm. Последнее посещение 15.01.2011.

⁵ Российская газета, 2009, 11 февраля.

«Самим фактом того, что дальневосточники живут на восточном краю России, невзирая на оторванность, сложности природы и несравнимые с западными районами условия жизни, сохраняя его территориальную целостность и стратегические ресурсы на будущее, они достойны особого отношения».

Сами же дальневосточники более явственно почувствовали свою особость потому, что в 1990-е годы сумели выстоять в условиях, в которых, по их мнению, не выжил бы ни один «западник», то бишь житель западных районов России¹:

Того сто́ит — и даже не закончена точка.
Выживает тот, кто дальневосточник.
Нам больно, но мы никак не мягкие.
Нас стирают в порошок, но мы упрямы характером.
Всё потому что у нас обособленность жизни.
Это навсегда — Дальний Восток, по жизни².

Ключевым для понимания самосознания дальневосточника следует, видимо, считать его представление об уникальности своего края и живущих в нём людей. Это представление — единая основа мифологизации Дальнего Востока. К его разбору я вернусь позже, здесь же подчеркну, что акцент на особость, эксклюзивность, необычность, экзотичность региона и его жителей присутствовал на протяжении всей работы Семинара. Заметен он и в выделенных участниками и приводимых ниже особенностях дальневосточников.

Дальневосточники — самые красивые люди. Разумеется, девушки на Дальнем Востоке тоже очень красивые, но, в отличие от традиционного мнения, согласно которому в России живут самые красивые в мире женщины, а про мужчин даже не вспоминают, дальневосточная трактовка не признает гендерного различия по параметру красоты. Объясняет же она красоту местных мужчин и женщин смешением крови, межнациональными браками и благотворным воздействием природы на человека. Некоторые из патриотов Дальнего Востока говорят даже

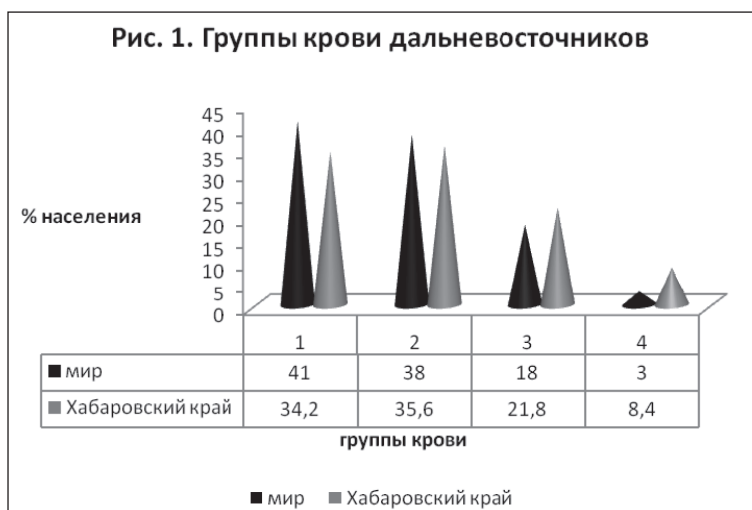
¹ Мельников Д. Указ. соч.

² <http://polusharie.com/index.php?topic=117912.25>. Последнее посещение 21.01.2011.

об отдельном дальневосточном этносе и очень беспокоятся о его судьбе¹:

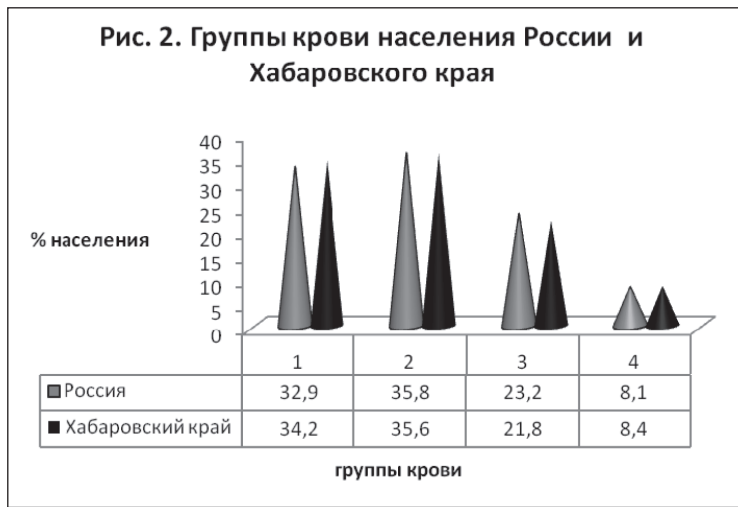
«Дальневосточный этнос — реальная сущность, хотя пока и не пришедшая к самосознанию этого в силу того, что Дальний Восток в настоящее время дотационный регион... этнические процессы на Дальнем Востоке в текущих условиях экономической и культурной недостаточности могут привести лишь к тому, что этническая идентификация будет размыта, наработанные за почти двухсотлетие традиции и ценности будут утеряны, яркие представители этноса дальневосточников мигрируют...»

Составлено по методической разработке школьного курса «Здоровье дальневосточника»: <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=3357>. Последнее посещение 22.01.2011.

Примечателен тот факт, что в рамках школьного элективного курса для девятиклассников Хабаровского края «Здоровье дальневосточника» наряду с другими темами говорится о «феномене Дальнего Востока», заключающемся в «факте наличия у большинства коренных жителей третьей группы крови, а у пришлого населения второй» (рис. 1).

¹ См, например: *Куминов А.С.* Дальневосточники — как новая этническая сущность. Доступно на: <http://www.clubdv.ru/forums/index.php?showtopic=161>. Последнее посещение 20.01.2011.

Составлено по: Тюняев А.А. К вопросу о корреляционной связи между этносом и группами крови // *Organizmica*, 2008. № 3 (15). Доступно на: www.organizmica.org/archive/510/kvoks.shtml#2.3. Последнее посещение 20.01.2011.

Утверждение это, мягко говоря, не совсем корректное, так как сравниваются группы крови жителей Хабаровского края и «всего мира», тогда как основной массив населения края образуют выходцы всё-таки не со всего мира, а из пределов Российской империи / СССР и их потомки. И при сопоставлении долей населения с разными группами крови уже только в России и в Хабаровском крае (рис. 2) различия оказываются незначительными.

Дальневосточник — мобильный и энергичный. Ему приходится бороться с природой, он оторван от центра страны, за свою жизнь он несколько раз перемещается из одного конца России в другой. Благодаря своим недобровольным дальневосточными корням и закалке, полученной в борьбе с расстояниями и суровой природой, дальневосточник справляется с трудными ситуациями лучше жителя европейской России. Черты последнего для пущей убедительности с лёгкостью искажаются¹:

¹ Счастье за туманом. Приморцы не отличаются крепким психическим здоровьем. Доступно на: www.rg.ru/2007/10/04/reg-primorie/psihika.html. Последнее посещение 17.01.2011.

«Китайское население не занимало территорию Приморского края, исторически эту местность считали непригодной для проживания... Изменения произошли после того как Приморье перешло к России. Сюда были отправлены не всегда добровольные переселенцы, зачастую это были люди с криминальным прошлым, но всё же рискованные и предприимчивые... Удельный вес положительных черт этих любителей приключений, их возможность творить большие дела гораздо мощнее, чем у коренных жителей центральной части страны, которые столетиями не двигались с места».

Дальневосточник — толерантный, поскольку живет у границы, рядом с коренными народами и китайцами. В пограничной зоне происходит взаимодействие, обмен культурными традициями, там лучше понимание Другого, поэтому Дальний Восток благоприятен для проживания и работы иностранцев. Впрочем, пока их немного: по предварительным результатам переписи 2010 года, иностранцы, проживающие на Дальнем Востоке, составляют в разных его частях от 1,0 до 2,2% населения; так, в Приморье их всего 11 тыс. при общем населении в 976 тыс. человек, а в Хабаровском крае — 20 тыс. при населении 920,5 тыс. человек¹.

У дальневосточника особое отношение к Китаю, так как Китай для него — основной торговый партнер. Скажем, в пограничной Амурской области доля Китая во внешней торговле в 2009 году составила 73,0 % по экспорту и 90,2% по импорту². Китай для дальневосточников ещё и место отдыха и развлечений. В 2008 году статистика зафиксировала без малого полтора миллиона туристических поездок в КНР из южных субрегионов Дальнего Востока, что составило более 70% от общего количества таких поездок из России в Китай в этом году. Два из каждых трёх человек, живущих на пространстве от Благовещенска до Владивостока, как минимум, один раз побывали в Китае³. Только через Благовещенский пограничный переход в 2009 году попали в Китай 300 тыс. граждан России, и в подавляющем своём большинстве то были жители региона (табл. 3).

---

¹ Эти данные доступны на: <http://www.toz.khv.ru/page.php>. Последнее посещение 22.01.2011.

² Амурский статистический ежегодник 2010... С. 483.

³ См.: Ларин В. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. Т. 8. № 1 (22). Январь–апрель 2010. Доступно на: http://www.intertrends.ru/current_issue.htm. Последнее посещение 17.01.2011.

Таблица 3

**Динамика поездок российских и китайских граждан
через Благовещенский пограничный переход (тыс. поездок)**

Категории	2005	2006	2007	2008	2009
Число выездов российских граждан, посетивших КНР, всего	362,5	460,8	522,7	583,7	301,4
в том числе туристы	213,0	233,2	265,0	321,4	...
Число прибытий граждан КНР, посетивших Амурскую область, всего	117,1	103,7	110,3	132,5	135,2
в том числе туристы	52,2	42,2	49,6	42,3	...

Источник: Амурский статистический ежегодник... С. 227.

Дальневосточник — это склад души. Можно не жить на Дальнем Востоке, но всё равно чувствовать близость к нему. В этом случае ключевым становится фактор ностальгии¹:

«Иногда тянет на вторую Родину... Жаль, перелёты на ДВ не дешёвое удовольствие. Но при встрече с дальневосточником ощущение как будто дома на минуту побывал».

Ностальгия — настоящая скрепа, объединяющая многих и многих. Ибо дальневосточник — это и вернувшийся с Сахалина или Находки в Рязань или Вологду солдат срочной службы — пограничник или моряк; и постоянно работающий в Приамурье либо на Камчатке геолог или вулканолог; и турист — любитель экстрима, житель одного из городов или поселков Дальнего Востока либо регулярно приезжающий москвич. Главное — этот тот, кто, так или иначе, отождествляет себя с этой территорией как с местом, где ему было душевно, тепло, хорошо хотя бы на какое-то время. Это *память об общем опыте* переживания циклонов, зим, перепадов температур, ощущения небывалой силы природы, красоты, простора; и в то же время это *память места* без жёсткой привязки к конкретным географическим координатам реального пребывания. Но можно сказать, что это и *место памяти* — в одном из тех значений этого популярного в культурной географии понятия, кото-

¹ http://vkontakte.ru/topic-21664170_23546783. Последнее посещение 20.01.2011.

рое приводит А. Дахин: «ключевой образ», в котором сообщество людей «выражает свою самоидентичность»¹.

Дальневосточник неоднозначен. Он одновременно и пластичен, и привержен стереотипам; и такой он как в собственных глазах, так и в глазах других жителей страны. Образ дальневосточника за пределами региона формируется СМИ, зависит от того, о чём и как пишет центральная пресса. В нулевые годы образ дальневосточника складывался из журналистских текстов, рассказывавших о бамовцах, челноках-амурчанах, реже приморцах, о коррумпированных чиновниках, криминальных разборках, проблемах Сахалина и Курил. В результате дальневосточник представляется «небогатым, расчётливым, не слишком жалующим москвичей и центральную власть, радующимся, что есть хотя бы Китай как источник заработка»². Тогда как ранее его образ был лишён прагматических черт, так как формировался из рассказов о героях-пограничниках, романтиках-геологах, ударниках советских строек, молодёжных городах и т.п.

Образы России и Дальнего Востока

Как известно, Родина с большой, заглавной, буквы — это страна и государство, общая национальная территория. Для россиян — Россия (а для кого-то всё ещё СССР), которая «лежит, раскинув города», «касаюсь трёх великих океанов». Но есть ещё малая родина, пишется она с прописной буквы, а видишь её, согласно строкам того же Константина Симонова, как³:

Клочок земли, припавший к трём берёзам,
Далёкую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

---

¹ Дахин А. Место памяти // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 4. М.: Ин-т Наследия, 2006. С. 321.

² Фёдоров Е. Образ дальневосточника в федеральных печатных СМИ. Спецприложение «Будущее регионов России-2008» к журналу «Новый Дальний Восток». 12 июня 2008. С. 49. Доступно на: http://www.idmrr.ru/downloads/df0/Specprilozhenie_BRR2008.pdf. Последнее посещение 12.01.2010

³ Симонов К. Родина // Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. Доступно на: www.litera.ru/stixiya/authors/simonov/kasayas-trex-velikix.html. Последнее посещение 19.12.2010.

В действительности Симонов приводит типичную литературную символику средней полосы России, хотя и претендующую, благодаря своей литературности, на всеобщность. Но «дальневосточникам чужды классические поэтические образы России, белоствольные берёзки¹ в бескрайних полях, воспетых Есениным. Им ближе покрытые туманом сопки и море...»².

С учётом данного различия в восприятиях участникам Семинара и было предложено в ходе экспресс-опроса передать одной фразой образ России и образ Дальнего Востока (табл. 4). Что же получилось в результате?

Образы России содержательно группируются в четыре блока, отчасти накладывающиеся друг на друга. В образах первого блока (пп. 5, 10–11, 13–14) доминируют **внутренняя противоречивость и непредсказуемость** (лейтмотив — «сочетание контрастов»), в образах второго (пп. 2, 3, 7, 12) — **державность** (лейтмотив — «великая страна»), третьего (пп. 1, 8, 13) — **пространство** (лейтмотив — «большая страна»), четвёртого (пп. 4, 9, 15) — **лиричность** (лейтмотив чётко не выделяется, но несомненно создаваемое образами этого блока ощущение простора и покинутости). Особняком стоит фраза «грустные попытки вернуть статус сверхдержавы»: это единственный случай, когда образ страны фактически отождествляется с её современной политикой, то есть с действием, к тому же вызывающим сожаление.

В образах Дальнего Востока державная тема практически отсутствует. Относительно слабо выражен упор на противоречивость, хотя она и прослеживается в нескольких характеристиках (пп. 1, 3, 8, 9, 17). Зато хорошо представлены пространственно-ресурсные составляющие, лирические образы и метафоры.

Рассмотрим подробнее образные характеристики Дальнего Востока по их содержательным, также отчасти пересекающимся, блокам.

---

¹ Вывод тем более примечательный, что белоствольные берёзки на Дальнем Востоке есть, притом в достаточном количестве для того, чтобы порадовать душу попавшего сюда выходца из европейской России — как это было с репрессированным в 1938 году поэтом Николаем Заболоцким, когда он после долгого путешествия в теплушке по этапу оказался в Хабаровском крае. См.: *Заболоцкий Н.А. Я воспитан природой суровой*. М.: Эксмо, 2008. С. 303.

² *Журман О. Обратный ход...*

Таблица 4

Образы России и образы Дальнего Востока

Россия — это:	Дальний Восток — это:
<ol style="list-style-type: none"> 1. Большая страна, богатая хорошими людьми, интересной историей и природными ресурсами 2. Великая держава 3. Великая страна с великой историей 4. Ветер в поле и опушка леса 5. Герб: одна голова хорошо, а две лучше, но смотрят-то они в противоположные стороны 6. Грустные попытки вернуть статус сверхдержавы 7. Великая держава, многонациональная страна, богатая историей и дружным народом 8. Кит среди рыбёшек 9. Матушка 10. Медведи на танках в условиях высокотехнологичных разделов ресурсов 11. Медведь с автоматом Калашникова 12. Отечество 13. Самая огромная страна, и у неё есть атомная бомба, из-за чего её поведение непредсказуемо 14. Сочетание контрастов: от золота дворцов до грязи подворотен 15. Страна скитальцев, странников и искателей 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Бескрайняя, щедрая, неадекватная земля 2. Богатые территории, часть великой истории России 3. Богатый, но слишком далёкий край страны («как там люди-то ещё живут») 4. Далёкий край, малообжитой, красивый и экологически чистый 5. Донор с этническими корнями (много национальностей) 6. Копилка России, рыбный край 7. Край суровых патриотов 8. Красивый, свободный, жестокий 9. Кузница ресурсов, крест России 10. Лес на окраине деревни (или хвост кита) 11. Место, откуда не уеду, потому что это дом 12. «Мечты сбываются» 13. Море, солнце и чистая природа — самое красивое место в мире 14. Огромные малонаселённые территории, которые почти что не освоены 15. Родина 16. Тайга, экзотика 17. Часть России, далёкие, но такие родные красоты

Блок пространственных характеристик объединяет образы, которые, во-первых, фокусируются на удалённости Дальнего Востока от центра России (пп. 3, 4, 10, 17), причём делается это в том числе и с помощью метафор («лес на окраине деревни» и «хвост кита»); во-вторых, указывают на ресурсы или, точнее, на ресурсный потенциал огромных пространств, априорно признаваемый исключительно богатым (пп. 1–3, 5, 9, 14). Лейтмотивом в первом случае служит край России, во втором — кузница ресурсов.

Имеются в виду, конечно же, ресурсы природные, поскольку кузницей людских ресурсов Дальний Восток никогда не был, наоборот, остальная часть страны поставляла для него и население, и кадры специалистов. Вообще в настоящее время удельный вес региона в России колеблется между 3% и 6% по всем показателям (население, производство, товарооборот и т.д.), кроме территории (35%)¹. И если верны оценки, приводимые в публикуемой в этом сборнике статье Воробьёвой, получается, что, как минимум, представление о минеральных богатствах Дальнего Востока несколько преувеличено; но даже если это и не так, для их освоения требуются огромные капиталовложения. Тем не менее уверенность в том, что Дальний Восток — копилка России, просто бросается в глаза; более того, в образе «донор с этническими корнями» явно проглядывает убеждённость в том, что Дальний Восток «копит» для России и людской потенциал, сила которого, так сказать, не в количестве, а в качестве — в этнокультурном многообразии. Между тем, хотя на Дальнем Востоке население действительно многонациональное, очевидно полное преобладание в его составе русских и украинцев. Например, в Амурской области, согласно переписи 2002 года, в пересчете на 100 тыс. человек населения было более чем 92 тыс. русских и ещё 3,5 тыс. украинцев².

Блок интегративных характеристик акцентирует попадающими в него образами (пп. 2, 3, 5–7, 9, 17) представление о неотрывности Дальнего Востока от России. Оно на Семинаре проявилось в широком диапазоне: от высказанного устно, во время обсуждения результатов экспресс-опроса стандартного «кормим столицу» до прямого определения Дальнего Востока в ответах как части России. Фактически о том же

---

¹ Амурский статистический ежегодник 2010... С. 489.

² Там же. С. 77.

самом восприятии региона как неотрывной части страны говорят как его образная пространственная локализация относительно центра («край России»), так и временная («часть великой истории»). Равно как и образы, подчёркивающие его функцию в России («кузница», «копилка», «донор») и даже его красоту («часть России, далёкие, но такие родные красоты»). Да и образ дальневосточника как «сурового патриота» вред ли относится только к Дальнему Востоку.

Лирические и метафорические характеристики, собранные в один блок образов (пп. 1, 4, 7, 11–17), каждая по-своему раскрывают дальневосточную идентичность. Одни из них, на мой взгляд, говорят сами за себя, другие нуждаются в комментировании.

«*Место, откуда не уеду, потому, что это дом*». Согласно статистике, сейчас на Дальнем Востоке проживают в основном те, кто там родился. Например, в Комсомольске-на-Амуре более 80% жителей родились либо в Хабаровском крае, либо в других субрегионах Дальнего Востока¹.

«*Край суровых патриотов*». Условия жизни действительно у многих суровые. Однако «дальневосточник несмотря ни на что патриот». Другое дело, что «в глубине души он понимает, что на Дальнем Востоке он хорошо жить не будет, а потому и часто способен на нехорошие поступки (“гены плохие”)²».

«*Тайга, экзотика*» и «*Мечты сбываются*». Независимо от того, где возникло представление о Дальнем Востоке как о крае экзотики, жители региона его разделяют. Достаточно просмотреть сайты туроператоров, предлагающих путешествие на Дальний Восток, как сразу бросается в глаза сочетание в их программах двух «э», экзотики и экстрима: «*Дальний Восток — экзотика в мире рафтинга!*»³, «*Дальневосточный рынок туруслуг делает ставку на экстрим и экзотику*»⁴. То же

---

¹ Анализ реализации мероприятий «Основных направлений развития и поддержки малого предпринимательства в Хабаровском крае на 2007–2009 годы» в 2007 году. Доступно на: www.mb.kht.ru. Последнее посещение 20.01.2011.

² Фёдоров Е. Указ. соч. С. 49.

³ См.: <http://traveller.com.ua/info/rafting/Fareastrafing.htm>. Последнее посещение 22.01.2011.

⁴ Попов Э. Нарисовать портрет клиента // Дальневосточный капитал, 2008. № 4. С. 16.

проявилось и на Тренингах, когда в ходе одного из игровых заданий участники должны были составить бизнес-проект для реализации на территории Дальнего Востока за счет региональных ресурсов, и одна из групп представила проект Дальневосточного центра содействия развитию этнокультурного туризма. Его программа включала следующие блоки: 1) предварительное ознакомление туристов с жизнью коренных народов (видеофильмы, выставки промыслов, экскурсии в историю); 2) обеспечение пяти специально выбранных центров проживания коренных народов минимальной туристической инфраструктурой и заброска в них туристов; 3) курсы народных промыслов по месту заброски (бисероплетение, поделки из рыбьей кожи и т.д.).

Море, солнце и чистая природа, это самая красивое место в мире. Это, можно сказать, и образ, и гимн — гимн природной составляющей дальневосточной идентичности. Наиболее яркая природность сосредотачивается в отдельно взятой части Дальнего Востока — на Камчатке. Недаром все участники Семинара — и собственно камчатские жители, и те, кто приехал в Петропавловск из других частей Дальнего Востока, когда им было предложено выделить символы Камчатки, прибегли исключительно к «природно-красотным» характеристикам: вулканы, гейзеры, рыба, икра, медведи, самое красивое место, магическое место. И, судя по тому, что пишут участники социальных сетей, — место, которое не отпускает никогда, даже если человек давно оттуда уехал¹:

«Она (Камчатка) останется навсегда в нашей жизни, в воспоминаниях, в душе. Таких эмоций, какие испытываем мы, камчадалы, уехавшие оттуда, никто не испытывает. Я уехала с Камчатки в 1989 году, но я помню, я скучаю... это часть меня! Если будет возможность, я вернусь... надолго ли — не знаю, но обязательно вернусь».

«Далёкий край, малообжитой, красивый и экологически чистый». Данный образ Дальнего Востока в целом, близкий предыдущему, стоит сопоставить с результатами социологического опроса жителей Хабаровского края, цель которого заключалась в том, чтобы установить основные факторы, ухудшающие качество жизни. Оказалось, что 80,8% жителей Комсомольска-на-Амуре и 81,8% жителей Хабаровска отмети-

---

¹ Вернешься ли ты жить на Камчатку? Да или нет и почему? Доступно на: http://vkontakte.ru/topic-6013_476920. Последнее посещение 20.01.2011.

ли в качестве такого фактора плохую экологию своих городов¹. Вот вам и экологически чистый край! Так открывается ещё один пласт дальневосточной идентичности: её локальные субрегиональные составляющие более конкретны и в то же время конкурентны, даже конфликтны по отношению к образам всего региона.

Символы, мифы и реалии Дальнего Востока

Если в образах Дальнего Востока преобладают природные характеристики, то в *символах его городов и территорий* — Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, Камчатки, Сахалина — чётко прослеживаются историческая и функциональная характеристики. Исключение составляет Камчатка, где природный акцент сохраняется, но ему всё равно придается функциональный аспект.

Приводимые ниже символы получены в ходе ответов на викторину, где одно из заданий так и звучало — указать три символа / образа / факта, которые у вас ассоциируются с той или иной территорией в составе Дальнего Востока. Неудивительно поэтому, что в приводимых ниже в алфавитном порядке ответах «дальневосточность» уходит на задний план.

ХАБАРОВСК: *Амур, армия, железная дорога, комары, конопля, купюра в пять тысяч рублей, медведь, мост через Амур, Муравьёв-Амурский², спорткомплекс на 7500 мест, столица, столица Дальнего Востока, столбчатость, тигр, удэгейцы, Хабаров³, хутора, центр, чистота.*

ПРИМОРЬЕ / ВЛАДИВОСТОК: *Дарькин (губернатор), Желтое море, Золотой рог (бухта), иномарки, иностранцы, китайцы, ночные клубы, корабли, курорты, мафия, машины, море, морская капуста, неформальная столица, побережье, порт, таджики⁴, тигр, утро, флот, форпост, чайки, японские авто, японцы.*

---

¹ Анализ реализации мероприятий...

² Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский — генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 годах, в 1854–1855 годах руководил экспедициями по Амуру, в 1858 году подписал с Китаем Айгунский договор, по которому Приамурье отошло к России. В Хабаровске ему воздвигнут памятник.

³ Е.П. Хабаров — русский землепроходец, в 1649–1653 годах совершил две экспедиции в Приамурье, результатом которых стало основание городка Албазина и других русских поселений по Амуру.

⁴ Считается, что Владивосток — центр сосредоточения на Дальнем Востоке таджикских рабочих-мигрантов (см. статью Надежды Цой в данном сборнике).

БЛАГОВЕЩЕНСК: *Амур, высшее образование, граница, динозавры¹, дорогие дома, Китай, китайцы, космодром, медуниверситет, молодежь, соя, торговля, форпост.*

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: *авиация, Амур, бандиты, город-стройка², железо, заводы, запустение, зелень, криминальная столица, молодёжь, промышленность, простор, равнина, раздвигающий тайгу человек³, река, ровные улицы, самолёты, тигры, тяжёлая промышленность, широкие дороги.*

САХАЛИН: *богатая природа, войны, горные лыжи, изолированность, каторга⁴, морепродукты, нефть, Николаев Игорь⁵, остров, плохая погода, политика, порт, рыба, снег, трудности, уголь, холод, Чехов⁶, японцы.*

КАМЧАТКА — *вулканы, гейзеры, Долина гейзеров, икра, источники, краб, Кроноцкий заповедник, кутх⁷ (рис. 3), лосось, Малкинская №1 (минеральная вода), медведь, море, океан, олени, природа, рыба, Три брата⁸, факелы Камчатки⁹ (рис 4).*

Даже при таком простом перечислении бросается в глаза определённое соперничество Владивостока и Хабаровска. Оба города претендуют на статус региональной столицы — хотя бы, как это делает Владивосток, на статус столицы неформальной. Жители же официальной столицы, хабаровчане, в своих виртуальных группах иницируют

¹ В Амурской области обнаружены останки древних ящеров, в том числе нигде более не найденного вида, названного *амурозавром*.

² Память о том, что Комсомольск-на-Амуре официально создавался в 1930-х годах как всесоюзная комсомольская стройка, хотя в действительности главной рабочей силой при его строительстве были заключённые.

³ Этот символ присутствует на гербе Комсомольска-на-Амуре.

⁴ В царской России остров был определён как территория для каторжан.

⁵ Певец и композитор, автор песни «Человек, влюблённый в Сахалин».

⁶ А.П. Чехов и Сахалин оказались связаны потому, что в 1890 году великий русский писатель совершил поездку на «каторжный остров» и затем, основываясь на своих впечатлениях, написал книгу «Остров Сахалин».

⁷ Воплощение духа Ворона, традиционно почитаемого коренными народами Дальнего Востока.

⁸ Скалы при входе в Авачинскую бухту, на берегах которой расположен Петропавловск-Камчатский.

⁹ Вулканы, аналогия с гербом Камчатки.

Рис. 3. Сувенирная фигурка Кутха

Рис. 4. Факелы Камчатки. Граффити в Петропавловске-Камчатском

голосования «Лучший Город ДВ!!!»¹, подчёркивают преимущество своего города, пусть даже в иронической манере²:

«Хабаровск — самый лучший город на планете, а остальные города просто нам завидуют! Ведь только у нас люди настолько интеллигентны, что никогда не матерятся, а сразу лезут в драку. Только у нас в такси платят не за то чтобы ехать, а за то чтобы согреться в -30. Это мы не боимся самых злых и плодовых комаров. Это мы не знаем, кто такие гопники, пока не сходим на салют. Это у нас за 7000 км от Москвы — московские цены. Это жители Хабаровска — перед тем как вынести мусор, закуривают и бросают окурки в мусоропровод. Это мы добываем и делаем бензин, но платим за него дороже остальных. Только у нас гаражи стоят как сами машины. Это мы узнаём, что цветёт клубника, по полчищам мошкары. Это у нас зимой -40, а летом +40. Только Хабаровские автолюбители ездят на лучших наимоощнейших японских тачках, размазывая по асфальту зазевавшихся пешеходов. Это он — Наш Хабаровск!!! Центр Мира!!!»

Либо утверждают его столичный статус с изрядной долей пафоса³:

Над Амурскою кручей
Этажи поднимаю,
Вырос вольный, могучий,
Стал столицей края.

¹ <http://vkontakte.ru/club11367699>. Последнее посещение 20.01.2011.

² <http://vkontakte.ru/club21445732>. Тогда же.

³ <http://vkontakte.ru/club519012>. Тогда же.

Здесь, почти на границе,
Он — защитник и воин,
И восточной столицей
Называться достоин!

Локальные мифы делятся на две группы: внешние по происхождению и собственные, то есть возникшие на месте. Связь локального мифа с идентичностью очевидна: он влияет на её формирование, порождая, закрепляя и освящая ощущение слитности человека с местом. Мифологизация места может происходить, когда люди предаются ностальгическим воспоминаниям о «малой родине», общаются на уровне землячеств и т.д.¹

Участники Семинара попытались выявить мифы Дальнего Востока, относящиеся ко всей его территории. Таковых набралось четыре, все они живут в массовом сознании и, по общему мнению, как мифы сложились за пределами региона: 1) дикие звери на улицах; 2) засилье китайцев; 3) животные и растения гигантских размеров; 4) рыбное изобилие. В отношении субрегионов Дальнего Востока такая задача не ставилась, но кое-что всё равно прозвучало. В качестве примера можно привести мнение жителей Благовещенска, переданное участниками Семинара из этого города: *«В Магадане и Якутии зарплата больше, чем на других территориях»*. Независимо от того, соответствует ли оно реальности, или нет (как и от того, насколько стоимость жизни в Магадане и Якутске выше, чем в Благовещенске), это явный дериват извечной житейской максимы «хорошо там, где нас нет». Другое суждение, наоборот, принадлежит к разряду «страшилок», соответствующих почтенной мифотворческой традиции, согласно которой за пределами *своего места, у чужих, в чужом краю* (так и хочется добавить — где живут люди с пёсыми головами) непременно поджидают опасности: *«Во Владивостоке вода невкусная, её в водопроводе подают в час по чайной ложке. А владивостокцы часто не моются»*.

---

¹ См. в этой связи: Локальный миф: взгляд молодёжи. Материалы междисциплинарного гуманитарного Семинара «Структура локального мифа» 22–25 мая, 22–23 сентября 2006 года / Сост. А.А. Гудкова и Н.В. Липатова. Ульяновск: УлГУ, 2006.

При попытке в рамках игровой модели выделить единственный *объединяющий миф* и попытаться его «запустить в работу» достойным претендентом на эту роль был признан после бурного обсуждения миф, смысл которого передаётся фразой: «Дальний Восток — оплот России на Востоке». Для его суггестии посредством девизов и слоганов участники предложили две группы фраз. Фразы первой группы, оборонческие или изоляционистские, возвращающие к эпохе «холодной войны», полностью отвечают вынесенному мною в заголовок статьи образу дальневосточника — атланта державности: «*Мы не отдадим родную землю!*», «*Граница — рядом!*», «*Дальний Восток — всю Россию сохраним!*», «*Враг споткнется о вулкан и утонет в океане!*». Фразы второй тоже восходят к советским временам, напоминают о стране, которая всё производила сама — от ракет до булавок: «*Покупай родной товар, пусть уткнётся иностранец!*», «*Покупай наш товар, все получим мы навар!*» В то же время слоганы второй группы были более «прочувствованы» участниками как сугубо игровые, поскольку нынешние объёмы торговли Дальнего Востока с Китаем просто не позволяют надеяться, что население откликнется на эти призывы.

Реалии региона. При конструировании объединяющего мифа участники Семинара отталкивались не только от устоявшихся образов Дальнего Востока, но от его реалий. Этим объясняется скептицизм, постоянно сопутствовавший их игровому мифотворчеству. Да и при обсуждении образов скепсиса хватало; так, один из участников бросил фразу, одновременно показывающую реалистичное восприятие статуса Хабаровска как региональной столицы и некоторую отстранённость этого города от остального Дальнего Востока: «*Может, недостаточно я дальневосточник — живу-то в Хабаровске*».

Участники Семинара выделили главные / важнейшие, по их мнению, реалии Дальнего Востока (табл. 5). Необходимо подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с *представлениями* о реальности. Как и образные характеристики, эти представления в основном укладываются в пространственно-ресурсные рамки; просматривается в них и акцент на уникальности региона и его жителей. В то же время среди указанных реалий четко выделяются две, никак не отражённые в образах и мифах и специально не включённые мною в таблицу.

Это, во-первых, *сокращение населения*. По прогнозам ЮНЕСКО, при сохранении существующих демографических тенденций общая

численность населения Дальнего Востока к 2025 году уменьшится с 7 до 4,7 млн человек, а в 2050 году будет в лучшем случае составлять всего 4 млн¹. И шансы на то, что этот прогноз не сбудется по причине запуска ориентированных на восток внутренних миграционных потоков ничтожны. Согласно результатам социологических исследований, жители других регионов страны вовсе не ратуют за переезд на Дальний Восток. Только 19% опрошенных ответили что, «согласны поехать на работу на Дальний Восток, если будет достойная зарплата»; 15% считают, что осваивать Дальний Восток вообще не надо, нужно оставить его богатства потомкам; а ещё 30 % высказались за вахтовый метод освоения Дальнего Востока, так как там суровые условия жизни².

Таблица 5

Реалии Дальнего Востока

Близость к странам Азии
Суровые климатические условия (полюс холода Оймякон)
Неразвитость транспортной инфраструктуры
Удалённость, покинутость
Удалён от центра России
Большие просторы
Природные ресурсы
Толерантность людей
Полиэтнический и многоконфессиональный
Военный тихоокеанский флот
Ощущение особой миссии на восточных рубежах России
Регион «временщиков»
Высокая конкуренция в рыбной промышленности
Невероятно красивый край, естественные памятники природы

¹ См.: <http://skatr.ru/gosudarstvennyi-zhilishchnyi-sertifikat-dalnevostochnika-ili-proryvnaia-zhilishchnaya-politika>. Последнее посещение 22.01.2011.

² Вестник МАГ (Международная ассамблея столиц и крупных городов), 2007. № 5–6. С. 19.

Ещё одна не включённая в таблицу, но актуальная для участников Семинара в силу их возраста и по роду занятий реалья — это *несоответствие полученной специальности потребностям региона*. Согласно опросу 2009 года, среди основных мотивов, побуждающих выпускников школ Комсомольска-на-Амуре¹ покидать Дальний Восток, главным является отнюдь не отсутствие возможности учиться или сложности с обеспечением современными средствами коммуникации (компьютеризация школьников Хабаровского края значительно выше общероссийских показателей и достигает 98%), а отсутствие в будущем достойной работы. Эту причину указали 60% респондентов. Но и абитуриенты, поступающие в местные вузы, выбирают не те специальности, что нужны региону, а модные и престижные. В итоге образуется своего рода порочный круг, и прорвать его вузы не могут.

Символика исторической идентичности

По-видимому, наиболее ёмким образом, показывающим многогранность восприятия себя дальневосточником, является образ матрёшки. В отличие от берёзки, «забракованной» жителями Дальнего Востока, матрёшка и медведь остаются общепризнанными символами России, что постоянно подтверждается различными опросами². Для дальневосточника — даже для рьяного поборника особого дальневосточного этноса³ — его русскость / российскость очевидна: она и составляет самую большую матрёшку его идентичности. Внутри неё располагаются, по мере падения их значимости для страны в целом, более «узкие» матрёшки-идентичности. Сначала идёт матрёшка-дальневосточность — с её ощущением атланта державности, миссии спасения коренных на-

---

¹ Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года. Хабаровск, 2010. С. 57.

² См., например результаты опроса Исследовательского центра рекрутингового портала SuperJob.ru 2009: <http://www.gazeta.spb.ru/237325-0/>. Последнее посещение 22.01.2011.

³ Форум интернет-проекта «Полушарие». Доступно на <http://polusharie.com/index.php?topic=123573.0>. Последнее посещение 21.01.2011. И сам автор идеи считает дальневосточный этнос «не делимым от русского, поскольку для проживающих в России эта суперэтническая идентификация не важна, т.к. и так все к ней принадлежат».

родов, удержания целостности страны¹, необходимости выживать и... с всегдашней, хотя открыто и не явленной, готовностью к миграции. На ещё более глубоком уровне — идентичность жителя субрегиона Дальнего Востока, жителя конкретного города, а далее — разнообразные групповые идентификации, не ассоциируемые в обязательном порядке с местом (профессиональные, рекреационные и т.д.), и личные.

Матрёшечная структура идентичности повлияла на результаты задания, выполненного участниками в ходе дискуссии «Какая история укрепляет идентичность?» Им было предложено выстроить событийный ряд, отражающий исторический аспект российской идентичности. Обращение к прошлому было ограничено XX веком и началом XXI, участники разделены на три группы. Приводимые ниже без какой-либо правки презентации всех групп (табл. 6) чётко продемонстрировали абсолютное доминирование военных и политических событий над другими возможными событийно-символическими интерпретациями истории. У первой группы из 15 событийных гнёзд только 4 (пп. 5, 8, 11, 13) могут быть определены как неполитические; у второй того же определения заслуживают 8 гнёзд из 26 (пп. 1, 7, 11, 15, 16, 23) и у третьей — 3 из 9 (пп. 1, 6, 9). Подсчёт этот очень либеральный: включает, например, НЭП и ещё не состоявшееся событие — зимнюю олимпиаду в Сочи; и почти половину неполитических событий составляют катастрофы (Чернобыль) или экономические потрясения (дефолт). Ещё меньше было названо событий, непосредственно касающихся Дальнего Востока: строительство Транссиба, русско-японская война, Дальневосточная республика, Курильский десант и разгром Квантунской армии в 1945 году. Стоит заметить, что приводимый на сайте клуба дальневосточников, ратующих за появление новой дальневосточной национальности, перечень значимых региональных исторических событий чётко соотнесён с основными этапами национальной истории, хотя военно-политическая доминанта выражена в нём заметно слабее, чем в презентациях²:

---

¹ См., например: *Ларин В.Л., Тураев В.А.* Этнокультурное пространство Тихоокеанской России: триста лет эволюции. Доступно на: http://www.kscnet.ru/ivs/slsecret/konf_r/sbornik/pdf33.pdf. Последнее посещение 20.01.2011.

² См.: <http://edv.clubdv.ru/index.php>. Последнее посещение 23.01.2011.

Таблица 6

Событийный ряд российской истории XX — XXI вв.

Группа 1	Группа 2	Группа 3
<p>1. Революционные изменения, сформировавшие сегодняшний облик страны: революция 1905–1907 гг. и революция 1917 г.</p> <p>2. Расстрел царской семьи.</p> <p>3. Гражданской война 1918–1920 гг. Дальневосточная республика.</p> <p>4. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.</p> <p>5. Период восстановления после войны.</p> <p>6. Сталин и культ личности Сталина. Сталин — символ государства и СССР, победы.</p> <p>7. Развенчание культа личности. Партийные собрания и ботинок Хрущева в ООН.</p> <p>8. Освоение космоса. Первый спутник. Полет Белки и Стрелки. Полет 12 апреля 1961 г. Юрия Гагарина. Первый человек в космосе — русский человек.</p>	<p>1. Транссибирская железная дорога, 1895 г.</p> <p>2. Русско-японская война 1904–1905 гг. Россия проиграла. Источник проблем с Японией до сих пор.</p> <p>3. Революция 1905–1907 гг. Первый русский парламент (1906) Не было опыта.</p> <p>4. Первая мировая война 1914–1918 гг. Россия, словно 14-летний подросток: война подкосила то, что создано до неё. Вместе с тем был изобретён противогаз, попытка сделать танк.</p> <p>5. Революции 1917 г. (Февраль, Октябрь). Перепутье в развитии страны.</p> <p>6. Расстрел царской семьи.</p> <p>7. Новая экономическая политика 1921–1929 гг. Вкус капитализма в социалистической стране.</p> <p>8. Репрессии 30-х гг. XX века.</p> <p>9. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Россия показала себя могущественным государством. Синдром 1812 года: узнали другую жизнь.</p> <p>10. Арест Л.П. Берии. Амнистия. Критика культа личности.</p>	<p>1. Строительство Транссиба: символ великой большой страны. Героическое явление труда.</p> <p>2. Период революций 1905–1917 гг. Люди столкнулись с первыми явлениями демократического общества. Изменения строя. Оценивать очень сложно. Мы помним только учебники.</p> <p>3. Индустриализация и коллективизация. Эти явления позволили развиваться. Они были необходимы. Большой скачок дал право на жизнь сейчас.</p> <p>4. Репрессии 30-х гг. XX века. Деятельность общества «Мемориал» необходима и это правильно. Нельзя повторять ошибки. Такой ценой творить историю не совсем правильно</p> <p>5. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Победа, героизм. Разгром Квантунской армии. Курильский десант.</p>

Окончание таблицы 6

Группа 1	Группа 2	Группа 3
<p>9. Перестройка, 1985 г. М.С. Горбачев — «первый и последний президент СССР».</p> <p>10. Распад СССР, 1991 г. Разделение на несколько государств.</p> <p>11. Переход на рыночную экономику. «Шоковая терапия» Е. Гайдара, 1992 г.</p> <p>12. Штурм Белого дома, 1993 г.</p> <p>13. Инфляция и последующий дефолт, 1998 г.</p> <p>14. В.В. Путин. Укрепление авторитета России. Сведены в единое символы новой России. Конституция РФ в школе на уроках и толкование цветов флага страны. Принятие нового гимна России со словами.</p> <p>15. Д.А. Медведев. Формирование партии власти. А как дальше?</p>	<p>11. Фестиваль молодежи, 1957 г. Новые веяния. Джинсы.</p> <p>12. Карибский кризис, 1962 г. Холодная война и мирное решение конфликта.</p> <p>13. События в Чехословакии, 1968 г. Диссиденты.</p> <p>14. Афганистан. Аморфное явление — интернациональный долг.</p> <p>15. Матч между СССР и Канадой, 1973 г. Сборная СССР выиграла этот матч.</p> <p>16. Олимпиада-80 в Москве. Спрятали изнанку страны.</p> <p>17. Горбачев. Гласность. Сухой закон.</p> <p>18. Авария на Чернобыльской АЭС, 1986 г.</p> <p>19. Крах СССР, 1991 г. ГКЧП: попытка КПСС удержать власть, демократическая общественность не позволила.</p> <p>20. События у Белого дома, 1993 г.</p> <p>21. Конституция России 1993 года.</p> <p>22. Первая Чеченская война, 1994–1996 гг.</p> <p>23. Дефолт 1998 года.</p> <p>24. Финансовые пирамиды («Хопёр», МММ и т.д.) Население доверчиво.</p> <p>25. Теракт в Беслане 1 сентября 2004 года. Борьба с терроризмом. Усиление спецслужб.</p> <p>26. Рост идей демократии в России с приходом Д. Медведева</p>	<p>6. Освоение космоса.</p> <p>7. БАМ. Постройка Байкало-Амурской магистрали была необходима.</p> <p>8. Распад СССР в 1991 году. «Парад суверенитетов».</p> <p>9. Олимпиада в Сочи 2014. В будущем...</p>

А

Амурская сельскохозяйственная и промышленная выставка

Б

Беспосадочный перелёт из Москвы на Дальний Восток В. Коккинаки

В

Великая Отечественная война на Дальнем Востоке

Волочаевский бой

Вооруженный конфликт у озера Хасан

Восстание минёров Владивостокской крепости (1907)

Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера

Г

Гидрографическая экспедиция Восточного океана

Города-побратимы

Гражданская война в Приморье

Гражданская война в Хабаровске

Гражданская война на Дальнем Востоке

З

Заселение Амура

Золотодобыча Приамурья

К

Карта А.И. Нагаева

Комаровские чтения

Консульства во Владивостоке

Л

Ленд-лиз на Дальнем Востоке

О

Оккупация Северного Сахалина

Ц

Цунами у Северо-Курильска в 1952 году

Ш

Штурм Спасска

Одна группа стержнем национальной идентичности назвала Великую Отечественную войну, и этот выбор совпадает с результатами социологических исследований: в 2007 году 67% населения считали

Победу самым значимым событием в жизни страны, которым граждане России гордятся и сегодня¹. В целом же содержание и логика презентаций были фактически предопределены традиционным учебным планом по истории России. Чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть оглавление любого из учебников не только по истории страны, но по истории её областей. Вот, например, оглавление раздела по истории Приморья в XX веке в учебнике краеведения²:

Приморье в первой четверти XX в.

Приморье в годы русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.

Приморье в годы первой мировой войны и революций 1917 г.

Гражданская война и военная интервенция в Приморье (1918–1922 гг.)

Восстановление экономики в 1920-е гг.

Приморский край во второй четверти XX в.

Индустриализация промышленности. Коллективизация сельского хозяйства

Административно-территориальное деление

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и её роль в жизни Приморья

Социально-экономическое развитие края в 1946–1960 гг.

Приморский край во второй половине XX в.

Население края

Экономика (промышленность, транспорт, сельское хозяйство)

Культура Приморского края (образование, наука, искусство)

Очевидно, что в представления участников Семинара о национально значимых событиях до сих пор, как матрица, встроен идеологический способ подачи исторического материала — идеологический в том смысле, что достойными упоминания признаются лишь те события прошлого, которые влияли на державный статус страны, будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия. Почему так происходит, почему молодые люди, почти все родившиеся после 1991 года

---

¹ Аналитический доклад по результатам исследования «Российская идентичность в социологическом измерении». Раздел 8. Историческое самосознание и национальный менталитет россиян. Москва – 2007. Доступно на: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_8.html. Последнее посещение 18.01.2011.

² Печёнкина В.А. Краеведение. Приморский край. Владивосток, 2005. С. 4. Доступно на: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=40993. Последнее посещение 14.01.2011.

или незадолго до него, попадают в большую или меньшую зависимость от имперской идеологии исчезнувшего государства, в какой-то степени — хотя и не полностью — объяснили они сами, отвечая на вопрос, откуда в их презентациях там много советского.

«Я рождена в СССР».

«До развала СССР нас учили любить страну и гордиться ей, потом появились нелицеприятные моменты истории, и мы начали их стыдиться. А кто-то предпочел забыть».

«Я — не один, мы как связка с баранками, я себя не отделяю».

«У нас в крови понимание себя как части целого».

«Мы формируемся в диалоге с друзьями, родителями, книгами. А если не книги, то это то, что мы слышим, видим».

«Идентичности у каждого поколения разные, но закладываются предыдущим поколением».

Во время обсуждения презентаций прозвучал вопрос: Какая же история нам нужна? Военная или мирная, радужная или горькая, наполняющая гордостью или стыдом? Только белая или только чёрная или, может быть, «полосатая»? В диалоге с немецкими участниками Семинара на этот счёт говорилось разное, были и попытки понять их историческую идентичность, но, если судить по частоте тех или иных ответов, в качестве резюме возобладало всё-таки мнение, что *«русские — не немцы, чтобы отталкиваться от негативных моментов в истории».*

Здесь уместно привести высказывание автора песни «Сделан я в СССР» Олега Газманова. От всей российской эстрады он отличается тем, что претендует на общенациональную популярность, и претензии эти не лишены основания. Так, песня «Офицеры» стала почти обязательной на торжественных собраниях силовиков разного уровня, звучит на концертах в дни их профессиональных праздников, а песня «Москва — золотые купола» — неотъемлемой частью различных праздничных мероприятий, посвящённых столице и России. Газмановские песни воспринимаются «на ура» старшим поколением, но и не отторгаются молодёжью. Они — важная и эффективно воздействующая часть того, что молодые «слышат и видят», что «закладывается предыдущим поколением в их идентичность»; они участвуют в формировании в сознании молодёжи образа страны, представлений молодых об её истории. Слова популярной песни могут сильно повлиять на восприятие исторических событий, в этом меня убеждает собственный преподава-

тельский опыт. Стоило группе «Любэ» спеть про «Екатерину, которая была неправа», потому что отдала Аляску Америке, как абитуриенты, слушавшие эту группу, стали на экзаменах по истории на вопрос: «При каком правителе Россия продала Аляску» отвечать: «При Екатерине Второй» (а не при Александре Втором, как было на самом деле). И когда я спрашивала, почему они так считают, слышала в ответ одно и то же: «Ну, ведь есть такая песня».

Так вот, по словам Газманова, песня «Сделан я в СССР» позволяет ему решить две задачи: воспеть положительные символы и объединить вокруг них аудиторию¹. Дальний Восток в этой песне присутствует, притом именно как часть страны, поэтому, выделив курсивом слова и строки, имеющие к нему отношение, приведём все строфы песни (без припева)²:

Украина и Крым, Беларусь и Молдова —
 Это моя страна.
Сахалин и Камчатка, Уральские горы —
 Это моя страна.
 Красноярский край, Сибирь и Поволжье,
 Казахстан и Кавказ, и Прибалтика тоже.

Рюрики, Романовы, Ленин и Сталин —
 Это моя страна.
 Пушкин, Есенин, Высоцкий, Гагарин —
 Это моя страна.
 Разорённые церкви и новые храмы,
 Красная площадь и *стройка на БАМе*.
 Олимпийское золото, старты, победы —
 Это моя страна.
Жуков, Суворов, комбайны, *торпеды* —
 Это моя страна.
 Олигархи и нищие, мощь и разруха,
 КГБ, МВД и большая наука...

¹ См.: <http://www.florida-rus.com/09-05/freidgeim.htm>. Последнее посещение 12.01.2011.

² Газманов О. Сделан я в СССР. Доступно на: <http://sotsprof.narod.ru/gazmanov.html>. Последнее посещение 11.01.2011.

Глинка, Толстой, Достоевский, Чайковский,
Врубель, Шаляпин, Шагал, Айвазовский,
Нефть и алмазы, золото, газ,
Флот, ВДВ, ВВС и спецназ,
Водка, *укра*, Эрмитаж и ракеты,
Самые красивые женщины планеты,
Шахматы, опера, лучший балет,
Скажите, где есть то, чего у нас нет ?!

Даже Европа объединилась в союз,
Вместе наши предки сражались в бою.
Вместе выиграна Вторая мировая война,
Вместе мы самая большая страна.
Душат границы, без визы нельзя,
Как вам без нас, отзовитесь, друзья!

Безусловно, на содержании презентаций сказались возраст и род занятий участников Семинара. Это проявилось, в частности, в более детальной разметке первой и второй группами истории позднего СССР и постперестроечной России. До 1990-х годов в их презентациях присутствуют и *события* (Карибский кризис, победа в хоккейных матчах), и *вехи* (революции, мировые войны, первый полёт человека в космос) и *этапы* (НЭП, коллективизация, послевоенное восстановление и т.д.) истории. После вехи 1991 года мы видим одни события. Оно и понятно: это время ближе к возрасту участников и их родителей, чем сталинская эпоха, тем более русско-японская война; знание о нём полнее хотя бы потому, что почёрпнуто оно не только из учебников и монографий. Но рискну предположить, что есть и другая причина: в первое постсоветское десятилетие в России стало распространяться мнение о Дальнем Востоке как о требующем больших затрат регионе и потому, несмотря на все его природные богатства, не очень-то нужном¹. Такая смена тональности во внешнем отношении к Дальнему Востоку — с романтической и позитивной на прагматическую и негативную — на самом

---

¹ На уровне «высокой теории» своеобразным отражением этой точки зрения стали квази-историософские спекуляции Игоря Яковенко, предрекающего отпадение от России Сибири и Дальнего Востока и утрату их обитателями российской / русской идентичности. См., например: *Яковенко И. Дезинтеграция РФ: сценарии и перспективы // Отечественные записки, 2002. № 6. С. 126–140.*

Дальнем Востоке сделала советское прошлое в общественных настроениях, наоборот, востребованным и, неизбежно, сильно мифологизированным. Ведь оно, это прошлое, обеспечивало дальневосточнику уважительное, а то и восторженное отношение жителей других регионов, чувство гордости за то, что он здесь проживает и охраняет границы. А к концу нулевых годов чётко обозначилась официальная историческая политика, которая, даже признавая преступления сталинского режима, принципиально реабилитирует весь советский период¹. И в этом — ещё одна немаловажная причина осмысления большей части национального прошлого в виде перечня свидетельств величия советской империи.

Однако это не означает, что имперская история привлекательна для молодежи не только как средство компенсации и обращенный в прошлое идеал, но и на уровне личного жизненного целеполагания и действия. В повседневной жизни дальневосточная молодёжь, как и все молодые жители России, дистанцируется от великих исторических эпох в истории страны. Ими гордятся «на расстоянии», стремления же оказаться в эпицентре вызывающих чувство гордости событий 1940-х — 1970-х годов у россиян, согласно данным социологических исследований, не наблюдается².

* * *

Если определения идентичности, данные участниками в рамках экспресс-опроса, соотнести с вырисовавшимся на Семинаре образом дальневосточника, становится ясно, что наиболее полно этот образ может быть раскрыт с помощью определений, уравнивающих идентичность с отождествлением и самоопределением. Становится также понятным, почему при обсуждении участники так старались развести эти два понятия. Если идентичность — самоопределение, то дальневосточник — человек активный, деятельный, самостоятельно принимающий решения. И миграция из региона / в регион — личное решения каждого, одно из его возможных и легитимных самоопределений. Примечательно, что интернет-клуб, инициировавший в рамках всероссийской пере-

---

¹ Об исторической политике в современной России, а также в Польше, Эстонии, Китае, Германии и Франции см.: Pro et Contra, 2009. № 3–4.

² См.: Аналитический доклад по результатам исследования...

писи акцию по признанию национальности «дальневосточник», не только пытается найти общее этническое измерение для жителей региона, но и стремится помочь им в преодолении сложностей переезда с Дальнего Востока. Самый обширный раздел его форума посвящён проблемам жизни дальневосточника на новом месте. Там можно найти подробное руководство к действию: пошаговые инструкции как и что делать, список документов, необходимых для переезда, бюджет переезда с расчетами поквартальных финансовых затрат на проживание одиночки и семьи в Москве и Санкт-Петербурге в зависимости от варианта съёмного жилья¹.

Дальневосточная идентичность — скорее общерусская / общероссийская, но «с поправкой» на мобильность, активность, повышенную готовность самому решать свои проблемы, не откладывая их в долгий ящик. Это всё довольно гармонично сочетается с подчёркнутым определением себя через Другого и с не менее подчеркнутой уникальностью и эксклюзивностью как места, так и людей. Пожалуй, эти три признака и образуют ядро дальневосточной идентичности. Безусловно, дальневосточники отождествляет себя не только с Россией, но и с Дальним Востоком и, в зависимости от места проживания — с его субрегионами и городами. Но в отличие от их наименований, наименование «Дальний Восток» для его жителя не просто пространственный маркер, а магический символ, мифоконструкция, хотя и ассоциируемая с конкретной территорией.

---

¹ См.: <http://www.clubdv.ru/pereezd/27-dv-pereezd-fin.html>. Последнее посещение 25.01.2011.

Сергей Панарин

**ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:
ДВЕНАДЦАТЬ ТЕЗИСОВ О РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

А.С. Пушкин

В предисловии было обещано, что после того, как читатель сам взглянется в черты дальневосточной идентичности, выразившиеся *на личностном уровне* в текстах и суждениях участников Тренингов, понятие «региональная идентичность» будет разобрано специально. Слово надо держать, и эта статья, не просто заключающая книгу, но и соотно-

сящаяся со всем её содержанием, о чём свидетельствуют абзацы в рамке, — и потому играющая роль послесловия, — претендует на некий вклад в теоретический анализ понятия.

I. Идентичность: определение

Начнём с родового — с *идентичности*. Автор этого понятия — американский учёный датского происхождения Эрик Эриксон. Какое значение он придавал термину, введённому им в научный оборот? Эриксон избегал однозначных определений идентичности, что выражалось не в том, что он совсем её не определял, а в множественности определений. Множественность эта — следствие подхода к идентичности и как к *явлению*, и как к *процессу* развития личности, на каждой стадии которого идентичность меняется.

Среди предложенных участниками Семинара определений идентичности (табл. 1 в статье Надежды Липатовой) при явном преобладании восприятия её в качестве явления есть и такие, для авторов которых идентичность — нечто изменчивое, значит, обладающее характерным признаком процесса. Сильнее всего это понимание проступает в определении, по которому идентичность есть «отождествление себя в какой-либо период времени (курсив мой. — С. П.)». То же понимание пронизывает статью Натальи Воробьёвой: переориентация экономических связей Дальнего Востока на страны АТР может повлечь за собой сдвиги в самоидентификации его жителей.

Значение идентичности как явления Эриксон сводит к трём сущностям¹:

«В одном случае он (термин. — С. П.), казалось, относится к сознательному чувству уникальности индивида, в другом — к бессознательному стремлению к непрерывности жизненного опыта, а в третьем — к солидарности с идеалами группы».

Памятуя о том, что мой предмет — вид идентичности, строящийся вокруг территории, позволю себе перефразировать Эриксона: идентичность — это *самосознание, устремлённое к уникальной целостности во*

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. С. 218.

времени и к разделяемому с другими тождеству в пространстве. Но и из оригинального определения, и из его парафразы вывод один: «идентичность» указывает и на индивидуальное — личность и на коллективное — сообщество. В том числе и на определяемое в пространственных категориях «воображаемое сообщество» — региональное.

В некоторых определениях участников Семинара идентичность индивидуализирована («видение себя», «равенство самому себе»); но преобладают соотнесения с коллективом. Возникает соблазн сделать вывод о русском коллективизме, соборности и иже с ними; но ларчик открывается проще: тема Семинара и материалы к нему *настраивали* участников на то, чтобы первостепенное внимание уделять соотносительному пониманию идентичности. Усиливало внимание к коллективному и то обстоятельство, что большинство заданий выполнялось сообща, в группах. Таким образом, акцент на разделяемой стороне идентичности был всего лишь *ситуационным*, и, хотя из-за него индивидуальные идентичности участников непосредственно на Семинаре не получали подчас адекватного вербального выражения, в их яркости сомнений нет. Более того, всё, что далее интерпретируется как свидетельства нарушения «уникальной целостности» каждого из участников Семинара, говорит не столько о них — неповторимых и в высшей степени симпатичных личностях, — сколько о неосознанном принятии ими коллективных форм идентичности.

II. Идентичность позитивная и негативная

Эриксон настаивал на необходимости полноты идентичности. Что он имел в виду, раскрывалось им с помощью цитат из У. Джеймса и З. Фрейда. Первый считал, что «характер человека проявляется в том его умственном или моральном состоянии, когда в нём наиболее интенсивно и глубоко ощущение собственной активности и жизненной силы»¹. Второй «чувствовал себя свободным от многих предрассудков, ограничивающих интеллект других людей» и был готов «примкнуть к оппозиции, не заручаясь согласием “сплочённого большинства”». В обоих случаях перед нами предстаёт человек независимый, свободно мыслящий и осознанно действующий, обладающий, говоря словами Пушкина, качеством «самостояния» или, в терминологии Эриксона —

¹ Здесь и далее: там же. С. 28–31.

позитивной идентичностью, дающей «субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности».

Негативная идентичность должна быть чем-то противоположным: наделять ощущением не вдохновенным и гордым, а унижающим — ощущением отсутствия целостности или такой «целостностью», которой надо стыдиться. Это, однако, справедливо лишь отчасти. Ибо антиномия заключается не столько в *эмоциональном восприятии* идентичности, сколько в её *содержательной направленности*. Позитивная идентичность — это идентичность *креативная*: предполагает единство жизненной силы и установки на преодоление обстоятельств, препятствующих самореализации. Это преодоление и собственной неуверенности или самоуспокоенности, и общественной косности и мыслительной несвободы. Эриксон добавляет, что «истинный критерий идентичности» — *этическая способность*¹ или способность руководствоваться в поступках и отношениях нравственным чувством. Получается, что антитезой позитивной идентичности выступают установка на покорность обстоятельствам, механическое принятие мнения большинства и его стереотипов восприятия. Я бы приплюсовал сюда подмены: этики — этикетом, поступка — ритуалом, уверенности — самоуверенностью и гордости — гордыней; они тоже признаки идентичности негативной = *некреативной*.

Идентификация человека — это установление тождественности / целостности *в связи с Другими* — с «нами» и с «ними», принятие, в качестве «своей», общности «мы» (идентификация эмоционально позитивная) или «они» (негативная), процесс «опознания» и себя, и среды. Как полагали немецкие этологи, среда (*Umwelt*) явлена человеку и в реальном, современном ему социальном окружении, и в нём самом; и внутренняя среда есть не что иное, как прошлое окружение, пусть миновавшее во времени, изжитое в пространстве, но живущее в представлениях о мире². Отсюда следует, что в идентичности обязательно есть историческая составляющая: память о событиях и переживаниях личной жизни, но также — разделяемые с Другими (как с «нами», так и с «ними») представления / мифы о прошлом, составляющие коллективную историческую память. И здесь опять проступает разграничи-

---

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 31–34.

тельная линия между идентичностью позитивной и негативной. При первой гордость прошлым не исключает резко критического отношения к нему, а мифы, входящие в содержание исторической идентичности, не воспринимаются как безусловная ценность; при второй горделивое прошлое выше раздражающей низменной современности, исторические мифы служат идентичности победными трофеями, символами её «созданности» раз и навсегда. Добавлю: в глубине такого восприятия прошлого, наделяющего его чертами вечности, кроется страх перед небытиём, в том числе перед небытиём коллективным, в пределе — видовым. Увековечивая неколебимый образ прошлого, мы подсознательно надеемся продлиться в будущем — хотя бы в качестве перегнутой истории, глины, из которой будет слеплен винный кувшин для нового Хайяма... Словно и не прозвучали два века назад беспощадно развеивающие эту иллюзию слова человека позитивной идентичности, сказанные им перед лицом смерти¹:

«Река времён в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдет судьбы».

В историческое основание идентичности современных немцев — в том виде, в каком она представлена в статье Ульрике Хун, — положено осуждение нацизма с необходимой для этого предпосылкой — признанием вины за прошлое. По параметру *осознанного преодоления* она — идентичность позитивная. Историческая матрица российской идентичности, явленная нам в групповых презентациях участников Семинара (см. табл. 6 в статье Надежды Липатовой) — иного рода. В ней мы видим только героические свершения; а если какие-то беды в ней и присутствуют, то выглядят они как навлечённые на не повинный ни в чём народ кознями врагов

---

¹ Г. Державин. «Река времён в своем стремленьи...» // Русская поэзия XVIII века / Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 63. М.: ГИХЛ, 1972. С. 643–644.

или злодействами правителей. Думаю, что такой исторический компонент идентичности надо признать сугубо комплиментарным, потому не созидательным и в этом смысле преимущественно негативным. Хотя он и наделяет позитивными *компенсаторными* эмоциями, те, однако, не «будируют» сознание, а усыпляют его.

III. Идентичность: молодёжь, идеология и политика

Молодёжь испытывает «универсальную психологическую потребность в системе идей, дающих убедительную картину мира». Реализует функцию предоставления молодому человеку «историко-географического образа мира как каркаса для будущей идентичности» *идеология*¹. Для этого она мобилизует те составляющие исторической памяти общества, что не противоречат задаче идеологического упрощения мира. Не говорю даже об «изобретении традиции»² и утверждении «прав на первородство»³ — чтобы творить историческую память заново, идеологии достаточно постоянно апеллировать к одним составляющим этой памяти и предавать забвению другие. Инструментом же идеологизирующей мобилизации прошлого служит так называемая «политики памяти» или «историческая политика» государства. В кризисные периоды она выводит этиологию современных проблем из прошлого и может делать это с упором на критику и логику, на познание и объяснение с их помощью прошлого. Однако, как показывают первые опыты сравни-

---

¹ Эриксон Э. Указ. соч. С. 199, 40, 197.

² Имеется в виду процесс созидания в настоящем вещей, идей и институтов, приписываемых наследию прошлого. Непревзойдённым образчиком анализа этого феномена остаётся одноименная книга. См.: *Hobsbaum, Eric and Terence, Ranger* (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge e.a.: Cambridge Univ. Press, 1983.

³ То есть на превосходства того или иного народа по причине его исключительной древности, прошлого величия, культурных подвигов и т.п. Опусам такого рода на постсоветском пространстве воистину несть числа; их разбору посвящено уже немало работ, см., например: *Shnirelman, Victor A.* *The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia* / *Senri Ethnological Studies* no. 57. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001; *Горак Славомир.* Мифы Великого Туркменбаши // *Вестник Евразии*, 2005. № 2 (28). С. 105–132; *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / Под ред. Аймермахера К., Бордюгова Г. М.: АИРО-XX, 1999.

тельного анализа исторической политики в разных странах¹, чаще утверждается иная стратегия — побуждение «силой исторического примера» и «поэтикой мифа» к некритическому, эмоциональному принятию того, что с точки зрения мобилизующих *должно быть* принято. На первый взгляд, в странах, испытывающих кризис национальной идентичности, и такая политика лучше, чем никакая; но не обернётся ли её нынешний терапевтический эффект ещё более сильной национальной шизофренией в будущем?

В России, где историческая политика делает первые шаги, рано говорить о её воздействии на умы. Но не стоит забывать, что ей предшествовало и сопутствует. Это и учащающиеся окрики в адрес «хулителей» славной отечественной истории. И спекуляции сторонников цивилизационного подхода, которые, презирая скучную земную эмпирику, в горние выси теории воспаряют не хуже корифеев отринутого формационного подхода. И столетней давности органицистские объяснения истории, с лёгкой руки Льва Гумилёва сделавшиеся у нас вновь популярными. И геополитические штудии, в которых убеждённость во всепобеждающей силе пространственных «осей», «коридоров» и «месторазвитий» вполне уживается с уверенностью в могуществе «мировой закулисы». И бесщётные этногенетические фантазии, все сводящиеся к объявлению этнических собратьев авторов прямыми родственниками шумеров, этрусков, парфян и индейцев майя. И громадный поток легковесного пустословия на исторические темы *a la* Радзинский. На таком фоне редукционизм советского образца, отличающий упомянутые выше презентации Семинара, лучше хотя бы тем, что обходится без «пассионариев», «жидомасонов», «гиперборея» и других экзотических демиургов исторического процесса.

Цель исторической политики — внедрение в общественное сознание некоей версии определённой отрасли знания — истории. Но, как нацеленная прежде всего на молодёжь, она, будучи *идеологической* и *отраслевой*, должна ещё стать политикой *социальной*. И не просто смыкаться с молодёжной политикой, а избавиться от слабостей последней.

Молодёжная политика на Дальнем Востоке специально рассматривается Михаилом Бляхером, Анастасия Карловская касается

¹ См.: Pro et Contra, 2009. № 3–4. Историческая политика.

её в своей статье как одного из факторов формирования гражданского общества, а Ирина Новикова в своей — как потенциального блокиратора миграционного оттока молодых. Три текста, каждый по-своему, позволяют увидеть *субрегиональные* особенности Хабаровска и Амурской области. Одни из этих особенностей могли бы сыграть на руку и субъектам, и объектам молодёжной политики: помочь в Хабаровске сблизить официальные молодёжные организации и сетевую молодёжь, а в Благовещенске — усилить участие молодых в институтах гражданского общества. Отрицательный эффект других, например, узости сферы занятости для молодых, мог бы ослабляться более эффективно опять-таки при максимальном учёте *социальной* субрегиональной специфики. А она, судя по статьям, игнорируется и органами работы с молодёжью, и институтами гражданского общества, и вузами, и властью. Лица и институты, ответственные за историческую политику, не достигнут своих целей, если так же будет пренебрегать всем региональным, как и те, кто сейчас отвечает за молодёжную политику и за содержание учебников истории, в частности, если Дальний Восток будет так же скудно представлен в исторической памяти его жителей, как сейчас.

IV. Региональная идентичность: определение

Переходя к региональной идентичности, начнём с некоторых недавних определений. Вот определение Г.С. Корепанова — с выраженным аксиологическим уклоном¹:

«Провинциальная (региональная) идентичность — это переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности “своей” локальной общности, формирующие практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы».

С моей точки зрения, оно преувеличивает смыслообразующее значение региональной идентичности, степень её осознанности. К тому же непонятно, что подразумевается под «*практическим* чувством региональной принадлежности».

---

¹ Корепанов Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социально-экономический подходы // Известия Уральского государственного университета, 2009. № 3 (36). С. 277. Доступно на: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_\\$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a29&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a29&doc=../content.jsp). Последнее посещение 05.01.2011.

Но главная претензия к определению Корепанова — в другом: в нём ставится знак равенства между идентичностями провинциальной и региональной, чего, как показала Наталья Дидковская, делать нельзя. Пусть определения «провинциальное» и «региональное» часто используются в одном контексте и потому оказываются «рядом», концептуально они так же разделены, как Северный и Южный полюс. Провинциальное всегда подразумевает сравнение со столичным — региональное воспринимается и без такого сравнения. Когда я, москвич, в разговоре с жителями Вологды, Курска, Хабаровска и т.д. употребляю слово «провинция», я всегда оговариваюсь, что использую его для обозначения пространства, а не для оценки жизни или культуры за пределами «столичного региона». Когда же качественная оценка сквозит в определении «региональное», относится она не к обобщающей категории, а к точно обозначенной территории. Возможно возникновение и таких представлений о регионе, которые делают его наименование символом какого-то качества. Юлия Файзрахманова собрала впечатляющие примеры такой трансформации топонима «Камчатка» во Франции. Но и в этом случае символизации подвергся вполне конкретный локус.

Приведу ещё определения Л.В. Смирнягина и А.А. Гончарика. Первый называет региональной идентичностью «представление о некоем ареале, на который распространяются социальные связи респондента»¹, второй — «социально разделяемые представления о границах сообщества, критериях принадлежности, которые формируют автостереотипы во времени и пространстве»². В отличие от Корепанова, оба ограничиваются указанием на *пространственное* восприятие региональной идентичности её носителями — на представление о границе,

---

¹ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Рос. ассоциация междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / Под ред. И.М. Бусыгиной. С. 96. Доступно на: <http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t2-smirnyagin.pdf>. Последнее посещение 16.01.2011. С. 98.

² Гончарик А.А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности. Доступно на: <http://scipeople.ru/uploads/materials/819/2010-goncharik-imemo-regional-identity-report.pfd>. Последнее посещение 05.01.2011.

не наделяя его универсальным содержанием. При этом первый считает необходимым подчеркнуть, что *объединяет* людей в регионе (социальные связи), второй — что *отделяет* их от других регионов (автостереотипы).

Анализ материалов Камчатских тренингов вызывает сомнения во всеобщей применимости обоих акцентов. Из статьи Н. Липатовой видно, что благодаря *виртуальным* социальным связям общность по идентичности объединяет живущих в регионе не только друг с другом, но и с теми, кто в нём жил раньше. А из статьи Ю. Файзрахмановой — что в случае Камчатки и некоторых из тех, кто не жил и не живёт в краю вулканов постоянно, а лишь периодически приезжает. Тот же камчатский опыт позволяет Светлане Кондрашенковой и Ольги Ширяевой представить убедительные аргументы в пользу гипотезы, что «подпирающие» региональную идентичность социальные связи могут быть опосредованы более глубоким основанием камчатского сообщества — разделяемыми особенностями психики. С другой стороны, не говоря уже о том, что немалая часть нынешних автостереотипов дальневосточников пришла к ним из-за пределов региона, далеко не всегда местный житель с их помощью может отделить себя, скажем, от жителя соседней Сибири.

Что же при определении региональной идентичности следует признать *sine qua non* — *предельным* признаком, с устранением которого исчезает само понятие и который может быть обнаружен в каждом частном случае, как бы те ни различались в остальном? По физико-географическим условиям регионы чрезвычайно разнообразны: и в одной природной зоне ландшафтно-климатические различия бывают значительными, что уж говорить о различиях между зонами. На это налагаются несходства социальные и культурные, расовые, этнические, лингвистические, своеобразные черты общественных установлений, исторического опыта и наследия народов и социальных групп внутри одного народа. Справедливо, что самый распространённый критерий — это специфика ценностей, норм и форм поведения населения того или иного региона¹; но и он не может считаться уни-

¹ См.: Киттинг, Майкл. Новый регионализм в Западной Европе // Логос, 2003. № 6 (40). С. 92–101. Доступно на: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/40/07.pdf>. Последнее посещение 11.01.2011.

версальным¹, ибо справедливо и другое: «своеобразие ценностей не является необходимым условием для того, чтобы регион выработал собственную идентичность»².

С учётом сказанного предлагается такое определение региональной идентичности: *идентичность, предельным признаком которой является соотношение себя индивидом и/или коллективом с уровнем локализации реального и/или воображаемого сообщества в физическом пространстве, не совпадающим с национальным и глобальным уровнями.*

У. Идентичность: пространственные уровни

Хотя основное значение латинского *locus* — это место (жительства, по значению, как пост, по происхождению, по порядку)³, в своём определении региональной идентичности я акцентировал соотношение именно с пространством, чтобы отделить региональную идентичность от этнической. Та тоже может указывать на пространство, раз большинство этносов обладает компактными ареалами; но *sine qua non* при отождествлении по этническому признаку выступает не территория, а культура. Ещё дальше в моём определении региональная идентичность «разведена» с идентичностью национальной (россиянин, американец, индеец) и глобальной (землянин, гражданин мира, космополит). Открытым остался вопрос о разграничении с иными территориальными локализациями.

Анси Пааси выделяет четыре уровня трансформации пространства: локальный, региональный, национальный и глобальный⁴. Майкл

---

¹ Об этом говорилось при разборе определения Корепанова. Добавлю, что в определённых историко-географических обстоятельствах культурная специфика временно подавляется спецификой чисто экономического по своей природе фактора *staple* — продукта, на производство которого завязана вся жизнедеятельность в регионе. См.: *Roberts B. Cities of Peasants: The Political Economy of Urbanization in the Third World. London, 1978.* В пример можно привести производство серебра в Горном Перу (нынешняя Боливия) в XVI–XVII веках или производство хлопка в советской Средней Азии.

² *Кутинг, Майкл.* Указ. соч. С. 97.

³ *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. Изд. 11-е, стереотипное. СПб. и др.: Лань, 2003. С. 322.

⁴ *Paasi, Anssi.* Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester e.a.: John Wiley & Sons, 1996. P. 37.

Китинг говорит о шести уровнях территорий как социальных систем: глобальном, континентальном, государственном, региональном, местном и соседском¹. Смирнягин к региональной относит любую идентичность «ниже» национальной; правда, при этом упоминает о таком её свойстве, как «многоэтажность» и иерархичность². Петров, разбирая структуру идентичности, пишет³:

«...При том, что территориальная идентичность имеет релятивистскую природу, представляется, тем не менее, возможным соотнести 5 основных структурных её уровней (локальный, субрегиональный, региональный, макро-региональный, общенациональный), построить пирамиду территориальной идентичности и выявить степень привязанности идентичности на региональном уровне к административным регионам — субъектам федерации».

В предложенной Петровым иерархии идентичностей по размерности и статусу территорий, с которыми осуществляется идентификация, региональный уровень — это субъект федерации, макрорегиональный — это федеральный округ или экономический район. Как было оговорено во вступлении, в нашей книге макрорегиону эквивалентен регион. Остаётся уточнить, с какими территориями можно на Дальнем Востоке отождествить два других выделяемых Петровым уровня — субрегиональный и локальный.

Даже в давно освоенной европейской части России непросто выделить территориальные сообщества, которые, не совпадая с областями и республиками, обладали бы при этом выраженной идентичностью. Ещё сложнее это сделать на Дальнем Востоке, где история освоения наиболее заселённых территорий насчитывает всего 150 лет.

Поэтому здесь оптимальным представляется четырёхступенчатое членение идентичности: национальный уровень = Россия → региональный = Дальний Восток → субрегиональный = субъект федерации → локальный = конкретное поселение. И надо иметь в виду, что граница

---

¹ Китинг, Майкл. Указ. соч. С. 74.

² Смирнягин Л.В. Указ. соч. С. 96, 104–106.

³ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. С. 1. Доступно на: [www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering... Petrov.pdf](http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering...Petrov.pdf). Последнее посещение 07.01.2011.

между третьим и четвёртым уровнями может быть размыта. Ведь в пяти из восьми субрегионов Дальнего Востока (табл. 1) преобладает городское население; и всюду, кроме Приамурья и Приморья, поселенческая структура моноцентричная: субрегиональные столицы настолько доминируют над управляемой территорией, что трудно ожидать развития локальных идентичностей, ощутимо отличающихся от «столичной».

Таблица 1

**Население городов* Дальнего Востока
и субрегиональных столиц на 1.01.2009¹**

Субрегион	Всё население, тыс. чел.	Все население городов:		Население столиц, тыс. чел.	Население столиц по отношению к (%:)	
		тыс. чел.	%		всему населению	населению городов
Магаданская обл.	163,0	105,0	64,4	99,0	60,7	94,3
Еврейская АО	184,4	86,1	46,7	75,5	40,9	88,0
Камчатский край	343,5	258,6	75,3	194,1	56,5	75,1
Хабаровский край	1 401,9	983,8	70,2	579,2	41,3	58,9
Чукотский АО	49,5	21,9	44,2	11,8	23,8	50,6
Сахалинская обл.	514,5	367,0	71,3	174,7	34,0	47,6
Амурская обл.	864,5	465,2	53,8	206,7	23,9	44,4
Приморский край	1 988,0	1 314,9	66,1	578,6	29,1	44,0

*Посёлки городского типа не включены.

В материалах Семинара есть исключения из этого гипотетического правила, тем более любопытные, что относятся они к Камчатскому краю, где $\frac{3}{4}$ всего населения живёт в городах и $\frac{3}{4}$ этих трёх четвертей — в столице. Статья Алиной Кирилловой о городе Елизово — яркий образчик местного патриотизма. О наличии у неё активной локальной идентичности свидетельствовала и позиция, занятая на круглом столе «Где родился, там и сочился? За и против». С дру-

¹ Составлено и подсчитано по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2009. Стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 339, 343, 347, 351, 359, 359, 363, 367.

гой стороны, все остальные представители КамГУ писали и говорили о Камчатке в целом, а не о городе, в котором живут. Краевая столица «выпала» и из статьи Анастасии Ерохиной, Татьяны Захарченко и Евгении Нилюк. Видимо, природная составляющая субрегиональной идентичности здесь столь сильна, что не даёт развиться и/или выразиться локальной идентичности горожанина¹.

VII. Идентичность модульная и регионоцентричная

Различие между позитивной и негативной идентичностью распространяется и на идентичность региональную. Михаил Крылов дал ей определение, целиком замыкающее внимание на её положительной стороне. В его интерпретации региональная идентичность очень близка позитивной идентичности Эриксона²:

«Региональная идентичность — “это воля к жизни и развитию на данной территории”, но никак не “стратегия Обломова”. Если энергия — это способность совершать работу, то идентичность — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности» (курсив везде автора. — С. П.).

Почти двести лет назад Пушкин провозгласил неразрывную связь «любви к отеческим гробам» и «родному пепелищу» с «величием человека». Некоторые современные американские исследователи убеждены в «сугубо позитивной закваске» региональной идентичности, поскольку идентичность эта основывается «на особо тёплом чувстве к месту

---

¹ Что жители Петропавловска-Камчатского, в отличие от жителей Владивостока, Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Благовещенска, соотносят себя скорее с полуостровом в целом, чем с городом, подтверждается и такими высказываниями в Сети: *«Петропавловск — это не город. Это поселок городского типа. Если ваши умения и навыки хотя бы немного выходят за границы копать — строить — чинить — продавать, то вы просто не найдете им применения здесь»*. См.: Вернешься ли ты жить на Камчатку? Да или нет и почему? Доступно на: http://vkontakte.ru/topic-6013_476920. Последнее посещение 28.02.2011.

² Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос, 2005. № 1 (46). С. 276. Доступно на: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/11.pdf>. Последнее посещение 15.01.2011.

обитания, на памяти о его красотах, удобстве и достоинствах (пусть даже порой вымышленных)». Они считают, что региональная идентичность может служить лекарством против разных видов межгруппового отчуждения, фобий типа расизма¹. По существу, предложен тезис о том, что виды идентичности могут различаться между собой по *потенциалу отношения к Другому*, и по этому параметру региональная идентичность оценивается как в большей степени позитивная, чем негативная.

Представляется, что тезис о «сугубо позитивной закваске» всё же нуждается в детализации. Что хорошо на одном уровне идентичности, может оказаться препятствием позитивных изменений на другом. На примере Северо-Западного федерального округа России удалось проследить две различных реакции на попытки властной вертикали добиться большей интеграции входящих в него субъектов федерации. Интеграция требовала не вытеснения субрегиональной идентичности (областной уровень) региональной (окружной), а лишь дополнения первой второй. Где-то такое дополнение происходило, где-то — нет; соответственно, не противившуюся интеграции более гибкую субрегиональную идентичность авторы исследования назвали *модульной*, а ту, что, замыкаясь в себе, новой территориальной составляющей не принимала, — *регионоцентричной*².

В крайнем варианте регионоцентричная идентичность мутирует в идентичность *исключающую*. Вот популярный и почти официальный слоган: «Если есть на свете рай, это Краснодарский край!» Поскольку рай — высшее, не всем доступное благо и может быть только один, слоган акцентирует превосходство, исключаящее Другого. Он отражает специфическую кубанскую ситуацию отторжения «чужаков». Их неприятию способствует антимигрантская политика региональных властей³; но её воздействие не стало бы столь ощутимым, не будь

---

¹ В изложении Смирнягина. См.: Смирнягин Л.В. Указ. соч. С. 96.

² См.: Ноженко М., Белокурова Е. Региональная идентичность на российском Северо-Западе в контексте межрегиональной интеграции // В поисках России. серия публикаций к дискуссии об идентичности / Под общей ред. Пера Тешендорфа, Елены Белокуровой, Марии Унрау. СПб.: Интерсоцис, 2008. Т. 1. Северо-Запад Рос-сии — Санкт-Петербург. С. 45–63.

³ О высоком уровне ксенофобии в Краснодарском крае и о политике региональных властей, фактически этот уровень поддерживающей, написано и сказано немало — и в СМИ, и в научной литературе. Поэтому ограничусь ссылкой

в идентичности жителей Кубани *гипертрофированного* представления об исключительности их края. Что доказывает: тёплые чувства к малой родине ещё не гарантируют социальным проявлениям региональной идентичности позитивную направленность. Необходимо усвоение представления об автономной, не зависящей от места, ценности человека; лишь соединившись с ним, региональная идентичность справится с искусом ксенофобии.

В устных выступлениях участников Тренингов не было и намёка на подобную исключительность. Оставаясь в том, что касается национальной идентичности, под сильным влиянием советского учебника истории, при переносе внимания на региональный уровень самоидентификации никто не обнаружил воинствующего местечкового патриотизма. То же можно сказать и об их текстах; даже в тех из них, где определённно сквозит пристрастное отношение к «своему» локусу — как, например, в совместном эссе трёх студенток о Камчатке или в ярком эссе Елены Ли о Хабаровске — к ним ни на гран не примешивается стремления к самоутверждению за счёт Другого.

VIII. Идентичность автохтонная и иммиграционная

Реальное разнообразие путей формирования региональной идентичности можно свести к двум идеальным моделям: *автохтонной* или *коммунальной* и *иммиграционной* или *колониальной (колонистской)*. При второй модели идентичность формируется в естественном, лишь начинающем обретать историю природном окружении, при первой — в окружении уже историческом, насыщенном унаследованными элементами искусственной среды. Яркое воплощение первой модели даёт Италия (поэтому её можно назвать итальянской), второй — США (американской). Сообщества, формировавшиеся по американской модели (например, население Аргентины), более протяжённой в пространстве

только на одну работу, интересную, во-первых, наличием в ней сравнения ситуации на Кубани с ситуацией в соседнем Ставрополье, во-вторых, тем, что автор — иностранец, так что в данном случае мы имеем «взгляд со стороны». См.: *Лайт, Мэттью*. Мигрант — регион — федерация: миграционная политика в Краснодарском и Ставропольском краях // Вестник Евразии. 2008. № 4 (42). С. 177–204.

и менее — во времени, склонны соотносить себя скорее с ландшафтом, чем с Другим. «Идентичности народа итальянской модели (малое пространство, длительная временная протяжённость), напротив, с большей степенью вероятности формируются тем, как их самость отражается в глазах других»¹.

Двум моделям соответствуют два несхожих типа идентичности. Различие между ними хорошо передаётся с помощью метафоры. Автохтонный тип — словно старое, но обильно плодоносящее дерево, возвращаемое терпеливым садовником на одном месте — в одной городской коммуне с её сельской округой. Ограниченность места и его «неподвижность» в пространстве, то есть преемственность из поколения в поколение в качестве самосознающей культурной единицы — условия, определяющие «вкус плода» или отличие каждой области Италии от остальных. Оно до сих пор сохраняется на базовом уровне культуры — в языке. Накануне объединения итальянским литературным языком пользовались всего 2,5% жителей полуострова². Ещё в середине 1950-х годов правильно говорить на нём могли не более 12% населения страны. В наши дни к диалектам прибегает треть жителей Италии³.

Иммиграционный тип — это урожай, собранный с необъятных просторов девственной земли. Пусть потом целина превращается в культурный слой, а потомки распахавшего её brutального колониста — в невротиков постиндустриального общества, дистанция между ними и предком-пионером исторически слишком коротка, чтобы культура утратила глубокий отпечаток, оставленный опытом освоения. Сохраняется и производное от этого опыта, заложенное в основание колонистской идентичности ощущение неограниченных возможностей, мироустроительной миссии. И хотя за время, прошедшее после появления знаменитой работы Фредерика Тёрнера, в которой американский *self-made man*, американские ценности и политическая система были

---

¹ Romanucci-Ross, Lola. Matrices of an Italian Identity // Lola Romanucci-Ross, George A. De Vos (eds.). Ethnic Udentity: Creation, Conflict, and Accomodation, 3rd edition. Walnut Cruk e.a.: Altamira Press, 1995. P. 76.

² Hobsbaum E.J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. New and Revised Edition. Cambridge (UK) e.a.: Canto, 1994. P. 37–38.

³ Китинг, Майкл. Указ. соч. С. 91.

поставлены в систематическую связь с феноменами подвижной границы и освоения дикого пространства, связь эта уже не толкуется прямолинейно, мало кто оспаривает её как таковую¹.

Оставим в стороне коммунальный тип, не применимый к Дальнему Востоку, и сосредоточимся на более близком этому региону колониистском типе. Удаётся ли дальневосточникам совмещать, говоря словами Эриксона, «старый образ обособленных просторов с новым представлением о взрывоопасной близости к остальному миру»² — миру глобализация и всемирной паутины, постмодернизма и терроризма, новых пандемий и нарастающей иммиграции с Юга, в сообществах Севера всё чаще воспринимаемой как угроза идентичности? Как на всё это реагирует региональная идентичность колониистского типа? Ответ могут дать межрегиональные социологические исследования. В фокус одного из них, проведённого, правда, уже довольно давно, в 1995–1996 годах, попал, наряду с Москвой и Югом России, Приморский край. По его результатам Н.М. Давыдова пришла к выводу, что на Дальнем Востоке в рамках иммиграционной модели сформировалось «достаточно своеобразное и притязательное по исповедуемым ценностям и избираемым парадигмам поведения население» с выраженной прагматической ориентацией этих ценностей³.

Соглашаясь с Давыдовой в целом, хотел бы уточнить детали. Регион не столько вырабатывал тип прагматика, сколько собирал со всей страны тех, кто ехал в него не «за туманом», а за деньгами. Хотя по природным и социальным условиям труда деньги эти доставались нелегко, Дальний Восток был пространством *оплаченного риска* и *относительного благополучия*. То и другое во многом обеспечивалось льготами от государства: «подъёмными», «северными», продолжительными отпусками и т.п. При явно колониистском типе идентичности, изначально здесь установившемся, Дальний Восток не стал аналогом Дикого

---

¹ См.: Панарина Д.С. Фронтير как один из факторов и мифов американской истории // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 4. С. 80–88.

² Эриксон Э. Указ. соч. С. 78.

³ См.: Давыдова Н.М. Региональная специфика сознания россиян // Общественные науки и современность, 1997. № 4. С. 23. Доступно на: <http://es.ecsocman.edu.ru/data/172/222/1218/003Davydova.pdf>. Последнее посещение 04.01.2011.

Запада, поскольку главной силой в освоении региона было всё-таки государство. В отличие от американцев, российские «колонисты» были вписаны в безальтернативную систему отношений «патрон–клиент» с патроном государством и клиентом — пришлым (затем и коренным) населением. Социальный тип человека самоответственного и способного к солидарности для защиты общих интересов здесь, при внешнем сходстве с США, вырабатывался слабо, привязка идентичности к власти была не меньше, если не больше, чем в других регионах СССР.

В этом кроется одна из причин хорошо показанного в статье Надежды Цой противоречивого отношения дальневосточников к миграционной волне из Китая и Средней Азии, после распада СССР прихлынувшей в регион. С одной стороны, его жители, в подавляющем большинстве сами мигранты в первом, втором и третьем поколениях, не проявляют той нетерпимости к «чужакам», с которой последние нередко могут столкнуться в том же Краснодарском крае или в Москве. С другой, они воспринимают выходцев из Таджикистана, Узбекистана и Китая как потенциальную угрозу собственной безопасности. В первую очередь такое восприятие объясняется этнокультурными отличиями недавних пришельцев в регион; но ощущение угрозы возникает и потому, что есть понимание: в деле обеспечения безопасности надежда на привычного патрона, государство, теперь плоха, в то же время навыка совместно и собственными силами обеспечивать свою безопасность у большинства нет.

Х. Индикаторы и маркеры региональной идентичности

Вообще говоря, чтобы понять, наличествует ли в данном регионе собственная идентичность и насколько она сильна, надо ответить на три вопроса: осознаётся ли регион его жителями как пространство выделенное и маркированное; вызывает ли это осознание эмоциональную реакцию; используются ли осознание и реакция для солидарного действия, направленного на достижение замыкающихся на регион целей?¹ А чтобы не сомневаться в ответе, полезно «прощупать» региональную идентичность с помощью более частных, однако к местной специфике не сводимых индикаторов наличия особой идентичности на данном

¹ Китинг, Майкл. Указ. соч. С. 93.

пространстве. Для России детальная номенклатура символов и практик, показывающих наличие региональной идентичности хотя бы в зародышевой форме, разработана географами¹. Если выделенные ими символы и практики систематизировать, а затем интерпретировать с точки зрения их функциональной значимости, получится следующая совокупность индикаторов.

Индикатор первый: возрождение / изобретение / утверждение неформальных непейоративных региональных имён и метафорических обозначений. Пример — Карелия = «озёрный край», «край лесов и озёр». Здесь мы имеем дело с дискурсивной практикой, формирующий целостный образ региона, его естественный в своей первичности, природности и потому максимально широко приемлемый номинативный символ, на который в дальнейшем как бы нанизываются все прочие «метки» регионального патриотизма².

Индикатор второй: возвращение в региональную топонимику досоветских исторических названий, пример — Тверь вместо Калинина. Либо сохранение названий советских, пример — Киров, а не Вятка. То и другое — явления одного порядка, соотнесение с отрезками исторического времени, в самих актах соотнесения получающего символическое значение.

Индикатор третий: разработка имиджа города / региона. Цель — поднятие статуса через обретение некоего славного качества, то ли «исконно» своего, но забытого, то ли впервые обретенного. Достигается это по-разному. Во-первых, посредством воскрешения «лестных» метафор: Нижний Новгород — карман России. Во-вторых, посредством ассоциативного отождествления с другими прославленными местами: Иваново — русский Манчестер. В-третьих, с помощью недостаточно подкрепляемого реальностью наделения региональной столицы надрегиональным аспектом столичности. В качестве примера можно привести надпись «Ульяновск — авиационная столица России», украшающую

---

¹ См.: *Петров Н.* Формирование региональной идентичности в регионах России...; *Туровский Р.Ф.* Региональная идентичность в современной России. Доступно на: <http://www.bastion.ru/files/eb/REGIDENT.DOC>. Последнее посещение 08.01.2011.

² Подробнее см.: *Цумарова Е.* Образ Карелии: соотношение главных составляющих // *Вестник Евразии*, 2006. № 2 (32). С. 154–170.

оба местных аэропорта¹. Ну, а действуя по принципу «смелость города берёт», можно приписать своему локусу превосходную степень, вовсе не соотносясь с реальностью. Пример — надпись «Чердаклы — жемчужина России» (илл. 1) на въезде в райцентр Ульяновской области — посёлок ухоженный, но ни в ландшафтном, ни в архитектурном отношении не примечательный.

Илл. 1. Слоган на въезде в пгт Чердаклы.
(Источник: <http://masmax.livejournal.com/21716.html>)

Индикатор четвёртый: утверждение в СМИ, в рекламе, в памятниках и т.д. имплицитно (по рождению) или эксплицитно (по пребыванию в годы становления) «органической» связи с регионом «гения места» — писателя, художника, режиссёра, полководца и т.п. Через «породнение» с культурным героем город / регион «присваивает» часть национального культурного наследия, в смягчённой форме реализуется

¹ При том, что по количеству обслуживаемых пассажирских рейсов эти аэропорты не входят в число даже региональных (Поволжье) лидеров.

всё та же претензия на культурное первородство. Яркий пример — подчёркивание связи Андрея Тарковского с городом Юрьевцем¹.

Пятый индикатор: опять «присваивающее» использование символов, авторитетных и за пределами регионов, в которых они находятся, даже общенациональных по своему историческому или эстетическому значению. Пример — установление неразрывной локализирующей связи между Новгородом Великим и памятником тысячелетия России.

Шестой индикатор: принятие официальной региональной символики в виде флага, герба и гимна. Изначально это было характерно для республик, таким образом укреплявших претензии на полную суверенность титульных наций, затем эпидемия символизации распространилась и на области и края, где местная власть с помощью подобной имитации государственности рассчитывала поднять статус региона (а с ним и свой).

Седьмой индикатор: празднование хотя бы одним нулем круглых «сколькотолетий» знаменитых уроженцев регионов, их столиц либо других в них находящихся населённых пунктов или даже самих регионов. Это ярко выраженное ритуальное действо, при *многoletии* города утверждающее представление о его культурном первородстве (1000-летие Казани) или о его сопоставимости с национально значимыми центрами (1000-летие Ярославля). Либо об исторической «приобщённости» города / региона к ядру национальной государственности и культуры (300-летие вхождения Камчатки в состав России).

Восьмой индикатор: поддержка местной властью, бизнесом и болельщиками региональных спортивных команд. В их названиях обычно присутствует прямое указание на регион, примеры — грозненский футбольный клуб «Терек» или казанский «Ак-Барс»². Так апелляция

---

¹ См. в этой связи: *Замятин Д., Замятина Н.* Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии, 2007. № 1 (35). С. 62–86.

² Первое из этих названий даёт не совсем чёткую привязку с помощью гидронима (Терек протекает не только по Чечне), второе — более адресное, поскольку, как отметил Н. Петров (*Петров Н.* Указ. соч. С. 13), в нём обыгрывается геральдический символ Татарстана. Другое дело, что адрес этот для «внутреннего потребления», так как живущие за пределами Татарстана в массе своей незнакомы с его геральдикой. В Казахстане снежный (белый) барс тоже национальный символ, так что название казанской команды уязвимо и в этом отношении.

к местному патриотизму институционализируется, а в болельщицких практиках повторяется суггестивная консолидация местного сообщества на основе этого патриотизма.

Индикатор девятый: появление таких особых, культурных и товарных, «визитных карточек» регионов, которым предопределено стать продуктами массового потребления. Это, например, песни о городе / крае типа «Подмосковных вечеров». Но это также и наименования более «низменных», зато популярных продуктов. В первую очередь тут вспоминаются многочисленные сорта производимых в регионах водок: на их этикетках так или иначе отражена региональная историческая, социальная, природная специфика¹. Те и другие — действительно «визитки»: первые часто поют и цитируют, вторые, подобно настоящим визитным карточкам, преподносят друзьям в других регионах и просто приезжим. Здесь апелляция, аналогичная предыдущей, — с той разницей, что в первом случае призыв к региональной солидарности впечатывается в сознание посредством эмоционального воздействия, во втором — через более заурядные, но не менее любимые потребительские практики.

Наряду с общими для разных регионов индикаторами возможно выделение сугубо специфических, то есть, как минимум, в данном сочетании нигде не повторяющихся маркеров территории, осознанно или неосознанно расставляемых её жителями. Здесь — самый широкий простор для субъективных интерпретаций; тем не менее, Надежде Цой в своей статье удалось, как представляется, действительно отыскать такие маркеры для Владивостока. Напомню их: 1) неформальная столица Дальнего Востока, 2) столица Приморского края, 3) территория временщиков, 4) край России, 5) город Воды и 5) город японских машин. Только первый и второй маркеры относятся исключительно к Владивостоку. На звание «края России», претендует, как мы видели по ответам участников Тренинга, весь Дальний Восток; клеймо «территория временщиков» может быть наложено опять-таки на весь регион; считается «городом Воды»

¹ Их впечатляющий перечень на начало 2000-х годов приводит в специальном приложении Петров (см. *Петров Н.* Указ. соч., с. 21–29). Правда, к концу десятилетия многие из перечисленных им марок сменились другими либо вообще исчезли под натиском крупных производителей типа московского «Кристалла».

Петропавловск-Камчатский может не меньше, чем Владивосток; а японские машины заполняют улицы всех вообще дальневосточных и многих сибирских городов. Но в соединении с первыми и в сочетании друг с другом эти повторяющиеся и в других местах маркеры действительно образуют уникальный набор «меток» одного из городов Дальнего Востока.

Х. Идентичность и экзотизация

В начале 1980-х годов археолог и антрополог Джонатан Фридмен предложил различать идентичность традиционную, модернистскую и постмодернистскую, последнюю — в двух разновидностях: постмодернизма *per se* и культурного ревайвализма. Согласно Фридману, традиционная идентичность не отделяет социальную самость человека от культурной, поскольку всецело определяется его положением в системе общества¹. Модернистская идентичность «резюмируется в представлении о саморазвивающейся индивидуальности, не укоренённой, зато постоянно поднимающейся к новым высотам»². Собственно постмодернизм поощряет обращение к примитиву — не столько как к интериоризируемой сущности, сколько как к форме или средству, помогающему освободиться — или, скорее, создающему иллюзию освобождения — от унифицирующих оков цивилизации. Ревайвализм же предполагает обретение новой культурной идентичности посредством поиска во времени (в прошлом «своей «культуры») или в пространстве (в чужих периферийных культурах) *экзотического*³. И такой поиск просматривается в дискурсе участников Камчатских тренингов.

Это заметно уже в выборе тем для эссе о своём городе: ровно половина из них посвящена особенному, необычному в природе Дальнего Востока и культуре его обитателей. Названия говорят сами за себя: «Особенности традиционной культуры коренных народов полуострова Камчатка», «Особенности культуры Камчатского края», «В мире оленных людей», «Хабаровск — деревянная сказка у китайской границы» и т.д. В каждом отдельном случае акцент на осо-

¹ Friedman, Jonathan. Cultural Identity and Global Process. London e.a.: Sage Publications, 1994. P. 30–31.

² Ibid. P. 39.

³ Ibid. P. 79–80.

бенном неравнозначен тяге к экзотике, вместе эти случаи говорят об определённой тенденции. Отчасти она была предопределена заданием написать о местах *проживания* авторов; но как раз тексты с наибольшим уклоном в сторону экзотики ничего не говорят нам о таких местах, хотя и не уводят читателя за границы Дальнего Востока. И они, как правило, резко выбиваются из общего ряда. Выбиваются либо по действительной необычности описываемого — как текст Марии Теплоуховой, рассказывающей о переезде в Богом забытое, с трудом выживающее таёжное село потомков его основателей, удачливых уругвайских бизнесменов с русскими корнями¹. Либо по структуре изложения сюжетов, имплицитно настолько сильно отделяемых от жизни в своём городе, что сам этот город исчезает из поля зрения авторов. Тут ярким примером может служить уже упомянутый рассказ трёх девушек о Камчатке, где Петропавловск-Камчатский практически не присутствует, несмотря на то, что двое из соавторов живут в нём постоянно и мало где бывали за его пределами. Либо по стилю — яркому, насыщенному метафорами, то цельному апологетическому, то мятущемуся полемическому, но равно свидетельствующему: проблематика ревайвализма не оставляет автора равнодушным.

Вот два ярких примера, курсив везде мой. Пример первый²:

«Север Амурской области — один из немногих уголков нашей планеты, который... оставался *почти нетронутым* вплоть до середины XX века. Человеку городскому, попавшему в эти края, трудно избавиться от ощущения, что он находится в “*сказочной тайге*” — *дикой и пугающей, но одновременно очаровывающей и завораживающей своим величием*. Столетние лиственницы и тополя поражают воображение своими формами и размерами; рядом с ними уже не чувствуешь себя “царём природы”, настолько они величественны и красивы. Огромные тёмные ели, широко раскинув украшенные мшаными кружевами лапы, усиливают ощущение сказки, погружают тебя в *особый, таинственный мир*... В этом мире не в диковинку встретить медведя или лося, всё ещё можно увидеть изюбря и кабаргу. Здесь можно идти в одном направлении две недели и не встретить ни одного человека. Вопреки глобальному экологиче-

¹ См.: Теплоухова М. Возвращение на землю предков: новая староверческая община Приморья, её проблемы и перспективы. Рукопись // Архив ОИИЦ «Вестник Евразии».

² Воронкова Е. В мире оленных людей. Рукопись // Там же.

скому кризису реки здесь всё ещё чистые, воздух — свежий, снег — белый и остаётся таким до весны. Пока в далёком отсюда, суетном мире начинаются и заканчиваются войны, взлетает и падает доллар, здесь неизменно каждое лето мари синеют от созревшей голубицы, а осенью тайга укрывается красным брусничным ковром. Здесь в молчаливом величии грядями стоят горы, питая своими ледниками истоки рек, струящихся вниз, к сплошь покрытым ягелем сопкам. Здесь в течение многих столетий живет и пасёт своих оленей *уникальный и самобытный народ — эвенки...*»

Пример второй¹:

«...Наше настоящее пока ещё хранит в себе единственную возможность спасения от дисгармонии собственной логики, которая сопровождает весь XX век и пламенем перекидывается на век XXI, выражаясь в глубокой экзистенциальной *тоске по самости, потерянной в свете отчуждения*. И пока мы гонимся за собой, убегая от собственной тени, наши угнетённые соседи с непосредственной улыбкой протягивают нам свою «примитивную» руку помощи, от которой мы, ужасаясь бездне собственного отчаянья, брезгливо отказываемся.

Кто протягивает нам эту метафорическую руку и в чём метафора?

Это рука раба, держащая угасающее пламя нашего, *человеческого*, исторического развития — то самое пламя, которое древний человек извлёк из камней или позаимствовал у свирепой молнии, убившей дерево. Только раб этот счастлив, поскольку един с собственной природой и с природой вообще. Мы же это единство зовем не-цивизованностью, первобытностью и примитивностью — словами с негативной коннотацией. И хотя поклонение политкорректности снимает коннотацию, призрак её пугает растущий *интерес к традиционным культурам и обществам*, островки которых всё ещё существуют в шестом океане ноосферы.

Смещаясь к Востоку, вектор экономической стабильности указывает нам источник новой парадигмы философской мысли, взрослевшей в соперничестве с мыслью картезианской и учившейся на её ошибках. *Синтез сознательного экзистенциализма и надсознательного анимизма*, сведение несводимого, она тем более желанна отчаявшемуся спастись западному рационалисту. *Проживая на Дальнем Востоке, мы, считающие себя наследниками европейского Запада, имеем шанс воплотить этот немислимый синтез в жизнь*, обратив свой опосредованный многовековым развитием науки взгляд на коренное, ставшее малочисленным по сравнению с пришлым, население этого региона.

---

¹ *Водорезова Е.* Зеркало «Аватара», или То, что мы отказываемся видеть (видеть не хотим). Рукопись // Там же.

Но обратить лишь взгляд — внимательный, ищущий, пытливый взгляд, а не всемогущие, творящие, неуёмные руки. За взглядом этим последует и наша душа, не лишённая ещё своей непосредственной животности и чистой природности».

Я далёк от того, чтобы полностью уравнивать между собой неосознанное отчуждение от городской среды с вполне осознанным мировоззренческим выбором в пользу нового примитивизма. Но трудно отрицать, что и не осознанное, и осознанное — по крайней мере, в том виде, в каком они отразились в текстах, — движутся к одному полюсу предпочтений, который обоснованно может быть соотнесен с постмодернистской идентичностью. Правда, речь идёт о своеобразном постмодернизме. Как бывает знание *обретённое* (посредством жизненных практик моего «Я») и знание *наведённое* (усвоенное с чужих слов), так и во всякой идентичности воплощаются представления, с одной стороны, являющиеся продуктами самосознания, производные от моего личного опыта и опыта «моей» коллективности, с другой — привнесённые извне Другим, продукты «тамосознания»¹. Также и экзотизирующий компонент дальневосточной идентичности, частично будучи местным продуктом, в основном произведен от мифологизированного образа региона, сложившегося за его пределами, но усвоенного жителями. Вместе с тем по результатам разнообразных тестирований участников Камчатских тренингов очевидно, что в представлении о должном у них, как и у всех россиян, старое причудливо уживается с новым². Про-ревайвализм дальневосточной идентичности тоже обусловлен не только постмодернистскими инновациями, но и советским мировоззренческим наследием. Я имею в виду поэтизацию природы, унаследо-

---

¹ Это образное определение принадлежит Петрову. См.: *Петров Н.* Указ. соч. С. 15.

² Ср. оценку религиозной составляющей сознания россиянина: «Вытесненное трансцендентное если и входит в его жизнь, то не разом, а мучительно и постепенно. Он по привычке ищет искупления в профанном, но уже не совместными усилиями, а каждый для себя, для своей семьи, для своего клана. При этом он пренебрегает интересами других в масштабах, каких не допускает цивилизованное общество. <...> Связывая свою идентичность с властью, он не становится законопослушным; напротив, он ставит закон на службу своим частным интересам» (*Рыклин М.* Коммунизм как религия: интеллектуалы и октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 117).

ванную детьми и внуками тех, для кого багульник, цветущий «где-то на сопках», значил уже больше, чем постулат о принудительном взятии «милостей от природы». А также поэтизацию «естественного человека». Последняя развилась в СССР по двум причинам. Свою роль сыграла, во-первых, государственная книгоиздательская политика, допускавшая подцензурное ознакомление с великими мифами мировой культуры, в том числе с мифом о «благородном дикаре» (решающую роль здесь сыграл не морализирующий Руссо, а остросюжетный Фенимор Купер). Во-вторых, пропаганда, превозносившая успехи государственной политики в отношении народов, позднее названных коренными и малочисленными. Ибо в массовом восприятии объект благодеяний не может не стать *заслуживающим благодеяния* — и на место далеко не идеального живого аборигена ставился «подтверждающий заслугу» экзотический образ не испорченного цивилизацией дитя природы, счастливо живущего в согласии с природой.

XI. Идентичность региональная vs национальная

Распад СССР остро поставил вопрос о том, как региональная идентичность соотносится с национальной. Решающую роль в распаде сыграли центробежные устремления титульных элит и подъём националистических настроений в союзных республиках; но важно и то, что республиканскому начальству и местным националистам, взявшим курс на независимость, удавалось заручиться поддержкой многочисленного русского и обрусевшего населения. Оно же в своём выборе руководствовалось, помимо надежд на экономические выгоды от независимости и недовольством Москвой, которая «всё забирает», региональными лояльностями. Например, они явно сказались на итогах всеукраинского референдума 1991 года, когда в ответ на вопрос «Подтверждаете ли Вы Акт о провозглашении независимости Украины» сказало «да» убедительное большинство и в «русских» областях¹.

---

¹ Так, за независимость высказались 83,9% от 76,7% избирателей, пришедших к урнам в Донецкой области, столько же от 80,7% — в Луганской и 86,3% от 75,7% — в Харьковской. См.: Украина. Референдум о Независимости 1991 // Электоральная география 2,0. Политика на карте. Доступно на: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-independence-referendum-1991.htm>. Последнее посещение 01.03.2011.

А как региональная идентичность в целом, дальневосточная в частности соотносится с национальной, то бишь российской? На этот счёт имеются два ответа. Согласно первому, она мирно дополняет национальную идентичность¹. Согласно второму, два вида идентичности образуют нечто вроде системы сообщающихся сосудов: когда одной прибывает, другой убывает. В свою очередь, у второго ответа есть два варианта: либо региональная идентичность больше национальной (преобладает над ней, отторгает её), либо наоборот.

Вариант преобладания региональной идентичности уральский социолог Г.С. Корепанов доказывает результатами опросов жителей в трёх субрегионах Тюменской области (Юг, Югра, Ямал), сравнивавшихся им с сопоставимыми материалами опросов 2006–2009 годов в Чувашии, Пермском крае, Ульяновской и Омской областях. Везде респондент спрашивали: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдалённость (“своё” — “чужое”) с людьми...?» Далее назывались равноуровневые локусы и по ответам рассчитывался *коэффициент интенсивности близости* — отношение числа признавших близость к числу её не признавших. Полученный таким образом коэффициент близости к Москве колебался в пределах от 0,1 до 0,8, к России — от 0,3 до 0,9. Вывод²:

«Характерной особенностью современной российской ситуации является, во-первых, резкое отстранение жителей периферийных регионов от столицы страны и, во-вторых, то, что к отвлечённым общностям россияне стали относить не только “всемирную” идентичность, но и “всероссийскую”».

Старая социологическая мудрость гласит: «Какой вопрос задашь, такой ответ получишь». Сделанный в вопросе акцент на близости даёт «фору» общностям, расположенным, так сказать, рядом с респондентами, и в итоге получается результат, по которому некорректно судить о соотносительной силе территориальных идентичностей разного уровня. Также нивелируются различия между населением разных стран. В частности, при аналогичном упоре на ощущаемую «близость» опросы в благополучной Франции дали ту же расстановку территориальных лояльностей, что и в проблемной России: сильнее всего ощущается

¹ См., например: *Смирнягин Л.В.* С. 97; *Туровский Р.Ф.* Указ. соч. С. 13.

² *Корепанов Г.С.* Указ. соч. С. 278–279.

связь со «своим» городом или деревней, затем с регионом, после с нацией и в последнюю очередь — с Европой¹. К тому же вопрос активизировал в сознании образы именно «людей», тогда как территории во всей совокупности соотносимых с ними природных и социальных характеристик и стереотипов остались за кадром. Что касается отождествлений себя с Россией и Землёй, то от них могли отказываться не из-за нежелания признать себя россиянами и «землянами», а потому, что в контексте предложенных ранее конкретных отождествлений отождествления отвлечённые не воспринимались как существенные. Будь контекст иным, например, межстрановым, общероссийская идентичность прозвучала бы очень сильно.

Если ограничиться Дальним Востоком, то результаты «нелобового» тестирования участников Камчатских тренингов полностью опровергают вывод о слабости общероссийской идентичности сравнительно с региональной. Напротив, в той мере, в какой участники Тренингов могут считаться типичными представителями образованной молодёжи, их мнения и суждения доказывают, что у этой группы населения, воплощающей будущее региона, дальневосточная идентичность слабее общероссийской. То же самое можно сказать и о соотношении идентичностей субрегиональных и национальной.

Таким образом, оценка дальневосточной ситуации «работает» на точку зрения, согласно которой национальная идентичность в России намного развитее региональной. Ярым сторонником этой точки зрения является Николай Петров, полагающий, что ещё до катаклизмов советской эпохи «региональный уровень территориальной идентичности... проваливался между локальным и общенациональным. Да и вряд ли могло быть иначе в крестьянской, по преимуществу, стране, какой была Россия»². В доказательство Петров ссылается на то, что в словаре В. Даля слабо представлены региональные прозвища. Замечу, что есть ещё «Сказания русского народа» И.П. Сахарова, и оттуда М.Е. Салтыков-Щедрин почерпнул для «Истории одного города» множество прозвищ жителей различных областей России. Чего стоят такие колоритные наименования, как *моржееды* (жители Архангельска и округи), *долбёжники* (новгородцы), *куролесты* (жители Брянщины), *рукосуи* (жители

---

¹ Китинг, Майкл. Указ. соч. С. 95.

² Петров Н. Указ. соч. С. 2–3.

Чухломы), *кособрюхие* (рязанцы)!¹ В Сибири сознание региональной идентичности вообще было поднято «областниками» до уровня концептуализации². А в некоторых её «углах» вроде ареалов старообрядцев в Рудном Алтае, Урянхайском крае и в Забайкалье или казаков на Колыме, сформировались сильные идентичности на субрегиональном уровне. Другое дело, что при выраженной привязке к территории, все эти группы, если судить по их описаниям, оставленным этнографами³, сознавали себя общностями не по территориальному признаку, а по конфессиональному или сословному. Но применительно к Дальнему Востоку заключение о слабом развитии региональной идентичности до революции справедливо без всяких оговорок. Правда, «вину» за это несёт не природа крестьянства, а характер (переселенческая колонизация) и темп (высокий) освоения региона.

Петров выдвинул две гипотезы. Согласно первой из них, «пирамида территориальной идентичности... имеет вид песочных часов с широкими нижним (локальный уровень) и верхним (общенациональный уровень) основаниями и узкой перетяжкой посередине, соответствующей как раз региональному уровню». Согласно второй, «на региональном уровне политическая и этническая идентичности выражены, как правило, наименее всего, культурно-историческая идентичность выражена более, чем на локальном, но менее, чем на национальном уровне; экономическая выражена более всего»⁴.

---

¹ См. комментарий и примечания Г.В. Иванова к «Истории одного города» в издании: *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений в 20 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1969. С. 555.

² В качестве подтверждения можно сослаться на публицистику Г.Н. Потанина в издании: *Потанин Г.Н.* Избранные сочинения в 3 т. Т. II. Общественно-политические произведения / Павлодарский гос. ун-т им. С. Торайгырова. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2005.

³ См., например: *Татаринцева М.П.* Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 2006; *Болонев Ф.Ф.* Семейские. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Бурятское книж. изд-во, 1985. См. также: *Тан-Богораз В.* Союз молодых. Роман о северной жизни. Хабаровск: Хабаровское книж. изд-во, 1963. Пусть это роман, но в нём описание быта колымских казаков не хуже, чем в научных трудах Богораза.

⁴ Там же. С. 2.

Материалы Тренингов и тексты их участников побуждают внести в эти гипотезы поправки. На примере Камчатки я уже отмечал, что на Дальнем Востоке идентичность, в терминологии Петрова региональная (регионы = субъекты федерации), а в нашей — субрегиональная, может быть выражена сильнее локальной, хотя и слабее национальной. А тезис о наибольшей выраженности на региональном уровне экономической составляющей идентичности к Дальнему Востоку вообще не подходит. Ибо регион внутренне не интегрирован, его экономические связи тянулись и тянутся вовне: раньше — в дальние (больше) и ближние (меньше) регионы России, теперь — в США / Аляску, Китай, Корею, Японию. С другой стороны, в петровском перечне аспектов идентичности нет компонентов собственно пространственных — природных и позиционных. Между тем, удаленность, изолированность, нетронутость (экологичность) — столь же важные характеристики для всего Дальнего Востока и любой его части, что и характеристики политические или культурно-исторические. Более того, именно они в наибольшей степени обладают потенциалом интеграции, результатом которой может стать консолидация региональной дальневосточной идентичности. Ведь они не разделяют субрегионы и в то же время составляют суть их уникальности и по отдельности, и вместе взятых.

Как видим, в России противопоставление идентичностей региональной и национальной — скорее исключение, подтверждающее правило, чем само правило. И уж точно нельзя относить к исключениям Дальний Восток. Есть антагонизм иного рода — между столицей и провинцией. Разумеется, в сознании каждого провинциала, испытывающего неприязнь к Москве, провинция — не абстрактная категория: она локальна в том смысле, что, даже говоря от лица всех провинциалов, человек отождествляет абстрактную провинцию со «своим» регионом. Точно так же столица, даже если он ни разу в ней не был, с лёгкостью локализуется им в пространственных образах. Но обычно эти образы — символы власти, несправедливого богатства, несправедливости, играющие роль доказательных иллюстраций к представлению не столько о месте, сколько об *отношении* между местами — столицей и провинцией.

ХII. Идентичность региональная vs социальная

А как соотносятся между собой идентичности социальная и региональная? Какая из них «сильнее» по воздействию на целеполагание и жизнеустройство человека? Если под социальной идентичностью понимать отождествление с коллективом любого масштаба и происхождения, она имеет, как минимум, то преимущество перед идентичностью региональной, что не обусловлена территориальной привязкой. Так, близость по возрасту, общим занятиям и образцам рекреации, по новотам, совместно полученному опыту объединила в одну, пусть временную, но отчётливо осознающую свою особую идентичность группу участников Тренингов из разных регионов. Другое дело, что членство в ней давало ощущение принадлежности, не требуя отказа от привычной пространственной идентификации. Вообще высокая гибкость, мобильность, вариативность доступных современному человеку социальных отождествлений почти исключают саму вероятность драматического выбора между двумя видами идентичности. Но что происходит, когда необходимость в нём всё-таки возникает?

Здесь я ограничусь рассмотрением выбора, наиболее типизированного, часто встречающегося и актуального для тех, кто входит в возрастную группу, с которой мы совместно наработывали материал для этой книги, — для молодых. Это выбор между социальной идентичностью, *ожидаемой* в качестве вознаграждения за усилия добиться восходящей социальной мобильности, и региональной идентичностью, уже *имеющейся* в силу рождения либо длительного проживания в данном локусе.

Выяснить, что здесь можно ожидать, помогает структура предпочтений при получении высшего образования. В качестве примера взят Амурский государственный университет (АмГУ). Всякий, кто прочитает статью Ирины Новиковой, увидит, как остро в одноименной области стоит проблема занятости молодёжи. В статье отмечено и устойчивое стремление молодых к получению высшего образования. Статистика приема-выпуска в АмГУ (табл. 2) показывает, что абитуриентами и/или их родителями представление о возносящем социальном лифте связывается со специальностями, удалёнными от производства и культуры. Одна юриспруденция в 2009 году собрала почти столько же вступительных заявлений (600), сколько отвечающие отраслевой специфике областной экономики специальности

Таблица 2

АМГУ, 2009 год: приём и выпуск по специальностям¹

Специальность	Заявлений		Принято		Выпуск	
	число	%	число	%	число	%
Математика	18	0,22	15	0,72	17	1,00
Прикладная математика и информатика	97	1,20	25	1,19	20	1,18
Прикладные математика и физика	32	0,40	14	0,67	-	-
Физика	175	2,17	65	3,10	23	1,35
Психология	227	2,81	120	5,72	82	4,82
Юриспруденция	600	7,43	304	14,50	190	11,16
Журналистика	39	0,48	21	1,01	15	0,88
Филология и лингвистика	49	0,61	12	0,57	49	2,88
Перевод и переводоведение	122	1,51	27	1,29	43	2,53
Религиоведение	209	2,59	45	2,15	67	3,94
Реклама	67	0,83	9	0,43	-	-
Социальная работа	268	3,32	119	5,67	79	4,64
Социология	177	2,19	34	1,62	43	2,53
Социальная педагогика	119	1,47	40	1,91	60	3,52
Дизайн	136	1,68	31	1,48	18	1,09
Искусство интерьера	53	0,66	11	0,52	10	0,59
Декоративно-прикладное искусство	50	0,62	9	0,43	8	0,47
Мировая экономика	264	3,27	36	1,72	26	1,53
Финансы и кредит	423	5,24	120	5,72	163	9,58
Налоги и налогообложение	403	4,99	46	2,19	-	-
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	395	4,89	88	4,20	109	6,40
Маркетинг	281	3,48	21	1,00	31	1,82
Таможенное дело	454	5,62	106	5,05	-	-
Коммерция (торговое дело)	247	3,06	43	2,05	45	2,64
Товароведение и экспертиза товаров	186	2,30	42	1,96	25	1,47
Экономика и управление на предприятии	240	2,97	41	1,96	33	1,94
Государственное и муниципальное управление	458	5,67	131	6,24	80	4,70
Менеджмент организации	278	3,44	41	1,96	74	4,35
Социально-культурный сервис и туризм	260	3,22	82	3,91	48	2,82

¹ Составлено и подсчитано по: <http://www.edu.ru/abitur/act.3/ds.6/isn.19/окро.02069763/index.php>. Последнее посещение 11.11.2010 года.

Окончание таблицы 2

Специальность	Заявлений		Принято		Выпуск	
	число	%	число	%	число	%
Энергообеспечение предприятий	169	2,09	16	0,76	-	-
Защита и автоматизация электроэнергосистем	129	1,60	16	0,76	17	1,00
Электрические станции	171	2,12	16	0,76	12	0,70
Электроэнергетические системы и сети	190	2,35	23	1,10	23	1,35
Электроснабжение	273	3,38	91	4,34	44	2,58
Автоматизация технологических процессов	134	1,66	26	1,24	28	1,64
Информатика и вычислительная техника	11	0,14	10	0,48	-	-
Системы обработки информации и управления	131	1,62	30	1,43	26	1,53
Информационные системы и технологии	140	1,73	30	1,43	39	2,29
Технология текстильных изделий	44	0,54	9	0,44	11	0,65
Технология швейных изделий	62	0,77	18	0,86	14	0,82
Конструирование швейных изделий	52	0,64	10	0,48	44	2,58
Безопасность жизнедеятельности в техносфере	159	1,96	63	3,00	35	2,06

«энергообеспечение предприятий», «защита и автоматизация электроэнергосистем», «электростанции» и «электроэнергетические системы и сети», вместе взятые (659). Судя по цифрам выпуска, пятью годами ранее доля жаждавших диплома юриста была в 2,5 раза больше доли будущих электроэнергетиков: 11,16 и 4,46%. Не говорю уж о том, сколь мало в сравнении с толпой будущих правоохранителей сообщество тех, кто готов кормить комаров в геологических партиях, — всего 86 против тех же 600. Если же суммировать заявления на специальности, манящие приобщением к товарно-денежным потокам, то тогда геологи или математики станут и вовсе ничтожной величиной.

В отличие от советского времени, нынешние профессиональные «маяки» — это не главные инженеры заводов и уж тем более не геологи-археологи, а банковские служащие, директора компаний и милицей-

ские начальники. Другими словами, идеальный вариант социальной идентичности — принадлежность к группам, чей «портфельный» статус обеспечивает в современной России вознаграждающую занятость с почти обязательными коррупционными бонусами. Но выявленные табл. 2 предпочтения определяются не одними расчётами на престижное и доходное трудоустройство. Их питает и надежда на то, что человеку со специальностью, «не привязанной» к конкретному региону, — а к Амурской области «привязывают» геология, электроэнергетика, сельское хозяйство — легче трудоустроиться вне её в больших городах с преобладанием административной и культурной функций: Хабаровске, Новосибирске, Москве. Там шансы менеджера или юриста выше шансов геолога или агронома. Когда же свежеиспечённые менеджеры и юристы застревают в области, где спрос на них насыщен, они всё равно более склонны к миграции, чем те, чья специализация соответствует запросам региональной экономики. Предпочтение, оказываемое в ситуации выбора проективной социальной идентичности указывает на слабое развитие креативной, то есть, по Эриксону, позитивной идентичности даже на локальном и субрегиональном её уровнях, не говоря уже о региональном.

* * *

Напоследок ещё раз остановлюсь на особенностях нашей «выборки». Как респонденты, участники Тренингов имели то неоспоримое достоинство, что, представляя основные субрегионы Дальнего Востока и социальную группу, способную в будущем ощутимо влиять на региональное сознание, оказались ещё людьми, склонными к диалогу и размышлению. Большим преимуществом было их *исследовательское* участие в качестве экспертов «с мест». Благодаря уникальному соединению ими положений объектов и субъектов познания, стало возможным увидеть проблему региональной идентичности и с разных «территориальных колоколен» (так смотрят во Владивостоке, а так — в Комсомольске-на-Амуре), и сквозь призму неосознаваемых стереотипов восприятия, и как предмет рефлексии и дискуссии. Всё это позволяет считать источниковую базу книги адекватной проблеме региональной идентичности. Разумеется, читатель должен помнить и об ограничителях, устанавливаемых таким источником: не для уверенных заключений он годится более всего, а для вопросов и гипотез.

Всё же позволю себе сформулировать некоторые заключения, уже сейчас представляющиеся мне заслуживающими доверия, и сделаю это в форме вопросов и ответов.

1. Существует ли пространственная идентичность, предполагающая внутреннее отождествление индивида / коллектива с Дальним Востоком? Нет — если иметь в виду самодостаточный феномен. Да — если обратить внимание на всё более типизирующуюся реакцию на «внешние раздражители», сильнейшие среди которых — образование ДФО, рост трансграничных связей, извне идущие стереотипные представления и мифы о Дальнем Востоке.

2. Насколько развиты на Дальнем Востоке идентичности с локализацией «ниже» региональной? Преобладающее значение имеет субрегиональная идентичность, из-за моноцентричности многих субрегионов граница между ней и локальной идентичностью размыта.

3. Какие индикаторы удостоверяют наличие на Дальнем Востоке региональной и субрегиональных идентичностей? Для первой достоверно фиксируется лишь региональное метафорическое обозначение («форпост / оплот России на Востоке»). Для вторых индикаторов может быть выделено несколько (официальные символы, спортивные команды, местные водочные бренды), но их набор беднее, чем во многих субъектах федерации. Что подтверждает вывод об относительной неразвитости пространственной привязки в местных сообществах.

4. Являются ли пространственные идентичности на Дальнем Востоке в их индивидуально-личностных проявлениях позитивными и по самоощущению (положительные эмоции), и в содержательном плане (креативная жизненная позиция)? По первому параметру они должны оцениваться как преимущественно позитивные, по второму — как скорее негативные.

5. Как они могут быть соотнесены с известными типами и моделями идентичности? И региональная, и субрегиональная идентичности на Дальнем Востоке — идентичности иммиграционного типа с преобладанием в их структуре экзотизирующей природной составляющей. Обе подвергаются воздействию постмодернизма / ревайвализма; в то же время на их историческую составляющую по-прежнему сильно влияют мифоидеологемы советского времени. Субрегиональная идентичность смело может квалифицироваться как модульная.

6. Как они соотносятся с национальной и социальной идентичностями? Дальневосточные региональная и субрегиональная идентичности развиты слабее общероссийской, скорее дополняют её, чем противопоставляются ей; в ситуациях выбора обе приносятся в жертву проективной социальной идентичности.

*Reinhard Krumm*¹

**VOM HERAUSGEBER
DER PUBLIKATIONSREIHE**

DEM GEEHRTEN LESER ZUM GELEIT

Vor etwa genau 70 Jahren entfachte Deutschland einen Krieg gegen die Sowjetunion. Mit dem Sieg Stalins über Hitler endete der Zweite Weltkrieg für Deutschland. Ganz Deutschland war besetzt. War das eine militärische Niederlage oder eine historische Befreiung? Der deutsche Schriftsteller und Nobelpreisträger Heinrich Böll schrieb dazu: „Ich habe nach dem Krieg, also nach 1945, einfach wahrscheinlich naiv auf die Besatzungsmächte vertraut. Die Deutschen haben sich nicht selbst befreit, ich habe mich auch nicht selbst befreit, sondern die Deutschen sind befreit worden, vielleicht sogar gegen ihren Willen.“

Wer sind wir, wo kommen wir her und wo wollen wir hin? Je nach politischem Richtungswechsel werden bisweilen Teile der Geschichte, und damit auch der Identität einfach ausgetauscht, ausradiert. In Deutschland

---

¹ Dr. Reinhard Krumm — Leiter der Filiale der Friedrich-Ebert-Stiftung in der Russischen Föderation, Moskau.

wurden die zwölf Jahre des dritten Reiches zunächst ausgeblendet, ein Ausrutscher der Geschichte. Und wer kennt nicht die berühmten Fotos von Vladimir Ilitsch Lenin aus der Revolutionszeit, wo später sein Genosse Trotskij einfach wegretuschiert wurde.

Das ist nicht ungewöhnlich, sondern sehr verständlich. Jedes Land sucht nach seiner Identität, nach seiner Geschichte, und die muss zunächst einmal groß und mächtig, lang zurückliegend und erfolgreich sein. Unregelmäßigkeiten werden ausgeklammert. Das kennen wir eben auch aus Deutschland. Gerade nach unserer jüngeren Geschichte suchen wir bis heute verzweifelt nach einer Kontinuität, zumindest seit der Reichsgründung von 1871. Dabei haben wir unsere Mühen, die Zeit von 1933 bis 1945 zu erklären.

Die Suche nach der Identität ist keine akademische Angelegenheit, sondern geht die Gesellschaft und den Staat an. Vor allem die jungen Menschen wollen das wissen. Die Themen reichen von Nation und Nationenbildung über Identitätsbildung bis zu Geschichtsaufarbeitung, auch durch Zeitzeugen und deren Berichte.

„Eine Gesellschaft konstituiert sich zuerst und vor allem über ihre Geschichte und ihr gesellschaftliches Bewusstsein, in dessen Medium sie sich immer wieder über sich selbst Rechenschaft ablegt“, schreibt der Berliner Politikwissenschaftler Ekkehart Krippendorff. Eine Gesellschaft verliert ihre Orientierung, ihren inneren Kompass, wenn sie ihre Vergangenheit vergisst, nichts mehr von ihr wissen will, um vermeintlichen Ballast abzuwerfen.

„Wenn eine Generation, oder genereller gesprochen ein ganzes Volk beginnt, sich selbst zu vergessen, sich ihrer selbst nicht mehr historisch bewusst zu sein, dann gehen die eigenen Koordinaten verloren, werden die eigenen Wurzeln zerstört. Den Rest besorgt die Zeit“, so der Altmeister der Oral History, Studs Terkel. Mit anderen Worten: Kann man ein Vaterland haben ohne Geschichte?

Wie aber nähren wir uns der Geschichte? Genau auf diese Frage möchte dieser kleine Band einige Antworten geben, die russische und deutsche Erfahrungen wiedergibt. Die Fragen zur Geschichte stellen wir, und von diesen Fragen hängen die Antworten ab. Wollen wir eine Heldengeschichte nach dem Vorbild, dass große Männer Politik betreiben, eine Geschichte der Märtyrer, wollen wir eine Nationalgeschichte oder eine Geschichte der Gesellschaft?

Geschichte und Identität sind notwendig, um sich der Vergangenheit zu vergewissern und sich der Zukunft anzunehmen. Da es nicht nur eine Geschichte gibt wäre es gefährlich, wenn sie vorgegeben wird, wenn nur ein Teil der Gesellschaft sich ihrer annimmt. Es muss von allen Teilen der Gesellschaft und des Staates kommen. Ich schließe mit dem West-Östlichen Divan von Johann Wolfgang von Goethe:

«Wer nicht von dreitausend Jahren,
Sich mag Rechenschaft zu geben,
Bleibt im Leben unerfahren,
Muss von Tag zu Tag leben».

Geschichte ist Last und Befreiung zugleich.

*Sergej Panarin*¹

VORWORT.

IDENTITÄTSSUCHE IN DEN KAMTSCHATKA-TRAININGS

In der Publikations- und Diskussionsreihe zur Identität mit dem Titel „Auf der Suche nach Russland“ nimmt der Band „Der Ferne Osten“ einen besonderen Platz ein: nicht nur aus dem Grund, dass er ursprünglich gar nicht geplant war, sondern vielmehr aufgrund seiner Entstehungsgeschichte und der besonderen Inhalte, aus denen er erwachsen ist. Die zwei vorangehenden Bände wurden auf der Basis von *Konferenzergebnissen* zusammengestellt, d.h. von Veranstaltungen, die eine traditionelle Form haben und deren Kern Beiträge zu Forschungsergebnissen bilden. Der Band, der sich mit dem Fernen Osten beschäftigt, hat einen anderen Ursprung: er setzt sich aus Beiträgen zusammen, die im Laufe der Vorbereitung und Durchführung von drei *Bildungsmaßnahmen* entstanden sind. Diese Maßnahmen fanden in der Zeit vom 1. bis 9. September 2010 in Petropawlowsk-Kamtschatski unter dem Titel „Kamtschatka-Trainings“ (im Folgenden: Trainings) statt und

---

¹ Sergej Panarin leitet das Bildungs-, Forschungs- und Publikationszentrum „Westnik Jewrasii“ sowie das Forschungszentrum für allgemeine Probleme des modernen Ostens am Institut für Oststudien der Russischen Akademie der Wissenschaften, Moskau.

wurden von der Autonomen Non-Profit-Organisation „Bildungs-, Forschungs- und Publikationszentrum „Westnik Jewrasii“ (Eurasien-Informationsblatt) mit aktiver Unterstützung zweier deutscher Stiftungen — der Friedrich-Ebert-Stiftung und der Friedrich-Naumann-Stiftung — organisiert und durchgeführt. Überaus wohlwollend stand die Leitung der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka (im Folgenden: Kamtschatka-Universität) der Idee der Trainings gegenüber. Die Kamtschatka-Universität bot organisatorische Unterstützung und stellte Räumlichkeiten für die Sitzungen und die Unterkunft der Lehrkräfte sowie Computer und Verbrauchsmaterialien zur Verfügung.

An den Trainings nahmen 25 Personen teil, von denen 19 während des gesamten Zeitraums von acht Arbeitstagen dabei waren. Von den 19 ständigen Teilnehmenden waren 16 Studierende, Doktoranden und junge Hochschullehrkräfte im Alter von 19 bis 29, und ein weiterer Teilnehmer war wissenschaftlicher Mitarbeiter eines akademischen Instituts. Diese 17 TeilnehmerInnen reisten von vier Subjekten der Russischen Föderation, die zum Föderationsbezirk Fernost (im Folgenden: FBF) gehören, an: aus den Städten Blagoweschtschensk (Gebiet Amur), Petropawlowsk-Kamtschatski und Jelisowo (Region Kamtschatka), Komsomolsk am Amur und Chabarowsk (Region Chabarowsk) und Wladiwostok (Region Primorje). Die Trainings umfassten Sitzungen der Schule der Nachwuchsautoren (im Folgenden: Schule) vom 1. bis 9. September, das Fernöstliche Jugendforum zum Thema „Provinz als Selbstverwirklichungsort“ (Forum) vom 1. bis 4. September und das Fernöstliche Jugendseminar zur Identität (Seminar) vom 6. bis 9. September. Die Sitzungen der Schule fanden parallel zum Forum und zum Seminar statt. Die Programme der Veranstaltungen wurden mit den Leitern der Moskauer Vertretungen der Friedrich-Naumann-Stiftung und der Friedrich-Ebert-Stiftung, Sascha Tamm und Dr. Reinhard Krumm, abgestimmt. Das Forum wurde von der Friedrich-Ebert-Stiftung, das Seminar von der Friedrich-Naumann-Stiftung und die Schule von beiden Stiftungen finanziell unterstützt.

Inhaltlich waren alle drei Veranstaltungen miteinander verbunden, wie die anschließende kurze Beschreibung veranschaulichen wird. Bevor wir mit dieser Beschreibung beginnen, sollte wohl gemäß der akademischen Tradition der Schlüsselbegriff *regionale Identität* definiert werden. Dies wird jedoch erst am Ende des Bands geschehen — nachdem der Leser oder die Leserin die TeilnehmerInnen der Trainings auf der neuntägigen, bald offenen, bald

verdeckten, unterschwelligem Suche nach dieser Definition begleitet haben wird. Dann werden die Antworten auf die Frage, was die „regionale Identität“ sei, überzeugender erscheinen. Hier werden wir nur darauf eingehen, was unter der Region Fernost verstanden wird.

Zunächst einmal zu der räumlichen Abgrenzung. In der vielbändigen Publikation zum 50. Jahrestag der UdSSR ist auf der allerersten Seite des Einführungstexts zum Fernen Osten Folgendes zu lesen:¹

„1963 wurde die Autonome Sozialistische Sowjetrepublik Jakutien in den Wirtschaftsbezirk Fernost eingegliedert. Da Jakutien in Hinsicht auf Naturbedingungen und Ressourcen sowie in Hinsicht auf die heutigen Wirtschaftsbeziehungen Ostsibirien näher steht, wird diese Region in der Publikation „Sowjetunion“ im Band „Ostsibirien“ behandelt.“

Wie man sieht, existiert die Vorstellung vom Fernen Osten in Russland in zwei Varianten. Der ersten, älteren und vertrauten Lesart zufolge gehören zum Fernen Osten der Autonome Kreis der Tschuktschen, die Region Kamtschatka, das Gebiet Magadan, die Region Chabarowsk mit dem Jüdischen Autonomen Gebiet, das Gebiet Amur, die Region Primorje und das Gebiet Sachalin. Die zweite Variante hat zwar eine 50jährige Geschichte, hat sich aber erst mit der Einrichtung von sieben Föderationsbezirken etabliert. Sie unterscheidet sich insofern von der ersteren, als die Republik Sacha - Jakutien als Teil des Fernen Ostens gilt, was die Fläche der Region fast verdoppelt. Wirtschaftliche Argumente, die dagegen sprechen, sind im Zitat oben angeführt und haben noch heute ihre Gültigkeit. Wichtiger ist aber die Wahrnehmung der Bewohner des Fernen Ostens selbst. Im Laufe der gesamten Trainings kam Jakutien in den Beschreibungen des Fernen Ostens durch die TeilnehmerInnen nur zweimal auf: zum ersten Mal als Ort der hohen Löhne und zum zweiten Mal bei der Erwähnung des Kältepols. Dieses Ausbleiben überzeugte uns, dass es richtig wäre, überall dort, wo es nicht ausdrücklich um den FBF geht, unter dem Fernen Osten den „alten“ Wirtschaftsbezirk *ohne* Jakutien zu verstehen. Was das Taxon des so abgegrenzten Gebiets angeht, wird es in diesem Buch überall als Region und die dazu gehörenden Föderationssubjekte als Subregionen bezeichnet.

---

¹ Советский Союз. Географическое описание. В 22-х томах. *Дальний Восток* / Отв. ред. А.В. Марголин (Sowjetunion. Geographische Beschreibung. 22 Bände. *Der Ferne Osten*. Hrsg.: A. Margolin). Mysl: Moskau, 1971. S. 9.

Die Schule

Ziele und Aufgaben. Das BILDUNGSZIEL der Schule der Nachwuchsautoren ist der Transfer von Wissen, das für das Verfassen von wissenschaftlichen Texten erforderlich ist, die den Anforderungen der globalen wissenschaftlichen Gemeinschaft genügen sollen. Der Unterricht im akademischen Schreiben ist von staatlichen Bildungsstandards in Russland nicht vorgesehen. Es ist das Ziel der Schule, diese Lücke zu schließen. In Petropawlowsk wurde das Bildungsziel der Schule verfolgt, indem die TeilnehmerInnen zwei Aufgaben lösten: erst lernten sie die Anforderungen an die Struktur eines wissenschaftlichen Artikels, an die Bibliographie, die sprachliche Gestaltung und die korrekte Zitation kennen, und im Folgenden wurden die Kenntnisse durch kollektives Lösen von Textaufgaben in Kleingruppen vertieft.¹ Die Schule der Nachwuchsautoren verfolgte in Kamtschatka darüber hinaus ein weiteres Bildungsziel: das Wissen der Teilnehmenden über die Identität zu erweitern. Dieses Ziel konnte erreicht werden, da die in Gruppen behandelten Texte von bestimmten Aspekten der Identität handelten. Außerdem mussten die TeilnehmerInnen der Schule Essays über ihre Heimatstädte einreichen, wobei diese Texte der Problematik des Forums und des Seminars entsprachen.

Die Schule der Nachwuchsautoren verfolgt stets ein ERZIEHUNGSZIEL, und die Sitzung in Petropawlowsk-Kamtschatka war keine Ausnahme. Die Form eines wissenschaftlichen Textes ist sowohl vom Wortschatz, von den Grammatikkenntnissen und dem allgemeinen Kulturniveau des Verfassers als auch von dem Grad seiner inneren Freiheit beeinflusst. Diese Freiheit bestimmt in hohem Maße die Wahl der lexikalischen und syntaktischen Instrumente des wissenschaftlichen Schreibstils sowie dessen Ton und Stilistik. Die Textqualität hängt auch von der Lebenseinstellung des Autors ab, von seiner Wahl zwischen einer unkritischen und einer kritischen Betrachtung der Information, zwischen Eskapismus und Engagement, zwischen Unabhängigkeit und Klientelismus, zwischen Egoismus und Altruismus, zwischen Monolog und Dialog. In der Schule wird immer das Ziel verfolgt, die geistige Befreiung der Teilnehmer zu fördern und ihnen

---

¹ Für mehr Informationen zur Methodik der Schule siehe: Дятлов В., Панарин С.: *Школа молодого автора в 2002 году* (Djatlow, W., Panarin, S.: *Schule der Nachwuchsautoren 2002*). In: *Вестник Евразии* (*Westnik Jewrasii*), 2003. Nr. 1 (20). S. 93–96.

nicht nur das Handwerkszeug beizubringen, sondern sie auch die *Kunst der freien Beziehungen freier Menschen* zu lehren. Dies geschieht mithilfe der suggestiven und interaktiven Methoden und durch die allgemeine Stimmung, die in der Schule herrscht, wenn auf angestrengte Arbeit von Lachsalven unterbrochene Spielpausen folgen, sich Konkurrenz und Kooperation abwechseln, Schlaf der Kommunikation geopfert wird und die Trennung Tränen hervorruft...

Bei der Vorbereitung der Kamtschatka-Trainings wurde beschlossen, die von der Schule gesammelten Erfahrungen mit der Synthese aus strenger Propädeutik und spielerischer Modellierung, aus Didaktik und Praxis, aus Planung und Improvisation, aus empathischer Identifikation mit einer Rolle und analytischer Distanzierung vom Diskussionsgegenstand nicht nur während der Sitzungen der Schule, sondern auch im Forum und im Seminar weitestgehend zu nutzen. Bald stellte sich heraus, dass diese Entscheidung völlig richtig war.

Das Forum

Ziele und Aufgaben. Im Zeitraum von 1990 bis 2008 schrumpfte die Bevölkerung des FBF von 8 064 000 auf 6 460 000 Einwohner.¹ Die Gründe liegen auf der Hand: seit 1993 lag die Sterberate fast in jedem Jahr über der Geburtenrate, und aus keinem anderen Bezirk gab es einen dermaßen starken Migrationsstrom wie aus dem Fernen Osten. Dabei zeigen die Ausmaße des Bevölkerungsrückgangs deutlich, dass die Migration aus dem Bezirk an der Entvölkerung stärker beteiligt ist als die negative natürliche Zuwachsrate.

Unter Migranten spielen junge Akademiker eine besondere Rolle: Ziehen sie weg, so verliert die Region eine der wichtigsten Entwicklungsressourcen, und sie selbst sind am neuen Wohnort oft weniger gefragt als sie es unter günstigen Umständen im Heimatort hätten sein können. Dennoch können stabile Cluster *kreativer* Jugendlicher entstehen; dafür ist es aber erforderlich, dass sich im Jugendmilieu an Hochschulen die Bereitschaft zur kreativen Tätigkeit vor Ort verbreitet und dass sich bei jungen Menschen eine Identität herausbildet, die den Wunsch, im Fernen Osten zu bleiben, unterstützt. Das Ziel des Forums bestand darin, den Teilnehmenden einen Impuls zu geben, um die Entwicklung einer ausgeprägten regionalen Identität und

---

¹ *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. М.: Росстат, 2009. С. 101 (Regionen Russlands. Sozioökonomische Daten. 2009. Statistischer Sammelband). Rosstat, Moskau, 2009. S. 101.*

die Bereitschaft zur Selbstverwirklichung in der Region zu fördern. Um dieses Ziel zu erreichen, wurden zwei Aufgaben aufgestellt: es wurden Meinungen zu den Bedingungen einer erfolgreichen Selbstverwirklichung am Wohnort erhoben und auf der Grundlage dieser Vorstellungen in spielerischer Form Schwerpunkte der kreativen Tätigkeit am Wohnort abgesteckt.

Programm: 1) Blitzumfrage „Was heißt es, kreativ zu sein?“; 2) Präsentation der vorbereiteten „Visitenkarten“ als Essays über Wohnorte der TeilnehmerInnen; 3) Blitzumfrage „Das Bild der Hauptstadt in einem Satz, das Bild der Provinz in einem Satz“; 4) Mini-Quiz „Was weiß ich über den Fernen Osten?“; 5) Rundtischgespräch „Hauptstadt und Provinz oder Hauptstädte in der Provinz?“; 6) Rollenspiel „Wirtschaft — Verwaltung — Kultur — Wissenschaft in der Region“; 7) Rundtischgespräch „Ost oder West, zu Haus ist das best? Pro und Contra“; 8) Brainstorming „Wo, wie und von wem können Bedingungen für eine kreative Selbstverwirklichung im Fernen Osten geschaffen werden?“.

Ergebnisse. Der Meinung der Teilnehmenden zufolge heißt kreativ zu sein, wie eine Person zu sein, die Eigeninitiative zeigt, nicht in gewohntem Rahmen denkt, die unabhängig und innerlich frei ist. Diese Eigenschaften stießen nicht auf Widerspruch. Außerdem setzt Kreativität nach Ansicht eines Teils der ForumteilnehmerInnen soziales Engagement voraus; der Meinung der anderen zufolge kann eine kreative Person auch ein Individualist sein, der nicht nach Anerkennung strebt und nicht in der Lage ist, sich an die Umgebung anzupassen.

Die Städtepräsentationen zeigten, dass die TeilnehmerInnen zum Zeitpunkt der Forumseröffnung ihre Wohnorte nicht als Orte der Kreativität betrachteten oder dass diese Sichtweise für sie nicht ausschlaggebend war. Es herrschte eine für Werbeprospekte typische Herangehensweise vor, die den Schwerpunkt auf bereits Vorhandenes — die Schönheit der Natur und das Kulturerbe — setzt. Eine Ausnahme war die Präsentation von Wladiwostok, in der ein problemorientierter Ansatz verwendet wurde, der erst die Wahrnehmung des städtischen Raums als Betätigungsfeld ermöglichte (s. den Beitrag von Nadeshda Zoj in diesem Band).

Die Blitzumfrage zum Thema „Das Bild der Hauptstadt in einem Satz, das Bild der Provinz in einem Satz“ und das Rundtischgespräch „Hauptstadt und Provinz oder Hauptstädte in der Provinz?“ zeigten, dass die Unterscheidungsmerkmale der Hauptstadt und der Provinz, die von den Teilnehmenden genannt wurden, sich in drei gleich große Gruppen unterteilen lassen, wobei

die erste Gruppe räumliche Charakteristika, die zweite Gruppe funktionale Merkmale und die dritte qualitative Eigenschaften umfasst. Es gibt aber auch einen wichtigen Unterschied: während bei der Beschreibung der Hauptstadt qualitative Charakteristika überwiegen, sind sie bei der Darstellung der Provinz mit funktionalen Merkmalen verbunden. Dabei heben die qualitativen Charakteristika der Hauptstadt den Tätigkeitsaspekt des Hauptstadtlebens, das hohe Tempo und das große Ressourcenpotential für Selbstverwirklichung hervor, während qualitative Merkmale des Provinzlebens den existenziellen Aspekt unterstreichen (die Provinz wird als ein „idyllischer Ort“ beschrieben, in dem „gemäßigtes Leben“ herrscht).

Mit dem Quiz zum Thema „Was weiß ich über den Fernen Osten?“ sollte herausgefunden werden, ob die TeilnehmerInnen des Forums die Symbole der unterschiedlichen Teilgebiete des FBF kennen. Aus ihren Antworten konnten zwei Rückschlüsse gezogen werden. Erstens haben die Bewohner des Fernen Ostens schwache Kenntnisse von anderen Städten der Region. Zweitens kamen unter den bekannten Symbolen neben Naturbildern und geographischen Merkmalen auch Hinweise auf die Möglichkeit der Selbstverwirklichung in unterschiedlichen Bereichen der wissenschaftlichen Tätigkeit, der Bildungsarbeit, der Produktion und der aktiven Erholung vor.

Im Rollenspiel zum Thema „Wirtschaft — Verwaltung — Kultur — Wissenschaft in der Region“ zeigten die ForumsteilnehmerInnen recht umfassende Kenntnisse der konkreten Probleme der Region und schlugen mehr oder weniger erfolgreiche Lösungswege für diese Probleme vor. Die TeilnehmerInnen, die die Kultur und die Wirtschaft repräsentierten, konnten diese Aufgabe besser lösen. Fortgesetzt wurde das Rollenspiel vom Rundtischgespräch zum Thema „Ost oder West, zu Hause ist das best? Pro und Contra“, das im Format des von Wladimir Solowjow moderierten Fernsehduells „K barjeru“ („Sie sind herausgefordert“) durchgeführt wurde. Sowohl die Argumente der DiskussionsteilnehmerInnen für oder gegen Möglichkeiten der Selbstverwirklichung in der Provinz, als auch die Kommentare der „Experten“ zeigten nun ein tieferes und genaueres Verständnis der Beziehung zwischen den Selbstverwirklichungsmöglichkeiten und den qualitativen Charakteristika der typisierten Wohnorte: der Provinz, der regionalen und der zentralen Hauptstadt.

Im Laufe des Brainstormings, das den Abschluss des Forums bildete, legten die TeilnehmerInnen drei Projekte vor. Das erste Projekt bezog sich auf die Einrichtung eines Fernöstlichen Zentrums für ethnokulturellen Tou-

rismus. Es setzt voraus, dass Nachwuchsethnologen der Region bei der Organisation eines Verbands der indigenen, zahlenmäßig kleinen Völker des Fernen Ostens, einer thematischen Internetseite und eines Programms für ethnokulturellen Tourismus zusammenarbeiten und geht von der Unterstützung der Verwaltungsbehörden und der lokalen kleinen und mittelständischen Unternehmen aus. Das Programm sieht eine vorbereitende Informierung der Touristen über das Leben der indigenen Völker, die Versorgung von ausgesuchten Siedlungsgebieten dieser Völker mit einem Mindestmaß an touristischer Infrastruktur, die Organisation der Anreise von Touristen und der Workshops zu traditionellem Gewerbe vor Ort vor. Das zweite Projekt ist auch touristisch, sein Schwerpunkt liegt aber auf Extremtourismus. Die Rolle des Logistikzentrums soll Chabarowsk als Verkehrsknoten und Sitz der zuständigen Behörden übernehmen; der Beitrag von Komsomolsk am Amur könnte in einer vergünstigten Vermietung von den in dieser Stadt hergestellten Flugzeugen bestehen, und auf Kamtschatka, Sachalin und in Primorje werden die „extremen“ Routen verlegt. Dieses Projekt soll von jungen Aktivurlaub-Fans umgesetzt und durch eine Zuwendung der Stiftung für Förderung der jungen Kleinunternehmer sowie mit Investitionen aus China, Korea und Japan finanziert werden. Das dritte Projekt ist eine Zeitschrift für Nachwuchswissenschaftler, die werdenden Wissenschaftlern Publikationsmöglichkeiten bieten soll. Beiträge sollen auf der Grundlage von Rezensionen ausgewählt werden; des Weiteren ist geplant, die Wirtschaft über den Verkauf von Werbeflächen und mit Expertenberatung durch Autoren zu gewinnen und eine Internetausgabe einzurichten. Die Zeitschrift soll in Chabarowsk von Nachwuchswissenschaftlern aus den Städten der Region herausgegeben werden.¹

Das Seminar

Ziele und Aufgaben. Die Selbstidentifikation einer Person kann als Bezugnahme auf mehrere Gruppen von Werten, Bildern, Symbolen und Normen dargestellt werden. Diese Gruppen können entweder im Großen und

---

¹ Es ist erfreulich, dass sich das Projekt ziemlich schnell von der Spielphase zur Phase der praktischen Umsetzung weiter entwickelte: Ende 2010 erschien die erste Ausgabe der Internetzeitung „Studentscheski nautschny shurnal“ (Wissenschaftliche Studentenzeitung), die unter: <http://undergraduate-journal.org/1-1/> veröffentlicht ist (Abruf am 07.02.2011).

Ganzen übereinstimmen oder aber (insgesamt oder in Einzelheiten) in scharfem Widerspruch zueinander stehen. Im ersteren Fall kann das Identitätsmodell als *ganzheitlich* und im letzteren als *schizoid* bezeichnet werden. Aus dem zweiten Modell können politischer Nihilismus, Eskapismus und Fremdenfeindlichkeit erwachsen. Bei Jugendlichen werden Probleme, die von einer schizoiden Identität ausgelöst werden, dadurch verschärft, dass ihr Wissenshorizont altersbedingt oder lokal beschränkt und ihr kritisches Denkvermögen noch schwach ausgeprägt ist. Das schizoide Modell kann mit Methoden der lehrenden Teilnahme überwunden werden, die jungen Menschen helfen, sich aktiv an der Formulierung von neuem Wissen zu beteiligen, es tief zu internalisieren und somit über die gewohnte Perspektive hinauszublicken und die vorhandenen stereotypen Vorstellungen kritisch zu bewerten. Das BILDUNGS- und das ERZIEHUNGSZIEL des Seminars bestanden darin, mit suggestiven interaktiven Methoden des Wissenstransfers und der Wissenseinprägung die Entwicklung und Festigung der ganzheitlichen Identität der TeilnehmerInnen zu fördern.

Selbst bei einer flüchtigen Betrachtung des FBF fällt auf, dass sich der Nord- und der Südteil stark in Hinsicht auf das Klima, die Erreichbarkeit und die Bevölkerungsdichte unterscheiden. Daraus ergeben sich Zweifel an der Existenz einer Identität, die den Bewohnern des Nordens und des Südens gemeinsam wäre, oder auch einer einheitlichen „nördlichen“ Identität. Die Tatsache, dass der Ferne Osten seit 20 Jahren die Region mit der stärksten Abwanderung ist, weist ebenso auf die schwache Ausprägung der lokalen Selbstidentifizierung hin. Es drängt sich der Schluss auf, dass Menschen diese Identifizierung auf der Suche nach besseren Lebensbedingungen mit Leichtigkeit aufopfern und bereit sind, sich mit der nationalen Identität zufriedenzugeben. Es scheint aber, als stünde es um die letztere auch nicht so gut.¹ Daraus resultieren die FORSCHUNGSAUFGABEN des Seminars: 1) die Existenz/ das Fehlen der regionalen Identität festzustellen; 2) ihre Komponenten herauszuarbeiten; 3) Faktoren, die ihre Entstehung fördern/ verhindern, zu

---

¹ Ein aktuelles Zeugnis dafür ist der Abschlussvortrag von Dmitri Medwedew auf einer Sitzung des Staatsrats in Ufa am 11. Februar 2011. Dort wurde das Ziel offen formuliert, „eine vollwertige russische Nation unter Erhalt der Identität aller Völker, die in unserem Land leben, zu schaffen“ (<http://special.kremlin.ru/transcripts/10312>). Daraus folgt eindeutig, dass sich eine solche Nation noch nicht herausgebildet hat.

bestimmen; 4) herauszufinden, ob es im Fernen Osten Besonderheiten der nationalen Identität gibt und wenn ja, worin sie bestehen.

Programm: 1) Blitzumfrage „Was ist Identität?“; 2) Vortrag von Dr. Reinhard Krumm „Deutsche Identität heutzutage“; 3) Blitzumfrage „Das Bild Russlands in einem Satz, das Bild des Fernen Ostens in einem Satz“; 4) Vorlesung von Ulrike Huhn „Erinnerungsdiskurs in Deutschland und Russland“; 5) Diskussion „Welche Geschichte stärkt die Identität?“; 6) Rundtischgespräch „Russland und der Ferne Osten: Bilder, Mythen und Tatsachen der Identität“; 7) Rollenspiel „Schöpfer — Verteiler — Verbraucher der Mythen-Ideologeme der Identität“; 8) Brainstorming „Regionale Identität außerhalb der Region: Ressource oder Einschränkung?“. Eine Besonderheit des Seminars war die Teilnahme von Personen mit deutscher Identität, die den russischen TeilnehmerInnen einen Vergleich der eigenen Identität mit den Vorstellungen von der Identität der Deutschen ermöglichte.

Ergebnisse. Die Ergebnisse sind ausführlich im Beitrag von Nadeshda Lipatowa geschildert; hier werde ich mich nur auf die Aspekte beschränken, die im zusammenfassenden Überblick über die Trainings in jedem Fall erwähnt werden sollten.

In der ersten Blitzumfrage konnte ein ziemlich vollständiges Bild des Identitätsphänomens erkannt werden. Es wurden mehrere Aspekte der Identität hervorgehoben, wie der Zeitfaktor und der mythologische Aspekt, die Selbstdefinition und die Definition über den Anderen. Im Laufe der Diskussion wurden die russischen TeilnehmerInnen dazu aufgefordert, in drei Gruppen eine Ereignisreihe zusammenzustellen, die den historischen Aspekt der russischen Identität veranschaulichen sollte. Die Präsentationen der Gruppen zeigten mit aller Deutlichkeit, dass im historischen Abriss der nationalen Identität Revolutionen und Kriege präsent sind, während der Arbeitsalltag als Teil des Lebens und der Geschichte der Nation kaum angesprochen wird. Es wurden lediglich die Erschließung des Weltraums und der Bau der Transsibirischen Eisenbahn und der Baikala-Amur-Magistrale erwähnt. Offensichtlich spiegelt sich in der Wahrnehmung der Verlegung dieser Eisenbahnen als für ganz Russland wichtige Ereignisse die regionale Identität wider. Es ist auch ganz klar, dass die Vorstellungen der jungen Menschen von landesweit signifikanten Ereignissen noch immer von dem ideologischen Erbe des Bolschewismus geprägt sind, da sich soziale Schocks und nicht die schöpferische Tätigkeit und das Privatleben im Fokus befinden.

Es wurde eine Verbindung zwischen der Blitzumfrage „Das Bild Russlands in einem Satz, das Bild des Fernen Ostens in einem Satz“ und dem Rundtischgespräch „Der Ferne Osten: Bilder, Mythen und Tatsachen der Identität“ deutlich. Die Russlandbilder, die hier vorgestellt wurden, lassen sich in folgende Cluster unterteilen: 1) innere Widersprüchlichkeit und Unvorhersehbarkeit, 2) Großmachtstatus, 3) Lyrisches, 4) Raum. Was die Struktur der regionalen Identität angeht, so kann insgesamt von der Dominanz der Vorstellungen gesprochen werden, die sich auf die Natur der Region beziehen und zum Teil mythologisierte Vorstellungen vom Fernen Osten, die außerhalb der Region entstehen, widerspiegeln.

Im Rollenspiel „Schöpfer — Verteiler — Verbraucher der Mythen-Ideologeme der Identität“ wurden zunächst die verbreitetsten Mythen-Ideologeme herausgearbeitet, die mit den Vorstellungen von äußeren Gefahren für den Fernen Osten und für Russland verbunden sind — der Gefährdung der militärischen, der wirtschaftlichen, der ökologischen und der kulturellen Sicherheit. Im Folgenden wurden die sozialen Profile des Schöpfers, des Verteilers und des Verbrauchers der entsprechenden Informationen zusammengestellt und dabei ihre Ziele und die Probleme, denen sie begegnen, sowie Lösungswege für diese Probleme identifiziert. Mit diesem Verfahren konnten populäre Identitätsmythen kritisch bewertet werden.

Zum Abschluss des Seminars wurde ein Brainstorming zum Thema „Regionale Identität außerhalb der Region: Ressource oder Einschränkung?“ durchgeführt. Dabei wurde klar, dass die TeilnehmerInnen ein breites Spektrum von Anwendungsmöglichkeiten der regionalen Identität außerhalb des FBF sehen, das vom Verbergen bis zur absichtlichen Akzentuierung der Identität reicht. Diejenigen, die sich für die Betonung der regionalen Identität aussprachen, ließen sich von nicht ganz bewussten mythologisierten Vorstellungen über Identitätskomponenten (wie aus Aussagen wie „Wir sind die schönsten“ oder „Im Fernen Osten leben die tolerantesten Menschen“ ersichtlich wird) und von der Bewertung dieser vorgestellten Eigenschaften als effektive Ressourcen außerhalb der Region leiten.

* * *

Hoffentlich brachte die kurze Beschreibung der Kamtschatka-Trainings dem Leser oder der Leserin deren Spezifik näher: Alle TeilnehmerInnen gehörten zu der Fokusgruppe, die Quellenmaterial für die Forschungsanalyse lieferte, waren aber zugleich Subjekte der Analyse, da sie Informationen

zutage förderten, die als Denkstoff dienten und sofort mehr oder weniger reflektierte Expertenmeinungen äußerten. Inwiefern die Schlussfolgerungen, die mithilfe dieser unüblichen „synthetischen“ Arbeitsmethode gewonnen wurden, stimmen, muss der Leser/ die Leserin entscheiden; ich bin aber von deren hohem heuristischem Wert überzeugt. Denn das, was uns anregt und uns in mit aller Schärfe vorgestellte und plastisch erlebte Denksituationen hineinversetzt, das, was zuvor unbemerkte Facetten aufdeckt und uns einen intellektuellen Genuss bereitet, muss einfach heuristisch sein.

Einige Worte zur Struktur dieses Buches. Im ersten Teil sind die interessantesten „Visitenkarten“, die von den VerfasserInnen nach den Trainings überarbeitet wurden, zusammengestellt. Hinzu kommen Beiträge von Autorinnen, die an den Trainings nicht teilgenommen haben: N. Wobjowa, A. Karlovsckaja und den Ko-Autorinnen aus der Kamtschatka-Universität: S. Kondraschenkowa und O. Schirjajewa. Einige Texte des ersten Teils erinnern an Essays und andere unterscheiden sich nicht von wissenschaftlichen Artikeln, meiner Ansicht nach sagen jedoch alle einem aufmerksamen Leser etwas über die fernöstliche Identität. Der zweite Teil umfasst den Text des Vortrags von Ulrike Huhn sowie drei Artikel, die von den Moderatoren des Forums und des Seminars verfasst wurden. Alle drei Beiträge greifen — mehr oder weniger stark — die Ergebnisse der Trainings und die Texte des ersten Teils auf.

TEIL I
STIMMEN AUS REGION
(Beiträge der Fernöstler)

*Natalja Worobjowa*¹

WIRTSCHAFTSRAUM DER PAZIFIK-REGION
RUSSLANDS: NEUE BESONDERHEITEN

Die östlichste Region Russland, der Ferne Osten, wird oft als Teil Europas in Asien dargestellt. Doch der Entfaltung dieser These im Rahmen einer wirtschaftlichen Analyse stehen vorhandene stereotype Wahrnehmungen der Region im Wege. Diese können als Triade „Raum — Bevölkerung — Ressourcen“ zusammengefasst werden. Einerseits prägen diese Charakteristika tatsächlich den Wirtschaftsraum der Region und entsprechen somit der Realität. Andererseits ist diese Triade mit entsprechenden Kennzahlen in wissenschaftlicher Hinsicht wenig ergiebig, da ihre Identifizierung nur den ersten Schritt in der Analyse der Besonderheiten der Region darstellt.

In diesem Beitrag werden wir versuchen zu zeigen, inwiefern die Charakteristika der Triade einerseits unumgänglich, andererseits für eine

---

¹ *Natalja Worobjowa* ist Doktorandin und Dozentin am Lehrstuhl für Wirtschaft und Finanzen der Staaten der Region Asien-Pazifik, Ostinstitut, Staatliche Universität Fernost, Wladiwostok.

Analyse unzureichend ergiebig sind. Des Weiteren werden wir den Versuch unternehmen, diese Charakteristika weiter zu entwickeln, so dass sie als terminologisches Instrumentarium dienen können, mit dessen Hilfe wir neue Besonderheiten des Wirtschaftsraumes identifizieren und auf dieser Grundlage die Region neu benennen und mögliche Änderungen in Identität seiner Bewohner vorhersagen können.

Raum — Bevölkerung — Rohstoffe

Verhältnis zwischen dem Raum und der Bevölkerung. Der Föderationsbezirk Fernost (FBF), der Ferne Osten, ist die entlegenste und flächengrößte Region der Russischen Föderation. Die Fläche der Region umfasst 6,2 Mio. km² oder 36,4% der Gesamtfläche Russlands. Dabei ist er von allen Föderationsbezirken am dünnsten besiedelt. Anfang 2009 lebten 6 Mio. 486 Tausend Personen (4,5% der russischen Bevölkerung) innerhalb seiner Grenzen. Auf den Grad der Erschließung der Gebiete weist die Bevölkerungsdichte hin: 2009 betrug sie im Bezirksdurchschnitt 1,05 Personen pro km².¹ Dabei sinkt das Arbeitspotential des Föderationsbezirkes, da die Verschlechterung der wirtschaftlichen Existenzbedingungen einen großen Rückgang der Bevölkerungszahlen zur Folge hat, der auf die Migration sowie die Überlappung der Geburtenrate durch die Sterberate zurückzuführen ist. Im Zeitraum von 2000 bis 2009 sank die Bevölkerungszahl des Föderationsbezirks um 5% und im Zeitraum von 1990 bis 2009 um 19,8%: von 8,1 auf 6,4 Mio. Einwohner.² Kein anderer Föderationsbezirk hat Verluste in diesem Umfang erlebt.

Naturressourcen. FBF ist großzügig mit Naturressourcen ausgestattet, insbesondere mit Bunt- und Edelmetallen. Hier sind 92% der russischen Zinnvorkommen, 81% der Diamantenvorkommen, 40% der Goldvorkommen, 23% der Wolframvorkommen und 11% der Kohlevorkommen konzen-

---

¹ Vgl.: *Дальний Восток России: положение Приморского края в сравнении с другими субъектами ДВФО* / Под ред. В.Ф. Шаповалова (*Der Ferne Osten Russlands: Situation der Region Primorje im Vergleich mit anderen Subjekten des Föderationsbezirks Fernost*. Hrsg.: W. Schapowalow). Primorskstat, Wladiwostok 2009. S. 9–12; *Российский статистический ежегодник 2008: Стат. сб.* (*Russischer statistischer Jahresbericht 2008: Statistischer Sammelband*). Rosstat, Moskau 2008. S. 92–95.

² *Российский статистический ежегодник 2008...* (*Russischer statistischer Jahresbericht 2008...*). S. 120–124.

triert. Die Region ist reich an fossilen Brennstoffen: auf dem Sachalinschelf gibt es Erdöl und Erdgas. Es bestehen günstige Voraussetzungen für die Entwicklung der Schwarzmetallurgie: in Jakutien, im Gebiet Amur und im Jüdischen Autonomen Gebiet gibt es beträchtliche Eisenerzvorkommen. Besondere Erwähnung verdienen erneuerbare Naturressourcen des Fernen Ostens: biologische Meeresressourcen und Holz. Der Ferne Osten hat einen Anteil von 60% am gesamtrossischen Fischfang. An der Ostküste sind ca. 300 Meereshäfen mit lokaler Bedeutung konzentriert, was die Entwicklung der Seefahrt und der Fischerei fördert. Sie haben einen Anteil von 1/3 am gesamten Güterumschlag der russischen Häfen.¹

Vergleicht man die Strukturen des Frachtvolumens von Gütern aus Eigenproduktion der einzelnen Föderationsbezirke in der Branche „Rohstoffförderung“ (Bild 1), so fällt eine charakteristische Besonderheit des Föderationsbezirks Fernost auf: diese Region hat mit 63,7% den größten Anteil der Förderung von Naturressourcen, die nicht zu Brennstoffen gehören. Im Landesdurchschnitt ist diese Rate mit 11,5% wesentlich geringer.

In Russland gelten Naturressourcen sowie deren Förderung und Export üblicherweise als eine Quelle von Wettbewerbsvorteilen einer Region. Diese Sichtweise ist aber nicht oder nicht ganz richtig; jedenfalls ergeben sich aus dieser gewohnten Quelle fast keine fassbaren Vorteile.

Erstens erscheint die Behauptung, auf der Grundlage des Ressourcenreichtums sei eine langfristige Entwicklung der Region möglich, wissenschaftlich fragwürdig. Entwicklung hängt mit Veränderungen zusammen, die nicht von außen aufgezwungen sind, sondern sich von innen herausbilden. Nach M. Spechler hob bereits J. Schumpeter in seinem Werk „Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung“ hervor: „Würde sich ergeben, dass (...) das Phänomen, was wir in praxi wirtschaftliche Entwicklung nennen, lediglich darauf beruht, dass sich die Daten ändern und dass sich die Wirtschaft ihnen fortschreitend anpasst, so würden wir sagen, dass es keine wirtschaftliche Entwicklung gäbe“.² Mit anderen Worten sollten die Ausstattung mit und die Außennachfrage nach Naturressourcen als vorrangig exogene Cha-

---

¹ *Дальний Восток России: положение Приморского края... (Der Ferne Osten Russlands: Situation der Region Primorje...)*. S. 15–18.

² Spechler M.: *Perspectives in Economic Thought*. New York: McGraw-Hill, Inc. 1990. P.194. Vgl.: Schumpeter, J.: *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. 7. Auflage. Duncker & Humblot, Berlin 1987. S. 95-96.

RF: Russische Föderation insgesamt
 Z: Zentraler Föderationsbezirk
 NW: Föderationsbezirk Nordwest
 S: Föderationsbezirk Süd
 W: Föderationsbezirk Wolga
 U: Föderationsbezirk Ural
 Sib: Föderationsbezirk Sibirien
 FO: Föderationsbezirk Fernost

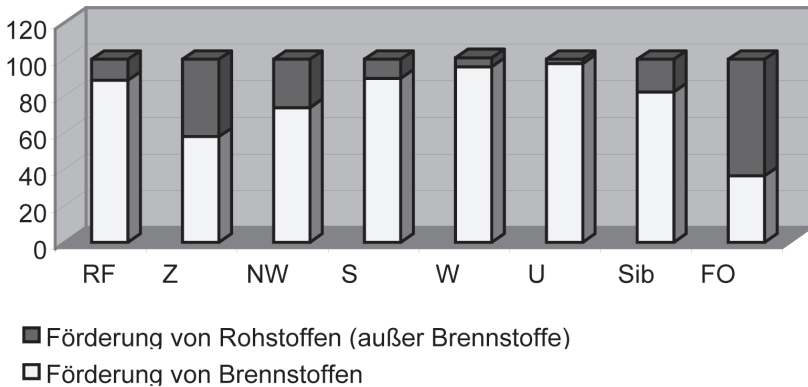

Bild 1. Struktur des Frachtvolumens von Gütern aus Eigenproduktion für die Wirtschaftsbranche „Rohstoffförderung“ in Föderationsbezirken der RF, 2009 (%)¹

rakteristika der regionalen Wirtschaft betrachtet werden. Dementsprechend wird die Erhöhung der Förderung und des Exports von Naturressourcen in einer Region durch den Einsatz der Vorräte, die zur Zeit nicht erschlossen und nicht im Wirtschaftskreislauf vertreten sind, keinen direkten Bezug zur wirtschaftlichen Entwicklung der Region haben.

Zweitens kann der Ferne Osten Russlands in Hinsicht auf die Ausstattung mit erschlossenen Naturressourcen, insbesondere im Bereich der Mineralrohstoffe, nicht als eine einzigartige Region mit einem bedeutenden Vor-

¹ Zusammenstellung nach: *Российский статистический ежегодник 2008... (Russischer statistischer Jahresbericht 2008...)*. S. 110–112; *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. (Regionen Russlands. Sozioökonomische Kennzahlen. 2008: Statistischer Sammelband)*. Rosstat, Moskau 2008. S. 90–93.

sprung im Vergleich zu Nachbarregionen anderer Staaten bezeichnet werden. Dieser Umstand ist in wissenschaftlichen Werken bereits festgestellt worden. So schreibt Prof. P. Minakir, Mitglied der Russischen Akademie der Wissenschaften, in seinem Werk: „Wenn man den Fernen Osten, Transbaikalien, selbst Ostsibirien mit Nordostasien, und zwar mit China, Nord- und Südkorea und der Mongolei vergleicht, so wird deutlich, dass nicht der russische Ferne Osten, sondern China, insbesondere Nordostchina, eine solche Schatzkammer von Mineralrohstoffen ist.“¹ Insgesamt gibt es auf der Welt nur zehn Länder, in denen jeweils über 30 Mineralien gefördert werden, und USA, China und Russland nehmen in dieser Liste nach der Konzentration der geförderten Rohstoffe respektive die Plätze eins bis drei ein. Ihr Anteil an der weltweiten Förderung von Mineralrohstoffen beläuft sich auf ca. 41%.²

Unserer Ansicht nach können mit einer weiteren Analyse neue Wettbewerbsvorteile des Wirtschaftsraums des Fernen Ostens identifiziert werden: die räumliche Nähe der Region zu China und die Änderung der Richtung der wirtschaftlichen Integration.

Räumliche Nähe zu China: Vor- und Nachteile

Noch vor zehn Jahren wäre die Behauptung, dass die Nähe zur Volksrepublik China die Wettbewerbsvorteile der russischen Region erhöhe, unbegründet gewesen. Bis 2010 änderte sich jedoch die Situation. Dank dem kontinuierlichen Wirtschaftswachstum nahm der Anteil Chinas an der Wirtschaft und dem Handel in der Welt und in der Region beträchtlich zu und steigt weiter. So erhöhte sich im zweiten Quartal 2009 das BIP der Volksrepublik China um 8%, während es in Russland um 10% fiel.³ Die Präsenz Chinas auf den globalen Rohstoff- und Technologiemarkten ist wiederum in den letzten

---

¹ Минакир П.А.: *Стратегия развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 года* (Minakir, P.: *Entwicklungsstrategie für den Fernen Osten und Transbaikalien bis 2010*). In: *Регион: экономика и социология* (Region: ekonomika i soziologija), 2002. Nr. 3. S. 34–40.

² *О проблемах минерально-сырьевого комплекса страны* (Zu Problemen des russischen Mineralrohstoff-Komplexes). In: *Промышленные ведомости* (Promyschlennyye wedomosti), 2008. Nr. 7. Quelle: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml> (Abruf am 10.11.2010).

³ *Обзор мировой экономики – январь 2010 года* (Übersicht über die Weltwirtschaft: Januar 2010). In: *Мировая экономика* (Mirowaja ekonomika). Quelle: <http://www.ereport.ru/reviews/rev201001.htm> (Abruf am 20.11.2010).

Jahren prominent geworden, seit China im Kontext der Weltwirtschaftskrise seine Marktanteile durch eine Aktivierung der Investitionspolitik zu erhöhen begann. Daher bildete sich das Potential einer Reihe von win-win-Effekten der geographischen Nachbarschaft erst heute heraus.

Eine Besonderheit von Großstaaten ist die lokale Ausrichtung ihrer Großregionen auf Beziehungen mit Anrainerstaaten. Auch russische Grenzregionen verspüren einen Einfluss der Nachbarstaaten. So hat der Süden Russlands Beziehungen zu den Staaten des Nahen Ostens und Zentralasiens; Zentralregionen sind mit ehemaligen Unionsrepubliken und westeuropäischen Staaten verbunden; der Nordwesten arbeitet eng mit skandinavischen Staaten zusammen. Seinen Platz im System der regionalen grenzüberschreitenden Zusammenarbeit hat auch der Ferne Osten, der mit engen Beziehungen zu den Ländern der Region Asien-Pazifik die „eurasische Mission Russlands“¹ erfüllt.

Die räumliche Nähe zu China wird ohne eine neue Pazifik- und Grenzstrategie Russlands bloß ein potentieller Vorteil bleiben. Das Ziel dieser Strategie soll darin bestehen, die russische Wirtschaft der Grenze zwischen Russland und China näher zu bringen. Russische Regionen, insbesondere die Regionen des Fernen Ostens, dürfen die entstehenden Möglichkeiten einer Handels- und Investitionspartnerschaft mit der chinesischen Seite nicht veräußen. Einiges wurde bereits erreicht, weitere Maßnahmen folgen. Ein Zeugnis der Intensivierung der bilateralen Beziehungen ist die Erweiterung der grenzüberschreitenden regionalen Zusammenarbeit. 2009 wurde ein „Kooperationsprogramm zwischen den Regionen des Fernen Ostens und Ostsibiriens der Russischen Föderation und des Nordostens der Volksrepublik China (2009–2018)“ unterzeichnet.² Im Rahmen dieses Programms sind eine gemeinsame Förderung eines breiten Spektrums von Rohstoffen auf russischem Gebiet und ihre Ausfuhr nach China vorgesehen, wo die verarbeitende Industrie entwickelt werden soll.

---

¹ Für nähere Informationen zu der eurasischen Mission s.: Дарькин С.М.: *Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность* (Darkin, S.: *Pazifik-Russland. Strategie, Wirtschaft, Sicherheit*). Delo, Moskau 2007. S. 45–49.

² Der Text des Programms ist unter: <http://www.lawinrussia.ru/kabinet-yurista/zakoni-i-normativnie-akti/2010-07-18/programma-sotrudnichestva-mezhdu-regionami-dalnego-vostoka-i-vostochnoy-sibiri-rf-i-severo-vostoka-knr-2009-2018-godi.html> zu finden.

Chinesische Arbeiter sollen sich an der Förderung der Vorkommen beteiligen, was vor dem Hintergrund des Rückgangs der russischen Bevölkerung im Fernen Osten beträchtliche ungünstige Verschiebungen in der Bevölkerungsstruktur Russlands zur Folge haben kann und die Notwendigkeit einer zielgerichteten Migrationspolitik verstärkt. Mit anderen Worten wird es schon heute deutlich, dass die bestehende räumliche und die potentielle wirtschaftliche Nähe der beiden Länder nicht nur positive, sondern auch negative Konsequenzen haben kann. Es handelt sich dabei um den sogenannten „Gegenwelleneffekt“, der entsteht, wenn das Wirtschaftswachstum in einem Land sich negativ auf die Entwicklung der Nachbarregion eines anderen Landes auswirkt. Ob dieser Effekt in Bezug auf den Fernen Osten Russlands entsteht, wird davon abhängen, wie die Besonderheiten der russischen Region mit den Besonderheiten des Teilgebiets innerhalb der Großregion Asien-Pazifik, dem sie angehört, d.h. Nordostasiens, korrelieren werden.

Die erste Besonderheit ist die wirtschaftliche Heterogenität.¹ Sie kommt in der beträchtlichen Streuung der Entwicklungsniveaus der Länder Nordostasiens und der gesamten Region Asien-Pazifik zum Ausdruck. Die Vorteile, die im Idealfall für die sich annähernden Länder aus der Integration resultieren, sind jedoch nur unter der Bedingung möglich, dass diese Länder in Hinsicht auf die Größe des Binnenmarktes und das Niveau der technologischen Entwicklung ausgeglichen sind. Diese Bedingung muss auch bei der Entwicklung der grenzüberschreitenden Zusammenarbeit berücksichtigt werden. Die erfolgreichsten Integrationsbeispiele aus der Geschichte belegen, dass die Integration in großem Maße dank dieser Ausgewogenheit erreicht wurde. Der wirtschaftliche Aufschwung Chinas vertieft die Kluft zwischen dem russischen und dem chinesischen Teil Nordostasiens und erhöht damit die Wahrscheinlichkeit des „Gegenwelleneffekts“, der in diesem Fall als ein „Diskriminierungs- bzw. Integrationseffekt“ spezifiziert werden kann. Diese Wahrscheinlichkeit kann gesenkt werden, wenn nach dem Prinzip „erst Innovationen, dann Integration“² vorgegangen wird: d.h. Integrations-

---

¹ Diese Besonderheit kann auch als Asymmetrie definiert werden. Vgl.: Кузнецова Н.В., Фокин Н.И.: *Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Взгляд из России и США* (Kusnezowa, N., Fokin, N.: *Herausforderungen für die Sicherheit in der Region Asien-Pazifik: Blick aus Russland und aus den USA*). Verlag der Universität Fernost, Wladiwostok 2006. S. 206.

² Ebd.

prozesse müssen mit der Modernisierung der russischen Wirtschaft verknüpft werden.

Die zweite Besonderheit besteht in der soziokulturellen Heterogenität. Nordostasien setzt sich aus einer Vielfalt von Kulturen, Nationalitäten, Sprachen und komplexen historischen Hintergründen zusammen. Die Heterogenität hat ihre spezifischen Kosten, vor allem die Kosten der wechselseitigen Anpassung, die bei der Erweiterung der regionalen Wirtschaftsbeziehungen steigen können. Die Politik der Staaten und der regionalen Regierungen in den Bereichen des Außenhandels, der Auslandsinvestitionen, der internationalen Produktionskooperation und der grenzüberschreitenden Migration kann bei immer größeren Gruppen von Bürgern immer weniger Zustimmung finden.

Die dritte Besonderheit ist die Anfälligkeit des Fernen Ostens für die „holländische Krankheit“.¹ Angesichts des Rückstandes der Länder mit vielen Naturressourcen und mit einer auf die Ausfuhr von Rohstoffen ausgerichteten Exportstruktur, der anhand zahlreicher Beispiele analytisch und empirisch belegt wurde, kommt die Frage auf, ob dieser Rückstand nicht ebenfalls eine Folge des „Gegenwelleneffektes“ darstellt. Inwiefern sollte die Integration angestrebt werden, wenn sie über die Veränderung der Exportstruktur das Wirtschaftswachstum abbremsen wird? Die Antwort auf diese Fragen kann bislang nur allgemein formuliert werden: nicht nur jedes Land, sondern auch jede Region eines einzelnen Landes hat spezifische Hindernisse auf dem Weg zur Integration, und damit auch ein eigenes Modell und eine eigene Wegekarte der Integrationsprozesse.

Desintegration in Bezug auf die russische Wirtschaft

Diese zweite Besonderheit des Wirtschaftsraumes des Fernen Ostens, die sich erst seit kurzem bemerkbar macht, prägt die Situation in der Region in vielerlei Hinsicht.

Strukturschwächen des Bruttoregionalprodukts. Die Grundlage der Wirtschaft des FBF bildet die Industrieproduktion, die die Hälfte des Bruttoregionalprodukts (BRP) ausmacht. In der Industriestruktur des Bezirkes sind fast alle Wirtschaftsbranchen vertreten. Besonders gut sind die *Buntmetallverarbeitung* (der Großteil der Produktion wird in Betrieben Jakutiens hergestellt), die *Stromerzeugung* (62% der Kraftwerke sind in den Regionen Primorje und Chabarowsk angesiedelt), die *Nahrungsindustrie*, einschließlich

---

¹ Ebd.

der *Fischerei* (die Regionen Primorje, Chabarowsk, Kamtschatka sowie das Gebiet Sachalin) entwickelt. Der Beitrag des Föderationsbezirks zur russischen *Agrarproduktion* ist mit unter 4 % unbedeutend.¹

Leider machen sich in Bezug auf die Wirtschaftstätigkeit „Fischfang, Fischzucht“ ausgeprägte negative Tendenzen bemerkbar. Der Ferne Osten liefert im Durchschnitt über 60% des russischen Fischertrags pro Jahr, und die Fischerei hat hier eine viel wichtigere Bedeutung als in anderen russischen Regionen, denn in der Struktur des regionalen Bruttomehrwerts hat diese Tätigkeit einen Anteil von 3,6%, während der gesamtrossische Durchschnittswert bei 0,3% liegt. Dennoch gehört der Fischfang nach wie vor zu den rückständigen Branchen. Er bleibt sowohl in Hinsicht auf die Beschäftigtenzahlen im Jahresdurchschnitt (unter 2% der Gesamtbeschäftigung) als auch in Hinsicht auf die Investitionen in Sachanlagen, auf den Grundfondsverschleiß (56,1%) und auf den Grundmitteleinsatz (0,1%) zurück.² In dieser Situation ist eine durchdachte Regionalpolitik für den Fischfang dringend erforderlich, zumal die vorhandene Ressourcenbasis dafür ausreichen würde, die Branche weiter zu entwickeln und sowohl für den Binnenmarkt als auch für den Export zu produzieren.

In der Struktur der Industrieproduktion dominieren insbesondere die Förderbranchen, während die verarbeitende Produktion fast in allen Subjekten des Föderationsbezirks Fernost unterentwickelt ist. Statistische Daten belegen, dass der Umfang der verarbeitenden Produktion der Region im gesamtrossischen Vergleich die niedrigsten absoluten Zahlen aufweist, während die Förderung der Rohstoffe den Umfang der Verarbeitung mehr als doppelt übersteigt.³

Die große Fläche der Russischen Föderation und die regionalen Unterschiede stellen ein besonderes Problem für die wirtschaftliche Entwicklung des Landes dar. In den 1990er Jahren haben sich im Land bedeutende regionale Differenzen im Hinblick auf das Tempo des Wirtschaftswachstums und das Einkommen an einigen Stellen erstmals so deutlich gezeigt und an anderen Stellen verschärft. Diese Unterschiede spiegeln die äußerst ungleichmäßige räumliche Verteilung der Wettbewerbsvorteile und der Ressourcen

---

¹ Vgl.: *Дальний Восток России: положение Приморского края...* (*Der Ferne Osten: Situation der Region Primorje...*). S. 20–21.

² Ebd.

³ Ebd.

wider bzw. resultieren zum Teil aus den Fehlern der sowjetischen Raumplanung. Ist konkret von der Situation im Fernen Osten die Rede, so ist für dieses Gebiet sowie für Transbaikalien eine geringe Dichte der Wirtschaftstätigkeit bei einer großen Fläche charakteristisch. Dies ist eines der größten Probleme der Region.

Beweise für die Desintegration. Wie wir gesehen haben, macht der Ferne Osten fast 40% der Fläche der Russischen Föderation aus. Leider befinden sich die wichtigsten Wirtschaftszentren dieser riesigen Region in einer schwierigen Situation. Schon die Entfernungen stehen dem Anschluss der Region an den einheitlichen russischen Wirtschaftsraum im Wege. Fast 5 Tausend km beträgt der Beschaffungsradius für Waren, die nach oder aus Ostsibirien geliefert werden, 6,5 Tausend km für Lieferungen nach oder aus Westsibirien, über 7 Tausend km für Lieferungen zum Ural und fast 10 Tausend zu den Wirtschafts- und Logistikzentren im europäischen Teil Russlands. Selbst innerhalb des Fernen Ostens gibt es gewaltige Entfernungen auf der Nord-Süd-Strecke, so dass die Beschaffungsradien 3 Tausend km übersteigen. Unter diesen Voraussetzungen ist es ziemlich schwer, eine enge Beziehung zum Binnenmarkt aufrechtzuerhalten,¹ und viele Daten weisen tatsächlich auf eine wirtschaftliche Isolation der Region vom Landeszentrum hin. Der Grad der Integration in den russischen Wirtschaftsraum ist in den letzten zwei Jahrzehnten drastisch gesunken. Davon zeugt vor allem der wichtigste Indikator der Integration: die Preise für gleiche Waren und Ressourcen. Hier kommt es nicht zu einer Angleichung.

Es gibt aber auch andere Belege der Desintegration. Zurzeit werden nur 5% des BRP für den russischen Binnenmarkt produziert (1989 lag diese Quote bei 80%).² Nicht nur kolossale Transportkosten schließen den Fernen Osten aus dem System der innerstaatlichen Marktbeziehungen aus und haben einen negativen Einfluss auf die Produktionskosten im Fernen Osten. Die gleichen Auswirkungen haben auch die Strom- und Heizkosten: sie sind 40 % höher als die russischen Durchschnittspreise und wachsen doppelt so schnell wie in westlichen Regionen Russlands.³

---

¹ Минакир П.А.: *Стратегия регионального развития...* (Minakir, P.: *Entwicklungsstrategie...*) S. 38–40.

² *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб.* (Regionen Russlands. Sozioökonomische Kennzahlen. 2008: Statistischer Sammelband). Rosstat, Moskau 2008. S. 92–94.

³ Ebd.

Es ist nicht verwunderlich, dass die Lebenserhaltungskosten im Fernen Osten viel höher als in anderen russischen Regionen sind. So lagen hier im Januar 2009 die Kosten des Warenkorb für Lebensmittel 22% über dem Landesdurchschnitt. Der Anteil der Personen, deren Einkommen unter dem Existenzminimum liegt, beläuft sich in der Region auf 21,2% (in Russland im Schnitt auf 17,6%).¹

Ausländische Investitionen und Außenhandel. Sie haben auf die Wirtschaft des Fernen Ostens einen stärkeren Einfluss als auf die russische Gesamtwirtschaft. Die Region behält mit 12,2% der landesweiten ausländischen Investitionen den Status des attraktivsten Standortes für ausländische Investoren bei. In den 1990er — 2000er Jahren waren das größtenteils Investitionen in Schelfvorkommen der Insel Sachalin, heute kommen auch ostsibirische Erdöl- und Erdgasvorkommen hinzu, deren Erschließung ohne die Entwicklung des Verkehrs- und Logistiknetzes im Fernen Osten unmöglich ist. Den größten Anteil an Außenhandelsgeschäften im Osten Russlands haben nach wie vor China, Südkorea, Japan und die USA. Der Gesamtumfang der ausländischen Investitionen in den Regionen des Fernen Ostens stieg im Zeitraum 2000 — 2009 13fach: von 0,6 Mrd. US-Dollar auf 8 Mrd. US-Dollar, so die Angaben der ersten Sitzung des Rates für Anziehung ausländischer Investitionen, die im November 2010 von Wiktor Ischajew, dem bevollmächtigten Vertreter des Präsidenten im Föderationsbezirk Fernost, einberufen wurde.²

Zu den attraktivsten Branchen gehören neben der Brennstoffbranche (76%) die Montanindustrie, die ausländische Investitionen in Höhe von 1,5 Mrd. US-Dollar bzw. 18% der Gesamtinvestitionen umfasst, sowie die Forstwirtschaft (2,5%).³

Nach den Angaben der bevollmächtigten Vertretung des Präsidenten fließt das Auslandskapital vor allem in das Gebiet Sachalin. 2009 hat dieses Gebiet mit 5,9 Mrd. US-Dollar 69% der gesamten ausländischen Investitio-

---

¹ *Дальний Восток России: положение Приморского края... (Der Ferne Osten Russlands: Situation der Region Primorje...)*. S. 82–84.

² *Сахалин и Якутия являются лидерами по привлечению иностранных инвестиций на Дальнем Востоке (Sachalin und Jakutien führen bei ausländischen Investitionen im Fernen Osten an)*. Quelle: <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/main.asp?id=189808> (Abruf am 20.11.2010).

³ Ebd.

nen in die Region akkumuliert. Dabei richteten sich über 90% der Investitionen in die Erdöl- und Erdgasbranche. Unter anderen Subjekten des Föderationsbezirks Fernost stechen die Republik Sacha (Jakutien) — 13,3% des Gesamtumfangs von ausländischen Investitionen — und der Autonome Bezirk Tschukotka — 11,1% der Investitionen — hervor. Viel bescheidener sind die entsprechenden Werte für die Region Chabarowsk und das Gebiet Amur (respektive 3 und 2,5%). Zu den führenden Investoren gehörten im letzten Jahrzehnt die Niederlande (49,2% der ausländischen Investitionen in die Region im Zeitraum von 2002 bis 2009), Japan (12,1%), Großbritannien (8,8%), Indien (3,7%) und die Steueroasen: Bahamas (6%) und Zypern (3,2%).¹

Es sei hier angemerkt, dass der Anteil Japans am russischen Außenhandel zurzeit bei 3% liegt, wobei der Anteil Russlands im Warenumsatz Japans mit nur 0,5–0,7% noch geringer ist, was dem Potential der beiden Seiten keineswegs entspricht.²

Heute setzt der Ferne Osten Russlands auf eine Reihe großer Investitionsprojekte, die die Entwicklung der regionalen Wirtschaft langfristig sichern können.

Der Ferne Osten Russlands oder die Pazifik-Region Russlands?

Im Titel des Artikels wird die Region nicht zufällig als die „Pazifik-Region Russlands“ und nicht als der „Ferne Osten“ bezeichnet. Sicherlich ist diese Bezeichnung für die Bewohner der Region ungewohnt, sie trifft aber besser auf die heutige Realität zu, die in großem Maße durch die aktuelle Bewegungsrichtung der Region in der wirtschaftlichen Umgebung definiert wird. Aus dieser Perspektive ist es sichtbar, dass sich der Ferne Osten Russlands immer mehr in eine *Pazifik-Region* Russlands verwandelt, d.h. in eine Region, die sich immer stärker in den Markt der Länder der Region Asien-Pazifik und nicht in den russischen Binnenmarkt integriert. Die neue Pazifik-Politik, die unserer Ansicht nach auch als die neue Fernost-Politik umgesetzt werden soll, sollte den Schwerpunkt auf die Festlegung optimaler Grenzen dieser Umorientierung legen.

---

¹ Ebd.

² Бабусенко С.Г.: *Москва между востоком и западом* (Babusenko, S.: *Moskau zwischen Ost und West*). In: *Дипкурьер НГ* (*Dipkurjer NG*), 21.06.2001. Quelle: <http://world.ng.ru/archive/razdel/dipcorpus/> (Abruf am 12.11.2010).

Vielleicht sollte ein neues nationales Prioritätsprojekt „Pazifik-Region Russlands“ verfasst werden? Jedenfalls ist es an der Zeit, nach einer Antwort auf die Frage nach der Zukunft der Region zu suchen. Wird diese Zukunft den *Schwerpunkt auf die außenwirtschaftliche grenzüberschreitende Integration* legen und die Einbindung in die Wirtschaftsbeziehungen der Region Asien-Pazifik bringen? Und wie wird sie sich in diesem Fall auf die soziale Transformation der Region und auf die Identität ihrer Einwohner auswirken?

Heute strebt die russische Regierung aktiv eine Erhöhung der Beteiligung Russlands am einzigartigen Integrationsmechanismus der Region Asien-Pazifik, d.h. am Forum für asiatisch-pazifische wirtschaftliche Zusammenarbeit (APEC) an. Das Projekt APEC 2012, d.h. die Durchführung des Forums in Wladiwostok im Jahre 2012 unter dem russischen Vorsitz, eröffnet reale Entwicklungsmöglichkeiten für den Fernen Osten. Gleichzeitig wirft die Tendenz zur Umwandlung des Fernen Ostens Russlands in eine „Pazifik-Region Russlands“ viele Fragen auf. Von der Notwendigkeit, optimale Grenzen für diese Umorientierung festzulegen, sollten sowohl die Sicherheitsstrategie, eine neue Regionalpolitik als auch ein neues Nationalprojekt zur Entwicklung unserer Region ausgehen.

*Nadeshda Zoj*¹

WLADIWOSTOK: IDENTITÄTSMARKER

Wladiwostok ist eine Hafenstadt im Fernen Osten Russlands, eine 150-jährige Stadt mit einer einzigartigen Vergangenheit, einer widersprüchlichen Gegenwart und einer unvorhersehbaren Zukunft. Sie hat ihre Verehrer, es gibt aber auch Menschen, denen sie nicht gefällt, die sie gern haben *müssen* und dazu von aufdringlichen Bannern mit dem Schriftzug „Ich liebe diese Stadt!“ aufgefordert werden. In der Wahrnehmung jedes Stadteinwohners setzt sich Wladiwostok aus konkreten Orten, Ereignissen, aus dem besonderen Geist der Stadt und natürlich aus Bildern, in denen die Orte, die Ereignisse und der Geist konzentriert zum Ausdruck kommen, zusammen. Aus welchen Bildern ergibt sich das Gesamtbild Wladiwostoks? Welchen Eindruck macht das Leben in dieser Stadt? Und noch wichtiger: nach welchen Kriterien identifiziert eine Person sich selbst oder einen anderen als Einwohner Wladiwostoks? Dieser Artikel setzt sich das Ziel, für Wladiwostok-Einwohner relevante Identitätsmarker zu finden und zu beschreiben.

---

¹ Nadeshda Zoj ist im Zentrum für Vorbeugung von Drogenabhängigkeit und destruktiven Einflüssen an der Föderalen Universität Fernost, Wladiwostok, tätig.

Das Konzept

Die Identität, die im Mittelpunkt unseres Forschungsinteresses liegt, kann begründet als regional definiert werden, wenn wir uns bei ihrer Beschreibung auf das Gebiet der Stadt oder der Region Primorje beschränken, oder aber als subregional, wenn wir berücksichtigen, dass Wladiwostok und Primorje der Großregion Fernost angehören. Vom konzeptuellen Standpunkt aus ist dieser Unterschied jedoch nicht relevant, so dass wir uns im Folgenden nur auf den Begriff: „regionale Identität“ beschränken werden.

Obwohl das Konzept der regionalen Identität einen interdisziplinären Inhalt hat und sich der Methoden der Wirtschaftswissenschaft, der Soziologie, der Sozialgeographie sowie der Sozialpsychologie bedient, ist er genetisch vor allem mit der Theorie der sozialen Identität verbunden. Ihre Begründer L. Schnejder und J. Turner sahen in der sozialen Identität eine bestimmte Ebene der Selbstkategorisierung einer Person. Die Vertreter der interaktionistischen Schule (G. Mead, E. Goffman) und der Schule der sozialen Vorstellungen (S. Moscovici, M. Zavalloni) betrachteten die soziale Identität als eine Ebene des Selbst-Konzepts.¹ Der regionale Aspekt der Problematik war für sie nicht von Interesse, es ist aber durchaus möglich, die oben angeführten Postulate auf die regionale Ebene anzuwenden. Der geographische Ansatz in den Identitätsstudien setzt den Akzent auf die Erforschung der Besonderheiten der geographischen Umgebung in einem bestimmten Raum oder in einer bestimmten Region als Faktoren und Indikatoren der räumlichen Differenzierung von Kulturen.² Wird der geogra-

---

¹ Nach: Межевич М.Н.: *Основные направления региональной политики Российской Федерации. Ч. 2. Механизмы региональной политики. Региональная идентичность: теоретическое содержание и методология изучения.* (Meshewitsch, M.: *Schwerpunkte der Regionalpolitik der Russischen Föderation. Teil 2. Mechanismen der Regionalpolitik: Regionale Identität: theoretischer Inhalt und Unterrichtsmethodologie*). Lehrbuch. Quelle: <http://dvo.sut.ru/libr/history/i299mez2/2.htm> (Abruf am 10.10.2010). Siehe auch: <http://iskhakov.narod.ru/tedter.html>.

² Vgl. z.B.: Замятина Н.Ю.: Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы (Samjatina N.: Struktur der räumlichen Wahrnehmung in verschiedenen Ländern: Problemstellung). In: *Третьи сократические чтения по географии (Старая Русса, 2–5 мая 2002 г.). Россия в современном мире: поиск новых интеллектуальных подходов.* С. Статей / Под ред. В.А. Шупепа (*Dritte Sokrates-Lesungen in Geographie (Staraja Russa, 2.-5. Mai 2002). Russland in der modernen Welt: Suche nach neuen intellektuellen Ansätzen.*

phische Ansatz in die Theorie der sozialen Identität integriert, so kann die regionale Identität als eine Form der Selbstpräsentation definiert werden, mit deren Hilfe sich eine Person oder eine Gruppe im Raum verortet und ihren „Platz“ oder ihre Lage im Raum einschätzt und auf die Außenwelt bezieht.

Bei der Erforschung der Besonderheiten in der Erkenntnis der eigenen, auf eine bestimmte Art verorteten Umwelt muss unbedingt die subjektive Vorstellung über die räumliche Struktur der Außenwelt — die sogenannte kognitive Karte¹ — berücksichtigt werden. Im heutigen Gebrauch bedeutet kognitive Karte die Repräsentation eines Ortes: das Produkt eines kognitiven Prozesses, im Laufe dessen das Subjekt aktiv mit der Umwelt interagiert. Nach der Theorie der kognitiven Wahrnehmung der Umwelt gibt es eine spezifische Umweltkognition: sie umfasst Wissen, Vorstellungen, Eindrücke und Glauben, die eine Person oder eine Personengruppe in Bezug auf verschiedene Aspekte der realen und vorgestellten physischen, sozialen, kulturellen, ökonomischen und politischen Umgebung entwickelt. Darüber hinaus bezieht sich der Begriff „Umweltkognition“ nicht nur auf die Abbildung von Elementen im Bewusstsein, sondern auch auf die Repräsentation von Ereignissen sowie von dynamischen, funktionalen und zyklischen Erscheinungen (Klima, Verkehr u.ä.), auf die Bedeutungen, die der Mensch äußeren Objekten zuordnet, auf die Kollektivsymbolik von verschiedenen Orten usw.²

Als Indikator der regionalen Identität haben wir das Konzept „Stadt-bild“ gewählt, das mit der Theorie der kognitiven Wahrnehmung der städtischen Umgebung im Einklang steht.

Ein Sammelband. Hrsg.: W. Schuper). Sputnik +, Moskau 2002. S. 242–259; Замятин Д.: *Геокультура: образ и его интерпретации* (Samjatin, D.: *Geokultur: Bild und Deutungen*). In: *Вестник Евразии (Westnik Jewrasii)*, 2002, Nr. 2. S. 5–33.

¹ Der Begriff wurde von Edward Tolman eingeführt. Vgl. z.B.: Tolman, E. C.: *Cognitive maps in rats and men*. In: *The Psychological Review*, 1948, Vol. 55, No. 4. P. 189–207. Quelle: http://road.uww.edu/road/eamond/351-Cognitive_Psychology/Reading/Tolman-Cognitive%20maps%20in%20rats%20and%20men.pdf (Abruf am 06.11 2010).

² Vgl.: Moore, G.T. and Golledge, G (eds.). *Environmental Knowing: Theories, Researches, and Methods*. Stroudsburg (penn.): Dowden, Hutchinson, & Ross, Inc., 1976; Зинченко Т.П.: *Память в экспериментальной и когнитивной психологии* (Sintschenko, T.: *Das Gedächtnis in experimenteller und kognitiver Psychologie*). Reihe: Мастера психологии (Meister der Psychologie). Piter, Sankt-Petersburg 2001. S. 36.

Methode und Quellen

Im Zeitraum von September bis Oktober 2010 führten wir eine Umfrage von Einwohnern mehrerer Ortschaften der Region Primorje durch. Dabei benutzten wir die Methode des Festhaltens von verbalen Assoziationen, die bei der Erwähnung einer Stadt, in unserem Fall von Wladiwostok, entstehen. Die Umfrage umfasste 47 Studierende aus Wladiwostok, je 20 Schüler aus den Städten Dalneretschensk und Arsenjew und weitere 20 aus der städtischen Siedlung Slawjanka. Die Befragten sollten ihr Bild von Wladiwostok frei beschreiben. Diejenigen Definitionen und Wesensmerkmale, die in den Antworten von mehreren Befragten ganz oder teilweise übereinstimmten, wurden zu größeren Kategorien zusammengefasst. Nach unserer Vermutung sind genau das die Identifikationsmarker.

Als erste Informationsquelle für die Identifizierung von Markern wurden jedoch soziale Netzwerke von drei Teilnehmerinnen der Kamtschatka-Trainings benutzt: von Jelena Li, Maria Teplouchowa und der Verfasserin. In der Praxis bedeutete dies, dass zu diesem Zweck unter Anwendung der beschriebenen Methode mithilfe von Kurzmitteilungen (die im Alltag als „sms“ bekannt sind) auch unsere Freunde, Bekannte und Verwandte befragt wurden. Darüber hinaus beschafften zumindest einige von ihnen auf die gleiche Weise Informationen über verbale Assoziationen zum Begriff „Wladiwostok“ von ihren Bekannten, Freunden und Verwandten.

Außerdem werteten wir Einträge des Internetforums <http://www.vladforum.net> zu den Themen „Wladiwostok ist...“, „Wofür ist Wladiwostok bekannt?“, „Welche Stadt ist besser: Wladiwostok oder Chabarowsk?“ sowie die Ergebnisse der von der Consulting-Agentur IMCommunications durchgeführten Studie „Unsere Stadt“ aus. Die letztere fand im Juli und August 2010 statt und umfasste Umfragen von Top-Managern und Unternehmern zu den Themen „Stadtbild“ und „Wladiwostok — Europa oder Asien?“.¹ Die erste Umfrage erfasste 100 Personen über 18 Jahre, die zweite bestand aus 500 Telefoninterviews mit den Einwohnern Wladiwostoks, die derselben Altersgruppe angehörten.

---

¹ Проект «Наш город». Консалтинговое агентство IMCommunications (Projekt „Unsere Stadt“. Consulting-Unternehmen IMCommunications). Wladiwostok 2010. Quelle: <http://www.imc.vl.ru>, <http://www.zrpress.ru/web/2010/60/10>. (Abruf am 10.10.2010).

Somit wurden folgende Informationsquellen verwendet: 1) drei soziale Netzwerke, 2) Studierende aus Wladiwostok, 3) Schüler aus dem Umkreis von Wladiwostok, 4) Besucher des oben angeführten Internetforums, 5) Vertreter der Mittelschicht.

Ergebnisse

Im Ergebnis der Kategorienbildung nach gemeinsamen bzw. ähnlichen Merkmalen wurden die folgenden Marker der Selbstidentifikation eines Einwohners von Wladiwostok über sein Stadtbild ausfindig gemacht:

1. Wladiwostok als inoffizielle Hauptstadt des Fernen Ostens.
2. Wladiwostok als Hauptstadt der Region Primorje.
3. Wladiwostok als Stadt mit zeitweiligen Einwohnern.
4. Wladiwostok als Rand Russlands.
5. Wladiwostok als eine Stadt des Wassers.
6. Wladiwostok als eine Stadt japanischer Autos.

Nun wollen wir diese Marker in der aufgeführten Reihenfolge kurz schildern.

Wladiwostok als inoffizielle Hauptstadt des Fernen Ostens. Auch wenn Chabarowsk als die größte Stadt und das Verwaltungszentrum des Fernen Ostens („die siebte Hauptstadt Russlands“) gilt, ist für viele die Hafenstadt Wladiwostok die inoffizielle Hauptstadt des Fernen Ostens.

Foto zum Marker 1. Inoffizielle Hauptstadt des Fernen Ostens (Bau der Brücke zum Tschurkin-Kap. Autor: Wiktör Legaj)

Dies macht sich vor allem in letzter Zeit im Zusammenhang mit der geplanten Durchführung des APEC-Gipfeltreffens im Jahre 2012, sowie mit dem in der Zeit um 2025–2030 bevorstehenden Zusammenschluss von Wladiwostok und der Satellitenstadt Artjom zu der Metropole „Groß-Wladiwostok“ bemerkbar. Die Konkurrenz von zwei benachbarten Großstädten, Chabarowsk und Wladiwostok, stärkt einerseits das subregionale Bewusstsein, birgt andererseits die Gefahr eines regionalen Konflikts (bzw. eines Konflikts zwischen zwei Subregionen einer Großregion) in sich.

Dieser Marker setzt sich aus folgenden Merkmalen zusammen:

Soziale Netzwerke: *flexibel; beweglich; „starke“ Menschen; Aggressivität; dynamische Entwicklung; Konkurrenzkampf mit Chabarowsk.*

Studierende: *Schnelligkeit und Stärke; Brutalität; Hektik selbst in der Nacht.*

Schüler: *verborgen; schwierig; gefährlich; Eile; Gleichgültigkeit; belebt; laut; man ist immer unterwegs.*

Internetforum: *Wladiwostok: eine Hafenstadt; Meer; keine Mücken; Beispiel für das Höchstmaß an unverwirklichtem Potential; Bergkuppen; Wind; Chabarowsk erinnert mit seinem gemütlichen Lebenstempo an Ussurijsk – eine stille Provinzstadt, die aber sauberer, gepflegter ist und im Tal liegt; Ischajew ist der richtige Chef und Darkin nur ein Provisorium;¹ Chabarowsk zum Leben, Wladiwostok für extreme Erlebnisse.*

In der Umfrage von IMCommunications mussten die Befragten Personen benennen, die ihrer Meinung nach den größten Nutzen für die Stadt stifteten. In den Antworten waren Ärzte, Kulturschaffende, Wissenschaftler und historische Persönlichkeiten vertreten, Politiker hatten aber die Führung. Fast ein Viertel der befragten Vertreter der „Mittelschicht“ (22%) nannte den ehemaligen Bürgermeister Wiktor Tscherepkow als größten Nutzenstifter; Sergej Darkin, amtierender Gouverneur der Region, wurde an zweiter Stelle genannt (14%).

Wladiwostok als Hauptstadt der Region Primorje. Das ist Wladiwostok einerseits, da die Stadt reale Funktionen des Zentrums erfüllt und somit von der föderalen Regierung auch als das Zentrum der Region Primorje

---

¹ Der Eintrag wurde am 28.11.2004 im Internet-Forum <http://www.vlad-forum.net> veröffentlicht (Abruf am 09.11.2010). W. Ischajew war im Zeitraum 1991–2009 als Gouverneur der Region Chabarowsk tätig, S. Darkin ist amtierender Gouverneur der Region Primorje (seit 2001).

wahrgenommen wird. Andererseits ist Wladiwostok formal nicht die Hauptstadt, da der Gesetzesentwurf, der rechtliche Grundlagen für diesen Status sichern sollte, 2005 von Gouverneur Darkin abgewiesen wurde. Diese paradoxe Situation besteht bis heute. In der Satzung der Region wird Wladiwostok als „*historisch gewachsenes Verwaltungszentrum*“¹ (Hervorhebung der Verfasserin) bezeichnet.

Hier sind die Merkmale, die zu diesem Identifikationsmarker gehören:

Soziale Netzwerke: *geschäftlich; Wunsch, aus der Provinz in die Stadt zu ziehen — die aktivsten und erfolgreichsten Landbewohner ziehen aus allen Teilen der Region Primorje nach Wladiwostok; soziale Schere — eine horrende Lage der ländlichen Gebiete vs. Wirtschaftsdaten von Wladiwostok, die die Statistik „durcheinanderbringen“; Raubbau an Naturressourcen (parasitäres Verhalten).*

Studierende und Schüler: *Kinofestival „Pacific Meridian“; Vergnügen; alles ist teuer — überhöhte Preise; viele Geschäfte; vielfältig; never sleeps.*

Internetforum: *Handelszentrum; hohes Niveau der Wirtschaftsaktivität; APEC 2012; selbständige Menschen; leuchtende und interessante Persönlichkeiten.*

Im Verlauf der Umfrage zum Thema „Stadtbild“ wurden Vorstellungen der Stadteinwohner vom Idealbild der Stadt in der Zukunft identifiziert. Dieses Idealbild setzte sich aus folgenden Elementen zusammen: 1) einer Liste von „Rollen“ der Stadt, 2) der Wechselwirkungen zwischen diesen Rollen, sowie 3) den bedeutendsten Wirtschaftsbranchen. Die Liste der „Rollen“ der Stadt wurde auf der Basis von möglichen Stadtentwicklungsoptionen erstellt. Es kristallisierten sich zwei Charakteristika heraus, die eine möglicherweise nicht deutlich erkennbare, jedoch vorherrschende Meinung über das heutige Wladiwostok zum Ausdruck bringen: es ist 1) eine Hafenstadt und 2) ein Geschäftszentrum. Eine dominante Rolle gibt es im Zukunftsbild von Wladiwostok nicht: nach der Meinung der „Mittelschicht“ wird die Stadt all die „Rollen“ im Einklang miteinander spielen. Genauer gesagt wird die Bedeutung der Stadt als Militärzentrum auf dem heutigen Stand bleiben; in seinen Rollen als touristische Hauptstadt der Region, als freie Wirtschaftszone, als Kulturhauptstadt und als Zentrum der internationalen Zusammenarbeit

---

¹ *Satzung der Region Primorje*. Offizielle Webseite der Verwaltung der Region Primorje. Quelle: <http://www.primorsky.ru/primorye/statute/> (Abruf am 10.10.2010).

Foto zum Marker 2. Hauptstadt der Region Primorje
(Semjonowskaja-Platz. Autorin: Nadeshda Zoj)

wird sich Wladiwostok aber in den nächsten fünf Jahren rasant entwickeln, und auch die Bedeutung der übrigen Rollen — als Hafenstadt, als Geschäftszentrum, als politische Hauptstadt und als Wissenschaftszentrum — wird etwas wachsen. Dabei ist über die Hälfte der Befragten (54%) der Meinung, dass in der nahen Zukunft der Fischereisektor der regionalen Wirtschaft die rasanteste Entwicklung durchmachen wird.

Wladiwostok als Stadt mit zeitweiligen Einwohnern. Die russische Erschließung Sibiriens und des Fernen Ostens hatte einen vorwiegend kolonialen Charakter, so dass die östlichen Gebiete von der Mehrheit der Siedler weder zum Zeitpunkt der Besiedlung noch perspektivisch als Heimat wahrgenommen wurden. Viele kamen weniger mit dem Ziel, die Region zu erschließen und sich in ihr niederzulassen, sondern wollten vielmehr mit einer reichen Beute nach Hause zurückkehren: mit Zobelpelzen, Gold oder Lachs in der Zeit vom 17. bis 19. Jahrhundert und mit hohen Tagegeldern, Umzugs-

geldern, Löhnen mit einem Nord- oder Ostzuschlag im 20. Jahrhundert. Sie konnten jahrelang oder sogar über mehrere Generationen hinweg in Wladiwostok, Jakutsk oder Jushno-Sachalinsk leben, doch im Hinblick auf ihre innere Motivation für den Aufenthalt in diesen Städten und ihre Einstellung zu diesen Städten als provisorischen Aufenthaltsorten, die zügellos ausgebeutet werden können, waren sie Fremde, Eroberer, Kolonisatoren.¹

Foto zum Marker 3. Stadt mit zeitweiligen Einwohnern
(Semjonowskaja-Straße. Autorin: Nadeshda Zoj)

Die Folgen dieser Einstellung springen in Wladiwostok sofort ins Auge. Da Naturressourcen ineffizient genutzt werden und da sowohl Kläranlagen als auch ein System der Nutzung, Entgiftung und Lagerung der Haushalts- und Industrieabfälle fehlen, macht die Stadt heute auf ihre Einwohner und Besucher oft den Eindruck einer Müllkippe im Randbezirk. Mit der Beseitigung von menschlichen Abfällen und Konsumabfällen sind zur Zeit

¹ Золотухин И.Н.: Указ. соч. (Solotuchin I.: a.a.O.). S. 90–99.

Verwaltungsunternehmen beauftragt, jedoch sind sie bisher nicht in der Lage, die entsprechenden Dienstleistungen rechtzeitig und in einer adäquaten Qualität zu erbringen.

Folgende Merkmale wurden unter diesem Identitätsmarker zusammengefasst:

Soziale Netzwerke: *schmutzig; eine „wilde“ Müllkippe; unfertig; schäbige Fassaden; korrupte Beamte; Unbeständigkeit.*

Studierende und Schüler: *Kriminalität; Korruption; Gornostaj;¹ verlogene Stadt; heuchlerisch.*

Internetforum: *regelmäßige Probleme mit der Wasser- und Stromversorgung in einzelnen Stadtteilen; Müllkippe; Willkür; schmutziger Schönlings.*

Wladiwostok als Rand Russlands. Im Zusammenhang mit der Erhöhung der Beförderungstarife und aufgrund der chronischen „infrastrukturellen Defizite“ sind einzelne Gebiete des Fernen Ostens von anderen Teilen des Landes isoliert. Wladiwostok ist neun Flugstunden und sieben Zeitzonen von Moskau entfernt, so dass der Eindruck der „Randlage“ der Stadt und der Region, ihrer Abgetrenntheit und Isolation von der Hauptstadt und dem europäischen Teil Russlands und gleichzeitig ihrer Nähe zu asiatischen Staaten von fast allen Stadteinwohnern geteilt wird. Doch gerade in Kontakten mit Migranten aus diesen Staaten, die andere Kulturen repräsentieren, spürt ein russischer Einwohner der Region, wie stark die russische regionale Identität in seiner Mentalität verankert ist. Mit wachsender Intensität der Kontakte mit „Fremden“ bzw. den räumlichen Nachbarn erhält diese regionale Identität eine besondere Bedeutung als Mittel zur Identifizierung von Verbündeten bzw. von Menschen, die „dazugehören“. Hier macht sie sich besonders häufig und intensiv bemerkbar — im Unterschied zur Wohnsituation in einer vertrauten, kulturell homogenen Umwelt, in der die regionale Identität jahrelang nicht herausgefordert wird und daher „schlummern“ und scheinbar ver-

---

¹ Ursprünglich ist Gornostaj eine Bucht in einem Vorort von Wladiwostok. Sie wurde nach dem Kanonenboot „Gornostaj“ genannt, das der Sibirischen Flottille angehörte und an hydrographischen Arbeiten im Japanischen Meer in den 1870-er Jahren beteiligt war. Die Stadteinwohner und Besucher der Stadt verbinden den Namen jedoch weniger mit der Bucht, als vielmehr mit der in der Nähe gelegenen riesigen Mülldeponie, auf der seit über 40 Jahren Müll verbrannt wird und die aus diesem Grund einen unerträglichen Geruch und beißenden Rauch ausstößt. Im Rahmen der Vorbereitung zum APEC-Gipfel 2012 soll die Deponie renaturiert werden.

schwinden kann. Dieser Identifikationsmarker setzt sich aus folgenden Merkmalen zusammen:

Soziale Netzwerke: *Nähe und Ablehnung Asiens; Toleranz; einzigartige Zeitwahrnehmung; „fernöstliche Brüderschaft“; räumliche Entfernung von der Hauptstadt (Abgetrenntheit, Isolation).*

Studierende, Schüler, Internetforum: *symbolhaft; Festung; eine Stadt mit einem europäischen Gesicht für ihre Nachbarn; Chinesen, Usbeken und Tadschiken, die bauen und aufräumen; würzig, scharf, besonders nach einem Regen oder bei Nebel; etwas Östliches; Spezifik der Asiatisch-Pazifischen Großregion; eine Stadt schneller Entscheidungen, in der Menschen schnell denken und schnell sprechen.*

In der Umfrage zum Thema „Wladiwostok: Europa oder Asien?“ merkten fast 2/5 der Befragten (38%) an, dass Wladiwostok keine ausgeprägten Merkmale einer europäischen Stadt habe. Nur ein Viertel der Befragten erkannte in der Stadt europäische Architekturmerkmale, nur ein Fünftel sprach von einer europäischen Kultur und Mentalität, und bloß für 17% gehörten asiatische Züge nicht zu den wichtigsten äußeren Merkmalen Wladiwostoks. Als eine im Wesentlichen europäische Stadt wurde Wladiwostok von einem bedeutend größeren Anteil der Befragten — von 41,2% — bezeichnet, dies bedeutet aber dennoch, dass in der Wahrnehmung der Stadteinwohner die Zugehörigkeit der Stadt zu Asien dominiert. Tatsächlich ist mehr als die Hälfte der Meinung, dass Wladiwostok eher eine asiatische als eine europäische Stadt sei. Die Mehrheit (57,7%) glaubt dabei, dass die „asiatischen Züge“ auf den Zustrom von Migranten aus asiatischen Nachbarstaaten zurückzuführen sind, am zweithäufigsten (48,9%) wird unter den „asiatischen Merkmalen“ der Stadt die geographische Lage angeführt, und über ein Drittel der Befragten ist der Ansicht, dass die Vielzahl der japanischen und chinesischen Restaurants Wladiwostok zu einer asiatischen Stadt machen.

Die Umfrage stellte ebenso fest, dass der Großteil der Einwohner (88%) die Einwanderung nach Wladiwostok spürt, während sie nur für jeden Zehnten unbemerkt geschieht. Etwas mehr als die Hälfte von denen, die die Einwanderung bemerken, ist der Meinung, dass sie einen Einfluss auf ihre Sicherheit habe. Anders gesagt fühlt sich jeder Zweite in der Stadt nicht sicher, die einen Zustrom von Einwanderern erlebt. Des weiteren ist jeder Dritte überzeugt, dass alle Migranten, ungeachtet ihrer Nationalität, keinen positiven Beitrag zum Stadtleben leisten, ein Viertel der Befragten glaubt, dass keine der „zugereisten“ nationalen Gruppen einen negativen Einfluss

Foto zum Marker 4. Der Rand Russlands (Autorin: Nadeshda Zoj)

ausübt und jeder Fünfte ist der Meinung, dass die Migranten aus der Volksrepublik China einen positiven Beitrag leisten. Unter den Befragten aus der letzteren Gruppe sieht jeder Vierte die Vorteile der chinesischen Einwanderung in preiswerten Waren, ca. 15% in billigen Arbeitskräften und 10,5% in der Tatsache, dass Migranten aus China mit ihrer Arbeit zum Wohl von Wladiwostok beitragen. Fast 17% sind überzeugt, dass Usbeken einen positiven Beitrag leisten, wobei dieser Beitrag nach Meinung der Mehrheit dieser Gruppe von Befragten (90,4%) in der Verrichtung kommunaler Arbeiten besteht (Müllentsorgung, Straßenarbeiten). Gleichzeitig stand für 19% der negative Einfluss im Mittelpunkt, wobei 21,1% von dieser Gruppe hervorhoben, dass die Einwanderer aus Usbekistan zur Erhöhung der

Kriminalität beitragen und 23,2% davon sprachen, dass Usbeken Arbeitsplätze besetzen, die von Russen besetzt werden könnten. Was tadschikische Migranten angeht, so wurde ihre Anwesenheit in der Stadt von 14,1% der Befragten negativ bewertet, wobei 21% das Hauptproblem in der allgemeinen Erhöhung der Kriminalität und 13,3% im Drogenschmuggel durch Migranten dieser Nationalität sahen. Schließlich ergibt sich bei der Bewertung der Migration ohne Aufteilung der Migranten in nationale Gruppen ein folgendes Bild der Wahrnehmung dieser Erscheinung durch die Einwohner Wladiwostoks: Zu den negativen Folgen der Einwanderung gehören für die Bevölkerung die Erhöhung der Kriminalität (24,5%), die Besetzung von Arbeitsplätzen (14,5%), die Einwanderungszahlen („zu viele“, 8,1%), unzureichende Hygiene und Krankheiten (5,3%), angebliche allgemeine schlechte Eigenschaften („unverschämt“, „listig“, „unerzogen“, „unehrlich“, „wollen Wladiwostok besetzen“ u.a. — unter 1,3% für jede Antwortmöglichkeit). Es ist aber bemerkenswert, dass die Migranten keinen direkten Einfluss auf das persönliche Leben der Mehrheit ausübten (das gaben 72,4% der Befragten zu). Nur 18,8% spürten eine Verschlechterung der Lebensqualität wegen des Zustroms von „Fremden“; im Gegensatz glaubten 8,8%, dass sich ihr Leben aus dem gleichen Grund verbesserte.

Wladiwostok als eine Stadt des Wassers. Wasser spielt in der Entstehung und Erhaltung von Leben, in der Gestaltung des Klimas und des Wetters eine Schlüsselrolle. Sein ausgeprägtes Monsunklima hat Wladiwostok dem Wasser — dem Meer — zu verdanken. Das Leben der Einwohner ist auf die eine oder andere Weise mit dem Meer verbunden, da das Meer für sie eine Einkommens- und Nahrungsquelle, ein Verkehrsmedium, einen Erholungsort usw. darstellt.

Die Merkmale, die zu diesem Identifikationsmarker gehören, sehen folgendermaßen aus:

Soziale Netzwerke: *Sinn für Romantik; Mobilität; kommunikative Fähigkeiten; Verschwendungssucht.*

Schüler, Studierende, Internetforum: *Regen, Nebel, Feuchtigkeit; gutmütige, offene Menschen; eine Stadt unerfüllter Hoffnungen; Meer.*

Wladiwostok als eine Stadt japanischer Autos. Der Handel mit japanischen Gebrauchtwagen spielt in der regionalen Wirtschaft eine wichtige Rolle, da er nicht nur für Verkäufer, sondern auch für Automechaniker, Sachbearbeiter, die Zollunterlagen anfertigen, Mitarbeiter der Eisenbahn und Fahrenpersonal u.a. Arbeitsplätze schafft.

Foto zum Marker 5. Eine Stadt des Wassers

(Autor: Andrej Dorochow. Quelle: <http://adork.livejournal.com/tag/Владивосток>)

Nach der Statistik des Amtes der Staatlichen Inspektion für Verkehrssicherheit der Region Primorje waren in der Region 63 682 Fahrzeuge im Jahre 2000 und 167 518 Fahrzeuge im Jahre 2008 gemeldet. Davon wurden 156 549, oder 93,5%, aus dem Ausland, fast ausschließlich aus Japan eingeführt.¹ Seit 12. Januar 2009 ist die Verordnung der Regierung der RF über neue, erhöhte Zolltarife für importierte Gebrauchtwagen in Kraft. Die Tarifierhöhung wurde mit der Berufung auf die Notwendigkeit der Unterstützung der einheimischen Automobilhersteller, der besseren Erschwinglichkeit der

---

¹ Die Daten wurden auf Anfrage des Juristischen Instituts der Staatlichen Universität Fernost vom Amt der Staatlichen Inspektion für Verkehrssicherheit der Region Primorje zu Verfügung gestellt.

Foto zum Marker 6. Eine Stadt japanischer Autos
(Verkehrsstau in der Swetlanskaja-Straße. Autor: Wiktor Legaj)

russischen Fahrzeuge für Russen usw. begründet. Folglich sank die Menge der Importautos, die in Wladiwostok am Jahresbeginn 2009 gemeldet sind, 18fach. Im Zeitraum von Januar bis Mai 2010 wurden jedoch über Grenzkontrollstellen der Region nach Angaben des Zollamts Fernost ca. 1,5 Mal mehr Fahrzeuge als im gleichen Zeitraum des Vorjahres eingeführt. Die „Belebung“ des regionalen Marktes ist einerseits auf die schrittweise Überwindung der Wirtschaftskrise zurückzuführen, andererseits auf Befürchtungen im Zusammenhang mit der Einführung der neuen technischen Sicherheitsvorschriften für Radfahrzeuge, die im September 2010 in Kraft getreten sind. Diese Vorschriften enthalten ein Einfuhrverbot für Fahrzeuge ohne einen 17-stelligen VIN-Code, den japanische Autos nicht haben.¹ Dieser Faktor förderte die Nachfrage: viele versuchten, einen „frischen“ Rechtslenker bis

¹ Авченко В.: «Японки» краше и милее. И дешевле... (Awtschenko, W.: Die „Japaner“ sind schöner und netter. Und günstiger...). In: *Новая газета во Владивостоке* (Nowaja gaseta. Regionalausgabe Wladiwostok) 23.06.2010, Nr. 66. Quelle: <http://www.nowayagazeta.ru/data/2010/066/21.html> (Abruf am 09.10.2010).

September zu erwerben.

Diesem Identifikationsmarker wurden folgende Merkmale zugeordnet:

Soziale Netzwerke: *ständiger Verkehrsfluss; enge Schlängelstraßen; keine Fahrkultur; eine Stadt, in der Fußgänger verdammt sind.*

Schüler, Studierende, Internetforum: *Verkehrsstaus; komische Autos; schlechte Straßen, Schlaglöcher; ein Auto ist kein Luxus, sondern ein Fortbewegungsmittel.*

* * *

Wir haben sechs Selbstidentifikationsmarker eines Einwohners von Wladiwostok herausgearbeitet. Führen wir sie noch einmal auf: 1) inoffizielle Hauptstadt des Fernen Ostens, 2) Hauptstadt der Region Primorje, 3) Stadt mit zeitweiligen Einwohnern, 4) der Rand Russlands, 5) eine Stadt des Wassers, 6) eine Stadt japanischer Autos. Wir halten diese Liste nicht für erschöpfend, sind aber der Meinung, dass sie den Kern der regionalen Bilder oder Merkmale darstellt, mit denen sich die Einwohner Wladiwostoks und teilweise der ganzen Region Primorje von Einwohnern anderer Regionen abgrenzen (und von den Letzteren in gewissem Maße abgegrenzt werden), über die sie sich aber auch identifizieren und als Teil eines Ganzen wahrnehmen.

*Jelena Li*¹

CHABAROWSK: EINE MÄRCHENSTADT AN DER CHINESISCHEN GRENZE

Wie ist Chabarowsk? Obwohl ich Studenten und Studentinnen oft bitte, von ihren Heimatstädten, -siedlungen und -dörfern zu erzählen, hatte ich mir über meine eigene Stadt noch nie Gedanken gemacht. Und mir ist zum ersten Mal klar geworden, wie schwer es ist, von Dingen zu sprechen, die in der Statistik nicht berücksichtigt sind, mit denen aber die Bewohner von Chabarowsk jeden Tag konfrontiert werden. Dieser Artikel setzt sich zum Ziel, die *lebendige* Stadt zu beschreiben, jedoch ihren Bezug zur Geschichte nicht außer Acht zu lassen.

Warum heißt Chabarowsk nicht Newelsk?

Ich hätte meine Stadt anders genannt: nicht Chabarowsk, sondern Newelsk — nach dem bewundernswerten Romantiker, mutigen Wissenschaftler und tapferen Seefahrer Gennadi Newelskoj! Es tut mir leid, dass

---

¹ Jelena Li ist wissenschaftliche Mitarbeiterin am Institut für Wirtschaftsforschung der Fernöstlichen Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften.

diese Ehre nicht unserer Stadt am Amur-Fluss, sondern einer anderen Stadt, die im Süden der Insel Sachalin liegt, zukam. Denn die Erkundung des Amur-Laufes, die von Newelskoj unternommen und in Romanen von Nikolaj Sadornow¹ brillant geschildert wurde, setzte den ersten Impuls für die Erschließung und Förderung des Fernen Ostens Russlands. Newelskoj steckte Nikolaj Murawjow (später Murawjow-Amurskij) mit seiner Überzeugung von der Existenz russischer strategischer Interessen im Fernen Osten an, so dass der Letztere seinen Posten als Generalgouverneur als vernünftigen Politiker und Verwalter bekleidete. Die auf der Insel Sachalin gelegene und nach Meerwasser riechende Stadt Newelsk gefällt mir auch, sie ist aber anders: weniger strahlend, leuchtend und dynamisch als Chabarowsk, das im Vergleich zu anderen Städten des russischen Fernen Ostens einen moderneren und schöneren Eindruck macht. Als ein solcher „Lichtpunkt“ in der Geschichte der russischen Geographie erscheint Newelskoj. Er war ein Pionier, der die Unabhängigkeit der fernöstlichen Gebiete von China, die Schiffbarkeit des Amur-Flusses und die Existenz einer Meerenge zwischen der Insel Sachalin und dem Festland nachwies (davor war Sachalin für eine Halbinsel gehalten worden) und der den Ort für die Gründung eines Militärpostens festlegte. Der Ort erhielt den Namen Chabarowka und entwickelte sich später zu einer Siedlung und schließlich zu einer Stadt — zu Chabarowsk. Es ist merkwürdig, dass diese Persönlichkeit weder in der Vergangenheit noch in der Gegenwart der Stadt einen gebührenden Platz erhalten konnte. In Chabarowsk wurde ihm bisher noch kein Denkmal gesetzt. Es gibt nur die Newelskaja-Straße, die am Stadtrand, im Umfeld einer Brennerei liegt und nur den Anwohnern und den Taxifahrern bekannt ist. Der Name von Newelskoj fehlt auch auf Souvenirs, die im Nachbarreich China hergestellt werden, in dem die Geschichte von Chabarowsk genauso schlecht wie in Russland bekannt ist.

Nun zurück zu dieser Geschichte. Der 1858 errichtete Posten wurde nach Jerofej Chabarow, dem Gründer der ersten russischen Siedlungen am Amur-Fluss, benannt. Über diesen Menschen ist wenig bekannt. Es sind keine Bilder von ihm überliefert, und das Chabarow-Monument, das am

---

¹ Vgl.: Задорнов Н.: *Далёкий край* (Sadornow, N.: *Fernes Land*). AST, Moskau 2009 (320 Seiten); ders.: *Амур-бабушка* (*Väterchen Amur*). Terra, Moskau 2007 (608 Seiten); ders.: *Капитан Невельской* (*Kapitän Newelskoj*). Wetsche, Moskau 2007 (Bd. 1: 464 Seiten, Bd. 2: 368 Seiten).

Bahnhofsplatz steht, vermittelt nur ein allgemeines Bild der sibirischen Pioniere. Von klein auf stellten wir, die Bewohner von Chabarowsk, die Frage, in welcher Hand Chabarow seine Mütze hält. In Wirklichkeit trägt er die Mütze auf dem Kopf, es wusste aber fast niemand, da wir selten mit dem Zug reisten und auch selten jemanden zum Bahnhof bringen mussten. Später erfuhr ich, dass Chabarow nicht nur durch die Erschließung der Gebiete des Fernen Ostens berühmt ist, sondern auch durch Verrat, Raubüberfälle und Gewalt sowohl an nichtrussischen Völkern als auch an den ihm untergestellten Kosaken berüchtigt wurde.¹ Den Status der Stadt und den heutigen klangvolleren Namen erhielt Chabarowsk am 18. Mai 1880. Somit feierte die Stadt 2010 ihren 130. Geburtstag — und wenn man die Zählung mit der Gründung des Militärpostens Chabarowka beginnt, ist die Stadt schon 152 Jahre alt. Am 1. Januar 2009 belief sich die Einwohnerzahl von Chabarowsk auf 578,6 Tausend.²

Die Holzbauten von Chabarowsk in Vergangenheit und Gegenwart

In den ersten Jahren sah der Posten in etwa so aus, wie er im Buch von Nikolaj Sadornow „Väterchen Amur“ dargestellt ist: er bestand aus einzelnen Holzhäusern, die am Amur-Fluss standen (Bild 1).

Die Stadt Chabarowsk präsentiert auch heute teilweise ein ähnliches Bild, da einige Stadtteile, darunter auch zentrumsnahe, vorwiegend mit Holzhäusern bebaut sind. Es gibt nur einen Unterschied: häufig handelt es sich nicht um Einfamilienhäuser, sondern um Gebäude, in denen sechs bis acht Familien wohnen (sog. Baracken). Wegen der großen Anzahl der Bewohner heißen sie im Volksmund „Wanzenester“. Und auf der offiziellen Webseite der Stadtverwaltung wurden sie als „hölzerne Bruchbuden“³ bezeichnet, die im Stadtzentrum fehl am Platz seien. Sie haben keinen architektonischen Wert, werden aber bei akutem Bedarf sorgfältig repariert,

---

¹ Vgl. z.B.: Панкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А.: *Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке* / Под ред. А.П. Забияко. (Pankratowa, L., Sabijako, A., Kobysow, R.: *Russen und Chinesen: Prozesse ethnischer Migration im Fernen Osten*. Herausgegeben von A. Sabijako), Staatliche Universität Amur, Blagoweschtschensk 2009, S.14–16.

² Vgl. Internetseite der Region Chabarowsk unter: http://www.adm.khv.ru/invest2.nsf/General_ru/7064C11E9A80F82BCA256524001A4FBB?OpenDocument.

³ Vgl.: http://www.khabarovskadm.ru/digital_khv/news/press/index.php?ELEMENT_ID=3473 (Abruf am 07.11.2010).

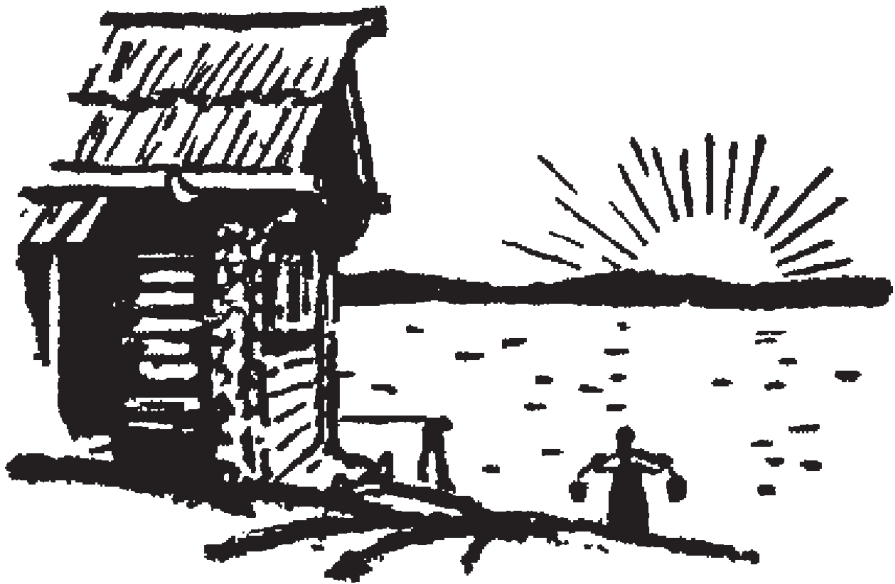

Bild 1. Blick auf den Amur-Fluss in den ersten Jahren nach der Gründung von Chabarowka

so dass das Problem der Versorgung von vielen Familien mit Wohnraum etwas aufgeschoben wird. Nach den Daten von 2003 waren 32 300 Personen,¹ d.h. 5,5% der Einwohner der Stadt, als „Wohnbedürftige“ gemeldet. Die lokale Presse berichtete, dass die regionale und die kommunale Verwaltung die Möglichkeit in Betracht ziehen, die verfallenen Häuser abzureißen und ihre Bewohner in modern ausgestattete Neubauten umzusiedeln. Diese Nachricht verbreitete sich in Windeseile in der Stadt, und viele Stadtbewohner meldeten rasch einen neuen Wohnsitz in Baracken an, so dass die Menge der potentiellen Nutznießer des Plans stieg und seine Realisierung damit erschwert wurde. Die Baracken werden ab und zu von den Bewohnern, die sich eine schnellere Lösung des Wohnraumproblems wünschen, angezündet — jedoch aufgrund eines Beschlusses der Stadtverwaltung immer wieder aufgebaut. Der Unterschied zwischen den alten, abgebrannten und den neugebauten Häusern besteht nur in der Farbe der Fassaden: einmal waren

---

¹ Vgl. Internetseite des Unternehmens NK Aljans unter: http://www.nk-alliance.ru/page.phtml/rus/prensa?pub_id=80&page=4.

sie schwarz, nun sind sie weiß. Der „Wohnkomfort“ bleibt unverändert: meistens werden auch diese neuen Häuser mit Ofen geheizt und sind nicht an die Kanalisation angeschlossen.

Der Bau der Baracken erfolgte in den 1930er — 1950er Jahren. Von dem Geschichtslehrer W. Popow hörte ich, dass in diesen Häusern lange Zeit Häftlinge untergebracht waren. So gab es in dem Stadtteil, in dem ich zehn Jahre lang lebte, Frauenbaracken. Meine Nachbarn haben das jedoch nie erwähnt, obwohl zu Sowjetzeiten vieles gemeinsam an einem großen Holztisch besprochen wurde, während die Männer Domino oder Schach spielten und die Frauen Sonnenblumenkerne knackten. In den 1970er — 1980er Jahren wohnten in den Baracken Fabrikarbeiter; viele von ihnen schätzten sich glücklich, aus einem ländlichen Umfeld in eine Stadtwohnung umziehen zu können.

Die Einwohner meiden das Barackenviertel aufgrund der hohen Konzentration des sozialen Prekariats. Diese Konzentration ist zum Großteil auf die allgemeine Absenkung des Lebensniveaus und den Anstieg der Wohnungspreise zurückzuführen; diese Faktoren führten zu einem Umzug eines Teils der Stadtbürger aus einem gut ausgestatteten Wohnraum in einen schlecht ausgestatteten. Die lange bestehende Fokussierung der privaten und staatlichen Bauunternehmen auf die Errichtung von Prestigewohnhäusern und nicht von Sozialwohnungen löste ein Ungleichgewicht zwischen der Nachfrage und dem Angebot auf dem primären Wohnungsmarkt aus. Notorsche Nichtzahler wurden aus kommunalen Wohnungen in die Baracken umgesiedelt, in denen aber auch weiterhin ehemalige Mitarbeiter großer Betriebe, Kriegsteilnehmer, Mitarbeiter der sozialen Dienste u.a. wohnten, die mit einer solchen Nachbarschaft nicht zufrieden sind. Die Besorgnis der Stadtverwaltung in Bezug auf das „Barackenproblem“ ist jedoch weniger auf die sozialen Spannungen zurückzuführen, die in diesem Viertel und in seinem Umkreis entstehen, als vielmehr auf ihr unansehnliches Äußeres, zumal diese Häuser häufig im Stadtzentrum und an den Hauptstraßen stehen, so dass sie regelmäßig bei wichtigen Besuchen mit Werbeschildern verdeckt werden müssen. Wahrscheinlich kann die Stadtverwaltung auf diese Weise nicht nur die „Bruchbuden“ verdecken, sondern auch Einnahmen von den werbenden Unternehmen eintreiben, so dass es weniger dringend erscheint, eine Lösung des „Barackenproblems“ herbeizuführen. Darüber hinaus gibt es die Tendenz, die alten Holzhäuser mit modernen Baumaterialien zu verkleiden. Wegen solcher Ausschmückungen bemerkte ein Einwohner von Chabarowsk, der an

einer 2009 vom Institut für Wirtschaftsforschung durchgeführten Umfrage teilnahm, dass unsere Stadt ein „Potemkinsches Dorf“ sei, in dem der Schein wichtiger sei als das Sein.

2005 fragte mich in Moskau ein Teilnehmer einer Konferenz von Nachwuchswissenschaftlern, ob es stimme, dass Bären und Tiger durch die Hauptstraßen von Chabarowsk laufen. Anlass zur Frage war eine Nachrichtensendung, in der berichtet wurde, dass sich ein hungriger Tiger in eine Tajga-Siedlung der Region Chabarowsk verirrt. Der junge Mann bemerkte keinen Unterschied zwischen einer Stadt und einer Siedlung: in seiner Vorstellung sehen alle von Moskau entfernten Ortschaften ähnlich aus: viel Schnee, schief stehende Zäune und aufgeweichte Straßen, mit einem Wort sind es „große Dörfer“. Chabarowsk kann jedoch, trotz vieler Kontraste und der Verwahrlosung einzelner Stadtteile, keineswegs als Dorf bezeichnet werden. Die Stadt hat nicht nur fast 600 000 Einwohner, sondern entwickelt sich auch, wenn auch ungleichmäßig. Dies wird von den Studenten und Studentinnen bestätigt, die meine Lehrveranstaltung zum Thema „Räumliche Bevölkerungsstrukturen“ an der renommierten Hochschule, der Staatlichen Wirtschafts- und Rechtsakademie zu Chabarowsk, besuchen. Die Gruppe setzt sich aus 17 Studentinnen und sieben Studenten zusammen. Auch wenn sie sich mit „Staats- und Kommunalverwaltung“ für einen ernsten Studiengang entschieden haben, sind sie erst im zweiten Studienjahr (d.h. erst 18–19 Jahre alt), so dass die Welt in ihrer Wahrnehmung noch fast märchenhaft erscheint. Dabei kommt der Großteil von ihnen — 20 Personen — aus kleinen und entlegenen Ortschaften, in denen die Hälfte der Einwohner arbeitslos ist und die Preise für Obst, Gemüse und Kleidung im Vergleich zu Chabarowsk doppelt oder dreimal höher und die Löhne doppelt oder dreimal niedriger sind. Ihre Eltern arbeiten, damit die Kinder eine Ausbildung bekommen und nie wieder zurückkommen müssen. Für sie ist Chabarowsk die „große weite Welt“ oder zumindest ein Tor zu ihr.

Eine Märchenstadt — ein schönes Leben

Die Studierenden haben die Aufgabe erhalten, die Stadt Chabarowsk, sich selbst in dieser Stadt und die Machthaber der Stadt darzustellen sowie die Farbe der Stadt, drei beliebige Eigenschaften, die wichtigsten Probleme und die eigene Einstellung zu der Stadt zu nennen. Sie wurden von Anfang an darauf hingewiesen, die ersten Assoziationen festzuhalten, die ihnen einfallen. Alle Antworten waren anonym. Nach der Umfrage wurden die

Ergebnisse in der Gruppe diskutiert, um den Grad der Homogenität der Antworten und der Reaktionen auf Schlüsselfragen ausfindig zu machen.

Was ergab die Umfrage? In den Zeichnungen der Studierenden sieht Chabarowsk fast unwirklich aus — es ist eine saubere, grüne, schöne Stadt, die sich dynamisch entwickelt. Sie stellen größtenteils das Stadtzentrum, d.h. den modernsten, am besten ausgestatteten Stadtteil dar. Im Mittelpunkt stehen die Uferpromenade, Teiche, Kirchen, Springbrunnen, der zentrale Platz (Lenin-Platz), der Bahnhof, das Sportzentrum „Platinum Arena“ und andere schöne Gebäude. Das ist verständlich: das Stadtzentrum ist für die Jugendlichen der wichtigste Ort der Freizeitgestaltung, da dort neben zahlreichen Verwaltungsgebäuden, Einkaufszentren und Bildungseinrichtungen Cafés, Restaurants, Bars, Nachtclubs, Buchhandlungen und Kinderspielplätze konzentriert sind.

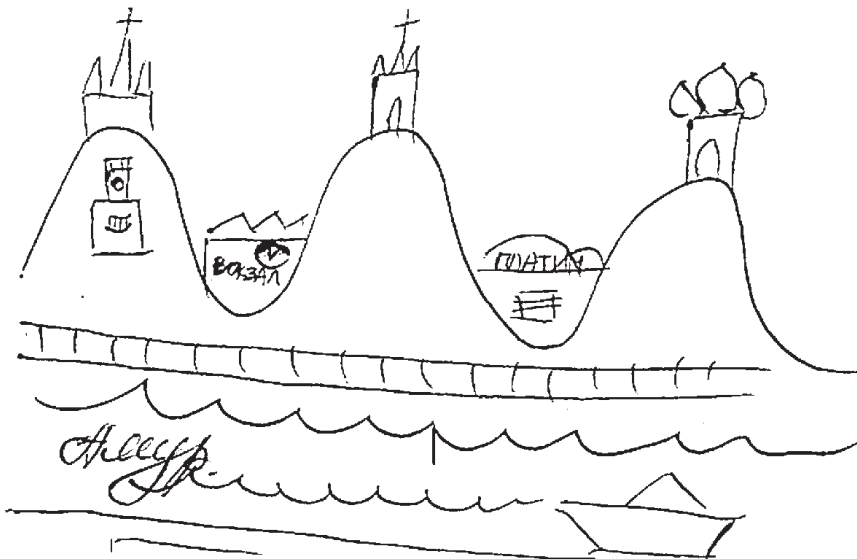

Bild 2. Das moderne Stadtzentrum von Chabarowsk
(Bildbeschriftungen: Bahnhof. Platinum. Amur)

Die auf Bild 2 dargestellten Hügel sind die sogenannten „roten Linien“, d.h. die Hauptstraßen der Stadt: (von links nach rechts) die Seryschew-Straße, die Murawjow-Amurski-Straße (ehemals Karl-Marx-Straße) und die Lenin-Straße. 1858 hatte das Senken zwischen den Hügeln noch zwei

Flüsschen beherbergt, die längst wegen des unangenehmen Geruchs, den sie in der ganzen Stadt verbreiteten, trocken gelegt wurden. Die Hügel sind aber stehen geblieben und stellen für Autofahrer bei Schneefall oder Glatteis ein ernstzunehmendes Hindernis dar. Trotz der Verkehrsstaus und der hohen Luftverschmutzung durch Autoabgase träumen wohlhabende junge Menschen davon, im Zentrum zu wohnen. Sie werden nicht von den fast doppelt so hohen Wohnungspreisen abgeschreckt: während im Zentrum ein Quadratmeter in einem Neubau 69 000 Rubel kostet, beträgt der Preis am Stadtrand 39 500 Rubel.¹ Schöne Freizeitmöglichkeiten sind für sie zurzeit noch ein wichtigerer Faktor als der Preis und eine saubere Umwelt.

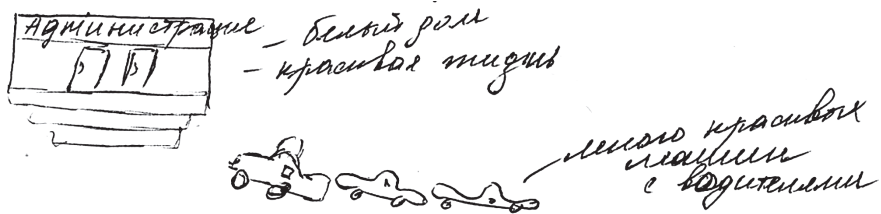

Bild 3: Stadtverwaltung oder ein schönes Leben

(Bildbeschriftungen: oben: Verwaltung, — weißes Haus, — schönes Leben
unten: viele schöne Autos mit Fahrern)

Nach Ansicht der Studierenden ist „Macht“ mit einem „schönen Leben“ gleichzusetzen. Wahrscheinlich haben sie sich aus diesem Grund für ihren Studiengang „Staats- und Kommunalverwaltung“ entschieden und träumen davon, einmal zu dieser wohlhabenden Welt dazuzugehören. Die jungen Menschen bemerkten, dass die Vertreter der Verwaltung in Chabarowsk unerreichbar sind. Sie ziehen es vor, sehr teure Autos, wie „Mercedes“ oder „Lexus“ zu fahren. Sie werden von Fahrern chauffiert, von Unternehmern gefürchtet, von ausländischen Besuchern mit Geschenken überschüttet. Nach Meinung der Studierenden lassen sich Beamte bestechen, versprechen viel und tun nichts: sie führen ein „schönes Leben“.

¹ Хрущевское наследие снова в цене (Chruschtschows Erbe ist wieder wertvoll). In: Тихоокеанская звезда (Tichookeanskaja swesda), 26. März 2010. Quelle: http://www.gtoz.ru/page.php?page=43307&date_id_num=2010-03-31&year=2010&month=03&day_id=26 (Abruf am 06.11. 2010).

Kirchen, Vergnügen und innere Leere

Es ist bemerkenswert, dass Kirchen und Springbrunnen zu den häufigsten Bildern von Chabarowsk gehören. Springbrunnen stellten 16 von 24 Personen dar, Kirchen zeichneten elf Personen. Die Springbrunnen sind im Stadtzentrum konzentriert und gehören damit zu den Sehenswürdigkeiten. Die Kirchen sind in der ganzen Stadt verstreut. Springbrunnen gab es 1858 noch nicht, und das kümmerte niemanden; die ersten Siedler fingen aber sofort mit dem Bau einer Kirche an, da sie sich ein Leben ohne Gottes Segen nicht vorstellen konnten. Nach und nach wurden Kirchen in allen Stadtteilen errichtet. Die Sowjetzeit überlebte nur eine Kirche, die unweit des Sportinstituts und des Hotels „Inturist“ steht. Sie war zu einem Planetarium umgestaltet worden und wurde erst in den 1990er Jahren neugeweiht. Alle übrigen Kirchen, die in der Zarenzeit gebaut worden waren, wurden zerstört. Später wurden zwei Kirchen errichtet, die in der Sowjetunion den Gläubigen geistige Unterstützung boten. Vier neue Kirchen wurden in Chabarowsk in den 1990er — 2000er Jahren gebaut; ihre Eröffnung fand an großen Jubiläumsdaten der Stadt- und Regionalgeschichte statt. Hierüber gab es keine größeren politischen Auseinandersetzungen, da es während des Baus der Kirchen (und anderer Objekte der sozialen und kulturellen Infrastruktur) keine Machtwechsel in der Region gab und die Regionalverwaltung eine planmäßige Bebauung der Stadt im Visier hatte. Die Mittel für den Kirchenbau stammten jetzt wie auch in den ersten Jahren nach der Stadtgründung an privater Hand. Während sie aber früher freiwillig gestiftet worden waren, wurden sie nun unter dem Slogan der „corporate social responsibility“ eingetrieben. Dabei fiel die gesellschaftliche Verantwortung eines Unternehmens oder einer Firma um so größer aus, je stärker diese von der Regional- und Kommunalverwaltung abhingen. Offensichtlich wurde mit „Verantwortung“ die Verpflichtung zur Ausführung aufgrund indirektes Drucks durch die Verwaltung gemeint. Sanktionen gegenüber Verweigerern können unterschiedlichen Charakter haben. In einigen Fällen bestehen sie in der Streichung von „schuldigen“ Unternehmen von den Listen potentieller Gewinner von Ausschreibungen, Wettbewerben und ihrem Ausschluss von der Vergabe von Krediten, Quoten, Bewilligungen usw. In anderen Fällen hingegen handelt es sich um die Aufnahme in Listen von Objekten, die einer sorgfältigen Kontrolle seitens des verzweigten Systems der staatlichen Behörden, die einen direkten oder indirekten Einfluss auf Unternehmen ausüben, unterliegen. Auf die beschriebene Art und Weise sind nicht nur

neue Kirchen, sondern Kultur-, Sporteinrichtungen, Straßen und andere infrastrukturelle Objekte entstanden.

Nachdem die neuen schönen Kirchen gebaut worden waren, stellte sich heraus, dass sich der Bezug einer geistigen Stätte bzw. einer Kirche zur Gesellschaft verändert hatte. Kirchengebäude werden immer mehr zu einem gewöhnlichen Kulturobjekt, das ästhetische Funktionen erfüllt. Die Zahl der Kirchengänger steigt zwar, aber der Besuch der Kirche ist nur noch eine Formalität, die dem neuen Trend entspricht. Wenn Studierende über Kirchen sprechen, beziehen sie sich nur auf das Äußere. Gerne treffen sie sich in der Nähe einer Kirche, um spazieren zu gehen, sich zu amüsieren, Fotos zu machen oder sogar Bier zu trinken, zumal es dort Sitzbänke gibt.

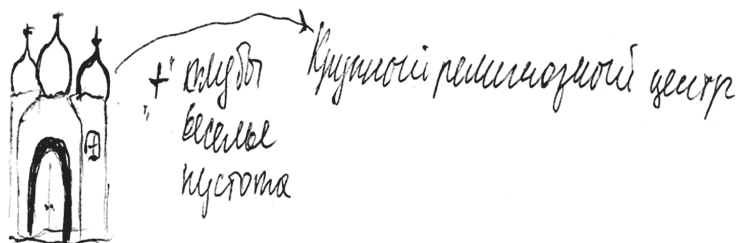

Bild 4. Kirchen, Vergnügen und Leere

(Bildbeschriftung: Klubs, Vergnügen, Leere. Ein großes Religionszentrum)

Eine Studentin stellte die Stadt Chabarowsk als eine Kirche dar und beschrieb sie dabei als ein bedeutendes Religionszentrum (s. Bild 4). Dabei stellte sie aber auch fest, dass junge Menschen heute eine innere Leere empfinden. Diese Leere kann weder durch Vergnügen in Klubs kompensiert werden noch wird sie mit geistigen Werten gefüllt. Wenn ich auf die Zeit vor 10–15 Jahren zurückblicke, kann ich sagen, dass die Studierenden zu meinen Studienzeiten kaum von einem Gefühl der Leere gesprochen hätten. Es gab viele Erlebnisse, die für die 1990er Jahre charakteristisch waren; es gab Hoffnungen und Ängste — aber irgendetwas war immer da. Vielleicht ist das Gefühl der Leere für reifere Seelen charakteristisch; vielleicht wurden meine Studierenden, die Anfang der 1990er Jahre geboren wurden, schneller erwachsen als meine Altersgenossen, die die UdSSR, Schuluniform, Pionierabzeichen und Komsomolzensgruppen erlebten. Für die heutigen Jugendlichen klingt der Satz „Lenin lebte, Lenin lebt, Lenin wird leben“ eher

lustig; für uns war er fast noch Wirklichkeit. Spricht dies für die Notwendigkeit einer ideologischen oder geistig-moralischen Erziehung? Das kann ich nicht sagen. Ich habe Angst vor Übertreibungen, die es in der russischen Geschichte in Überzahl gab.

Chabarowsk: Russland oder China?

In der Geschichte waren die Gebiete des Fernen Ostens stets multinational. Im Umkreis des Militärpostens Chabarowka konnte man viele „Fremdstämmige“, vor allem Golden (Nanai) antreffen. Später sank ihre Zahl, nachdem viele den Amur-Fluss hoch gewandelt waren. Heute gibt es in der Stadt fast keine oder nur wenige Nanai.

Seit dem Ende des 19. Jahrhunderts begann eine Masseneinwanderung von Koreanern und Chinesen in russische Gebiete. Ihre Zahl wuchs schneller als die von Bauern und Kosaken, die aus den westlichen Gebieten des Russischen Reiches in den Fernen Osten umsiedelten.¹ Im Vorfeld des Ersten Weltkrieges erstarkte in der Region, aber auch im gesamten Land, eine chinesenfeindliche Stimmung, es wurden angeregte Debatten über eine „gelbe Gefahr“² geführt. Nach dem Bürgerkrieg von 1917 — 1922/23 sank die Zahl der Chinesen stark, und die Mehrheit der Koreaner wurde Ende der 1930er Jahre nach Zentralasien zwangsumgesiedelt. Gleichzeitig wurde die ethnische Zusammensetzung der Stadt und des Fernen Ostens insgesamt dank der freiwilligen Arbeitsmigration aus verschiedenen Ecken der Unionsrepubliken vielfältiger. Es gab zwar ethnische Konflikte, sie wurden aber gewöhnlich verschwiegen.

---

¹ Vgl. dazu: Граве В.: *Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье* (Grawe, W.: *Chinesen, Koreaner und Japaner im Amur-Gebiet*). Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. Отчет Уполномоченного Министерства иностранных дел. В.В. Граве (Werke der von Seiner Majestät dem Zaren entsandten Amur-Expedition. Ausgabe 11. Bericht des Bevollmächtigten des Außenministeriums W. Grawe). Druckerei W. Kirschbaum, St. Petersburg 1912 (479 Seiten).

² Vgl.: Дятлов В.: *Миграция китайцев и дискуссия о «жёлтой опасности» в дореволюционной России* (Djatlow, W.: *Chinesische Migration und Diskussion über die „gelbe Gefahr“ im vorrevolutionären Russland*). In: *Вестник Евразии (Westnik Jewrasii)*, 2000. Nr. 1 (8), S. 63–89.

Was die Einstellung zu China und zu Chinesen betrifft, so wurde sie nach den Ereignissen auf der Damanski-Insel,¹ wo im Laufe eines sowjetisch-chinesischen Konflikts im März 1969 58 sowjetische Soldaten und Offiziere getötet und 94 verletzt wurden,² erklärlicherweise spannungsreich (oder sogar feindlich). In den 1990er Jahren entschärfte sich die Lage, die Spannungen stiegen aber nach der Grenzziehung zwischen Russland und China im Jahre 2005 und insbesondere nach der Unterzeichnung des Regierungsabkommens über die Übergabe von zwei Dritteln des Gebiets der Amur-Inseln Bolschoj Ussurijski und Tarabarow, die in unmittelbarer Nähe von Chabarowsk liegen, an China. Dieses Abkommen stieß bei allen Bewohnern des Fernen Ostens, selbst bei China-Freunden, auf Ablehnung. Zusätzlich speiste sich die ablehnende Einstellung zu China, und indirekt zu Chinesen, aus dem 2009 unterzeichneten zwischenstaatlichen Kooperationsprogramm der Regionen des Fernen Ostens und Ostsibiriens der Russischen Föderation und des Nordostens der Volksrepublik China, das für den Zeitraum 2009 — 2018 abgeschlossen wurde. Denn dieses Programm fördert faktisch eine Konzentration von Anlagen zur Verarbeitung von russischen Rohstoffen und die Kumulation des wirtschaftlichen Gewinns aus der Zusammenarbeit auf dem Gebiet Chinas, während dem Fernen Osten und Ostsibirien nur die Rolle der Rohstofflieferanten eingeräumt wird.

Studierende haben kein Verständnis für die Politik der russischen Regierung im Bereich der Entwicklung des Fernen Ostens und stehen den Beispielen für den steigenden ökonomischen Druck seitens der „asiatischen Tigerstaaten“ negativ gegenüber. Die Jugendlichen stellen eine Überflutung der städtischen Ladentische mit chinesischen Waren und Lebensmitteln, die Omnipräsenz von koreanischen Gebrauchtbussen auf den Straßen und das Vorherrschen asiatischer Technik fest. Ihrer Meinung nach steht dies der Entwicklung von russischen Produkten im Wege. Wirtschaftliche Argumente

---

¹ Damanski ist der russische Name der Insel; der chinesische Name lautet Znenbao, was übersetzt „kostbar“ bedeutet. (Евдокимов П.: *Остров инженера Ламанского* (Jewdokimow, P.: *Die Insel des Ingenieurs Lamanski*). In: *Спецназ России* (Speznaz Rossii), 2004. Nr. 3. Quelle: <http://www.specnaz.ru/istoriya/415>. Abruf am 10.11.2010). Möglicherweise stammt der Name von der Form, die an eine chinesische Münze erinnert.

² Vgl.: *Конфликт на острове Даманском* (Konflikt auf der Damanski-Insel). Quelle: <http://hronos.km.ru/sobyty/1900sob/1969damanski.html>. (Abruf am 10.11.2010).

von hohen Liefer- und Reparaturkosten von Bussen, die beispielsweise im Gebiet Nishni Nowgorod hergestellt werden, werden nicht akzeptiert, da die Jugendlichen hinter der wirtschaftlichen Expansion Chinas einen politischen Hintergrund sehen: die Entwicklung hin auf eine langsamere, schrittweise Kolonisierung des Fernen Ostens. Dementsprechend fürchten sie die Übernahme der russischen Gebiete durch China — teilweise infolge einer direkten militärischen Besetzung (s. Bild 5a), teilweise infolge weiterer territorialer Zugeständnisse (s. Bild 5b) und einer allmählichen Ansiedlung von Chinesen am russischen Amur-Ufer. Und zuallererst erwarten sie ein solches Schicksal für Chabarowsk, zumal die Stadt auf chinesischen Landkarten einen chinesischen Namen trägt.

Bild 5a. Chabarowsk wird von chinesischen Truppen besetzt

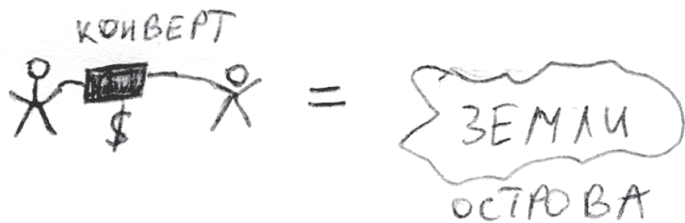

Bild 5b. Russland verkauft Land an China

Bildbeschriftung: links: Briefumschlag, rechts: Gebiete. Inseln

Diese Haltung ist nicht dominant und tritt zurzeit eher in latenter Form auf. Doch die Anzahl ihrer offenen und aktiven Befürworter kann bei einem neuen durch die Medien gepuschten Anlass schnell anwachsen. Dann wird die Bevölkerung, die heute in Chabarowsk und in der Region lebt, die

„Abstimmung mit den Füßen“ fortsetzen und in politisch ruhigere westliche Regionen des Landes umsiedeln.

Ich beende meinen Bericht über Chabarowsk — eine Stadt, von der es noch viel zu erzählen gibt: man denke nur an die Stereotypen der „verschlafenen Stadt“, des „Mückensumpfes“, der „Stadt ohne Wasser und ohne Straßen“ usw. Jeder dieser Stereotypen müsste einzeln besprochen werden, aber schon die Aufzählung verdeutlicht, dass Chabarowsk eine kontrastreiche Stadt ist. In dieser Stadt sind alte Holzbauten erhalten, die unschön und arm sind und oft Problemfälle darstellen, die aber noch ein Abbild der warmen nachbarschaftlichen Beziehungen der Sowjetzeit bieten, als Menschen nicht nur die Bewohner ihres Hauses, sondern auch die Anwohner der gesamten Straße kannten. Gleichzeitig erinnert Chabarowsk mit seinen Springbrunnen und goldenen Kuppeln der orthodoxen Kirchen im Vergleich zu anderen fernöstlichen Städten an ein Märchenhäuschen, in dem es ein „schönes Leben“ gibt und das eine Aussicht bietet, daran teilzuhaben. Das ist eine Stadt, in der sich die Speisekarte jeder Kantine aus russischen, chinesischen und koreanischen Speisen zusammensetzt und in der ethnische Intoleranz zur Zeit noch unpersönlich ist, da sie sich nicht direkt gegen Personen richtet, sondern gegen das „Ausland“, aus dem diese Personen gekommen sind.

Für die Jugendlichen ist Chabarowsk „lebendig“, hell, schön und laut. Für mich aber ist die Stadt still, ruhig und heimisch. Es ist eine Stadt, die durch einen Zufall zu Chabarowsk und nicht zu Newelsk wurde. Und wenn ich zeichnen könnte, würde ich sie so darstellen, wie es eine meiner Studentinnen getan hat (Bild 6)...

Bild 6. Mein Chabarowsk. (Beschriftung: Uferstraße)

*Michail Bljacher*¹

CHABAROWSK: JUGENDGRUPPIERUNGEN UND „ERWACHSENE“ JUGENDPOLITIK

Wenn Jugendliche als eine abgegrenzte soziodemographische Gruppe erforscht werden, kommt mit einer bemerkenswerten Regelmäßigkeit die These von einer Wertekrise oder einem Wertedefizit unter Jugendlichen auf.² Tatsächlich wird der Verfall des traditionellen Wertesystems bei jungen Zeitgenossen selbst auf empirischer Ebene ziemlich häufig festgestellt.³ Auf den ersten Blick erscheint es also angebracht, die Situation in Begriffen der

---

¹ Michail Bljacher studiert an der juristischen Fakultät der Pazifischen Staatlichen Universität (Studiengang: Sozialarbeit), Chabarowsk.

² Vgl. z.B.: Косарецкая С. В., Синягина Н. Ю. *О неформальных объединениях молодежи*. (Kossarezkaja, S., Sinjagina, N. *Informelle Jugendgruppierungen*). Wlados, Moskau 2004. S.161.

³ Vgl. z.B.: Калмыков А., Антонов М. *Культурно-поведенческие стили молодежи: Социологический анализ, проведенный в г. Владивостоке* (Kalmykow, A., Antonow, M. *Kultur- und Verhaltensstile der Jugendlichen. Eine in Wladiwostok durchgeführte soziologische Analyse*). In: *Россия и АТФ = Russia and Pacific*. Wladiwostok 2004. Nr. 1. S. 111–118.

Durkheim'schen Anomie zu beschreiben.¹ Dieser Ansatz setzt aber die Verabsolutierung einer bestimmten Sichtweise voraus: der Sichtweise des „erwachsenen“ Forschers, der — gewollt oder ungewollt — das Wertesystem einer anderen (der eigenen) Generation, einer anderen (der eigenen) soziodemographischen Gruppe auf die Jugend anwendet. Dies resultiert unserer Ansicht nach wiederum aus der Verabsolutierung von bestehenden Regeln (Institutionen) und der mit ihnen verbundenen Werteskala. Es wird dabei außer Acht gelassen, dass Jugendliche, wenn sie die Welt der Erwachsenen betreten, nicht nur bestimmte institutionelle Parameter verinnerlichen, sondern diese auch transformieren. Daher folgt aus der Tatsache, dass der Forscher bei jungen Befragten nicht die Werte vorfindet, nach denen er suchte (und die ihm bekannt sind und von ihm geteilt werden), nicht automatisch, dass Jugendliche keine *anderen* Werte und keine *anderen* festen Formen sozialer Interaktion besitzen. Diese Werte und Formen der sozialen Organisation des Jugendmilieus, die aufgrund der Spezifik des vorhandenen Instrumentariums in den Bereich des „Unbenannten“² verdrängt wurden, sollen hier untersucht werden.

Forschungsgegenstand und Forschungsmethode

Zunächst wollen wir versuchen, den Begriff „Jugend“ zu definieren. Im soziologischen Sinne ist es eine soziodemographische Gruppe, die anhand bestimmter altersbedingter Besonderheiten in ihrer sozialen Situation, in ihrer Stellung und ihren Funktionen in der sozialen Struktur der Gesellschaft und in ihren spezifischen Interessen und Wertevorstellungen eingegrenzt werden kann. In diesem Beitrag sollen die Altersgrenzen auf 14 bis 27 Jahre festgelegt werden. Diese Entscheidung wurde bewusst getroffen, da sich Jugendliche unserer Ansicht nach in diesem Alter einen besonders starken Wandel durchleben: junge Menschen versuchen, sich selbst und anderen ihre Unabhängigkeit, ihre Bedeutung und Individualität zu beweisen, sie schließen

---

¹ Vgl.: Дюркгейм Э. *Самоубийство: Социологический этюд* / Пер. с франц., с сокр.; под ред. В. А. Базарова. (Durkheim, E. *Selbstmord: Soziologische Studie*. Gekürzte Übersetzung aus dem Französischen; Hrsg.: W. Basarow), Mysl, Moskau 1994 (auf Deutsch erschienen als: Durkheim, E. *Der Selbstmord*. Dt. von Sebastian und Hanne Herkommer-Luchterhand, Neuwied/Berlin 1973, 8. Aufl. 2002).

² Бляхер Л.Е. *Нестабильные социальные состояния* (Bljacher, L. *Instabile soziale Zustände*). ROSSPEN, Moskau 2005. S. 316.

eine Ausbildung ab, erlernen Berufe, gründen Familien.¹ Andererseits darf man nicht vergessen, dass, unabhängig davon, wie der Altersrahmen für die Eingrenzung der Gruppe der Jugendlichen festgelegt wird, die Zusammensetzung dieser Gruppe immer vielfältig und komplex bleiben wird:²

Der Begriff „Jugend“ ist eine ziemlich allgemeine Charakterisierung einer Altersgruppe. In Wirklichkeit ist das Jugendmilieu vielfältig. Es ist eine — manchmal unnatürlich anmutende — Koexistenz von Vertretern unterschiedlicher Schichten, Gruppen und Segmenten der Gesellschaft: von der Elite, den Hochintellektuellen, den Gebildeten und Randgruppen, Ungebildeten und Analphabeten; von gesellschaftlich Engagierten und Passiven, von Aggressiven, Extremisten und Staatstreuen; von Reichen, Wohlhabenden und Armen, in Elend Lebenden und am Rande des Überlebens Stehenden; von Gesetzestreuen und Verbrechern mit abweichendem Verhalten; von Werk- und Berufstätigen und Arbeitslosen, Verwahrlosten; von Verheirateten und Verliebten und vielen anderen.

Heute leben in Russland über 30 Millionen Menschen im Alter von 15 bis 29, was 21% der Gesamtbevölkerung ausmacht. Im Zuge der marktwirtschaftlichen Reformen, mit denen die Verbreitung von westlichen liberalen Werten einhergeht, erfährt das Jugendmilieu einen grundlegenden Wandel, wobei die Veränderungen einen widersprüchlichen Charakter haben und sowohl positive als auch negative Aspekte beinhalten.

Es sollte auch angemerkt werden, dass die heutige Jugend in ihrer Wahrnehmung, die in Meinungsumfragen sichtbar wird, nicht im besten Licht erscheint. Hier sind die Ergebnisse einer Umfrage des Russlandweiten Zentrums für Meinungsforschung WZIOM. Befragte, die aufgefordert wurden, die Jugend zu charakterisieren, nannten folgende Eigenschaften: aggressiv (50% haben diese Option gewählt), zynisch (40%), gebildet (30%), fleißig (8%), aufrichtig (3%).³ Wie man sieht, sind Jugendliche sowohl in der

---

¹ Genaueres in: Лисовский В. Т. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учебное пособие* (Lissowski, W. *Geistiges Leben und Werteorientierungen der russischen Jugend: Ein Lehrbuch*). Letni Sad, Sankt-Petersburg 2000. S. 416.

² Цымллов В. *Год потерянного поколения* (Zymlow, W. *Das Jahr der verlorenen Generation*). Quelle: http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2009/02/07/god_poteryannogo_pokoleniya/ (Abruf am 16.11.2010).

³ Ergebnisse der Studie sind unter: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=154&q_id=12885&date=04.02.2007 veröffentlicht (Abruf am 05.07.2010).

Wahrnehmung der „Erwachsenen“ als auch in der Selbstwahrnehmung vorwiegend erbittert und zynisch und sollten eindeutig umerzogen werden. Entspricht dieses Bild der Wahrheit? Es ist schwer, genaue Aussagen zu treffen, denn einerseits konnte diese Sichtweise nicht ohne Grund entstehen, andererseits ist es aber kaum vorstellbar, dass eine gesamte Generation oder der Großteil ihrer Vertreter dermaßen unattraktiv wirkt.

Während sich die meisten soziologischen Beschreibungen der Jugend auf eine institutionelle Analyse stützen, ist in unserem Fall ein anderer Ansatz, der sich an den von D. North entwickelten Neoinstitutionalismus¹ anlehnt, erforderlich, um hinter den „Vorhang“ der legalen Institutionen zu blicken. Eine Institution stellt im Rahmen dieses Ansatzes „Spielregeln“ dar, nach denen sich soziale Handlungen der Akteure richten. Nur ein Teil dieser Regeln hat dabei legale und feste Formen (z.B. Wertevorstellungen). Nicht minder wichtig sind informelle Einstellungen, die in einem bestimmten Milieu gelten, auch wenn sie keine offiziell anerkannten Präsentationsformen haben.

Eine Analyse der gesamten Jugend Russlands würde unsere Möglichkeiten übersteigen, da sie einen bedeutend größeren Datensatz erfordern würde als derjenige, der uns zur Verfügung steht. Wir haben daher unsere Beschreibung auf Jugendliche einer russischen Stadt — Chabarowsk — begrenzt.

Chabarowsk: Jugendpolitik in der „siebten Hauptstadt“

Chabarowsk ist ein regionales Zentrum und die Hauptstadt des Föderationsbezirks Fernost. Dank dem Status der „siebten Hauptstadt“ und den langjährigen Bemühungen der Regierung wurde dem zentralen „Vorzeigeteil“ der Stadt ein gewisser Glanz verliehen. Dieses „lackierte“ Bild von Chabarowsk wird von der Regierung als das Musterbild einer „europäischen Stadt im Osten Russlands“² vermittelt. Entfernt man sich aber

---

¹ Vgl.: Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*, М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997 (Originaltitel: North, D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge University Press, 1990).

² Доронина Н. *Хабаровск вновь признан самым благоустроенным городом России* (Doronina, N. *Chabarowsk wurde wieder zu der lebenswertesten Stadt Russlands gewählt*). In: *Российская газета (Rossijskaja gaseta)*, 5.09.2009.

einige Kilometer weg von den „Paradegebäuden“ und zentralen Straßen, ändert sich das Aussehen der Stadt vollkommen. Unter der Glanzschicht kommt die russische Provinz mit all ihren Problemen und Nöten zum Vorschein.

Ähnliches trifft auch auf die Jugend der Stadt am Amur zu. Die Zahlen der offiziellen Statistik erwecken im Leser einen starken Wunsch, zu dieser von der Regierung zweifelsohne privilegierten Gruppe dazuzugehören. Der Anteil der Jugendlichen an der gesamten Stadtbevölkerung beträgt über 27%. Die Jugend wird vom Jugendausschuss der Regierung der Region Chabarowsk und vom städtischen Jugendamt gefördert. Jährlich wird beschlossen, etwas „zu verbessern und zu erweitern“. Es wird in der Tat verbessert und erweitert. So wurden in den letzten Jahren acht Sportobjekte (Stadien, Schwimmhallen) für die Förderung des Jugendsports in Betrieb genommen. Die Preise für den Besuch dieser wunderbaren Einrichtungen haben sich aber aus unerklärlichen Gründen dermaßen erhöht, dass ein durchschnittlicher Jugendlicher auf Leistungen dieser „Gesundheitszentren“ lieber verzichtet. Im Rahmen der Programme zur Unterstützung junger Familien wurden drei Mehrfamilienhäuser errichtet. Es werden Wettbewerbe für Nachwuchswissenschaftler und junge Unternehmer, der Jugendtalentwettbewerb „Studentenfrühling“ und Fachwettbewerbe für Berufsschüler durchgeführt. Jeden Sommer erholen sich Hunderte von Schülern und Studierenden in komfortablen — wirklich komfortablen — Ferienheimen und Erholungsgebieten. Die Zahl der Jugendorganisationen, die sich das Ziel setzen, die vollwertige Entfaltung der jungen Menschen (in den Bereichen Patriotismus, Sport, Kreativität, Moralvorstellungen u. a.) zu fördern,¹ wird sich dem Anschein nach bald der Zahl der zu fördernden jungen Menschen angleichen. Allerdings kann als einzige einigermaßen bedeutsame Organisation wohl nur die „Junge Garde“ — der Jugendflügel der Regierungspartei „Einiges Russland“ — bezeichnet werden. Doch auch sie ist keine Massenorganisation, wenn man auf die Größe von der Anzahl der ständigen Mitglieder und nicht von der Zahl der Teilnehmer an Massenaktionen, die dafür per Anordnung vom Unterricht befreit werden, schließt. Des Weiteren gibt es die „Jugendkammer beim Parlament der

---

¹ Nach der Statistik des Regionalen Jugendausschusses, die dankenswerterweise dem Verfasser zur Verfügung gestellt wurde, sind es insgesamt 1186 (Stand: 2007).

Region Chabarowsk“; es ist ein Beratungsorgan, das sich nur aus jungen Menschen unter 30 zusammensetzt (das älteste Mitglied ist zurzeit 27 Jahre alt) und in unmittelbarem Kontakt zu der Legislative der Region steht. Anscheinend genießt die Jugend der Stadt alle Privilegien. Der Schein trägt aber...

Chabarowsk: das wirkliche Leben der Jugend

Intensiv und facettenreich, entwickelt es sich unabhängig von all diesen wunderbaren Projekten. 2009 wurde eine Umfrage unter jungen Stadteinwohnern durchgeführt (n = 450, Grundgesamtheit: Jugendliche der Stadt Chabarowsk im Alter von 16 bis 25, Auswahlverfahren: Quotenauswahl und Auswahl nach regionalen Kriterien). Die Ergebnisse waren ziemlich überraschend. Über 70% (71,3%) der Teilnehmer engagieren sich in keiner offiziellen Jugendorganisation. Von der Präsenz dieser Organisationen in Chabarowsk (einschließlich der russlandweiten Organisationen wie die „Junge Garde“, „Naschi“¹ usw.) wussten nur 56 % der Befragten. Nur 4,6% konnten die Leiter dieser Organisationen nennen. Als aktive Teilnehmer an städtischen oder regionalen Veranstaltungen (an Wettbewerben, Festivals, Seminaren) bezeichneten sich nur 20% der jungen Menschen. Es wurde eine überaus negative Einstellung gegenüber Massenaktionen geäußert. Für 37% handelt es sich um „Zwangsveranstaltungen“, weitere 32% merkten an, dass sie „teilnehmen, da sie sonst Probleme bekommen könnten“.

Wo liegen die Interessen der jungen Stadteinwohner, die offizielle Veranstaltungen meiden oder an ihnen ausschließlich „auf Befehl“ teilnehmen? Das Jugendmilieu von Chabarowsk hat eine Netzwerkstruktur (keine hierarchische Struktur), in der sich klar ein Kern und die Peripherie unterscheiden lassen. Den Kern bilden Gruppen von Jugendlichen, die ein bestimmtes Hobby oder eine bestimmte Tätigkeit verbindet. Während in den 1990er Jahren ein großer Teil der Jugendlichen — Erinnerungen der Älteren zufolge — an kriminellen oder halbkriminellen Vereinigungen beteiligt war (*Sportler, Kyokushin-Kämpfer*²), haben deren Platz heute lokale Gruppen

---

¹ Die „Demokratische antifaschistische Jugendbewegung Naschi“ (übersetzt „Die Unseren“) ist eine russlandweite Jugendorganisation, die von der Regierung 2005 ins Leben gerufen wurde und die Regierungspolitik unterstützt (Anm. d. Übers.).

² Mitglieder in kriminellen Gruppen, die sich zu Beginn der 1990er bildeten, waren größtenteils junge Menschen, die bestimmte Sportarten ausübten.

von Straßenrowdys (*Gopniki*¹) eingenommen, die ohne großen Erfolg versuchen, den Weg der „älteren Kameraden“ zu beschreiten. „Typische“ Jugendvereinigungen wie *Emos*², *Punks*³ und *Skinheads*⁴ sind in der Jugendkultur von Chabarowsk schwach vertreten.

Wesentlich zahl- und einflussreicher sind in der Stadt andere Kerngruppen. Zu Beginn des neuen Jahrtausends wurden die *Liverollenspieler* zu einer der einflussreichsten Jugendgruppen der Stadt. Anfänglich waren es Bewunderer des Schaffens J. R. R. Tolkiens, seit 2005 jedoch, als sich die Vereinigung in einzelne Teilgruppen spaltete, haben Befürworter der Rollenspiele nach einer frei erfundenen Handlung oder zu Ereignissen aus russischer Geschichte das Sagen. Auch wenn die Vereinigung der Rollenspieler heute eine Generationskrise erlebt (die Meinungsführer der Jahrtausendwende sind größtenteils in andere Städte gezogen) ist diese Jugendgruppe nach wie vor strukturiert: sie ist in drei städtischen Klubs organisiert, die nach Angaben der Teilnehmer bis zu 1500 Mitglieder umfassen. Jede Gruppe (bzw. „Stamm“ oder „Sippe“) hat einen bestimmten Ort, an dem Treffen stattfinden und Inszenierungen durchgeführt werden. In der Regel sind es städtische Grünanlagen: der Park am Musiktheater, die Stadtteiche, der Dynamo-Park, die Uferpromenade. Viele junge Menschen bleiben an der Peripherie der Vereinigung und nehmen an Treffen der Rollenspieler unregelmäßig teil. Ähnlich ist die Gruppe der *Anime-Fans* organisiert. Hier haben junge Menschen die Führung, die regelmäßig nach Japan reisen und daher einen direkten Zugang zu der „authentischen Anime-Kultur“ haben. Sie haben nicht nur die Möglichkeit, einen neuen Film oder Artikel zu ergattern, sondern kommen auch schnell an Informationen über Neuerscheinungen und sind außerdem an der Organisation von Veranstaltungen für Anime-Liebhaber beteiligt.

An der Wende vom 20. zum 21. Jahrhundert gehörte die Vereinigung der *Rock-Fans* zu den mitgliederstärksten Gruppen. In der Stadt gab es drei

---

¹ Junge Straßenrowdys, die sich zu bandenähnlichen Gruppen zusammenschlossen und die Bevölkerung terrorisierten, waren im Fernen Osten im Zeitraum von 2000 bis 2005 eine sehr verbreitete Erscheinung.

² Eine Jugendgruppe, die sich durch einen eigenen, provokant grellen Kleidungsstil und ein übertrieben emotionales Verhalten auszeichnet.

³ Eine Jugendgruppe, die typischerweise in Konfrontation mit der Gesellschaft und der Politik steht.

⁴ Nationalistische Jugendgruppierung.

Rock-Cafés. Heute müssen sie ums Überleben kämpfen, und einige von ihnen warenausgezwungen, für eine Weile zuzuschließen. Zu Musikveranstaltungen, die in Nachtclubs und sogar in einigen Bildungseinrichtungen stattfinden, werden jedoch häufig Rockmusiker eingeladen. Im Rahmen der Vereinigung der Rockfans fand ein jährliches Rockfestival statt, das nach Auskunft des Organisators Juri Wjasankin bis zu 15 000 Teilnehmer und Zuschauer versammelte. Heute erlebt die Rock-Vereinigung nicht die besten Zeiten, auch wenn sich weiterhin neue Rockbands bilden.

Noch schwieriger ist es, die Gruppe der *Quake*- und *WOW-Spieler*¹ und andere Liebhaber ähnlicher Online-Computerspiele zu erfassen. Trotzdem ist diese Erscheinung nach Beobachtungen des Verfassers sehr verbreitet. In der Stadt finden Einzel- und Gruppenwettbewerbe und Offline-Treffen (d.h. Begegnungen in der Wirklichkeit) statt. Außerdem sollte die Bedeutung der Gruppen der *Blogger* und der *Cyberpunks*² hervorgehoben werden: in der Regel sind gerade Vertreter dieser Gruppen sowohl über neue Informationstechnologien als auch über das politische Geschehen in Russland und in der Welt gut informiert.

Ein Lösungsvorschlag

Somit gibt es in der Stadt einerseits strukturierte und organisierte offizielle Jugendgruppen, die theoretisch den sozialen Aufstieg ermöglichen sollen, die sich unter Jugendlichen aber keiner Popularität erfreuen. Andererseits gibt es viel lockerere Jugendnetzwerke, die neben offiziellen Strukturen bestehen und eher die Rolle der Institutionen für den „Ausstieg aus dem Formalismus“ spielen. Diese Spaltung hat unserer Ansicht nach einen einfachen Grund. Die Jugendpolitik wird heute vorwiegend von älteren Menschen geplant und umgesetzt. So liegt das Durchschnittsalter der Mitarbeiter des Jugendausschusses bei ca. 40 Jahren. Im Rahmen der offiziellen Strukturen bildet sich eine vollkommen realitätsferne Vorstellung

---

¹ Bezeichnung von jungen Menschen, die eine Begeisterung für Computerspiele teilen.

² Blogger und Cyberpunks sind ziemlich amorphe Gruppen, deren Haupteigenschaft eine starke Einbezogenheit in die virtuelle Internet-Welt ist. Blogger führen Blogs auf Internetplattformen wie Livejournal u.a., während Cyberpunks Forums, Chats und ähnliche Orte bevorzugen, die eine Kommunikation via Internet ermöglichen.

über die Jugend von Chabarowsk und ihre Bedürfnisse heraus. Die zahlreichen Studien zur Lage der Jugend, die in der Region, auch unter Beteiligung des Verfassers, durchgeführt werden, stellen Fragen in „Erwachsensprache“ und erhalten vollkommen unbrauchbare „Antworten“,¹ die eher über die Fragenden als über die Befragten Auskunft geben. Doch auf der Grundlage genau dieser „Antworten“ werden Jugendprogramme und –projekte verfasst.

Andererseits müssen auch die Jugendnetzwerke von Chabarowsk mit zahlreichen Problemen kämpfen. In diesen Netzwerken ist zwar ein großer Teil der jungen Menschen aktiv. Sie haben jedoch weder einen offiziellen Status noch einen eigenen Platz haben und sind nicht in der Lage, zu Kanälen sozialer Mobilität zu werden, was negative Folgen hat. Die markantesten Persönlichkeiten investieren ihre Autorität in andere, nicht mit Jugendarbeit verwandte, Bereiche: sie werden zu Chefredakteuren von Massenmedien, sind im öffentlichen Dienst oder an Hochschulen tätig. Jugendbewegungen bleiben führungslos. Der Generationenwechsel vollzieht sich äußerst schmerzvoll, wobei jeder Konflikt innerhalb einer Bewegung in deren Zerfall münden kann.

Die beste Lösung wäre wahrscheinlich eine Verknüpfung der Jugendnetzwerke der Stadt mit der Jugendpolitik, deren Entscheidungsträger in diesem Fall plötzlich nicht mehr eine vorgestellte Jugend (mit vorwiegend „schlechten“ oder „guten“ Eigenschaften), sondern die wirkliche Jugend zu sehen bekämen. Dann wären die jungen Menschen der „siebten Hauptstadt“ wirklich zu beneiden.

Es ist schwer vorauszusagen, welche Faktoren einen entscheidenden Einfluss auf die Jugend haben könnten. Auch wenn es schwerfällt, dies einzugestehen, muss der Jugendausschuss der Region in der Regel mit „dem, was im Angebot ist“ arbeiten; seine Aufgabe liegt also nicht darin, die Weltsicht der Jugendlichen neu zu formen, sondern darin, zu versuchen, bereits ausgeprägte Wertevorstellungen zu korrigieren oder umzulenken.

---

¹ Vgl. z.B.: *Молодежный потенциал региона: опыт социологического анализа. Дальневосточная академия государственной службы* /Авт. колл. Байков Н. М., Березуцкий Ю. В., Буката Е. В., Каширина Л. В., Шиян В. Н. /под ред. Н.М. Байкова (*Jugendpotenzial der Region: Versuch einer soziologischen Analyse. Fernöstliche Akademie des öffentlichen Dienstes*. Verfasser: Bajkow, N., Beresuzki, Ju., Bukata, Je., Kaschirina, L., Schijan, W.. Hrsg.: N. Bajkow). Fernöstliche Akademie des Öffentlichen Dienstes, Chabarowsk 2001. S. 335.

Wir haben nicht zufällig die informellen Gruppierungen so genau unter die Lupe genommen: über diese Zusammenschlüsse könnten die jungen Menschen von Chabarowsk erreicht werden.

Diesen Gedanken wollen wir am Beispiel der Gruppierung der Liverollenspieler veranschaulichen. Vereinigungen der Rollenspieler entstanden bereits in der UdSSR in den 1980er Jahren auf der Grundlage der Klubs der Science-Fiction-Fans. Dazu gehören auch die sogenannten Reenactment- bzw. Reenarlpment-Spieler und Tolkien-Anhänger. Trotz der scheinbaren Realitätsferne haben die Mitglieder dieser Vereinigung meistens umfassende Kenntnisse der russischen Geschichte und eine hochpatriotische Gesinnung. In diesem Zusammenhang kommt sofort die Frage auf: „Warum versuchen sie nicht, ihren Patriotismus mit Leben zu erfüllen und ihrem Land zu helfen?“. Wir vermuten, dass der Grund im Misstrauen der Jugend dem Staat gegenüber liegt. Junge Menschen befürchten, dass all ihre Anstrengungen bei einem staatlichen Eingriff von vorne herein zum Scheitern verurteilt sein werden und ziehen daraus den Schluss, dass sich diese Anstrengungen gar nicht lohnen. Einige versuchen allerdings, etwas zu bewegen, indem sie ihre formale oder wirkliche Parteianghörigkeit nutzen; das Problem besteht aber darin, dass sie selbst kaum daran glauben, etwas erreichen zu können und somit schnell die anfängliche Begeisterung verlieren. Es ist offensichtlich, warum es zu solchen Situationen kommt. Die staatliche Politik richtet sich an die Jugend, die es nur in „Studien“ gibt, die von ihr sehr fern stehenden Menschen verfasst werden. Auf der Grundlage dieser Studien (und häufig bloß auf der Grundlage der subjektiven Vorstellungen der Bürokratie) wird ein System von Kennzahlen entwickelt, das den Jugendpolitik-Beamten als Orientierung und als Grundlage für Projektevaluierung dienen soll. Leider haben diese Kennzahlen kaum etwas mit der wirklichen Jugend, ihrem Leben und ihren Interessen zu tun. Die realen, lebendigen Jugendlichen, die nicht speziell „abgerichtet“ wurden, sind dem Beamten nicht nur gleichgültig: er empfindet sie vielmehr als störend. Er reagiert also entsprechend (und von seinem Standpunkt aus vollkommen angemessen) oder reagiert gar nicht. Wir haben es also entweder mit einem mächtigen System der Unterdrückung von Jugendinitiativen zu tun, oder diese Initiativen werden schlichtweg ignoriert.

Doch bereits die Existenz der für Jugendpolitik zuständigen Beamten birgt die Möglichkeit einer „Union“ zwischen dem formalen und dem informellen Jugendmilieu in sich. Die Meinungsführer von informellen

Jugendbewegungen brauchen einen Status und eine, wenn auch geringe, Finanzierung. Unserer Ansicht nach sollte bloß das System der Kennzahlen, die zur Auswertung der Jugendprojekte dienen, verändert werden, indem reale, in einer angemessenen Sprache beschriebene Jugendliche herangezogen werden.

Wir behaupten, dass die Durchführung von solchen unkomplizierten und das regionale Budget kaum belastenden Maßnahmen dabei helfen würde, innerhalb von fünf Jahren eine aktive Zusammenarbeit mit über 60% der Jugendlichen der Stadt aufzubauen. So könnte der Staat die richtige Jugend entdecken. Daraus würden nicht nur vertrauliche Beziehungen zwischen der Jugend und dem Staat resultieren, sondern auch eine produktivere Arbeit in allen Lebensbereichen der regionalen Gemeinschaft erwachsen. Denn die Jugendlichen von heute werden irgendwann die Geschicke der Region lenken. Wenn wir es also heute nicht schaffen, für vertrauensvolle Beziehungen zwischen den Generationen zu sorgen, werden wir in der Zukunft die bitteren Früchte dieser Nachlässigkeit tragen. Es bleibt nur zu hoffen, dass der Staat die Meinung der jungen Menschen erhören und erste Schritte auf dem Weg zur richtigen, produktiven Jugendarbeit machen wird.

*Irina Nowikowa*¹

DIE JUGEND DES GEBIETS AMUR: BEGINN ODER ENDE EINES WEGES?

Junge Menschen bilden den aktivsten Teil der Bevölkerung und verfügen über beachtliche Arbeitsressourcen und ein bedeutendes Reproduktionspotential. Das Jugendalter ist die Zeit der Persönlichkeitsbildung, der Entscheidung für einen Lebensweg. Es stimmt, dass die Wahrnehmung der Jugend als einer sozialen Gruppe, die der Zukunft angehört, lediglich eine „Alltagsdeutung“ eines komplexen sozialen Phänomens ist.² Aber es stimmt auch, wie die geschichtliche Erfahrung vieler Länder belegt, dass die Jugend tatsächlich die Rolle einer gesellschaftlichen Basis für Neuerungen und der wichtigsten Kraft im Aufbau einer neuen Gesellschaft spielen kann. Ein Gebiet, in dessen Bevölkerungsstruktur viele junge Menschen im Erwerbsalter vertreten sind, hat zumindest bessere Entwicklungsperspektiven als ein

---

¹ Irina Nowikowa unterrichtet am Lehrstuhl für Wirtschaftstheorie und Staatsverwaltung der Staatlichen Universität Amur, Blagoweschtschensk.

² Омельченко Е.: *Молодёжь: Открытый вопрос* (Omeltshenko, Je.: *Jugend: Offene Frage*). Simbirskaja kniga, Uljanowsk 2004. S. 12.

Gebiet, das über einen geringen Jugendanteil verfügt. Heute zeigt sich in Russland deutlich neben einer akuten demographischen Krise ein „Abdriften in den Westen“ - d.h. eine Tendenz zur Konzentration der Bevölkerung im europäischen Teil des Landes, vor allem im Zentralen Föderationsbezirk. Auch wenn sich dieser Trend in letzter Zeit etwas abgeschwächt hat,¹ gehört die Erhöhung der Anzahl der jungen Menschen durch die Steigerung der Geburtenrate und die Senkung der Abwanderung zu den wichtigsten Herausforderungen Sibiriens und des Fernen Ostens. Dies trifft auch auf das Gebiet Amur zu.

Vorposten des Landes und des Fernen Ostens

Das Gebiet Amur liegt im Südosten der Russischen Föderation und grenzt im Süden an die Volksrepublik China, im Norden an die Republik Sacha (Jakutien), im Westen an die Region Transbaikalien und im Osten an die Region Chabarowsk sowie an das Jüdische Autonome Gebiet innerhalb dieser Region. Die Fläche des Gebiets beträgt 361,9 km², was ca. 12% der Gesamtfläche des Fernen Ostens Russlands ausmacht. Die Bevölkerungsdichte ist jedoch gering — bei einer Gesamtbevölkerung von 864,5 Tausend belief sie sich zum 1. Januar 2009 auf nur 2,4 Personen pro 1 km². Zu diesem Zeitpunkt gab es in der Stadt nur neun Städte sowie 20 städtische und 602 ländliche Siedlungen.²

Geschichtlich war das Gebiet ein Vorposten des Landes und der Region am Ober- und Mittellauf des Amur-Flusses. Seine Wirtschaft war in allen Phasen der ökonomischen Erschließung der am Amur liegenden Gebiete von geopolitischen Interessen des Staates und der Notwendigkeit der Befestigung des Fernen Ostens als einer Stützregion der Großmacht im asiatisch-pazifischen Großraum geprägt. In der Wirtschaftsstruktur dominieren der Brennstoff- und Energie-, der Agrar- und der Verkehrssektor sowie Rohstoffbranchen, vor allem die Goldgewinnung und die Forstwirtschaft. Das

---

¹ *Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад* / Отв. ред. А.Г. Вишнеvский (*Bevölkerung Russlands 2007: 15. demographischer Jahresbericht*. Hrsg.: A. Wischnewski). GU — WSchE, Moskau 2009. S. 242–243.

² *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2009: Стат. сб. (Regionen Russlands. Hauptcharakteristika der Subjekte der Russischen Föderation. 2009: Statistischer Sammelband)*. Rosstat, S. 605.

Wirtschaftspotential des Gebiets im Bereich der Mineralrohstoffe wird auf 400 Milliarden US-Dollar geschätzt. Die Region besitzt die größten geschätzten Seifengoldvorkommen des Fernen Ostens und Russlands und die drittgrößten weltweit (nach Alaska und Kalifornien). Es wurden über drei Tausend Goldseifen entdeckt; ca. 200–250 von ihnen werden jährlich gefördert.¹

Im Gebiet Amur sind 80% der Wasserressourcen des Fernen Ostens konzentriert. In der Region gibt es über 29 Tausend Flüsse mit einer Länge über 10 km. Der wichtigste Fluss, Amur, nimmt mit 3000 km Länge den 9. Platz in der Hierarchie der weltgrößten Flüsse ein. Ein weiterer großer Fluss ist Seja, der zweitlängste Fluss der Region Fernost (in ihrer üblichen Definition, d.h. ohne Jakutien).² Im Gebiet sind 40% der landwirtschaftlich genutzten Flächen und 50% der Anbauflächen des Fernen Ostens konzentriert. Die wichtigste Landwirtschaftsbranche ist die Pflanzenproduktion: es werden Nutzpflanzen, Getreide und Gemüse angebaut. Im Agrarsektor sind bis zu 30% der in der Produktion Beschäftigten tätig. Sie tragen über 1/3 zum Bruttoregionalprodukt des Gebiets bei und produzieren über die Hälfte des Getreides des Föderationsbezirks Fernost, über 1/4 der Kartoffeln, 1/3 des Fleisches und der Milch sowie ca. 70% der Sojaernte (bzw. 60% im gesamtrossischen Maßstab).³

Das reiche Potenzial des Gebiets Amur an Naturressourcen bietet gute Wachstumsvoraussetzungen, denen die wirtschaftliche Lage des Gebiets aber nicht entspricht. Dies wirkt sich negativ auf die Arbeitskraftressourcen, insbesondere auf ihre Jugendkomponente aus.

Eine Region junger Menschen?

Das Gebiet Amur galt ziemlich lange als eine Region der Jugend. Dort befand sich der Jahrhundertbau der Baikal-Amur-Magistrale, der junge Arbeitskräfte aus der ganzen Sowjetunion anzog. Die Errichtung der Wasserkraftwerke, des Weltraumhafens „Wostotschny“, die Erschließung neuer landwirtschaftlicher Nutzflächen — all das förderte die Zuwanderung von jungen Menschen in das Gebiet. Doch in der postsowjetischen Zeit

---

¹ *Амурская область (Gebiet Amur)*. Priamurskije wedomosti, Chabarowsk 2004. S. 27.

² Ebd., S. 30.

³ Ebd., S. 31.

änderte sich die Situation grundlegend. Die Zahl der jungen Menschen sank in den 1990er Jahren bedeutend aufgrund einer starken Abwanderung aus dem Gebiet.¹ In der Zeit von 1992 bis 2009 verringerte sich die absolute Zahl der ständigen Einwohner im Alter von 15 bis 29 von 236,8 Tausend Personen (22,6% der ständigen Einwohner) auf 225,3 Tausend Personen, auch wenn ihr Anteil dabei auf 26,1% anstieg. Der Rückgang ist vor allem auf die Abnahme der Altersgruppe der 15- bis 19-Jährigen zurückzuführen, d.h. der Personen, die gerade das Erwerbsalter erreichen. Während ihre Zahl 2008 noch 82,5 Tausend Personen betrug, sank sie 2009 auf 62,1 Tausend. Des Weiteren hat sich im Jahre 2006 die Zahl der Personen, die das Jugendalter (16–29 Jahre) erreicht haben, erstmalig der Zahl der Personen, die dieses Alter überschritten haben, angeglichen. Diese Folge des Geburtenrückgangs der 1990er Jahre war — neben der Sterberate und der Abwanderung — ein Grund für den Rückgang der Zahl der Jugendlichen. Und seit 2007 ist die Zahl der Personen, die das Jugendalter überschreiten, höher als die Zahl der Personen, die dieses Alter erreichen.² Gleichzeitig steigt der Anteil der Jugendlichen an der Gesamtabwanderung: 2009 belief er sich bereits auf 46,0% (2008 waren es 36,5%).³

Die Ergebnisse einer soziologischen Umfrage unter Absolventen der Hochschulen des Föderationsbezirks Fernost⁴ zeigten, dass ein großer Teil

---

¹ *Молодежь Амурской области*: Пресс-выпуск Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Амурской области от 23.09.2009. (*Jugend des Gebiets Amur*. Pressebericht der Regionalstelle des Föderalen staatlichen Statistikamts im Gebiet Amur vom 23.09.2009). Quelle: www.amurstat.gks.ru. (Abruf am 08.11.2010).

² *Демографический ежегодник Амурской области: Стат. сб. (Демографischer Jahresbericht des Gebiets Amur: Statistischer Sammelband)*, Amurstat, Blagoweschtschensk 2010. S. 90.

³ *Численность и миграция населения Амурской области за 2009 год: Бюллетень (Bevölkerungszahl und Migration im Gebiet Amur im Jahr 2009: ein Bulletin)*, Amurstat, Blagoweschtschensk, 2010. S. 48, 56.

⁴ Eine 2005 durchgeführte Studie zum Thema „Studierende des Fernen Ostens: Probleme und Perspektiven des Berufseinstiegs“ (n= 1940). Die Grundgesamtheit setzte sich aus Studierenden der Hochschulen des Föderationsbezirks Fernost in höheren Semestern zusammen. Auswahlgesamtheit: mehrstufige Quotenauswahl, zufällig auf der Stufe der Auswahl der Befragten. Wissenschaftliche Betreuung: Prof. Dr. N. Bajkow, Fernöstliche Akademie des öffentlichen Dienstes. Zu den Ergebnis-

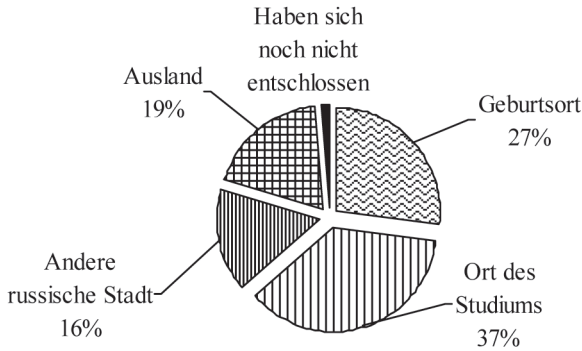

Bild 1. Angaben zum geplanten Wohnort nach dem Ende des Studiums (in % der Befragten)

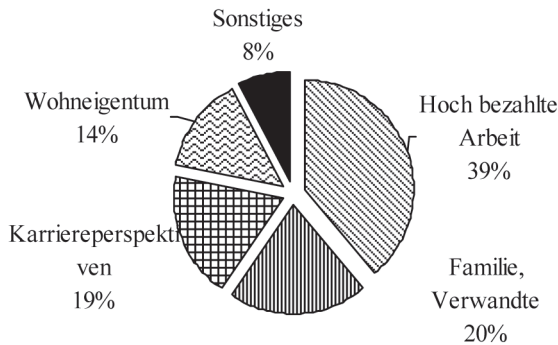

Bild 2. Angaben zu den Faktoren, die die Abwanderung verhindern (in % der Befragten)

der befragten Studierenden, die im Gebiet Amur studieren, dort nicht bleiben möchte (s. Bild 1).

Der wichtigste Faktor, der die Abwanderung der Jugend nach dem Ende des Studiums verhindert, ist eine hoch bezahlte Arbeit (s. Bild 2), und der

---

sen der Studie s.: Байков Н.М., Березутский Ю.В. *Дальневосточная молодежь как субъект миграционных настроений* (Bajkow, N., Beresutski Ju.: *Die Jugend des Fernen Ostens als Subjekt von Migrationsstimmungen*). In: *Власть и управление на Востоке России (Macht und Verwaltung im Osten Russlands)*, 2008. Nr. 4 (45). S. 107–114.

Hauptgrund, das Gebiet zu verlassen, ist ebenso eine Beschäftigungsmöglichkeit mit hohem Einkommen (s. Bild 3). Es sei in diesem Zusammenhang angemerkt, dass der durchschnittliche monatliche Nominallohn im Gebiet Amur im Jahre 2008 16 665,0 Rubel (ca. 457,7 Euro nach dem nominalen Wechselkurs im Jahresdurchschnitt) betrug, während er in der Region Primorje bei 16 805,1 Rubel (ca. 461,6 Euro), in der Region Chabarowsk bei 18 984,5 Rubel (ca. 521,4 Euro), in der Region Kamtschatka bei 27 254,2 Rubel (ca. 748,5 Euro) und im Föderationsbezirk Fernost insgesamt bei 20 778,3 Rubel (ca. 570,7 Euro) lag.¹ Demzufolge hatte das Gebiet damals nach der Höhe des monatlichen Pro-Kopf-Einkommens mit 1936 Rubel (ca. 48,4 Euro) im Monat den vorletzten Platz im Föderationsbezirk (vor dem Jüdischen Autonomen Gebiet) und den 40. Platz in Gesamtrussland inne. Das Folgejahr brachte keine radikale Wende: so war der monatliche Durchschnittslohn im Gebiet Amur 2009 über 4 000 Rubel (ca. 90,6 Euro) geringer als der Durch-

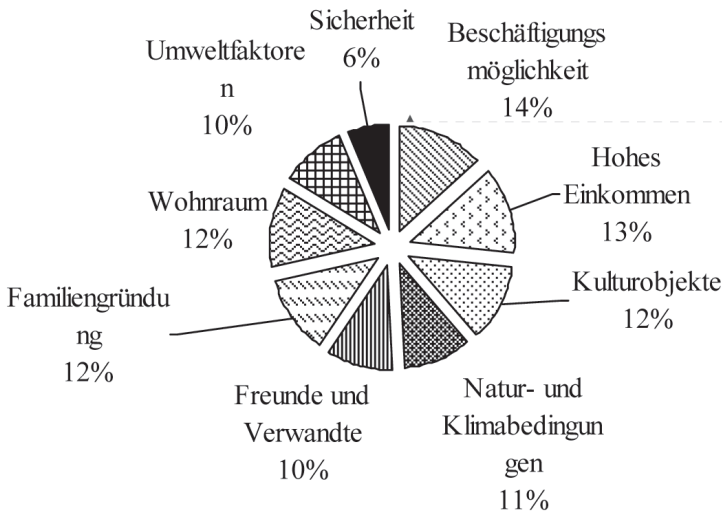

Bild 3. Gründe für die Abwanderung
(in % von den Befragten, die den Wegzug planten)

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. Стат. сб. (Regionen Russlands. Sozioökonomische Kennzahlen. 2009. Statistischer Sammelband). Rosstat, Moskau 2009. S. 170–171.

schnittslohn im gesamten Föderationsbezirk (respektive 19 019,0 und 23 307,5 Rubel: ca. 431 und 528,2 Euro).¹

Die Umfrageergebnisse wurden auch von der Situation auf dem Jugendarbeitsmarkt beeinflusst. 2009 waren in der Wirtschaft des Gebiets Amur 41,2 Tausend Personen unter 25 Jahren und 46,4 Tausend Personen im Alter von 25 bis 29 Jahren beschäftigt. Das macht etwas mehr als 1/5 (20,8%) der Erwerbstätigen aus. Dabei sank im Vergleich zu 2000 die Zahl der Beschäftigten unter 20 fünfmal, und ihr Anteil an der gesamten erwerbstätigen Bevölkerung reduzierte sich um einen Faktor von 2,3. Im selben Zeitraum sank die Zahl der Erwerbstätigen im Alter von 20 bis 24 Jahren um 2,1 Tausend Personen oder um 5,0%, und ihr Anteil an der erwerbstätigen Bevölkerung nahm um 0,6 Prozentpunkte ab.² Die Arbeitslosenrate unter Jugendlichen war insgesamt 3,9mal höher als in der Altersgruppe der 30- bis 49-Jährigen.³ Nach den Daten der Studie zu Beschäftigungsproblemen, die von dem Föderalen Staatlichen Statistischen Amt im Gebiet Amur durchgeführt wurde, waren 2009 1,2 Tausend Jugendliche im Alter von 15 bis 19 Jahren, 15 Tausend 20- bis 24-Jährige und 5,6 Tausend junge Menschen im Alter von 25 bis 29 auf aktiver Arbeitssuche und wurden gemäß den ILO-Standards als arbeitslos eingestuft.⁴ Die Arbeitslosenrate, errechnet aus dem Verhältnis der Zahl der Arbeitslosen zu der gesamten Erwerbsbevölkerung, betrug durchschnittlich 13,2% für die Altersgruppe der 15- bis 24-Jährigen und 10,5% für die Altersgruppe der 25- bis 29-Jährigen. Der Anteil der 15-bis 24-Jährigen an der Gesamtzahl der Arbeitslosen lag bei 40,6% und der Anteil der 25- bis 29-Jährigen bei 14,0%. Und auch wenn man im Rückblick von einer positiven Entwicklung der Jugendarbeitslosigkeit sprechen kann (so sank sie im Zeitraum von 2000 bis 2009 fast um die Hälfte: von 22,4% auf 10,9%), wurde diese Abnahme von einem Rückgang der Beschäftigungsquote der Jugendlichen begleitet: von 2,8% im Jahre 2000 auf 1,4% im Jahre 2009 in der Altersgruppe der 15- bis 19-Jährigen und von 10,2% auf 9,8% bei den 20- bis 24-Jährigen.⁵

---

¹ *Труд и занятость в Амурской области в 2009 году: Сб. (Arbeit und Beschäftigung im Gebiet Amur im Jahre 2009: ein Sammelband)*. Amurstat, Blagoweschtschensk 2010. S. 61–62.

² Ebd., S. 29.

³ Ebd., S. 99.

⁴ Ebd.

⁵ Ebd., S. 29.

Bei der Auswertung dieser Daten sollte man berücksichtigen, dass der Rückgang der Jugendarbeitslosigkeit weniger von einem hohen Anteil junger Menschen auf Arbeitssuche zeugt, als vielmehr von einer verhältnismäßig geringen Beschäftigungsquote der Jugendlichen. Denn ein beträchtlicher Teil der 15- bis 24-Jährigen befindet sich noch in der Ausbildung und gilt daher nicht als Erwerbsbevölkerung. Daher werden diese Jugendlichen in den Beschäftigtenzahlen nicht berücksichtigt, so dass die Jugendarbeitslosenquote damit überhöht ist. Es gibt hier ein eindeutiges Erhebungsproblem, das sich mit steigenden Zahlen von Studierenden und Auszubildenden immer weiter verschärft. Von 2000 bis 2009 stieg die Zahl der jungen Menschen im Vollzeitstudium bzw. in der Vollzeitausbildung um einen Faktor von 1,3 in der Altersgruppe der 20- bis 29-Jährigen und sank um einen Faktor von 1,2 in der Altersgruppe unter 20. 2009 befanden sich im Gebiet Amur ca. 94% der jungen Menschen im Alter von 15 bis 19 in der Vollzeitausbildung oder im Vollzeitstudium und gehörten damit nicht zur Erwerbsbevölkerung, während nur 3,3% der Jugendlichen in diesem Alter einer Erwerbstätigkeit nachgingen. In der Altersgruppe der 20- bis 24-Jährigen war der Anteil der Beschäftigten bedeutend höher, der Anteil der Personen in Ausbildung hingegen geringer: respektive 49 bzw. ca. 38%. Schließlich war der Anteil der jungen Menschen in Ausbildung in der Altersgruppe der 25-bis 29-Jährigen mit 4,5% sehr gering, der Anteil der Beschäftigten dagegen mit 70,5% beträchtlich, was damit zu erklären ist, dass junge Menschen bis zum Alter von 23 — 25 Jahren größtenteils ihre Ausbildung abschließen.¹

Der Wechsel der Jugendlichen in die Kategorie der Nicht-Erwerbspersonen, die sich in der Ausbildung befinden, ist durch das erhöhte Prestige der Hochschulbildung in Russland zu erklären, wobei für junge Männer bei der Entscheidung für das Studium auch die Möglichkeit, sich auf diese Weise der Wehrpflicht zu entziehen, eine Rolle spielt. In der Zeit von 2000 bis 2009 nahm die Zahl der Hochschulen des Gebiets von vier auf sechs zu.² Zwar reduzierte sich die Zahl der Studienanfänger im Vollzeitstudium 1,5fach und im Vergleich zu 2008 sogar fast um die Hälfte (2009 wurden nur 2,9 Tausend Studierende in Vollzeitstudiengänge

---

¹ *Образование в Амурской области: Сб. (Bildung im Gebiet Amur: ein Sammelband)*. Amurstat, Blagoweschtschensk 2010. S. 15.

² Ebd., S. 140.

eingeschrieben).¹ Dieser Unterschied lässt sich aber auf den drastischen Rückgang der Schulabsolventenzahlen — von 7,6 Tausend Personen im Jahre 2008 auf 4,5 Tausend im Jahre 2009² — zurückführen, und spricht keineswegs für eine plötzlichen Abnahme des Interesses an einem Hochschulstudium. Der Wunsch zu studieren ist immer noch stark in der Verhaltensmotivation der jungen Menschen vertreten, wovon auch die folgenden Daten zeugen: 2009 haben 37,2% der Personen, welche die Hochschulreife erreicht hatten, ein Studium angefangen. In der Folge wuchs die Zahl der Vollzeitstudenten und -studentinnen pro 10 000 Erwerbspersonen von 188,7 auf 202,4 oder um 36%.³ Gleichzeitig war ein Rückgang der Aufnahme in mittlere Berufsschulen zu verzeichnen. Zu einem großen Teil war er durch einen objektiven Faktor — die Senkung der Zahl der Schulabsolventen, die die mittlere Reife erreicht haben, von 14,6 Tausend Personen 2000 auf 9,2 Tausend Personen 2009⁴ — bedingt, doch auch der relative Prestigeverlust solcher Bildungseinrichtungen im Vergleich zum Hochschulstudium spielte eine Rolle. Schließlich sollte auch die Situation der beruflichen Erstausbildung besprochen werden. Während die Senkung der Aufnahmezahlen in mittlere Berufsschulen und Fachhochschulen seit 2006 verzeichnet wird und zu einem bedeutenden Teil auf rein demographische Ursachen zurückzuführen ist, sinken die Aufnahmezahlen in Bildungseinrichtungen der beruflichen Erstausbildung bereits seit Ende der 1980er Jahre aufgrund der abnehmenden Attraktivität der Arbeiterberufe für die Jugend. 1990 wurden 8,7 Tausend Personen in Berufsschulen der beruflichen Erstausbildung aufgenommen, 1995 waren es 8,1 Tausend Personen, im Jahre 2000 7,7 Tausend und im Jahre 2009 5,0 Tausend Personen.⁵ Entsprechend änderten sich auch die Absolventenzahlen. Während Berufsschulen im Jahre 1995 159 qualifizierte Arbeiter pro 10 000 Werktätige ausbildeten, fiel diese Rate bis 2009 auf 99,2.⁶ Dabei bleibt die Nachfrage der regionalen Wirtschaft nach qualifizierten Arbeitern hoch und wird in den nächsten Jahren weiter steigen.

---

¹ *Образование в Амурской области (Bildung im Gebiet Amur)...* S. 144.

² Ebd., S. 80.

³ Ebd., S. 141.

⁴ Ebd., S. 79.

⁵ Ebd., S. 110.

⁶ Ebd., S. 111.

2009 waren von der Gesamtzahl der 15- bis 29-Jährigen im Erwerbsleben ca. 28% im Groß- und Einzelhandel beschäftigt (der Anteil dieser Branche an der Gesamtbeschäftigung beträgt 23 %), über 25 % waren in der Transport- und Kommunikationsbranche (16,2%) und 4,7% in der Landwirtschaft (13,5%) tätig. Neben den nicht angesehenen und schlecht bezahlten Tätigkeiten im Agrarsektor sind die Jugendlichen auch in den Wirtschaftsbranchen, die eine lohnende Beschäftigung oder zumindest einen verhältnismäßig „anständigen“ sozialen Status bieten, unterrepräsentiert: im Finanzsektor, im Immobilienhandel, im Gesundheitswesen, im Bau, im Bereich der kommunalen Dienstleistungen sowie der Sozial- und Personaldienstleistungen.¹

Ein allgemeines Bild der Rolle und des Stellenwerts der Jugend des Gebiets Amur in demographischen und ökonomischen Prozessen vermitteln folgende Daten: 2009 wurde der Bevölkerungszuwachs nur zu 1/5 von jungen Menschen gewährleistet, obwohl ihr Anteil an der Zahl der Frauen in gebärfähigem Alter 45% betrug.² Die Beschäftigungsrate der Jugend sank innerhalb von neun Jahren nur geringfügig (von 42,6 auf 39,9%), es kam aber zu einer Änderung der Altersstruktur der berufstätigen Jugendlichen: wie schon gezeigt wurde, sank die Anzahl der Werkstätigen im Alter unter 25 Jahren beträchtlich.

Gibt es eine Zukunft?

Nach der Prognose des Russischen Statistikdienstes Rosstat (mittlere Prognose)³ wird die Zahl der Jugendlichen im Gebiet Amur auch weiterhin sinken. Ihr Anteil an der Gesamtbevölkerung wird sich von 24,9% im Jahre 2009 auf 19,5% im Jahre 2016 verringern. Dabei wird dieser Rückgang in besonderem Maße die Altersgruppe der 20- bis 24-Jährigen betreffen, d.h. die aussichtsreiche Gruppe, die nach dem Hochschulstudium erstmals in den Arbeitsmarkt eintritt und Familien gründet. Bis 2016 wird die Zahl der Jugendlichen in dieser Altersgruppe auf 51,3 Tausend Personen oder um 38,2% im Vergleich zu 2009 sinken. Und die Zahl der 16- bis 19-Jährigen wird bis 2016 um 38,1% zurück gehen.

---

¹ *Труд и занятость в Амурской области (Arbeit und Beschäftigung im Gebiet Amur)...* S. 34.

² *Демографический ежегодник Амурской области (Demographischer Jahresbericht für das Gebiet Amur)...* S. 84.

³ *Молодежь Амурской области...(Jugend im Gebiet Amur)*

Der Rückgang der jungen Bevölkerung wird bis 2023 anhalten und negative wirtschaftliche, demographische und soziale Folgen haben. Zuallererst wird er sich auf die qualitativen und quantitativen Charakteristika der wirtschaftlich aktiven Bevölkerung auswirken, die Möglichkeiten der Ausbildung der Nachwuchskräfte für die Wirtschaft des Gebiets einschränken und den Mangel an qualifizierten Arbeitskräften verstärken. Ein drastischer Rückgang der Jugendzahlen wird in den nächsten Jahren die natürliche Basis für eine Geburtenzunahme bedeutend schmälern.

Der Rückgang kann zumindest teilweise durch die Erhöhung der Geburtenintensität kompensiert werden. Dazu sind aber spezifische Maßnahmen der föderalen sowie der regionalen Regierung zur Förderung von Geburten und einer gezielten Unterstützung von jungen Familien nötig. Darüber hinaus ist eine Korrektur der regionalen Jugendpolitik erforderlich. Die größte Priorität sollen in dieser Politik die Förderung einer effizienten Beschäftigung der Jugendlichen und die Versorgung mit Wohnraum haben.

Es wurden im Gebiet Amur einschlägige Organisationen gegründet und mit der Umsetzung der Jugendpolitik beauftragt. Des Weiteren wurde eine Strategie der staatlichen Jugendpolitik des Gebiets Amur verfasst.¹ Sie sieht folgende Maßnahmen vor: 1) Schaffung von Voraussetzungen für die Nachfrage nach und Beschäftigung von Nachwuchskräften, Förderung des Innovationspotentials und der Geschäftsaktivität der Jugendlichen; 2) Versorgung mit Informationen und rechtliche Unterstützung der Jugendlichen; 3) Schaffung von Bedingungen für eine staatsbürgerliche, patriotische und geistig-moralische Erziehung der Jugendlichen; 4) Propagierung einer gesunden Lebensweise; 5) Vorbeugung von asozialen Erscheinungen im Jugendmilieu; 6) Förderung von Jugend- und Studenteninitiativen; 7) Einrichtung einer regionalen Nachwuchsreserve; 8) Entwicklung des Bildungs-, Um- und Weiterbildungssystems im Bereich der Jugendarbeit; 9) Integration von jungen Menschen in einer schwierigen Lebenslage in die Gesellschaft; 10) Stabilisierung von jungen Familien.

Für eine erfolgreiche Umsetzung der Jugendpolitik in der Stadt Blagoweschtschensk, dem Verwaltungszentrum des Gebiets, wurde eine

---

¹ *Концепция государственной молодежной политики Амурской области.* Утверждена распоряжением губернатора Амурской области от 18 июля 2008 г. (*Strategie der staatlichen Jugendpolitik des Gebiets Amur.* In Kraft getreten nach einer Verordnung des Gouverneurs des Gebiets Amur vom 18. Juli 2008.) Nr. 332-p.

Verordnung des Bürgermeisters vom 12. Januar Nr. 33 „Über die Verabschiedung der Strategie „Jugendpolitik der Stadt Blagoweschtschensk im Zeitraum 2005–2010“ erlassen. Es sei hier angemerkt, dass Blagoweschtschensk nicht nur das Verwaltungszentrum, sondern auch das Kultur-, Wirtschafts- und Bildungszentrum des Gebiets Amur ist. Hier sind die meisten Bildungseinrichtungen der Grund-, Mittel- und Hochschulstufe konzentriert, die Jugendliche aus dem gesamten Gebiet für die Zeit ihrer Ausbildung aufnehmen. In der Stadt befinden sich die Standorte der attraktivsten potentiellen Arbeitgeber: der Handelsunternehmen, Banken und Versicherungsgesellschaften. Große Kultur- und Erholungszentren erhöhen das Ansehen der Stadt im Vergleich zu anderen Ortschaften des Gebiets, insbesondere in den Augen junger Menschen. Daher wirken sich Maßnahmen, die im Rahmen der städtischen jugendpolitischen Strategie durchgeführt werden, auf die Situation der Jugend im gesamten Gebiet aus.

Im Laufe der Umsetzung der Strategie soll die Entfaltung des kreativen und intellektuellen Potentials sowie des Arbeits- und Führungspotentials der Jugendlichen im Interesse der Stadt gefördert werden. Die Strategie sieht folgende Schwerpunkte vor: 1) Versorgung mit Information; 2) Unterstützung der Jugendlichen beim Arbeitsmarkteintritt — bei der Arbeitssuche, bei der Ausbildung und in der beruflichen Weiterentwicklung; 3) staatsbürgerliche und patriotische Erziehung, Gestaltung des Nationalbewusstseins; 4) Unterstützung der kunstschaffenden, der begabten und talentierten Jugend, Organisation von Freizeitmöglichkeiten; 5) Propagierung einer gesunden Lebensweise; 6) Einrichtung von sozialen Diensten zur Vermittlung von Arbeitsplätzen in der Nähe des Wohnorts; 7) internationale Jugendzusammenarbeit.

Mit der Umsetzung dieser Strategie ist vor allem das Referat für Jugendarbeit beauftragt. Seine Tätigkeit basiert erstens auf der eigenständigen Durchführung von Maßnahmen für die städtische Jugend, zweitens auf der Zusammenarbeit mit dem Städtischen Jugendzentrum „Wybor“ und drittens auf der Förderung der Freiwilligenaktivitäten und der Organisationen zur Förderung von Führungsqualitäten im Jugendmilieu. Im letzteren Fall handelt es sich um die Tätigkeit von Organisationen wie die Regionale zivilgesellschaftliche Jugendorganisation von Amur „DOM“ (kurz AROMO „DOM“); die Jugendbewegung „Dobrowoltschestwo Amura“ (Amurs Freiwillige); die Städtische zivilgesellschaftliche Jugendorganisation von Blagoweschtschensk „T.E.M.A.“ (BGMOO „T.E.M.A.“); die Bewegung

„SAMI“ (Selbständig. Aktiv. Jung. Initiativ); der Städtische öffentliche Jugendrat; die Städtische „Fakultät für Führungsqualitäten und Initiativen“; der Stab der Studentenarbeitsgruppe Blagoweschtschensk (BTSSO).

Dem Anschein nach schaffen es diese Organisationen nicht, die bestehende negative Situation zu überwinden. Daher bedürfen sowohl der konzeptuelle Inhalt als auch die institutionelle Begleitung der Jugendpolitik einer ernsthaften Korrektur. Anderenfalls, wenn die Regierungsbehörden nicht rechtzeitig und — noch wichtiger — sinnvoll in Prozesse einschreiten, die bewirken, dass die Jugendlichen des Gebiets Amur ihre Schicksale immer seltener mit der Zukunft der Region verknüpfen, kann das langfristig in den Verlust der Region für Russland münden.

Anastassija Karlowskaja¹

ZIVILGESELLSCHAFTLICHES PROFIL DES GEBIETS AMUR

In diesem Artikel wird unter dem Begriff „Zivilgesellschaft“ der öffentliche Raum jenseits der Familie, des Staates und des Marktes, in dem sich Menschen zur Durchsetzung von gemeinsamen Interessen zusammenschließen, verstanden.² Das Thema Zivilgesellschaft wird heute immer häufiger aufgegriffen. Dies ist auch nicht verwunderlich, zumal im Prozess der Demokratisierung gerade der zivilgesellschaftliche Sektor eine nachhaltige Entwicklung der Gesellschaft und des Staates ermöglicht.

---

¹ Anastassija Karlowskaja promoviert am Lehrstuhl für Wirtschaftstheorie und Staatsverwaltung der Staatlichen Universität Amur, Blagoweschtschensk.

² Definition der Weltallianz für Bürgerpartizipation CIVICUS. Vgl.: Fioramonti, Lorenzo and Heinrich, V. Finn.: *How Civil Society Influences Policy: A Comparative Analysis of the CIVICUS Civil Society Index in Post-Communist Europe* / CIVICUS/ODI Research Report. April 2007. P. 8. Quelle: <http://www.civicus.org/new/media/CIVICUS.ODI.Fioramonti.Heinrich.pdf>. (Abruf am 21.11.2010).

Zivilgesellschaftliche Strukturen helfen, soziale Spannungen abzubauen, über zivilgesellschaftliche Institutionen können Bürger viele Probleme selbständig lösen, und Mechanismen der öffentlichen Kontrolle erhöhen die Effizienz des Staates. Der Beitrag der Zivilgesellschaft zum Zusammenhalt einer Glaubensgemeinschaft und eines einheitlichen Kulturraumes im Land ist ebenfalls kaum überzubewerten.

Im Fernen Osten hat die Herausforderung, zivilgesellschaftliche Strukturen aufzubauen, eine besondere Relevanz. Sowohl finanzielle Mittel als auch die Aufmerksamkeit des Staates konzentrieren sich auf die Förderung von Wirtschaftsobjekten, die hier besonders kostenintensiv ist, so dass soziale Probleme in den Hintergrund geraten. Unter diesen Voraussetzungen können regionale Regierungen im Förderationsbezirk Fernost im wahren Sinne des Wortes profitieren, wenn sie sich an die Öffentlichkeit wenden und soziale Partnerschaft fördern. Darüber hinaus kann die Entwicklung der zivilgesellschaftlichen Institutionen dabei helfen, eines der akutesten Probleme des Fernen Ostens — das Abwanderungsproblem — zu lösen, wenn man bedenkt, dass Vertreter von Freiwilligenorganisationen ihr Humankapital erhöhen und dass zivilgesellschaftliches Engagement Jugendlichen Selbstverwirklichungsmöglichkeiten bietet.

Zivilgesellschaft ist eine allgemeingültige Kategorie. Während der Begriff „russische Zivilgesellschaft“ dabei keine größeren Fragen aufwirft, ist der Sinn der Bezeichnung „Zivilgesellschaft *des Gebiets Amur*“ jedoch schwieriger zu erfassen. Dabei gibt es eine regionale Identität, die sich unserer Ansicht nach vor allem in der Struktur der Zivilgesellschaft als auch im institutionellen Rahmen, in dem diese tätig ist, zeigt. Wir werden nun versuchen, die Zivilgesellschaft des Gebiets Amur in Bezug auf diese zwei Aspekte zu beschreiben, wobei wir uns auf die Ergebnisse der Umfrage von 65 Leitern von Nichtregierungsorganisationen des Gebiets Amur beziehen werden, die von Februar bis März 2010 von einer Expertengruppe der Gesellschaftskammer des Gebiets Amur durchgeführt wurde (dieser Gruppe gehörte auch die Verfasserin an).¹ Die im Folgenden angeführten statistischen Daten und quantitativen Schätzungen stammen aus dieser Untersuchung.

---

¹ Auf der Grundlage der Umfrage wurde ein Bericht der Gesellschaftskammer des Gebiets Amur „Über die Lage und Entwicklungstendenzen der Zivilgesellschaft im Gebiet Amur 2009“ verfasst, der unter: http://www.opamur.ru/deyatel_doc.php einzusehen ist.

Strukturmerkmale der Zivilgesellschaft

Im Mittelpunkt unserer Betrachtung stehen vor allem sogenannte zivilgesellschaftliche Organisationen, d.h. nichtstaatliche (und von der Ebene der kommunalen Selbstverwaltung unabhängige) Non-Profit-Organisationen (NPO).

Die für diese Organisationen charakteristischen Merkmale wurden von L. Salamon und H. Anheier wie folgt beschrieben.¹

1. Feste Organisationsstruktur. Damit gehören informelle und zeitweilige Organisationen nicht zum Nonprofit-Sektor.
2. Unabhängigkeit vom Staat. Diese Organisationen sind weder Teil der Exekutive, noch stehen sie unter direkter staatlicher Kontrolle. Dies bedeutet aber nicht, dass sie keine staatliche Unterstützung erhalten können.
3. Einnahmen einer NPO werden nicht unter Gründern und dem Organisationsvorstand aufgeteilt, sondern für Zwecke der Organisationsentwicklung verwendet.
4. Selbstverwaltung.
5. Freiwilligkeit: in der Arbeit der NPOs spielen Spenden und ehrenamtliches Engagement eine große Rolle. Dennoch können auch entlohnte Mitarbeiter beschäftigt werden.

Zu zivilgesellschaftlichen Organisationen gehören unterschiedliche Organisationen, Bewegungen, Verbände, Partnerschaften, denen Menschen nach beruflichen, demographischen und anderen Kriterien beitreten.

Die Geschichte der zivilgesellschaftlichen Vereinigungen im Gebiet Amur ist aufs engste mit der Entwicklung der Region und vor allem der regionalen Hauptstadt — der Stadt Blagoweschtschensk — verbunden. Als erste zivilgesellschaftliche Organisation wurde 1870 — bereits 14 Jahre nach der Stadtgründung — die „Verwaltung des Roten Kreuzes im Amur-Gebiet“ ins Leben gerufen.² Nach der bolschewistischen Revolution von 1917 sank

---

¹ Vgl.: Salamon L., Anheier H., (eds.): *Defining the Nonprofit Sector: A Cross-National Analysis*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1996. P. 33–34.

² Dazu s.: Безбородова С.В.: Роль благотворительности в освоении и развитии Амурской области в конце XIX — начале XX в. (Besborodowa, S.: Rolle der Wohltätigkeit bei der Erschließung und Entwicklung des Gebiets Amur Ende 19. - Anfang 20. Jh.). In: *Социальная работа и сестринское дело в системе здравоохранения и социальной защиты населения: проблемы профессиональной дея-*

die Zahl solcher Organisationen beträchtlich, und ein großer Teil ihrer Funktionen wurde nun vom Staat übernommen.

Seit den 1990er Jahren nahm die Zahl der zivilgesellschaftlichen Organisationen unter neuen sozioökonomischen und gesellschaftspolitischen Bedingungen wieder zu. Heute gibt es im Gebiet Amur über 700 Organisationen, auf die die oben genannten Kriterien zutreffen. Dabei wies ihre Zahl innerhalb der letzten fünf Jahre keine großen Schwankungen auf. Die größte Gruppe bilden Sport- (21%) und Berufsverbände (15%) sowie Organisationen, die die Ziele der Bildungs- und Kulturförderung und der moralischen Erziehung verfolgen. Die NPOs sind im Gebiet ungleichmäßig verteilt: zwei Drittel sind in Blagoweschtschensk und weitere 17% in anderen Städten des Gebiets registriert, während in ländlichen Siedlungen nur 15% vertreten sind. Dies weist auf eine schwache Kooperation der Selbstverwaltungen der kleineren Gemeinden und nichtstädtischen Siedlungen des Gebiets mit der Zivilgesellschaft hin. In einigen Kreisen gibt es gar keine Zusammenarbeit. Für ländliche Siedlungen sind traditionelle Vereinigungen wie Kriegsteilnehmer-, Frauen- und Behindertenverbände typisch.

Die zivilgesellschaftlichen Organisationen des Gebiets Amur richten sich vor allem an Jugendliche, Behinderte und deren soziales Umfeld sowie an Menschen in einer schweren Lebenslage. Die Organisationen sind vorwiegend klein und beschäftigen nur wenige fest eingestellte Mitarbeiter und Aushilfskräfte. Über zwei Drittel der befragten Leiter haben einen Studienabschluss, und 7% sind promoviert oder habilitiert, was vom hohen intellektuellen Potential der NPO-Leiter des Gebiets Amur zeugt. Andererseits verfügt nur ein Viertel der zivilgesellschaftlichen Organisationen über eine materielle und technische Basisausstattung (Computer, Organisationstechnik). Unzureichende Finanzierung ist das wichtigste Hindernis für die Arbeit der Organisationen. Weitere Probleme sind: fehlende staatliche Unterstützung, geringe Nachfrage nach Leistungen der NPOs, unvollkommene Gesetzgebung, Fehlen von Räumlichkeiten. Die Entwicklung des zivilgesellschaftlichen

---

тельности и перспективы подготовки кадров: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции 22–23 апреля 2008 г. (Sozialarbeit und Tätigkeit der Krankenschwestern im Gesundheitswesen und im Sozialschutz der Bevölkerung: Fragen der Berufstätigkeit und Perspektiven der Personalausbildung. Ergebnisse der interregionalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz, 22–23. April 2008). Quelle: <http://do.teleclinica.ru/184378/> (Abruf am 21.11.2010).

Sektors wird auch durch das Problem der Nachwuchskräfte verlangsamt: fast 40% der Leiter der NPOs gehören höheren Altersgruppen an, und nur 12% sind unter 35.

Das Gebiet Amur grenzt an China. Diese Tatsache prägt alle Bereiche der regionalen Entwicklung und die Mentalität der Bevölkerung entscheidend. Für die Einwohner von Blagoweschtschensk ist eine tolerante Haltung Ausländern gegenüber charakteristisch: nur 7,2% der Stadteinwohner sind nicht bereit, mit „Menschen einer anderen Nationalität“ zusammen zu leben; 4,7% sprechen sich gegen die Nachbarschaft von Einwanderern und ausländischen Arbeitern aus, und 1,6% stört das Zusammenleben mit „fremdsprachigen Menschen“.¹

Dabei schöpft die Kooperation der zivilgesellschaftlichen Akteure des Gebiets Amur mit ihren chinesischen Kollegen das vorhandene Potential nicht aus. Zurzeit werden in der Region nur wenige bilaterale Projekte umgesetzt. So kommen beispielsweise russisch-chinesische Beziehungen zwischen Jugendorganisationen allmählich in Schwung, wobei hier stärker auf die Erfahrung der Bildungseinrichtungen zurückgegriffen wird. Sportverbände führen jährlich Wettbewerbe durch, an denen Sportler aus der Volksrepublik China teilnehmen. Das Projekt „Historisches Gedächtnis“, im Rahmen dessen NPOs des Gebiets Amur in Kooperation mit der chinesischen Seite der sowjetischen Soldaten gedenken, die im Krieg gegen Japan 1945 gefallen sind, hat eine dynamische Entwicklung erfahren. Diese Zusammenarbeit beschränkt sich aber auf Einzelprojekte. Dabei führte keine der befragten NPOs eine chinesische Organisation als Partner an. Zwar entwickelt sich die Bürgerdiplomatie, unter anderem durch den Austausch von Delegationen, im Rahmen dessen engagierte Menschen aus beiden Ländern sich gegenseitig kennen lernen können. Diese Austauschprogramme sind aber in der Regel durch den Staat organisiert, während die horizontale Beziehung zwischen NPOs fast gänzlich fehlt. Insgesamt findet die Spezifik des Grenzgebiets, die sich in den meisten Lebensbereichen widerspiegelt, kaum Berücksichtigung im zivilgesellschaftlichen Sektor.

Ein Grund für organisatorische Effizienzverluste der NPOs liegt unserer Ansicht nach darin, dass mit der Änderung der gesetzlichen Grundlagen in

---

¹ Daten aus der Umfrage des Meinungsforschungszentrums „Monitoring“ 2010 / Informationsagentur „Amur.info“. Quelle: <http://www.amur.info/news/2010/11/24/28.html>.

Russland zu Beginn des neuen Jahrtausends Möglichkeiten für ausländische Spenden eingeschränkt wurden. Wie für viele Organisationen des Fernen Ostens waren für NPOs im Gebiet Amur Mittel aus dem Ausland häufig die wichtigste, manchmal die einzige Finanzierungsquelle, zu der es in der Region heute keine Alternativen gibt. 2006 wurde per Verordnung des Präsidenten ein System föderaler Zuwendungen eingerichtet, zu denen kleine regionale Organisationen jedoch keinen Zugang fanden. Ohne Finanzierung befand sich eine große Zahl von Vereinigungen am Rande der Schließung. In zwei Städten des Gebiets gibt es ein kommunales Finanzierungssystem. Die Höhe der zur Verfügung gestellten Mittel erlaubt es aber nicht, Großprojekte durchzuführen, so dass diese Zuwendungen nur denjenigen NPOs, die über andere Finanzierungsquellen verfügen, als Unterstützung dienen. Daher sprechen viele Leiter der NPOs bei der Einschätzung der aktuellen Lage des Nonprofit-Sektors in ihren Heimatorten häufig von einem „Überlebenskampf“ oder „bloßem Enthusiasmus“. Diese Ansicht vertritt jeder Vierte NPO-Leiter.

Es sollte angemerkt werden, dass die bloße Anzahl der registrierten Organisationen für die Analyse der Lage der Zivilgesellschaft nicht immer aufschlussreich ist. Aufgrund der Defizite im russischen Recht und in der Rechtsanwendung ist es schwer, registrierte, aber faktisch nicht aktive Organisationen von denjenigen zu unterscheiden, die wirklich tätig sind, so dass sich die Analyse auf beide Gruppen erstrecken muss. Dabei sind die „schlummernden“ NPOs im Gebiet Amur leider in der Überzahl: nur 15 bis 30 % der zivilgesellschaftlichen Organisationen des Gebiets sind tatsächlich aktiv. Daneben gibt es Fälle des Missbrauchs des NPO-Status, wenn kommerzielle Strukturen sich als Nonprofit-Organisationen „tarnen“, um steuerliche oder sonstige Vorteile zu erhalten. Daraus ergeben sich nicht nur für Steuer- und Kontrollorgane, sondern auch für die Zivilgesellschaftsforschung beträchtliche Probleme. Damit kommen wir aber schon zu der Frage des institutionellen Rahmens, in dem zivilgesellschaftliche Akteure handeln, sowie zu den Mechanismen ihrer Kooperation mit der Verwaltung.

Institutioneller Rahmen

Der Präsident der Russischen Föderation hob in seinen Ansprachen an die Föderationsversammlung (das Parlament) 2009 und 2010 hervor, dass es

notwendig sei, zivilgesellschaftliche Organisationen in die Umsetzung der staatlichen Politik in Russland einzubeziehen:¹

„Regierungsbehörden können solche NPOs finanziell, mit Informationen und durch Beratung unterstützen... Sie können ihnen, was nicht weniger wichtig ist, Steuervorteile bieten sowie staatliche und kommunale Aufträge an NPOs vergeben. Staatlichen Stellen wird das Recht eingeräumt, solchen Nonprofit-Organisationen Vermögen zur Verfügung zu stellen.“

Fast 90% der von unserer Umfrage umfassten Organisationen arbeiten auf die eine oder andere Weise mit den Regierungs- und Kommunalverwaltungsorganen zusammen, wobei 40% deren Leiter angaben, mit den Ergebnissen dieser Zusammenarbeit nicht zufrieden zu sein. Als Arten der Unterstützung, die NPOs von der Regierung und der Selbstverwaltung erwarten, wurden am häufigsten finanzielle Unterstützung, u. a. Vergabe von Zuwendungen für die Umsetzung von sozialen Programmen, kostenfreie Ausstattung mit Räumlichkeiten sowie Versorgung mit Informationen, angegeben. Zu den wichtigsten Bereichen für mögliche Kooperation der zivilgesellschaftlichen Organisationen mit der Regierung und der kommunalen Selbstverwaltung gehören nach Meinung der befragten NPO-Vertreter Jugendpolitik (nach Angabe von 10% der Befragten), sozialer Schutz der Bevölkerung (9,5%), Gesundheitswesen, Förderung einer gesunden Lebensweise (9%), Sportförderung (8,8%) und Rechtsschutz (8%).

Die Tätigkeit der organisierten Bevölkerungsgruppen und ihre Interaktion mit der sozialen Umgebung werden vor allem auf Bundesebene reguliert. Angesichts der Unvollständigkeit der normativen Rechtsgrundlagen bedarf zivilgesellschaftliche Entwicklung aber zusätzlicher Bestimmungen auf regionaler Ebene. Das regionale Recht weist jedoch auch Lücken auf. Dieser Ansicht sind über 90% der befragten NPO-Vertreter; davon zeugt auch die Auswertung der regionalen Gesetze, die diesen Rechtsbereich regulieren.

In dem Gebiet wurde eine Reihe langfristiger Zielprogramme und regionaler Gesetze zur Herausbildung und Entwicklung unterschiedlicher zivilgesellschaftlicher Institutionen durch Organisation von Programmmaß-

---

¹ Ansprache des Präsidenten der Russischen Föderation Dmitri Medwedews an die Föderationsversammlung der Russischen Föderation, 2009. Quelle: www.kremlin.ru.

nahmen und Unterstützung von NPO-Projekten verabschiedet. Die Finanzierung der meisten Programme erfolgt aber aufgrund des Budgetdefizits nicht in vollem Umfang oder ist ganz eingestellt. Es gibt auch kaum Maßnahmen, mit denen Wirtschaftsunternehmen, Organisationen und Privatpersonen motiviert werden, die Umsetzung sozialer Projekte von zivilgesellschaftlichen Vereinigungen finanziell zu unterstützen.

Im Großen und Ganzen sind die gesetzlichen Grundlagen für die Tätigkeit der zivilgesellschaftlichen Institutionen in der Region unserer Ansicht nach als fragmentarisch zu bezeichnen. Häufig entscheiden die Leiter der Gebiets-, der Stadt- oder der Gemeindeverwaltung, welche Organisationen für die Region wichtig sind und daher eine Vorzugsbehandlung genießen. Daher sind die Tendenzen der zivilgesellschaftlichen Entwicklung äußerst instabil, da die Gefahr besteht, dass der Grad der Einbeziehung der Öffentlichkeit in das wirtschaftliche und sozialpolitische Leben von dem politischen Kurs der jeweiligen Entscheidungsträger abhängt und nach deren Absetzung beträchtlich eingeschränkt werden kann. In der bestehenden finanziellen und organisatorischen Abhängigkeit der NPOs von Regierungsorganen kommt ein bestimmter Widerspruch zwischen der Natur der Zivilgesellschaft und deren realer Verkörperung zum Ausdruck. Theoretisch sind zivilgesellschaftliche Institutionen vom Staat unabhängig, manchmal sogar dem Staat entgegengestellt, so dass sie soziale Veränderungen von unten initiieren. Für das Gebiet Amur ist aber der Top-Down-Ansatz charakteristisch: Regierungsorgane treten selbst als „Auftraggeber“ von neuen sozialen Praktiken auf und können somit die Lage des Nonprofit-Sektors direkt beeinflussen. Daher können sich NPOs nicht zu bedeutenden Akteuren der regionalen Politik entwickeln.

Zu formalen Mechanismen der Beteiligung der Öffentlichkeit am politischen Prozess gehören das Anfragerecht sowie das Recht, Vertreter der Öffentlichkeit, unter anderem der zivilgesellschaftlichen Organisationen, an Räten, Ausschüssen und Arbeitsgruppen, die von der Regierung gebildet werden, zu beteiligen. Die Möglichkeit, zivilgesellschaftliche Organisationen einzubeziehen, ist auch in der Geschäftsordnung des Gebietsparlaments eingeräumt. Satzungen und Geschäftsordnungen der Exekutivorgane enthalten ebenfalls allgemeine Normen zur Einbeziehung der Vertreter unterschiedlicher Organisationen in gemeinsame Beratungsstellen.

Nach Angaben der Regierung sind im Gebiet Amur 31 Räte bei 17 staatlichen Institutionen aktiv, wobei 18 von ihnen bei Exekutivorganen der

regionalen Ebene geschaffen worden sind.¹ An den Räten nehmen über 100 Vertreter der Öffentlichkeit teil. Dabei ist über die Hälfte der befragten NPO-Vertreter der Ansicht, dass an der Arbeit der Öffentlichkeits- und Beratungsräte „handzahme“ oder nach unklaren Prinzipien ausgewählte NPOs beteiligt sind.

Kein Wunder, dass Experten zu einem ungünstigen Schluss kommen: 2006 wurde das Gebiet Amur in Hinblick auf den Dritten Sektor als Entwicklungszone eingestuft, da hier die Zuwachsrate der NPOs beträchtlich geringer ist als im Landesdurchschnitt.² Im Folgejahr waren weniger als drei NPOs pro 100 Einwohner registriert: diese Rate gehört zu den geringsten in Russland.³ 2008 war das Gebiet Amur wieder in der Gruppe der Regionen mit ungünstigen Voraussetzungen für zivilgesellschaftliche Entwicklung vertreten⁴ und zählte zu den Regionen, in denen das zivilgesellschaftliche Engagement unterdurchschnittlich war⁵.

Doch nicht alle Merkmale der Zivilgesellschaft des Gebiets Amur sprechen für deren schwaches Entwicklungsniveau. Aufgrund der räumlichen Ferne von Zentralrussland und der großen Entfernungen zwischen einzelnen Ortschaften hat sich ein hohes Maß an sozialer Verantwortung bei der Bevölkerung des Gebiets herausgebildet. Die Spezifik des zivilgesellschaftlichen Engagements der nichtorganisierten Öffentlichkeit kommt vor allem in der Motivation für den Zusammenschluss zum Ausdruck. Als Motive treten größtenteils lokale und fernöstliche Faktoren auf. Zu den letzteren

---

¹ Ergebnisse einer flächendeckenden schriftlichen Umfrage der Regierungsbehörden des Gebiets Amur. Diese Daten wurden im Bericht der Gesellschaftskammer des Gebiets Amur „Über die Lage und Entwicklungstendenzen der Zivilgesellschaft im Gebiet Amur 2009“ verwendet, der unter http://www.opamur.ru/deyatel_doc.php veröffentlicht ist.

² Bericht der Gesellschaftskammer der Russischen Föderation „Über die Entwicklung der Zivilgesellschaft in der Russischen Föderation“, 2006, S. 9. Quelle: <http://www.oprf.ru/files/files/doklad.pdf>.

³ Ibid., 2007, S. 12. Quelle: <http://www.oprf.ru/files/final.pdf>.

⁴ *Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры* / Отв. ред. Е.С. Петренко (*Zivilgesellschaft im heutigen Russland. Soziologische Skizzen*. Hrsg.: Je. Petrenko). Institut der Stiftung „Öffentliche Meinung“, Moskau 2008. S. 105.

⁵ Bericht der Gesellschaftskammer der Russischen Föderation „Über die Entwicklung der Zivilgesellschaft in der Russischen Föderation“, 2008. S. 13. Quelle: <http://www.oprf.ru/files/Dk-OPRF-2008.pdf>.

gehört beispielsweise die Reaktion der Autofahrer auf die Erhöhung der Einfuhrzölle für Importwagen. Eine lokale Dimension hatte auch die Situation der „betrogenen Wohnungsbau-Anleger“, als das Engagement der Bürger in die Verabschiedung eines regionalen Sondergesetzes mündete, das im Folgenden erweitert wurde. Aktionen, die einen gesamtrossischen Umfang haben, fanden dabei bisher keine starke Unterstützung bei den Einwohnern des Gebiets Amur.

Wichtig ist auch, dass im Gebiet Amur als der ersten Region im Fernen Osten eine Gesellschaftskammer gegründet wurde, die sich vor allem auf die Erfahrung der zivilgesellschaftlichen Organisationen stützt.¹ 2009 verfassten die Vertreter der Kammer Empfehlungen zu 31 Bereichen der sozio-ökonomischen Entwicklung des Gebiets Amur. Dazu gehörten Vorschläge für die Regierung des Gebiets, das Gebietsparlament, die staatlichen Regierungsorgane und ihre regionalen Vertretungen, die Gesellschaftskammer der Russischen Föderation, die kommunale Selbstverwaltung, zivilgesellschaftliche Vereinigungen und andere Organisationen.²

Selbstverständlich kommt die Frage nach der Umsetzung dieser Empfehlungen auf. Nach dem Stand von 2009 wurden nicht alle Vorschläge der Kammer von Vertretern der Regierungs- und Selbstverwaltungsorgane berücksichtigt und nicht alle Einladungen befolgt. 2010 wurde der Beitrag der Gesellschaftskammer greifbarer. Dank ihrer Anstrengungen wurde das Gesetz über die Gesellschaftskammer geändert, so dass der Grad der Unterstützung dieser Institution seitens der Regierungsorgane wesentlich erhöht wurde. Auf Anfragen der Kammer wurden mehrere wichtige Verwaltungsentscheidungen getroffen: beispielsweise der Beschluss über die Senkung der Strompreise in einer Gemeinde des Gebiets oder die Entscheidung über die Einrichtung von Gebieten der traditionellen Naturnutzung in der Region.

Nicht minder wichtig ist die Bewertung der Wirksamkeit der neuen Institution durch Zielgruppen, vor allem durch zivilgesellschaftliche Organisationen und die Bevölkerung, deren Interessendie Gesellschaftskammer ja vertreten soll. Laut der NPO-Umfrage sind zwei Drittel der Befragten der

---

¹ Im Oktober 2010 wurde eine Gesellschaftskammer in der Region Kamtschatka gegründet. Somit waren im Föderationsbezirk Nordost Anfang 2011 zwei regionale Gesellschaftskammern tätig.

² Tätigkeitsbericht der Gesellschaftskammer des Gebiets Amur 2009. Quelle: http://www.opamur.ru/deyatel_doc3.php.

Meinung, dass die Tätigkeit der Gesellschaftskammer für das Gebiet Amur wichtig sei. Was die Bevölkerung angeht, so kann man von den Anfragen der Bürger und Organisationen auf die Akzeptanz dieser Institution durch die Bürger schließen. Die Analyse der Anfragethematik zeigt, dass die Bevölkerung die Gesellschaftskammer vor allem als eine Institution zum Schutz der persönlichen und kollektiven Rechte und als Mittel der Einflussnahme auf die Regierung, unter anderem zum Zweck der Verbesserung der Gesetzgebung, betrachtet. Der Anteil der Vorschläge zur Entwicklung der Zivilgesellschaft, zur Erhöhung der Rolle der zivilgesellschaftlichen Organisationen sowie die Anzahl konkreter sozialer Projekte, deren Umsetzung die Gesellschaftskammer fördern könnte, bleibt dabei gering.

Im Allgemeinen ist die Gesellschaftskammer heute die wichtigste Instanz für die direkte Interaktion zwischen dem Staat, der Wirtschaft und der Gesellschaft. Ihre Möglichkeiten werden bisher von keinem dieser Sektoren ausgeschöpft, ein Anfang wurde aber bereits gemacht.

* * *

Das regionale Bild der Zivilgesellschaft hängt von vielen Faktoren ab: vom Niveau der wirtschaftlichen Entwicklung des Gebiets, von dessen sozialer und demographischer Struktur, von der politischen Kultur und der Rechtskultur der Bevölkerung usw. Unter der Einwirkung dieser Faktoren und konkreter sozialer Praktiken entsteht das Portrait der Zivilgesellschaft. Es kann aus guten Gründen als eine Ausprägung der regionalen Identität betrachtet werden. Auch der Grad der Entwicklung der Zivilgesellschaft wird nicht nur von Tendenzen auf nationaler Ebene und Voraussetzungen der gesellschaftlichen Entwicklungsstufe bestimmt, sondern auch von Verwaltungsmechanismen beeinflusst, die in einer konkreten Region zum Einsatz kommen.

Die heutige Lage der Zivilgesellschaft im Gebiet Amur lässt sich wie folgt beschreiben:

1. Trotz der großen Zahl der sozial ausgerichteten zivilgesellschaftlichen Organisationen und des Engagements der Mitglieder der einschlägigen Ausschüsse der Gesellschaftskammer des Gebiets Amur werden diese Strukturen von staatlichen Stellen und der kommunalen Selbstverwaltung ungenügend zur Entscheidungsfindung herangezogen.

2. Die geographische Lage des Gebiets Amur an der Grenze zu China lässt eine besondere, grenzüberschreitende Identität vermuten. Diese Identität

bildet sich tatsächlich heraus, wie ein wesentliches Merkmal, die Toleranz der Einwohner des Gebiets den Vertretern anderer Nationalitäten gegenüber, zeigt. Die einzigartige Grenzlage findet aber in der internationalen Zusammenarbeit der zivilgesellschaftlichen Institutionen kaum Berücksichtigung, so dass diese fast nicht existent ist.

3. Die räumliche Ferne von Zentralrussland sowie große Entfernungen zwischen einzelnen Ortschaften prägten bei den Einwohnern des Gebiets Amur ein hohes Verantwortungsbewusstsein für das eigene Leben. Die Reaktion der Bevölkerung auf russlandweite Aktionen bleibt schwach, während die für den Fernen Osten spezifischen Engagementsfaktoren eine größere Rolle als nationale Faktoren spielen. Dies sollte von allen zivilgesellschaftlichen Institutionen, die im Gebiet tätig sind, berücksichtigt werden.

4. Theoretisch sind die im Gebiet vorhandenen zivilgesellschaftlichen Organisationen vom Staat unabhängig, praktisch gibt es aber nicht nur eine Abhängigkeit, sondern auch einen gewissen Klientelismus, da Unterstützung von oben erwartet wird. Folglich fungiert die Regierung paradoxerweise immer noch als Antriebskraft der zivilgesellschaftlichen Entwicklung — und das ist eines der wichtigsten Charakteristika des regionalen Dritten Sektors.

5. Dabei wurden bis zum Beginn des zweiten Jahrzehnts des 21. Jahrhunderts im Gebiet Amur dank einer engen Zusammenarbeit der Zivilgesellschaft, der Regierung und der kommunalen Selbstverwaltung wichtige Institutionen wie die Gesellschaftskammer des Gebiets Amur, das Jugendparlament des Gebiets Amur, der Öffentliche Kontrollausschuss für die Einhaltung der Menschenrechte in Zwangsanstalten, das Amt des Menschenrechtsbeauftragten und des Beauftragten für Kinderrechte eingerichtet. Es entstehen und entwickeln sich, insbesondere in Kreisen und kleineren Siedlungen, neue sozial ausgerichtete zivilgesellschaftliche Institutionen und Nonprofit-Organisationen, und regionale gesetzliche Grundlagen werden laufend verbessert.

Ist von den Perspektiven der Zivilgesellschaft im Gebiet Amur die Rede, so werden sie unserer Ansicht nach von zwei Seiten bestimmt. Einerseits kommt es auf den Wunsch und das Interesse der Verwaltungsorgane an, andererseits auf die innere Entwicklung des Dritten Sektors und die Weiterbildung der NPO-Mitarbeiter. Die Zivilgesellschaft muss zu einem zuverlässigen Geschäftspartner des Staates werden, indem sie die Rechtsvorschriften genau befolgt und in der Beziehung zum Staat nicht nur Rechte einfordert, sondern auch Pflichten anerkennt.

*Anastassija Jerochina¹, Tatjana Sachartschenko²,
Jewgenija Nikoljuk³*

UNSER KAMTSCHATKA

Russland beeindruckt Besucher nicht nur mit seinen Weiten, sondern auch mit der Vielfalt der Landschaften. Jede Region Russlands hat ihre eigenen, unnachahmlichen Züge. Auch unsere Heimat Kamtschatka ist keine Ausnahme. Unserer Ansicht nach ist Kamtschatka eine einzigartige Region. Ihre Einzigartigkeit geht aus der Kombination der Natur und Kultur hervor, die wir hier beobachten können. Diese Kombination ist erstaunlich, unnachahmlich, aber auch verletzlich, und zwar sowohl in ihrer Gesamtheit als auch in jedem ihrer Bestandteile.

---

¹ Anastassija Jerochina studiert an der Philologischen Fakultät der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Petropawlowsk-Kamtschatski.

² Tatjana Sachartschenko studiert an der Fakultät für Psychologie und Pädagogik der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Wiljutschinsk.

³ Jewgenija Nikoljuk studiert an der Fakultät für Psychologie und Pädagogik der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Petropawlowsk-Kamtschatski.

Naturschätze Kamtschatkas

Kamtschatka ist für die Artenvielfalt der Tier- und Pflanzenwelt, für heiße Quellen und die „Steinfackeln“ der Vulkane weltweit bekannt. Die Region hat viele Namen, die aber stets poetisch klingen, wie „das Land der Vulkane“, „das Eis- und Feuerland“... Jeder, der von den einmaligen Naturphänomenen Kamtschatkas gehört hat, möchte hierher reisen, und jeder, der Kamtschatka einmal besucht hat, träumt davon, wiederzukommen.

Zu exotischen Objekten und Phänomenen Kamtschatkas gehören in erster Linie Naturerscheinungen wie Bergketten mit einer Vielzahl von erloschenen oder aktiven Vulkanen, viele heiße und kalte Mineralquellen, Geysire, Fumarolen¹ (Bild 1), die in der Regel in malerischen Tälern liegen, die von Bergen mit schneebedeckten, sich zum Himmel auftürmenden Gipfeln (Bild 2) und von üppigen Pflanzen bewachsenen Hängen umrandet sind. Kamtschatka ist ungewöhnlich reich an Wasserressourcen: hier gibt es bis zu 14.000 Flüsse und Bäche, ca. 100.000 große und kleine Seen und 414 Gletscher mit einer Gesamtfläche von 871,1 km². Auf der Halbinsel befinden sich 29 aktive und ca. 150 erloschene Vulkane sowie 274 Mineralquellen, von denen 160 heiß sind. Hier leben 37 Arten wilder Tiere, im Beringmeer kann man in Ufernähe die berühmte Kamtschatka-Krabbe beobachten, und in den Flüssen der Halbinsel laichen alle Arten des Pazifik-Lachses: Salm, Ketalachs, Königslachs, Buckellachs, Silberlachs und Rotlachs.²

Auf der Halbinsel befinden sich 169 einzigartige Naturobjekte und fünf Naturparks, 27 Prozent der Gesamtfläche Kamtschatkas stehen unter Naturschutz. Fünf Naturschutzgebiete — das Kronozki-Naturreservat, das staatliche föderale Landschaftsschutzgebiet „Jushno-Kamtschatski“ und die regionalen Naturparks „Nalytschewo“, „Jushno-Kamtschatski“ und „Bystrinski“ — wurden per Beschluss der 20. Jahressitzung der UNESCO-Kommission am 25. Dezember 1996 unter der zusammenfassenden

---

1 Fumarolen (ital. *fumo* — Rauch) — Gas- und Wasserdampfexhalation aus Spalten und Öffnungen tätiger Vulkane und erkaltener Lavaströme mit Temperaturen von 200 bis 800° C. Sie enthalten die vom Magma abgegebenen leichtflüchtigen Bestandteile: Wasserdampf, Kohlendioxid, schweflige Säure, Schwefelwasserstoff, Chloride u.a. (dtv-Lexikon in 20 Bänden. Band 6: Fli - Gev. Deutscher Taschenbuch Verlag, München 1995. S. 160).

2 Vgl. Angaben der Internetseiten zu Umweltthemen, z.B.: <http://www.ecosystema.ru/07referats/kam/> (Abruf am 09.10.2010).

Bild 1. Fumarole im Kleinen Geysir-Tal, nahe der geothermalen Stätte von Mutnowka. (Bild von N. Lipatowa)

Bezeichnung „Vulkanregion Kamtschatka“ in die Welterbeliste aufgenommen.¹ Die Schönheit der Natur Kamtschatkas wird also nicht nur von Einheimischen, sondern weltweit geschätzt.

Ökologische Probleme Kamtschatkas

Ökologie... Aus dem Griechischen lässt sich dieses Wort als „Haushaltslehre“ übersetzen, und in der modernen Welt ist es kein leerer Schall. Mit der Entwicklung der Atomkraft, der chemischen Industrie, mit rasant steigendem Verbrauch von Naturressourcen nimmt die Bedeutung dieser Wissenschaft zu, die erklärt, wie Menschen auf die Umwelt einwirken und wie die Umwelt auf menschliche Eingriffe reagiert. Der Mensch darf nicht einfach das, was er zum Überleben braucht, dem „Naturhaushalt“ entnehmen, sondern muss lernen, die Gaben der Natur auf eine vernünftige

---

¹ Vgl.: <http://whc.unesco.org/en/list/765> (Abruf am 09.12.2010).

und richtige Art und Weise zu nutzen — um der Natur keinen Schaden anzurichten oder diesen Schaden minimal zu halten. Aufgrund der ineffizienten Nutzung der Naturressourcen und im Kontext der beschleunigten Entwicklung von wissenschaftlichen Technologien verliert das Problem des Umweltschutzes allerdings keineswegs an Bedeutung, sondern wird im Gegenteil immer relevanter. Zu der erstrangigen Aufgabe der Menschheit wird die Herausforderung, eine Umweltkatastrophe auf dem Planeten Erde zu verhindern.

Bild 2. Korjakski-Vulkan. Höhe: 3.456 m. 5. September 2007, 7 Uhr morgens.
(Bild von I. Artjomowa).

Mit ökologischen Problemen hat auch unsere Heimatregion Kamtschatka zu kämpfen. Im Becken des Kamtschatka-Flusses und im Tal des Awatscha-Flusses sind ökologische Krisenherde entweder im Entstehen begriffen oder bereits entstanden. Dies ist u.a. die Folge der Waldrodung, der Zerstörung von Wald-Biozönosen und der Boden- und Wasserverschmutzung. Es gibt auch Probleme des illegalen Lachsfischfangs und der Wilderei an Huftieren

sowie die Herausforderung, für die rationale Naturnutzung eine wissenschaftliche Grundlage zu schaffen und sowohl die Bevölkerung als auch politische Entscheidungsträger für ökologische Fragen zu sensibilisieren. Doch die Hauptursache bzw. die Hauptquelle von Umweltproblemen auf Kamtschatka sind Betriebe der Schiffsreparatur- und der fischverarbeitenden Industrie, Hafenanlagen und der Schiff- und Automobilverkehr.¹ Leider gehört nureingeringer Teil der Fläche von Kamtschatka zu Naturschutzgebieten und ist somit frei von menschlichen Eingriffen. Wie steht es aber um den Rest, um den größeren Teil? Er hätte auch in seiner Einzigartigkeit unversehrt bleiben können. Leider kam es aber zu grundlegenden, von Menschenhand verursachten Veränderungen, die der Natur Kamtschatkas irreparablen Schaden zugefügt haben... Kann das Naturgleichgewicht wiederhergestellt werden?

Es scheint, als würde heute jeder die Notwendigkeit erkennen, die erstaunliche Natur der Halbinsel zu schützen. Doch wie ist das zu schaffen?

Zuallererst muss ein ganzes Paket von Naturschutzmaßnahmen ausgearbeitet werden. Es ist wichtig, dass nicht nur in wissenschaftlichen Kreisen ökologische Probleme Kamtschatkas erkannt und Lösungen entwickelt werden, sondern dass die ganze Bevölkerung die Reichtümer der Region, in der wir leben, zu schätzen lernt. Und wie einfach und banal es auch klingen mag, fängt jede große Unternehmung klein an; jeder sollte also über sein Verhalten im „Haushalt“ nachdenken und sich an die Regeln des Umgangs mit der Natur halten. Es gilt, den Menschen den richtigen Umgang mit der Umwelt und die Regeln der rationalen Naturnutzung beizubringen. Darauf darf man sich aber nicht beschränken. Die Probleme Kamtschatkas, ob ökologischer oder ökonomischer, sozialer oder kultureller Natur, sind eng miteinander verflochten und verbunden. Daher sind folgende Maßnahmen wichtig: 1) Erhöhung des Lebensstandards der Bevölkerung; 2) Überwindung der Krise der regionalen Wirtschaft; 3) Wiederaufbau der traditionellen Wirtschaftsformen der indigenen Völker des russischen Nordens und Erhöhung des Kulturniveaus der gesamten Bevölkerung; 4) aktiver Einsatz von umweltschonenden Hochtechnologien; 5) rechtzeitiger Bau und richtige

---

¹ Vgl.: *Эколого-экономические проблемы рационального природопользования Камчатки*. Сб. статей / Отв. ред. А. С. Латкин (*Ökologische und ökonomische Probleme der rationalen Naturnutzung auf Kamtschatka*. Ein Sammelband. Hrsg.: A. Latkin). Petropawlowsk-Kamtschatski 2001.

Nutzung von modernsten Kläranlagen; 6) Aufnahme von Fächern, die den Erhalt der Biodiversität der regionalen Naturressourcen thematisieren, in das Schulprogramm. Außerdem sollte sicherlich auch die Tätigkeit der Naturschutzorganisationen der Region Kamtschatka effektiver und greifbarer werden. Es geht dabei um Organisationen wie den Regionalen Rat des Russlandweiten Naturschutzverbands auf Kamtschatka, die Gesellschaftliche Stiftung zum Schutz von Kamtschatka, die Gesellschaftliche Stiftung zum Schutz der Natur Kamtschatkas, den Begrünungsdienst von Kamtschatka („SOTKA“), die Organisation „Rodnik“ („Quelle“) und andere Einrichtungen, die versuchen, wenigstens einen Beitrag zur Lösung der Umweltprobleme von Kamtschatka zu leisten.¹ Sie sollten ihre Arbeit im Bereich der ökologischen Erziehung, Aufklärung und Bildung sowie Informationsarbeit vertiefen und erweitern, konkrete Maßnahmen zur Einhaltung der Naturschutzgesetze treffen, Gesellschaftsexperten organisieren und durchführen und sich nicht nur mit dem Schutz der freien Natur Kamtschatkas beschäftigen, sondern auch den Bau und die Ausstattung von Grünanlagen der Städte und Siedlungen der Region unterstützen.

Kultur der Region Kamtschatka: allgemeine Charakteristika

Trotz des harten Klimas, der dünnen Besiedlung und der großen Entfernung von Zentralrussland ist Kamtschatka eine Region mit einem reichen und vielfältigen Kulturerbe.

Ende der 1960er Jahre, d.h. vor einem halben Jahrhundert, waren bereits ca. 250 Definitionen des Begriffs „Kultur“ bekannt.² Dies ist nicht zufällig: dieser Begriff ist interdisziplinär, hat keine genaue, eindeutige Definition und wird sie kaum jemals erhalten. Kulturologen, Anthropologen und Soziologen, die das Phänomen der Kultur erforschen, interpretieren die Semantik dieses Begriffs unterschiedlich. All diese Wissenschaftler gehen aber von der grundlegenden Tatsache aus, dass die Kultur mit dem Leben des Menschen untrennbar verbunden ist, sich als Gesamtheit der materiellen,

---

¹ Природоохранные организации Камчатской области (Naturschutzorganisationen des Gebiets Kamtschatka). Quelle: www.npacific.ru/np/programma/ootr/ngo.htm (Abruf am 09.12.2010).

² Вейнберг И.П. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока* (Wejnberg, I.: *Der Mensch in der Kultur des antiken Nahen Ostens*). Hauptabteilung für orientalische Literatur des Verlags „Nauka“, Moskau 1986. S. 7.

sozialen und geistigen menschlichen Leistungen manifestiert und in Bauwerken, Denkmälern, Literatur-, Kunst- und Musikwerken, ethischen Normen, Gesetzen und Traditionen zum Ausdruck kommt. Jede Kulturerscheinung erwächst aus dem menschlichen Bedürfnis, kreativ zu werden, etwas zu erschaffen. Der kulturelle Raum ist eine künstlich von Menschenhand geschaffene Umwelt. Dabei gibt es einen weiteren wirksamen Faktor, der die Herausbildung kultureller Unterschiede fördert: die Natur, die den schöpferischen Menschen umgibt und die in jeder Region unseres Planeten einmalig ist.

Einzigartig ist auch die Region Kamtschatka. Ihre Visitenkarte ist offensichtlich die Kombination von zwei Besonderheiten: die Halbinsel gehört zum Pazifischen Feuerring und zum Verbreitungsgebiet von paläoasiatischen Sprachen und Kulturen, die von Itelmenen, Korjaken, Ewenen und Tschuktschen vertreten werden. Jedes dieser Völker hat eigene kulturelle und historische Traditionen, die noch heute in unterschiedlichem Maße erhalten sind. Neben den Völkern des russischen Nordens tragen andere Ethnien, die seit dem 18. Jahrhundert nach Kamtschatka gekommen sind, zur Kultur unserer Region bei. Es sind Russen, Ukrainer, Belarussen, Einwanderer aus dem Kaukasus und aus Zentralasien. Einerseits bringen sie eigene Traditionen in die Kultur der Region ein, andererseits inkorporieren sie Entlehnungen aus der Kultur ihrer Nachbarn, u.a. der indigenen Völker, die Träger zahlreicher Traditionen sind, in ihre eigene Kultur. Diese Traditionen entstanden rund um die Haupttätigkeiten, die das Überleben der indigenen Bevölkerung sicherten, d.h. um den Fischfang und die Rentierhaltung; aber auch um Gewerbe wie die Herstellung von Rentierschlitten aus Birkenrinde und Lederriemen für die Beförderung von Personen und Lasten, von nationalen Trachten, die hauptsächlich aus Rentierfellen genäht werden, und von Erzeugnissen aus Tierknochen. Außerdem sind es Bräuche und Feste mit Lied- und Tanzbegleitung, z.B. *Tunajtscha* — das alte Ritualfest „des ersten Fisches“, das den Beginn der Migration der Lachsfische in die Flüsse von Kamtschatka kennzeichnet, oder das Fest der „Sonnenrückkehr“, das von den Korjaken Ende Dezember gefeiert wurde — nach der Sonnenwende, wenn die Tage wieder länger wurden.¹

---

¹ *История и культура коряков* / Н. В. Кочешков, В. А. Тураев, В. В. Подмаскин и др.; под общ. ред. А. И. Крушанова (*Geschichte und Kultur der Korjaken*). Verfasser: N. Kotscheschkow, W. Turajew, W. Podmaskin u.a.; Hrsg: A. Kruscha-

Einen Beitrag zur Kultur Kamtschatkas leisten Naturschutzgebiete, die auf der Halbinsel eingerichtet wurden und zu denen vor allem der Nalytschewski-Naturpark¹ und das Kronozki-Naturreservat² gehören, sowie selbstverständlich Museen, Theater und Architekturdenkmäler, die zusammen das Kultur- und Geschichtserbe der Region bilden. Es sind im einzelnen das regionale Dramen- und Komödientheater zu Kamtschatka, das Puppentheater, die regionale Philharmonie zu Kamtschatka, das Museum der bildenden Kunst und das Heimatkundemuseum, das ethnographische Museum des Bystrinski-Bezirks und das Naturmuseum des Kronozki-Naturreservats. Dank dieser Einrichtungen haben Einheimische und Touristen die Möglichkeit, Erzeugnisse der materiellen Kultur der indigenen Völker Kamtschatkas zu sehen, in die Natur und die Geschichte der Region einzutauchen und an regionalen Bräuchen und Traditionen teilzuhaben.

Kamtschatka: traditionelle Kultur der indigenen Völker des russischen Nordens

Wie bereits angemerkt, ist die ethnische Zusammensetzung der Bevölkerung der Region Kamtschatka ziemlich vielfältig. Den Ergebnissen

---

now). Institut für Geschichte, Archäologie und Ethnographie der Völker des Fernen Ostens der Fernöstlichen Abteilung der Russischen Akademie der Wissenschaften, Nauka, Sankt-Petersburg 1993. S. 123–127.

¹ Der Nalytschewski-Naturpark wurde 1996 in die UNESCO-Welterbeliste in der Nomination „Kamtschatkas Vulkanregion“ aufgenommen. Er ist 60 km von Petropawlowsk-Kamtschatski entfernt. In diesem Park befinden sich die Nalytschewski-Heißwasserquellen, die als „kohlen säure-, arsen- und borhaltige, mit Mikroelementen angereicherte Quellen“ zu einer sehr seltenen Art gehören. Vgl.: Илюшкина Л.М., Завадская А.В. *Памятники природы Камчатки* (Илјусчкина, Л., Sawadskaja, А. *Kamtschatkas Naturdenkmäler*). Kamtschatpress, Petropawlowsk-Kamtschatski 2008. S. 53.

² Das Kronozki-Naturreservat besteht seit 1967, hat eine Fläche von über 1 Mio. ha und ist von größeren Ortschaften entlegen. Es umfasst einzigartige Naturobjekte: das Tal der Geysire, die Uson-Caldera, den Kronozki-See, neun aktive Vulkane und einen Sachalin-Tannen-Hain. Vgl.: *География Камчатской области. Учеб. пособие для учащ., студ., уч. географии* / Под ред. проф. В.И. Волкова (*Geographie des Gebiets Kamtschatka. Lehrbuch für Schüler, Studierende, Geographielehrer*. Hrsg.: Prof. W. Wolkow). Dalnewostotschnoje knishnoje isdatelstwo, Petropawlowsk-Kamtschatski 1994. S. 126.

der Volkszählung von 2002 zufolge¹ lebten in dem Gebiet Kamtschatka und dem Autonomen Gebiet Korjakien, die damals noch nicht zusammengelegt worden waren, 384.000 Einwohner, von denen über 23.000 oder 6 Prozent den zahlenmäßig kleinen indigenen Völkern des russischen Nordens angehörten. Zu der indigenen Bevölkerung der eigentlichen Halbinsel Kamtschatka gehören nur Itelmenen (3.447 Personen im Jahre 2002) und Korjaken (14.038). Die übrigen Völker des äußeren Nordens — Ewenen (2.530 Personen) und Tschuktschen (2.899 Personen) sowie Aleuten (452), die auf Initiative der Russisch-Amerikanischen Kompagnie auf den zuvor unbesiedelten Kommandeurinseln und den Pribilof-Inseln siedelten — sind erst im 18. und 19. Jahrhundert nach Kamtschatka eingewandert.²

Die Zahl der Itelmenen, die einst eine verhältnismäßig große ethnische Gruppe dargestellt hatten, war 2002, wie wir sehen, gering; ihre Sprache wird nicht mehr benutzt und ist praktisch ausgestorben. Zu dieser Situation kam es aus mehreren Gründen: aufgrund der physischen Ausrottung im Laufe von Konflikten zwischen einzelnen Sippen und in Kriegen gegen Russen, aufgrund von Pockenepidemien, die von Einwanderern ausgelöst wurden, durch Alkohol und Assimilierung mit Russen. Als ein sesshaftes Volk siedelten die Itelmenen an Flussufern im Zentralbereich und im Süden der Halbinsel; ihre Hauptbeschäftigung war die Fischerei, daneben gingen sie dem Jagen und Sammeln nach.³

Die Korjaken, eine wesentlich größere Ethnie als die Itelmenen, lassen sich in zwei Gruppen unterteilen: in die nomadisierenden Tschawtschuwen (die Eigenbezeichnung *tschawtschyw* bedeutet *Rentierhalter*) und die sesshaften Nymylyn (*nymylyo* heißt *Bewohner, Siedler*). Die Tschawtschuwen hielten traditionell Rentiere und jagten Pelztiere, während zu den

---

¹ Hier und im Folgenden stammen alle Angaben zur Größe der Völkergruppen des russischen Nordens aus der folgenden Quelle: *Национальный состав и владение языками, гражданство (Nationale Zusammensetzung und Sprachkenntnisse, Staatsbürgerschaft)*. ИЦ „Статистика России“, Москва 2004 (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4. Кн. 1 (Ergebnisse der Russlandweiten Volkszählung von 2002. 14 Bände. Föderales Statistikamt. Band 4, Teil 1). S. 117–119.

² Vgl.: *Народы России. Энциклопедия* / Гл. ред. В.А. Тишков (*Die Völker Russlands. Enzyklopädie*. Herausgeber: W. Tischkow). Bolschaja Rossijskaja Enziklopedija, Moskau 1994. S. 81, 164–165, 207, 408, 419.

³ Ebd. S. 165–166.

Wirtschaftsformen der Nymylyn die Jagd auf Meersäuger, der Fischfang, und das Jagen und Sammeln gehörten. Auch wenn die Korjaken sich auch stark mit der russischen Bevölkerung assimilierten, bleibt die korjakische Sprache lebendig und wird noch am Alltag gebraucht.¹

Itelmenen und Korjaken wie auch Tschuktschen gehören einer Völkergruppe — den paläoasiatischen Völkern — an, und auch wenn jede dieser Ethnien zweifelsohne eigene kulturelle Merkmale hat, weisen die Kulturen auch gemeinsame Elemente auf. So ist die Welt in ihrer Vorstellung in die obere, die mittlere und die untere Welt aufgeteilt, die ihrerseits Unterteilungen haben. Der Mensch hat zwei Seelen — eine von ihnen wird vom Atem und vom Pulsschlag symbolisiert und steigt nach dem Tod in die obere Welt auf, die von „Wolkenmenschen“ bewohnt wird, die die Menschen auf der Erde als „untere Bewohner“ bezeichnen; während die zweite Seele (der Schatten) in die untere Welt absteigt. In der Weltanschauung der Völker von Kamtschatka tritt die Idee von der Kontinuität des Lebens klar zum Vorschein; sie glauben, dass das Leben nicht endgültig erlöschen kann: der Mensch wird nach seinem Tod nach einer Weile unbedingt in der Gestalt eines Nachfahren zurückkehren (daher kommen die besonderen Namensgebungsrituale bei der Geburt eines Kindes). Zum Pantheon der indigenen Völker Kamtschatkas gehören ein höheres himmlisches Wesen, verschiedene Geister und ein Kulturheros, der zugleich die Rolle des Schelms spielt (der Rabe). Den Forschungen von Je. Meletinski zufolge hat das höhere himmlische Wesen, das mit „oben“, aber auch mit dem Donner und der Sonne assoziiert wird, mehrere Definitionen („jemand dort oben“, „das höhere Wesen“, „der Wächter“, „der Beobachter“) und Funktionen: es gestaltet das Universum und die kosmische Ordnung und stellt gleichzeitig die Außenwelt dem Menschen gegenüber. Der himmlische Herr fördert auch den Kreislauf der menschlichen Seelen, indem er die Seelen der verstorbenen Verwandten in den Mutterleib schickt, sowie die Fortpflanzung der Rentiere. Die Geister sehen aus wie Tiere oder Menschen mit spitzen Köpfen (manchmal haben sie mehrere Köpfe), sind einäugig und haben lange Zähne und Nägel. Sie leben unter der Erde oder in menschenleeren Orten im Westen, und ihr Leben unter der Erde wird als „umgekehrtes“ Leben vorgestellt: wenn auf der Erde Tag ist, ist es unten dunkel. Die Geister dringen in den Herd von links durch die Rauchöffnung ein, lösen mit ihren Pfeilen

---

¹ Ebd. S. 206–208.

Krankheiten aus, beißen und entführen Menschenseelen. Kamtschatka ist das Zentrum der Verbreitung von Märchen, Überlieferungen und kosmogonischen Mythen über den Raben, der bei den Itelmenen Kutka und bei den Korjaken Quikinnagu heißt und einerseits als Weltschöpfer (Demiurg) und als Urvater der Menschheit dargestellt wird, andererseits aber auch in Sagen auftritt, in denen seine Figur heruntergespielt, lächerlich gemacht wird und Züge eines Schelms annimmt. Der Rabe hat im Unterschied zu anderen Gestalten des Pantheons der paläoasiatischen Völker eine spezifische Verbindung mit der mythischen Zeit: Korjaken und Itelmenen definieren sie als die Zeit, in der der Rabe und seine Familie lebten.¹

Ein sehr wichtiger Teil der traditionellen Kultur der Itelmenen und Korjaken ist der Schamanismus — die Vorstellung von der Möglichkeit einer Verbindung, einer bewussten und zielgerichteten Interaktion des Menschen mit dem Jenseits und den Geistern. Die Person, die diese Verbindung herstellt, ist der Schamane, der die Rolle des Vermittlers zwischen zwei Welten spielt. Die Entscheidung darüber, wer zum Schamanen wird, treffen die Geister; niemand möchte freiwillig Schamane werden, denn seine Lage ist wegen seiner labilen Übergangsstellung zwischen zwei Welten sehr kompliziert. Die Kleidung des Schamanen ist mit den Glaubensvorstellungen aufs engste verbunden. Die Ritualkleidung wurde nicht auf einmal „als Gesamtpaket“ hergestellt, sondern nach und nach erworben. Wie auch bei den Tschuktschen war der Schamanismus der Völker Kamtschatkas durch die Angleichung des Mannes an die Frau (manchmal umgekehrt) charakterisiert. Der Grad der Angleichung war dabei unterschiedlich: von der Änderung der Frisur oder von Teilen der Bekleidung bis zur Selbstwahrnehmung als Frau — und einer Heirat mit einem Mann.²

---

¹ Мелетинский Е.М. Палеоазиатских народов мифология (Meletinski, Je. Mythologie der Paläoasiatischen Völker). In: *Мифы народов мира*. Энциклопедия в 2 т. Т. 2 (*Mythen der Völker der Welt*. Enzyklopädie in 2 Bänden. Band 2). Sowetskaja enziklopedija, Moskau 1982. S. 274–276, 278.

² Genaueres in: *Арктика — мой дом. Народы Севера Земли. Культура народов Севера* / Отв. ред. В. Д. Голубчикова (*Arktis — mein Zuhause. Völker des Nordens. Kultur der Völker des Nordens*. Hrsg: W. Golubtschikowa). 2., korrigierte und erweiterte Auflage. Sewernyje prostory, Moskau 2001. Siehe auch das Essay von W. Bogoras „Am Rossomaschja-Fluss“ („На реке Россомашьей“): Тан (В.Г. Богораз). *Восемь племён. Чукотские рассказы* (Tan (W. Bogoras). *Acht Volksstämme. Tschukotka-Erzählungen*. GICHL, Moskau 1962. S. 331–401.

Die indigenen Völker Kamtschatkas hatten auch ihre Feste. Zu den bekanntesten gehört das Ritualfest der Itelmenen *Alhalalalai*, das Elemente der Welterschaffungsmythen und Rituale zum Dank an die Natur wiedergibt und das Ende des Jahreszyklus markiert, sowie das korjakische Ringelrobbenfest *Hololo*. Beide Feste werden heute noch begangen, haben aber die Bedeutung des Rituals eingebüßt.

Bild 3. Teilnehmer des 8. Regionalen Festivals der Kunst der Völker und der ethnischen Gruppen von Kamtschatka (Bild von A. Jerochina).

Die traditionelle Kultur der Itelmenen und Korjaken sowie anderer kleiner indigener Völker des russischen Nordens, die auf Kamtschatka leben, ist einzigartig. Wir dürfen nicht zulassen, dass sie verschwindet und sich in der modernen Welt auflöst. Heute werden bestimmte Maßnahmen getroffen, um sie zu erhalten: es werden Gesetze zur Unterstützung der indigenen Bevölkerung verabschiedet,¹ ihre Traditionen und Sprachen werden erforscht,

¹ Das Föderale Gesetz „Über die Garantie der Rechte der indigenen, zahlenmäßig kleinen Völker der Russischen Föderation“ vom 30. April 1999 und das Föderale Gesetz „Über Grundprinzipien der Organisation der Gemeinden der indigenen,

das örtliche Fernsehen strahlt Sendungen in korjakischer Sprache aus, und alle zwei Jahre findet in Petropawlowsk-Kamtschatski das Festival der Völker Kamtschatkas statt, auf dem Folkloregruppen auftreten (s. Bild 3), die nicht nur auf der Halbinsel, sondern auch weit über deren Grenzen hinaus bekannt sind.

---

zahlenmäßig kleinen Völker des Nordens, Sibiriens und des Fernen Ostens der Russischen Föderation“ vom 20. Juli 2000.

Julia Fajsrachmanowa¹

**MEINE HEIMAT LIEGT NICHT AM ENDE
DER WELT. KAMTSCHATKA:
WAHRNEHMUNGEN UND REALITÄT**

Russland beginnt mit Kamtschatka — denn auf Kamtschatka fängt für Russland der Tag an. Dennoch ist Kamtschatka in der Wahrnehmung der Russen, deren Großteil bekanntlich westlich des Urals lebt, nicht der Anfang, sondern das Ende Russlands. Wahrscheinlich liegt es daran, dass das Moskauer Zarenreich vor allem von West nach Ost expandierte und für die Pioniere, die sich bei der Erschließung Sibiriens der Sonne entgegen bewegten, Kamtschatka tatsächlich die letzte Grenze, den äußersten Rand darstellte. Hinzu kommt, dass Kamtschatka zu Sowjetzeiten weder von sowjetischen Staatsbürgern noch von Ausländern frei bereist werden durfte. Außerdem durften viele interessante Informationen über Kamtschatka nicht offen publiziert werden. Vielleicht trug dies auch zu der heute verbreiteten

---

¹ Julia Fajsrachmanowa ist Studentin der Fakultät für Fremdsprachen der Staatlichen Bering-Universität zu Kamtschatka.

Meinung bei, dass Kamtschatka nicht der Anfang Russlands, sondern ein Randgebiet, ein „gottverlassenes Land“ sei...

Kamtschatka als der Rand Russlands

„Auf Kamtschatka“ — so nannten die Gymnasiasten des Russischen Reiches und so nennen noch heute die Schüler des weltgrößten Landes den Platz auf der hintersten Bank im Klassenzimmer. Diese Metapher macht es deutlich: für uns Russen war und bleibt die Halbinsel, deren Form an einen Trockenfisch erinnert (übrigens kein schlechteres Symbol als der italienische „Stiefel“), das Ende der Welt. Und ein Rand- oder Grenzgebiet stellt man sich als eine unendlich weit entfernte und wahrscheinlich wilde Region vor. Hier ist eine typische Liste von Fragen, die einem Kamtschadalen,¹ der das Festland besucht, gestellt werden: *Ihr fahrt wohl mit Hundeschlitten durch die Stadt? Laufen bei euch Bären durch die Straßen? Wo liegt Kamtschatka? Ist Kamtschatka noch Russland?* Und kürzlich war ich von den folgenden Worten eines DJs des Radiosenders „Europa Plus“ negativ überrascht: „Von Moskau bis Wladiwostok hören wir Europa Plus“. Wenn schon von der östlichsten Stadt Russlands die Rede ist, dann ist es Petropawlowsk-Kamtschatski. Sonst hört es sich so an, als endete Russland mit Wladiwostok und der Region Primorje und als gehörten Petropawlowsk und Kamtschatka nicht mehr zu Russland, sondern seien so etwas wie eine „Fischersiedlung“, eine mystische Halbinsel, ein unnützer Blinddarm, der am besten entfernt werden sollte.

Wir Kamtschadalen fühlen uns Russland zugehörig, auch wenn wir mit aller Deutlichkeit spüren, dass wir am äußersten Rand Russlands leben. Die einzige Verbindung zum Festland ist der Luftweg, aber kann sich denn jeder ein Flugticket nach Moskau leisten, das im Sommer 40.000 Rubel (ca. 1.000 Euro) kostet? Unwillkürlich beschleicht einen das Gefühl, vom Land abgeschnitten, von der Zivilisation isoliert zu sein...

Die geographische Lage, harte klimatische Bedingungen und all die Probleme, die daraus resultieren, sind weder die wichtigsten noch die einzigen Gründe dafür, dass Kamtschatka als das „Ende der Welt“

---

¹ Das Wort „Kamtschadal“ stammt von *kamtschalo*, was so viel wie „Bewohner von Kamtschatka“ bedeutet; so nannten die Korjaken ihr Nachbarvolk, die Itelmenen, die indigene Bevölkerung der Halbinsel. Heute wird der Begriff in der Umgangssprache immer häufiger in Bezug auf alle Bewohner Kamtschatkas verwendet.

wahrgenommen wird. Mit „Ende der Welt“ wird hier nicht nur die geographische Lage gemeint: Diese Worte werden auch synonym zu einer „Verwahrlosung“ gebraucht, für die wir mitverantwortlich sind. Wir wissen selbst wenig von der Region, in der wir leben! Die Geschichte, die Kultur und das Alltagsleben der indigenen Bevölkerung, die Pflanzen- und Tierwelt von Kamtschatka — all das und viele weitere Themen, die einen unmittelbaren Bezug zum Wohnort haben, werden im Schulprogramm kaum oder gar nicht berücksichtigt. Stellen Sie den Einwohnern der Stadt Petropawlowsk-Kamtschatski die kinderleichte Frage, die sie eigentlich ohne nachzudenken beantworten sollten: „Wann wurde Petropawlowsk-Kamtschatski gegründet?“. Die Wenigsten werden diese Frage richtig beantworten. Doch bereits diese einfache Frage hat einen Bezug zu der Geschichte unserer Region. Damit diese Art der „Verwahrlosung“ — die Unkenntnis der eigenen Geschichte — bekämpft und überwunden werden kann, müssen die Geschichte, die Kultur und die Geographie von Kamtschatka in die Liste der Schulfächer aufgenommen werden, es müssen Quizrunden, Seminare, Wettbewerbe zum Thema Heimatkunde unter Beteiligung von bedeutenden Wissenschaftlern Kamtschatkas durchgeführt werden. Würde zum Beispiel ein spezialisiertes Bildungszentrum — nennen wir es „Menschen und Kamtschatka“ — gegründet, so könnte es Programme zur Erhöhung des Ansehens der Region konzipieren und umsetzen und thematische Abende zu verschiedenen Problemen Kamtschatkas für Schüler, Studierende und alle Interessenten veranstalten.

Denken wir daran, was uns der Historiker und Geograph Gerhard Friedrich Müller in seinem Vorwort zum berühmten Buch von Stepan Krascheninnikow „Beschreibung des Landes Kamtschatka“ („Opisanije semli Kamtschatki“) vermachte:¹

„Es darf nicht im Geringsten angezweifelt werden, dass Personen, welche für die Verwaltung von Staatsangelegenheiten bestimmt sind, genaue Kenntnisse über die Gebiete, die ihnen anvertraut sind, haben müssen.“

Es haben aber weder einfache Bürger, noch die „für die Verwaltung von Staatsangelegenheiten bestimmten“ Personen auf Kamtschatka „genaue

---

¹ Миллер Г.Ф.: *Предисловие* (Miller, G. F.: *Vorwort*). In: С.П. Крашенинников: *Описание земли Камчатки* (S. Krascheninnikow: *Beschreibung des Landes Kamtschatka*). Nachdruck der Ausgabe von 1755. Nauka, Sankt-Petersburg, Kamtschat, Petropawlowsk-Kamtschatski 1994. Bd. 2, S. 3.

Kenntnisse“ über das Land, in dem sie leben und das sie verwalten. Unwillkürlich entsteht der Eindruck, dass sich viele Bewohner Kamtschatkas mit einem einzigen Bild der Region, das ich oben geschildert habe, zufrieden geben: Kamtschatka als das Ende der Welt, ein gottverlassenes Land.

Kamtschatka als Sinnbild in literarischen Werken französischsprachiger Autoren

Bis vor kurzem gab es nur vereinzelte Berichte von Ausländern, die Kamtschatka persönlich besucht hatten. Wenn die Außenwelt etwas über Kamtschatka wusste, so stammte dieses Wissen aus Büchern, die in Russland oder in der UdSSR veröffentlicht und in andere Sprachen übersetzt wurden, sowie aus mündlichen Berichten von russischen oder sowjetischen Staatsbürgern im Ausland. Anders gesagt basierten die Vorstellungen von Kamtschatka auf den Worten von Russen, und es handelte sich dabei kaum um kollektive Vorstellungen — im Gegenteil, ein Bild konnten sich nur gebildete Menschen, die sich für Russland interessierten, machen. Daher habe ich mich an literarische Quellen gewandt, um festzustellen, wie diese Vorstellungen vor der „Öffnung“ Kamtschatkas für Touristen aussahen. Dabei konzentrierte ich mich auf die französischsprachige Literatur. Denn in der Zeit vom 18. bis zum 20. Jahrhundert war Frankreich das Land, das von Russen am häufigsten bereist wurde. Die russische Kultur war dort also früher und besser bekannt als irgendwo anders.

Alle Erwähnungen von Kamtschatka, die sich in Werken französischer Schriftsteller, Dichter und Publizisten finden, beschränken sich auf ein Bild einer kalten und menschenleeren Region; außerdem wird das Wort *Kamtschatka* als Begriff oder Sinnbild von Verwahrlosung, Entfernung verwendet.

Das erste Beispiel stammt von einem zu Beginn des 19. Jahrhunderts verfassten Text von Joseph Quesnel,¹ in dem eine Figur zornig ausruft:²

---

¹ Joseph Quesnel (15.11.1746 — 03.07.1809) — frankokanadischer Dichter und Dramatiker. Autor des Librettos der ersten kanadischen Oper „Lucas et Cécile“.

² Quesnel J.: *L'Anglomanie ou le Dîner à l'anglaise*, 1802–1803, scene 6. In: La Bibliothèque électronique du Québec. Collection littérature québécoise. Vol. 101: version 1.1. P. 24. Quelle: <http://beq.ebooksgratuits.com/pdf/index.htm> (Abruf am 11. August 2010).

„Ma foi, la poésie
Est un talent qu’ici personne n’apprécie.
Je suis si dégoûté de tout le Canada
Que j’irais pour un rien rimer au Kamtschatka.”

„Na ja, die Poesie
ist eine Gabe, die hier niemand zu schätzen weiß.
Ich habe dieses Kanada so satt,
dass ich auch einfach so auf Kamtschatka reimen würde“.¹

Und so schildert Henri Murger² die Mansarde, in der Rudolf, der Hauptdarsteller eines seiner Werke, wohnt: das Wort *Kamtschatka* wird hier klein geschrieben, so dass die übertragene Bedeutung — ein kalter Ort — zum Ausdruck kommt:³

„Sa chambre...était une délicieuse habitation pendant l’été; mais d’octobre a avril c’était un petit kamchatka.”

„Sein Zimmer... war im Sommer entzückend, aber vom Oktober bis April war es ein kleines Kamtschatka.“

Bei der Beschreibung von Paris und seinen Frauen lässt Honoré de Balzac den Großbuchstaben stehen, er verwendet das Wort aber auch im übertragenen Sinne, sinnbildlich für einen entlegenen und verwahrlosten Ort:⁴

„Jamais vous ne rencontrerez cette jolie variété de femme... dans les Kamchatka des rues boueuses, petites ou commerciales.“

---

¹ Die französischen Texte wurden von der Verfasserin ins Russische übersetzt und von Prof. G. Kossatsch, Russische Staatliche Universität für Humanwissenschaften, Moskau, redigiert. Die Übersetzung ins Deutsche orientierte sich teilweise an der Russischübersetzung.

² Henri Murger (24 oder 27.03.1822 — 28.01.1861) — französischer Schriftsteller, Romanautor und Dichter. Sein bekanntestes Werk heißt „Scènes de la vie de la bohème“ (deutsch: „Bohème — Szenen aus dem Pariser Leben“).

³ Murger, H.: *Scènes de la vie de bohème*. The Project Gutenberg EBook of Scènes de la vie de bohème. May 28, 2006. Quelle: <http://www.gutenberg.org//ebooks//18446> (Abruf am 14. November 2010).

⁴ Balzac, H.: *Autre étude de femme*. In: *La Comédie humaine — Etudes de moeurs*. Premier livre, Scènes de la vie privée. Tome II, Deuxieme volume de l’édition Furne 1842. P. 28. Quelle: <http://www.ebooksgratuits.com/ebooks.php>. Veröffentlicht am 28.09.2008. (Abruf am 13. November 2010).

„Sie werden diese nette Art von Frauen... niemals auf der Kamtschatka der schmutzigen, kleinen oder geschäftlichen Straßen antreffen.“

Die folgende deutlich pejorative Konnotation erhält das Wort *Kamtschatka* im Munde einer Figur aus einem Werk von Léon Daudet:¹

„Les Kamchatka était le surnom que Paul avait infligé à ces outranciers de la mode... habitants de régions brumeuses, stériles... Le mot désespérait ses victimes.“²

„Kamtschatka war der Spitzname, den Paul den Bewohnern der dunstigen und unfruchtbaren Regionen, die die Mode ad absurdum trieben, gab... Das Wort versetzte seine Opfer in Verzweiflung.“

1969 erschienen in Frankreich gleichzeitig zwei Romane, in denen Kamtschatka erwähnt wird. Einer von ihnen ist der Roman von Georges Perec „La disparition“ (deutsch: „Anton Voyls Fortgang“),³ der ohne einen einzigen Buchstaben „e“ geschrieben ist. In diesem Roman kommt das Wort *Kamtschatka* zweimal vor. Zum ersten Mal bei der Beschreibung des Zoobesuchs der Hauptperson Anton Voyl:⁴

„Il VIT ALORS, non loin d'un bassin qui simulait, non sans un goût parfait, un mini-Kamchatka, bassin où s'amusait un tas d'animaux marins: pengouins, cormorans, manchots, albatross, rorquals, cachalots, marsouins, dauphins, dugongs, narvals, lamantins...“

„Er sah dann in der Nähe ein Becken, das mit einem perfekten Geschmack an ein Stückchen Kamtschatka erinnerte: ein Becken, in dem verschiedene Meerestiere plätscherten: Pinguine, Kormorane, Albatrosse, Finnwale, Pottwale, Tümmeler, Delfine, Dugongs, Narwale, Rundschwanzkühe...“

Zum zweiten Mal bei einer kurzen Schilderung des Weges der Protagonisten von „Moby Dick“:⁵

¹ Léon Daudet (16.11.1867 — 01.07.1942) — französischer Journalist, Schriftsteller, Monarchist, Sohn von Alphonse Daudet.

² Daudet, L.: *Les Kamtchatka: Moers contemporaines*, 1895. C. 28. Quelle: <http://www.archive.org/details/leskamtchatkamo00daudgoog> (Abruf am 11. November 2011).

³ Georges Perec (07.03.1936 — 03.03.1982) — französischer Schriftsteller und Filmregisseur.

⁴ Perec, G.: *La disparition*. Paris: Denoël, 1969. S. 60.

⁵ Ebd. S. 85.

„ILS SONT PARTIS TROIS ANS, ils ont couru trois ans, bravant tourbillons, ouragans ou typhoons, du Labrador aux Fidji, du cap Horn à l'Alaska, d'Hawaï au Kamchatka.“

„Sie sind vor drei Jahren aufgebrochen, seit drei Jahren fuhren sie, von Wirbelstürmen, Hurrikans und Taifunen nicht eingeschüchtert, von Labrador nach Fidschi, vom Kap Horn nach Alaska, von Hawaii nach Kamtschatka.“

Im ersteren Fall wird das Wort teilweise in einer sinnbildlichen, verfremdeten Bedeutung benutzt (Pinguine, Dugongs und Rundschwanzkühe gibt es an Kamtschatkas Ufern nicht), es ist jedoch eher positiv als negativ konnotiert, da es für den Reichtum der Tierwelt steht. Im zweiten Fall hat das Wort keinen Symbolcharakter, sondern wird als geographischer Begriff verwendet.

Wenn Patrick Modiano¹ hingegen in seinem Roman „La Ronde de nuit“ (deutsch: „Die Abendgesellschaft“), der in demselben Jahr wie „La disparition“ erschienen ist, die Wahnvorstellungen seines Helden beschreibt, verleiht er dem Begriff nicht nur wieder eine Bildlichkeit, sondern trennt sein Kamtschatka auch völlig vom realen Kamtschatka, indem er es faktisch mit der Region Kolyma, in der sich der Kältepol befindet, identifiziert:²

„Et puis je me retrouvais... dans une region de Sibérie qui se nomme le Kamchatka. Aucune végétation n'y pousse. Un climat froid et sec. On ne peut pas vivre sous de telles latitudes et les biologistes ont observe que le corps humain s'y désintègre en mille éclats de rire, aigus, tranchants comme des tessons de bouteille. Voici pourquoi: au milieu de cette désolation polaire vous vous sentez libéré des derniers liens qui vous renaient encore au monde. Il ne vous reste plus qu'à mourir. De rire.“

„Und dann fand ich mich...in einer Region Sibiriens wieder, die sich Kamtschatka nennt. Hier gibt es keine Vegetation; das Klima ist kalt und trocken. In diesen Breiten kann man nicht überleben, und Biologen haben beobachtet, wie der menschliche Körper zersplittert — wie von tausendfachem Gelächter, das scharf und schneidend ist wie Flaschenscherben. Deshalb fühlt man sich inmitten dieser Polarwüste von den letzten Banden befreit, die einen noch in dieser Welt festhalten. Und es bleibt nicht mehr zu tun außer zu sterben. Vor Lachen.“

---

¹ Patrick Modiano (30.07.1945) — zeitgenössischer französischer Schriftsteller und Drehbuchautor.

² Zit. nach: *André Durand présente "La ronde de nuit" (1969), Romane de Patrick Modiano: résumé*. S. 6. Quelle: <http://www.comptoir litteraire.com>. (Abruf am 23. September 2010).

Es scheint, als könne man an dieser Stelle den Schlusstrich ziehen und folgern, dass Kamtschatka für Franzosen oder französischsprachige Kanadier ein Nirgendwo, *la nulle part*, sei, aber...

In der modernen Welt der Informationstechnologien stürzt eine Person, die Internetzugang hat, praktisch in einen „Informationsabgrund“, so dass sich die Frage, ob man das *wirkliche*, nicht das sinnbildliche Kamtschatka, kennenlernen kann, gar nicht erst stellt. Gibt man in der Suchmaschine „Google“ das Wort *Kamtschatka* ein, so findet man tatsächlich interessante Informationen, sowie viel Werbung und Werbeslogans wie „Besuchen Sie dieses wunderschöne Land der Vulkane!“ oder „Schnell auf zu einem Rendezvous mit Kamtschatka!“

Kamtschatka als ein Naturschutzgebiet für Touristen

Die Halbinsel Kamtschatka gehört zu den bemerkenswertesten Erholungsgebieten Russlands. Hier kann man majestätische schneeweiße, sowohl aktive als auch erloschene Vulkane, heiße und kalte Mineralquellen bestaunen. Das Tal der Geysire, das erst vor kurzem von einer Schlammlawine beschädigt wurde, während das ganze Land sein Schicksal verfolgte, ist, nach Behauptungen von Experten,¹ für Besucher noch interessanter geworden. Auf Kamtschatka kann man auf Bergflüssen mit Schlauchbooten fahren, reiten, in einem Hundeschlitten oder Motorski fahren oder dem Angelsport nachgehen. Man kann auf Skiern von einem Berg herunterfahren und dabei atemberaubende Gefühle erleben, die sich im Tempo von Filmbildern abwechseln. Viele touristische Objekte gibt es auch in der Hauptstadt der Region, Petropawlowsk-Kamtschatski: Kultur- und Geschichtsdenkmäler, das Gebietsmuseum für Heimatkunde, das wissenschaftliche Museum des Vulkanforschungsinstituts, Kulturzentren der indigenen Völker Kamtschatkas. Die Stadt verfügt über ein Skilanglauf-Sportzentrum „Lesnaja“ und zwei Bergskianlagen „Krasnaja Sopka“ (mit zwei Pisten) und „Edelweiss“ (mit einer Piste). Diese Infrastruktur sorgt für ein beständiges Interesse der Touristen und kann selbst den verwöhntesten Reisenden zufriedenstellen und seinen Durst nach neuen Eindrücken stillen. Als Beweis können die Worte von Jewgeni Kasperski² angeführt

¹ Vgl. z.B.: <http://www.kamkrai.com/index.php?newsid=2904>.

² Jewgeni Kasperski (4. Oktober 1965, Noworossijsk) — russischer Programmierer, Experte für Virenschutz, Mitgründer, führender Softwareentwickler und

werden, die seinem Interview für einen Journalisten aus Kamtschatka entnommen sind.¹

„J: Sie reisen durch viele Länder. Aber in letzter Zeit bevorzugen Sie Kamtschatka. Kann denn unsere Natur vor dem Hintergrund der weltbekanntesten Sehenswürdigkeiten noch beeindruckend sein?“

K: Kamtschatka ist ein einzigartiger Ort. Hier sind viele erstaunliche Naturerscheinungen auf einem ziemlich kleinen Gebiet konzentriert, so dass sie bequem mit dem Hubschrauber angefliegen werden können. Etwas Vergleichbares habe ich in keiner anderen Region der Welt gesehen. Auf Kamtschatka ist die visuelle Vielfalt unglaublich. Vorgestern waren wir beispielsweise auf dem Vulkan Mutnowka. Das Wetter war ausgezeichnet, wir schlürften Whiskey, sahen die Landschaft an und schwiegen...Solche Momente liebe ich.“

Nach der Statistik der Agentur für Tourismus der Regierung der Region Kamtschatka wird das Gebiet jährlich von 7.000 bis 8.000 ausländischen Touristen besucht. Über die Hälfte sind Staatsbürger der USA und Japans. Weitere 40 Prozent des Touristenstroms machen Europäer und Staatsbürger der Republik Korea aus. Die Zahl der russischen Touristen (die Bewohner von Kamtschatka nicht mitgezählt) beläuft sich auf ca. 4.000 pro Jahr. Die meisten von ihnen kommen aus Moskau, St. Petersburg und aus den Städten Sibiriens, des Urals und der Region Primorje. Für russische Touristen stellen hohe Flugkosten das Haupthindernis für den Urlaub auf Kamtschatka dar: sie machen bis zu 70 Prozent der gesamten Urlaubskosten aus. In diesem Zusammenhang können die Worte von Kasperski wieder zitiert werden:²

„J: Wie teuer war für Sie der Urlaub auf Kamtschatka?“

K: Ich weiß es nicht mehr genau. Aber ich kann sagen, dass es ein sehr teurer Spaß ist. Für das Geld, das wir innerhalb von zwei bis drei Wochen hier ausgeben, kann man in der Türkei drei bis vier Monate in einem Fünf-Sterne-Hotel wohnen...

Ich kann übrigens immer noch nicht verstehen, warum das Flugticket nach Petropawlowsk bedeutend teurer sein soll als nach New York...“

---

größter Anteilseigner der GmbH „Kaspersky Lab“. 2008 war mit dem Staatspreis auf dem Gebiet der Wissenschaft und Technologie ausgezeichnet.

¹ Vgl.: Аргументы и факты. Камчатка (Zeitung „Argumenty i fakty. Regionalausgabe Kamtschatka“), 2010, Nr. 33 (1554).

² Ebd.

Ein Fazit: Kamtschatka zieht mit seiner einzigartigen, wilden, unberührten Natur (ein wahres Natur-Freilichtmuseum) heute hauptsächlich Ausländer an, die der Altertümer Europas und der heißen Strände überdrüssig sind, während die Mehrheit der Russen einen Urlaub in der Türkei oder in China bevorzugt.

Übrigens haben mich, eine Kamtschadalin, gerade die Begegnungen mit den ausländischen Touristen, die nach Kamtschatka kommen, und ihre Begeisterung dazu bewegt, meinen Blick auf die Region, in der ich lebe, wenigstens etwas zu schärfen. Deshalb kam ich nicht umhin, einige ihrer Reiseeindrücke anzuführen.

Im August 2009 hatte ich das Glück, einige unvergessliche Tage mit einem französischen Paar verbringen zu können: mit Michel Borrrios und Delphine Sicet. Hier ist ihr Eindruck:

Le Kamchatka nous en a imposé. La nature sauvage, ça nous a manqué en France.

Kamtschatka hat uns beeindruckt. Diese wilde Natur fehlt uns in Frankreich.

Im Sommer 2010 besuchte Patrice Balat aus Brest (Frankreich) Kamtschatka zum zweiten Mal. Hier sind seine Worte:

J'aime le Kamchatka, les volcans. Ici on peut voir les jeux de la nature!!! Vivement le Kamchatka!

Mir gefällt Kamtschatka, mir gefallen die Vulkane. Hier kann man Naturwunder erleben!!! Schnell auf nach Kamtschatka!

Leo (Schweiz), Juli 2010:

Kamchatka is a wonderful place. The volcanoes...it's amazing, you see what nature can produce.

Kamtschatka ist ein wunderschöner Ort. Die Vulkane... erstaunlich, man sieht, wozu die Natur fähig ist.

Casey Handmer (Australien), August 2010:

I like volcanoes. So Kamchatka is an obvious place to come.

Mir gefallen Vulkane. Deswegen bietet es sich an, nach Kamtschatka zu reisen.

Miihkali Jefremoff (Finnland), April 2010:

I am lucky traveling in this lovely region.

Ich kann mich glücklich schätzen, durch diese wunderschöne Region zu reisen.

Vom Bild zum Service: die touristischen Horizonte Kamtschatkas

Ich habe versucht, eine eigene kleine Studie durchzuführen und mit Hilfe der Webseiten couchsurfing.com¹ und hospitalityclub.org² herauszufinden, inwieweit Kamtschatka als touristischer Ort über Russland hinaus bekannt ist. Über diese zwei Webseiten wandten sich innerhalb eines Jahres sieben Personen an mich mit der Bitte, ihnen bei der Suche nach einer Unterkunft zu helfen oder die Stadt Petropawlowsk-Kamtschatski zu zeigen, etwa 15 weitere erklärten, dass sie Kamtschatka in der nächsten Zukunft besuchen wollten.

Mit welchen Dienstleistungen und mit welcher Infrastruktur können diese Personen rechnen? Heute setzt der Touristikmarkt von Kamtschatka auf Extremtourismus und Exotik. Das ist kein Zufall. In der Region gibt es ungefähr 100 Reiseanbieter und Tourveranstalter, was bei den geringen Touristenzahlen vielleicht etwas zu viel ist, während die Gesamtzahl der Hotels bei nur 25 liegt, von denen sich nur sieben im Stadtgebiet von Petropawlowsk-Kamtschatski befinden. Diese Hotels verfügen insgesamt

---

¹ <http://www.couchsurfing.com> gehört zu den größten Gastfreundschaftsnetzwerken. Es existiert als Online-Service. Im Juli 2010 umfasste es über 2 Mio. Menschen in 238 Ländern. Die Netzwerkmitglieder bieten sich gegenseitig Hilfe und Unterkunft bei Reisen an und organisieren gemeinsame Reisen. (Manchmal wird vereinbart, dass die Gäste die Telefonkosten oder die Verpflegungskosten selbst tragen.) „Couchsurfing“ sieht es als seine Mission an, eine „inspirierende Erfahrung“ zu schaffen. Die Idee liegt darin, internationalen Austausch und Kommunikation in einer freundschaftlichen informellen Atmosphäre zu fördern. Dadurch kann der natürliche Wunsch verwirklicht werden, etwas Neues zu erleben und Erfahrungen in unterschiedlichen Lebensbereichen auszutauschen. Unter anderem erhalten Menschen unterschiedlicher Kulturen und Nationalitäten dank dieses Austausches die Möglichkeit, verschiedene Sichtweisen auf viele internationale Probleme kennen zu lernen und toleranter zu werden.

² <http://www.hospitalityclub.org> gehört zu den großen Online-Gastfreundschaftsnetzwerken. Es wurde im Juli 2000 gegründet und umfasst heute über 320.000 Mitglieder aus über 200 Staaten. Das Hauptziel der Gemeinschaft besteht darin, eine Welt ohne Vorurteile und Rassismus aufzubauen, Toleranz und gegenseitiges Verständnis zu fördern, indem Menschen unterschiedlicher Nationalitäten und Kulturen — Reisende und Einheimische, Gäste und Gastgeber — miteinander bekannt gemacht und zusammen geführt werden. Das Projekt wird von einer Gruppe Freiwilliger unterstützt.

über 291 Zimmer, in denen gleichzeitig nur 447 Personen unterkommen können.¹

Offensichtlich müssen bei der Einschätzung der Möglichkeiten für die Nutzung und Entwicklung von Tourismusressourcen folgende Überlegungen in Betracht gezogen werden.²

1. Kamtschatka kann aufgrund der Entfernung der Region, der hohen Reisekosten, der fehlenden Infrastruktur, der verhältnismäßig instabilen (vor allem wirtschaftlichen) Lage in Gesamtrussland kein Ort des Massentourismus sein.

2. Die Erholungsressourcen der Region können, was die Klimabedingungen (Anzahl der warmen und sonnigen Tage, Möglichkeit, im Meer zu baden etc.) und die Qualität des Hotelservices angeht, mit vielen anerkannten Regionen der Welt und sogar Russlands nicht konkurrieren.

3. Durch die Spezifik der regionalen Ressourcen werden spezifische Kunden angesprochen.

Zu den Prioritätsprojekten, die die regionale Regierung im Tourismusbereich umsetzen möchte, gehören die Gestaltung des Erholungsgebiets an den Malki-Thermalquellen, die Modernisierung des Gesundheitscamps für Kinder „Alyje Parussa“, der Bau eines Heil- und Erholungsbadkomplexes des Unternehmens „Paramuschir-Grad“, einer Bergskianlage im Paratunskajakurort der Siedlung Termalnyj, eines Wasserparks auf der Basis von geothermalen Quellen von Paratunka und die Einrichtung eines touristisch-ethnographischen Zentrums „Kamtschatskijeskrihalj“ („Die Geschichtstafeln von Kamtschatka“) in der regionalen Hauptstadt.

Kamtschatka ist eine Region, die alle Voraussetzungen für die Einrichtung eines Sondererholungsgebiets auf ihrem Territorium erfüllt. Dies ist aber kein einfaches Anliegen. Laut Tamara Tutuschkina, der Vorsitzenden der Agentur für Tourismus der regionalen Regierung von Kamtschatka,³

---

¹ Die Daten stammen von der Internetseite: <http://kamtravel.abdesign.ru/hotels/> (Abruf am 14.11.2010).

² *Ресурсный потенциал Камчатки*. Ред. Е.В. Гропянов, Р.А. Пирагис. (Kamtschatkas Potential an Naturressourcen. Hrsg.: Je. Gropjanow, R. Piragis). Kamtschatkniga, Petropawlowsk-Kamtschatski 1994, S. 195.

³ *Общество, туризм, сервис: опыт, проблемы и перспективы развития на территории Камчатского края*: Материалы международной научно-практической конференции 18–19 апреля 2007 г. / Под ред. В.Г. Краюшкина (*Gesell-*

befasst sich die Verwaltung aktiv mit diesem Thema: es wurde ein umfassender Katalog der Erholungsmöglichkeiten vorbereitet, eine Liste von vorhandenen touristischen Angeboten erstellt, in Zusammenarbeit mit den Kommunen der Region wurden auf der Basis von Raumplanungs-Monitorings regionale Berichte verfasst und Problemstellungen formuliert, deren Lösung für die Entwicklung des Tourismus unumgänglich ist. Im nächsten Schritt muss eine spezialisierte Institution einschreiten, die die Projektunterlagen vorbereiten, die Teilnahme an der Ausschreibung über die Einrichtung des Sondererholungsgebiets beantragen und weitere Tätigkeiten in diesem Kontext durchführen könnte. Dafür werden Mittel benötigt, die jedoch im Budget der Region zurzeit nicht vorgesehen sind.

Die Stadt Petropawlowsk-Kamtschatski hat aber bereits mit Hilfe von professionellen Beratern aus Moskau ihr eigenes Tourismusedwicklungsprogramm erstellt und verabschiedet. Ich führe in diesem Zusammenhang die Worte Nikolaj Pegins, des ersten stellvertretenden Bürgermeisters der Kreisfreien Stadt Petropawlowsk-Kamtschatski,¹ an:

„Der Tourismus leistet einen ernstzunehmenden wirtschaftlichen Beitrag, und allein die Idee, eine Entwicklungsstrategie für die Touristikbranche in Petropawlowsk-Kamtschatski zu verfassen, wird die touristische Komponente nicht nur der städtischen, sondern auch der regionalen Wirtschaft aufrütteln und fördern. Bis vor kurzem war die Entwicklung des Tourismus ein Monopol der regionalen Ebene. Der Grund lag darin, dass Petropawlowsk von Touristen eher als ein Umsteigeplatz auf dem Weg zu den Vulkanen und den Bären benutzt wurde. Wir haben beschlossen, diesen Fehler zu beheben. Unsere Stadt ist einzigartig. Und der Aufenthalt der Gäste in dieser Stadt darf sich nicht auf wenige Stunden beschränken. Die Stadt könnte beträchtliche Einnahmen aus dem Tourismus erzielen.“

* * *

Die Entwicklung des Tourismus wird dabei helfen, die „Verwahrlosung“ der Region zu bekämpfen. Die „Verwahrlosung“ wird vor allem von zwei Faktoren beeinflusst: von der Entfernung von Zentralrussland und von der

---

schaft, Tourismus, Service: Erfahrungen, Probleme und Entwicklungsperspektiven in der Region Kamtschatka: Ergebnisse der internationalen wissenschaftlich-praktischen Konferenz vom 18.-19. April 2007. Herausgeber: W. Krajuschkin). KamtschatGTU, Petropawlowsk-Kamtschatski 2007, S. 11.

¹ Ebd. S. 22.

Last der stereotypen Vorstellungen von Kamtschatka. Denn auch heute wissen die Wenigsten, wie schön dieses Land ist, während die Mehrheit in ihm nur einen „Rand“ sieht: den Rand Russlands oder das Ende der Welt. Wir können die Entfernung zwischen Moskau und Kamtschatka nicht von 11.000 Kilometer auf 300 oder 500 Kilometer verkürzen, aber es liegt in unserer Kraft, die Wahrnehmung von Kamtschatka zu verändern. Durch gemeinsame Anstrengungen können wir Kamtschatka den Russen und der ganzen Welt „näher“ bringen. Nur dann wird das wirkliche und wunderschöne Kamtschatka das mit negativen Konnotationen angereicherte Bild von *Kamtschatka* als einer „dunstigen und unfruchtbaren“ Randregion, der hinteren Bank, der *nulle part* verdrängen.

*Swetlana Kondraschenkowa, Olga Schirjajewa*¹

**PSYCHOLOGISCHE
PERSÖNLICHKEITSMERKMALE IN
EXTREMBEDINGUNGEN
(AM BEISPIEL DER REGION KAMTSCHATKA)**

Nach bestehenden wissenschaftlichen Ansätzen gelten Lebensbedingungen als extrem, wenn sie zu einer Deprivation von Bedürfnissen einer Person, einschließlich des Sicherheitsbedürfnisses, führen oder führen können. Die Gesamtheit dieser Bedingungen ergibt einen extremen Lebensraum. In diesem Zusammenhang sollte auf zwei Aspekte hingewiesen werden. Erstens kann eine Person die Gefährdung der Verwirklichung ihrer Grundbedürfnisse durch den Lebensraum wahrnehmen oder nicht. Zweitens kann der Lebensraum

---

¹ Swetlana Kondraschenkowa und Olga Schirjajewa sind Lehrkräfte am Lehrstuhl für theoretische und angewandte Psychologie der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Petropawlowsk-Kamtschatski.

auch in dem Fall, wenn er nicht als eine Deprivation von Grundbedürfnissen wahrgenommen wird, dennoch extrem sein, wenn er erhöhte Anforderungen an die Person stellt und ihre Gesundheit oder ihr Leben gefährdet. Daher wird üblicherweise zwischen den subjektiv und objektiv extremen Bedingungen unterschieden.¹ Des Weiteren kann ein extremer Lebensraum als „Rahmen“ für ein Ereignis², für eine Abfolge von Ereignissen³ und für das gesamte

---

¹ Vgl.: Гави Х.: *Адаптация к стрессовым жизненным событиям и преодоление трудностей детьми и подростками с разным уровнем интеллектуального развития и когнитивной гибкости* (Gawi, Ch.: *Anpassung an Belastungssituationen und Bewältigung von Schwierigkeiten durch Kinder und Jugendliche mit unterschiedlichen Intelligenzquotienten und unterschiedlich ausgeprägter kognitiver Flexibilität*). Doktorarbeit im Fach Pädagogik. Moskau 2004; Ишмухаметов Р. Р.: *Депривация потребности в самореализации как фактор миграционной готовности личности* (Ischmucharjetow, R.: *Deprivation des Selbstverwirklichungsbedürfnisses als Faktor der persönlichen Migrationsbereitschaft*). Doktorarbeit im Fach Psychologie. Tschita 2004; Фатхи О. Г.: *Доверие как фактор повышения адаптационных возможностей в экстремальных ситуациях* (Fatchi, O.: *Vertrauen als Faktor der Erhöhung von Anpassungsmöglichkeiten in Extremsituationen*). Doktorarbeit im Fach Psychologie. Rostow-am-Don 2003. Quelle: <http://diss.rsl.ru>.

² Vgl.: Канеп В. В., Слуцкер Д. С., Шафран Л. М.: *Адаптация человека в экстремальных условиях среды* (Kanep, W., Sluzker, D., Schafran, L.: *Persönliche Anpassung in einem extremen Lebensraum*). Zvajgzne, Riga 1980; Кулик А.А.: *Картина мира лиц, переживших землетрясение* (Kulik, A.: *Weltbild der Personen, die ein Erdbeben erlebten*). Exposé zur Doktorarbeit im Fach Psychologie. Staatliche Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Chabarowsk 2008; Моляко В. А.: *Особенности проявления паники в условиях экологического бедствия* (Moljako, W.: *Besonderheiten der Panikerscheinungen bei einer Umweltkatastrophe*). In: *Психологический журнал (Psychologitscheski shurnal)*, 1992. 13, Nr. 2. S. 66–73; Мухин А. П.: *Мораль в условиях ЧС и катастроф: теоретический и эмпирический уровни анализа проблем* (Muchin, A.: *Moral bei außerordentlichen Situationen und Katastrophen: theoretische und empirische Problemanalyse*). Exposé zur Habilitationsschrift im Fach Philosophie. Sankt-Petersburg 1997.

³ Vgl.: Васильева О. С., Правдина Л.Р.: *Конструктивное проживание экстремальной ситуации как фактор развития личности* (Wassiljewa, O., Prawdina, L.: *Konstruktives Erleben einer Extremsituation als Faktor der Persönlichkeitsentwicklung*). In: *Прикладная психология (Prikladnaja psihologija)*, 2002. Nr. 3. S. 38–53; Дикая Л. Г.: *Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности* (Dikaja, L.: *Psychologie der*

Leben¹ betrachtet werden. Schließlich wird in Abhängigkeit von der Konzentration der Extremfaktoren, von der subjektiven Einschätzung durch die Person sowie von räumlichen und zeitlichen Charakteristika zwischen *Extremsituationen* (außerordentliche und traumatische Situationen, Krisensituationen), *extremen Berufen* und *extremen Lebensumständen* unterschieden.²

Selbstregulierung der funktionalen Situation eines Subjekts in extremen Arbeitsbedingungen). Doktorarbeit im Fach Psychologie. Moskau 2002; Шапкин С. А., Дикая Л.Г.: *Деятельность в особых условиях* (Schapkin, S., Dikaja, L.: *Tätigkeit in außerordentlichen Bedingungen*). In: *Психологический журнал (Psychologitscheski shurnal)*, 1996. 1, Nr. 17. S. 19–24; Погорелова Е. И.: *Тревога как фактор развития личности на примере преодоления экстремальных ситуаций* (Pogorelowa, Je.: *Unruhe als Faktor der Persönlichkeitsentwicklung am Beispiel der Überwindung von Extremsituationen*). Doktorarbeit im Fach Psychologie. Taganrog 2002.

¹ Vgl.: Волович В. Г.: *Человек в экстремальных условиях природной среды* (Wolowitsch, W.: *Menschen in extremen Umweltbedingungen*). Mysl, Moskau 1980; Медведев В. И.: *Психологические реакции человека в экстремальных условиях* (Medwedew, W.: *Psychologische Reaktionen einer Person in Extrembedingungen*). In: *Экологическая физиология человека. Адаптация человека к экстремальным условиям среды* / ред. О.Газенко (*Ökologische Physiologie des Menschen. Anpassung des Menschen in einem extremen Lebensraum*. Hrsg.: O. Gasenko). Nauka, Moskau 1979. S. 625–672; Сочивко Д. В.: *Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности* (D. Sotschiwko: *Psychodynamik der Persönlichkeit in extremen Lebensbedingungen*). Habilitationsschrift im Fach Psychologie. Moskau 2003; *Развитие личности в экстремальных условиях*. Кол. монография / Е. Б. Весна, А. А. Алискеров, Е. В. Прозорова и др. (*Persönlichkeitsentwicklung in Extrembedingungen*. Sammelband. Hrsg.: Je. Wesna, A. Aliskerow, Je. Prosorowa u.a.). Verlag der Staatlichen pädagogischen Universität zu Kamtschatka, Petropawlowsk-Kamtschatski 2004.

² Vgl.: Агажданиян Н. А., Саламатина Л. В., Леханова Е. Н.: *Уровень здоровья и адаптации у населения крайнего Севера* (Agashdanjan, N., Salamatina L., Lechanowa, Je.: *Gesundheits- und Anpassungsniveau der Einwohner des äußeren Nordens*). Wertikal, Moskau 2002; Михайленко Е. В.: *Личностные ресурсы как фактор адаптации – реадaptации моряков рыбопромыслового флота к измененным условиям жизнедеятельности*. (Michajlenko, Je.: *Persönlichkeitsressourcen als Faktor der Adaptation/ Readaptation der Seeleute der Fischereiflotte an veränderte Lebensbedingungen*). Doktorarbeit im Fach Psychologie. Petropawlowsk-Kamtschatski 2007; Шаркун В. В.: *Камчатка. Климат. Человек* (Scharkun,

Als potentielle objektive Kennzeichen der extremen Umweltbedingungen der Region Kamtschatka, welche die Befriedigung von menschlichen Grundbedürfnissen erschweren, können folgende Faktoren genannt werden: Natur- und Klimafaktoren (Temperaturwerte, Windstärke, Luftfeuchtigkeit, Anzahl der Sonnentage im Jahr, Luftdruckveränderungen usw.); geophysikalische Faktoren (Vulkanaktivität, seismische Aktivität, geomagnetische Stürme); vom Klima beeinflusste sozioökonomische und soziokulturelle Faktoren (Erhöhung der Lebenserhaltungskosten, eingeschränkte Möglichkeiten für Erholungs- und Kulturreisen).¹ Darüber hinaus sind auf dem Gebiet der Halbinsel – aufgrund der Umweltbedingungen, aber auch der besonderen Lage und der Erschließungsgeschichte – Tätigkeiten konzentriert, die begründet als Extremtätigkeiten bezeichnet werden können oder Extremsituationen erzeugen. Im Großen und Ganzen ist Kamtschatka ein günstiges „Feld“ für die Aufdeckung und Beschreibung der psychologischen Persönlichkeitsmerkmale zu jedem der erwähnten Parameter der Extrembedingungen. Es kann sogar behauptet werden, dass die „doppelt extremen“ Charakteristika unabdingbar zum Leben auf der Halbinsel gehören

---

W.: *Kamtschatka. Klima. Mensch*). Verlag der Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Petropawlowsk-Kamtschatski 2007; Семенова И. С.: *Влияние суровых и экстремальных климатических условий на расселение населения в Северных и Восточных районах России* (Semjonowa, I.: *Einfluss der harten und extremen Klimabedingungen auf die Verteilung der Bevölkerung im Norden und Osten Russlands*). Doktorarbeit im Fach Geographie. Sankt-Petersburg 2003. Quelle: <http://diss.rsl.ru>; Черныш И. В.: *Гендерные особенности адаптации к экстремальным условиям деятельности сотрудников пограничной службы ФСБ РФ* (Tschernysch, I.: *Genderbedingte Merkmale der Anpassung an extreme Arbeitsbedingungen der MitarbeiterInnen des Russischen Grenzschutzes*). Exposé zur Doktorarbeit im Fach Psychologie. Rostow-am-Don 2006.

¹ Vgl.: Таблица классификации зональных факторов природной дисккомфортности / Рук. А. Н. Кренке, А. Н. Золотокрылина / Институт географии РАН и ВНКЦ «Север» (Klassifikationstabelle der zonalen Faktoren der ungünstigen Naturbedingungen, Verf.: A. Krenke, A. Solotokrylina. Geographieinstitut der Russischen Akademie der Wissenschaften und das Russische Wissenschafts- und Koordinationszentrum „Sewer“). In: *Арктика сегодня: информационно-аналитический портал* (Arktis heute: Informations- und Analyseportal). Quelle: <http://www.arctictoday.ru> (Abruf am 28.11.2010); *Петропавловск-Камчатский: Историко-географический атлас* (Petropawlowsk-Kamtschatski: *Historischer und geographischer Atlas*). Kamtschatkniga, Petropawlowsk-Kamtschatski 1994.

und daher die Identität der Einwohner auf die eine oder andere Weise beeinflussen müssen.

In unserem Beitrag werden psychologische Merkmale von Personen, die einem ständigem Einfluss der extremen Naturbedingungen und Klimafaktoren ausgesetzt sind, sowie von Personen, die extreme Tätigkeiten ausüben, betrachtet. Die Analyse basiert auf ausgewerteten Ergebnissen von empirischen Untersuchungen zur Beziehung zwischen dem Individuum und dem extremen Lebensraum. Die Untersuchungen wurden in der Region Kamtschatka von Doktoranden des Labors für psychologische Studien zur Persönlichkeitsentwicklung des Wissenschafts- und Forschungszentrums für geisteswissenschaftliche Regionalstudien an der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka sowie von Studierenden der Fakultät für Psychologie und Pädagogik derselben Universität unter Leitung von Mitarbeitern des Lehrstuhls für theoretische und angewandte Psychologie im Zeitraum 2003 bis 2008 durchgeführt.

Einfluss des extremen Lebensraums

Betrachten wir zunächst Aspekte des psychologischen Wohlbefindens einer Person, die sich in extremen Umweltbedingungen befindet. Die empirische Basis der Studie bildeten Schüler im Jugendalter (16-17 Jahre) aus Städten, die sich in Hinsicht auf den Charakter und die Ausprägung der extremen Einflüsse der Natur und des Klimas unterscheiden: aus Petropawlowsk-Kamtschatski und aus Omsk. Die Stichprobe umfasste insgesamt 440 Personen.

Es steht fest,¹ dass extreme Umweltbedingungen sinnstiftende Orientierungen aktivieren. Äußere Bedingungen stellen eine Person vor

---

¹ Hier und im Folgenden zitiert nach: Весна Е.Б., Ширяева О.С.: *Психологическое благополучие личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности* (Wesna, Je., Schirjajewa, O.: *Psychologisches Wohlbefinden einer Person in extremen Naturbedingungen*). In: *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова / Серия Гуманитарные науки (Informationsblatt der Staatlichen Demidow-Universität zu Jaroslawl. Reihe Geisteswissenschaften)*. 2009. Nr. 2. S. 31–34; Ширяева О.С.: *Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности* (Schirjajewa, O.: *Psychologisches Wohlbefinden einer Person in extremen Lebensbedingungen*). Exposé zur Doktorarbeit im Fach Psychologie. Staatliche Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Chabarowsk 2008.

erschwerter Herausforderungen, die nur gemeistert werden können, wenn das Individuum sein Leben als einen interessanten, ereignisreichen Prozess wahrnimmt, sich Ziele setzt, die dem Leben einen Sinn stiften, sich selbst als eine starke Persönlichkeit sieht und überzeugt ist, sowohl sein Leben im allgemeinen als auch einzelne Ereignisse kontrollieren zu können. Dabei ist für die Gruppe der Befragten, die in extremen Naturbedingungen leben, eine negativere Selbsteinschätzung und Selbstbeziehung sowie eine geringere Selbstakzeptanz charakteristisch. Darüber hinaus weisen die Vertreter dieser Gruppe eine widersprüchliche Kombination von emotionalem Komfort und einer geringen Neigung zu Depressionen mit einer erhöhten inneren Unruhe auf.

Unsere Beobachtungen lassen sich gut mit Studien vereinbaren,¹ die belegen, dass eine Person, die sich in extremen Lebensbedingungen befindet, nicht zu Depressionen neigt. Die Kombination aus einer positiven Grundstimmung und einer ständigen Wachsamkeit ermöglicht eine adäquate Einschätzung der Gefahrensituation und somit eine erfolgreiche Anpassung.

In der Studie wurden inhaltliche Aspekte des psychologischen Wohlbefindens einer Person in extremen Umweltbedingungen aufgedeckt. In Bezug auf die *affektive* Komponente des *psychologischen Wohlbefindens* wurden das Vorherrschen von positiven Emotionen und das Auftreten einer inneren Unruhe in allen Lebensbereichen festgestellt; in Hinblick auf die *weltanschauliche* Komponente ein hoher Sinngehalt des Lebens und eine bewusste Erfassung der sinnstiftenden Ziele und Überzeugungen; in Bezug auf die Komponente der *Metabedürfnisse* eine aus Selbstverwirklichung speisende Zufriedenheit, die Wahrnehmung der persönlichen Entwicklung, innere Unterstützung der eigenen Werte und Überzeugungen, Reflexion der eigenen Gefühle und Wünsche und zur gleichen Zeit eine geringere Kreativität, d.h. das Fehlen des Wunsches, die Umwelt zu verändern; in Bezug auf die *intrareflexive* Komponente die Selbstwahrnehmung als eine starke Persönlichkeit, hohe Spontaneität, Selbstachtung, innere Kontrolle,

---

¹ Vgl.: Погорелова Е. И.: Указ. соч. (Pogorelowa, Je.: a.a.O.); Лебедев В. И.: *Личность в экстремальных условиях* (Lebedew, W.: *Persönlichkeit in Extrembedingungen*). Politisdat, Moskau 1989; Дедов Н. П.: *Диагностирующая и регулирующая роль юмора в экстремальных условиях* (Dedow, N.: *Diagnostische und regulatorische Rolle des Humors in Extrembedingungen*). Doktorarbeit im Fach Psychologie. Moskau 2003. Quelle: <http://diss.rsl.ru>.

negative Selbsteinschätzung und Selbstbeziehung, geringe Selbstakzeptanz sowie eine geringere Berücksichtigung der Außenwahrnehmung bei der Selbsteinschätzung; schließlich in Hinsicht auf die *interreflexive* Komponente das Gefühl, das eigene Leben im Griff zu haben, ein geringeres Bedürfnis, die Außenwelt zu erkunden, eine weniger positive Haltung anderen gegenüber und negativere Erwartungen in Bezug auf die Haltung anderer.

Aus dieser Studie folgerten wir, dass sich eine Person in extremen Lebensbedingungen zweier Modelle des psychologischen Wohlbefindens, des asymmetrischen und des symmetrischen, bedienen kann. Das letztere kommt zur Geltung, wenn objektiv extreme Lebensbedingungen von der Person nicht für extrem erachtet werden, wenn also auf subjektiver Ebene potentielle und wirkliche Deprivationen der Bedürfnisse nicht als solche wahrgenommen werden. In diesem Fall entsprechen die Methoden der Interaktion der Person mit der Umwelt im Allgemeinen den Interaktionsarten, die in objektiv weniger extremen Lebensbedingungen angewandt werden, wobei für die Persönlichkeitsentwicklung sowohl auf innere als auch auf äußere Ressourcen zurückgegriffen wird. Stimmen die objektive und die subjektive Einschätzung des extremen Charakters des Lebensraums überein, so wird das asymmetrische Modell des psychologischen Wohlbefindens angewandt. Dieses Modell besteht in der subjektiven Entwertung der Rolle der Umwelt für die Persönlichkeitsentwicklung und in dem vorrangigen Einsatz von inneren Ressourcen, die den Mangel an äußeren Ressourcen für die Befriedigung der persönlichen Bedürfnisse kompensieren. Es ist jedoch zu berücksichtigen, dass die Wirksamkeit des asymmetrischen Modells des psychologischen Wohlbefindens von der Existenz der erforderlichen inneren Ressourcen abhängt, die eine harmonische Beziehung zur Umwelt ermöglichen.

Nicht minder wichtig war es, **die Bewältigungsstrategien der Person in extremen Naturbedingungen** zu identifizieren. Unter Bewältigungsstrategien werden Anpassungsmechanismen verstanden, die eine produktive Interaktion der Person mit der Umwelt und schließlich ihre Entwicklung und Selbstverwirklichung in der Gesellschaft ermöglichen.¹ Die empirische Basis für die Erforschung der Bewältigungsstrategien bildeten ebenfalls Befragte, die in Städten mit unterschiedlichen Natur- und Klimaeinflüssen — in

---

¹ Näheres unter: Абульханова-Славская К. А.: *Стратегия жизни* (Abulchanowa-Slawskaja, K.: *Lebensstrategie*). Mysl, Moskau 1991.

Petropawlowsk-Kamtschatski und in Wolgograd – lebten; die Stichprobe umfasste 880 Personen.

Im Folgenden werden die wichtigsten Befunde der Studie zusammengefasst.¹ Eine Person, die sich in einer Region mit ausgeprägten extremen Naturbedingungen entwickelt, verzichtet beim Erscheinen von neuen, für eine bestimmte Altersstufe typischen Problemen nicht auf bisher erworbene Bewältigungsstrategien, sondern erweitert und verbessert das Repertoire der *Bewältigungsmechanismen*. In einer Region mit vergleichsweise günstigeren Naturbedingungen wird hingegen das Erwachsenwerden von einer Transformation des gesamten Systems der persönlichen Bewältigungsstrategien begleitet: alte Strategien, die sich bis dahin herausgebildet hatten, werden durch neue, die für Aufgaben der neuen Stufe der Persönlichkeitsentwicklung relevant sind, ersetzt. Folglich verfügt eine Person in extremen Umweltbedingungen über ein reicheres Repertoire an Bewältigungsstrategien, die eine flexiblere Anpassung an schwere Lebenssituationen ermöglichen. Darüber hinaus ist für eine Person in Extrembedingungen eine positivere Selbsteinschätzung charakteristisch, die ermöglicht, dass die eigene Inkompetenz in schweren Lebenssituationen konstruktiv, d.h. als Impuls für die eigene Entwicklung, wahrgenommen wird.

Des Weiteren wurde festgestellt, dass für eine Person, die sich in extremen Naturbedingungen befindet, das Bedürfnis zum Tragen kommt, zusätzliche Ressourcen zu entwickeln und einzusetzen. Als eine Form der psychologischen Rehabilitation tritt häufig eine besondere Art der sozialen Unterstützung auf, wenn eine Person ihre inneren Ressourcen ergänzt, verstärkt und erweitert, indem sie sich reflexiv an den Anderen wendet, der als Sinngabungsinstanz bei der Bewältigung der Schwierigkeiten hilft. Die soziale Unterstützung in Extrembedingungen ist weniger instrumentell als vielmehr sinngebend, da sie eher die Erweiterung der inneren Ressourcen der Person fördert als eine Lösung des Problems durch die Außenwelt herbeibringt. In diesem Kontext steigt der Wert von Eigenschaften wie Empathie, Hilfsbereitschaft, Offenheit, die eine effiziente Nutzung der Inter

---

¹ Zitiert nach: Камынина И. В.: *Копинг-стратегии личности в экстремальных условиях жизнедеятельности* (Камынина, I.: *Persönliche Bewältigungsstrategien in extremen Lebensbedingungen*). Exposé zur Doktorarbeit im Fach Psychologie. Staatliche Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka. Chabarowsk 2008.

aktionsmöglichkeiten einer Person bei der Umsetzung der Bewältigungsstrategie ermöglichen. Insgesamt ist eine Person in extremen Umweltbedingungen stärker auf unterschiedliche Arten der zwischenmenschlichen Interaktion eingestellt, da die ausgeprägten kommunikativen Fähigkeiten das Persönlichkeitspotential und damit die Stressresistenz erhöhen.

Weitere empirische Studien, die in Petropawlowsk-Kamtschatski sowie in anderen Ortschaften der Region Kamtschatka durchgeführt wurden und insgesamt 379 Personen umfassten, hatten das Ziel, **die Wertevorstellungen, Motivationen und Bedürfnisse der Kinder und Jugendlichen, die in extremen Naturbedingungen leben**, zu untersuchen.

Eine dieser Studien konzentrierte sich auf die *Sphäre der Emotionen* der Vorschulkinder, deren Eltern eine Extremsituation befürchten (erwarten). Die Studie ergab, dass diese Kinder durch eine starke innere Unruhe, intensive Sorgen wegen eines möglichen Erdbebens, eine ausgeprägte Angst vor einem Erdbeben und insgesamt eine größere Zahl von Ängsten ausgezeichnet sind. Es wurde auch gezeigt, dass für Grundschul Kinder, die eine stärkere innere Unruhe aufweisen und in Regionen mit einem hohen seismischen Risiko und Tsunami-Risiko leben (Siedlung Nikolskoje, Kommandeurinseln) eine Vielfalt von Ängsten charakteristisch ist. Dazu gehört eine ausgeprägte Angst vor Naturkatastrophen, wobei diese Kinder häufiger erwähnen, dass ihre Eltern die Lebensbedingungen negativ einschätzen und stärker von der Erdbeben- und Tsunami-Gefahr beunruhigt sind.

Die Ergebnisse der Studie zu *Motivationen und Bedürfnissen* der Jugendlichen, die in der Region Kamtschatka leben, zeigten, dass für sie im Vergleich zu Heranwachsenden in günstigeren Naturbedingungen und einem milderen Klima eine niedrigere Leistungsmotivation charakteristisch ist. Es ist anzunehmen, dass dies mit einer begrenzten Auswahl an Lebenswegen in extremen Lebensbedingungen zusammenhängt.

Die Erforschung der Struktur der *Wertevorstellungen* der Jugendlichen von Kamtschatka im Alter von 18 bis 25 zeigte, dass für die Vertreter dieser Altersgruppe die Werte „Kreativität“ und „aktive soziale Kontakte“, die Bereiche (Aus)Bildung und Hobbys sowie Werte der Stimulation (vielfältige Eindrücke) und des Hedonismus relevant sind. Eine große Bedeutung haben auch Lebensfreude, Unabhängigkeit, hoher Bildungsstand, Mut zu einer eigenen Meinung. Im Großen und Ganzen entsprechen alle angeführten Aspekte einer aktiven Lebenseinstellung bzw. einer kreativen Persönlichkeit. Daneben sollte die Hervorhebung der Werte „Macht“ und „Sicherheit“

erwähnt werden, die höchstwahrscheinlich aus dem Wunsch resultiert, die unvorhersehbaren extremen Umweltbedingungen kontrollieren zu können. Die Studie ergab außerdem, dass die Jugendlichen, die auf Kamtschatka leben und die Lebensbedingungen als subjektiv extrem bewerten, empfinden, dass ihr Sicherheitsbedürfnis nicht befriedigt ist. Die Befragten derselben Altersgruppe, die die Lebensbedingungen in der Region Kamtschatka nicht als extrem wahrnehmen, unterscheiden sich durch eine Einstellung auf Selbstverwirklichung, eine hohe Reflexivität, ein ausgeprägtes Streben nach neuen Erkenntnissen sowie durch Kreativität.

Einfluss der extremen Tätigkeiten

Bedingungen, die mit einer Einwirkung von objektiven und subjektiven Extremfaktoren auf eine Person während einer längeren Zeitspanne verbunden sind (Umwelt als „Rahmen“ für eine Abfolge von Ereignissen) können theoretisch in zwei Gruppen unterteilt werden. Zu der ersten Gruppe, die im Rahmen der Arbeits- und Ingenieurspsychologie und Ergonomie gut untersucht ist, gehören extreme Berufsbedingungen. Die zweite Gruppe ist bisher nur oberflächlich erforscht. Es handelt sich um die sogenannten freiwilligen extremen Tätigkeiten: Handeln unter Extrembedingungen aus einer freien Entscheidung heraus. Dazu gehören vor allem Extremsportarten, inkl. Extremtourismus. Die Tätigkeiten, die Extremsportler oder -touristen ausüben, widersprechen dem Sicherheitsbedürfnis. Das heißt, dass diese Menschen ein anderes, wichtigeres Bedürfnis haben, das sie nicht im Alltag, sondern nur durch Extremsport befriedigen können.

Ein beträchtlicher Teil der Bevölkerung der Region Kamtschatka geht einem Beruf mit schweren Arbeitsbedingungen nach: folglich wird das Leben in einem extremen Lebensraum durch extreme Berufsbedingungen zusätzlich erschwert. Andererseits bietet die Region Kamtschatka dank ihrer geographischen Lage, ihrer Natur und ihres Klimas vielfältige Möglichkeiten für Extremsportler. Die Analyse ihrer Persönlichkeitsmerkmale gehört zu den Forschungsschwerpunkten unter Berücksichtigung der regionalen Problematik. Die Befunde dieser Forschung werden einen Einblick in persönliche Ressourcen verschaffen, die nicht nur eine effektive Anpassung an Extrembedingungen fördern, sondern auch dazu beitragen, dass diese Bedingungen nicht als Gefahr, sondern als „Herausforderung“ akzeptiert werden, was einer konstruktiven Reaktion auf Extrembedingungen entspricht.

Das Labor für psychologische Studien zur Persönlichkeitsentwicklung des Wissenschafts- und Forschungszentrums für geisteswissenschaftliche Regionalstudien an der Staatlichen Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka untersuchte Persönlichkeitsmerkmale von Menschen, die sowohl beruflich als auch freiwillig, im Rahmen ihres Hobbys bzw. der Befriedigung ihres Bedürfnisses nach Extremerlebnissen, in Extrembedingungen tätig sind. Im Folgenden werden Ergebnisse der entsprechenden Studien zusammengefasst.

Persönlichkeitsmerkmale der Seeleute der Fischereiflotte (auf der Grundlage von drei empirischen Studien; Gesamtumfang der Stichprobe: 180 Personen): Die Vertreter dieser Gruppe zeichnet eine ausgeprägte Willenskraft aus. Sie empfinden seltener Ängste, u.a. Todes- und Zukunftsängste; weisen eine höhere Stabilität der Psyche und des Nervensystems, ein geringeres Risiko einer Anpassungsstörung in Stresssituationen und eine höhere Risikobereitschaft auf und empfinden seltener situationsbedingte oder generalisierte Unruhe.

Persönlichkeitsmerkmale der Mitarbeiter des Katastrophenschutzministeriums (auf der Grundlage von zwei empirischen Studien; Gesamtumfang der Stichprobe: 130 Personen): Die Mitarbeiter des Katastrophenschutzministeriums weisen eine hohe Erfolgsmotivation, eine geringe Misserfolgsmotivation, wenige psychologische Schutzmechanismen sowie eine ausgeprägte altruistische Einstellung (Hilfsbereitschaft und Wunsch, zum Allgemeinwohl beizutragen, ohne dabei private Ziele zu verfolgen) auf; sie sind in geringerem Maße von persönlichem Nutzen geleitet als vielmehr darauf eingestellt, anderen zu helfen. Zu den charakteristischen Merkmalen dieser Personen gehören darüber hinaus eine emotionale Involvierung in den Arbeitsprozess, eine starke Ergebnisorientierung, ein hohes Niveau an Spontaneität und Selbstachtung, an Aggressionsakzeptanz und Akzeptanz von anderen; sie richten sich dabei stärker nach Interessen und Meinungen anderer als nach den eigenen.

Persönlichkeitsmerkmale der Jagdflieger-Piloten (auf der Grundlage von zwei empirischen Untersuchungen; Gesamtumfang der Stichprobe: 106 Personen): Für Piloten sind eine geringere situations- und persönlichkeitsbedingte Unruhe, eine positive Selbstbeziehung, eine hohe Risikobereitschaft sowie ein hoher Sinngehalt des Lebens charakteristisch.

Persönlichkeitsmerkmale der Vertreter der Exekutive: Sicherheitskräfte, Mitarbeiter der Bewährungsanstalten u.a. (auf der Grundlage von zwei empirischen Studien; Gesamtumfang der Stichprobe: 245 Personen):

Vertreter der Sicherheitskräfte weisen im allgemeinen ein hohes Niveau von psychologischen Schutzmechanismen auf, was offensichtlich auf die Tatsache zurückzuführen ist, dass ihre Tätigkeit einerseits streng reglementiert ist und andererseits eine ständige Anspannung des Nervensystems und der Psyche erzeugt, da sie mehr oder weniger häufig mit der Gefährdung des eigenen Lebens und des Lebens der Kollegen verbunden ist. Bei Vertretern der Sicherheitskräfte, die an Gefechtshandlungen teilnahmen, wurden häufig Neurosen, spontane Aggressivität, Reizbarkeit, Unausgeglichenheit, Selbstzweifel, Misstrauen, situationsbedingte Angst und eine Neigung zur Alkoholisierung festgestellt. Gerichtsvollzieher weisen ebenso ein beträchtliches Niveau der Aggressivität und Feindseligkeit sowie situations- und persönlichkeitsbedingte Unruhe auf, die von einer hohen Risikobereitschaft und einer geringen Erfolgs- und Misserfolgsmotivation begleitet werden. Für Mitarbeiter der Bewährungsanstalten, die in unmittelbarem Kontakt mit Häftlingen stehen, ist die Anwendung von adaptiven Bewältigungsstrategien typisch; der Kontakt mit Häftlingen an sich wird von ihnen subjektiv nicht als extreme Arbeitsbedingung wahrgenommen.

Persönlichkeitsmerkmale von Touristen, die Extremsituationen erlebten (Gesamtumfang der Stichprobe: 60 Personen): An dieser Studie nahmen Touristen teil, die entweder durch Naturbedingungen oder durch soziale und psychologische Faktoren ausgelöste Extremsituationen erlebt hatten. Zu den ersteren gehören ungünstige Witterungsbedingungen, Wasserhürden, komplexes Bergrelief, Begegnungen mit wilden Tieren; die letzteren umfassen emotionale Reaktionen innerhalb der Touristengruppe sowie Schwächen der moralischen Vorbereitung und des Willenstrainings. Die Studie zeigte, dass Touristen, die Extremsituationen erlebt hatten, ungeachtet der Art und der Ursache dieser Situationen eine höhere Stabilität der Psyche und des Nervensystems aufweisen und einen größtenteils freundlichen Umgang an den Tag legen und somit auf Zusammenarbeit und Kooperation eingestellt sind. Die Vertreter dieser Gruppe befürworten in Extrem- und Konfliktsituationen flexible und auf einen Kompromiss ausgerichtete Problemlösungen und sind vom Wunsch geleitet, mit der Meinung der anderen im Einklang zu sein; das wichtigste Handlungsmotiv und -kriterium sind für diese Menschen die Interessen einer anderen Person oder der Gruppe. Sie sind kommunikativ und zeigen Eigeninitiative bei der Verfolgung der Gruppenziele und Wärme und Freundlichkeit in zwischenmenschlichen Beziehungen.

Aspekte der Wertevorstellungen und der Sinnstiftung von Extremsportlern (auf der Grundlage von drei empirischen Studien; Gesamtumfang der Stichprobe: 290 Personen): Diese Menschen sind durch einen höheren Sinngehalt des Lebens, eine höhere Unsicherheitstoleranz und die Einstellung zum Leben als einem emotional intensiven Prozess gekennzeichnet. Sie glauben, in ihrem Leben viel erreicht zu haben, werden von bestimmten Lebenszielen geleitet und sind überzeugt, das eigene Leben im Griff zu haben. Sie besitzen die Fähigkeit, mit Stresssituationen umzugehen (Standhaftigkeit), zeigen Risikoakzeptanz und eine höhere Risikobereitschaft, haben Freude an der eigenen Tätigkeit und streben Selbständigkeit an. Für diese Gruppe sind die Werte „Selbständigkeit“, „Stimulation“, „Hedonismus“ statistisch bedeutsamer; daraus kann geschlossen werden, dass die Hauptmotivation für den Extremsport darin besteht, sinnliches Vergnügen und Zufriedenheit zu erlangen und das Leben genießen zu können. Bei weitem weniger attraktiv sind für diese Gruppe die Werte „Konformität“, „Traditionen“ und „Sicherheit“. Verbunden mit dem hohen Stellenwert der Selbständigkeit zeugt dies davon, dass Extremsportler die gesellschaftlichen Normen und Ideale nicht akzeptieren (oder zumindest den in der Gesellschaft üblichen Stereotypen und Traditionen nicht folgen wollen) und nach eigenen Wegen für die Erreichung der eigenen Ziele suchen möchten.

Für Bergsteiger sind eine ausgeprägte Extrovertiertheit, Expressivität und der Wunsch nach freundlichen zwischenmenschlichen Beziehungen charakteristisch. Ihre Selbstverwirklichung im Sport betrachten sie als persönliche Entwicklung, als Selbstentfaltung und als Entwicklung neuer psychologischer Eigenschaften, die sowohl bei der Erreichung der gesetzten Ziele als auch im Alltag hilfreich sind. Zu den Qualitäten, die sie durch den Bergsteigersport gewonnen haben, gehören für sie vor allem allgemeinemenschliche Werte, die sich auf Freiheit, Verantwortung und Wahlmöglichkeiten beziehen.

Des Weiteren wurden Besonderheiten der Alltags-, Berufs- und Risikowahrnehmung und -einschätzung von Extremsportlern identifiziert. Sowohl den Alltag als auch den Beruf, den sie täglich ausüben müssen, bewerten sie als unbefriedigend, langweilig, eintönig, unbeständig, chaotisch und unbequem. Das Risiko ist für sie dagegen eine eindeutig positive Erscheinung, die zugleich vertraut, verständlich und bequem ist. Der wichtigste Sinn des Extremsports liegt im Vergnügen, in der Befriedigung des Bedürfnisses nach neuen, ungewohnten Eindrücken und in der

Möglichkeit, dem Leben einen Sinn zu verleihen. (Im Unterschied zu Extremsportlern weisen Menschen, die keinen Extremsport betreiben, bei der Bewertung solcher Sportarten in erster Linie auf das Risiko hin, einen schmerzhaften Unfall zu erleiden, während das Leben ohne Extremsport für sie ein normales, interessantes, intensives Leben mit tiefen Erlebnissen ist.) Zusammengefasst kann festgestellt werden, dass Extremsportler einerseits über hochentwickelte Persönlichkeitsressourcen, die bei der Bewältigung von Risiken und Lebensgefahren helfen, verfügen, andererseits dazu neigen, den Alltag als ein uninteressantes Leben ohne vielfältige Erlebnisse und die von ihnen so hoch geschätzten „Herausforderungen“ zu bewerten.

* * *

Zum Abschluss unserer Übersicht über empirische psychologische Untersuchungen der Beziehung zwischen dem Subjekt und der extremen Lebenswelt sollte folgendes festgehalten werden:

Untersuchungen bekräftigen die theoretische Vermutung, dass Extrembedingungen eine Person sowohl destruktiv (durch Erzeugung einer inneren Unruhe und Erhöhung der Anzahl von Ängsten, psychologischen Schutzmechanismen, Neurosen u.a.) als auch konstruktiv (durch die Erhöhung der Stabilität des Nervensystems und der Psyche, Entwicklung der Willenskraft, Stärkung der Selbstkontrolle usw.) beeinflussen können.

Zu den wichtigsten Faktoren, die den Charakter der konstruktiven oder destruktiven Reaktionen einer Person auf die Einwirkung von Extrembedingungen beeinflussen, gehört die Bewertung dieser Bedingungen als extrem oder nicht extrem. Die Daten der regionalen Studien zeigen überzeugend, dass die Wahrnehmung der Bedingungen als extrem das Anpassungspotential der Person drastisch senkt und damit innere Unruhe und neue Ängste erzeugt und das Spektrum der Zukunftsperspektiven einschränkt. Die Einschätzung der objektiven Extrembedingungen als subjektiv nicht extrem ermöglicht hingegen eine effektivere Anpassung. Dabei lässt sich, unabhängig davon, ob es sich um extremes Klima und extreme Naturbedingungen, extreme Berufsbedingungen oder um die gleichzeitige Einwirkung dieser Faktoren auf die Person handelt, ein Komplex von Persönlichkeitsressourcen identifizieren, der das Anpassungspotential erhöht. Dazu gehören: 1) persönliche Kreativität, aktive Lebenseinstellung, weiter Wissenshorizont, Streben nach Selbstverwirklichung, emotionale Involvierung in die Tätigkeit; 2) Wunsch nach gegenseitiger Hilfe, Einstellung auf Zusammenarbeit und Kooperation,

Bereitschaft, anderen zu helfen, während eigene Interessen in den Hintergrund gestellt werden; 3) hohe Stabilität des Nervensystems und der Psyche, Selbstkontrolle, Selbständigkeit, Risikoakzeptanz, Überzeugung von der Fähigkeit, die Umstände des eigenen Lebens kontrollieren zu können; 4) hoher Sinngehalt des Lebens, dessen Einschätzung als emotional intensiv, Streben nach vielfältigen Eindrücken.

*Alina Kirillowa*¹

CHRONIKEN EINER KLEINSTADT

HEIMAT — jeder von uns verbindet so viel mit diesem Wort! Es ist das Elternhaus, das traute Heim in unserem großen Land. Jeder von uns hat seine persönliche Heimat: den Ort, in dem man geboren und aufgewachsen ist und in dem die Familie lebt. Es scheint, als gäbe es auf der Erde keinen besseren, schöneren und vertrauteren Platz. Meine Heimat ist ein ruhiges, uriges, grünes Städtchen — mein Jelisowo. Ich habe mir schon immer gewünscht, dass mehr Menschen meine Stadt kennen lernen.

Jelisowo gehört zu der Region Kamtschatka. Die Fläche der Region beträgt 464 300 km², die Bevölkerung wurde zum 1. Januar 2009 auf 343 500 Einwohner geschätzt, und die Bevölkerungsdichte macht 0,7 Personen pro 1 km² aus. Auf der Halbinsel Kamtschatka gibt es nur drei Städte: Petropawlowsk-Kamtschatski, Jelisowo und Wiljutschinsk, deren Einwohnerzahlen bei respektiven 194,1 Tausend, 39,3 Tausend und 25,2 Tausend

---

¹ Alina Kirillowa promoviert am Lehrstuhl für Weltgeschichte und Geschichte Russlands der Vitus-Behring-Universität zu Kamtschatka, Jelisowo.

Personen liegen.¹ Somit ist Jelisowo die zweitgrößte Stadt der Region Kamtschatka; der Größe nach gehört sie jedoch mit unter 50 000 Einwohnern in die Kategorie der Kleinstädte. Im Russischen Reich waren solche Städte oft Verwaltungszentren von Kreisen.

Im Laufe ihrer Geschichte wechselte die Ortschaft, die heute als die Stadt Jelisowo bekannt ist, dreimal den Namen und mindestens ebenso oft ihren offiziellen Status. Diese Veränderungen werden als Anhaltspunkte für meine Erzählung über die Heimatstadt dienen.

Stary Ostrog

Eine ständige Siedlung auf dem Gebiet der heutigen Stadt Jelisowo lässt sich seit den 1840er Jahren einigermaßen sicher nachweisen. Doch obwohl die Stadt über 160 Jahre alt ist, sieht sie wie eine Neugründung aus. Leider sind die alten Holzbauten, die Ende 19. — Anfang 20. Jahrhundert gebaut worden sind, nicht erhalten, zumal die Stadtgeschichte recht turbulent war.

Ursprünglich befand sich an der Stelle der heutigen Stadt eine kleine Befestigungsanlage (russisch: *ostrog*) der Eingeborenen von Kamtschatka, der Itelmenen. 1712 wurde sie bei einem Feldzug der Kosaken zum Awatscha-Fluss zerstört. Der Ethnograph Stepan Krascheninnikow schilderte dieses Ereignis folgendermaßen:²

„Es gab einen Feldzug von der Nishni-Kamtschatski-Festung aus zum Awatscha-Fluss, an dem Danilo Anzyferow mit seinen Gefährten getötet wurde, und es waren insgesamt 120 Soldaten und 150 Kamtschadalen unter dem Kommando von Nikita Durygin ins Feld gezogen, die, zur Befestigung der Fremdstämmigen von Awatscha angekommen, diese etwa zwei Wochen lang belagerten (...), jedoch nicht einnehmen konnten. Schließlich brannten sie die Festung mit Feuer nieder, töteten die Fremdstämmigen, die während des Brandes die Festung verließen und ließen nur Wenige am Leben, die vor dem Brand aus eigenem Willen aus der Festung zu ihnen gekommen waren und sich verpflichtet hatten, Tribut zu zahlen...“

---

¹ *Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2008: Стат. сб. (Regionen Russlands. Hauptcharakteristika der Subjekte der Russischen Föderation. 2008. Statistischer Sammelband)*. Rosstat, Moskau 2009. S. 584.

² Крашенинников С.П.: *Описание земли Камчатки*. (Krascheninnikow, S.: *Beschreibung des Landes Kamtschatka*), Isdatelstwo Glawsewmorputi, Moskau — Leningrad 1949. S. 744.

Der Ort, an dem sich die von Kosaken vernichtete Holzfestung befunden hatte, erhielt den Namen Sary Ostrog („Alte Festung“). Spätestens 1809 entstand im Ort Sary Ostrog ein Waldgut in der Art einer sibirischen *saimka*.¹ Zu Beginn der 1820er Jahre gab es einen starken Ausbruch des Awatschinski-Vulkans in der Nähe von Sary Ostrog, wobei als Zeugen dieses Ereignisses alteingesessene Einwohner erwähnt werden; das heißt, dass dieses Waldgut oder die daraus erwachsene Siedlung damals noch bestand. Nach den Angaben von 1838 gab es in Sary Ostrog sieben Steuerzahler. Alle Einwohner gehörten der Gemeinde der Peter-und-Paul-Kathedrale von Petropawlowsk an und zählten unter der Bezeichnung *starooostroskije* zu Kleinbürgern von Petropawlowsk.² Zu Beginn der 1840er Jahre gab es in Sary Ostrog bereits mehrere Dutzend Einwohner, die hauptsächlich der Fischerei und der Jagd nachgingen. Der berühmte Forscher von Kamtschatka Karl von Ditmar beschrieb die Siedlung detailliert in seinem Bericht über den Aufenthalt auf Kamtschatka in den Jahren 1851–1855:³

„Der Fischfang ist hier sehr reich, und die Jagdreviere in der Nähe sind recht ergiebig. Die vier Häuser des Ortes sind fast nur von der Familie Maschigin’s bewohnt. (...) Große Reinlichkeit und Ordnung fallen in den Häusern auf, die gut erhalten dastehen. (...) Saryi-Ostrog zeichnet sich in jeder Hinsicht durch Ordnung aus. Die (...) Häuser des Ortes mit ihren großen Gärten machen einen Eindruck von Wohlhabenheit. Ebenso die Bewohner (30 Männer und 21 Weiber), welche eine Herde von 44 Rindern und 6 Pferden besitzen.“

Sary Ostrog war damals eine kleine, ordentliche Siedlung, die sich entlang des Awatscha-Flusses erstreckte. Kleine Häuser waren ohne jeglichen Plan angeordnet, so dass es fast keine Straßen gab. In den Fenstern waren anstelle von Scheiben Bären Därme aufgespannt, in Häusern von wohlhabenden Familien gab es jedoch Fensterrahmen mit Glasscheiben.

---

¹ Браславец К.М.: Диалектологический очерк Камчатки (Braslawez, K.: Dialektologische Skizze von Kamtschatka). In: *Министерство просвещения РСФСР. Учёные записки Хабаровского гос. пед. ин-та*. Т. 14. (Bildungsministerium der RSFSR. Wissenschaftliche Schriften vom Staatlichen pädagogischen Institut zu Chabarowsk. Bd. 14). Jushno-Sachalinsk 1968. S. 42–44.

² Ebd.

³ Ditmar, Karl von. *Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851–1855*. Т. 1, St. Petersburg 1890; S. 138–139, 449.

Sawojko

1897 wurde die Siedlung Sary Ostrog zu Ehren W. S. Sawojkos, des sagenumwobenen Gouverneurs von Kamtschatka, der die Verteidigung von Petropawlowsk während des Angriffs des englisch-französischen Geschwaders 1854 angeführt hatte, in „Sawojko“ umbenannt. Der bekannte Geograph Wladimir Komarow bereiste diese Gegend Anfang des 20. Jahrhunderts und beschrieb das Dorf Sawojko (das er als Siedlung bezeichnet) und seine Umgebung folgendermaßen:¹

„Goldgräber versuchten, in dieser Gegend Gold zu finden. Und in der Umgebung der Siedlung wurden Probegruben gegraben (...) In der Ferne, auf einer Anhöhe, befand sich eine Kapelle (...) Sawojko lag in der Nähe von wunderschönen Vulkanen — der Korjakschaja Sopka und der Awatschinskaja Sopka (...) Die Pflanzenwelt (...) ist hier nicht anders als am Paratunka-Fluss, wobei das stärker ausgeprägte Kontinentalklima sich vor allem im Vorhandensein von Traubenkirschen und echten Ebereschen an Flussufern äußert.“

In den Jahren 1917 — 1922 wurde ein erbitterter Kampf um den Aufbau und die Festigung der sowjetischen Macht auf Kamtschatka geführt. Am 27. Februar 1918 wurde im gesamten Gebiet der Sowjet von Petropawlowsk zum höchsten Regierungsorgan erklärt. Doch Sawojko war von diesen Änderungen kaum betroffen. Hier lebten wohlhabende Bauernfamilien, die große Höfe aufgebaut hatten: die Maschichins, die Bibikows, die Sacharows. Sie fischten, jagten Pelztiere, bezogen ein beträchtliches Einkommen und lebten in Wohlstand. Es gab im Dorf auch Kaufleute, die das Handelsumunternehmen Tschurikows vertraten. Daher akzeptierte die Mehrheit der Einwohner von Sawojko die sowjetische Regierung nicht: obwohl hier auch ein Dorfsowjet gegründet wurde, hatte er keine Macht. Im Sommer 1918 kamen die „Weißen“ mit Unterstützung der japanischen Streitkräfte an die Macht, doch nach einem langen und verbissenen Partisanenkrieg wurde im Januar 1920 im gesamten Gebiet Kamtschatka die sowjetische Regierung wieder etabliert. Der Kampf ging aber weiter. Am 28. Oktober 1921 ging in der Awatschinskaja-Bucht die in japanischen Schiffen angereiste Strafeinheit

---

¹ Комаров В.Л.: Завойко (Комаров, В.: Sawojko). In: В.Л. Комаров: *Избранные сочинения. Т.6. Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.* (W. Komarow: *Ausgewählte Werke. Bd. 6. Reise durch Kamtschatka in den Jahren 1908–1909*). Moskau 1950. S. 78–86.

des Kosaken-Hauptmanns Botschkarjow an Land. Die Kräfte waren ungleich. Petropawlowsk wurde wieder von Weißgardisten eingenommen, und alle Kommunisten und von ihnen gegründete Milizeinheiten zogen sich auf Partisanenstützpunkte zurück.

Die Partisaneneinheit, die gegen Weißgardisten in der Gegend von Sawojko kämpfte, stand unter dem Befehl von Georgi Matwejewisch Jelisow, der 1921 von der Bolschewistischen Partei nach Kamtschatka abkommandiert worden war. Seine Einheit hatte die Dörfer Sawojko, Awatscha, Nikolajewka und Paratunka unter Kontrolle; die Einwohner dieser Ortschaften neigten jedoch eher dazu, die Streitkräfte des Hauptmanns Botschkarjow zu unterstützen. Am 22. Juli 1922 griff die Weiße Armee das Dorf Paratunka an, wo die Partisaneneinheit des Roten Kommandeurs stationiert war. Es kam zu einem Kampf, infolge dessen die Truppen von Botschkarjow das Feld räumten, in dem Jelisow aber tödlich verwundet wurde. Er wurde am Ort seines Todes, in Paratunka, begraben. 1924 fand in Sawojko die 1. Amtsbezirkstagung der Sowjets statt, auf der die Delegierten beschlossen, dem Dorf Sawojko zu Ehren des Helden, der an der Etablierung der sowjetischen Macht auf Kamtschatka beteiligt war, den Namen Jelisowo zu verleihen, und im März 1924 wurde das Dorf Sawojko per Beschluss des Präsidiums des Russlandweiten Zentralen Exekutivkomitees der Russischen Sozialistischen Föderativen Sowjetrepublik in Jelisowo umbenannt.¹

Jelisowo: Von Dorf zu Stadt

Mit der endgültigen Etablierung der sowjetischen Regierung auf Kamtschatka im April 1923 begannen im Dorf grundlegende Veränderungen. In den Jahren 1923 — 1924 wurde auf der Halbinsel ein Zensus der noch verbliebenen Bevölkerung durchgeführt. Ich werde hier wörtlich einige Ergebnisse dieses Zensus zitieren, die Jelisowo betreffen und die ich dem einschlägigen Stand im staatlichen Museum für politische Geographie in Jelisowo (das am 20. Februar 1982 eröffnet wurde) entnommen habe:

„Dem Zensus von 1924 zufolge gab es in Jelisowo 6 Hofgemeinschaften und 46 Bauernhöfe. Insgesamt gab es 210 Einwohner, von denen 116 Männer waren. In

---

¹ Пирагис А.П.: *Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают* (Piragis, A.: *Petropawlowsk-Kamtschatski. Die Straßen der Stadt berichten*). Nowaja kniga, Petropawlowsk-Kamtschatski 2000. S.106.

Jelisowo lebten 25 Russen und 185 Kamtschadalen; es gab 45 Pferde, 109 Kühe, 251 Hunde; 45 Gewehre und 41 Schrotbüchsen; 255 Fallen, 59 Fischnetze, 14 Schleppnetze; 42 *Baty*¹, 5 Wagen, 68 Rentierschlitzen. Es wurden 177 Pud (ca. 2900 kg) Kartoffeln gepflanzt. Die Ernteerträge lagen bei 1201 Pud (ca. 19 673 kg) Kartoffeln, 11 Pud (ca. 180 kg) Rüben, 6 Pud (ca. 98 kg) Kohl, 10 Pud (ca. 164 kg) andere Gemüsearten. Der Wert des gesamten Ertrags belief sich auf 3084 Rubel.“

Eine aktive Zuwanderung nach Jelisowo wie auch nach Kamtschatka im Allgemeinen setzte in den 1930er Jahren ein. 1930 wurde in Jelisowo die Kolchosa „Krasny Oktjabr“ (Roter Oktober) gegründet, die noch im selben Jahr den ersten Traktor erhielt. 1931 wurde der Genossenschaftsbetrieb „Put Iljitscha“ (Lenins Weg) ins Leben gerufen. Die Fischindustrie hatte sich bereits in den 1920er Jahren herausgebildet. Entlang des fischreichen Awatscha-Flusses ließen sich viele Fischfangbetriebe nieder. Dem Zensus von 1926 — 1927 zufolge² besaßen die Fischer 180 Fallen und 171 Netze, und der Jahresertrag lag bei ca. 2 t. Allmählich wuchs der Fischfang.

Stalinistische Repressalien waren auch auf Kamtschatka zu spüren. Traurig berühmt ist das „Objekt Nr. 5“, das sich einst an der Stelle des heutigen Wohnblocks „Pjataja strojka“ befand. Es war ein Konzentrationslager für Deportierte aus ganz Kamtschatka; unter den Häftlingen waren auch 36 Einwohner von Jelisowo. 18 von ihnen wurden erschossen; die Namen von 16 Personen sind bisher nicht ermittelt worden.³ Die Häftlinge des „Objekts Nr. 5“ arbeiteten am Bau einer Rundfunkstation mit Transmittern, des Weiteren verlegten sie eine 3-km-lange Schmalspurbahn für die Zulieferung von Baustoffen. Viele Unterlagen zum „Objekt Nr. 5“ sind immer noch geheim.

---

¹ *Baty* sind Einbäume aus Pappelstämmen, die seit alters her von der indigenen Bevölkerung Kamtschatkas hergestellt wurden. Für nähere Informationen vgl.: Семёнов В.А.: *Огонь, вода, баты и... рыбий жир. Об изготовлении плавсредств аборигенами полуострова* (Semjonow, W.: *Feuer, Wasser, Baty und... Lebertran. Zur Herstellung von Wasserfahrzeugen durch die Einheimischen der Halbinsel*). In: *Etnografija Kamtschatki*, November 2006. Quelle: http://www.kamchatsky-krai.ru/library/public/vsam_baty.htm (Abruf am 14.11.2010).

² Die Daten des Zensus für Jelisowo sind im staatlichen Museum für politische Geographie von Jelisowo verfügbar.

³ Stand „Gedenken an die Opfer politischer Repressalien“. Bestand des staatlichen Museums für politische Geographie von Jelisowo.

1941 griff Hitlerdeutschland die Sowjetunion an. Auch wenn es in der Region Kamtschatka keine Kriegshandlungen gab, unterstützten die Einwohner von Kamtschatka, die in unterschiedlichsten Arbeitszweigen tätig waren, von den ersten Kriegsmonaten an die Armee und setzten alles ein, um den Siegestag näher zu bringen, während andere Bewohner von Kamtschatka als Soldaten an der Front kämpften. Zum Gedenken an die Helden, die ihr Leben für die Heimat opferten, wurde im Stadtzentrum am Leninplatz ein Obelisk für die im Großen Vaterländischen Krieg gefallenen Soldaten errichtet. Jährlich legen am Siegestag, am 9. Mai, Einwohner von Jelisowo, Vertreter der Verwaltung und Schüler und Studierende an diesem Obelisk Blumen und Kränze nieder. Außerdem wird jedes Jahr am 22. Juni, dem Tag des Kriegsausbruchs, ein Fackelzug veranstaltet, der am Busbahnhof beginnt und am Obelisk endet.

Nach dem Krieg entwickelte sich Jelisowo zu einem Landwirtschafts- und Fischereizentrum. Gemäß dem Beschluss des Exekutivkomitees des Regionalsowjets der Deputierten der Werktätigen von Chabarowsk Nr. 760 vom 11. November 1949 wurde per Anordnung des Präsidiums des Obersten Sowjets der RSFSR vom 17. November desselben Jahres der Landbezirk Jelisowo im Gebiet Kamtschatka, Region Chabarowsk eingerichtet.¹ Auch heute ist Jelisowo ein Bezirkszentrum. Es sei hier angemerkt, dass der Landbezirk Jelisowo in einer der schönsten Gegenden Kamtschatkas liegt. Dort befinden sich das Kronozki-Naturreservat mit dem Tal der Geysire, ein Sachalin-Tannen-Hain und heiße Quellen. Der Bezirk ist von hohen Bergketten umrandet; die Höhe der aktiven Vulkane (der Awatschinskaja Sopka und der Korjakschaja Sopka) beträgt respektive 2741 und 3456 m. Die Fläche des Bezirks Jelisowo beläuft sich auf 42,1 Tausend km², und die Bevölkerungszahl lag 2009 bei 64 242 Personen.²

Zum Gründungszeitpunkt gab es im Bezirk sieben Kolchosen: „Put Iljitscha“ (Lenins Weg), „Krasny Oktjabr“ (Roter Oktober), „Krasnaja Swesda“ (Roter Stern), „Peredowik“ (Spitzenarbeiter), die Lenin-Kolchose, die Kolchose des 16. Parteitags, die Kolchose des 2. Fünfjahresplans, sowie die Natschikinski-Sowchose. Diese Betriebe verfügten insgesamt über

---

¹ Stand „Zur Geschichte der Stadt Jelisowo“. Bestand des staatlichen Museums für politische Geographie von Jelisowo.

² Quelle: www.elizovomr.ru; http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Елизовский_район?wasRedirected=true (Abruf am 22.11.2010).

17 Autos und 51 Traktoren und eine Herde von 1708 Rindern; die Anbaufläche belief sich auf 30 ha.¹ Es gab auch zwei Fischkombinate — das Petropawlowski- und das Shupanowski-Kombinat — und zwei Industriegenossenschaften. Bis 1960 wurden alle Fischkombinate, kleine Fischereigenossenschaften und –brigaden zu einer großen Fischereikolchose (Lenin-Kolchose) zusammengelegt, die daraufhin der Gebietsverwaltung unterstellt wurde.

Das Verwaltungszentrum, die Stadt Petropawlowsk-Kamtschatski, war nur 20 km von Jelisowo entfernt, die Verbindung zwischen diesen Orten war jedoch aufgrund des Klimas und der schwierigen Reliefverhältnisse problematisch. Im Winter war Petropawlowsk mit Hundeschlitten und in anderen Jahreszeiten mit Pferdewagen zu erreichen. Der harte, schneereiche Winter von Kamtschatka konnte die Ortschaften auf lange Zeit voneinander isolieren: die Straßen wurden eingeschneit, so dass die Reisenden sich zwischen den Hügeln durchschlängeln mussten. In den 1960er Jahren wurde schließlich eine ständige Verbindung zwischen Petropawlowsk und Jelisowo eingerichtet: die Straße wurde aufgeschüttet und später geteert. Bei starken Schneefällen wird sie aber noch heute eingeschneit.

Im Allgemeinen ist die Kommunikation das Sorgenkind der Einwohner von Kamtschatka und damit auch der Einwohner von Jelisowo. Das russische Festland ist von unserer Halbinsel aus nur auf dem Luftweg zu erreichen; die Seefahrt spielt im Vergleich zum Flugverkehr eine Nebenrolle. Jelisowo wurde dabei zum wichtigsten Luftdrehkreuz der Halbinsel: hier befindet sich der Flughafen, der von Flugzeugen russischer und internationaler Fluggesellschaften angefliegen wird. Die erste Fliegerabteilung wurde auf Kamtschatka 1934 ins Leben gerufen, und die erste Flugverbindung von Jelisowo nach Bolscherezk und zu anderen Teilen der Halbinsel 1937 eingerichtet.² Heute sind im Flughafen von Jelisowo Flugzeuge von russischen Fluggesellschaften wie „Aeroflot“, „Transaero“ und „Vladivostok Air“ zu sehen. 1995 wurde das internationale Terminal eröffnet, in dem

---

¹ Diese Daten stammen aus Bestandslisten, Unterlagen der Brigadeleiter, Normensachbearbeiter und Schreiber von Kolchosen, die seit jener Zeit überliefert worden sind und sich heute im Besitz des Museums für politische Geographie von Jelisowo befinden.

² Bestand des Museums des Föderalen staatlichen Einheitsunternehmens für Luftfahrt, Petropawlowsk-Kamtschatski. Erinnerungen von P. Banakanowa (Ergebnisse der ethnographischen Expedition in das Dorf Anawgaj, 13. — 21. März 2005).

Transitpassagiere und Touristen aus dem Ausland empfangen werden, die nach Kamtschatka reisen, um die Schönheit dieser einmaligen Region zu bewundern.

Anfang der 1950er Jahre wurde das Dorfzentrum von nur vier Straßen gebildet: der Rjabikow-Straße, der Kolchosnaja-Straße (heute Lenin-Straße), der Uferstraße und der Sawojko-Straße, wobei zum Baubestand nur Erd- und Holzhütten gehörten. Als im Februar 1949 ein Krankenhaus mit 25 Betten eröffnet wurde, deren Belegschaft sich nur aus einem Arzt und einem Arzthelfer zusammensetzte, wurde es auch in einem kleinen Holzhaus am Ufer des Awatscha-Flusses untergebracht. Ab 1951 begann aber die Errichtung der ersten Steinhäuser. Es wurden das Gebäude der Zehnklassenschule, das Kulturzentrum und zwei Wohnhäuser in der Witali-Krutschina-Straße gebaut. Mitte der 1950er Jahre verfügte Jelisowo bereits über ein eigenes Kulturzentrum, ein Post- und ein Telegrafenamtsamt, eine Zehnklassenschule, ein Telefonnetz mit 75 Nutzern, eine Funkleitstelle, zwei Kantinen und vier Bäckereien, ein Kraftwerk und acht Geschäfte. Es wurden eine Schneiderei und ein Friseursalon mit zwei Mitarbeitern eröffnet, des Weiteren war im Dorf ein Uhrmacher tätig. Bereits 1938 wurde in Jelisowo per Beschluss des Volkskommissariats für Bildung eine Bibliothek eröffnet. Ihr Bestand umfasste 3277 Bücher, und anfänglich waren nur 250 Leser eingeschrieben. Heute wird sie von ca. 20 000 Personen genutzt.¹

Das Dorf wuchs allmählich, es wurden neue Häuser und Objekte sozialer Infrastruktur (Kinos, Schulen, Kindergärten) gebaut und neue Organisationen ins Leben gerufen. So wurde in Jelisowo 1958 im Kontext der beschleunigten Erschließung von Kamtschatkas Naturressourcen die erste Geologengruppe eingerichtet. Die Bevölkerungszahl stieg sowohl dank dem natürlichen Zuwachs als auch durch die Migration aus anderen Gebieten der UdSSR. In der Nähe des Dorfes waren mehrere Militäreinheiten stationiert. Schließlich wuchs Jelisowo über den Dorfstatus hinaus und wurde per Beschluss des Exekutivkomitees des Gebietsrats der Deputierten der Werktätigen von Kamtschatka vom 11. Dezember 1964 in die Kategorie der Arbeitersiedlungen unter Beibehaltung des bisherigen Namens aufgeno-

---

¹ Stand „Zur Geschichte der Stadt Jelisowo“. Bestand des staatlichen Museums für politische Geographie von Jelisowo; Stand „Zur Geschichte des Bibliothekwesens im Bezirk Jelisowo“ in der 1. Bezirksbibliothek von Jelisowo.

mmen.¹ Am 21. Februar 1975 hat die Arbeitersiedlung Jelisowo des Bezirks Jelisowo des Gebietes Kamtschatka per Dekret des Präsidiums des Obersten Sowjets der RSFSR den Status einer gebietsunmittelbaren Stadt erhalten.²

* * *

Neben den erwähnten Einrichtungen — dem staatlichen Museum für politische Geographie und dem Obelisk zu Ehren der im Krieg Gefallenen — sowie dem für die meisten russischen Städte typischen Lenin-Denkmal gibt es in Jelisowo heute ein Museum des Kronozki-Naturreservats, zwei Jelisow-Denkmäler (das erste, das am Busbahnhof unweit des Kinos „Geysir“ steht, wurde 53 Jahre nach seinem Tod, am 4. November 1977 errichtet, und das zweite befindet sich am Gebäude der Bezirksverwaltung) und drei Gedenktafeln. Eine Tafel ist an der Wand des Hauses Nr. 28 in der Lenin-Straße angebracht und G. Kusnezow, einem Helden der Sowjetunion, gewidmet, die zweite gedenkt W. Prosekows, eines Abgeordneten der Bezirksduma von Jelisowo, der einen großen Beitrag zur Entwicklung des Bezirks geleistet hat, und befindet sich am Haus Nr. 12 B in der W.-Krutschina-Straße, und die dritte ist am Haus Nr. 9 in der Rjabikow-Straße befestigt, in dem Jewgeni Morosow gelebt hatte, der in Tschetschenien bei einem Kampfeinsatz fiel.

Zum Abschluss dieses kurzen Einblicks in das historische Gedenken in Jelisowo möchte ich hinzufügen, dass seit 1983 der Titel „Ehrenbürger von Jelisowo“ verliehen wird, mit dem bisher 16 Personen ausgezeichnet wurden.

Das ist Jelisowo: als eine von vielen Städtchen, wie sie in ganz Russland zu finden sind, ist die Stadt auf den ersten Blick gewöhnlich und in keiner Hinsicht auffällig. Doch für die Einwohner ist Jelisowo nicht bloß ein Punkt auf der Landkarte, sondern der Lebensmittelpunkt. Und da ich in dieser Stadt geboren wurde, hat es mich gefreut, über die Stadt, ihre Geschichte, ihre Denkmäler und über das Gedenken in dieser Stadt zu erzählen.

---

¹ *Ведомости Верховного Совета РСФСР (Amtsblatt des Obersten Sowjets der RSFSR)*, 1964. Nr. 52. S. 828.

² *Ведомости Верховного Совета РСФСР (Amtsblatt des Obersten Sowjets der RSFSR)*, 1975. Nr. 9. S. 120.

Teil II
STIMMEN VON AUSSEN
(Beiträge der Experten)

*Natalya Didkovskaya*¹

IDENTITÄT:
PROVINZIELLE UND REGIONALE DIMENSION

Die russische Provinz ist Trägerin spezifischer sozialer, mentaler, geistiger und axiologischer Merkmale und Objekt interdisziplinärer Forschungen: Man untersucht sie unter geopolitischen, ökonomischen und soziokulturellen Aspekten und unter anderen Gesichtspunkten. Es ist deshalb nicht verwunderlich, dass das Phänomen der russischen Provinz und dessen Derivate in der noch ziemlich kurzen aber diskussionsreichen Geschichte ihrer Erforschung in ein Feld terminologischer Definitionen eingebettet wurden, die *kontextuell* nebeneinander gesetzt wurden, *konzeptuell* aber widersprüchlich blieben. So werden die Begriffe „provinziell“, „regional“, „lokal“ und „peripher“ im wissenschaftlichen und publizistischen Diskurs oft als Korrelate verwendet, was ihre inhaltlichen Unterschiede jedoch nur unterstreicht. Noch stärker tritt dieser Unterschied zu Tage, wenn man den

---

¹ Natalya Didkovskaya, Dozentin am Lehrstuhl Kulturwissenschaft und Journalistik der Staatlichen Pädagogischen K.D. Uschinsky-Universität, Jaroslawl, sie unterrichtet auch an der Schule der Nachwuchsautoren.

Begriff „Chronotopos“ als Instrument zur Beschreibung, Charakterisierung und Diagnostik der Provinz verwendet, weil man damit nicht den realen existentiellen Sinn der Begriffe Ort und Zeit, sondern deren metaphysisches Wesen interpretiert. Bei aller inhaltlichen Vielschichtigkeit des Begriffs „Provinz“ ist ihm jedoch auch eine terminologische Bestimmtheit eigen, die besonders deutlich in Erscheinung tritt, wenn man diesen Terminus dem konzeptuell polaren Begriff „Region“ gegenüberstellt.

I.

In der Vielfalt der Provinzdefinitionen und -konzepte, die auf der Grundlage von Philosophie, Soziologie, Geschichte und Kulturtheorie entwickelt wurden, seien vor allen Dingen jene hervorgehoben, die, in vielem komplementär, die Heterogenität und Vieldeutigkeit dieses Begriffes akzentuieren. Der Soziologe V.B. Zvonovsky zum Beispiel definiert und kommentiert zwei seiner Bedeutungen.¹ Die erste Bedeutung von „Provinz“ beinhaltet einen gewissen Raum, einen unselbständigen Teil einer Lokalität, deren Mittelpunkt die Metropole bzw. die Hauptstadt darstellt. In der zweiten Bedeutung ist die Provinz die Gesamtheit der Institutionen, die das soziale System des entsprechenden Raums bilden. Die Eigenart der Provinz, insbesondere die kulturelle, wird gerade von diesen Institutionen bestimmt: In der Provinz sind sie unbedingt vorhanden, in der Metropole jedoch nicht immer, jedenfalls bilden sie dort kein System.

John Friedmann, der Schöpfer des Zentrum-Peripherie-Konzeptes, betont, dass die „Provinz“ kein homogenes Feld ist, sondern sich in die innere bzw. nahe Provinz, die eng mit dem Zentrum bzw. dem Kern verbunden ist und von diesem Kern Entwicklungsimpulse erhält, und die äußere bzw. ferne Provinz gliedert, auf welche der Kern praktisch keine mobilisierende Wirkung mehr ausübt.² Der amerikanische Historiker und Soziologe

¹ Звоновский В.Б.: *Российская провинция: массовое сознание и социальные институты* (V. Zvonovsky: *Russische Provinz: Massenbewusstsein und soziale Institutionen*). In: *Общественные науки и современность (Obschtschestvennyye nauki i sowremennost. Sozialwissenschaften und Gegenwart)*, 2003, Nr. 1, S. 79.

² Dargelegt nach: *Центр — периферия: ось конфликта или стержень сотрудничества (Zentrum-Peripherie: Konfliktachse oder Kooperationskern)*. In: *Российская провинция (Rossijskaja provincija)*, 1993, Nr. 2, S. 43-44; *Общественная география современного мира. § 4. Как взаимодействуют различные типы*

Immanuel Wallerstein, einer der Begründer der globalen Interpretation der Wirtschaftsgeschichte, führte den Begriff „Halbperipherie“ ein, mit welchem man den Bereich zwischen dem Zentrum und der Peripherie bezeichnet. Die Halbperipherie verbindet Funktionen des Zentrums und der Peripherie in sich: Sie wird vom Zentrum ausgebeutet und beutet selbst die Peripherie aus. Zugleich stellt sie eine Art stabilisierendes Element dar.¹

Nach Meinung von Frau V.V. Dementyeva, die davon ausgeht, dass der geografische Raum im Verhältnis zur Opposition Zentrum-Peripherie hierarchisch organisiert sei, kann die physische bzw. landschaftliche Provinzgrenze — Moskau und Sankt Petersburg ausgenommen — ganz Russland umfassen.² M.S. Kagan deutet die Dialektik Metropole-Provinz als eigenartigen Ausdruck der Eigenschaften von Systemen, die sich selbst entfalten. Er vertritt die Meinung, es handele sich hier um Untersysteme eines einheitlichen Gebildes und zwar des Lebens des Landes, des Staates und der Nationalkultur.³ A.V. Dakhin formuliert die methodologische These,

---

экономических районов? (Soziale Geographie der modernen Welt. § 4. Wie korrelieren verschiedene Typen von Wirtschaftsregionen?). Quelle: <http://cor.edu.27.ru/dlrstore/00000c51-1000-4ddd-517d-3600483aebf5/07-3-4.htm>. (Abruf am 01.02.2011).

¹ Vgl.: Валлерстайн И.: *Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа* (I. Wallerstein: *Geburt und zukünftiges Ende des kapitalistischen Weltsystems: Konzeptuelle Grundlage der vergleichenden Analyse*. In: И. Валлерстайн: *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире* (I. Wallerstein: *Analyse der Weltsysteme und Situation in der modernen Welt*). Universitetskaja kniga, Moskau 2001, S. 8–27. Zugänglich im Internet: http://vdostatok.ru/news/analiz_mirovykh_sistem_i_situacija_v_sovremennom_mire_i_vallerstajn_kniga/2010-06-14-793. (Abruf am 01.02.2011). S. auch die Kritik des Wallerstein-Konzeptes: Завалько Г.А.: *Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода*. (G. Zavalko: *Entstehung, Entwicklung und Zustand des welt-systemischen Ansatzes*). In: *Общественные науки и современность* (*Obschtschestvennyye nauki i sowremennost. Sozialwissenschaften und Gegenwart*), 1998, Nr. 2. S. 140–151.

² Дементьева В.В.: *Провинциальная культура и ее институциональное выражение в Бурятии*. (V. Dementyeva: *Provinzielle Kultur und deren institutionelle Verkörperung in Burjatien*). Doktorarbeit in Fach Kulturologie. Ulan-Ude 2003, S. 19.

³ Кagan М.С.: *Москва — Петербург — провинция: «двустолочность» России — её историческая судьба и уникальный шанс*. (M. Kagan: *Moskau — Sankt*

die Dyade Hauptstadtkultur — Provinzkultur sei eine Projektion der zentralen und der peripheren Hüllen jedes Kulturkomplexes, dem eidetische, gegenständlich-symbolische, sakrale und profane Elemente eigen seien:¹

„Die hauptstädtische Kultur verstehen wir als späthistorischen Ausdruck des ‚sakralen Zentrums‘, d.h. der Sphäre der höheren weltanschaulichen Werte, im sozialkulturellen Komplex. Die Provinzkultur könnte man dementsprechend als späthistorischen Ausdruck der ‚profanen Peripherie‘ desselben sozialkulturellen Komplexes auffassen. Die archetypische Dyade kann alles prägen: von der Kleidung (rituelle, festliche, alltägliche Kleidung) bis hin zur Siedlung bzw. Region.“

Der kulturologischen Betrachtung des Phänomens der Provinzkultur gelten — neben den bereits genannten — auch die Analysen von V.Y. Afiani, E.Y. Burlina, N.I. Voronina, E.A. Ermolin, T.S. Slotnikova, N.M. Inyushkin, E.A. Sayko, I.V. Chvanov und anderen Autoren.² Sie heben folgende

---

Petersburg — Provinz: Zwei Metropolen Russlands — historisches Schicksal und einmalige Chance). In: *Российская провинция (Rossijskaja provincija)*, 1993, Nr. 1, S. 16.

¹ Дахин А.В.: *Архетипические корни провинциальной культуры* (A.V. Dachin: *Archetypische Wurzeln der Provinzkultur*). *Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания. (Provinzielle Mentalität Russlands in der Vergangenheit und Gegenwart: Thesen der Vorträge auf der 1. Konferenz für historische Psychologie des russischen Selbstbewusstseins)*. (4–7/VII 1994, Samara), Verlag SamGPI, Samara 1994, S. 9.

² Vgl. z. B.: Афиани В.Ю.: *Провинция: пространство и культурное взаимодействие*. (V. Afiani: *Provinz: Raum und kulturelle Wechselwirkung*). *Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни (Russische Provinz im 18. bis 20. Jh: Realien der Kulturleben)*, Pensa 1996, Bd. 1, S. 25–37; Бурлина Е.Я.: *Мифы провинциальной культуры*. (E. Burlina: *Mythen der Provinzkultur*). In: *Российская провинция (Rossijskaja provincija)*, 1994, Nr. 1, S. 48–51; Воронина Н.И.: *Провинциальная культура как исследовательская проблема*. (N. Voronina: *Provinzkultur als Forschungsproblem*). In: *Регионология (Regionologija)*, 1993, Nr. 2, S. 88–95; Ермолин Е.А.: *Ярославский стиль* (E. Ermolin: *Jaroslawler Stil*), Verlag JaGPU, Moskau-Jaroslavl 2007; Злотникова Т.С.: *География души и география пространства. Чеховская «провинция» в мировой культуре* (T. Zlotnikova: *Geografie der Seele und des Raums. Tschchow's „Provinz“ in der Weltkultur*). In: *Регионология (Regionologija)*, 1994, Nr. 1, S. 111–119; она же: *«Золотой век» русской провинции (XVIII в.)*. (dieselbe Autorin: *Goldenes Zeitalter der russi-*

Merkmale der Provinz hervor: Gemeinsamkeit des nationalen Selbstbewusstseins der Bewohner; kulturell-zivilisatorische und geistig-sittliche Integrität; Traditionalität und sozialpolitische Stabilität; Beständigkeit der Lebensprioritäten; tiefer („vergeistigter“) innerer Gehalt. Unter den Besonderheiten der Provinzkultur werden auch genannt: Naturnähe, die als harmonisches Verhältnis zwischen dem Menschen und der Natur und als Nähe der Kulturprozesse zum Menschen verstanden wird; territoriale Geschlossenheit der Bevölkerung und Entwicklung des lokalen Selbstbewusstseins, die sowohl auf der Ebene der lokalen Ideologie als auch auf der Ebene der Massenpsychologie in Form von Mythen, Traditionen, Heiligtümern, Legenden, Sagen und Helden, die nur für die jeweilige Landschaftseigenen sind, zum Ausdruck kommen; spezifische Wertorientierungen der Bewohner; besondere Lebensweise; Intransparenz und Einzigartigkeit, die dazu führen, dass nur Menschen, die in diesem Milieu aufgewachsen sind, im Stande sind, den existentiellen Kern der Provinzkultur in seiner ganzen Fülle zu erfassen.

II

Die Provinzkultur bietet sich uns als Einheit zweier Gegensätze. Einerseits trägt sie die tiefen Wurzeln der Zivilisation in sich: Sie ist jenes Land, in welches seit jeher die universellen weltanschaulichen aber auch die spezifischen technischen, ästhetischen und andere Elemente der alten Kulturkomplexe verdrängt wurden, wo sie im Verborgenen ihre Arbeit zur Reproduktion der Wertorientierungen fortsetzten. Auch in diesem Sinne bleibt die Provinz „Reservoir des Widerstandes gegen Vereinheitlichung“, „Ressource unserer gemeinsamen Zukunft“ und „lebensspendender Quell

---

schen Provinz (18. Jh.). In: *Волга (Wolga)*, 1995, Nr. 5/6, S. 4–14; Инюшкин Н.М.: *Культурное пространство провинции* (N. Inyushkin: *Kulturraum der Provinz*). In: *Регионология (Regionologija)*, 2003, Nr. 3, S. 316–323; он же: *Провинциальная культура: специфика и проблемы востребования.* (derselbe Autor: *Provinzkultur: Spezifik und Probleme des Gebrauchtwerdens*). Российская провинция XVIII — XX вв. Материалы Всерос. конф. Пенза (Russische Provinz im 18. bis 20. Jh. Beiträge der Allrussischen Konferenz in Pensa), 1996, Bd. 1, S. 82–91; Чванов И.В.: *Провинциализм или провинциальность как два проявления российской ментальности.* (I. Chvanov: *Provinzialismus und Provinzialität als zwei Ausdrucksformen der russischen Mentalität.* In: *Регионология (Regionologija)*, 1995, Nr. 3, S. 174–180.

der russischen Kultur“. Andererseits war das Provinzbewusstsein immer vom *Provinzialismus* geprägt, der immer dazu neigt, das menschliche Kreativitätspotential zu begrenzen. Die Unfähigkeit und der Unwille Neues zu kreieren, der Unglaube, dass das Neugeschaffene von allgemeiner Geltung und Bedeutung sein kann — dies alles bringt einen Provinzialismus hervor, der manchmal auch zur Marginalität hinführt.

Dies können die Ergebnisse von Blitzumfragen der Teilnehmer am Kamtschatka-Training belegen. Dieses Training fand vom 1. bis zum 9. September 2010 in Petropawlowsk-Kamtschatski statt und beinhaltete drei Veranstaltungen: die Schule der Nachwuchsautoren, das Fernöstliche Jugendforum „Provinz als Selbstverwirklichungsort“ und das Jugendseminar zur Identität. An den Veranstaltungen nahmen Studenten, Doktoranden und junge Lehrkräfte aus Hochschulen der russischen Fernostregion teil. Während des Jugendforums wurden die Teilnehmer aufgefordert, innerhalb von zwei Minuten die ersten Merkmale der Hauptstadt und der Provinz, die ihnen einfallen, festzuhalten (Tabelle 1). Es ist klar, dass solche Bilder vor allem auf Klischeevorstellungen beruhen. Bei aufmerksamer Analyse lassen sich daraus aber einige der obengenannten Besonderheiten der Provinz und der provinziellen Kultur ablesen.

Im Bewusstsein der Forumsteilnehmer bilden die Merkmale der Hauptstadt und der Provinz stets eine binäre Opposition, was vorhersagbar und auch verständlich ist. Das System der Gegenüberstellungen berührt praktisch alle Lebensbereiche: Wirtschaft, Verwaltung, Ideologie und Kultur. Darin kommt die große Spannung zwischen dem Zentrum und der Peripherie zum Ausdruck.

Sieht man jedoch von der gewohnten Interpretation des bipolaren Modells ab und betrachtet man die Rezeptionslogik der hauptstädtischen und der provinziellen Lokalität separat, erhalten wir ein recht interessantes Bild. Die Liste der sozialkulturellen Merkmale der Hauptstadt ist logisch und hat keine inneren Widersprüche. Die Charakteristiken der Provinz dagegen sind oft widersprüchlich. Die Provinz, wie sie von Provinzlern wahrgenommen wird, kann nur durch antonymische Strukturen adäquat beschrieben werden. „Übersichtlichkeit“ und „kleine Entfernungen in den Städten“, aber „nicht zwischen den Städten“; einerseits „Simulierung stürmischer Aktivität“, wobei man eine übertriebene, nutzlose und dennoch reale Aktivität meint, und andererseits „gemessene Lebensweise“; einerseits „schlechte Straßen“ und andererseits „hohe Absätze“ als eine Art Kompensation, die zugleich

Tabelle 1

**Bildliche Charakteristiken der Hauptstadt und der Provinz
(nach Ergebnissen einer Blitzumfrage der Teilnehmer
am Kamtschatka-Training)**

Hauptstadt	Provinz
Zentrum	Peripherie
Riesenstadt	Übersichtlichkeit
Große Dimensionen	Kleine Entfernungen in den Städten (jedoch nicht zwischen den Städten)
Ansehen des Landes / Antlitz des Landes	Ferne
Haupteingang des Landes	Hohe Absätze
Energie	Simulierung stürmischer Aktivität
	Nicht sein, sondern scheinen
Aktive Lebensweise	Geruhsame Lebensweise
Fokus von Macht und Wirtschaft	Kontrolllosigkeit der Behörden
Konzentration von Ressourcen und Chancen	Vorhersagbarkeit
Möglichkeit Neues zu wählen	
Großes Kulturangebot	
Viel Unterhaltung	Keine Unterhaltung
	Nichts da, wofür man Geld ausgeben könnte
Gute Straßen	Schlechte Straßen
U-Bahn	Unterentwickelte Infrastrukturen
Polizist bittet, die Registrierung vorzuweisen	Gutherzige Menschen
	Betrunkene Menschen
	Man schätzt die Zeit anderer Menschen nicht
Lärm	Herrenlose Haustiere

den Komplex kultureller Rückständigkeit verrät. Einer der Provinzlehrer, die beim Kamtschatka-Training unterrichten, meinte bildlich: „Je schlechter die Straßen, desto höher die Absätze“.

Man sieht deutlich, dass ein Provinzler seine nahe Umwelt subjektiv, dialektisch und mitunter ironisch wahrnimmt, indem er wenigstens teilweise die Klischees des „kollektiven Bewusstseins“ überwindet. Der Hauptstadtmythos dagegen wird abstrakt, schematisch und eigentlich ziemlich gleichgültig wiedergegeben.

Provinzwelt und Hauptstadtmythos: So reimt die Mentalität eines Provinzbewohners die Dichotomie seiner Identität.

III

Im Unterschied zum Provinziellen beruht die Eigenart des Regionalen auf einem ganzen Komplex von eigenständigen, also nicht vom Zentrum abhängigen, Voraussetzungen: geografischen, natürlichen, historischen, sozialen, allgemeinkulturellen usw.

Die Bemühungen um die Definition des Begriffs „Region“ steigerten sich im letzten Viertel des 20. Jahrhunderts im Zusammenhang mit den Regionalisierungsprozessen, die sich sowohl auf globaler als auch auf nationaler, auch russischer, Ebene entfalteten. Der Begriff Region spielte eine immer wichtigere Rolle in Geografie, Wirtschaftswissenschaft, Politologie, Soziologie, Kulturologie und anderen Geisteswissenschaften. Verallgemeinert man die Ansätze seiner Definition, gelangt man zu folgenden Feststellungen:

1. Grundvoraussetzung jeglicher Kultur ist der Augenblick, in dem sich „die Menschenseele gegen die Seele der Landschaft“ behauptet (Oswald Spengler). Dies trifft auch auf die regionale Kultur zu. Eine Region ist stets mit einem bestimmten Territorium bzw. mit einer bestimmten Landschaft verbunden. Nicht von ungefähr werden die regionalen Typen meist mit geografischen Namen in Verbindung gebracht: Pomoren (nordische Küstensiedler), Sibirier, Wolgaer, Kaukasier usw.

2. Zugleich überwindet humanitäres Wissen die Grenzen der strengen regionalen Gliederung. Die Forscher stellen fest, dass diese Grenzen verschwommen, diffus und transparent sind, sodass sich die regionalen Kulturen gegenseitig beeinflussen und in einen Dialog treten.¹

---

¹ Vgl. z.B.: Региональные культурные ландшафты: история и современность. Материалы всероссийской научной конференции / ред. Н.П. Дворцовой (*Regionale Kulturlandschaften: Geschichte und Gegenwart. Beiträge der allrussischen wissenschaftlichen Konferenz*. Hrsg.: .P. Dvortsova). Verlag Tjumen, Tjumen 2004, 288 Seiten; *Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии*. научный сборник (сборник научных трудов. Часть 1), науч. ред. Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская. (*Kulturuniversum im Themenfeld von Kulturwissenschaft, Geschichte, Philosophie, Kunstwissenschaft und Philologie*. Sammelband, Teil 1. Hrsg.: T. Zlotnikova, N. Didkovskaya). Verlag JaGPU, Jarolawl 2009, 152 Seiten.

3. Man behauptet mit Fug und Recht, dass die Anzahl der Regionen historisch nicht vorprogrammiert sei und dass die globalen historisch-kulturellen Prozesse variabel sind.¹ Dabei können wir sowohl Fusionen als auch Spaltungen von Kulturregionen beobachten. Die Integration schließt Differenzierungen nicht aus.

4. Wie bereits festgestellt, ist die Region im Gegensatz zur Provinz relativ autark. Gegenwärtig aber, wo wir Zeugen komplexer geopolitischer Prozesse sind, wäre es falsch, die Autarkie der Regionen überzubetonen. Dieser Trend ist nicht zu leugnen, was in der Lebensfähigkeit der Regionen, ihrer Beständigkeit und langwährenden Existenz zum Ausdruck kommt. Gegenwärtig jedoch wird man sich immer mehr bewusst, dass eine beliebige historisch-kulturelle Region Teil eines größeren Gebildes und auch Teil der Weltgemeinschaft ist.

5. Es lassen sich mehrere Qualitätsstufen bzw. Zustandsvarianten einer Region feststellen: Die geo-biologische Balance, wo der Mensch entweder noch Teil der Tierwelt ist oder seine Anwesenheit noch nicht sichtbar gemacht hat; die geo-bio-soziokulturelle Einheit, wo sich der Mensch von der Biosphäre abhebt und ein selbständiges regionales Untersystem bildet (zwischen Mensch und Natur herrscht ein relatives Gleichgewicht); die soziokulturelle bzw. anthroposphärische Einheit, wo das soziokulturelle Untersystem nicht nur da ist, sondern schon eine entscheidende, dominante Bedeutung erlangt hat (die technischen Möglichkeiten machten die Handlungen des Menschen mit Naturgewalten vergleichbar).² Die genannten Varianten des Qualitätszustandes einer Region unterscheiden sich voneinander durch den Ausformungsgrad der soziokulturellen Komponente. Mit dem Anwachsen der technischen Macht des Menschen verstärkt sich auch das Ungleichgewicht des Systems, die Wahrscheinlichkeit seiner zukünftigen Umgestaltung nimmt zu.

---

¹ Vgl. z.B.: *Современные трансформации российской культуры* / Отв. Ред. И.В. Кондаков; Науч. Совет РАН «История мировой культуры» [*Zeitgenössische Transformationen der russischen Kultur*. Hrsg.: I. Kondakov; wissenschaftlicher Rat der RAdW „Geschichte der Weltkultur“), Nauka, Moskau 2005, 751 Seiten.

² Кривич Н.А.: *Художественная культура Приморского Края в древности и средневековье: проблемы формирования, динамики, типологии*. (N. Krivich: *Künstlerische Kultur der Region Primorje im Altertum und Mittelalter: Probleme der Entstehung, Dynamik und Typologie*). Exposé der Doktorschrift im Fach Kulturwissenschaft. St. Petersburg, 2001, S. 12.

Die Wahl des operationalen Begriffs „Region“ und seine Interpretation werden in der Regel durch die Besonderheiten der wissenschaftlichen Disziplin, in deren Rahmen diese oder jene Forschung durchgeführt wird, und von dem Zweck der konkreten Forschung diktiert. Die Kulturwissenschaftlerin M.G. Kazakova zum Beispiel verbindet mit dem Begriff Region folgenden Inhalt:¹

„... Ein räumlich-zeitlicher Komplex mit einer besonderen und einzigartigen Konfiguration von Zügen, die für die Reproduktion, die Selbstbestimmung und die menschliche Tätigkeit von Individuen eines bestimmten regionalen Typs notwendig ist, welcher sich als Ergebnis von naturlandschaftlichen Anpassungen sowie ethnisch-nationalen und soziokulturellen Prozessen, die auf dem konkreten Territorium vor sich gehen, herausgebildet hat“.

Von den unterschiedlichen Niveaus der sozialökonomischen und soziokulturellen Entwicklung der russischen Regionen ausgehend, kann man von „peripheren Regionen“ (im modernen politisch-ökonomischen Sprachgebrauch sind es „Empfängerregionen“) und „zentralen Regionen“ (große Industrieballungsgebiete bzw. „Geberregionen“) sprechen. Ein markantes historisches Beispiel für eine zentrale Region ist der Ural. Frau Kazakova analysiert die Genesis seiner Regionalkultur wie folgt:²

„Im Verlaufe des 18. und 19. Jahrhunderts war der Ural als territoriale Provinz des Russischen Staates jedoch weder eine wirtschaftliche noch eine soziokulturelle Provinz, weil er den industriellen Kern des landwirtschaftlichen Russlands bildete. Seine Bevölkerung, in dieser oder jener Weise mit hochtechnologischen Produktionen verbunden, zeichnete sich durch ein hohes Bildungsniveau aus: Der Anteil der Lese- und Schreibkundigen erreichte in verschiedenen Bevölkerungsgruppen 60 Prozent, was bedeutend über den russischen Durchschnittswerten lag. Hier entstand ein dichtes Netz von Bergwerks- und Klosterschulen. Im Unterschied zum „hölzernen“ Russland hörte hier nie der Steinbau auf. Das Leben in den Häusern der Bergwerksbesitzer folgte den hauptstädtischen Mustern, sie besaßen große

---

¹ Казакова М.Г.: *«Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках.* (M Kazakova: *Regionale Kultur und Provinzkultur: Ihre wesentlichen Charakteristiken.*) In: *Вестник Московского государственного университета культуры и искусства (Kurier der Moskauer Staatlichen Universität für Kultur und Kunst)*, 2007, Nr. 3, S. 112.

² Ebd., S. 113.

Bibliotheken (besonders berühmt war die Demidow-Bibliothek). Die vornehmen Damen in den Städten kleideten sich nach der hauptstädtischen und sogar nach der Pariser Mode.“

Wir definieren die Regionalkultur als Produkt von eigentümlichen soziokulturellen Prozessen auf einem bestimmten Territorium. Es handelt sich um ein systemisches, polysphärisches und vielschichtiges Gebilde, das genetisch mit der sogenannten „Mutterkultur“ bzw. Nationalkultur verbunden ist und sowohl ihre gemeinsamen Züge und Entwicklungsgesetzmäßigkeiten als auch eigene einzigartige Besonderheiten in sich trägt. Die Hauptfunktion der Regionalkultur besteht darin, das kulturelle Leben der Region zu *reproduzieren* und die Kontinuität des regionalen Kulturprozesses zu gewährleisten.

Nicht jede Kultur dieser oder jener Region lässt sich als Regionalkultur bezeichnen. Dafür muss die Region einen bedeutenden Beitrag zur gesamtnationalen Kultur leisten und auch einen bestimmten regionalen Persönlichkeitstyp reproduzieren. Die Zugehörigkeit zu solchen regionalen Typen führt dazu, dass einige typische Züge, die sich fest im gesellschaftlichen Bewusstsein verankert haben, auf Individuen übertragen werden. Es gilt allgemein, dass die Pomoren zum Beispiel ernst und wortkarg, die Sibirier ausgeglichen und beharrlich und die Kaukasier temperamentvoll sind. Dafür gibt es viele Belege in der russischen Literatur, wo verschiedene Menschentypen beschrieben werden.

IV

Wie verhält sich die Regionalkultur zur Provinzkultur und zur Hauptstadtkultur? Einerseits ist sie nicht hauptstädtisch und müsste deshalb als Provinzkultur eingestuft werden. Andererseits sind die hauptstädtischen Kulturen von Moskau und Sankt Petersburg zweifellos Elemente der Kulturen der Zentralen und der Nordwestlichen Regionen Russlands. Andererseits fungiert beispielsweise die Kultur von Jekaterinburg und Tscheljabinsk, die gegenüber der Moskauer und Sankt Petersburger Kultur provinziell ist, für die kleineren Städte des Mittleren und Südlichen Urals als „hauptstädtische“ Kultur. Mit anderen Worten, handelt es sich beim Problem der Regionalkultur Russlands zum Teil um die innere Entwicklung und das Zusammenspiel von Provinz- und Hauptstadtkultur. Der Begriff Regionalkultur setzt gegenwärtig also voraus, dass die Provinzkultur und die Hauptstadtkultur ineinander übergehen.

Der wesentliche Unterschied zwischen der Provinzkultur und der Regionalkultur wird in den Funktionen, die sie umsetzen, sichtbar. V.B. Balachansky nennt vier Funktionen der Provinzkultur: Sie fungiert als Trägerin der Volkstraditionen, sie sichert die Kontinuität der nationalen Charakterzüge, sie gewährleistet die politische Stabilität der Gesellschaft und festigt die Positionen der nationalen Sprache.¹ Die Funktionen der Regionalkultur wurden von I.Y. Murzina definiert. Das sei erstens die Funktion, einen bestimmten Persönlichkeitstyp hervorzubringen. Die zweite Funktion sei eine regulative: die Beziehungen in der Gesellschaft mit den geltenden Gesetzen und den lokalen Traditionen in Übereinstimmung zu bringen. Die dritte, axiologische Funktion: ein Wertesystem, gestützt auf die Traditionen sowohl der lokalen Bewohner als auch der zugezogenen Menschen, herauszubilden. Die vierte, symbolische Funktion: den Lebensraum mit bedeutsamen Symbolen zu füllen. Und schließlich die fünfte, die kommunikative Funktion.²

Die Ähnlichkeit der aufgezählten Funktionen der Provinzkultur und der Regionalkultur ist deutlich und erklärbar. Sie darf aber ihre Unterschiede nicht verdecken. Die Hauptfunktion der Regionalkultur liegt in der Menschenerziehung, sie lässt einen Persönlichkeitstyp entstehen, der alles andere als provinziell ist. Die Provinzkultur kann gewiss nicht ohne ihren Träger, ohne den Provinzler, existieren. Einem Provinzler sind der Hang zur Abgeschlossenheit, die Liebe zum gemessenen und gemächlichen Leben sowie das Raumerleben eigen, kurzum, um mit Y.M. Lotman zu sprechen, die Liebe zum Heimischen, Gewohnten und Bekannten. Das alltägliche Leben ist für einen Provinzbewohner nicht so standardisiert und mechanisiert

---

¹ Балаханский В.Б.: *Провинциальная культура и объяснение событий Российской истории // Российская провинция XVIII — XX веков: реалии культурной жизни. III всерос. науч. конф. (Пенза, 25–29 июня 1995): материалы / Союз краеведов России, Департамент культуры Пензен. обл. (V. Balachansky: *Provinzkultur und Erklärung der Ereignisse der russischen Geschichte, in: Russische Provinz im 18. bis 20. Jh.: Realien des Kulturlebens*. 3. Allrussische wissenschaftliche Konferenz (Pensa, 25.-29. Juni 1995), Beiträge, Heimatkundlervverband Ruslands, Kulturdepartement des Gebiets Pensa), Pensa 1996, Bd. 2, S. 232–236.*

² Мурзина И. Я.: *Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания*. (I. Murzina: *Phänomen der Regionalkultur: Suche nach Qualitätsgrenzen und einer Beschreibungssprache*), Uraler Staatliche Pädagogische Universität, Jekaterinburg 2003, S. 47–52.

wie für einen Hauptstädter. Zugleich bleiben die Schöpfer der Provinzkultur oft anonym bzw. in der Gemeinschaft aufgelöst. Markante, charismatische Persönlichkeiten, die die Provinz hervorbringt, prägen das nationale Kulturerbe hauptsächlich über die Teilhabe an der hauptstädtischen Kultur mit, die die besten Leistungen der russischen Regionen in sich aufnimmt. In jedem Falle bleibt die Gestaltung einer persönlichen schöpferischen Strategie im Rahmen der Provinzkultur immer problematisch.

Zum Unterschied vom Provinzler weist der regionale Persönlichkeitstyp ebenfalls Züge von Autarkie und Unabhängigkeit auf, was ihm erlaubt, mit einem Hauptstädter auf gleicher Augenhöhe zu reden. Solche Selbstbezeichnungen wie Sibirier, Uraler, Pomore usw. haben nichts mit der Selbsterniedrigung zu tun, die im Wort „Provinzler“ mitschwingt, im Gegenteil: Sie enthalten einen Anspruch auf Relevanz der regionalen Identität und des regionalen Selbstbewusstseins, einen gewissen Stolz, ja sogar eine Herausforderung. In diesem Zusammenhang sei auf eine aufschlussreiche Beobachtung Maxim Gorkis verwiesen:¹

„Platon Karatajew und Kalinytsch sind zweifellos russische Bauern, sie sind aber Bauern aus dem Moskauer Mittelland, solche „sanften“ Typen kommen jedoch an der Wolga sehr selten vor, und in Sibirien sind sie kaum möglich...“

Außerdem hat die Regionalkultur nicht nur die Funktion, die volkstümlichen Traditionen zu erhalten (in diesem Sinne stimmt sie mit der Provinzkultur überein), sondern auch im Rahmen der Nationalkultur neue Trends hervorzubringen. In diesem Zusammenhang sei an die Rolle des Urals im Werdegang der technischen und industriellen Kultur Russlands erinnert, die diese Region kaum hätte spielen können, hätte es keine „hohe Uraler Tradition“ gegeben, „wo der Leiter eines Werkes oder eines Bergbaubezirks — oder auch der Berggeneral selbst — nicht einfach ein Geschäftsführer, sondern auch ein Gelehrter“ gewesen wäre.²

---

¹ Zitiert nach: Лазарев А. И.: *Региональные аспекты изучения фольклора и литературы*. Региональные аспекты изучения литературы и фольклора на материале Урала. Межвуз. сб. Челябинск (A. Lazarev: *Regionale Aspekte der Folklore- und Literaturforschung*. In: *Regionale Aspekte der Folklore- und Literaturforschung am Beispiel des Urals*, Sammelband. BGU-Verlag, Ufa 1984, S. 6.

² Иванов А.: *Хребет России* (A. Ivanov: *Russlands Rückgrat*). Asbuka-Klassika, Sankt Petersburg 2010, S. 199.

V

Das Wesen des „Regionalen“ beruht auf einem ganzen Komplex von eigenständigen und vom Zentrum unabhängigen Voraussetzungen: Es handelt sich um natürlich-landschaftliche, wirtschaftliche, sozialpolitische und allgemeinkulturelle Besonderheiten. Die zeitliche und räumliche Umsetzung der Kultur hat hier einen konkreten historischen, natürlich-biologischen und geopolitischen Inhalt, dabei sind der zeitliche Verlauf und die räumliche Existenz des Regionalen mit dem Ganzen, also mit dem Land und dem Zentrum, durchaus kompatibel. Die Eigenart des „Provinziellen“, das stets im Verhältnis zum Zentrum definiert wird, besteht im Vorhandensein eines Chronotopos, der die Einzigartigkeit der Lebensordnung, der Lebenskultur und des Kulturschöpfungsprozesses bestimmt.

*Ulrike Huhn*¹

**ERINNERUNGSKULTUREN
UND IDENTITÄT — BEOBACHTUNGEN
ZU VERGANGENHEITSDEBATTEN
IN DEUTSCHLAND UND RUSSLAND²**

Die kritische Erinnerung an den Zweiten Weltkrieg und den Nationalsozialismus ist im heutigen Deutschland von herausragender Bedeutung. Neue Erkenntnisse über die Verantwortung von historischen Persönlichkeiten oder staatlichen Institutionen wie jüngst über die Beteiligung des Auswärtigen Amtes am Holocaust werden in der Öffentlichkeit mit größter Aufmerksamkeit registriert.³ Bezogen auf Täter und Opfer des Nationalsozialismus existiert eine Vielzahl von Gedenkstätten, Denkmälern

---

¹ Ulrike Huhn, wissenschaftliche Mitarbeiterin am Lehrstuhl für Geschichte Osteuropas in Humboldt-Universität Berlin.

² Überarbeitete Fassung eines am 7.9.2010 an der Universität von Petropavlovsk-Kamchatskij von Ulrike Huhn gehaltenen Vortrags.

³ Vgl. Friedmann, Jan; Wiegrefe, Klaus: *Angriff auf die „Mumien“*. (Über den Bericht der Historikerkommission zur Beteiligung des Auswärtigen Amtes am Holocaust). Spiegel, 2010. Jg. 43, S. 36–38.

und Denkzeichen.¹ Die Erinnerung an und Reflexion von Ursachen und Verantwortlichkeit des Nationalsozialismus wird heute gleichermaßen von privaten und gesellschaftlichen Initiativen und Organisationen wie von staatlichen Einrichtungen getragen. Parallel dazu entwickelte sich eine (populär-)wissenschaftliche Auseinandersetzung mit diesem Boom und den Formen des Gedenkens sowie der Austausch über die Pädagogik des Gedenkens.²

Hierfür gibt es viele Ursachen: An erster Stelle steht die Tatsache, dass die Auseinandersetzung mit der nationalsozialistischen Vergangenheit ein Kernpunkt heutiger deutscher Identität ist. Auch wer als Migrant nach Deutschland kommt bzw. mit (so der neudeutsche Terminus) „Migrationshintergrund“ in Deutschland geboren worden ist, muss sich nolens volens mit dieser deutschen Geschichte und seiner Bedeutung für das deutsche Selbstverständnis auseinandersetzen. Das ist gerade deshalb so, weil die beiden deutschen Staaten und das nun vereinigte Deutschland einen langen Weg gegangen sind, um die Verantwortung für die von Hitler-Deutschland verübten Verbrechen anzuerkennen — der seit 1945 andauernde Prozess der gesellschaftlichen Auseinandersetzung ist daher selbst schon Teil deutschen Selbstverständnisses geworden. Zweitens ist dieser Prozess durch die europäische Einigung, vor allem aber durch die Öffnung und Erweiterung Kern-Europas gen Osten nach dem Epochenjahr 1989 erneut erschüttert und geschärft worden: Der Austausch mit den Ländern Ostmitteleuropas, die hinter dem Eisernen Vorhang sichtbar wurden, konfrontierte die in Mitteleuropa etablierte Haupterinnerung des 20. Jahrhunderts, nämlich die an Weltkrieg und Holocaust, plötzlich mit einer anderen Erfahrung von diktatorischer Gewalt und Terror, mit der des Stalinismus.³ Die nunmehr neuen Mitgliedsländer der Europäischen Union

---

¹ S. *Gedenkstätten für die Opfer des Nationalsozialismus. Eine Dokumentation.* (Hrsg.: Endlich, Stefanie u. a.) Bundeszentrale für Politische Bildung, Bonn, 2002

² Nur ein Beispiel unter vielen: Vgl. *Lexikon der „Vergangenheitsbewältigung“ in Deutschland. Debatten- und Diskursgeschichte des Nationalsozialismus nach 1945.* (Hrsg.: Fischer, Torben u. a.). transcript, Bielefeld 2007.

³ Vgl. Troebst, Stefan: *Jalta versus Stalingrad, GULag versus Holocaust. Konfigurierende Erinnerungskulturen im größeren Europa.* In: *Berliner Journal für Soziologie*, 2005, Jg. 15, H. 3, S. 381–400. Online verfügbar unter <http://www.springerlink.com/content/992581x5327r4132/fulltext.pdf> (Abruf 24.01.2011).

brachten ihre Erfahrungen mit der stalinistischen bzw. sowjetischen Fremdherrschaft selbstbewusst in die europäische Debatte ein. Nachdem „Auschwitz“ im „alten“ Europa zur Chiffre für die Verbrechen des Holocaust geworden war, mussten die Alt-Europäer ein neues Schlagwort erlernen: „Jalta“, der Ort, an dem Stalin und die westlichen Alliierten im Februar 1945 die sowjetischen Einflusszonen im Nachkriegseuropa aushandelten.

„GULag“ wurde zu einer neuen Chiffre, unter der die Deportationserfahrungen von Tausenden Bürgern der baltischen Staaten, der „West“-Ukraine und des westlichen Belarus⁴ nach 1939/40 subsumiert wurden und mit der die in Mitteleuropa dominierende Erinnerungskultur des Nationalsozialismus herausgefordert wurde. Diese Erweiterung des Gedenkens stieß in der Folge aber auch wieder neue Debatten darüber an, ob nicht auch deutsche Staatsbürger, die infolge von „Jalta“ und der Verschiebung der Staatengrenzen 1945 aus ihrer Heimat vertrieben worden sind, als „Opfer“ anerkannt werden müssten. Die Auseinandersetzung, welche Opfergruppen in welcher Form gewürdigt werden sollten, hatte und hat zutiefst politische Implikationen in der europäischen Arena; das Verhältnis zwischen Polen und Deutschland war in den letzten Jahren immer wieder durch diese Fragen belastet. Diese vielfältigen nationalen und internationalen Debatten machten daher auch eine wissenschaftliche Auseinandersetzung mit dem Erinnerungsprozess und seinen Kulturen in Europa notwendig. In Russland selbst, als Kernland der ehemaligen Sowjetunion, verlaufen diese Debatten um die Vergangenheit aus verschiedenen Gründen anders. Der Artikel will nach einer kurzen Einführung in die Begrifflichkeiten der deutschen Auseinandersetzung mit seiner Vergangenheit zunächst die Hauptlinien dieses historischen Prozesses seit 1945 für die beiden deutschen Staaten sowie das vereinigte Deutschland nachzeichnen. Anschließend sollen drittens einige Thesen zum russischen Stand der Auseinandersetzung mit seiner schwierigen Geschichte vorgestellt werden — auch wenn dies zwangsläufig aus der nun zu schildernden spezifisch deutschen Perspektive geschieht.

I. Begriffe, Debatten, Perspektiven

Was meint der Begriff „Erinnerungskultur“? In Deutschland hat dieser Terminus erst im Laufe der 1990er Jahre in der Geschichtswissenschaft Verwendung gefunden. Er zielt auf die — schon ältere — Einsicht ab, dass jede Erinnerung an Vergangenes konstruiert ist und im Hinblick auf Vergangenheit und Zukunft geschieht, mithin ihre Bedeutung hat in der

Schaffung einer Identität von Gruppen, Gesellschaften und Nationen. Wird diese Einflussnahme auf das Geschichtsbild einer breiten Öffentlichkeit aus politischen Gründen — meist von Seiten des Staates — gezielt praktiziert, spricht man von „Geschichtspolitik“.¹ Das ist besonders sichtbar bei staatlichen Umbrüchen: so wurden die in der DDR dominierenden Denkmäler und Straßennamen kommunistischer Widerstandskämpfer gegen den Nationalsozialismus vielerorts beseitigt.

„Nichts ist so schwer vorherzusagen wie die Vergangenheit“, lautet eine treffende ironische Wendung für diese Veränderungen im staatlichen Geschichtsbild. Interessant ist in diesem Zusammenhang, dass im heutigen Russland trotz der immensen politischen Umbrüche die meisten alten Denkmäler und Straßennamen unangetastet geblieben sind, sich die heutige Regierung nicht von der Geschichtspolitik der Sowjetunion abgrenzt, obwohl dennoch andere Akzentuierungen erfolgen. Gerade unter autoritären oder diktatorischen Regimen gibt es jedoch einen weiteren Faktor, der oft im Gegensatz zum offiziell vermittelten Geschichtsbild steht: eine individuelle, familiäre oder auch von Kirchen getragene Erinnerungskultur wie z.B. in der Volksrepublik Polen vor 1989.

Im heutigen Deutschland fokussiert die vorherrschende Erinnerungskultur auf den Holocaust und die anderen Opfer des Nationalsozialismus, im geringeren Maße auf die Verbrechen des kommunistischen Regimes in der DDR: einerseits deshalb, weil der kommunistische Staat nur in einem Teil des heutigen Deutschlands bestanden hat, andererseits auch aus dem Grund, dass die DDR zwar kein Rechtsstaat war, aber auch keine Massenverbrechen und keinen Genozid verübt hat. An diesem Beispiel lässt sich jedoch noch ein anderes Phänomen beobachten, nämlich das einer Konkurrenz verschiedener Formen und Inhalte des gesellschaftlichen Gedenkens. Das ist sowohl innerhalb einer Gesellschaft wie auch zwischen verschiedenen Staaten möglich, wie die zwischen Deutschland und Polen sowie Polen und Russland ausgetragenen Konflikte um die Deutung der Vergangenheit zeigen.

Allerdings entwickelt sich nach und nach in den Länder der Europäischen Union etwas wie eine gemeinsame, internationale Erinnerungskultur, die

---

¹ Vgl. *Geschichtspolitik und kollektives Gedächtnis. Erinnerungskulturen in Theorie und Praxis*. (Hrsg.: Schmid, Harald). V&R unipress (Formen der Erinnerung), Göttingen 2009.

gerade darauf abzielt, verschiedene Perspektiven auf das Vergangene zu integrieren. Auch dieses Phänomen zeugt gleichermaßen von einer politischen Notwendigkeit: der lange Prozess der europäischen Aussöhnung und Einigung muss notwendigerweise von der Ausbildung einer gemeinsamen europäischen Identität begleitet werden.

II. Die Auseinandersetzung mit den Verbrechen des Nationalsozialismus in den beiden deutschen Staaten nach 1945 und die Herausbildung der heutigen Erinnerungskultur

Am Beginn der Auseinandersetzung mit den Verbrechen des Nationalsozialismus stand die strafrechtliche Verfolgung durch die alliierten Siegermächte in den Nürnberger Prozessen. Nur der erste, der Nürnberger Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher, der im November 1945 eröffnet wurde, fand vor einem gemeinsamen Internationalen Militärgerichtshof der vier Siegermächte statt. Zwölf der 24 Hauptangeklagten wurden nach fast einjähriger Prozessdauer im Oktober 1946 zum Tode, weitere sieben zu langen Haftstrafen verurteilt. Die unüberbrückbaren Differenzen der Alliierten führten dazu, dass — parallel zur unterschiedlichen Entwicklung der drei Westzonen und der Sowjetischen Besatzungszone (SBZ) — auch die strafrechtliche Verfolgung sowie die Bewertung des Nationalsozialismus mit unterschiedlichen Zielsetzungen und Maßstäben verliefen.

In der Sowjetischen Besatzungszone und später in der DDR existierten sog. „Speziallager“ für Internierte der Sowjetischen Militäradministration in Deutschland (SMAD), die am Anfang unter der Verwaltung des NKVD standen und entsprechend nicht an rechtsstaatlichen Normen orientiert waren. Bis 1948, d.h. in einem Zeitraum von drei Jahren, wurden keine Entlassungen vorgenommen. Wurden anfangs tatsächlich Menschen für die vermutete oder nachgewiesene Tätigkeit in nationalsozialistischen Organen inhaftiert, stieg mit den Jahren die Zahl derjenigen Internierten, die als Opponenten der neuen sozialistischen Ordnung festgenommen worden waren, ohne dass sie Nazis gewesen wären. Einige Monate nach der Gründung der DDR im Oktober 1949 wurden die Speziallager der neuen Staatsführung unterstellt, die nun Schauprozesse für die Inhaftierten durchführen ließ. Diese — nach dem Gerichtsort als „Waldheimer Prozesse“ bezeichneten — Verfahren verstießen in jeglicher Hinsicht gegen grundlegende Rechtsnormen: Die einzelnen Verhandlungen und Anhörungen dauerten oft nur wenige Minuten. Die meisten Angeklagten wurden zu

hohen Haftstrafen zwischen 15 und 25 Jahren verurteilt, vereinzelt gab es auch Todesurteile. Die „Waldheimer Prozesse“ sollten die konsequente und unnachgiebige Haltung der DDR-Führung gegenüber den Funktionären des Dritten Reiches demonstrieren, zugleich aber auch einen Schlussstrich unter die Untersuchung der Verbrechen des Nationalsozialismus ziehen. In der Folge wurde die Doktrin des Antifaschismus wichtiger Bestandteil der Staatsideologie der DDR: sie machte den Bürgern des jungen Staates das verlockende Angebot, den Faschismus als Folge von Kapitalismus und Imperialismus zu werten, der in der DDR qua Wirtschaftsordnung überwunden sei. Fragen nach eigener Beteiligung und Verantwortung für die verbrecherische Politik des Nationalsozialismus konnten so bequem verdrängt werden. Die Bürger der proklamierten „antifaschistischen“ DDR konnten so auf die Seite der „Sieger der Geschichte“ wechseln. Es war diese Doktrin, die dem Staat über Jahrzehnte hinweg tatsächlich auch unter kritischen Intellektuellen eine große Legitimität verschaffte und sie die DDR als „besseren deutschen Staat“ verteidigen ließ. Die im starken Kontrast zum benachbarten Polen stehende innere Stabilität der DDR bis in das Jahr 1989 hinein lässt sich zum Teil mit dieser spezifischen Loyalität erklären.¹

In den westlichen Besatzungszonen fanden weiterhin Strafprozesse gegen Funktionsträger des Dritten Reiches statt, die an den Verbrechen des Nationalsozialismus beteiligt waren. Nach der Gründung der BRD (ebenfalls 1949) drängten die westlichen Alliierten allerdings nicht mehr darauf, dass die verhängten Haftstrafen auch tatsächlich verbüßt wurden. Stattdessen nahmen sie die vorzeitige Haftentlassung von verurteilten Kriegsverbrechern hin, da für sie unter dem Vorzeichen des Kalten Krieges die Eingliederung des jungen Staates in das westliche Bündnissystem NATO wichtiger geworden war. Manchem ehemaligen Kriegsverbrecher gelang damit schnell die Re-Integration in die Gesellschaft und manchmal sogar die Rückkehr in die Politik.

Es sollte fast zehn Jahre dauern, bis 1958 das erste eigenständig von einem bundesdeutschen Gericht verantwortete Strafverfahren stattfand. Im so genannten „Ulmer Einsatzgruppenprozess“ 1958 wurden zehn Männer

---

¹ Vgl. Agethen, Manfred: *Der missbrauchte Antifaschismus. DDR-Staatsdoktrin und Lebenslüge der deutschen Linken*. Orig.-Ausg. Herder. Freiburg im Breisgau 2002.

verurteilt, die unmittelbar an Massenerschießungen von Juden in der besetzten Sowjetunion beteiligt waren.

Gegen das Vergessen und Verdrängen unter den Insignien des westdeutschen Wirtschaftswunders trommelte der spätere Literatur-Nobelpreisträger Günter Grass mit seinem Roman „Die Blechtrommel“ an, der 1959 erschien. Große Publizität erzeugten wenige Jahre später die Debatten um die Aussetzung der Verjährungsfrist für Verbrechen des Nationalsozialismus; dies war Voraussetzung für weitere große Strafprozesse der 1960er und 70er Jahre gegen Aufseher in den Konzentrationslagern Auschwitz und Majdanek. Ein Kulminationspunkt in der Frage um das Eingeständnis deutscher Schuld war die Reise des sozialdemokratischen Bundeskanzlers Willy Brandt nach Warschau im Dezember 1970: Brandt, der während der NS-Zeit im Widerstand bzw. später im Exil war, kniete während einer offiziellen Zeremonie spontan vor dem Denkmal des Warschauer Ghetto-Aufstandes nieder. Diese symbolische Handlung löste innerhalb der deutschen Gesellschaft erbitterte Diskussionen aus.

Es war ein langer und vor allem von kleinen zivilgesellschaftlichen Initiativen erstrittener Prozess, bis sich in der Bundesrepublik die Einsicht durchsetzte, dass die Politik des Dritten Reiches in ihrem Kern verbrecherisch war und bis der staatlich organisierte und mit industrieller Effektivität durchgeführte Massenmord an den europäischen Juden als „Zivilisationsbruch“ diskutiert und akzeptiert wurde.¹

Diese Debatten setzten sich auch in dem seit 1990 wiedervereinigten Deutschland fort: So demonstrierte die zwischen 1995 und 2004 in vielen deutschen Städten gezeigte Wanderausstellung „Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941-1944“ mithilfe vieler Dokumentarfotos einer breiten Öffentlichkeit, wie sehr auch die bis dahin als „sauber“ geltende Wehrmacht in die Massenvernichtung der osteuropäischen Zivilbevölkerung involviert war. Das löste erhitzte Debatten und sogar Demonstrationen gegen die Präsentation der Ausstellung aus — auch deshalb, weil von den

---

¹ Vgl. Ке́ниг Хельмут: *Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ*. (König, Helmut: *Erinnerung an Nationalsozialismus, Holocaust und dem 2. Weltkrieg im politischen Bewusstsein der BRD*) In: *Неприкосновенный запас (Neprikosnovennyj zapas)* 2005, Jg. 40-41, H. 2-3. Online verfügbar unter <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html> (Abruf 24.01.2011).

Ausstellungsmachern Fotos verwendet wurden, die angeblich faschistische Verbrechen dokumentierten, tatsächlich aber Leichen von Menschen zeigten, die kurz *vor* dem Einmarsch der Wehrmacht in den Stunden des Rückzugs noch vom sowjetischen NKVD getötet worden waren. An diesem Punkt artikulierte sich wieder einmal auch die Frage, in welchem Verhältnis die „Verbrechen der anderen“ zu den „eigenen Verbrechen“ stehen.¹ Ähnliches gilt für die Frage, wie der Leidensweg der deutschen Zivilbevölkerung zu bewerten sei, die aus ihrer alten Heimat — die nun zu Russland, Polen oder der damaligen Tschechoslowakei gehörte — vertrieben wurden.

Ein offenkundiges Zeichen dafür, dass der deutsche Staat — und mit ihm weitgehend auch seine Bürger — die historische Schuld für die Verbrechen des Holocaust akzeptiert, wurde das „Denkmal für die ermordeten Juden Europas“, das im Mai 2005 in unmittelbarer Nähe des Brandenburger Tores und des Bundestages eröffnet wurde.²

Die Existenz eines vielfältigen Netzes von Gedenkstätten, Gedenktafeln und Bildungseinrichtungen, die sich auf nationalsozialistische Verbrechen beziehen, ruft manchmal aber auch (selbst-)ironische Kommentare hervor über die Deutschen als „Weltmeister der Vergangenheitsbewältigung“ und wirft Fragen nach einem „Diktat der Aufarbeitung“ auf.³ Tatsächlich ist auch dieser lange Prozess der Auseinandersetzung mit der schwierigen Vergangenheit heute — paradox genug — Bezugspunkt für eine positive Identifikation mit Deutschland, so dass sich die deutsche Identität heute nicht mehr nur aus dem erfolgreichen gesellschaftlichen Transformationsprozess, den starken demokratischen Strukturen und der wirtschaftlichen Stärke speist.

---

¹ Vgl. Wette, Wolfram: *Hitlers Wehrmacht. Etappen der Auseinandersetzung mit einer Legende*. In: Osteuropa, 2005, Jg. 55, H. 4-6, S. 127–134.

² Vgl. Welzer, Harald: *Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte als Arena der Politik*. In: Osteuropa, 2005, Jg. 55, H. 4-6, S. 9–19 sowie Assmann, Aleida: *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C.H. Beck, München 2006.

³ Vgl. *Aufarbeitung der Diktatur — Diktat der Aufarbeitung. Normierungsprozesse beim Umgang mit diktatorischer Vergangenheit*. (Hrsg.: Hammerstein, Katrin u.a.). Wallstein (Diktaturen und ihre Überwindung im 20. und 21. Jahrhundert), Göttingen 2009.

III. Beobachtungen und Thesen zur russischen Erinnerungskultur ***Woran erinnern, wem gedenken?***

Die Kommunistische Parteiführung der Sowjetunion beging während der sieben Jahrzehnte ihrer Herrschaft unterschiedliche Verbrechen: sie verfolgte vermeintliche oder tatsächliche Gegner des Regimes, annektierte andere Länder, deportierte nationale Minderheiten und inhaftierte politische Dissidenten. Wie aber ist der entscheidende Moment des Umbruchs zu datieren? Auf das Jahr 1953 nach dem Tod Stalins? 1956 nach der Geheimrede Chrusčëvs und den Massenentlassungen aus dem GULag? 1991 nach dem Zerfall der UdSSR? — Die Auseinandersetzung mit den in der Sowjetunion verübten Verbrechen ist erschwert dadurch, dass es hier keine „Stunde Null“ gab, nach der eine neue Epoche begann.

Das Verhältnis von „Großem Vaterländischen Krieg“ und Stalinismus — zur Verwobenheit von Täter- und Opferdiskurs

Der Stalinismus und der deutsche Überfall auf die Sowjetunion fallen in eine Epoche. Dem deutschen Einmarsch gingen der Molotov-Ribbentrop-Pakt über die Aufteilung Polens sowie 1940 die sowjetische Unterwerfung der baltischen Staaten voraus. Polen verlor infolge des Krieges rund ein Drittel seines Staatsgebietes an die Sowjetunion und wurde zur Kompensation nach Westen „verschoben“. Im Zuge der Unterwerfung der „gewonnenen“ polnischen Gebiete und baltischen Länder wurden Teile der dortigen Bevölkerung in die Sowjetunion deportiert und z.T. ermordet. Innerhalb der Sowjetunion wurden verschiedene Ethnien unter dem Diktum der Illoyalität deportiert; aus Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeitslagern heimkehrende Sowjetbürger wurden unter dem Vorwurf des Vaterlandsverrats erneut inhaftiert und benachteiligt.

Dennoch hat der deutsche Überfall mit seinen katastrophalen Folgen für die Bevölkerung der besetzten Gebiete der Sowjetunion dazu geführt, dass die von der sowjetischen Führung verübten Verbrechen in den Hintergrund der eigenen Opfererfahrungen treten konnten. Der heute in Russland dominierende Diskurs über den Zweiten Weltkrieg ist ein Sieges- und Heldendiskurs. Die eigene Beteiligung an Verbrechen ist unterbelichtet.

Fragmentierte Erinnerung: Ein Stalinismus ohne Täter

An den Stalinismus zu erinnern, bedeutet fast immer eine Konzentration und Reduzierung auf die Opfer. Die Täter werden ausgeblendet. Denn die Identifikation mit den Opfern ist leichter als kritische Fragen über die Herkunft und Prägung der Täter. Es gibt bis heute keine rechtliche Grundlage,

die den Staatsterror als Verbrechen qualifiziert und entsprechend auch keine Strafprozesse gegen die Mitarbeiter von NKVD und KGB.¹

Prozesse der Auseinandersetzung nach 1953 bzw. nach 1991

Es hat verschiedene Wellen der Auseinandersetzung gegeben, in denen jeweils verschiedene Aspekte der Terrorerfahrungen im Vordergrund gestanden haben. Darauf basiert unter den Bedingungen der heutigen russischen Erinnerungskultur ein gesellschaftliches Gefühl, dass bereits alles gesagt und bekannt ist. Allerdings hat es in diesen Debatten nach 1953 und nach 1985 bzw. 1991 nie einen breiten gesellschaftlichen Konsens zur Verurteilung von Menschheitsverbrechen in der Sowjetunion gegeben. Die heutige Situation ist dadurch gekennzeichnet, dass zwar einerseits gute und seriöse Forschung über die Verbrechen des Stalinismus und das Unrecht der Sowjetunion nach 1953 zur Verfügung steht, daneben aber beliebig jede andere Meinung vertreten werden kann.

Träger der Erinnerung: Staat und Gesellschaft

Wichtige Impulse zur Erinnerung an den und Aufarbeitung des Stalinismus kommen von gesellschaftlichen Initiativen. Der russische Staat ist als Akteur in der Erinnerungskultur unterrepräsentiert oder fällt sogar ganz aus. Es gibt bis heute kein zentrales staatliches Gulag-Museum, entsprechende Einrichtungen werden mit Geldern der regionalen Verwaltung finanziert bzw. von gesellschaftlichen Initiativen getragen. Stattdessen stärkt die staatliche Politik in den letzten Jahren eine Perspektive, die die Täter rehabilitiert und eine Aufarbeitung erschwert.

IV. Schluss und Ausblick

Kann die Auseinandersetzung mit in der Vergangenheit verübten Verbrechen Ausgangspunkt für eine positive Identität von Individuen, Gruppen oder Gesellschaften sein? Die Antwort und Prämisse innerhalb des deutschen Erinnerungs-Diskurses lautet eindeutig: Ja! Anspruch der pädagogischen Arbeit — gerade in den vielen Gedenkstätten — ist es, Orientierung an universellen Wertvorstellungen, das heißt an demokratischen Grundwerten und den Menschenrechten, zu vermitteln. Damit verbunden ist eine Negativ-Identifikation mit den NS-Tätern bzw. gegen sie. Das Ideal einer bruchlos positiven nationalen Identität (im Sinne des alten „Helden-

---

¹ Vgl. Roginskij, Arsenij: *Fragmentierte Erinnerung. Stalin und der Stalinismus im heutigen Russland*. In: Osteuropa, 2009 Jg. 59, H. 1, S. 37–44.

Gedenkens“) ist damit allerdings nicht mehr möglich. Doch wenn das Motto „Zukunft braucht Herkunft“ stimmt, dann stellt sich die Frage, wie ein solcher Prozess in Russland aussehen könnte: Ist hier eine Auseinandersetzung mit der Vergangenheit vorstellbar und gewollt, in der trotz oder gerade aus der Beschäftigung mit den stalinistischen Verbrechen eine selbstbewusste staatsbürgerliche Identität erwachsen könnte?

*Nadeshda Lipatowa*¹

**PROFITGEIER ODER ATLANTEN
DER STAATLICHKEIT?
BILDER, SYMBOLE UND MYTHEN DER
FERNÖSTLICHEN IDENTITÄT**

Neben Moskau, St. Petersburg und Sibirien gehören der Ferne Osten im Allgemeinen und Kamtschatka im Einzelnen wohl zu den bekanntesten, jedem Bewohner von Russland von klein auf vertrauten geographischen Begriffen. Kamtschatka verbindet man sowohl mit der hinteren Reihe in einer Schulklasse als auch mit dem Ort, in dem Mitternacht herrscht, während in der Hauptstadt Tag ist, oder mit dem berühmten St. Petersburger Heizungskeller, in dem der legendäre Rockmusiker Wiktor Zoj arbeitete. Der Ferne Osten ist der Ort, in dem „trübe Wolken ziehen“ und „am hohen

---

¹ Nadeshda Lipatowa unterrichtet am Lehrstuhl für russische Geschichte der Staatlichen Universität Uljanowsk und an der Schule der Nachwuchsautoren, Uljanowsk.

Amurufer Grenzsoldaten über die Heimat wachen“.¹ Der Ferne Osten und fernöstliche Städte wie Wladiwostok, Blagoweschtschensk, Chabarowsk, Magadan und Nachodka finden Widerhall in unseren Herzen. Es ist ein romantisch erhabenes, fast poetisches Gefühl, das nicht von dem Umstand betrübt wird, dass es immer eine Region der Verbannten, der Flüchtigen und der Strafarbeiter war, so dass Menschen, die freiwillig in den Fernen Osten reisen, fast auf Verwunderung stoßen. Außerdem gibt es den Moskau-Wladiwostok-Zug, und viele Bewohner des europäischen Teils Russlands wünschen sich, auch wenn es eher ein banaler und stereotyper Wunsch als ihr sehnlischer Traum ist, mit diesem Zug einmal im Leben das ganze Land zu überqueren.

All das sind Aussagen über den Fernen Osten, die jedoch nicht von dessen Einwohnern stammen, sondern von denen, die mit dieser Region auf ihrem Lebensweg in Berührung gekommen sind oder sich einfach nur in der Schule für Geographie und Geschichte interessierten. Wie nehmen aber die Einwohner des Fernen Ostens, die „Fernöstler“, ihre Region wahr? Und gibt es die „Fernöstler“ überhaupt? Inwiefern ist es gerechtfertigt, diesen Sammelbegriff nicht nur in Bezug auf die administrative oder offiziell anerkannte regionale Gliederung oder auf die Zugehörigkeit zu einem Marine- oder Wehrbereich zu verwenden, sondern als eine für die Bewohner der Regionen Primorje, Sachalin, Kamtschatka, Chabarowsk, des Gebiets Amur usw. tatsächlich *signifikante* Kategorie?

Dieser Beitrag hat nicht den Anspruch, diese Frage zu beantworten. Ich habe mir als Verfasserin ein viel bescheideneres Ziel gesetzt: mit einer Analyse der vorhandenen stereotypen Vorstellungen, Aussagen, Meinungen zur fernöstlichen Identität bestimmte Marker herauszuarbeiten, die auf alle Bewohner des Fernen Ostens zutreffen. Mehr sogar (oder weniger): dieser Text sollte nicht als Verallgemeinerung oder eine neue Lesart, sondern vielmehr als eine Quelle betrachtet werden, zumal er zu einem beträchtlichen Teil aus nur geringfügig verarbeiteten Textkomponenten besteht (aus Ergebnissen von Blitzumfragen und aus Aussagen, die während der thematischen Spiele und Rundtischgespräche, in Brainstorming-Runden und in Diskussionen zu Vorträgen und Präsentationen geäußert wurden), die von

---

¹ Zitat aus dem Lied „Drei Panzersoldaten“ (Musik: Gebr. Pokrass, Text: B. Laskin) aus dem Film „Traktoristen“ (1939). Es war in den 1940er–1950er Jahren sehr populär.

den Teilnehmern des in Petropawlowsk-Kamtschatski stattgefundenen Identitätsseminars — von Studierenden, Doktoranden und jungen Dozenten aus Hochschulen von Petropawlowsk, Wladiwostok, Chabarowsk, Blagoweschtschensk und Komsomolsk am Amur — stammten. In diesen Texten — selbst in solchen wie das etwas unförmliche Scherzgedicht, das unten zitiert wird — kommt der Stolz auf die eigene Region, auf die Einzigartigkeit deren Einwohner, auf das, was es nur dort und sonst nirgendwo auf der Welt gibt, zum Ausdruck:

Bären gehen umarmt
mit Damen auf Stöckelschuhen,
Dörfer sind eingeschnitten,
das gibt's nur bei uns.

Neben Ergebnissen des Seminars wurden für diesen Beitrag Diskussionen in drei Internet-Gruppen des sozialen Netzwerks „vkontakte.ru“¹ ausgewertet, die sich an alle Fernöstler richten: 1) „An alle, die den Fernen Osten verlassen haben. Wozu, warum? Kommt ihr zurück?“; 2) „Der Ferne Osten: THE BEST“ (mit einem für Teenager typischen Slogan „Zusammen sind wir STARK!!!“); 3) „Klub der gegenwärtigen und ehemaligen Fernöstler“, sowie Diskussionen in Gruppen mit einer engeren Zielgruppe: „Fernöstler in Moskau“, „Fernöstler in Nishni Nowgorod“, „Personen aus Primorje in Tjumen“, „Menschen aus Chabarowsk in St. Petersburg!!!!“ usw.² Die Lebenseinstellung der Mitglieder dieser Gruppen zeigt eine Verbindung aus Romantik und Pragmatik, die z.B. durch den folgenden Beitrag zu Kamtschatka veranschaulicht wird (hier und im Folgenden Zeichensetzung des Originals): *„Ich liebe diese Natur, mir ist aber klar, dass das Leben hier unmöglich ist!!! wenn man kein Millionär, kein Vulkanforscher und kein Fotogeologe ist!!!“*.³ In diesem Internetforum werden oft Umfragen und Abstimmungen sowie Diskussionen zu den in Gruppen vorgegebenen Themen durchgeführt. Somit wird diese Plattform, wenn ergänzend Beiträge von Diskussionsteilnehmern herangezogen werden, zu einer hervorragenden

---

¹ Vgl. z.B.: http://vkontakte.ru/topic-21664170_23546783, vkontakte.ru/club11367699 und [club1475363](http://vkontakte.ru/club1475363) (Abruf am 20.01.2011).

² Vgl. z.B.: <http://vkontakte.ru/club2675505> und [club1137061](http://vkontakte.ru/club1137061) (Abruf am 20.01.2011).

³ Vgl.: <http://vkontakte.ru/club30501> (Abruf am 20.01.2011).

Quelle, die unter anderem gängige Mythen und die Zwiespältigkeit und Labilität der verkündeten Gemeinschaft veranschaulicht. Es ist auch bemerkenswert, dass in diesem sozialen Netzwerk die Identifizierung eines Fernöstlers meistens im Umkehrschluss erfolgt: die Selbstdefinition geschieht über die Definition des Anderen.

Zur Verifizierung der Ergebnisse des Identitätsseminars wurden Daten der offiziellen Statistik und Prognosen zur Entwicklung der fernöstlichen Städte herangezogen, z.B. der „Statistische Jahresbericht von Amur“ von 2010¹, sowie Raumplanungsunterlagen, die auf amtlichen Internetseiten der Stadtverwaltungen von Wladiwostok (2007 — 2008), Petropawlowsk-Kamtschatski (2010), Komsomolsk am Amur (2009) und Chabarowsk (2009) zu finden sind.² Gesondert sollte ein sehr ausführlicher Entwicklungsplan von Komsomolsk am Amur³ erwähnt werden, der diverse Daten enthält: Informationen zur Ausstattung der Schüler der städtischen Schulen mit Computern, eine Untersuchung der lokalen Unternehmen (mit gegenseitigen Einschätzungen der Vertreter der Wirtschaft und der Stadtverwaltung), Umfragen zur Motivation der Bevölkerung, ihrer Einstellung zur Stadt usw. Der Ergebnisbericht zur soziologischen Studie „Jugend im neuen Russland: Wertevorstellungen“, die 2007 vom Soziologieinstitut der Russischen Akademie der Wissenschaften im Rahmen des Projekts „Russische Identität in ihrer soziologischen Dimension“ durchgeführt wurde, insbesondere die Kapitel über die Selbstidentifikation der Einwohner Russlands und über die Russlandbilder im historischen Bewusstsein der Jugendlichen und der älteren Generation⁴, wurden ebenso zur Überprüfung der Befunde des Seminars herangezogen.

Die innere Logik des Textes folgt einfachen Fragen (Was-, Wer-, Wo- und Wie-Fragen), die nicht ausgesprochen werden, jedoch im Hintergrund

---

¹ *Амурский статистический ежегодник 2010: Стат. сб. (Statistischer Jahresbericht von Amur 2010: Sammelband)*, Amurstat 2010. Quelle: <http://amurstat.gks.ru>.

² Z.B.: <http://www.vlc.ru/digits/index.htm>; <http://www.magadangorod.ru> (Abruf am 19.01.2011).

³ *Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года (Strategischer Plan der nachhaltigen sozioökonomischen Entwicklung der Stadt Komsomolsk am Amur bis 2025)*. Chabarowsk 2010.

⁴ Vgl.: www.isras.ru/analytical_report_Ident_3.html (Abruf am 20.01.2011).

präsent sind und die sich auf die Identitätssuche beziehen. Mithilfe dieser Fragen sollte Folgendes geklärt werden:

Erstens: wie stellen sich die Teilnehmer des Seminars und der Internetdiskussionen die Identität vor? Als Einwohner des Fernen Ostens vermitteln sie die Vorstellungen der Gesellschaft, in der sie leben. Besonders interessant ist ihre Herangehensweise an das Identitätsphänomen. Liegt der Schlüssel zum „Geheimnis des Fernöstlertums“, zur besonderen Selbstdefinition als Fernöstler möglicherweise gerade in der Interpretation des Identitätsbegriffs?

Zweitens: worin besteht die „Einzigartigkeit der Fernöstler“? Gibt man die Wörter „fernöstlich“ und „einzigartig“ in der Suchmaschine „yandex.ru“ ein, so ergibt die Suche Verweise auf über eine Million Internetseiten. Dabei bezieht sich die Einzigartigkeit sowohl auf die Natur als auch auf die Menschen, die in dieser Natur leben. Es wäre müßig, die Einmaligkeit der Natur des Fernen Ostens zu bestreiten, aber eine Analyse der Kriterien, auf denen die Vorstellung von der Einzigartigkeit der „Fernöstler“ beruht, kann möglicherweise über die Grundlage dieser Einzigartigkeit und über ihre Beziehung zur Einmaligkeit des Fernen Ostens Auskunft geben.

Drittens: Wie sieht der Ferne Osten nicht in der geographischen oder politischen, sondern in der bildhaften Wahrnehmung seiner Einwohner aus, was sind seine Mythen und seine Realien, wie sind die Wahrnehmungen von Russland, vom Fernen Osten und von dessen einzelnen Städten aufeinander bezogen? Diese Wechselbezüge ermöglichen eine Unterscheidung der Bestandteile der fernöstlichen Identität: der nationalen/ landesweiten, der regionalen und der subregionalen/ lokalen, also auf Bezirke, Gebiete und Städte bezogenen Elemente.

Dimensionen der Identität

Es sei hier daran erinnert, dass die Daten, die in diesem Text verwendet werden, größtenteils Urteile, Behauptungen, Meinungen, Metaphern sind, die im Laufe des Identitätsseminars erhoben wurden. Sie beinhalten erstens eine spielerische Komponente und sind zweitens spontan und relativ sowie auf „hier und jetzt“ bezogen. Folglich entsprechen die Begriffe, die in diesem Text verwendet werden, nicht immer der wissenschaftlichen Terminologie. In erster Linie betrifft das den Begriff „Identität“. Alles was dazu gesagt wurde, stammte von den Seminarteilnehmern, die sich nicht von strengen Definitionen, sondern von eigenen Empfindungen, Vorstellungen und

Emotionen leiten ließen. Für einen erfolgreichen Ablauf des Seminars mussten zunächst Bezugspunkte definiert und damit eine gemeinsame Diskussionsgrundlage geschaffen werden. Dafür wurde wiederum die Methode der Blitzumfrage verwendet: die am stärksten verankerten Assoziationen, die den von den Seminarteilnehmern innerhalb von zwei bis drei Minuten formulierten Identitätsdefinitionen zugrunde lagen (Tabelle 1), wurden festgehalten und später diskutiert. Die Spannweite dieser Definitionen ist ziemlich groß und reicht von ausgewogenen, wissenschaftsnahen Behauptungen bis zu Aussagen, die einer unfertigen Bleistiftskizze ähneln, auf der allerdings die Züge einer bestimmten Person schon zu erkennen sind. Die im Kommentar zur Tabelle 1 präsentierte Zusammenstellung soll helfen, deren Sinn besser zu verdeutlichen.

Was verstehen denn die Teilnehmer unter Identität? Gut erkennbar sind die Spitzenpositionen der Vorstellungen von **Gleichsetzung** (8–11) und **Selbstdefinition** (12–15); insgesamt gehören zu diesen Kategorien 42 % oder 8 der 19 Definitionen. Diese beiden Gruppen lösten die hitzigsten Diskussionen aus. Die Teilnehmer wiesen auf den Unterschied zwischen der Gleichsetzung und der Selbstdefinition hin: „*es sind zwei einander ergänzende Prozesse der Evolution des menschlichen Bewusstseins*“, die zusammen als Anhaltspunkte für die Suche nach dem eigenen Platz unter der Sonne dienen. Die Selbstdefinition hat eine persönlichere Dimension, da sie von „*einer inneren Leistung, dem Einsatz von individuellen Persönlichkeitsressourcen*“ ausgeht, wobei die Gleichsetzung „*nur das Gefühl der Zugehörigkeit zu einer bestimmten Gruppe, einem Objekt oder einem Ort*“ ist. Während die Gleichsetzung in der Regel mit bereits bestehenden realen Gruppen erfolgt, kann sich Selbstdefinition auch auf eine Idee oder eine virtuelle Gemeinschaft beziehen, wobei sie im Unterschied zu der ihrem Wesen nach sozialeren Gleichsetzung, d.h. einer materiellen Beziehung zum Ort, zu Menschen usw., keine allgemein gültigen Normen und Regeln festlegt.

Die nächste Gruppe der Definitionen (5, 7, 17) steht der ersten sehr nahe, unterscheidet sich aber in der Hinsicht, dass sie erstens die Art der **Identifizierung über den Anderen** und zweitens die **emotionale Seite der Identität** in den Vordergrund stellt. In diesem Zusammenhang sei die Identitätsdefinition von N. A. Kossolapow zitiert (Hervorhebung der Verfasserin):¹

---

¹ Косолапов Н.А.: Идентичность (Kossolapow, N.: Identität). In: *Глоссарий по политической психологии (Glossar zur politischen Psychologie)*. RUDN, Moskau 2003. S. 102.

Tabelle 1

Antworten auf die Frage „Was ist Identität“?

<p>1. das Hier-und-Jetzt-Selbstbild</p> <p>2. Zugehörigkeit zu einer bestimmten Gruppe, Selbstwahrnehmung als Teil eines Ganzen</p> <p>3. tief verwurzelte Selbsttäuschung</p> <p>4. mit dem Zeitfaktor multiplizierte Geschichte der Vorfahren</p> <p>5. wenn man an einem anderen Ort einen Menschen aus der Heimatregion trifft und ihn sofort erkennt</p> <p>6. ein Satz von Unterscheidungsmerkmalen bzw. Stereotypen</p> <p>7. Selbstbild und Bild des eigenen Landes oder der eigenen Nation, das sich in Wechselwirkung mit anderen Ländern und Nationen herausbildet</p> <p>8. Selbstwahrnehmung als Teil eines Ganzen</p> <p>9. Selbstwahrnehmung in einem bestimmten Zeitabschnitt</p> <p>10. Gleichsetzung mit einer anderen Person oder Sache, Selbstwahrnehmung als Mitglied der Gruppe</p> <p>11. Gleichsetzung der eigenen Person, z. B. mit Idealvorstellungen, einer Weltanschauung</p>	<p>12. Gleichheit mit sich selbst</p> <p>13. Selbstdefinition, Fähigkeit, sich als Mitglied einer Gemeinschaft zu definieren und deren Werte und Ideen zu verinnerlichen</p> <p>14. Selbstbestimmung eines Volkes/ einer Nation und einer Person innerhalb des Volkes oder der Nation</p> <p>15. Selbstdefinition, Fähigkeit, sich als Mitglied einer Gemeinschaft zu definieren</p> <p>16. eine menschliche Eigenschaft</p> <p>17. Eigenschaft des Menschen, sich als Mitglied einer bestimmten Gruppe zu begreifen; ähnelt dem Erlernen von Fremdsprachen (im Unterschied zu der Muttersprache)</p> <p>18. Korrelation, Idee der Übereinstimmung mit einer Person oder Sache</p> <p>19. Fähigkeit, in der Menge Menschen zu erkennen, die dir selbst ähnlich sind</p>
---	---

...Ein Gefühl der Zugehörigkeit zu der „eigenen“ Welt, das von einem Individuum, einer Gruppe oder einer Gemeinschaft *stark und intensiv erlebt* wird; Gleichsetzung der eigenen Person mit einem bestimmten soziokulturellen Milieu und dessen Normen und Werten; *ein recht hohes Bedürfnis nach Anerkennung der eigenen Handlungen* (...) durch dieses Milieu und dessen Autoritätspersonen...

Die Punkte 1, 4 und 9 weisen auf die *Zeitkomponente der Identität* oder auf die Möglichkeit der Veränderung der Identität im Laufe des menschlichen Lebens hin, die einige sichtbaren Widersprüche der Identität auflöst, z.B. den Widerspruch zwischen hochintensiven patriotischen Stimmungen, die von Soziologen bei der Bevölkerung des Fernen Ostens Mitte der 1990er Jahre festgestellt wurden¹ und einer recht toleranten Einstellung dieser Bevölkerung zu den (u.a. chinesischen) Arbeitsmigranten in der Mitte des folgenden Jahrzehnts². Es sollte auch der Faktor des Zeitunterschieds zu Moskau erwähnt werden, der für den Fernen Osten zu Unterscheidungsmerkmalen gehört und in einer romantischen Interpretation zum Ausdruck kommen kann:³

Die Sonne können wir hier
acht Stunden früher begrüßen.

Oder in einer schrofferen Variante in einem Lied des Rappers Crazy H:⁴

Das Land kommt aus den Federn, wenn wir in der Nacht Sekt schlürfen,
der Zeitunterschied lässt uns wie Jagdhunde hetzen,
und wenn bei uns Tag ist schuftet wir uns zu Tode,
damit alle anderen ruhig schlafen dürfen.

---

¹ Давыдова Н.М.: *Региональная специфика сознания россиян* (Dawydowa, N.: *Regionale Spezifik des Bewusstseins der Russen*). In: *Общественные науки и современность* (*Obschtschestwennyye nauki i sowremennost. Sozialwissenschaften und Gegenwart*), 1997. Nr. 4. S. 12–24.

² Емченко Д.Г.: *Маргинальный человек в контексте культуры трансграничного региона* (Jemtschenko, D.: *Marginale Menschen im Kontext der Kultur der grenzüberschreitenden Region*). In: *Вестник Челябинского университета* (*Bulletin der Universität Tscheljabinsk*), 2009. Nr. 11 (149). *Философия. Социология. Культурология* (*Philosophie. Soziologie. Kulturologie*). Nr. 11. S. 47–50. Der Autor sieht in der Toleranz eine Eigenschaft, die für eine besondere Art der (im positiven Sinne des Wortes) marginalen, an der Grenze lebenden Menschen typisch ist.

³ Высоцкий В.С.: *Долго же шёл ты, в конверте листок* (Wyssozki, W.: *Lange warst du unterwegs, Blatt im Briefumschlag*). Quelle: <http://vysotskiy.lit-info.ru/vysotskiy/stihi/05.htm> (Abruf am 25.12.2010).

⁴ Crazy H.: *Дальний Восток — я твой* (*Ferner Osten, ich gehöre zu dir*). Quelle: http://mp3.music.lib.ru/mp3/d/dw_rep/dw_rep-crazy_h_-_dalxniy_wostok_ja_twoj-2.mp3 (Abruf am 10.01.2011).

Es bleiben zwei Definitionen übrig: „eine tief verwurzelte Selbsttäuschung“ (3) und „ein Satz von Unterscheidungsmerkmalen bzw. Stereotypen“ (6). Ohne eine ausgeprägte, überzeugende Gruppe zu bilden, ähneln sich diese Definitionen jedoch in der Hinsicht, dass sie eine negative Konnotation enthalten, die in der ersteren stärker und in der letzteren weniger stark auffällt, und daher die Frage nach dem Grad der Mythologisierung des Fernen Ostens als Raum aufwerfen.

Auf der Suche nach dem Fernöstler und seiner Einzigartigkeit

Im Vorfeld des landesweiten russischen Zensus von 2010 wurde im Internet die Aktion „Zensus 2010: Nationalität Fernöstler“ gestartet.¹ Fernöstler, die „in ganz Russland leben und sich mit dem Fernen Osten (einschließlich Ostsibirien) verbunden fühlen, die sich für die Kultur, die Geschichte, die Entwicklung dieser Region interessieren und die die Entwicklung Russlands zum Osten hin für aussichtsreich erachten“, wurden dazu aufgerufen, im Fragebogen des Zensus von 2010 als Nationalität „Fernöstler“ anzugeben² (Bild 1).

Die Internet-Abstimmung auf der Webseite des Projekts führte zu den folgenden Ergebnissen (Tabelle 2):³

Das Gefühl einer gewissen Exklusivität kommt in den Bezeichnungen und in den Kommentaren der Internet-Gruppen zum Ausdruck, z.B. „Klub der gegenwärtigen und ehemaligen FERNÖSTLER“ oder „Ferner Osten — wie stolz das klingt!“. Blogger aus dem Fernen Osten stellen fest, dass „Fernöstler die „goldene Reserve“ des Planeten bilden“ und rufen dazu auf, „Neues über die Region und über sich zu erfahren und auf den Ehrentitel „Fernöstler“ stolz zu sein!“⁴

---

¹ <http://www.clubdv.ru/cdv-news/1-news-cdv/104-natsionalnost-dalnevo-stochnik.html> (Abruf am 20.01.2011).

² Seit dem Zensus von 2002 gibt es keinerlei Vorgaben für die Angabe der Nationalität, so dass einige Befragte sogar erfundene Nationalitäten (z.B. Hobbit) angegeben haben.

³ Die Abstimmung wurde auch auf anderen Internetplattformen durchgeführt, u.a. im Rahmen des Projekts „Poluscharije“ („Hemisphäre“), dort stimmten aber nur 30 Personen ab, von denen nur fünf sich als Fernöstler bezeichneten. Vgl.: <http://polusharie.com/index.php?topic=123573.0> (Abruf am 21.01.2011).

⁴ Quelle: <http://vkontakte.ru/club21664170> (Abruf am 20.01.2011).

Bild 1. Banner der Aktion „Zensus 2010: Nationalität Fernöstler“
(Quelle: <http://www.clubdv.ru/>)

Tabelle 2

**Verteilung der Antworten auf den Vorschlag, als Nationalität
„Fernöstler“ anzugeben (n = 85)**

Antwortmöglichkeit	%
Ich werde diese Option wählen, da ich mich als Fernöstler empfinde	65.9
Nein, ich habe eine andere Nationalität	16.5
Nein, es ist lokaler Nationalismus	11.8
Ja, ich werde diese Option wählen, denn es ist ein interessanter Flashmob	3.5
Es ist mir egal	2.4

Quelle: <http://www.clubdv.ru/component/poll/16-dv-nacionalnost.html>.

Es ist kein Land für Angsthasen,
das Leben hier ist hart und schwer,
Aber was für Vulkane,
und was für Menschen!¹

(wie es in einem im Internet-Forum veröffentlichten Gedicht heißt)

¹ Vgl.: <http://vkontakte.ru/club519012> (Abruf am 20.01.2011).

Vor 1980 ließ sich im Fernen Osten nur jeder Siebte von denen nieder, die das Schicksal dorthin verschlagen hatte. Dennoch stieg die Bevölkerung der Region in der Sowjetzeit fast auf das Vierfache (nur im Zeitraum von 1960 bis 1980 betrug das Wachstum 64 %), und die Lebensqualität war hier bedeutend höher als im europäischen Teil Russlands.¹ Schon zu Sowjetzeiten hat sich ein äußerst positives Bild der Fernöstler gebildet und verbreitet: sie galten als „tapfere, entschlossene, risikobereite, geistig und körperlich starke Menschen, die diese Eigenschaften von ihren Vorfahren geerbt hatten, die im Kampf gegen die Natur und die Asiaten mit solchen Schwierigkeiten und Nöten zu kämpfen hatten...“.² Nach dem Zerfall der UdSSR veränderte sich dieses Bild zwar ziemlich stark in Einzelheiten, ohne jedoch den positiven Kern zu verlieren. Der funktionale Bestandteil, der jetzt der Vorstellung von einer Mission ähnelt, hat sich sogar noch verstärkt, wie die Einschätzung der Fernöstler durch eine offiziöse Regierungsquelle belegt:³

Schon aus der Tatsache heraus, dass Fernöstler am östlichsten Rand Russlands ohne Rücksicht auf die Abgeschiedenheit, auf harte Naturbedingungen und auf die mit westlichen Gebieten unvergleichlichen Lebensbedingungen leben und damit für die Zukunft die räumliche Einheit und strategische Ressourcen des Landes wahren, gebührt ihnen eine besondere Achtung.

Die Bewohner des Fernen Osten selbst spürten ihre Besonderheit noch deutlicher, nachdem sie in den 1990er Jahren Lebensverhältnisse überstanden hatten, in denen ihrer Meinung nach kein „Westler“, d.h. Bewohner westlicher Regionen Russlands, hätte überleben können:⁴

Das ist es wert, und das ist noch nicht das Ende.

Nur die Fernöstler überleben.

Wir haben Schmerzen, aber wir sind nicht weichzukriegen.

---

¹ Журман О.: *Обратный ход: дальневосточники уезжают на запад* (Shurman, O.: *Trendwende: Fernöstler ziehen in den Westen*). Quelle: www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=44&idArt=1331. (Abruf am 19.01.2011).

² Мельников Д.: *А не отдать ли нам Дальний Восток?* (Melnikow, D.: *Sollten wir den Fernen Osten vielleicht weggeben?*). In: Internetzeitung „Stoletije“, 24.05.2010. Quelle: www.stoletie.ru/politika/a_ne_otdat_li_nam_dalnij_vostok_2010-05-24.htm (Abruf am 15.01.2011).

³ Rossijskaja gaseta, 11.02.2009.

⁴ Мельников Д. (Melnikow, D.): a.a.O.

Wir werden zermahlen, aber wir sind hartnäckig.
Das ist nur wegen der Abgeschlossenheit,
Das bleibt haften — für immer der Ferne Osten.¹

Der Schlüssel zum Verständnis des Selbstbewusstseins der Fernöstler liegt offensichtlich in ihrer Vorstellung von der Einzigartigkeit ihrer Region und der dort lebenden Menschen. Diese Vorstellung liegt der Mythologisierung des Fernen Ostens zugrunde. Auf eine Analyse dieser Vorstellung werde ich später eingehen, hier möchte ich jedoch unterstreichen, dass im Laufe des gesamten Seminars die Besonderheit, die Exklusivität, die Ungewöhnlichkeit, die Exotik der Region und ihrer Einwohner im Mittelpunkt stand. Das kommt auch in den unten genannten Eigenschaften der Fernöstler zum Ausdruck.

Fernöstler sind die schönsten Menschen. Natürlich sind die jungen Frauen im Fernen Osten auch sehr schön, aber im Unterschied zu der verbreiteten Meinung, die die russischen Frauen als die welt schönsten preist, ohne die Männer auch nur zu erwähnen, kennt die fernöstliche Interpretation keine Genderunterschiede in der Schönheitsfrage. Die Schönheit der lokalen Männer und Frauen wird durch die Vermischung der Gene, durch internationale Ehen und eine wohltuende Einwirkung der Natur auf den Menschen erklärt. Einige Patrioten aus dem Fernen Osten sprechen sogar von einer „fernöstlichen Ethnie“, um deren Schicksal sie sehr besorgt sind:²

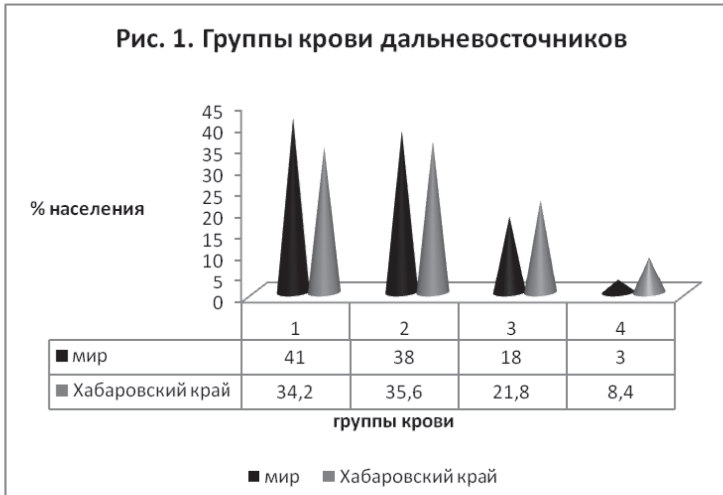
Die fernöstliche Ethnie existiert wirklich, auch wenn sie sich nicht als solche empfindet, da der Ferne Osten zur Zeit eine wirtschaftlich schwache, subventionierte Region ist... ethnische Prozesse im Fernen Osten können vor dem Hintergrund der heutigen wirtschaftlichen und kulturellen Insuffizienz nur dazu führen, dass die ethnische Identifizierung verblassen wird, fast zweihundertjährige Traditionen und Werte verloren gehen und die brilliantesten Vertreter der fernöstlichen Ethnie abwandern werden...

Es ist bemerkenswert, dass im Rahmen des Unterrichtsfaches „Gesundheit der Fernöstler“, das für Neuntklässler der Region Chabarowsk als Wahlfach angeboten wird, neben anderen Themen das „fernöstliche

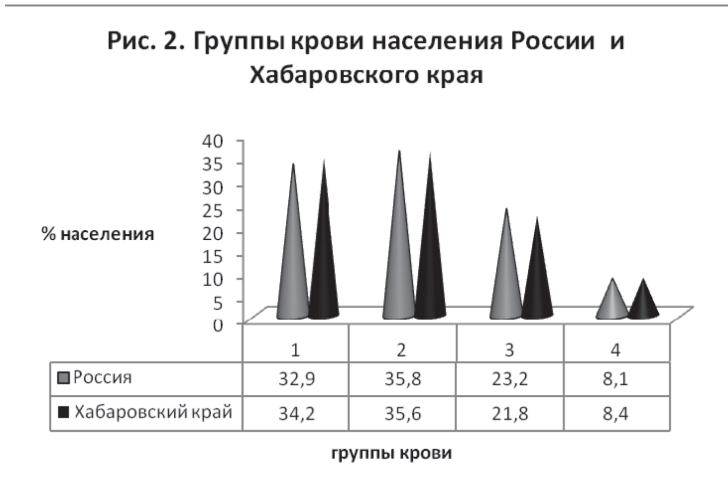
¹ <http://polusharie.com/index.php?topic=117912.25> (Abruf am 21.01.2011).

² Vgl. z.B.: Куминов А.С.: *Дальневосточники — как новая этническая сущность* (Kuminow, A.: *Fernöstler als eine neue ethnische Kategorie*). Quelle: <http://www.clubdv.ru/forums/index.php?showtopic=161> (Abruf am 20.01.2011).

Zusammenstellung nach der für den Schulfach „Gesundheit der Fernöstler“ entwickelten Methodik: <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=3357> (Abruf am 22.01.2011).

Zusammenstellung nach: Тюняев А.А.: *К вопросу о корреляционной связи между этносом и группами крови* (Tjunjajew, A.: *Zur Frage der Korrelation zwischen der ethnischen Zugehörigkeit und der Blutgruppe*). In: *Organizmica*, 2008. Nr. 3 (15). Quelle: www.organizmica.org/archive/510/kvoks.shtml#2.3 (Abruf am 20.01.2011).

Phänomen“ behandelt wird, das darin besteht, dass „die Mehrheit der eingeborenen Einwohner die Blutgruppe B und der Großteil der zugewanderten Bevölkerung die Blutgruppe A hat“ (Bild 1). Diese Behauptung ist milde ausgedrückt nicht ganz korrekt, da dabei die Blutgruppen der Einwohner der Region Chabarowsk mit der „Weltbevölkerung“ verglichen werden, obwohl die Region größtenteils von Bürgern des Russischen Reiches bzw. der UdSSR und nicht von Einwanderern aus der ganzen Welt besiedelt wurde. Bei dem Vergleich der Anteile der einzelnen Blutgruppen in der Region Chabarowsk und in Russland (Bild 2) sind die Unterschiede hingegen unbedeutend.

Fernöstler sind mobil und stecken voller Energie. Sie müssen gegen die Natur kämpfen, sind vom Landeszentrum isoliert und müssen das Land mehrmals im Leben überqueren. Dank den unwillkürlichen fernöstlichen Wurzeln und der Abhärtung im Kampf gegen große Entfernungen und die harte Natur meistern Fernöstler schwierige Situationen besser als Bewohner des europäischen Teils Russlands. Die Eigenschaften der letzteren werden dabei zwecks größerer Überzeugungskraft willkürlich verzerrt.¹

Die Einwohner Chinas sind nicht in die Region Primorje durchgedrungen, da dieses Gebiet immer als lebensuntauglich galt... Der Wandel erfolgte nach der Übernahme von Primorje durch Russland. In diese Region wurden, nicht immer auf freiwilliger Basis, Siedler geschickt, die oft eine kriminelle Vergangenheit hatten, jedoch risikobereit und unternehmerisch waren... Die Menge der positiven Eigenschaften dieser Abenteurer, ihre Fähigkeit zu großen Taten waren viel größer als bei den Eingeborenen der zentralen Landesteile, die sich jahrhundertlang nicht von der Stelle bewegt hatten.

Fernöstler sind tolerant, da sie unweit der Grenze, in der Nähe zu indigenen Völkern und zu Chinesen leben. Im Grenzgebiet kommt es zur Interaktion, zum Austausch von Kulturtraditionen, dort gibt es ein besseres Verständnis des Anderen, so dass der Ferne Osten für Ausländer zum Leben und Arbeiten günstig ist. Allerdings gibt es bisher nicht viele Ausländer: nach vorläufigen Ergebnissen des Zensus von 2010 machen Ausländer, die im Fernen Osten leben, in verschiedenen Teilen der Region von 1,0 bis 2,2 %

---

¹ *Счастье за туманом. Приморцы не отличаются крепким психическим здоровьем (Glück hinter dem Nebel. Die Bewohner von Primorje zeichnen sich nicht durch eine starke psychische Gesundheit aus).* Quelle: www.rg.ru/2007/10/04/reg-primorie/psihika.html (Abruf am 17.01.2011).

der Gesamtbevölkerung aus; so gibt es in der Region Primorje nur 11 000 Ausländer, wobei sich die Gesamtbevölkerung auf 976 000 beläuft, und in Chabarowsk 20 000 Ausländer bei einer Gesamtbevölkerung von 920 500 Personen.¹

Tabelle 3

Entwicklung der Ein- und Ausreisen von Bürgern der Russischen Föderation und Chinas über den Grenzkontrollpunkt von Blagoweschtschensk (in Tausenden Ein- und Ausreisen)

Kategorien	2005	2006	2007	2008	2009
Zahl der Ausreisen von Bürgern der RF nach China, insgesamt	362,5	460,8	522,7	583,7	301,4
davon Touristen	213,0	233,2	265,0	321,4	...
Zahl der Einreisen von Bürgern Chinas in das Gebiet Amur, insgesamt	117,1	103,7	110,3	132,5	135,2
davon Touristen	52,2	42,2	49,6	42,3	...

Quelle: Statistischer Jahresbericht von Amur... S. 227.

Fernöstler haben ein besonderes Verhältnis zu China, da China für sie der wichtigste Handelspartner ist. So betrug beispielsweise im Jahre 2009 der Anteil Chinas am gesamten Außenhandel des an der Grenze liegenden Gebiets Amur 73,0 % im Export und 90,2 % im Import.² Außerdem ist China für Fernöstler ein Erholungs- und Urlaubsreiseziel. 2008 hielt die Statistik fast anderthalb Millionen touristische Reisen nach China aus südlichen Subregionen des Fernen Ostens fest, was einem Anteil von 70 % an der Gesamtzahl solcher Reisen von Russland nach China in jenem Jahr entsprach. Zwei Drittel der Menschen, die auf dem Gebiet zwischen Blagoweschtschensk und Wladiwostok leben, waren mindestens einmal in China.³ Allein über den Grenzübergang von Blagoweschtschensk kamen 2009 300 Tausend russische

¹ Diese Daten sind unter: <http://www.toz.khv.ru/page.php> zu finden (Abruf am 22.01.2011).

² *Амурский статистический ежегодник 2010...*(Statistischer Jahresbericht von Amur 2010...). S. 483.

³ Vgl.: Ларин В.: *КНР глазами дальневосточника* (Larin, W.: *Volksrepublik China mit den Augen der Fernöstler*). In: *Международные процессы (Meshdunarodnyje processy)*. Bd. 8. Nr. 1 (22). Januar - April 2010. Quelle: http://www.intertrends.ru/current_issue.htm (Abruf am 17.01.2011).

Staatsbürger nach China, wobei das größtenteils Einwohner der Region waren (Tabelle 3).

Fernöstler haben eine besondere Gemütsart. Auch wenn man nicht im Fernen Osten lebt, kann man dennoch eine Nähe zu dieser Region verspüren. In diesem Fall steht der Nostalgiefaktor im Mittelpunkt:¹

Manchmal sehne ich mich nach meiner zweiten Heimat zurück... Leider sind Flüge in den Fernen Osten ein teurer Spaß. Aber wenn man auf einen Fernöstler trifft, hat man das Gefühl, einen Moment lang zu Hause gewesen zu sein.

Nostalgie ist eine richtige Klammer, die sehr viele Menschen miteinander verbindet. Denn zu Fernöstlern gehören sowohl Wehrpflichtige — Grenzsoldaten oder Seemänner -, die von Sachalin oder Nachodka nach Zentralrussland zurückkehren, als auch Geologen und Vulkanforscher, die ständig in der Amurregion oder auf Kamtschatka im Einsatz sind, oder Extremtouristen, die entweder in Städten und Siedlungen des Fernen Ostens leben oder regelmäßig aus Moskau anreisen. Es geht nur darum, sich mit diesem Gebiet als einem Ort, an dem man herzlich und warm aufgenommen wurde und sich wenigstens eine Zeit lang wohl fühlte, zu identifizieren. Es geht um die *Erinnerung an die gemeinsame Erfahrung* der Zyklone, der harten Winter, der Temperaturschwankungen, des Eindrucks einer ungewöhnlich mächtigen Natur, von Schönheit und Weite; aber zugleich um die *Erinnerung an einen Ort* ohne eine rigide Anbindung an die konkreten geographischen Koordinaten des tatsächlichen Aufenthalts. Man kann aber auch sagen, dass es um einen *Ort der Erinnerung* geht — in dem Sinn, in dem dieser in der Kulturgeographie oft verwendete Begriff von A. Dachin benutzt wird: als „Schlüsselbild“, mit dem eine Gemeinschaft der Menschen „die Identität mit sich selbst zum Ausdruck bringt“².

Fernöstler sind vielschichtig. Sie sind plastisch und hängen zugleich Stereotypen an; und das sowohl in den eigenen Augen als auch in den Augen der anderen Einwohner Russlands. Das Bild des Fernöstlers außerhalb der

¹ http://vkontakte.ru/topic-21664170_23546783 (Abruf am 20.01.2011).

² Дахин А.: Место памяти (Dachin, A.: Ort der Erinnerung). In: *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах* / Сост., отв. Ред. Д.Н. Замятин (*Humanwissenschaftliche Geographie. Jahrbuch für Wissenschaft, Kultur und Aufklärung*. Hrsg.: D. Samjatin). Ausgabe 4, Institut Nasledija, Moskau 2006. S. 321.

Region wird von Massenmedien geprägt und hängt davon ab, worüber und wie die landesweite Presse berichtet. Zu Beginn des Jahrtausends setzte sich das Bild des Fernöstlers aus Texten von Journalisten zusammen, die über den Bau der Baikal-Amur-Magistrale, die Kleinhändler, die aus dem Gebiet Amur nach China und zurück pendelten, seltener über Bewohner von Primorje, über korrupte Beamte, kriminelle Auseinandersetzungen, das Problem von Sachalin und von den Kurilen berichteten. Folglich werden die Fernöstler als „nicht besonders reiche, kalkulierende Menschen, die den Bewohnern von Moskau und der Zentralregierung nicht unbedingt wohlgesonnen gegenüberstehen und sich wenigstens darüber freuen können, China als Einkommensquelle zu haben“¹, gesehen. In der Vergangenheit fehlten diesem Bild jedoch pragmatische Züge, da es sich aus Berichten über heldenhafte Grenzsoldaten, romantische Geologen, Spitzenarbeiter der sowjetischen Bauprojekte, Jugendstädte u.ä. zusammensetzte.

Bilder Russlands und des Fernen Ostens

Bekanntlich hat der Begriff Heimat mehrere Ebenen: Einerseits bezieht er sich auf das Land, den Staat oder das gemeinsame Nationalstaatsgebiet. Für Russen ist es Russland (und für einige noch immer die UdSSR), ein Land, dass „seine Städte weit ausstreckt“ und „drei große Ozeane berührt“. Es gibt aber auch die „kleine Heimat“, die der Dichter Konstantin Simonow als:²

Ein Stückchen Land, das sich an drei Birken schmiegt,
die ferne Straße hinter dem Hain,
den Fluss mit der ächzenden Fähre,
das Sandufer mit niedrigen Weiden.

beschreibt.

---

¹ Фёдоров Е.: *Образ дальневосточника в федеральных печатных СМИ. Спецприложение «Будущее регионов России-2008» к журналу «Новый Дальний Восток»* (Fjodorow, Je.: *Bild des Fernöstlers in russlandweiten Printmedien. Sonderbeilage „Zukunft der Regionen Russlands 2008“ zur Zeitschrift „Nowy Dalni Wostok“*). 12.06.2008. S. 49. Quelle: http://www.idmrr.ru/downloads/dfo/Specpri-lozhenie_BRR2008.pdf (Abruf am 12.01.2010).

² СИМОНОВ К.: *Родина* (Simonow, K.: *Heimat*). In: *Всемирная библиотека поэзии (Bibliothek der Weltichtung)*. Feniks, Rostow am Don 1998. Quelle: www.litera.ru/stixiya/authors/simonov/kasayas-trex-velikix.html (Abruf am 19.12.2010).

Eigentlich verwendet Simonow hier die typischen literarischen Symbole der Natur von Zentralrussland, die jedoch aufgrund der häufigen Verarbeitung in der Literatur Allgemeingültigkeit beanspruchen. Aber „Fernöstlern sind die klassischen poetischen Russlandbilder, Birken mit weißer Rinde in grenzenlosen Feldern¹, die Jessenin in seinen Werken lob pries, fremd. Ihnen stehen von Nebel umhangene Berge und das Meer näher...“²

Mit Hinblick auf diesen Wahrnehmungsunterschied wurden die Seminarteilnehmer gebeten, das Bild Russlands und des Fernen Ostens in einem Satz zu beschreiben (Tabelle 4). Was ergab diese Umfrage? DIE RUSSLANDBILDER lassen sich inhaltlich vier Clustern zuordnen, die sich teilweise überschneiden. In den Bildern des ersten Clusters (5, 10–11, 13–14) dominieren *die innere Widersprüchlichkeit und Unvorhersehbarkeit* (das Leitmotiv ist hier die „Verbindung von Kontrasten“), in den Bildern des zweiten Clusters (2, 3, 7, 12) ist der *Großmachtstatus* bestimmend (das Leitmotiv ist hier „ein mächtiges Land“), im Mittelpunkt der Bilder des dritten Clusters (1, 8, 13) steht der *Raum* (das Leitmotiv ist „ein weites Land“) und der vierte Cluster (4, 9, 15) ist von einer *lyrischen Stimmung* geprägt (hier gibt es zwar kein deutlich erkennbares Leitmotiv, das Gefühl der Weite und der Verlassenheit, das von den Bildern dieses Clusters erzeugt wird, ist aber eindeutig). Für sich allein steht der Satz „traurige Versuche, den Großmachtstatus wiederherzustellen“: das ist der einzige Fall, in dem das Bild des Landes praktisch mit der aktuellen Politik, also mit einer (übrigens bedauernswerten) Handlung gleichgesetzt wird.

In den BILDERN DES FERNEN OSTENS fehlt das Großmachtmotiv fast gänzlich. Ziemlich schwach ist die Betonung der Widersprüchlichkeit ausgeprägt, auch wenn sie in mehreren Charakteristika vorkommt (1, 3, 8, 9, 17). Der räumliche Aspekt und die Ressourcenkomponente, lyrische Bilder und Metaphern sind dagegen zahlreich vertreten.

¹ Diese Schlussfolgerung ist um so bemerkenswerter, wenn man bedenkt, dass es weiße Birken im Fernen Osten durchaus gibt, und zwar so viele, dass sich eine aus Zentralrussland stammende Person, die es in den Fernen Osten verschlagen hat, daran erfreuen könnte — wie der 1938 deportierte Dichter Nikolaj Sabolozki, der nach einer langen Reise im Güterzug in der Region Chabarowsk ankam. Vgl.: Заболотцкий Н.А.: *Я воспунан природой суровой* (Sabolozki, N.: *Ich wurde von einer harten Natur großgezogen*). Eksmo, Moskau 2008. S. 303.

² Журман О.: *Обратный ход...* (Shurman, O.: *Trendwende...*)

Betrachten wir nun genauer die bildhaften Charakteristika des Fernen Ostens nach inhaltlichen, sich teilweise auch überschneidenden, Clustern.

Der Cluster der räumlichen Charakteristika umfasst Bilder, die erstens die große Entfernung des Fernen Ostens von Zentralrussland (3, 4, 10, 17) thematisieren, wobei es unter anderem auch mit Metaphern erfolgt („Wald am Dorfrand“ oder „Walschwanz“), und zweitens auf Ressourcen oder genauer gesagt auf das Ressourcenpotenzial der weiten Gebiete hinweisen, das a priori als außerordentlich reich gilt (1–3, 5, 9, 14). Das Leitmotiv ist im ersten Fall die Randposition in Russland und im letzteren Fall die Ressourcenschmiede.

Damit sind sicherlich Naturressourcen gemeint, da der Ferne Osten nie eine Kaderschmiede war, sondern im Gegenteil vom Rest Russlands mit Bevölkerung, Personal und Experten versorgt wurde. Insgesamt hat die Region im landesweiten Vergleich in allen Kategorien (Bevölkerung, Produktion, Warenumsatz usw.) außer Fläche (die 35 % der Fläche Russlands ausmacht) einen Anteil von 3 % bis 6 %.¹ Und wenn die Schätzungen, die in dem Beitrag von Worobjowa in diesem Sammelband angeführt werden, stimmen, so folgt daraus, dass zumindest die Menge der Mineralressourcen des Fernen Ostens zu hoch bewertet wird; doch auch wenn diese Bewertung der Wirklichkeit entspricht, sind für deren Erschließung beträchtliche Kapitaleinlagen erforderlich. Doch die Überzeugung, dass der Ferne Osten die Schatzkammer Russlands sei, springt förmlich ins Auge; darüber hinaus kommt in dem Bild der „Geberregion mit ethnischen Wurzeln“ klar die Ansicht zum Vorschein, dass der Ferne Osten für Russland auch das „Humankapital“ kumuliert, dessen Vorteile sozusagen nicht in der Quantität, sondern in der Qualität — in der ethnischen Vielfalt liegen. Doch auch wenn die Bevölkerung des Fernen Ostens tatsächlich multinational ist, ist das starke Übergewicht der Russen und der Ukrainer offensichtlich. Im Gebiet Amur gab es beispielsweise dem Zensus von 2002 zufolge pro 100 Tausend Einwohner über 92 Tausend Russen und 3,5 Tausend Ukrainer.²

Der Cluster der integrativen Charakteristika legt mit den dazugehörigen Bildern (2, 3, 5–7, 9, 17) den Schwerpunkt auf die Vorstellung von der Zugehörigkeit des Fernen Ostens zu Russland. Diese Vorstellung kam in

---

¹ *Амурский статистический ежегодник 2010... (Statistischer Jahresband Amur 2010...)*. S. 489.

² Ebd. S. 77.

Tabelle 4

Die Bilder Russlands und des Fernen Ostens

Russland:	Der Ferne Osten:
<p><i>1. ein großes Land mit vielen guten Menschen, einer interessanten Geschichte und einer Menge Naturressourcen</i></p> <p><i>2. eine Großmacht</i></p> <p><i>3. ein großes Land mit einer großen Geschichte</i></p> <p><i>4. der Wind im Feld oder eine Waldlichtung</i></p> <p><i>5. der Staatswappen: vier Augen sehen mehr als zwei, sie blicken jedoch in entgegengesetzte Richtungen</i></p> <p><i>6. traurige Versuche, den Großmachtstatus wiederherzustellen</i></p> <p><i>7. eine Großmacht, ein multinationales Land mit einer großen Geschichte und einem zusammenhaltenden Volk</i></p> <p><i>8. ein Wal unter kleinen Fischen</i></p> <p><i>9. die Mutter</i></p> <p><i>10. Bären in Panzern vor dem Hintergrund einer hochtechnologischen Ressourcenverteilung</i></p> <p><i>11. ein Bär mit einer Kalaschnikow</i></p> <p><i>12. das Vaterland</i></p> <p><i>13. das größte Land, das eine Atom-bombe hat, so dass sein Verhalten unvorhersehbar ist</i></p> <p><i>14. ein Zusammenspiel der Kontraste: vom Gold der Paläste bis zum Dreck der Hinterhöfe</i></p> <p><i>15. ein Land der Wanderer, der Pilger und der Suchenden</i></p>	<p><i>1. ein grenzenloses, großzügiges, unvernünftiges Land</i></p> <p><i>2. reiche Gebiete, ein Teil der großen Geschichte Russlands</i></p> <p><i>3. ein reiches, aber sehr entlegenes Randgebiet („wie Menschen dort bloß leben können“)</i></p> <p><i>4. ein fernes, kaum bevölkertes, schönes Gebiet mit einer sauberen Umwelt</i></p> <p><i>5. eine Geberregion mit ethnischen Wurzeln (viele Nationen)</i></p> <p><i>6. die Schatzkammer Russlands, eine fischreiche Region</i></p> <p><i>7. eine Region harter Patrioten</i></p> <p><i>8. schön, frei, grausam</i></p> <p><i>9. eine Ressourcenschmiede, das Kreuz Russlands</i></p> <p><i>10. ein Wald am Dorfrand (oder der Schwanz eines Wals)</i></p> <p><i>11. der Ort, den ich nicht verlassen werde, da es mein Zuhause ist</i></p> <p><i>12. „Träume werden wahr“</i></p> <p><i>13. Meer, Sonne und reine Natur — der schönste Ort auf der Welt</i></p> <p><i>14. riesige dünnbesiedelte Gebiete, die kaum erschlossen sind</i></p> <p><i>15. die Heimat</i></p> <p><i>16. Taiga und Exotik</i></p> <p><i>17. ein Teil Russlands, ferne, aber so vertraute schöne Landschaften</i></p>

einer großen Spannbreite von Äußerungen zum Ausdruck: von der mündlich, während der Diskussion der Ergebnisse der Blitzumfrage ausgesprochenen, typischen Aussage: „Wir ernähren die Hauptstadt“ bis zu einer direkten Definition des Fernen Ostens als einem Teil Russlands. Von derselben Wahrnehmung der Region als unabdingbarem Teil des Landes sprechen faktisch auch die bildhafte räumliche Verortung in Bezug auf das Zentrum („der Rand Russlands“), die zeitliche Verortung („Teil einer großen Geschichte“) sowie Bilder, die die Funktion der Region in Russland („Schmiede“, „Schatzkammer“, „Geberregion“) oder deren Schönheit („ein Teil Russlands, ferne, aber so vertraute Schönheit“) ansprechen. Aber auch das Bild der Fernöstler als „harte Patrioten“ bezieht sich kaum nur auf den Fernen Osten.

In den *lyrischen Charakteristika und Metaphern*, die in einem Cluster zusammengefasst sind (1, 4, 7, 11–17), wird die fernöstliche Identität auf eine besondere Weise entfaltet. Einige von ihnen sprechen meiner Ansicht nach für sich, während andere eines Kommentars bedürfen.

„*Der Ort, den ich nie verlassen werde, da es mein Zuhause ist*“. Statistischen Daten zufolge leben im Fernen Osten heute größtenteils Menschen, die aus der Region stammen. So wurden über 80 % der Einwohner von Komsomolsk auf Amur entweder in der Region Chabarowsk oder in anderen Subregionen des Fernen Ostens geboren.¹

„*Region der harten Patrioten*“. Die Lebensbedingungen sind oft tatsächlich hart. Dennoch sind „die Fernöstler trotz allem Patrioten“. Andererseits „verstehen sie in der Tiefe ihrer Herzen, dass das Leben im Fernen Osten nie angenehm sein wird und sind daher oft zu schlimmen Taten fähig („schlechte Gene“).“²

„*Taiga, Exotik*“ und „*Träume werden wahr*“. Unabhängig davon, wo die Vorstellung vom Fernen Osten als einer exotischen Region entstanden ist, wird sie von den Einwohnern der Region geteilt. Es genügt ein Blick auf die Internetseiten der Reiseunternehmen, die Reisen in den Fernen Osten anbieten, um auf eine Kombination aus zwei „E“s - Exotik und

---

¹ Analyse der Umsetzung der Maßnahmen zu „Schwerpunkten der Entwicklung und Förderung der kleinen Unternehmen in der Region Chabarowsk im Zeitraum von 2007 bis 2009“ von 2007. Quelle: www.mb.kht.ru (Abruf am 20.01.2011).

² Фёдоров Е.: Указ. соч. (Fjodorow, Je.: a.a.O.). S. 49.

Extremtourismus - in ihren Programmen aufmerksam zu werden: „*Der Ferne Osten: Exotik in der Welt des Raftings!*“¹, „*Der fernöstliche Touristikmarkt setzt auf Extremtourismus und Exotik*“². Ähnliches kam auch während des Seminars zum Ausdruck, als die Teilnehmer in einem Spiel ein Wirtschaftsprojekt zur Umsetzung im Fernen Osten auf der Grundlage von regionalen Ressourcen entwickeln sollten, und eine Gruppe das Projekt des Fernöstlichen Zentrums für die Förderung des ethnokulturellen Tourismus vorstellte. Das Projektprogramm umfasste folgende Komponenten: 1) vorbereitende Informierung der Touristen über das Leben der indigenen Völker (Videofilme, Handwerksausstellungen, historische Exkurse); 2) Ausstattung von fünf ausgesuchten Siedlungsgebieten von indigenen Völkern mit einem Mindestmaß an Tourismusinfrastruktur und Organisation der Anreise von Touristen; 3) Workshops zu nationalem Gewerbe vor Ort (Herstellung von Glasperlenschmuck, Erzeugnissen aus Fischhäuten usw.).

„*Meer, Sonne und reine Natur — der schönste Ort auf der Welt.*“ Das ist im gewissen Sinne sowohl ein Bild als auch ein Loblied auf die Naturkomponente der fernöstlichen Identität. Der Naturbestandteil ist in einer Region des Fernen Ostens, auf Kamtschatka, besonders ausgeprägt. Nicht zufällig griffen alle Seminarteilnehmer, sowohl die Bewohner von Kamtschatka als auch diejenigen, die aus anderen Gebieten des Fernen Ostens nach Petropawlowsk gekommen waren, als sie gebeten wurden, Symbole von Kamtschatka zu nennen, ausschließlich auf „*Naturschönheits-Charakteristika*“ zurück: Vulkane, Geysire, Fisch, Kaviar, Bären, der schönste Ort, ein magischer Ort. Und laut Kommentaren der Teilnehmer der sozialen Netzwerke ist es ein Ort, der einen nie „*loslässt*“, selbst wenn man ihn vor langer Zeit verlassen hat.³

Sie (Kamtschatka) wird für immer in unserem Leben, in unseren Erinnerungen, in unserem Herzen bleiben. Niemand empfindet solche Gefühle wie wir Kamtschadalen, die Kamtschatka verlassen haben. Ich habe Kamtschatka 1989

---

¹ Vgl.: <http://traveller.com.ua/info/rafting/Fareastrafing.htm> (Abruf am 22.01.2011).

² Попов Э.: *Нарисовать портрет клиента* (Popow, E.: *Ein Bild des Kunden zeichnen*). In: *Дальневосточный капитал (Dalnewostotschny kapital)*. 2008. Nr. 4. S. 16.

³ Ziehst du nach Kamtschatka zurück? Ja oder nein und warum? Quelle: http://vkontakte.ru/topic-6013_476920 (Abruf am 20.01.2011).

verlassen, doch ich erinnere mich, ich sehne mich danach... Kamtschatka ist ein Teil von mir! Wenn ich eine Möglichkeit habe, werde ich zurück kommen... ob für lange Zeit, weiß ich nicht, aber ich komme bestimmt zurück.

„Ein fernes, dünn besiedeltes, schönes Land mit einer sauberen Umwelt.“ Dieses Bild, das sich auf den gesamten Fernen Osten bezieht und dem vorher erwähnten ähnelt, sollte gegen die Ergebnisse der soziologischen Umfrage unter Einwohnern der Region Chabarowsk abgewogen werden, die zum Ziel hatte, die wichtigsten Faktoren, die die Lebensqualität beeinträchtigen, zu identifizieren. Die Untersuchung ergab, dass 80,8 % der Einwohner von Komsomolsk am Amur und 81,8 % der Einwohner von Chabarowsk als einen solchen Faktor die Umweltverschmutzung in ihren Städten nannten.¹ Soviel zur sauberen Umwelt! So kommt eine weitere Facette der fernöstlichen Identität zum Vorschein: deren lokale/ subregionale Komponenten sind konkreter und stehen dabei mit der Wahrnehmung der gesamten Region in einem Konkurrenzverhältnis oder sogar im Konflikt.

Symbole, Mythen und Realien des Fernen Ostens

Während in den Bildern des Fernen Ostens Naturcharakteristika dominieren, kommen *in den Symbolen der fernöstlichen Städte und Gebiete* die historische und die funktionale Komponente klar zum Ausdruck. Eine Ausnahme bildet Kamtschatka, wo der Naturschwerpunkt zwar besteht, jedoch mit dem funktionalen Aspekt verknüpft wird.

Die unten angeführten Symbole wurden als Antworten auf die Fragen eines Quizz erhoben, in dem eine Aufgabe darin bestand, drei Symbole/ Bilder/ Fakten zu nennen, die mit einer bestimmten Region des Fernen Ostens assoziiert werden. Daher ist es nicht verwunderlich, dass in den Antworten, die unten in alphabetischer Reihenfolge aufgelistet werden, der fernöstliche Aspekt in den Hintergrund tritt.

CHABAROWSK: *Amur, Armee, Bär, Bauernhöfe, Brücke über den Amur, Chabarow*², *Eisenbahn, Hanf, Hauptstadt, Hauptstadt des Fernen Ostens,*

---

¹ Analyse der Umsetzung der Maßnahmen...

² Je. Chabarow war ein russischer Kolonist. Er führte in den Jahren 1649–1653 zwei Expeditionen in die Amurregion durch, die mit der Gründung des Städtchens Albasin und weiterer Siedlungen am Amur endeten.

Hauptstadtcharakter, Mücken, Murawjow-Amurski¹, Sauberkeit, Sportanlage für 7500 Personen, Tiger, Udehe², Zentrum, 5000-Rubel-Schein³.

PRIMORJE/ WLADIWOSTOK: *Ausländer, Autos, Chinesen, Darkin (Gouverneur), Flotte, Gelbes Meer, Goldenes Horn (Hafenbucht von Wladiwostok), Hafen, Importautos, inoffizielle Hauptstadt, Japaner, japanische Autos, Küste, Kurorte, Mafia, Meer, Möwen, Morgen, Nachtclubs, Schiffe, Seetang, Tadschiken⁴, Tiger, Vorposten.*

BLAGOWESCHTSCHENSK: *Amur, China, Chinesen, Dinosaurier⁵, Grenze, Handel, Hochschulbildung, Jugend, medizinische Universität, Raumflughafen, Soja, teure Häuser, Vorposten.*

KOMSOMOLSK AM AMUR: *Amur, Banditen, breite Straßen, ebene Straßen, Eisen, Fabriken, Flachland, Flugzeuge, Fluss, grün, Hauptstadt der Kriminalität, Industrie, Jugend, Luftfahrt, ein Mensch, der seinen Weg durch die Taiga bahnt⁶, Schwerindustrie, Stadt als Bauprojekt⁷, Tiger, Verwüstung, Weiten.*

SACHALIN: *Bergski, Erdöl, Fisch, Hafen, Insel, Isolation, Japaner, Kälte, Kohle, Kriege, Meeresfrüchte, Naturreichtum, Igor Nikolajew⁸, Politik, schlechtes Wetter, Schnee, Schwierigkeiten, Strafarbeit⁹, Tschechow¹⁰.*

---

¹ Graf N. Murawjow-Amurski war in den Jahren 1847–1861 Generalgouverneur Ostsibiriens. Er führte die Amur-Expeditionen von 1854–1855 an, unterzeichnete 1858 den Vertrag von Aigun mit China, nach dem das linke Ufer des Amur Russland zugeschlagen wurde. In Chabarowsk wurde ihm ein Denkmal gesetzt.

² Udehe sind ein indigenes Volk im Osten Sibiriens.

³ Auf dem 5000-Rubel-Schein ist die Stadt Chabarowsk abgebildet.

⁴ Wladiwostok gilt als die Stadt mit den meisten Arbeitsmigranten aus Tadschikistan im Fernen Osten (s. den Beitrag von Nadeshda Zoj in diesem Band).

⁵ Im Gebiet Amur wurden Überreste von urzeitlichen Echsen gefunden, unter anderem eine bisher unbekannte Art, die *Amurosaurus* genannt wurde.

⁶ Dieses Symbol ist im Wappen von Komsomolsk am Amur abgebildet.

⁷ Erinnerung daran, dass die Stadt Komsomolsk am Amur offiziell in den 1930er Jahren als Großbau von Komsomolzen aus der gesamten Sowjetunion errichtet wurde, obwohl in Wirklichkeit die wichtigsten Arbeitskräfte Häftlinge waren.

⁸ Sänger und Komponist, Autor des Liedes „Ein in Sachalin verliebter Mensch“.

⁹ In Zarenrußland war die Insel ein Gebiet für Strafarbeiter.

¹⁰ A. Tschechow hat eine Verbindung zu Sachalin, da dieser große russische Schriftsteller 1890 eine Reise auf die „Insel der Strafarbeiter“ machte und daraufhin auf der Grundlage seiner Eindrücke das Buch „Die Insel Sachalin“ schrieb.

KAMTSCHATKA: *Bär, Drei Brüder*¹, *die Fackeln von Kamtschatka*² (Bild 4), *Fisch, Geysire, Kaviar, Krabbe, Kronozki-Naturreservat, Kutka*³ (Bild 3), *Lachs, Malkinskaja Nr. 1 (Mineralwassersorte), Meer, Natur, Ozean, Quellen, Rentiere, Tal der Geysire, Vulkane.*

Bild 3. Kutka-Darstellung als Souvenir   Bild 4. Die Fackeln von Kamtschatka Graffiti in Petropawlowsk-Kamtschatski

Selbst bei dieser einfachen Aufzählung fällt eine gewisse Rivalität zwischen Wladiwostok und Chabarowsk auf. Beide Städte beanspruchen den Status der regionalen Hauptstadt — auch wenn es im Falle von Wladiwostok um den Status der inoffiziellen Hauptstadt geht. Die Einwohner der amtlichen Hauptstadt Chabarowsk rufen in ihren virtuellen Gemeinschaften zu Abstimmungen über „Die beste Stadt des Fernen Ostens!!!“ auf,⁴ und heben dabei die Vorzüge der eigenen Stadt hervor, auch wenn es manchmal mit einem ironischen Unterton geschieht:⁵

Chabarowsk ist die beste Stadt auf unserem Planeten, und andere Städte sind nur neidisch! Denn nur bei uns sind die Menschen so gut erzogen, dass sie keine Schimpfwörter verwenden, sondern sofort zuschlagen. Nur bei uns bezahlt man

¹ Felsen am Eingang zur Awatschinskaja-Bucht, an deren Ufer die Stadt Petropawlowsk-Kamtschatski liegt.

² Vulkane; Analogie zum Wappen Kamtschatkas.

³ Die Verkörperung des Geistes des Raben, die von den indigenen Völkern des Fernen Ostens seit jeher verehrt wird.

⁴ <http://vkontakte.ru/club11367699> (Abruf am 20.01.2011).

⁵ <http://vkontakte.ru/club21445732> (Abruf am 20.01.2011).

einen Taxifahrer nicht für das Fahren, sondern für das Warmwerden bei -30 Grad. Nur wir haben keine Angst vor den bösesten und fruchtbarsten Mücken. Nur hier fallen Assis lediglich bei Stadtfesten auf. Nur wir haben 7000 km weit von Moskau Moskauer Preise. Nur die Einwohner von Chabarowsk rauchen und werfen die Kippen in den Müllschacht, bevor sie den Müll hinausbringen. Wir sind es, die Benzin fördern und herstellen, dafür aber mehr als andere zahlen. Nur hier kosten Garagen soviel wie Autos, die in ihnen stehen. Nur wir erkennen blühende Erdbeeren an Scharen von Insekten. Nur hier gibt es im Winter Temperaturen von -40 und im Sommer von +40 Grad. Nur die Autofahrer von Chabarowsk fahren die besten und stärksten japanischen Autos und pressen Fußgänger, die nicht aufpassen, in den Boden. Das ist unser Chabarowsk!!! Das Zentrum der Welt!!!

Oder sie bekräftigen den Hauptstadtstatus mit einer gehörigen Portion Pathos:¹

Auf der Anhöhe von Amur
die Stockwerke hochtürmend,
ist sie gewachsen, stark und mächtig.
Sie wurde zur Hauptstadt der Region.
Hier, fast an der Grenze
ist Chabarowsk ein Beschützer und ein Krieger,
der es verdient,
den Titel der östlichen Hauptstadt zu tragen!

Lokale Mythen lassen sich in zwei Gruppen unterteilen: in Mythen, die außerhalb der Region entstanden sind und in eigene Mythen, die sich vor Ort entwickelt haben. Die Verknüpfung zwischen einem lokalen Mythos und der Identität liegt auf der Hand: Mythen prägen die Identität, indem sie das Gefühl der Zugehörigkeit des Menschen zu einem Ort fördern, stärken und sakralisieren. Die Mythologisierung eines Orts kann erfolgen, wenn Menschen in nostalgischen Erinnerungen an ihren Heimatort schwelgen, in Landsmannschaften miteinander verkehren usw.²

¹ <http://vkontakte.ru/club519012> (Abruf am 20.01.2011).

² Vgl. in diesem Zusammenhang: *Локальный миф: взгляд молодёжи*. Материалы междисциплинарного гуманитарного семинара «Структура локального мифа» 22–5 мая, 22–23 сентября 2006 года / Сост. А.А. Гудкова и Н.В. Липатова (*Lokaler Mythos: Sicht der Jugend*. Ergebnisse des interdisziplinären humanwissenschaftlichen Seminars „Struktur des lokalen Mythos“, 22.–25. Mai, 22.–23. September 2006. Hrsg.: A. Gudkova, N. Lipatowa). UIGU, Uljanowsk 2006.

Die Seminarteilnehmer versuchten, die Mythen des Fernen Ostens herauszuarbeiten, die sich auf das gesamte Gebiet beziehen. Sie kamen auf vier solche Mythen, die im Massenbewusstsein verankert sind und nach einmütiger Meinung außerhalb der Region entstanden sind: 1) wilde Tiere auf den Straßen; 2) Überfremdung durch Chinesen; 3) riesige Tiere und Pflanzen; 4) Fischfülle. Für Subregionen des Fernen Ostens wurde das entsprechende Ziel nicht explizit gesetzt, es klang aber dennoch einiges an. Als Beispiel kann die Meinung der Einwohner von Blagoweschtschensk angeführt werden, die von den Seminarteilnehmern aus dieser Stadt vermittelt wurde: *„In Magadan und in Jakutien sind die Löhne höher als in anderen Gebieten“*. Unabhängig davon, ob diese Überzeugung stimmt (und davon, inwieweit die Lebenserhaltungskosten in Magadan und in Jakutsk höher als in Blagoweschtschensk sind) ist dies eine eindeutige Ableitung der ewigen Alltagsmaxime von den „Kirschen im Nachbarsgarten“. Eine andere Behauptung gehört hingegen zur Kategorie der typischen „Horrorgeschichten“, die mit der ehrwürdigen Tradition der Mythenbildung gut im Einklang stehen, nach der *außerhalb des Heimatorts, bei den Anderen, in der Fremde* (man möchte hinzufügen: wo Menschen mit Hundeköpfen leben) Gefahren lauern müssen: *„In Wladiwostok schmeckt das Wasser nicht, und es kommt nur tropfenweise aus der Leitung. Und die Einwohner von Wladiwostok waschen sich nicht allzu oft“*.

Bei dem Versuch, im Rahmen des spielerischen Modells einen einzigen *einheitsstiftenden Mythos* herauszukristallisieren und ihn „in Umlauf zu bringen“, wurde nach einer intensiven Diskussion ein würdiger Anwärter gefunden: der Mythos, dessen Sinn sich mit dem Satz „Der Ferne Osten ist die Hochburg Russlands im Osten“ zusammenfassen lässt. Um die suggestive Wirkung dieses Mythos mit Mottos und Slogans zu verstärken, formulierten die Teilnehmer zwei Satzgruppen. Die Sätze der ersten Gruppe, in denen die Verteidigungs- oder Isolationismusmentalität, wie sie für den Kalten Krieg typisch war, zum Ausdruck kommt, entsprechen in vollem Maße dem Bild, das ich im Titel des Beitrags verwendet habe: Fernöstler als Atlanten der Staatlichkeit: *„Wir geben unser Heimatland nicht weg!“*, *„Die Grenze ist nah!“*, *„Der Ferne Osten — wir werden ganz Russland schützen!“*, *„Der Feind wird über die Vulkane stolpern und im Ozean ertrinken!“*. Die Sätze der zweiten Gruppe lassen sich auch auf die Sowjetzeit zurückführen und beziehen sich auf das Land, dass alles — von Raketen bis zu Stecknadeln — selbst herstellte: *„Kaufe russische Waren, der Ausländer soll sich in den*

Hintern beißen!“, „*Wenn du russische Waren kaufst, profitieren wir alle davon.*“ Dabei wurde der spielerische Charakter der Slogans der zweiten Gruppe von den Teilnehmern stärker wahrgenommen, da das heutige Volumen des Außenhandels zwischen dem Fernen Osten und China nicht darauf hoffen lässt, dass diese Aufforderungen bei der Bevölkerung Gehör finden.

Die Realien der Region. Bei der Konstruktion des einheitsstiftenden Mythos griffen die Teilnehmer nicht nur auf feststehende Bilder des Fernen Ostens, sondern auch auf dessen Realien zurück. Damit ist der Skeptizismus, der stets mit der spielerischen Mythenbildung einherging, zu erklären. Aber auch bei der Besprechung der Bilder fehlte es nicht an skeptischen Aussagen; so ließ ein Teilnehmer eine Bemerkung ab, in der gleichzeitig eine realistische Wahrnehmung des Status von Chabarowsk als regionale Hauptstadt und ein gewisser Abstand dieser Stadt vom Rest des Fernen Ostens zum Ausdruck kam: „*Vielleicht bin ich kein hundertprozentiger Fernöstler: ich lebe ja in Chabarowsk*“.

Die Seminarteilnehmer identifizierten die ihrer Meinung nach wichtigsten Realien des Fernen Ostens (Tabelle 5). Hier sollte verdeutlicht werden, dass es um *Realitätsvorstellungen* geht. Wie die Bildcharakteristika lassen sich auch diese Vorstellungen in den räumlichen und mit Ressourcen verbundenen Rahmen einordnen; es ist auch die Betonung der Einzigartigkeit der Region und deren Bewohner zu erkennen. Zugleich gibt es unter den erwähnten Realien zwei deutliche Tendenzen, die in den Bildern und Mythen nicht berücksichtigt werden und die von mir mit Absicht nicht in die Tabelle aufgenommen wurden.

Erstens handelt es sich um den *Bevölkerungsrückgang*. UNESCO-Prognosen zufolge wird die Gesamtbevölkerung des Fernen Ostens, wenn sich die heutigen demographischen Trends nicht umkehren, bis 2025 von 7 Mio. auf 4,7 Mio. schrumpfen und sich im Jahre 2050 auf bestenfalls 4 Mio. belaufen.¹ Es bestehen kaum Chancen, dass sich diese Prognose wegen innerer Migrationsströme in östlicher Richtung nicht bewahrheiten wird. Soziologischen Studien zufolge sind die Bewohner anderer Regionen Russlands keineswegs darauf erpicht, in den Fernen Osten umzusiedeln. Nur 19 % der Befragten gaben an, dass sie „bereit sind, im Fernen Osten eine

---

¹ Vgl.: <http://skatr.ru/gosudarstvvennyi-zhilishchnyi-sertifikat-dalnevostochnika-ili-proryvnaya-zhilishchnaya-politika> (Abruf am 22.01.2011).

Arbeitsstelle anzunehmen, wenn die Arbeit gut bezahlt wird“; 15 % waren der Meinung, dass der Ferne Osten gar nicht erschlossen werden sollte, sondern dass seine großen Ressourcen für spätere Generationen erhalten werden sollten; und weitere 30 % sprachen sich dafür aus, dass der Ferne Osten angesichts der harten Lebensbedingungen von vorübergehend entsandten Personen erschlossen werden sollte.¹

Tabelle 5

Realien des Fernen Ostens

Nähe zu Ländern Asiens
Harte Klimabedingungen (Kältepol Oimjakon)
Schlecht entwickelte Verkehrsinfrastruktur
Ferne, Verlassenheit
Vom Zentrum Russlands entfernt
Große Weiten
Naturressourcen
Toleranz der Menschen
Polyethnisch und multikonfessionell
Pazifische Marine
Gefühl einer besonderen Mission an der östlichen Grenze Russlands
Region der Zuwanderer mit Raubbau-Mentalität, Profitgeier
Starker Wettbewerb in der Fischindustrie
<u>Eine unglaublich schöne Region, Naturdenkmäler</u>

Ein weiteres Phänomen, das zwar nicht in der Tabelle vertreten, jedoch für die Teilnehmer angesichts ihres Alters und ihrer Beschäftigung relevant ist, ist *die Kluft zwischen den erworbenen Berufen und dem regionalen Bedarf*. Einer Umfrage von 2009 zufolge, in der Schulabsolventen von Komsomolsk am Amur zu ihrer Motivation befragt wurden, den fernen Osten

¹ *Beccmuuk MAF (Informationsblatt des Internationalen Versammlung von Haupt- und Großstädten)*, 2007. Nr. 5–6. S. 19.

zu verlassen,¹ lagen die Gründe für den Wegzug keineswegs in den fehlenden Bildungsmöglichkeiten oder in Problemen mit der Ausstattung mit modernen Kommunikationsmitteln (die Ausstattung von Schülern der Region Chabarowsk mit Computern liegt mit 98% weit über dem Russlanddurchschnitt), sondern in den geringen Aussichten auf einen guten Arbeitsplatz. Diesen Grund gaben 60 % der Befragten an. Doch auch die Schulabsolventen, die an regionalen Hochschulen studieren, wählen nicht die Studienrichtungen aus, die in der Region gefragt sind, sondern modische und renommierte Studiengänge. Folglich ergibt sich ein Teufelskreis, den Hochschulen nicht durchbrechen können.

Symbole der historischen Identität

Das ausdrucksstärkste Bild, das die Vielschichtigkeit der Selbstwahrnehmung eines Fernöstlers verdeutlicht, ist wohl das Bild der Matrjoschka-Puppe. Im Gegensatz zur Birke, die von den Einwohnern des Fernen Ostens „aussortiert“ wurde, bleiben die Matrjoschka und der Bär die allgemein anerkannten Symbole Russlands, was immer wieder von diversen Umfragen bekräftigt wird.² Für einen Fernöstler, selbst wenn er sich mit Hingabe für eine besondere fernöstliche Ethnie einsetzt³, ist es klar, dass er zugleich auch Russe oder Staatsbürger Russlands ist: diese Ebene macht also die größte „Matrjoschka-Puppe“ der Identität aus. Innerhalb dieser Matrjoschka befinden sich, nach der Bedeutung für das Land im Allgemeinen absteigend geordnet, „kleinere Identitätspuppen“. Zunächst kommt die Fernost-Matrjoschka — mit dem dazugehörigen Gefühl, Atlanten der Staatlichkeit zu sein und die Mission der Rettung der indigenen Völker und

---

¹ *Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 года (Strategischer Plan der nachhaltigen sozioökonomischen Entwicklung der Stadt Komsomolsk am Amur bis 2025)*. Chabarowsk 2010. S. 57.

² Vgl. z.B. die Ergebnisse einer 2009 durchgeführten Umfrage des Forschungszentrums der Rekrutierungsplattform SuperJob.ru: <http://www.gazeta.spb.ru/237325-0/> (Abruf am 22.01.2011).

³ Forum der Internetplattform „Poluscharije“ (Hemisphäre). Quelle: <http://polusharie.com/index.php?topic=123573.0> (Abruf am 21.01.2011). Auch der Autor der Idee ist der Meinung, dass die fernöstliche Ethnie „mit der russischen untrennbar verbunden (ist), da für Menschen, die in Russland leben, diese überethnische Identifikation nicht wichtig ist, weil ihr ohnehin alle angehören“.

der Sicherung des Zusammenhalts des Landes zu erfüllen¹, mit dem Überlebenszwang und... mit der immer präsenten, wenn auch nicht explizit sichtbaren, Bereitschaft abzuwandern. Auf der noch tieferen Ebene befindet sich die Identität der Bewohner einer Subregion des Fernen Ostens, der Einwohner einer konkreten Stadt (wobei die Identität der Einwohner der amtlichen Hauptstädte die subregionale gewissermaßen „verschlingt“), und noch tiefer liegen vielfältige Gruppenidentitäten, die nicht unbedingt an einen Ort geknüpft sind (Berufs-, Freizeitidentitäten usw.) und die persönlichen Identitäten.

Die geschachtelte Identitätsstruktur beeinflusste die Ergebnisse der Aufgabe, die von den Teilnehmern im Laufe der Diskussion zum Thema „Welche Art von Geschichte festigt die Identität?“ gelöst wurde. Sie wurden aufgefordert, eine Ereignisreihe aufzubauen, die den historischen Aspekt der russischen Identität abbilden sollte. Der Rückblick sollte auf das 20. und den Beginn des 21. Jahrhunderts beschränkt werden, und die Teilnehmer wurden in drei Gruppen aufgeteilt.

Die in Tabelle 6 ohne Korrekturen zusammengestellten Präsentationen aller Gruppen zeigen deutlich ein absolutes Übergewicht der militärischen und politischen Ereignisse über anderen möglichen Interpretationen der Geschichte durch Ereignisse oder Symbole. In der ersten Gruppe können nur vier der 15 Ereigniscluster (5, 8, 11, 13) als unpolitisch bezeichnet werden; in der zweiten Gruppe trifft diese Definition auf acht der 26 Cluster zu (1, 7, 11, 15, 16, 23) und in der dritten Gruppe auf drei von neun (1, 6, 9). Diese Betrachtungsweise ist nicht sehr streng, da sie beispielsweise die Neue Ökonomische Politik und ein in der Zukunft liegendes Ereignis — die Olympischen Winterspiele in Sotschi — einschließt und weil die Liste der unpolitischen Ereignisse zur Hälfte aus Katastrophen (Tschernobyl) oder ökonomischen Schocks (Staatspleite) besteht. Es wurden noch weniger Ereignisse genannt, die einen unmittelbaren Bezug zum Fernen Osten haben: dazu gehören der Bau der Transsibirischen Eisenbahn, der russisch-japanische Krieg, die Fernöstliche Republik, die Landung auf den Kurilen und die Niederlage der Guandong-Armee 1945. Es sollte in diesem Zusammenhang

---

¹ Vgl. z.B.: Ларин В.Л., Тураев В.А.: *Этнокультурное пространство Тихоокеанской России: триста лет эволюции* (Larin, W., Turajew, W.: *Ethnokultureller Raum von Pazifikrussland: Dreihundert Jahre Evolution*). Quelle: http://www.kscnet.ru/ivs/slsecret/konf_r/sbornik/pdf33.pdf (Abruf am 20.01.2011).

Tabelle 6

Ereignisreihe der russischen Geschichte des 20. — 21. Jahrhunderts

Gruppe 1	Gruppe 2	Gruppe 3
<p>1. Revolutionärer Wandel, der das moderne Bild des Landes geprägt hat: die Revolution von 1905–1907 und die Revolution von 1917.</p> <p>2. Erschießung der Zarenfamilie.</p> <p>3. Bürgerkrieg, 1918–1920. Fernöstliche Republik.</p> <p>4. Zweiter Weltkrieg, 1939–1945. Großer Vaterländischer Krieg, 1941–1945.</p> <p>5. Phase des Wiederaufbaus nach dem Krieg.</p> <p>6. Stalin und Personenkult Stalins. Stalin als Symbol des Staates, der UdSSR und des Sieges.</p> <p>7. Verwerfung des Personenkults. Parteitage und Chruschtschows Schuh in der UNO.</p> <p>8. Erschließung des Weltraums. Erster Sputnik. Raumfahrt der Hunde Belka und Strelka. Raumfahrt von Juri Gagarin am 12. April 1961. Ein Russe als erster Mensch im Weltraum.</p> <p>9. Perestroika, 1985. Michail Gorbatschow als „erster und letzter Präsident der UdSSR“.</p> <p>10. Zerfall der UdSSR, 1991, Aufteilung in mehrere Staaten.</p>	<p>1. Transsibirische Eisenbahn, 1895.</p> <p>2. Russisch-japanischer Krieg von 1904–1905. Russland verlor. Bis heute werden die Russland-Japan-Beziehungen dadurch belastet.</p> <p>3. Revolution von 1905–1907. Erstes russisches Parlament (1906). Erfahrungsmangel.</p> <p>4. Erster Weltkrieg, 1914–1918. Russland als 14-jähriger Heranwachsender: der Krieg zerstörte das, was davor aufgebaut worden war. Es wurde aber die Gasmasken erfunden, es gab Versuche, einen Panzer zu bauen.</p> <p>5. Revolutionen von 1917 (Februar, Oktober). Scheideweg der Landesentwicklung.</p> <p>6. Erschießung der Zarenfamilie.</p> <p>7. Neue Ökonomische Politik (NEP), 1921–1929. Kapitalismusprobe in einem sozialistischen Land.</p> <p>8. Repressalien der 1930er Jahre.</p> <p>9. Großer Vaterländischer Krieg von 1941–1945. Russland zeigte sich als mächtiger Staat. Syndrom des Kriegs gegen Napoleon von 1812: Soldaten sahen in Europa ein anderes Leben.</p> <p>10. Verhaftung von Laurenti Berija. Amnestie. Kritik am Personenkult.</p> <p>11. Jugendfestival, 1957. Neue Einflüsse. Jeans.</p>	<p>1. Bau der Transsibirischen Eisenbahn: Symbol des großen Landes. Heldenhafter Arbeits-einsatz.</p> <p>2. Phase der Revolutionen von 1905–1917. Menschen standen den ersten Erscheinungen einer demokratischen Gesellschaft gegenüber. Regimeänderungen. Sehr schwer zu beurteilen. Wir erinnern uns nur an Schulbücher.</p> <p>3. Industrialisierung und Kollektivierung. Diese Erscheinungen ermöglichten eine Entwicklung. Sie waren notwendig. Der rasante Fortschritt ermöglichte das Leben heute.</p> <p>4. Repressalien der 1930er Jahre. Tätigkeit des Vereins „Memorial“ ist essentiell und das ist richtig so. Fehler dürfen nicht wiederholt werden. Es ist nicht ganz richtig, Geschichte so teuer zu erkaufen.</p> <p>5. Großer Vaterländischer Krieg von 1941–1945. Sieg, Heldentum. Niederschlagung der Guandong-Armee. Landung auf den Kurilen.</p> <p>6. Erschließung des Weltraums.</p>

Tabelle 6

Gruppe 1	Gruppe 2	Gruppe 3
<p>11. Übergang zur Marktwirtschaft. „Schocktherapie“ von Jegor Gajdar, 1992.</p> <p>12. Sturm des Weißen Hauses, 1993.</p> <p>13. Inflation und Staatspleite von 1998.</p> <p>14. Wladimir Putin. Erhöhung des Ansehens Russlands. Vereinheitlichung der Symbole des neuen Russlands. Verfassung der RF im Schulunterricht und Deutung der Farben der Landesflagge. Verabschiedung der neuen Hymne Russlands mit Text.</p> <p>15. Dmitri Medwedew. Herausbildung der „Machtpartei“. Wie geht es weiter?</p>	<p>12. Kubakrise, 1962. Kalter Krieg und friedliche Konfliktlösung.</p> <p>13. Ereignisse in der Tschechoslowakei, 1968. Dissidenten.</p> <p>14. Afghanistan. „Internationale Pflicht“ als amorphe Erscheinung.</p> <p>15. Hockeyspiel zwischen der UdSSR und Kanada, 1973. Nationalmannschaft der UdSSR gewann das Spiel.</p> <p>16. Olympische Spiele von 1980 in Moskau. Die „Kehrseite“ des Landes wurde versteckt.</p> <p>17. Gorbatschow. Glasnost. Antialkohol-Kampagne.</p> <p>18. Unfall im Atomkraftwerk von Tschernobyl, 1986.</p> <p>19. Scheitern der UdSSR, 1991. Putsch: Versuch der KPdSU, an der Macht zu bleiben, den die demokratische Öffentlichkeit vereitelt hat.</p> <p>20. Ereignisse am Weißen Haus, 1993.</p> <p>21. Russische Verfassung von 1993.</p> <p>22. Erster Tschetschenienkrieg, 1994–1996.</p> <p>23. Staatspleite von 1998.</p> <p>24. Spekulationsblasen („Chopjor“, MMM usw.) Bevölkerung leichtgläubig.</p> <p>25. Terroranschlag in Beslan am 1. September 2004. Kampf gegen den Terrorismus. Erstarkung der Geheimdienste.</p> <p>26. Verstärkung der Demokratieideen in Russland unter Dmitri Medwedew.</p>	<p>7. Baikal-Amur-Magistrale. -Die Baikal-Amur-Magistrale musste gebaut werden.</p> <p>8. Zerfall der UdSSR von 1991. „Parade der Souveränitäten“.</p> <p>9. Olympische Spiele von 2014 in Sotschi. In der Zukunft...</p>

erwähnt werden, dass die Liste der bedeutenden regionalen historischen Ereignisse, die auf der Webseite des Klubs der Fernöstler, die sich für die Anerkennung einer neuen fernöstlichen Nationalität einsetzen, veröffentlicht ist, mit den wichtigsten Abschnitten der nationalen Geschichte übereinstimmt, obwohl das Übergewicht der militärischen und politischen Ereignisse dort viel schwächer als in den Präsentationen ausgeprägt ist:¹

Die Landwirtschafts- und Industriemesse von Amur
 Wladimir Kokkinaki fliegt von Moskau in den Fernen Osten ohne
 Zwischenlandung
 Der Große Vaterländische Krieg im Fernen Osten
 Die Schlacht von Wolotschajewka
 Bewaffneter Konflikt am Chassan-See
 Aufstand der Sprengmeister der Wladiwostok-Festung (1907)
 Russlandweite Konferenz zur Entwicklung von Sprachen und Schrifttum der
 Völker des russischen Nordens
 Hydrographische Expedition im Pazifik
 Partnerstädte
 Bürgerkrieg in Primorje
 Bürgerkrieg in Chabarowsk
 Bürgerkrieg im Fernen Osten
 Besiedlung der Amurregion
 Goldgewinnung am Amur
 Karte von Aleksej Nagajew
 Komarow-Lesungen
 Konsulate in Wladiwostok
 Das Leih- und Pachtgesetz im Fernen Osten
 Besetzung von Nordsachalin
 Tsunami bei Nordkurilsk von 1952
 Sturmangriff auf Spassk

Eine Gruppe bezeichnete den Großen Vaterländischen Krieg als Kern der nationalen Identität, was auch mit Ergebnissen von soziologischen Studien übereinstimmt: 2007 war für 67 % der Bevölkerung der Sieg das bedeutendste Ereignis in der Geschichte des Landes, auf das die Bürger Russlands noch heute stolz sind.² Im Allgemeinen waren die Präsentationen

¹ Vgl.: <http://edv.clubdv.ru/index.php> (Abruf am 23.01.2011).

² *Аналитический доклад по результатам исследования «Российская идентичность в социологическом измерении»*. Раздел 8. Историческое самосозна-

in ihrem Inhalt und in ihrer Logik durch den traditionellen Schulplan zur Geschichte Russlands praktisch vordefiniert. Als Beleg genügt es, das Inhaltsverzeichnis eines beliebigen Lehrbuches zur russischen Geschichte bzw. zur Geschichte der russischen Regionen zu betrachten. Hier ist zum Beispiel das Inhaltsverzeichnis des Abschnitts im Heimatkundebuch, in dem die Geschichte von Primorje im 20. Jahrhundert behandelt wird:¹

Primorje im ersten Viertel des 20. Jahrhunderts

Primorje in der Zeit des russisch-japanischen Krieges und der Revolution, 1905–1907

Primorje in der Zeit des Ersten Weltkrieges und der Revolutionen von 1917

Bürgerkrieg und militärische Intervention in Primorje (1918–1922)

Wirtschaftlicher Wiederaufbau in den 1920er Jahren

DIE REGION PRIMORJE IM ZWEITEN VIERTEL DES 20. JAHRHUNDERTS

Industrialisierung. Kollektivierung der Landwirtschaft

Administrative und territoriale Gliederung

Der Große Vaterländische Krieg von 1941–1945 und seine Rolle im Leben der Region

Sozioökonomische Entwicklung der Region in den Jahren 1946–1960

DIE REGION PRIMORJE IN DER ZWEITEN HÄLFTE DES 20. JAHRHUNDERTS

Bevölkerung der Region

Wirtschaft (Industrie, Verkehr, Landwirtschaft)

Kultur der Region Primorje (Bildung, Wissenschaft, Kunst)

Offensichtlich orientieren sich die Vorstellungen der Seminarteilnehmer von den Ereignissen von nationaler Bedeutung wie an einer Matrix immer noch an der ideologischen Darbietung des Geschichtsstoffes — ideologisch in dem Sinne, dass nur diejenigen Ereignisse der Vergangenheit für erwähnenswert erachtet werden, die den Großmachtstatus des Landes beeinflusst haben, sei es das Russische Reich, die UdSSR oder das postsowjetische Russland. Warum dies so ist, d.h. warum junge Menschen, die zum Großteil nach oder kurz vor 1991 geboren wurden, unter den —

ние и национальный менталитет россиян (*Analytischer Bericht zu den Ergebnissen der Studie „Russische Identität in der soziologischen Dimension“*. Teil 8. Historisches Selbstbewusstsein und nationale Mentalität der Russen). Moskau 2007. Quelle: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident_8.html (Abruf am 18.01.2011).

¹ Печёнкина В.А.: *Краеведение. Приморский край* (Petschonkina, W.: *Heimatkunde. Region Primorje*). Wladiwostok 2005. S. 4. Quelle: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=40993 (Abruf am 14.01.2011).

stärker oder schwächer ausgeprägten - Einfluss der Ideologie eines nicht mehr existenten Staates geraten, erklärten sie zum Teil selbst (auch wenn die Erklärung nicht vollständig war), als sie die Frage beantworteten, wie die sowjetische Perspektive in ihre Präsentationen kommen.

„Ich wurde in der UdSSR geboren.“

„Vor dem Zusammenbruch der UdSSR hat man uns beigebracht, unser Land zu lieben und darauf stolz zu sein, dann kamen unangenehme Aspekte der Geschichte auf, für die wir uns schämten. Und einige vergaßen lieber.“

„Ich bin nicht allein, wir hängen alle wie Perlen an einer Schnur, ich kann mich nicht absondern.“

„Wir haben die Selbstwahrnehmung als Teil eines Ganzen im Blut.“

„Wir werden im Dialog mit Freunden, Eltern, Büchern geprägt. Und wenn es nicht Bücher sind, so ist es das, was wir hören und sehen.“

„Jede Generation hat ihre eigene Identität, deren Grundlage jedoch von der Vorgängergeneration geschaffen wird.“

Während der Diskussion klang die Frage an: Welche Geschichte brauchen wir? Soll es eine Geschichte des Krieges oder des Friedens sein, soll sie freudig oder bitter sein, uns mit Stolz oder mit Scham erfüllen? Soll sie nur weiß oder nur schwarz oder vielleicht „gestreift“ sein? Im Dialog mit den deutschen Seminarteilnehmern wurde dazu viel gesagt, wobei es auch Versuche gab, die deutsche historische Identität zu begreifen, aber der Häufigkeit der einzelnen Antworten zufolge überwog als Fazit doch die Meinung, dass *„Russen keine Deutschen sind und deswegen negative Aspekte der Geschichte nicht als Bezugspunkte benutzen können“*.

Hier passt die Aussage von Oleg Gasmanow, dem Autor des Lieds „Ich wurde in der UdSSR hergestellt“ sehr gut. Von den meisten Vertretern der russischen Musikszene hebt er sich insofern hervor, als er eine landesweite Beliebtheit beansprucht, wobei dieser Anspruch nicht unbegründet ist. So gehört sein Lied „Offiziere“ bei festlichen Veranstaltungen von Vertretern der Sicherheitskräfte auf allen Ebenen mittlerweile fast zum Pflichtprogramm und wird auf Konzerten an ihren Berufsfeiertagen gespielt, und das Lied „Moskau — goldene Kuppeln“ wurde zu einem unabdingbaren Teil der festlichen Veranstaltungen, die auf die Hauptstadt oder auf Russland bezogen sind. Gasmanows Lieder werden von der älteren Generation bejubelt, ohne aber bei jungen Menschen auf Ablehnung zu stoßen. Sie gehören als eine wichtige und wirksame Komponente zu dem, was junge Menschen „hören und sehen“, was „von der Vorgängergeneration in ihre Identität eingepflanzt

wird“; sie sind an der Prägung eines Russlandbildes im Bewusstsein der Jugend und der Vorstellungen der jungen Menschen von der Landesgeschichte beteiligt. Der Text eines Hits kann die Wahrnehmung der historischen Ereignisse stark beeinflussen, wie auch meine eigene Erfahrung als Dozentin bekräftigt: Nachdem die Band „Ljube“ von Katharina der Großen gesungen hatte, die „zu unrecht“ Alaska an Amerika abgetreten habe, antworteten viele Absolventen, die diese Band gehört hatten, bei Geschichtsprüfungen auf die Frage: „Unter welchem Herrscher verkaufte Russland Alaska?“, dass es unter Katharina II. geschah (und nicht, wie es wirklich war, unter Alexander II.). Und als ich fragte, warum sie das glaubten, hörte ich immer die gleiche Antwort: „Es gibt doch so ein Lied“.

Gasmanow zufolge konnte er mit dem Lied „Ich bin in der UdSSR hergestellt“ zwei Ziele erreichen: positive Symbole besingen und die Hörer um diese Symbole vereinen.¹ Der Ferne Osten ist in diesem Lied präsent, und zwar als ein Teil des Landes, und daher werde ich alle Liedstrophen (ohne Refrain) zitieren und die Wörter und Zeilen, die einen Bezug zum Fernen Osten haben, kursiv hervorheben:²

Die Ukraine und die Krim, Belarus und Moldawien —
das ist mein Land.

Sachalin und Kamtschatka, das Ural-Gebirge —
das ist mein Land.

Die Region Krasnojarsk, Sibirien und die Wolgaregion,
Kasachstan und der Kaukasus, und das Baltikum auch.

Die Rjuriks, die Romanows, Lenin und Stalin —
das ist mein Land.

Puschkin, Jessenin, Wyssozki, Gagarin -
das ist mein Land.

Verwüstete Kirchen und neue Tempel,
der Rote Platz und der *Bau der Baikal-Amur-Magistrale*.

Olympisches Gold, Starts und Siege -
das ist mein Land.

Shukow, Suworow, Mähdrescher, *Sprengstoffminen* -
das ist mein Land.

¹ Vgl.: <http://www.florida-rus.com/09-05/freidgeim.htm> (Abruf am 12.01.2011).

² Газманов О.: *Сделан я в СССР* (Gasmanow, O.: *Ich wurde in der UdSSR hergestellt*). Quelle: <http://sotsprof.narod.ru/gazmanov.html> (Abruf am 11.01.2011).

Oligarchen und Bettler, Macht und Ruin,
KGB, Sicherheitskräfte und große Wissenschaft...

Glinka, Tolstoi, Dostojewski, Tschaikowski,
Wrubel, Schaljapin, Chagall, Ajwasowski,
Öl und Diamanten, Gold, Gas,
Flotte, Luftlandetruppen, Luftstreitkräfte und Sondereinsatztruppen,
Wodka, *Kaviar*, die Eremitage und Raketen,
die schönsten Frauen des Planeten,
Schach, Oper, das beste Ballet,
Sagt mir, wo gibt es etwas, was wir nicht haben?!

Selbst Europa vereinigte sich zu einer Union,
gemeinsam kämpften unsere Vorfahren.
Gemeinsam wurde der Zweite Weltkrieg gewonnen,
Gemeinsam sind wir das größte Land.
Grenzen schnüren uns die Luft ab, ohne Visum geht es nicht,
wie geht es euch ohne uns, antwortet, Freunde!

Sicherlich wurde der Inhalt der Präsentationen vom Alter und von der Tätigkeit der Seminarteilnehmer beeinflusst. Das kam unter anderem in der ausführlicheren Schilderung der Geschichte der späten UdSSR und Russlands nach Perestroika zum Ausdruck. Vor den 1990er Jahren sind in ihren Präsentationen sowohl *Ereignisse* (die Kubakrise, der Sieg in Hockeyspielen), als auch *Weichen* (Revolutionen, Weltkriege, erster Weltraumflug) und *Abschnitte* (die Neue Ökonomische Politik, die Kollektivierung, der Wiederaufbau nach dem Krieg usw.) der Geschichte vertreten. Nach der Wende von 1991 gibt es nur Ereignisse. Das ist auch logisch: diese Zeit ist den Teilnehmern und ihren Eltern aufgrund ihres Alters näher als die Stalinzeit oder gar der russisch-japanische Krieg; das Wissen über diese Periode ist allein aus dem Grund vollständiger, dass es nicht nur aus Schulbüchern und Monographien geschöpft ist. Aber ich wage anzunehmen, dass es auch einen weiteren Grund gibt: im Laufe des ersten postsowjetischen Jahrzehnts kam in Russland die Meinung in Umlauf, dass der Ferne Osten als eine sehr kostenintensive Region trotz der reichen Naturressourcen nicht besonders wichtig sei.¹ Diese Tonänderung in der Außenwahrnehmung des Fernen

---

¹ Auf der „hochtheoretischen“ Ebene findet dieser Standpunkt eine eigenartige Entsprechung in den quasi-historiosophischen Spekulationen von Igor Jakowenko,

Ostern von einer romantischen und positiven zu einer pragmatischen und negativen Sicht erhöhte im Fernen Osten selbst die Nachfrage nach der sowjetischen Vergangenheit, was zwangsweise zu einer starken Mythologisierung führte. Denn es war diese Vergangenheit, die den Fernöstlern den Respekt, manchmal sogar die Bewunderung der Einwohner anderer Regionen bescherte und einen Stolz verspüren ließ, dort zu leben und die Grenze zu sichern. Seit dem Ende der ersten Dekade des neuen Jahrtausends ist eine offizielle Geschichtspolitik deutlich zu erkennen, die, auch wenn sie die Verbrechen des Stalinregimes zugibt, die gesamte Sowjetperiode im Prinzip rehabilitiert.¹ Und hier liegt ein weiterer nicht unwichtiger Grund für die Aufarbeitung des Großteils der nationalen Vergangenheit als eine Liste von Belegen für die Größe des Sowjetimperiums.

Dies muss aber nicht bedeuten, dass die imperiale Geschichte für die Jugend nicht nur als Kompensationsmittel und vergangenheitsorientiertes Idealbild, sondern auch auf der Ebene der persönlichen Zielsetzung und Handlungen attraktiv ist. Im Alltag distanzieren sich Jugendliche des Fernen Ostens, wie alle jungen Einwohner Russlands, von großen historischen Epochen der Landesgeschichte. Auf diese Zeiten ist man „aus der Entfernung“ stolz, wobei die Russen soziologischen Studien zufolge keinen Wunsch verspüren, im Zentrum der Stolz einflößenden Ereignisse der 1940 — 1970er Jahre zu stehen.²

* * *

Bei einem Vergleich der Identitätsdefinitionen, die die Teilnehmer im Rahmen der Blitzumfrage gaben, mit dem Bild des Fernöstlers, das sich im Seminar ergab, wird klar, dass sich das Verständnis der Identität als Gleichsetzung und als Selbstdefinition am besten für die Entfaltung dieses Bildes eignet. Es wird auch verständlich, warum die Teilnehmer bei der

---

der die Abtrennung Sibiriens und des Fernen Ostens und den Verlust der russischen Identität durch die Bewohner dieser Regionen prophezeit. Vgl. z.B.: Яковенко И.: *Дезинтеграция РФ: сценарии и перспективы* (Jakowenko, I.: *Desintegration der RF: Szenarien und Perspektiven*). In: *Отечественные записки (Otetstschestwennyje zapiski)* 2002. Nr. 6. S. 126–140.

¹ Zu Geschichtspolitik im heutigen Russland sowie in Polen, Estland, China, Deutschland und Frankreich vgl.: *Pro et Contra*, 2009. Nr. 3–4.

² Vgl.: Analytischer Bericht zu Ergebnissen der Studie...

Diskussion sich so darum bemühten, diese beiden Begriffe voneinander abzugrenzen. Wenn Identität mit Selbstdefinition gleichzusetzen ist, so sind Fernöstler aktive, tätige Menschen, die selbständig Entscheidungen treffen. Die Migration aus der und in die Region beruht damit auf einer persönlichen, individuellen Entscheidung und ist eine mögliche und legitime Selbstdefinition. Es ist bemerkenswert, dass der Internet-Klub, der im Rahmen des russlandweiten Zensus die Aktion zur Anerkennung der Nationalität des „Fernöstlers“ startete, sich nicht nur bemüht, eine gemeinsame ethnische Dimension für die Einwohner der Region zu finden, sondern auch versucht, ihnen bei der Überwindung der Schwierigkeiten beim Umzug aus dem Fernen Osten zu helfen. Beim wichtigsten Thema des Forums geht es um die Probleme, die sich für Fernöstler an einem neuen Ort ergeben. Dort ist eine genaue Anweisung zu finden: eine Anleitung zu den einzelnen Handlungsschritten, eine Liste von Unterlagen, die für den Umzug erforderlich sind und das Budget des Umzugs mit Kalkulationen zu quartalweisen Lebenserhaltungskosten für eine allein stehende Person und eine Familie in Moskau und in St. Petersburg je nach Art der Mietwohnung.¹

Die fernöstliche Identität entspricht im Großen und Ganzen der allgemeinerussischen, doch mit einer kleinen „Korrektur“ in Richtung mehr Mobilität, einer höheren Aktivität, einer größeren Bereitschaft, die eigenen Probleme selbst zu lösen, ohne sie auf die lange Bank zu schieben. Dies geht mit der ausgeprägten Selbstdefinition über den Anderen und mit der nicht minder ausgeprägten Einzigartigkeit und der Exklusivität sowohl des Ortes als auch der Menschen einher. Diese drei Merkmale bilden wohl den Kern der fernöstlichen Identität. Zweifellos identifizieren sich die Fernöstler nicht nur mit Russland, sondern auch mit dem Fernen Osten und je nach Wohnort mit dessen Subregionen und Städten. Doch im Unterschied zu deren Namen ist der Begriff „Ferner Osten“ für dessen Einwohner nicht nur eine räumliche Markierung, sondern auch ein magisches Symbol, ein Mythenkonstrukt, auch wenn es mit einem konkreten Raum assoziiert wird.

---

¹ Vgl.: <http://www.clubdv.ru/perezdz/27-dv-perezdz-fin.html> (Abruf am 25.01.2011).

Sergej Panarin

**ANSTELLE EINES NACHWORTS:
ZWÖLF THESEN ZUR REGIONALEN IDENTITÄT**

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

А.С. Пушкин

Zwei Gefühle sind uns wundersam nah,
Aus ihnen speist sich das Herz:
Die Liebe zu der trauten Brandstätte,
Die Liebe zu den väterlichen Gräbern.

Auf ihnen gründet seit alters
Gemäß dem göttlichem Willen
Die Selbständigkeit des Menschen,
Der Unterpfand seiner Größe.

A. Puschkin

Im Vorwort wurde versprochen, dass nachdem der Leser oder die Leserin die Merkmale der fernöstlichen Identität, die *auf Personenebene* in den Texten und Aussagen der TeilnehmerInnen der Trainings zum Ausdruck kamen, aus der Nähe kennen lernt, eine wissenschaftliche Analyse des Begriffs „regionale Identität“ folgen wird. Das Wort muss gehalten werden, und so soll dieser Artikel, der nicht nur das Buch abschließt, sondern, wie die Abschnitte in Textkästen zeigen, auch auf den gesamten Inhalt Bezug nimmt und daher die Rolle eines Nachwortes spielt, einen Beitrag zur theoretischen Begriffsanalyse leisten.

I. Identität: Definition

Beginnen wir mit dem Oberbegriff *Identität*. Dieser Begriff wurde von Erik H. Erikson, einem amerikanischen Wissenschaftler mit dänischem Hintergrund, geprägt. Welche Bedeutung hatte für ihn der Terminus, den er in wissenschaftlichen Umlauf brachte? Erikson mied eindeutige Identitätsdefinitionen, was nicht bedeutete, dass er diesen Begriff gar nicht definierte, sondern sich in einer Pluralität der Definitionen äußerte. Diese Pluralität ist die Folge der Betrachtung der Identität sowohl als *Erscheinung* als auch als *Prozess* der Persönlichkeitsentwicklung, der von Identitätstransformationen in jeder Phase begleitet wird.

Unter den von den SeminarteilnehmerInnen formulierten Identitätsdefinitionen (Tabelle 1 im Beitrag von Nadeshda Lipatowa) überwiegt zwar eindeutig die Wahrnehmung der Identität als Erscheinung, es gibt aber auch solche, für deren AutorInnen die Identität etwas Veränderliches ist und somit ein charakteristisches Merkmal eines Prozesses besitzt. Am stärksten äußert sich diese Auffassung in der Definition, nach der Identität als „Selbstwahrnehmung *in einem bestimmten Zeitabschnitt* (Hervorhebung: S. P.)“ betrachtet wird. Von der gleichen Auffassung ist der Beitrag von Natalja Worobjowa geprägt: Die Umorientierung der Wirtschaftsbeziehungen des Fernen Ostens zu Staaten der Region Asien-Pazifik kann zu Verschiebungen in der Selbstidentifikation der Bewohner der Region führen.

Die Bedeutung der Identität setzt sich für Erikson aus drei Entitäten zusammen:¹

At one time it (der Begriff — S. P.) seemed to refer to a conscious sense of individual uniqueness, at another to an unconscious striving for a continuity of experiences, and at a third, to solidarity with a group's ideals.

Im Hinblick darauf, dass ich mich mit der Art von Identität beschäftige, die eine territoriale Grundlage hat, erlaube ich mir, Erikson umzuformulieren: Identität ist das *Selbstbewusstsein, das zu einer einzigartigen Integrität im Zeitverlauf und zu einer mit anderen geteilten Gleichheit im Raum strebt*. Sowohl aus der ursprünglichen Definition als auch aus der Paraphrasierung

---

¹ Erikson, Erik H.: *Identity. Youth and Crisis*. Faber and Faber Ltd., London 1968. P. 208.

lässt sich jedoch ein Rückschluss ziehen: „Identität“ weist sowohl auf Individuelles (Persönlichkeit) als auch auf Kollektives (Gemeinschaft) hin, unter anderem auf die in räumlichen Kategorien definierte regionale „vorgestellte Gemeinschaft“.

In einigen Definitionen der Seminar TeilnehmerInnen ist Identität individualisiert („Selbstwahrnehmung“, „Gleichheit mit sich selbst“); häufiger ist aber die Bezugnahme auf eine Gruppe, was dazu verleitet, Rückschlüsse über den russischen Kollektivismus, „Sobornost“ und dergleichen zu ziehen. Des Rätsels Lösung ist aber einfacher: das Thema des Seminars und die Seminarunterlagen *stimmten die TeilnehmerInnen darauf ein*, sich vor allem auf die bezugnehmende Auffassung der Identität zu konzentrieren. Der Fokus auf das Kollektive wurde auch dadurch verstärkt, dass die meisten Aufgaben gemeinsam, in Gruppen gelöst wurden. Somit war die Betonung des Zugehörigkeits-Aspekts der Identität nur *situativ*, und obwohl die individuellen Identitäten der TeilnehmerInnen aus diesem Grund unmittelbar im Seminar nicht immer einen adäquaten verbalen Ausdruck fanden, steht ihre Vitalität außer Zweifel. Darüber hinaus sagt all das, was im Folgenden als Beleg für die Verletzung der „einzigartigen Integrität“ der einzelnen Seminar TeilnehmerInnen interpretiert wird, nicht so viel über die TeilnehmerInnen aus — die allesamt einzigartige und höchst sympathische Persönlichkeiten sind — sondern vielmehr darüber, dass sie unbewusst kollektive Identitätsformen übernahmen.

II. Positive und negative Identität

Erikson hob die Wichtigkeit der Vollständigkeit der Identität hervor. Was er meinte, veranschaulichte er mit Zitaten aus W. James und S. Freud. Der Erstere nahm an, dass “a man’s character is discernible in the mental and moral attitude in which, when it came upon him, he felt himself most deeply and intensely active and alive”.¹ Der Letztere fühlte sich „free from many prejudices which restricted others in the use of their intellect“ und war bereit, „to join the Opposition, and to do without agreement with the „compact majority““. In beiden Fällen sehen wir unabhängige, frei denkende und bewusst handelnde Menschen, die in Eriksons Begriffen eine *positive* Identität haben, die „ein subjektives inspiriertes Gefühl von Gleichheit und Integrität“ verleiht.

---

¹ Hier und im Folgenden: *ibid.* P. 19–21.

Die *negative* Identität müsste also etwas Gegensätzliches sein: sie müsste nicht ein inspiriertes und stolzes, sondern ein erniedrigendes Gefühl verleihen: das Gefühl der fehlenden Integrität oder einer „Integrität“, für die man sich schämen sollte. Das stimmt aber nur zum Teil. Denn die Antinomie besteht nicht so sehr in der *emotionalen Wahrnehmung* der Identität als vielmehr in deren *inhaltlicher Ausrichtung*. Positive Identität ist *aktiv*: sie setzt die Integrität der Lebenskraft und der Bereitschaft zur Überwindung der Umstände, die der Selbstverwirklichung im Wege stehen, voraus. Es geht um die Überwindung der eigenen Unsicherheit oder Selbstzufriedenheit, der gesellschaftlichen Trägheit und der Unfreiheit im Denken. Erikson fügt an, dass das „wahre Identitätskriterium“ die *ethische Fähigkeit*¹ sei, oder die Fähigkeit, sich in Handlungen und in Beziehungen von der Moral leiten zu lassen. Daraus folgt, dass als Antithesen zur positiven Identität die Bereitschaft, die äußeren Umstände hinzunehmen, und eine mechanische Akzeptanz der Mehrheitsmeinung und der herrschenden Wahrnehmungstereotype gelten können. Ich würde hinzufügen, dass dabei Ethik mit Etikette, Taten mit Ritualen, Selbstsicherheit mit Selbstüberschätzung und Stolz mit Hybris vertauscht werden; diese Vertauschung ist auch ein Merkmal der negativen = *unkreativen* Identität.

Bei der Identifizierung einer Person handelt es sich um die Herstellung von Gleichheit/ Integrität *in Bezug auf die Anderen* — auf „uns“ und auf „sie“ -, um die Festlegung der „Wir-Gemeinschaft“ (emotional positive Identifizierung) oder der „Sie-Gemeinschaft“ (negative Identifizierung) als der eigenen Gemeinschaft und um den Prozess der „Erkennung“ von sich selbst und der Umwelt. Deutsche Ethnologen nahmen an, dass sich die Umwelt sowohl in der tatsächlichen, aktuellen sozialen Umgebung einer Person als auch in der Person selbst manifestiert; dabei ist die Innenwelt nichts anderes als die frühere Umgebung, die sich zwar zeitlich in der Vergangenheit und räumlich außerhalb der aktuellen Lebensumstände befindet, doch in den Vorstellungen von der Außenwelt weiter besteht.² Daraus folgt, dass Identität zwangsweise eine historische Komponente besitzt als Erinnerung an Ereignisse und Empfindungen des persönlichen Lebens, aber auch als mit Anderen (sowohl mit „uns“ als auch mit „ihnen“) geteilte Vergangenheitsbilder oder Mythen, aus denen sich das kollektive

---

¹ Hier und im Folgenden: *ibid.* P. 39.

² *Ibid.* P. 24 - 26.

historische Gedächtnis zusammensetzt. Und hier kommt wieder die Trennlinie zwischen der positiven und der negativen Identität zum Vorschein. Bei der Ersteren geht der Stolz auf die Geschichte mit einer durchaus kritischen Einstellung zur Vergangenheit einher, wobei Mythen, die zur historischen Identität gehören, nicht als absolutes Gut wahrgenommen werden; bei der Letzteren rangiert die stolze Vergangenheit höher als die als störend empfundene niederträchtige Gegenwart, und Geschichtsmymen dienen der Identität als Siegestrophäen, die symbolisieren, dass sie ein für allemal „erschaffen“ wurde. Dabei steckt in der Tiefe einer solchen Wahrnehmung der Vergangenheit, die ihr Ewigkeitszüge verleiht, die Angst vor dem Nichtsein, unter anderem vor der kollektiven Zerstörung oder, im Extremfall, vor der Ausrottung der Art. Indem wir das unerschütterliche Bild der Vergangenheit verewigen, hoffen wir unterbewusst, in der Zukunft weiter zu bestehen — sei es als Humus der Geschichte, als Lehm, aus dem ein neuer Weinkrug für einen neuen Omar Khayyam geformt wird... Als wären vor zwei Jahrhunderten nicht die Worte eines Dichters mit einer positiven Identität auf dem Sterbebett gesprochen, die diese Täuschung gnadenlos zerschmettern:¹

Aller Menschen Werke reißet
Schnell hinweg der Strom der Zeit,
Völker, König-, Kaiserreiche
Sinken in Vergessenheit.
Selbst was in dem Klang der Leier
Noch bestehet kurze Frist,
In dem Schlund der Ewigkeiten
Bald es hingeschwunden ist.

In der historischen Grundlage der Identität der heutigen Deutschen — wie sie im Artikel von Ulrike Huhn dargestellt wird — steckt die Verurteilung des Nationalsozialismus mit der notwendigen Voraussetzung — dem Schuldbekenntnis für die Vergangenheit. Angesichts des Aspekts der *bewussten Überwindung* handelt es sich um eine positive Identität. Die Geschichtsmatrix der russischen Identität, die in den Gruppenpräsentationen der SeminarteilnehmerInnen zum Vorschein kam (s. Tabelle 6 im Beitrag

---

¹ Gedicht von Gawriil Dershawin. In: *Letzte Gedichte. Von Walther von der Vogelweide bis Wolfgang Hilbig*. Herausgegeben von Jutta Rosenkranz. Zürich 2007. S. 13.

von Nadeshda Lipatowa) ist anders. Dort sehen wir nur Heldentaten; und auch wenn Leid erwähnt wird, so erscheint es, als würde es durch Machenschaften der Feinde oder Gräueltaten der Herrscher über das unschuldige Volk gebracht. Ich glaube, dass diese historische Komponente der Identität als rein huldigend und daher nicht schöpferisch, also im Wesentlichen als negativ betrachtet werden sollte. Auch wenn sie positive *kompensatorische* Emotionen weckt, wird das Bewusstsein von ihnen nicht angeregt, sondern eingeschläfert.

III. Identität: Jugend, Ideologie und Politik

Junge Menschen verspüren „a universal psychological need for a system of ideas that provides a convincing world image“. Die Funktion der Herstellung eines „geographic-historical world image as a framework for the young individual’s budding identity“ wird von der *Ideologie* erfüllt.¹ Zu diesem Zweck mobilisiert sie diejenigen Bestandteile des historischen Gedächtnisses einer Gesellschaft, die zu der Aufgabe der ideologischen Vereinfachung des Weltbildes nicht im Widerspruch stehen. Hier ist nicht einmal von der „Erschaffung der Tradition“² oder der Einforderung der „Erstgeborenenrechte“³ die Rede — um das historische Gedächtnis neu zu erschaffen, genügt es, dass die Ideologie ständig auf einige Komponente dieses Gedächtnisses zurückgreift und andere verdrängt. Als Instrument der

---

¹ Erikson, Erik H.: *ibid.* P. 188, 31.

² Damit ist der Prozess gemeint, bei dem Dinge, Ideen und Institutionen in der Gegenwart erschaffen, jedoch dem Erbe der Vergangenheit zugeschrieben werden. Eine unübertroffene Musteranalyse dieses Phänomens bleibt das gleichnamige Buch. Vgl.: Hobsbaum, Eric and Terence, Ranger (eds.): *The Invention of Tradition*. Cambridge Univ. Press, Cambridge e.a. 1983.

³ D.h. der Anspruch auf Überlegenheit eines Volkes aufgrund seiner außerordentlich langen Geschichte, der vergangenen Größe, kultureller Großtaten u.a. Im postso-wjetischen Raum gibt es wahrlich unzählige Schriften dieser Art; in der Fachliteratur wurde dieses Phänomen schon oft analysiert, vgl. z.B.: Shnirelman, Victor A.: *The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. In: *Senri Ethnological Studies* no. 57. National Museum of Ethnology, Osaka 2001; Горак Славомир: *Мифы Великого Туркменбашуи* (Gorak, Slawomir: *Mythen des Großen Turkmenbaschi*). In: *Вестник Евразии (Westnik Jewrasii)*, 2005. Nr. 2 (28). S. 105–132; *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / Под ред. Аймермахера К., Бордюгова Г. (*Nationalgeschichten in der Sowjetunion und in postsowjetischen Staaten*. Hrsg.: K. Eimermacher, G. Bordjugow). Airo-XX, Moskau 1999.

ideologisierenden Mobilisierung der Vergangenheit dient die sogenannte „Erinnerungspolitik“ oder „Geschichtspolitik“ des Staates. In Krisenzeiten führt sie die Ätiologie der heutigen Probleme auf die Vergangenheit zurück, wobei das unter Betonung der Kritik und der Logik und mit Anspruch auf eine kritische und logische Erkenntnis und Erklärung der Vergangenheit geschehen kann. Die ersten Versuche einer vergleichenden Analyse der Geschichtspolitik in unterschiedlichen Ländern zeigen jedoch,¹ dass sich meistens eine andere Strategie durchsetzt: durch die „Kraft des historischen Vorbilds“ und die „Poetik des Mythos“ wird eine unkritische, emotionale Akzeptanz von dem, was unter Ansicht der Mobilmacher akzeptiert werden muss, angeregt. Auf den ersten Blick ist in Ländern, die eine Krise der nationalen Identität erleben, selbst diese Politik besser als gar keine; wird aber der therapeutische Effekt von heute in der Zukunft nicht in eine noch stärkere nationale Schizophrenie münden?

In Russland, wo Geschichtspolitik noch in Kinderschuhen steckt, ist es zu früh, von deren Einfluss auf die Gemüter zu sprechen. Wir dürfen jedoch nicht vergessen, was ihr voranging und was mit ihr einhergeht. Es handelt sich um immer häufiger werdende Rügen der „Lästerer“ der glorreichen russischen Geschichte. Um Spekulationen der Befürworter des Zivilisationsansatzes, die die langweilige, profane Empirie verschmähen und nicht schlechter als die Koryphäen des verworfenen Formationsansatzes in himmlische Höhen der Theorien emporsteigen. Um jahrhundertalte organistische Erklärungen der Geschichte, die sich dank Lew Gumiljow in Russland wieder großer Beliebtheit erfreuen. Um geopolitische Studien, in denen die Überzeugung von der unbesiegbaren Kraft des „Lebensraums“, der „Achsen“ und der „Korridore“ friedlich mit dem Glauben an die Übermacht der „Weltverschwörer“ koexistiert. Um unzählige ethnogenetische Phantasien, die allesamt damit enden, die Landsleute des Verfassers zu Verwandten der Sumerer, Etrusker, Parther oder Mayas zu erklären. Um einen kolossalen Strom von zwanglosen Wortschwallen a la Radsinski². Vor diesem Hintergrund ist der Reduktionismus nach sowjetischem Muster, der die bereits erwähnten Präsentationen im Seminar auszeichnete, wenigstens insofern besser, als er ohne „Passionarier“, „jüdische

---

¹ Vgl.: *Pro et Contra*, 2009. Nr. 3–4. Историческая политика (Geschichtspolitik).

² Edward Radsinski ist russischer Moderator und Autor, der durch populäre publizistische Bücher und Sendungen zur russischen Geschichte bekannt ist.

Freimaurer“, „Hyperboreer“ und andere exotische Demiurgen des Geschichtssprozesses auskommt.

Das Ziel der Geschichtspolitik besteht darin, im öffentlichen Bewusstsein eine Version eines bestimmten Wissensbereiches — der Geschichte — zu verankern. Doch da sie sich in erster Linie an junge Menschen richtet, darf sie nicht nur *ideologisch* und nicht bloß *Branchenpolitik* sein, sondern muss auch zur *Sozialpolitik* werden. Dabei soll sie nicht nur an Jugendpolitik anknüpfen, sondern sich auch von deren Schwächen befreien.

Mit der Jugendpolitik im Fernen Osten befasst sich die Analyse von Michail Bljacher; Anastassija Karlowskaja erwähnt dieses Thema in ihrem Beitrag als einen Faktor der zivilgesellschaftlichen Entwicklung, und Irina Nowikowa kommt in ihrem Artikel auf Jugendpolitik als eine Möglichkeit der Eindämmung der Abwanderung junger Menschen zu sprechen. Die drei Texte zeigen, jeder auf seine Art, *subregionale* Besonderheiten von Chabarowsk und des Gebiets Amur. Einige dieser Besonderheiten könnten sowohl für die Subjekte als auch für die Objekte der Jugendpolitik von Nutzen sein: in Chabarowsk könnten sie offizielle Jugendorganisationen den in Netzwerken organisierten Jugendlichen näher bringen, und in Blagoweschtschensk die Beteiligung junger Menschen an zivilgesellschaftlichen Institutionen verstärken. Der negative Effekt von anderen charakteristischen Merkmalen, z.B. den geringen Beschäftigungsmöglichkeiten für Jugendliche, könnte wiederum bei einer stärkeren Berücksichtigung der *sozialen* subregionalen Spezifik besser abgeschwächt werden. Diese wird aber, den Beiträgen zufolge, sowohl von Jugendämtern und zivilgesellschaftlichen Institutionen als auch von Hochschulen und der Verwaltung ignoriert. Personen und Institutionen, die für Geschichtspolitik verantwortlich sind, werden ihre Ziele nicht erreichen, wenn sie das Regionale genauso ausklammern, wie die Behörden, die für Jugendpolitik und für den Inhalt der Geschichtslehrbücher zuständig sind, unter anderem wenn der Ferne Osten im historischen Gedächtnis seiner Bewohner weiterhin genauso schwach wie jetzt vertreten sein wird.

IV. Regionale Identität: Definition

Zu Beginn der Abhandlung der regionalen Identität möchte ich hier einige neuere Definitionen präsentieren. Hier ist eine Definition von G. Korepanow, die eine ausgeprägte axiologische Ausrichtung hat:¹

---

¹ Корепанов Г.С.: *Региональная идентичность: социокультурный и социально-экономический подходы* (Korepanow, G.: *Regionale Identität: soziokultureller*

Die provinzielle (regionale) Identität setzt sich aus erlebten und bewusst werdenden Sinnbedeutungen und Werten der „eigenen“ lokalen Gemeinschaft zusammen, die ein praktisches Gefühl (Bewusstsein) der territorialen Zugehörigkeit eines Individuums und einer Gruppe prägen.

Meiner Ansicht nach werden hier die sinnstiftende Bedeutung der regionalen Identität und der Grad des Identitätsbewusstseins überschätzt. Außerdem bleibt es unklar, was mit dem „praktischen“ Gefühl der regionalen Zugehörigkeit gemeint ist.

Der wichtigste Kritikpunkt an Korepanows Definition liegt aber woanders: hier werden die provinzielle und die regionale Identität gleichgesetzt, was, wie Natalja Didkowskaja zeigte, unzulässig ist. Auch wenn die Definitionen „provinziell“ und „regional“ oft in einem Kontext verwendet werden und daher „nebeneinander“ stehen, liegen sie konzeptuell genauso weit auseinander wie der Nord- und der Südpol. Das Provinzielle geht immer von einem Vergleich mit der Hauptstadt aus, während das Regionale auch ohne einen solchen Vergleich gilt. Wenn ich als Einwohner von Moskau in Gesprächen mit Menschen aus Wologda, Kursk, Chabarowsk usw. das Wort „Provinz“ gebrauche, räume ich immer ein, dass ich diesen Begriff für die Bezeichnung eines Gebiets und nicht für die Bewertung des Lebens oder der Kultur außerhalb der „Hauptstadtregion“ verwende. Wenn aber eine qualitative Bewertung in der Definition des „Regionalen“ durchscheint, so bezieht sie sich nicht auf die verallgemeinernde Kategorie, sondern auf einen genau definierten Ort. Es ist auch denkbar, dass Vorstellungen von einer Region entstehen, die deren Namen zum Symbol einer bestimmten Eigenschaft erheben. Julia Fajsrachmanowa sammelte beeindruckende Beispiele einer solchen Transformation des Toponyms „Kamtschatka“ in Frankreich. Doch auch in diesem Fall wird ein ganz konkreter Ort symbolisiert.

Es werden ebenso Definitionen von L. Smirnjagin und A. Gontscharik zitiert. Der Erstere bezeichnet regionale Identität als „die Vorstellung von einem Areal, auf das sich soziale Beziehungen der Bezugsperson

---

und sozioökonomischer Ansatz). In: *Известия Уральского государственного университета (Zeitschrift der Staatlichen Universität Ural)*, 2009. Nr. 3 (36). S. 277. Quelle: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_\\$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a29&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0065%2801_$03-2009%29&xsl=showArticle.xslt&id=a29&doc=../content.jsp) (Abruf am 05.01.2011).

erstrecken“¹ und der Letztere spricht von „sozial geteilten Vorstellungen, von den Grenzen der Gemeinschaft, von Zugehörigkeitskriterien, die Autostereotype in Zeit und Raum prägen“². Im Unterschied zu Korepanow beschränken sich beide auf einen Hinweis auf die *räumliche* Wahrnehmung der regionalen Identität durch deren Träger, auf die Vorstellung von der Grenze, ohne sie mit allgemeingültigem Inhalt zu füllen. Dabei erachtet es der Erstere für wichtig, hervorzuheben, was die Menschen in der Region miteinander *verbindet* (soziale Beziehungen) und der Letztere, was sie von anderen Regionen *trennt* (Autostereotype).

Die Auswertung der Ergebnisse der Kamtschatka-Trainings lässt an der Allgemeingültigkeit der beiden Akzentsetzungen zweifeln. Im Beitrag von N. Lipatowa wird deutlich, dass die gemeinsame Identität dank virtuellen sozialen Beziehungen die Bewohner der Region nicht nur miteinander, sondern auch mit Menschen, die dort früher lebten, verbindet. Und aus dem Artikel von Ju. Fajsrachmanowa geht hervor, dass dies im Falle von Kamtschatka zum Teil auch für Menschen gilt, die nicht ständig im Land der Vulkane leben oder lebten, sondern nur ab und zu dorthin reisen. Der Fall von Kamtschatka liefert auch Swetlana Kondraschenkowa und Olga Schirjajewa überzeugende Argumente für die These, dass die sozialen Bindungen, die die regionale Identität unterstützen, durch eine tiefere Grundlage der Kamtschatka-Gemeinschaft, und zwar durch gleiche Besonderheiten der Psyche, gemittelt werden können. Andererseits stammt ein großer Teil der

---

¹ Смирнягин Л.В.: *О региональной идентичности* (Smirnagin, L.: *Zu regionaler Identität*). In: *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Рос. ассоциация междунар. исследований. (Raum und Zeit in Weltpolitik und internationalen Beziehungen: Ergebnisse des 4. Konvents des Russischen Verbands für internationale Studien. In 10 Bänden). MGIMO-Universität, Moskau 2007. Т. 2. Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий / Под ред. И.М. Бусыгиной (Bd. 2. *Identität und Souveränität: neue Ansätze zum Begriffsverständnis*. Hrsg.: I. Bussygina). S. 96. Quelle: <http://www.mgimo.ru/filesserver/books/rami-4konvent/t2-smirnyagin.pdf> (Abruf am 16.01.2011). S. 98.*

² Гончарик А.А.: *Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности* (Gontscharik, A.: *Theoretische Probleme der Erforschung der Herausbildung der regionalen Identität*). Quelle: <http://scipeople.ru/uploads/materials/819/2010-goncharik-imemo-regional-identity-report.pdf> (Abruf am 05.01.2011).

heutigen Autostereotype der Bewohner des Fernen Ostens von außerhalb und eignet sich darüber hinaus nicht immer für die Abgrenzung der Fernöstler von, sagen wir, den Bewohnern der Nachbarregion Sibirien.

Was sollte denn bei der Definition der regionalen Identität als *conditio sine qua non*, d.h. das *Grenzmerkmal* gelten, dessen Beseitigung zur Auflösung des Begriffs führt und das in jedem Einzelfall vorhanden ist, wie unterschiedlich diese Fälle sonst auch sein mögen? Die physikalischen und geographischen Bedingungen der Regionen sind äußerst vielfältig: auch innerhalb einer Klimazone kann es gravierende Landschafts- und Klimadifferenzen geben, ganz zu schweigen von Unterschieden zwischen den Zonen. Darüber hinaus werden diese von sozialen und kulturellen, ethnischen und linguistischen Differenzen, von Rassenunterschieden und Eigenarten der gesellschaftlichen Bestimmungen, der historischen Erfahrung und des Geschichtserbes auf nationaler Ebene und auf der Ebene sozialer Gruppen innerhalb einer Nation überlagert. Es ist wahr, dass als übliches Kriterium die Spezifik der Werte, Normen und Verhaltensformen der Bevölkerung einer bestimmten Region herangezogen wird,¹ doch auch dieses Kriterium kann nicht als universell gelten,² da auch folgendes wahr ist: „a differentiation of values is not necessary for a region to develop its own identity“.³

Im Hinblick auf das Gesagte wird die folgende Definition der regionalen Identität vorgeschlagen: *eine Identität, deren Grenzmerkmal die Bezugnahme eines Individuums und/ oder einer Gruppe auf die Lokalisierungsebene einer realen und/ oder vorgestellten Gemeinschaft im physischen Raum ist, die nicht der nationalen und der globalen Ebene entspricht.*

---

¹ Vgl.: Keating, Michael: *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham 2000, P. 85 - 95.

² Davon war bei der Analyse der Definition Korepanows die Rede. Ich möchte hier hinzufügen, dass die kulturelle Spezifik unter bestimmten historisch-geographischen Umständen von der Spezifik des rein ökonomischen *staple*-Faktors verdrängt wird: der Ausrichtung des gesamten Lebens in einer Region auf die Herstellung einer Ware. Vgl.: Roberts B.: *Cities of Peasants: The Political Economy of Urbanization in the Third World*. London 1978. Als Beispiel kann die Silberherstellung in Alto Perú (heutiges Bolivien) im 16. — 17. Jahrhundert oder die Baumwollproduktion im sowjetischen Zentralasien angeführt werden.

³ Keating, Michael: *ibid.* P. 90.

V. Identität: räumliche Ebenen

Auch wenn das lateinische Wort *locus* nicht nur als *Ort*, sondern auch allgemeiner als *Position*, *Stellenwert*, *Platz* oder *Rang* übersetzt werden kann,¹ habe ich mich in meiner Definition der regionalen Identität auf den räumlichen Bezug fokussiert, um die regionale Identität von der ethnischen abzugrenzen. Diese kann ebenfalls auf einen Ort hinweisen, da die meisten Ethnien kompakte Siedlungsgebiete haben; doch als die *conditio sine qua non* bei der Identifizierung nach ethnischen Merkmalen gilt nicht der Raum, sondern die Kultur. Noch größer ist in meiner Definition der Abstand der regionalen Identität von der nationalen (Russe, Amerikaner, Inder) und der globalen (Erdbewohner, Weltbürger, Kosmopolit). Offen bleibt die Frage nach der Abgrenzung von anderen territorialen Verortungen.

Anssi Paasi unterscheidet vier Ebenen der territorialen Umgestaltung: die lokale, die regionale, die nationale und die globale Ebene.² Michael Keating führt sechs territoriale Ebenen als soziale Systeme an: die globale, die kontinentale, die nationale, die regionale, die lokale Ebene und die Nachbarschaftsebene.³ Für Smirnjagin gehört jede Identität, die „unter“ der nationalen Ebene angesiedelt ist, zur regionalen, wobei er allerdings auf die Eigenschaft der „Vielschichtigkeit“ und auf die „hierarchische Struktur“ eingeht.⁴ Petrow schreibt in seiner Analyse der Identitätsstruktur:⁵

...Auch wenn die territoriale Identität relativistischer Natur ist, erscheint es trotzdem möglich, deren fünf Hauptstrukturebenen (die lokale, die subregionale, die regionale, die makroregionale und die nationale Ebene) aufeinander zu beziehen, eine Pyramide der territorialen Identität aufzubauen und den Grad der Anbindung

---

¹ Петрученко О.: *Латинско-русский словарь* (Petrutschenko, O.: *Lateinisch-russisches Wörterbuch*). 11. Auflage. Lan, St. Petersburg u.a. 2003. S. 322.

² Paasi, Anssi: *Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. John Wiley & Sons, Chichester e.a. 1996. P. 37.

³ Keating, Michael: *ibid.* P. 7.

⁴ Смирнягин Л.В. (Smirnjagin, L.): a.a.O. S. 96, 104–106.

⁵ Петров Н.: *Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению* (Petrow, N.: *Herausbildung der regionalen Identität in russischen Regionen: gemeinsame Gesetzmäßigkeiten und Forschungsansätze*). S. 1. Quelle: www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering...Petrov.pdf (Abruf am 07.01.2011).

der Identität auf regionaler Ebene an die Verwaltungseinheiten, d.h. die Föderationssubjekte, zu identifizieren.

In der von Petrow vorgestellten Rangordnung der Identitäten nach Größe und Status des Gebiets, mit dem die Identifizierung erfolgt, bezieht sich die regionale Ebene auf ein Föderationssubjekt und die makroregionale Ebene auf einen Föderations- oder Wirtschaftsbezirk. Wie im Vorwort bereits erwähnt wurde, entspricht der Makroregion in unserem Buch die Region. Es bleibt zu präzisieren, mit welchen Gebieten im Fernen Osten die beiden anderen von Petrow unterschiedenen Ebenen — die subregionale und die lokale Ebene — gleichgesetzt werden können.

Selbst in dem seit langem erschlossenen europäischen Teil Russlands fällt es schwer, territoriale Gemeinschaften zu finden, die ausgeprägte Identitäten besitzen, ohne mit Gebieten und Republiken zusammenzufallen. Noch schwieriger ist es im Fernen Osten, wo die Geschichte der Erschließung der am dichtesten besiedelten Gebiete erst vor 150 Jahren begann.

Daher erscheint hier eine vierstufige Gliederung der Identität optimal: nationale Ebene = Russland → regionale Ebene = der Ferne Osten → subregionale Ebene = Föderationssubjekt → lokale Ebene = konkrete Ortschaft. Dabei sollte berücksichtigt werden, dass die Grenze zwischen der dritten und der vierten Ebene unscharf sein kann. Denn in fünf von acht Subregionen des Fernen Ostens (Tabelle 1) überwiegt der Anteil der städtischen Bevölkerung, und in allen Regionen mit Ausnahme der Amurregion und der Region Primorje gibt es eine monozentrische Siedlungsstruktur: Subregionale Hauptstädte dominieren das verwaltete Gebiet dermaßen, dass man kaum davon ausgehen kann, dass sich lokale Identitäten entwickeln, die sich wesentlich von der „hauptstädtischen“ unterscheiden würden.

In den Seminarergebnissen gibt es Ausnahmen von dieser hypothetischen Regel, die um so interessanter sind, als sie sich auf die Region Kamtschatka beziehen, wo $\frac{3}{4}$ der Gesamtbevölkerung in Städten und $\frac{3}{4}$ dieser drei Viertel in der Hauptstadt leben. Der Beitrag von Alina Kirillowa über die Stadt Jelisowo ist ein Musterbeispiel des lokalen Patriotismus. Von ihrer aktiven lokalen Identität zeugte auch die Position, die sie im Rundtischgespräch „Ost und West, zu Haus das best? Pro und Contra“ bezog. Andererseits schrieben und sprachen *alle* übrigen VertreterInnen der Kamtschatka-Universität von der gesamten Region

Tabelle 1

Die Bevölkerung der Städte* des Fernen Ostens und der subregionalen Hauptstädte zum 1.01.2009¹

Subregion	Gesamtbevölkerung, Tsd. Einwohner	Gesamte Stadtbevölkerung		Bevölkerung der Hauptstädte, Tsd. Einwohner	Bevölkerung der Hauptstädte im Verhältnis zu: (%)	
		Tsd. Einwohner	%		der Gesamtbevölkerung	der Stadtbevölkerung
Gebiet Magadan	163,0	105,0	64,4	99,0	60,7	94,3
Jüdisches Autonomes Gebiet	184,4	86,1	46,7	75,5	40,9	88,0
Region Kamtschatka	343,5	258,6	75,3	194,1	56,5	75,1
Region Chabarowsk	1 401,9	983,8	70,2	579,2	41,3	58,9
Autonomes Gebiet der Tschuktschen	49,5	21,9	44,2	11,8	23,8	50,6
Gebiet Sachalin	514,5	367,0	71,3	174,7	34,0	47,6
Gebiet Amur	864,5	465,2	53,8	206,7	23,9	44,4
Region Primorje	1 988,0	1 314,9	66,1	578,6	29,1	44,0

*Städtische Siedlungen nicht einbeschlossen.

¹ Zusammengestellt und errechnet nach: *Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2009. Стат. сб. (Regionen Russlands. Wichtigste sozioökonomische Daten zu den Städten. 2009. Statistischer Sammelband)*. Rosstat, Moskau 2009. S. 339, 343, 347, 351, 359, 359, 363, 367.

Kamtschatka und nicht von den Städten, in denen sie leben. Die regionale Hauptstadt wurde auch im Beitrag von Anastassija Jerochina, Tatjana Sachartschenko und Jewgenija Nikoljuk ausgeklammert. Offensichtlich ist die Naturkomponente der subregionalen Identität hier so stark, dass sie die Entwicklung und/ oder die Äußerung der lokalen Identität eines Stadtbewohners verhindert.¹

VII. Modulidentität und regionalzentristische Identität

Der Unterschied zwischen der positiven und der negativen Identität erstreckt sich auch auf die regionale Identität. Michail Krylow definierte sie, indem er sich nur auf die positive Seite konzentrierte. In seiner Interpretation nähert sich die regionale Identität der positiven Identität Eriksons stark an:²

Regionale Identität ist „*der Wille, an einem bestimmten Ort zu leben und sich zu entwickeln*“ und keineswegs das „Oblomow-Syndrom“. Wenn Energie die Fähigkeit ist, Arbeit zu verrichten, so *ist Identität die Fähigkeit zu soziokulturellem, zivilgesellschaftlichem und wirtschaftlichem Engagement* (Hervorhebung im Original).

Vor fast 200 Jahren proklamierte Puschkin eine untrennbare Verbindung zwischen der „Liebe zu den väterlichen Gräbern“ und zu der „trauten Brandstätte“ und der „Größe des Menschen“. Einige zeitgenössische amerikanische Forscher sind von einem rein positiven Ansatz der regionalen

---

¹ Die These, dass sich die Einwohner von Petropawlowsk-Kamtschatski im Unterschied zu den Einwohnern von Wladiwostok, Chabarowsk, Komsomolsk am Amur und Blagoweschtschensk eher mit der gesamten Halbinsel als mit der Stadt identifizieren, findet auch in der folgenden Äußerung im Internet Bestätigung: „*Petropawlowsk ist keine Stadt. Das ist eine städtische Siedlung. Wenn Ihre Kenntnisse und Fertigkeiten auch nur ein bisschen über Graben — Bauen - Reparieren — Verkaufen hinausgehen, werden sie hier einfach keine Verwendung finden.*“ Vgl.: *Вернешься ли ты жить на Камчатку? Да или нет и почему? (Wirst du nach Kamtschatka zurückkommen? Ja oder nein und warum?)* Quelle: http://vkontakte.ru/topic-6013_476920 (Abruf am 28.02.2011).

² Крылов М.: *Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России)* (Krylow, M.: *Russische regionale Identität als Fokus der soziokulturellen Situation (am Beispiel des europäischen Teils Russlands)*). In: *Логос (Logos)* 2005. Nr. 1 (46). S. 276. Quelle: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/46/11.pdf> (Abruf am 15.01.2011).

Identität überzeugt, da diese Identität „auf besonders warmen Gefühlen zum Wohnort, auf der Erinnerung an dessen Schönheit, Komfort und Vorzüge (auch wenn sie manchmal erfunden sind)“ gründet. Sie sind der Ansicht, dass die regionale Identität als Medizin gegen diverse Arten der Entfremdung zwischen Gruppen und gegen Phobien wie Rassismus dienen kann.¹ Im Grunde wird argumentiert, dass sich Identitätsarten nach dem *Potenzial der Einstellung zum Anderen* unterscheiden können, und nach diesem Parameter wird die regionale Identität als eine eher positive als negative Identität eingeschätzt.

Offenbar bedarf die These von dem „rein positiven Ansatz“ doch einer Präzisierung. Was auf einer Ebene der Identität gut ist, kann auf einer anderen Ebene zu einer Hürde für Verbesserungen werden. Am Beispiel des Förderationsbezirks Nordwest konnten zwei unterschiedliche Reaktionen auf die Versuche der Machtvertikale, den Integrationsgrad der Förderationssubjekte innerhalb dieses Förderationsbezirks zu erhöhen, aufgespürt werden. Im Zuge dieser Integration sollte die subregionale Identität (Gebietsebene) nicht durch die regionale (Bezirksebene) verdrängt, sondern bloß ergänzt werden. An einigen Stellen erfolgte diese Ergänzung, an anderen nicht; dementsprechend bezeichneten die Autorinnen der Studie die flexiblere subregionale Identität, die die Integration nicht erschwerte, als *Modulidentität*, und die andere, die sich abkapselte und die neue räumliche Komponente nicht akzeptierte, als *regionalzentristische Identität*.²

Im Extremfall kann die regionalzentristische Identität zu einer *ausschließenden* Identität mutieren. Hier ein populärer und fast offizieller Slogan: „Das Paradies ist so nah — und zwar in Krasnodar!“. Da das Paradies ein höheres, nicht für alle zugängliches, Gut ist und da es nur ein Paradies geben kann, betont dieser Slogan eine Überlegenheit, die den Anderen ausschließt. Er spiegelt die für Kuban charakteristische Situation der Abweisung der „Fremden“ wider. Deren Ablehnung wird auch stark

---

¹ Sinngemäß zitiert nach Smirnjagin. Vgl.: Смирнягин Л.В (Smirnjagin, L.): Ebd. S. 96.

² Vgl.: Nozhenko, M., Belokurova, E.: Regionale Identität in der Nordwest-Region Russlands im Kontext der interregionalen Integration. In: Auf der Suche nach Russland: Eine Reihe zur Identitätsdebatte. *Bd. 1. Russlands Nordwesten — St. Petersburg*. Hrsg.: Peer Teschendorf, Elena Belokurova, Maria Unrau. Intersozis, Sankt-Petersburg 2008. S. 123 — 142.

von der Anti-Migrationspolitik der regionalen Verwaltung gefördert;¹ deren Einfluss wäre aber weniger spürbar, wenn die regionale Identität der Bewohner von Kuban nicht eine *hypertrophierte* Vorstellung von der Exklusivität ihrer Region enthielte. Dies beweist, dass die warmen Gefühle der Heimat gegenüber noch nicht garantieren, dass sich die regionale Identität positiv äußert. Es ist außerdem erforderlich, dass die Auffassung von einem autonomen, nicht ortsabhängigen Wert der Menschenwürde verinnerlicht wird; nur in Verbindung damit wird die regionale Identität der Versuchung der Fremdenfeindlichkeit widerstehen können.

In mündlichen Beiträgen der TeilnehmerInnen der Trainings klang eine solche Exklusivität nicht einmal ansatzweise an. Auch wenn die Teilnehmenden dort, wo von der nationalen Identität die Rede war, unter einem starken Einfluss des sowjetischen Geschichtslehrbuch standen, zeigte keine(r) von ihnen bei der Fokusverschiebung auf die regionale Selbstidentifikationsebene einen militanten, engstirnigen Lokalpatriotismus. Das trifft auch auf ihre Texte zu: Selbst in den Beiträgen, in denen die Wahrnehmung des „eigenen“ Orts eindeutig subjektiv gefärbt ist — wie beispielsweise im gemeinsamen Essay von drei Studentinnen über Kamtschatka oder im eindrucksvollen Essay von Jelena Li über Chabarowsk — wird sie kein bisschen mit dem Streben nach Selbstbehauptung auf Kosten des Anderen vermischt.

VIII. Die Eingeborenen- und Einwanderungsidentität

Die in der Realität vielfältigen Entwicklungsmöglichkeiten der regionalen Identität können auf zwei idealtypische Modelle reduziert werden:

---

¹ Zu dem hohen Niveau der Fremdenfeindlichkeit in der Region Krasnodar und der Politik der regionalen Verwaltung, die dieses Niveau faktisch aufrechterhält, wurde viel geschrieben und gesagt — sowohl in den Massenmedien als auch in wissenschaftlicher Literatur. Daher werde ich mich auf den Verweis auf nur ein Werk beschränken, das besonders interessant ist, da dort erstens die Situation in Kuban mit der Situation in der Nachbarregion Stawropol verglichen wird und da der Autor zweitens nicht aus Russland stammt, so dass wir es in diesem Fall mit einer Außenwahrnehmung zu tun haben. Vgl.: Лайт, Мэттью: *Мигрант — регион — федерация: миграционная политика в Краснодарском и Ставропольском краях* (Light, Matthew: *Migrant — Region — Föderation: Migrationspolitik in den Regionen Krasnodar und Stawropol*). In: *Вестник Евразии (Westnik Jewrasii)*. 2008. Nr. 4 (42). S. 177–204.

das *Eingeborenen-Modell* oder die *kommunale* Identität und das *Einwanderungs-Modell* oder die *koloniale (Kolonisten-)* Identität. Im zweiten Fall entwickelt sich die Identität in einer natürlichen Umgebung, deren Geschichte erst beginnt, im ersten Fall in einer bereits historischen Umwelt, die mit ererbten Elementen der künstlichen Umgebung angereichert ist. Eine ausgeprägte Verkörperung des ersten Modells ist Italien (daher kann dieses Modell als italienisch bezeichnet werden), für das zweite Modell stehen die USA (amerikanisches Modell). Die Gemeinschaften, die sich nach dem amerikanischen Modell entwickelten (z.B. die Bevölkerung Argentinien, das eine stärkere räumliche als zeitliche Ausdehnung hat), beziehen sich eher auf die Landschaft als auf den Anderen. „People of the Italian model (small space, long time span), on the other hand, have identities more likely to be formed as reflections of the self in the eyes of others“.¹

Den zwei Modellen entsprechen zwei unterschiedliche Identitätstypen. Der Unterschied lässt sich gut anhand einer Metapher verdeutlichen. Der Eingeborenen-Typ ähnelt einem alten, jedoch üppig Früchte tragenden Baum, der von einem geduldigen Gärtner an einem Ort, d.h. in einer städtischen Gemeinde samt ihrem ländlichen Umkreis großgezogen wird. Räumliche Abgrenzung und die „Unbeweglichkeit“ im Raum, d.h. die intergenerationelle Kontinuität als selbstwahrnehmende Kultureinheit, sind die Umstände, die den „Geschmack der Früchte“ oder den Unterschied jeder Region Italiens von den anderen bestimmen. Diese Differenzen bleiben weiterhin auf der Basisebene der Kultur — in der Sprache — bestehen. Im Vorfeld der Vereinigung haben nur 2,5% der Bewohner der Halbinsel Hochitalienisch gesprochen.² Noch Mitte der 1950er Jahre wurde die Hochsprache von höchstens 12% der Landesbevölkerung richtig beherrscht. Heute greift ein Drittel der Italiener auf Dialekte zurück.³

Der Einwanderungstyp ist mit dem Ertrag zu vergleichen, der von unendlichen Weiten jungfräulichen Bodens geerntet wurde. Auch wenn sich das Neuland später in eine Kulturschicht verwandelt, und die Nachfahren des

---

¹ Romanucci-Ross, Lola: Matrices of an Italian Identity. In: Lola Romanucci-Ross, George A. De Vos (eds.). *Ethnic Udentity: Creation, Conflict, and Accomodation*, 3rd edition. 1995. P. 76.

² Hobsbaum E.J.: *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. New and Revised Edition. Canto, Cambridge (UK) e.a. 1994. P. 37–38.

³ Keating, Michael: *ibid.* P. 84.

brutalen Kolonisten, der es zum ersten Mal bestellte, zu Neurotikern der postindustriellen Gesellschaft werden, ist der Abstand zwischen ihnen und ihrem Vorfahren dem Pionier in historischen Dimensionen zu kurz, als dass die Kultur die tiefe Prägung der Erschließungserfahrung verlieren könnte. Es bleibt auch die Ableitung dieser Erfahrung bestehen: Das der Kolonisten-Identität zugrunde liegende Gefühl der unbegrenzten Möglichkeiten oder der Weltordnungsmission. Und obwohl heute, lange Zeit nach dem Erscheinen des berühmten Werks von Frederick J. Turner, in dem die These von einer systematischen Verbindung zwischen dem amerikanischen *self-made man*, den amerikanischen Werten und dem politischen System einerseits und den Phänomenen der beweglichen Grenze und der Erschließung wilder Natur andererseits aufgestellt wurde, diese Verbindung nicht mehr als eine direkte Folge interpretiert wird, bleibt ihre Existenz weitgehend unbestritten.¹

Lassen wir den kommunalen Typ, der für den Fernen Osten nicht relevant ist, beiseite und konzentrieren wir uns auf den dieser Region näher stehenden kolonialen Typ. Schaffen es die Bewohner des Fernen Ostens, um es mit den Worten Eriksons zu sagen, „to integrate this old image of insulated spaciousness with the new image of explosive global closeness“² — mit der Annäherung zur Welt der Globalisierung und des World Wide Web, des Postmodernismus und des Terrorismus, der neuen Pandemien und der steigenden Einwanderung aus dem Süden, die in den Gemeinschaften des Nordens immer häufiger als Bedrohung der Identität wahrgenommen wird? Wie reagiert die regionale Identität kolonialen Typs darauf? Eine Antwort können regionenübergreifende soziologische Studien bieten. Im Fokus einer solchen Studie, die allerdings bereits vor längerer Zeit, im Zeitraum von 1995 bis 1996, durchgeführt wurde, befand sich neben Moskau und dem Süden Russlands auch die Region Primorje. Aus den Studienergebnissen folgerte N. Dawydowa, dass sich im Fernen Osten im Rahmen des Einwanderungsmodells eine „recht eigenartige und in Hinsicht auf die vertretenen Werte und gewählten Verhaltensparadigmen anspruchsvolle

---

¹ Vgl.: Панарина Д.С.: *Фронтир как один из факторов и мифов американской истории* (Panarina, D.: *Frontier als ein Faktor und ein Mythos der amerikanischen Geschichte*). In: *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация* (Zeitschrift der Moskauer Universität. Folge 19. Linguistik und interkulturelle Kommunikation). 2010. Nr. 4., S. 80–88.

² Erikson, Erik H.: *ibid.* P. 69.

Bevölkerung“ herausgebildet hat, wobei die Werte eine ausgeprägte pragmatische Orientierung haben.¹

Auch wenn ich Dawydowa insgesamt zustimme, möchte ich einige Details präzisieren. Die Region hat nicht so sehr den pragmatischen Typ geprägt, sondern aus dem ganzen Land Menschen angezogen, die nicht auf der Suche nach Romantik, sondern nach Geld waren. Auch wenn es angesichts der klimatischen und sozialen Arbeitsbedingungen kein leichtes Geld war, war der Ferne Osten ein Ort des *bezahlten Risikos* und des *relativen Wohlstands*. Beides wurde zum Großteil durch staatliche Vergünstigungen garantiert: Umzugsgelder, Nordzuschläge, lange Urlaubszeiten u.a. Trotz des deutlich ausgeprägten kolonialen Identitätstyps, der sich hier von Anfang an etablierte, wurde der Ferne Osten nicht zum Pendant des Wilden Westens, da die tragende Kraft bei der Erschließung der Region doch vom Staat ausging. Im Unterschied zu US-Amerikanern waren russische „Kolonisten“ Teil eines alternativlosen Systems der Patronage- und Klientelverhältnisse mit dem Staat als Patron und den Zuwanderern (und später der indigenen Bevölkerung) als Klientel. Der soziale Typ eines eigenverantwortlichen, bei der Vertretung der gemeinsamen Interessen zu Solidarität fähigen Menschen hat sich, bei aller oberflächlichen Ähnlichkeit zu den USA, kaum entwickelt, und die Anknüpfung der Identität an die Staatsmacht war hier nicht schwächer, wenn nicht gar stärker, als in anderen Regionen der UdSSR ausgeprägt.

Hier birgt sich ein Grund für die im Artikel von Nadeshda Zoj gut veranschaulichte widersprüchliche Einstellung der Fernöstler zur Migrationswelle aus China und aus Zentralasien, die nach dem Zerfall der UdSSR in die Region strömte. Einerseits zeigen die Bewohner der Region, die größtenteils selbst Zuwanderer in der ersten, zweiten oder dritten Generation sind, nicht den Grad der Intoleranz „Fremden“ gegenüber, mit dem die Letzteren oft beispielsweise in der bereits erwähnten Region Krasnodar oder in Moskau konfrontiert werden können. Andererseits nehmen sie Auswanderer aus Tadschikistan, Usbekistan und China als eine potentielle Gefährdung der eigenen

---

¹ Vgl.: Давыдова Н.М.: *Региональная специфика сознания россиян (Regionale Spezifik des Bewusstseins der Russen)*. In: *Общественные науки и современность (Obschtschestwennyje nauki i sowremennost: Sozialwissenschaften und Gegenwart)*. 1997. Nr. 4. S. 23. Quelle: <http://es.ecsocman.edu.ru/data/172/222/1218/003Davydova.pdf> (Abruf am 04.01.2011).

Sicherheit wahr. In erster Linie ist diese Wahrnehmung durch ethnokulturelle Unterschiede der Neuzuwanderer in die Region zu erklären; das Gefühl der Gefahr resultiert aber auch aus dem Bewusstsein, dass in der Frage der Sicherheit kaum auf den gewohnten Patron, den Staat, zu hoffen ist, während die Fähigkeit, gemeinsam und aus eigenen Kräften für eigene Sicherheit zu sorgen, meistens fehlt.

X. Indikatoren und Marker der regionalen Identität

Im Grunde müssen wir, um zu verstehen, ob es in einer bestimmten Region eine eigene Identität gibt und wie stark sie ausgeprägt ist, drei Fragen beantworten: Wird die Region von den Bewohnern als ein besonderer und markierter Raum wahrgenommen; löst diese Wahrnehmung eine emotionale Reaktion aus; werden die kognitive Wahrnehmung und die emotionale Reaktion für solidarische Handlungen benutzt, mit denen auf die Region bezogene Ziele erreicht werden sollen?¹ Um Zweifel zu beheben, empfiehlt es sich, die regionale Identität mithilfe konkreterer Indikatoren, die jedoch nicht auf eine lokale Spezifik hinauslaufen, „abzutasten“, um die Existenz einer besonderen Identität in einem bestimmten Raum nachzuweisen. Für Russland wurde eine ausführliche Liste von Symbolen und Praktiken, mit denen die regionale Identität aufgedeckt werden kann, wenn sie wenigstens ansatzweise vorhanden ist, von Geographen entwickelt.² Werden die von ihnen genannten Symbole und Praktiken systematisiert und anschließend in Hinblick auf ihre funktionale Bedeutung interpretiert, so ergibt sich die folgende Gesamtheit von Indikatoren:

Indikator 1: Wiederbelebung/ Erfindung/ Durchsetzung von informellen nicht-pejorativen regionalen Namen und metaphorischen Bezeichnungen. Beispiel: Karelien = „Seeland“, „Land der Wälder und Seen“. Hier haben wir es mit einer diskursiven Praxis zu tun, die ein ganzheitliches Bild der Region formt und ein in seiner Primordialität und in seinem Naturbezug natürliches und daher im weitesten Rahmen anwendbares Nominationssymbol prägt, auf

¹ Keating, Michael: *ibid.* P. 86.

² Vgl.: Петров Н.: *Формирование региональной идентичности в регионах России...* (Petrow, N.: *Herausbildung der regionalen Identität in russischen Regionen...*). Quelle: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf (Abruf am 03.02.2011); Туrowsкий Р.Ф.: *Региональная идентичность в современной России* (Turowski, R.: *Regionale Identität im heutigen Russland*). Quelle: <http://www.bastion.ru/files/eb/REGIDENT.DOC> (Abruf am 08.01.2011).

das später wie auf einen Faden all die anderen Markierungen des regionalen Patriotismus gereiht werden.¹

Indikator 2: Rückkehr zu vorsowjetischen historischen Bezeichnungen in der regionalen Toponymik, z.B. Twer statt Kalinin. Oder Beibehaltung der sowjetischen Bezeichnungen, z.B. Kirow (nicht Wjatka). Beides sind gleichartige Erscheinungen, da es in beiden Fällen um die Bezugnahme auf Abschnitte historischer Zeit geht, die aus dieser Bezugnahme heraus eine symbolische Bedeutung erlangt.

Indikator 3: Ausarbeitung des Images der Stadt oder der Region. Das Ziel dabei ist, den Status mit der Zuweisung einer glorreichen Eigenschaft, die entweder „ureigen“, aber in Vergessenheit geraten, oder neugewonnen ist, zu erhöhen. Dies kann auf verschiedenen Wegen erreicht werden. Erstens durch die Wiederbelebung von „schmeichelhaften“ Metaphern: Nishni Nowgorod als „die Tasche“ Russlands. Zweitens durch eine assoziative Gleichstellung mit anderen berühmten Orten: Iwanowo als das russische Manchester. Drittens, indem der regionalen Hauptstadt ohne ausreichende reale Fundierung eine überregionale Hauptstadtrolle zugewiesen wird. Als Beispiel kann man den Schriftzug „Uljanowsk: die Hauptstadt der russischen Luftfahrt“ anführen, der beide lokalen Flughäfen zierte.² Und wenn man nach dem Prinzip „wer nichts wagt, kann nichts gewinnen“ vorgeht, kann man der eigenen Ortschaft ein Superlativ zuschreiben, ohne im geringsten auf die Realität Rücksicht zu nehmen. Ein Beispiel ist der Slogan „Tscherdakly: die Perle Russlands“ (s. Bild 1) bei der Einfahrt in eine Siedlung im Gebiet Uljanowsk, die zwar gepflegt ist, jedoch weder landschaftlich noch architektonisch herausragt.

Indikator 4: Aufstellung einer implizit (nach der Geburt) oder explizit (nach dem Aufenthalt in den Werdejahren) „organischen“ Verbindung mit der Region eines „*genii loci*“: eines Schriftstellers, Künstlers, Regisseurs, Feldherrn u.a. in den Massenmedien, in der Werbung, in Denkmälern usw. Durch die „Verwandtschaftsbeziehung“ mit einem Kulturhelden „eignet“ die Stadt oder die Region einen Teil des nationalen Kulturerbes „an“, wobei in

---

¹ Näheres dazu in: Цумарова Е.: *Образ Карелии: соотношение главных составляющих* (Zumarowa, Je.: *Das Bild Kareliens: Verhältnis der wichtigsten Komponenten*). In: *Вестник Евразии* (*Westnik Jewrasii*), 2006. Nr. 2 (32). S. 154–170.

² Dabei haben diese Flughäfen nach der Zahl der Personenflüge nicht einmal in der Wolgaregion Spitzenpositionen.

Bild 1. Slogan bei der Einfahrt in Tscherdakly.
(Quelle: <http://masmax.livejournal.com/21716.html>)

abgemilderter Form der erwähnte Anspruch auf die kulturelle Primogenitur aufgestellt wird. Ein markantes Beispiel ist die Betonung der Verbindung von Andrej Tarkowski mit der Stadt Jurjewez.¹

Indikator 5: Wiederum eine „aneignende“ Benutzung der Symbole, die auch außerhalb der Regionen, in denen sie sich befinden, Ansehen genießen oder ihrer historischen oder ästhetischen Bedeutung nach sogar von nationaler

---

¹ Vgl. dazu: Замятин Д., Замятина Н.: *Гений места и город: варианты взаимодействия* (Samjatin, D., Samjatina, N.: *Genius loci und die Stadt: Varianten der Wechselwirkung*). In: *Вестник Евразии (Westnik Jewrasii)*, 2007. Nr. 1 (35). S. 62–86.

Tragweite sind. Ein Beispiel ist die Herstellung einer untrennbaren verortenden Verbindung zwischen der Stadt Weliki Nowgorod und dem Denkmal zum tausendjährigen Jubiläum Russlands.

Indikator 6: Erschaffung einer regionalen Symbolik in der Gestalt einer Fahne, eines Wappens und einer Hymne. Anfänglich war dies für Republiken typisch, die damit den Anspruch auf völlige Souveränität der Titularnationen behaupteten, später weitete sich die Epidemie der Symbolisierung auch auf Gebiete und Regionen aus, in denen die lokale Verwaltung mit einer solchen Imitation der Staatlichkeit hoffte, den Status der Region (und damit den eigenen Status) zu erhöhen.

Indikator 7: Begehen von „Jubiläen“ mit wenigstens einer Null von berühmten Vertretern der Regionen, von regionalen Hauptstädten oder anderen Ortschaften der Regionen oder auch von den Regionen selbst. Diese ausgeprägten, ritualisierten Mysterienspiele verankern im Falle eines Stadtjubiläums die Vorstellung von der kulturellen Primogenitur der Stadt (1000-jähriges Jubiläum von Kasan) oder von deren Ebenbürtigkeit mit national bedeutenden Zentren (1000-jähriges Jubiläum von Jaroslawl). Oder es geht um die historische „Zugehörigkeit“ der Stadt/ der Region zum Kern der nationalen Staatlichkeit und Kultur (300 Jahre seit dem Beitritt von Kamtschatka zu Russland).

Indikator 8: Unterstützung der lokalen Sportvereine durch die Verwaltung, die Wirtschaft und die Fans. Deren Namen enthalten meistens einen direkten Hinweis auf die Region, wie beispielsweise der Name des Fußballklubs aus Grosny „Terek“ oder des Hockeyklubs aus Kasan „Ak-Bars“.¹ So wird der Appell an den Lokalpatriotismus institutionalisiert, wobei die suggestive Konsolidierung der lokalen Gemeinschaft auf der Basis dieses Patriotismus auch in Praktiken der Fans ihren Ausdruck findet.

Indikator 9: Entwicklung von besonderen, kulturellen und materiellen, „Visitenkarten“ der Regionen, die zwangsweise zu Produkten des

---

¹ Die erste Bezeichnung stellt eine nicht ganz eindeutige Anbindung mithilfe eines Hydronyms her (Terek fließt nicht nur durch Tschetschenien), die zweite ist zielgerichteter, da sie, wie N. Petrow anmerkte (vgl.: Петров Н. (Petrow, N.): a.a.O. S.13), eine Anspielung auf das Wappentier von Tatarstan, den Schneeleoparden, enthält. Allerdings ist sie für den „Binnenmarkt“ bestimmt, da die Menschen, die außerhalb von Tatarstan leben, dessen Wappenkunde in der Regel nicht kennen. In Kasachstan ist der Schneeleopard auch ein Nationalsymbol, so dass der Name der Mannschaft von Kasan auch in dieser Hinsicht angreifbar ist.

Massenkonsums werden. Das sind beispielsweise Lieder über die Stadt oder die Region wie die „Moskauer Nächte“. Es können aber auch Bezeichnungen von „niedereren“, aber sehr beliebten Artikel sein. Als erstes kommen hier zahlreiche regionale Wodkasorten in den Sinn: auf den Flaschenetiketten kommen auf eine gewisse Weise historische, soziale Merkmale oder die Naturspezifik zum Ausdruck.¹ In beiden Fällen handelt es sich wirklich um „Visitenkarten“: die Ersteren werden oft gesungen und zitiert, die Letzteren werden, richtigen Visitenkarten ähnlich, häufig Freunden in anderen Regionen oder Besuchern überreicht. Der Appell ist hier analog zum vorangehenden Fall: mit dem Unterschied, dass im ersten Fall der Aufruf zur regionalen Solidarität durch einen emotionalen Einfluss und im zweiten Fall durch alltäglichere, jedoch nicht minder beliebte Konsumgewohnheiten im Bewusstsein verankert wird.

Neben Indikatoren, die verschiedenen Regionen gemeinsam sind, können spezifische, d.h. sich zumindest in dieser Konstellation nie wiederholende räumliche Marker identifiziert werden, die bewusst oder unbewusst von den Bewohnern gesetzt werden. Hier ist der Raum für subjektive Interpretationen besonders groß; trotzdem ist es Nadeshda Zoj offensichtlich gelungen, in ihrem Artikel solche Marker für Wladiwostok tatsächlich zu finden. Ich zitiere sie hier noch einmal: 1) inoffizielle Hauptstadt des Fernen Ostens, 2) Hauptstadt der Region Primorje, 3) Stadt mit zeitweiligen Einwohnern, 4) Rand Russlands, 5) Stadt des Wassers und 6) Stadt japanischer Autos. Nur der erste und der zweite Marker treffen ausschließlich auf Wladiwostok zu. Den Titel des „Randes Russlands“ beansprucht, wie wir in den Antworten der TeilnehmerInnen des Trainings gesehen haben, der gesamte Ferne Osten; als ein „Gebiet der zeitweiligen Einwohner mit Kurzzeitorientierung“ kann wiederum die gesamte Region gebrandmarkt werden; als eine „Stadt des Wassers“ kann Petropawlowsk-Kamtschatski nicht weniger als Wladiwostok gelten; und japanische Autos füllen die Straßen von allen fernöstlichen und vielen sibirischen Städten. Doch in Verbindung mit den beiden ersten und in Kombination miteinander bilden diese Marker, auch wenn sie sich

---

¹ Deren beeindruckende Liste für den Beginn des neuen Jahrtausends führt Petrow in einem Sonderanhang an (vgl.: Петров Н. (Petrow, N.): a.a.O. S. 21–29). Allerdings wurden viele der von ihm aufgezählten Sorten von anderen abgelöst oder sind unter dem Druck der Großhersteller wie der Moskauer Brennerei „Kristall“ verschwunden.

an anderen Stellen wiederholen, tatsächlich einen einmaligen Satz der „Markierungen“ einer bestimmten Stadt des Fernen Ostens.

X. Identität und Exotisierung

Zu Beginn der 1980er Jahre schlug der Archäologe und Anthropologe Jonathan Friedman eine Unterscheidung zwischen der traditionellen, der modernistischen und der postmodernistischen Identität vor, wobei die Letztere in zwei Ausprägungen vorkommt: als eigentlicher Postmodernismus und als kultureller Revivalismus. Friedman zufolge wird bei der traditionellen Identität das soziale Selbst einer Person nicht von dem kulturellen getrennt, da diese gänzlich von der Stellung der Person im gesellschaftlichen System bestimmt wird.¹ Die modernistische Identität „is epitomized by the notion of the self-developing individual, rootless yet constantly evolving to new heights“.² Der eigentliche Postmodernismus fördert die Hinwendung zum Primitiven — nicht so sehr als eine zu verinnerlichende Entität, sondern als Form oder Mittel, das die Befreiung von vereinheitlichenden Ketten der Zivilisation ermöglicht (oder besser die Illusion dieser Befreiung erzeugt). Im Revivalismus wird eine neue kulturelle Identität durch die Suche von *Exotischem* in der Zeit (in der Vergangenheit der eigenen Kultur) oder im Raum (in fremden peripheren Kulturen) erlangt.³ Diese Suche wurde im Diskurs der TeilnehmerInnen der Kamtschatka-Trainings sichtbar.

Das macht sich schon bei der Wahl der Themen für Essays über die Heimatstadt bemerkbar: genau die Hälfte befasst sich mit besonderen, ungewöhnlichen Aspekten der Natur des Fernen Ostens und der Kultur seiner Bewohner. Die Titel sprechen für sich: „Besonderheiten der traditionellen Kultur der indigenen Völker der Halbinsel Kamtschatka“, „Besonderheiten der Kultur der Region Kamtschatka“, „In der Welt der Rentiermenschen“, „Chabarowsk — ein Holzmärchen an der chinesischen Grenze“ usw. In jedem einzelnen Fall ist der Fokus auf das Besondere nicht mit dem Streben nach Exotik gleichzusetzen, gemeinsam weisen diese Fälle jedoch auf eine bestimmte Tendenz hin. Zum Teil war sie durch die Aufgabe, über die *Wohnorte* der VerfasserInnen zu schreiben,

---

¹ Friedman, Jonathan: *Cultural Identity and Global Process*. Sage Publications, London e.a. 1994. P. 30–31.

² *Ibid.* P. 39.

³ *Ibid.* P. 79–80.

vorgegeben; doch gerade die Texte, die am stärksten zur Exotik tendieren, sagen nichts über diese Orte aus, auch wenn sie den Leser oder die Leserin nicht über die Grenzen des Fernen Ostens hinaus bringen. Sie stechen in der Regel auch aus der gesamten Reihe hervor: entweder weil das Beschriebene wirklich ungewohnt ist: wie im Text von Maria Teplouchowa, der den Umzug erfolgreicher Geschäftsleute mit russischem Hintergrund aus Uruguay in eine gottverlassene, ums Überleben kämpfende Taiga-Siedlung, die von ihren Vorfahren gegründet worden war, schildert,¹ oder in Hinsicht auf die Struktur des Handlungsverlaufs, die implizit so stark von dem Leben in der Heimatstadt distanziert wird, dass die Stadt an sich aus dem Blickfeld der AutorInnen verschwindet. Hier kann als ein eindrucksvolles Beispiel die bereits mehrmals erwähnte Erzählung von drei Verfasserinnen über Kamtschatka genannt werden, in der Petropawlowsk-Kamtschatski fast nicht präsent ist, obwohl zwei der Koautorinnen dort ständig leben und nicht viele andere Orte gesehen haben. Oder aber die Texte fallen durch den Stil auf, der leuchtend, reich an Metaphern, bald ganzheitlich apologetisch, bald hin-und-hergerissen, polemisch ist, jedoch immer gleichermaßen davon zeugt, dass die Problematik des Revivalismus den Verfasser oder die Verfasserin nicht gleichgültig lässt.

Hier sind zwei eindrucksvolle Beispiele (Hervorhebung: S. P.).
Erstes Beispiel:²

Der Norden des Gebiets Amur ist eine der wenigen Ecken unseres Planeten, die (...) bis in die Mitte des 20. Jahrhunderts hinein *fast unberührt* geblieben ist. Ein Stadtbewohner, den es dorthin verschlägt, wird den Eindruck nicht los, dass er sich in der „*märchenhaften Taiga*“ befindet, die *wild und Angst einflößend ist, zugleich aber mit ihrer Erhabenheit verzaubert und fesselt*. Hundertjährige Lärchen und Pappeln beeindrucken mit ihrer Form und Größe; neben ihnen fühlt man sich nicht mehr als „Herr der Schöpfung“, so erhaben und schön sind sie.

---

¹ Vgl.: Теплоухова М.: Возвращение на землю предков: новая старoverческая община Приморья, её проблемы и перспективы (Teplouchowa, M.: Rückkehr ins Land der Vorfahren: neue Gemeinde der Altgläubigen in Primorje, ihre Probleme und Perspektiven). Manuskript. Archiv des Bildungs-, Forschungs- und Publikationszentrum „Westnik Jewrasii“.

² Воронкова Е.: В мире оленных людей (Woronkova, Je.: Im Land der Rentiermenschen). Manuskript. Archiv des Bildungs-, Forschungs- und Publikationszentrum „Westnik Jewrasii“.

Riesige dunkle Fichten, die ihre mit Moosspitzen geschmückten Äste weit ausstrecken, verstärken den Eindruck von Märchen und versetzen in eine *besondere, geheimnisvolle Welt*... In dieser Welt trifft man nicht selten auf einen Bären oder einen Elch, kann man immer noch dem Isubrahirsch und dem Moschustier begegnen. Hier kann man zwei Wochen lang in eine Richtung gehen, ohne einen einzigen Menschen zu treffen. Trotz der globalen ökologischen Krise sind die Flüsse hier immer noch rein, die Luft ist noch frisch, der Schnee ist weiß und bleibt so bis zum Frühling. Während in der fernen, hektischen Welt Kriege beginnen und enden, der Dollarkurs steigt und fällt, leuchten die Moore hier jeden Sommer unverändert blau mit reifen Rauschbeeren, und im Herbst bedeckt sich die Taiga mit einem roten Preiselbeerteppich. Hier stehen Bergketten in schweigender Erhabenheit, aus deren Gletschern die Quellen der Flüsse speisen, die nach unten, zu den ganz von Flechten bedeckten Hügeln strömen. Hier lebt und hütet die Rentiere seit Jahrhunderten ein *einzigartiges und eigenständiges Volk* — die *Ewenken*...

Zweites Beispiel:¹

Unsere Gegenwart birgt immer noch die einzige Möglichkeit der Rettung von der Unstimmigkeit der eigenen Logik, die das gesamte 20. Jahrhundert begleitet, wie eine Flamme auf das 21. Jahrhundert überspringt und sich in einer tiefen existenziellen Sehnsucht *nach dem in der Hektik der Entfremdung verlorenen Selbst* äußert. Und während wir uns selbst hinterherjagen und zugleich von dem eigenen Schatten weglaufen, strecken uns unsere unterdrückten Nachbarn mit einem unbefangenen Lächeln ihre „primitive“ helfende Hand entgegen, die wir, im Entsetzen über den Abgrund der eigenen Verzweiflung, angewidert abweisen.

Wer streckt uns diese metaphorische Hand entgegen und worin besteht die Metapher?

Es ist die Hand des Sklaven, der die erlöschende Flamme unserer *menschlichen*, historischen Entwicklung hält — die Flamme, die der urzeitliche Mensch aus Steinen erzeugte oder dem grausamen Blitz, der

---

¹ Водорезова Е.: Зеркало «Аватара», или То, что мы отказываемся видеть (видеть не хотим) (Wodoresowa, Je.: „Avatars“ Spiegel: Das, was wir uns weigern zu sehen (nicht sehen wollen)). Manuskript. Archiv des Bildungs-, Forschungs- und Publikationszentrum „Westnik Jewrasii“.

einen Baum getötet hatte, abgewann. Nur dieser Sklave ist glücklich, da er mit der eigenen Natur und mit der Natur überhaupt eins ist. Wir bezeichnen diese Einheit als Un-Zivilisiertheit, Urtümlichkeit und Primitivität — alles Worte mit einer negativen Konnotation. Und auch wenn die Konnotation durch die Verneigung vor der politischen Korrektheit wegfällt, spukt deren Geist über *dem wachsenden Interesse an traditionellen Kulturen und Gesellschaften*, deren Inseln es in dem sechsten Ozean der Noosphäre immer noch gibt.

Mit seiner Verschiebung zum Osten deutet der Pol der wirtschaftlichen Stabilität auf die Quelle eines neuen Paradigmas des philosophischen Denkens, das im Wettstreit mit kartesischen Ideen reifte und aus deren Fehlern lernte. Als *Synthese aus dem bewussten Existenzialismus und dem überbewussten Animismus*, als eine Vereinbarung des Unvereinbaren ist es für den an der Rettung verzweifelten westlichen Rationalisten umso begehrenswerter. *Wir, die wir im Fernen Osten leben und uns als Erben des europäischen Westens betrachten, haben die Chance, diese undenkbbare Synthese mit Leben zu erfüllen*, wenn wir unseren durch die langjährige Entwicklung der Wissenschaft relativierten Blick auf die indigene Bevölkerung der Region richten, die sich im Vergleich zu den Zuwanderern schon in Unterzahl befindet. Doch nur den Blick — einen aufmerksamen, suchenden, wissensdurstigen Blick, und nicht die allmächtigen, schöpfenden, unersättlichen Hände. Dem Blick wird auch unsere Seele folgen, die ihre unmittelbare Animalität und das rein Natürliche noch nicht eingebüßt hat.

Es liegt mir fern, die unbewusste Entfremdung von städtischem Milieu mit einer ganz bewussten, weltanschaulichen Entscheidung für einen neuen Primitivismus völlig gleichzusetzen. Es ist aber kaum zu bestreiten, dass sowohl das Unbewusste als auch das Bewusste — zumindest in der Weise, in der sie sich in den Texten äußerten, - sich auf einen Pol der Präferenzstruktur zubewegen, der begründet auf die postmodernistische Identität bezogen werden kann. Es ist hier allerdings von einem eigenartigen Postmodernismus die Rede. Wie es *erworbenes* (mit Lebenspraktiken des „Ich“) und *erteiltes* (aus den Worten anderer eingepägtes) Wissen geben kann, so sind in jeder Identität Vorstellungen verkörpert, die einerseits Ergebnisse der Selbstwahrnehmung, Ableitungen aus meinen persönlichen Erfahrungen und der Erfahrung „meiner“ Kollektivität und andererseits durch den Anderen herangetragene Produkte der Außenwahrnehmung sind. Auch die exotis-

ierende Komponente der fernöstlichen Identität ist nur teilweise ein örtliches Produkt und wird zum Großteil von dem mythologisierten Bild der Region abgeleitet, das außerhalb entstanden ist, doch von den Bewohnern der Region verinnerlicht wurde. Dabei zeigen Ergebnisse von diversen Tests, die den TeilnehmerInnen der Kamtschatka-Trainings vorgelegt wurden, deutlich, dass in ihren Normvorstellungen wie bei allen Russen Altes auf eine skurrile Art neben Neuem existiert.¹ Die pro-revivalistische Komponente der fernöstlichen Identität ist ebenfalls nicht nur von postmodernistischen Innovationen, sondern auch von dem sowjetischen weltanschaulichen Erbe geprägt. Ich meine die Poetisierung der Natur, die die Kinder und Enkel von ihren Eltern und Großeltern erben, für die der Sumpforst, der „irgendwo auf den Hügeln“ blüht, bereits mehr bedeutete als das Postulat von der Erzwingung der „Gunst der Natur“, wie auch die Poetisierung des „Naturmenschen“. Die Letztere entwickelte sich in der UdSSR aus zwei Gründen. Eine Rolle spielte erstens die staatliche Publikationspolitik, die den Zugang zu der zensierten Version der großen Mythen der Weltkultur ermöglichte, unter anderem zu dem Mythos vom „edlen Wilden“ (eine entscheidende Rolle spielte hier nicht der moralisierende Rousseau, sondern der spannende Fenimore Cooper). Zweitens pries die Propaganda die Erfolge der staatlichen Politik in Hinsicht auf Völker, die später als indigene, zahlenmäßig kleine Völker bezeichnet wurden, hoch. Denn im Massenbewusstsein wird das Objekt der Wohltätigkeit zwangsweise zu einem *der Wohltaten würdigen* Objekt — und an die Stelle eines keineswegs idealen Eingeborenen aus Fleisch und Blut trat ein „das Verdienst bekräftigendes“ exotisches Bild des von der Zivilisation unverdorbenen Naturmenschen, der glücklich im Einklang mit der Natur lebt.

---

¹ Vgl. die Einschätzung der Religionskomponente im Bewusstsein eines Russen: „Auch wenn das verdrängte Transzendente in sein Leben tritt, so geschieht es nicht auf einmal, sondern qualvoll und allmählich. Er sucht aus Gewohnheit im Profanen nach Erlösung, jedoch nicht mehr mit gemeinsamen Anstrengungen, sondern jeder für sich, für seine Familie, für seinen Clan. Dabei missachtet er die Interessen anderer in einem Ausmaß, der in der zivilisierten Gesellschaft unzulässig ist <...> Wenn er seine Identität mit der Regierung verbindet, wird er nicht gesetzestreu; im Gegenteil: er stellt das Gesetz seinem Privatinteresse in Dienst“ (Рыклин М.: *Коммунизм как религия: интеллектуалы и октябрьская революция* (Ryklin, M.: *Kommunismus als Religion: Die Intellektuellen und die Oktoberrevolution*). Nowoje literaturnoje obosrenije, Moskau 2009. S. 117).

XI. Regionale vs. nationale Identität

Der Zusammenbruch der UdSSR warf die Frage nach dem Verhältnis zwischen der regionalen und der nationalen Identität mit aller Schärfe auf. Eine entscheidende Rolle spielten beim Zusammenbruch zentrifugale Aspirationen der Titulareliten und die Hochkonjunktur von nationalistischen Einstellungen in den Unionsrepubliken; es ist aber auch wichtig, dass die Leitung der Republiken und die lokalen Nationalisten, die den Unabhängigkeitskurs einschlugen, es schafften, die Unterstützung von großen Gruppen der russischen oder russisch akkulturierten Bevölkerung zu erhalten. Diese Bevölkerung ließ sich in ihrer Wahl neben Hoffnungen auf wirtschaftliche Gewinne aus der Unabhängigkeit und der Unzufriedenheit mit der Hauptstadt, die „alles wegnimmt“, von regionalen Loyalitäten leiten. So beeinflussten sie zweifelsohne die Ergebnisse des 1991 durchgeführten ukraineweiten Referendums, als auf die Frage „Stimmen Sie der Verkündung der Unabhängigkeit der Ukraine zu?“ eine überzeugende Mehrheit auch in „russischen“ Gebieten mit „ja“ antwortete.¹

In welchem Verhältnis stehen denn die regionale Identität insgesamt und die fernöstliche im Einzelnen zu der nationalen, also zu der russischen? Darauf gibt es zwei Antworten. Der ersten zufolge ergänzt die regionale Identität die nationale, ohne dass es zu einem Konflikt kommt.² Die zweite Antwort besagt, dass die zwei Identitätsarten etwa wie kommunizierende Gefäße zueinander stehen: nimmt die eine zu, so nimmt die andere ab. Diese Antwort hat ihrerseits zwei Ausprägungen: entweder ist die regionale Identität stärker als die nationale (d.h. sie dominiert über die Letztere und stößt diese ab) oder umgekehrt.

Die Option des Vorrangs der regionalen Identität belegt der Uraler Soziologe G. Korepanow mit Ergebnissen von Umfragen der Bewohner von

---

¹ So sprachen sich 83,9% der 76,7% der Wähler, die den Urnengang im Gebiet Donezk gemacht haben, für die Unabhängigkeit aus, ein gleich großer Anteil von 80,7% der Wähler im Gebiet Luhansk und 86,3% von 75,7% im Gebiet Charkiw. Vgl.: Украина. Референдум о Независимости 1991 (Die Ukraine. Das Unabhängigkeitsreferendum von 1991). In: *Электоральная география 2,0. Политика на карте (Wahlgeographie 2,0. Politik auf der Landkarte)*. Quelle: <http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/u/ukraine/ukraine-independence-referendum-1991.htm> (Abruf am 01.03.2011).

² Vgl. z.B.: Смирнягин Л.В. (Smirnjagin, L.): a.a.O. S. 97; Туровский Р.Ф. (Turowski, R.): a.a.O. S. 13.

drei Subregionen des Gebiets Tjumen (Süd, Jugra, Jamal), die er mit ähnlichen Daten aus Umfragen von 2006 — 2009 in Tschuwaschien, der Region Perm und den Gebieten Uljanowsk und Omsk verglich. Überall lautete die Frage: „Inwiefern fühlen Sie sich Menschen aus ... nah (Zugehörigkeit) oder fern („Fremde“)?“ Die Frage wurde durch auf unterschiedlichen Ebenen angesiedelte Ortsbezeichnungen ergänzt, und auf der Basis der Antworten wurde der *Koeffizient der Näheintensität* als Verhältnis zwischen der Zahl der Personen, die von einer Nähe sprachen zu der Zahl der Personen, die keine Nähe spürten, errechnet. Der so ausgerechnete Koeffizient der Nähe zu Moskau schwankte zwischen 0,1 und 0,8, zu Russland zwischen 0,3 und 0,9. Ergo:¹

Zu charakteristischen Besonderheiten der heutigen Situation in Russland gehört erstens eine drastische Distanzierung der Bewohner der peripheren Regionen von der Hauptstadt des Landes und zweitens die Tatsache, dass Russen nicht nur die „globale Identität“, sondern auch die „russlandweite Identität“ als abstrakte Gemeinschaften betrachten.

Eine alte soziologische Weisheit lautet: „Wie die Frage gestellt ist, so wird auch die Antwort sein.“ Der Fokus der Frage auf die Nähe gibt den Gemeinschaften, die sich sozusagen in der Nähe der Befragten befinden, einen „Vorsprung“, was in einem Ergebnis resultiert, das keine korrekten Schlussfolgerungen über die Stärkeverhältnisse der territorialen Identitäten auf verschiedenen Ebenen ermöglicht. Unterschiede zwischen den Einwohnern verschiedener Länder werden ebenso nivelliert. So ergaben die Umfragen im unbeschwerten Frankreich bei einem ähnlichen Fokus auf die empfundene „Nähe“ die gleiche Konstellation der territorialen Loyalitäten wie im problematischen Russland: Am stärksten wird die Verbindung zu der „eigenen“ Stadt oder dem „eigenen“ Dorf empfunden, dann kommt die Region und die Nation und als letztes rangiert Europa.² Außerdem aktivierte die Frage im Bewusstsein der Befragten Bilder von „Menschen“, wobei die Regionen mit allen dazugehörigen sozialen Charakteristika und Stereotypen ausgeblendet wurden. Was die Identifizierung mit Russland und mit der ganzen Welt angeht, so wurden diese möglicherweise nicht aus dem Grund abgelehnt, dass die Befragten nicht zu Bürgern Russlands oder „Erdbewohnern“ gehören wollen, sondern weil im Kontext der anfangs

¹ Корепанов Г.С. (Korepanow, G.): a.a.O. S. 278–279.

² Keating, Michael: ibid. P. 88.

angebotenen konkreten Identifizierungen die abstrakten Identifizierungen nicht mehr als wesentlich empfunden wurden. Wäre die Frage in einem anderen, z.B. in einem internationalen, Kontext gestellt, so würde die russlandweite Identität sehr stark erklingen.

Beschränkt man sich auf den Fernen Osten, so widerlegen die Ergebnisse der indirekten Tests der Teilnehmenden der Kamtschatka-Trainings gänzlich die Schlussfolgerung von der Schwäche der nationalen Identität im Vergleich zu der regionalen. Im Gegenteil: In dem Maße, wie die TeilnehmerInnen der Trainings als typische VertreterInnen der gebildeten Jugend gelten können, belegten ihre Meinungen und Äußerungen, dass in dieser Bevölkerungsgruppe, die die Zukunft der Region verkörpert, die fernöstliche Identität schwächer als die nationale ausgeprägt ist. Gleiches gilt auch für das Verhältnis zwischen der subregionalen und der nationalen Identität.

Somit unterstützt die Bewertung der Situation im Fernen Osten die Sichtweise, der zufolge die nationale Identität in Russland viel besser als die regionale entwickelt ist. Ein eifriger Verfechter dieser Meinung ist Nikolaj Petrow, der davon ausgeht, dass „die regionale Ebene der territorialen Identität“ bereits vor den Katastrophen der Sowjetzeit „zwischen der lokalen und der nationalen unterging. In einem Agrarland, das Russland zum Großteil war, hätte es auch kaum anders sein können.“¹ Zur Bestätigung verweist Petrow auf das Wörterbuch von W. Dal, in dem regionale Spitznamen schwach belegt sind. Ich möchte hier darauf hinweisen, dass es außerdem das Buch „Erzählungen des russischen Volkes“ von I. Sacharow gibt, aus dem M. Saltykow-Schtschedrin für seine Satire „Geschichte einer Stadt“ zahlreiche Beinamen von Bewohnern verschiedener Regionen Russlands schöpfte. Man denke nur an solch farbenreiche Bezeichnungen wie *Morshejedy* (etwa: Walrossfresser, für Bewohner von Archangelsk und dem Umland), *Dolbjoshniki* (etwa: Meißelstemmer, für Bewohner von Nowgorod), *Kurolessy* (etwa: Spitzbuben, für die Bewohner des Gebiets von Brjansk), *Rukossui* (etwa: Stümper, für die Einwohner von Tschuchloma), *Kossobryuchije* (etwa: Schiefwampen, für die Einwohner von Rjasan)!² In

---

¹ Петров Н. (Petrow, N.): a.a.O. S. 2–3.

² Vgl. den Kommentar und die Anmerkungen von G. Iwanow zur „Geschichte einer Stadt“ in der Ausgabe: Салтыков-Щедрин М.Е.: *Собрание сочинений в 20 т. Т. 8.* (Saltykow-Schtschedrin, M.: *Gesammelte Werke in 20 Bänden. Bd. 8.*) Chudoshestwennaja literatura, Moskau 1969. S. 555.

Sibirien wurde das Bewusstsein der regionalen Identität von den „Oblastniki“ (den sibirischen Regionalisten der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts) fast zur Konzeptualisierungsebene erhoben.¹ Und in einigen „Ecken“, wie z.B. in den Siedlungsgebieten der Altgläubigen im Erz-Altai, in der Region Urjanchaj und in Transbaikalien oder der Kosaken an der Kolyma, bildeten sich starke Identitäten auf subregionaler Ebene heraus. Allerdings gründete den Beschreibungen der Ethnographen zufolge² die Selbstwahrnehmung dieser Gruppen als Gemeinschaft trotz der starken Anbindung an ein Gebiet nicht auf territorialer, sondern auf konfessioneller oder ständischer Zugehörigkeit. Für den Fernen Osten stimmt die Schlussfolgerung von der schwachen Ausprägung der regionalen Identität im Zarenreich aber ohne jegliche Vorbehalte. „Schuld“ daran ist allerdings nicht die Natur des Agrarstaates, sondern der Charakter (Kolonisierung durch Siedler) und das (hohe) Tempo der Erschließung der Region.

Petrow stellte zwei Hypothesen auf. Der ersten Hypothese zufolge ähnelt die „Pyramide der territorialen Identität (...) einer Sanduhr mit einer breiten Basis (lokale Ebene), einem breiten Kopfteil (nationale Ebene) und einem engen Hals in der Mitte, welcher der besagten regionalen Ebene entspricht.“ Nach der zweiten haben „die politische und die ethnische Identität (...) auf regionaler Ebene in der Regel die schwächste Ausprägung, wobei die kulturell-historische Identität stärker als auf der lokalen und

---

¹ Als Beleg kann auf die Publizistik von G. Potanin verwiesen werden, vgl.: Потанин Г.Н.: *Избранные сочинения в 3 т. Т. II. Общественно-политические произведения* (Potanin, G.: *Ausgewählte Werke in 3 Bänden. Bd. 2. Gesellschafts-politische Schriften*). Staatliche Torajgyrow-Universität zu Pawlodar. TOO NPF „ЕКО“, Pawlodar 2005.

² Vgl. z.B.: Татаринцева М.П.: *Старообрядцы в Туве. Историко-этнографический очерк* (Tatarinzewa, M.: *Altgläubige in Tuwa. Historisch-ethnographische Skizze*). Nauka, Nowisibirsk 2006; Болонев Ф.Ф.: *Семейские. Историко-этнографические очерки* (Bolonev, F.: *Die Semejskije-Altgläubigen. Historisch-ethnographische Skizzen*). Burjatskoje knishnoje isdatelstwo, Ulan-Ude 1985. Vgl. auch: Тан-Богораз В.: *Союз молодых. Роман о северной жизни* (Tan-Bogoras W.: *Union der Jungen. Roman vom Leben im Norden*). Chabarowskoje knishnoje isdatelstwo, Chabarowsk 1963. Es ist zwar ein Roman, der Alltag der Kolyma-Kosaken ist dort aber nicht schlechter geschildert als in wissenschaftlichen Schriften von Bogoras.

schwächer als auf der nationalen Ebene und die ökonomische am stärksten ausgeprägt ist.⁴¹

Die Ergebnisse der Trainings und die Texte der TeilnehmerInnen legen Korrekturen dieser Hypothesen nahe. Am Beispiel Kamtschatkas habe ich bereits gezeigt, dass die Identität, die in der Begrifflichkeit Petrows regional heißt (Regionen = Föderationssubjekte) und die wir subregional nennen, im Fernen Osten zwar schwächer als die nationale, jedoch stärker als die lokale ausgeprägt sein kann. Und die These von der Vorrangstellung der ökonomischen Identitätskomponente auf regionaler Ebene lässt sich im Fernen Osten überhaupt nicht bestätigen. Denn die Region ist nicht nach innen integriert, da die Wirtschaftsbeziehungen des Fernen Ostens nach außen führten und weiterhin führen: früher in die fernen (häufiger) und nahen (seltener) Regionen Russlands, heute in die USA/ nach Alaska, nach China, Korea und Japan. Andererseits fehlen in Petrows Liste der Identitätsaspekte die eigentlich territorialen, d.h. mit der Natur und der Lage verbundenen, Bestandteile. Dabei sind Charakteristika wie die Entfernung, die Isoliertheit oder die Unberührtheit (saubere Umwelt) für den gesamten Fernen Osten wie für jeden beliebigen Teil der Region genauso wichtig wie politische oder kulturelle und historische Aspekte. Mehr noch: Genau diese Charakteristika haben das größte Integrationspotential, das in eine Konsolidierung der regionalen fernöstlichen Identität münden kann. Denn ohne die Subregionen zu trennen, bilden diese Merkmale den Kern der Einzigartigkeit sowohl jeder einzelnen von ihnen, als auch ihrer Gesamtheit.

Wie wir sehen, sind in Russland Konflikte zwischen der regionalen und der nationalen Identität eher Ausnahmen, die die Regel bestätigen und der Ferne Osten gehört keineswegs zu diesen Ausnahmen. Es gibt einen anderen Antagonismus, und zwar zwischen der Hauptstadt und der Provinz. Natürlich ist die Provinz in der Wahrnehmung eines Provinzlers, der einen Groll gegen Moskau hegt, keine abstrakte Kategorie: sie ist insofern lokal, als eine Person, selbst wenn sie im Namen aller Provinzbewohner spricht, die abstrakte Provinz mit der „eigenen“ Region gleichsetzt. Genauso wird die Hauptstadt, auch wenn man dort nie gewesen ist, schnell in räumlichen Bildern verortet. Gewöhnlich spielen diese Bilder — Symbole der Macht, des unrechtmäßigen Reichtums, der Ungerechtigkeit — jedoch die Rolle der Belege nicht so sehr

---

¹ Петров, Н. (Petrow, N.): a.a.O. S. 2.

für die Wahrnehmung des Ortes, als vielmehr der Beziehung zwischen den Orten — der Hauptstadt und der Provinz.

XII. Regionale vs. soziale Identität

Und wie ist das Verhältnis zwischen der sozialen und der regionalen Identität? Welche hat einen stärkeren Einfluss auf die Zielsetzung und die Lebensführung der Person? Wenn unter der sozialen Identität die Gleichsetzung mit einer Gruppe beliebiger Größe und Provenienz verstanden wird, so hat sie gegenüber der regionalen Identität zumindest den Vorteil, dass sie von einer territorialen Anbindung frei ist. So schloss die Nähe, in Hinsicht auf das Alter, gemeinsame Tätigkeiten und Erholungsmuster und eine neue, gemeinsam erlebte Erfahrung die TrainingsteilnehmerInnen aus verschiedenen Regionen zu einer einheitlichen, zwar temporären, jedoch ihre besondere Identität deutlich wahrnehmenden, Gruppe zusammen. Allerdings spendete die Mitgliedschaft in dieser Gruppe ein Gefühl der Zugehörigkeit, ohne den Verzicht auf die gewohnte territoriale Identifizierung zu verlangen. Grundsätzlich schließen die hohe Flexibilität, Mobilität und Varietät der sozialen Identifizierungen, die einem modernen Menschen zur Verfügung stehen, solche Fälle fast aus, in denen man zu einer dramatischen Entscheidung zwischen zwei Identitätsarten gezwungen wäre. Was passiert aber, wenn diese Wahl doch erforderlich wird?

Hier werde ich mich auf eine Analyse der stark typisierten, häufigen und für die Personen der Altersgruppe, mit der wir den Inhalt dieses Buches gemeinsam erarbeitet haben, d.h. für junge Menschen, relevanten Wahl beschränken. Das ist die Wahl zwischen der sozialen Identität, die als Belohnung der Anstrengungen, die vertikale soziale Mobilität zu erlangen, *erwartet* wird, und der regionalen Identität, die durch die Geburt oder einen längeren Aufenthalt an einem Ort bereits *vorhanden* ist.

Über die Lösung dieses Dilemmas kann die Präferenzstruktur in Bezug auf das Studium Aufschluss geben. Als Beispiel wurde die Staatliche Amur-Universität ausgesucht. Liest man den Beitrag von Irina Nowikowa, so sieht man klar, mit welcher Brisanz sich das Problem der Jugendbeschäftigung im Gebiet Amur präsentiert. Im Beitrag ist auch von einem unabänderlich hohen Interesse der jungen Menschen an einem Studium die Rede. Die Statistik der Studienanfänger und Absolventen der Amur-Universität (Tabelle 2) zeigt, dass in der Wahrnehmung der Schulabsolventen und/ oder ihrer Eltern der soziale Aufstieg mit

Tabelle 2

**Staatliche Amur-Universität, 2009: Studienanfänger und Absolventen,
nach Studiengängen geordnet¹**

Studiengang	Bewerbungen		Vergebene Studienplätze		Absolventen	
	Anzahl	%	Anzahl	%	Anzahl	%
Mathematik	18	0,22	15	0,72	17	1,00
Angewandte Mathematik und Informatik	97	1,20	25	1,19	20	1,18
Angewandte Mathematik und Physik	32	0,40	14	0,67	-	-
Physik	175	2,17	65	3,10	23	1,35
Psychologie	227	2,81	120	5,72	82	4,82
Jura	600	7,43	304	14,50	190	11,16
Journalismus	39	0,48	21	1,01	15	0,88
Philologie und Linguistik	49	0,61	12	0,57	49	2,88
Übersetzen und Translatologie	122	1,51	27	1,29	43	2,53
Religionswissenschaft	209	2,59	45	2,15	67	3,94
Werbung	67	0,83	9	0,43	-	-
Sozialarbeit	268	3,32	119	5,67	79	4,64
Soziologie	177	2,19	34	1,62	43	2,53
Sozialpädagogik	119	1,47	40	1,91	60	3,52
Design	136	1,68	31	1,48	18	1,09
Innendesign	53	0,66	11	0,52	10	0,59
Angewandte Kunst	50	0,62	9	0,43	8	0,47
Weltwirtschaft	264	3,27	36	1,72	26	1,53
Finanzen und Kreditwesen	423	5,24	120	5,72	163	9,58
Steuern und Besteuerung	403	4,99	46	2,19	-	-
Rechnungswesen, Analyse und Management-Audit	395	4,89	88	4,20	109	6,40
Marketing	281	3,48	21	1,00	31	1,82
Zollwesen	454	5,62	106	5,05	-	-
Handelswesen	247	3,06	43	2,05	45	2,64
Warenkunde und Qualitätsmanagement	186	2,30	42	1,96	25	1,47
BWL und Unternehmensführung	240	2,97	41	1,96	33	1,94

¹ Zusammengestellt und errechnet nach: <http://www.edu.ru/abitur/act.3/ds.6/isn.19/okpo.02069763/index.php> (Abruf am 11.11. 2010).

Studiengang	Bewerbungen		Vergebene Studienplätze		Absolventen	
	Anzahl	%	Anzahl	%	Anzahl	%
Organisationsmanagement	278	3,44	41	1,96	74	4,35
Soziokulturelle Dienstleistungen und Tourismus	260	3,22	82	3,91	48	2,82
Geologische Kartierung, Untersuchungen und Exploration	86	1,06	41	1,96	13	0,76
Energieversorgung von Unternehmen	169	2,09	16	0,76	-	-
Schutz und Automatisierung der Stromversorgungssysteme	129	1,60	16	0,76	17	1,00
Stromkraftwerke	171	2,12	16	0,76	12	0,70
Stromversorgungssysteme und –netze	190	2,35	23	1,10	23	1,35
Stromversorgung	273	3,38	91	4,34	44	2,58
Automatisierung technologischer Prozesse	134	1,66	26	1,24	28	1,64
Informatik und Rechentechnik	11	0,14	10	0,48	-	-
Informationsverarbeitungs- und Steuerungssysteme	131	1,62	30	1,43	26	1,53
Informationssysteme und -technologien	140	1,73	30	1,43	39	2,29
Textiltechnik	44	0,54	9	0,44	11	0,65
Bekleidungstechnik	62	0,77	18	0,86	14	0,82
Bekleidungsentwicklung	52	0,64	10	0,48	44	2,58
Technologische Sicherheit	159	1,96	63	3,00	35	2,06

Studienrichtungen verknüpft wird, die nicht mit Produktion oder Kultur verbunden sind. Allein für das Jurastudium haben sich 2009 mit 600 fast so viele Personen beworben, wie für sämtliche Studiengänge, die der Branchenspezifik der regionalen Wirtschaftsstruktur entsprechen, wie „Energieversorgung von Unternehmen“, „Schutz und Automatisierung der Stromversorgungssysteme“, „Stromkraftwerke“ und „Stromversorgungssysteme und –netze“, zusammen (659 Bewerber). Den Absolventenzahlen zufolge war der Anteil derjenigen, die vor fünf Jahren ein Juristendiplom anstrebten, fast 2,5mal so hoch wie der Anteil der werdenden Stromversorgungsexperten: respektive 11,16 und 4,46%. Ganz zu schweigen davon, wie klein im Vergleich zu der Masse der künftigen Rechtsexperten die Gemeinschaft derjenigen ist, die bereit

sind, in Geologenteams als Mückenfutter zu dienen: nur 86 gegen 600 Personen. Zählt man die Bewerbungen für Studiengänge, die durch den Zugang zu Waren- und Geldströmen locken, zusammen, dann werden die Geologen und die Mathematiker zu einer verschwindend kleinen Gruppe.

Im Gegensatz zu Sowjetzeiten gehören zu den heutigen „Leuchtturmberufen“ nicht die Stelle eines Chefingenieurs in einem Betrieb, ganz zu schweigen von Geo- oder Archäologen, sondern die Berufe des Bankangestellten, des Geschäftsführers oder des hochrangigen Polizeibeamten. Mit anderen Worten ist die perfekte Ausprägung einer sozialen Identität die Zugehörigkeit zu einer Gruppe, deren „Aktentaschen“-Status im heutigen Russland eine lohnende Beschäftigung mit fast zwangsläufigen Korruptionsboni verspricht. Die in Tabelle 2 veranschaulichten Präferenzen werden aber nicht nur von Spekulationen auf eine renommierte und gutbezahlte Arbeitsstelle bestimmt. Sie speisen sich auch aus der Hoffnung, dass es für einen Absolventen eines nicht an eine konkrete Region „angebundenen“ Studiengangs — so wie Geologie, Stromversorgung oder Landwirtschaft an das Gebiet Amur angebunden sind — einfacher ist, in Großstädten mit einem Übergewicht an Verwaltung und Kultur, wie Chabarowsk, Nowosibirsk oder Moskau, eine Beschäftigung zu finden. Dort stehen die Chancen eines Managers oder eines Juristen besser als die Chancen eines Geologen oder eines Agrarwissenschaftlers. Auch wenn die frischgebackenen Manager und Juristen in einem Gebiet festsitzen, in dem die Nachfrage nach diesen Berufen bereits gesättigt ist, neigen sie trotzdem stärker zur Migration als diejenigen, deren Studium den Anforderungen der regionalen Wirtschaft entspricht. Die Entscheidung für die projektive soziale Identität in einer Wahlsituation weist auf die schwache Ausprägung der kreativen, d.h., *nach Erikson, der positiven Identität* selbst auf lokaler und subregionaler Ebene hin, von der regionalen ganz zu schweigen.

* * *

Zum Schluss werde ich noch einmal auf die Besonderheiten unserer „Stichprobe“ eingehen. Als Befragte hatten die TeilnehmerInnen der Trainings den unbestreitbaren Vorteil, dass sie nicht nur die wichtigsten Subregionen des Fernen Ostens und die soziale Gruppe, die in der Zukunft das regionale Bewusstsein merklich verändern kann, vertraten, sondern sich

auch als auf Dialog eingestellte, reflektierte Menschen erwiesen. Ein großer Gewinn war ihre *forschende* Teilnahme als „lokale“ Experten. Dank der einzigartigen Verknüpfung ihrer Positionen als Erkenntnisobjekt und –subjekt konnte das Problem der regionalen Identität sowohl aus unterschiedlichen räumlichen Perspektiven (wie die Sichtweise von Wladiwostok oder von Komsomolsk am Amur), durch das Prisma der nicht bewussten Wahrnehmungsstereotype als auch als Reflexions- und Diskussionsgegenstand betrachtet werden. Daher können wir behaupten, dass die Quellenbasis des Buches dem Problem der regionalen Identität angemessen ist. Natürlich darf der Leser/ die Leserin auch die Einschränkungen, die eine solche Quelle mit sich bringt, nicht vergessen: sie eignet sich weniger für sichere Schlussfolgerungen, sondern vielmehr für Fragen und Hypothesen.

Ich werde es mir aber erlauben, einige Schlüsse zu formulieren, die mir bereits an dieser Stelle zuverlässig erscheinen, wobei ich es in Frage- und Antwortform tun werde.

1. Gibt es eine räumliche Identität, die von einer inneren Gleichsetzung des Individuums/ der Gruppe mit dem Fernen Osten ausgeht? Nein — wenn man ein in sich geschlossenes Phänomen meint. Ja — wenn man die immer typischer werdende Reaktion auf „Außenreize“ berücksichtigt, zu denen vor allem die Einrichtung des Föderationsbezirks Fernost, die Zunahme der grenzüberschreitenden Beziehungen und von außen kommende stereotype Vorstellungen und Mythen vom Fernen Osten gehören.

2. Wie stark sind im Fernen Osten „unter“ der regionalen Ebene angesiedelte Identitäten ausgeprägt? Die wichtigste Rolle spielt die subregionale Identität, wobei sie aufgrund des Monozentrismus vieler Subregionen nicht eindeutig von der lokalen abgegrenzt werden kann.

3. Welche Indikatoren bestätigen die Präsenz einer regionalen und subregionalen Identität im Fernen Osten? Für die Erstere lässt sich nur eine regionale metaphorische Bezeichnung mit Sicherheit nachweisen („der Vorposten/ die Hochburg Russlands im Osten“). Für die Letztere können mehrere Indikatoren genannt werden (offizielle Symbole, Sportvereine, lokale Wodkasorten), ihre Palette ist aber kleiner als in vielen anderen Föderationssubjekten. Dies bekräftigt die These von der relativ schwachen Ausprägung der territorialen Anbindung in lokalen Gemeinschaften.

4. Sind räumliche Identitäten im Fernen Osten in ihren individuellen und persönlichkeitsbezogenen Ausprägungen positiv, sowohl der Selbstempfindung (positive Emotionen) als auch dem Inhalt (kreative

Einstellung zum Leben) nach? Nach dem ersten Parameter sollten sie als vorrangig positiv, nach dem zweiten eher als negativ bezeichnet werden.

5. In welcher Beziehung stehen sie zu bekannten Identitätstypen und –modellen? Sowohl die regionale als auch die subregionale Identität im Fernen Osten sind Zuwanderungsidentitäten, in deren Struktur die exotisierende Naturkomponente überwiegt. Beide werden vom Postmodernismus/Revivalismus beeinflusst; dabei steht ihre historische Komponente nach wie vor unter starkem Einfluss der Mythen-Ideologeme der Sowjetzeit. Die subregionale Identität kann eindeutig als Modulidentität eingestuft werden.

6. In welchem Verhältnis stehen sie zu der nationalen und der sozialen Identität? Die regionale und die subregionale Identität sind im Fernen Osten schwächer als die nationale ausgeprägt, wobei sie diese eher ergänzen als ihr gegenübergestellt werden; in Wahlsituationen werden beide der projektiven sozialen Identität zum Opfer gebracht.

В ПОИСКАХ РОССИИ

Серия публикаций к дискуссии об идентичности

Том 3

ВОСТОЧНАЯ РОССИЯ — ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

*Под общей редакцией
Райнхарда Крумма, Сергея Панарина,
Феликса Хетта, Светланы Михайловой*

Составитель, ответственный редактор Сергей Панарин
Редактор Светлана Михайлова

Компьютерный макет Н. Пашковской

Подписано в печать 27.05.2011
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 28. Уч.-изд. л. 30.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Интерсоцис».
191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

Отпечатано с диапозитивов в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40